

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»
На правах рукописи

Терещук Андрей Андреевич

**КАРЛИСТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, доцент
Белоглазова Елена Владимировна

Санкт-Петербург
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	17
1.1. Понятие дискурса и основные направления дискурсивных исследований	17
1.2. Историческая дискурсология и дискурс о прошлом	37
1.3. Определение, формы и функции политического дискурса	48
1.4. Направления исследования политического дискурса	71
Выводы к главе 1	92
ГЛАВА 2. ДИСКУРС КАРЛИЗМА: ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	94
2.1. Идеологическая эволюция карлистского движения в XIX–XX вв.	94
2.2. Направления изучения карлистского дискурса	138
2.3. Источники изучения карлистского дискурса	163
Выводы к главе 2	189
ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАРЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ	192
3.1. Идеологемы карлистского институционального дискурса	195
3.1.1. Ядерные идеологемы карлистского дискурса	200
3.1.2. Периферийные идеологемы карлистского дискурса	220
3.2. Коммуникативные тактики и стратегии в институциональном дискурсе карлизма	246
3.2.1. Коммуникативная стратегия на понижение	250

3.2.2. Коммуникативная стратегия на повышение	261
3.2.3. Коммуникативная стратегия театральности	270
3.3. Интердискурсивные стратегии информационно-психологической войны в карлистском политическом дискурсе	287
Выводы к главе 3	302
ГЛАВА 4: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КАРЛИСТСКИЙ ДИСКУРС	305
4.1. Карлистский газетно-публицистический дискурс	308
4.1.1. Карлистский газетно-публицистический дискурс в период гражданских войн (1833–1868)	308
4.1.2. Карлистский газетно-публицистический дискурс в период парламентской борьбы (1868–1936).....	326
4.1.3. Карлистский газетно-публицистический дискурс после 1936 г.....	343
4.2. Карлистская мемуаристика как инструмент политической пропаганды.....	360
4.3. Карлистский политический дискурс в художественной литературе	384
Выводы к главе 4	397
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	401
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	411
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	475
ИСТОЧНИКИ	476
ПРИЛОЖЕНИЯ	491
Приложение А. Фрагменты некоторых текстов, анализируемых в работе	491
Приложение В. Плакат «Записывайтесь в Рекете!» (1930-е гг.)	515
Приложение С. Бургундский крест – символ карлизма в XX–XXI вв.....	516
Приложение D. Карлистские периодические издания	517
Приложение Е. Стикер фанатов футбольного клуба «Леванте», использующий слоган карлистского движения (2025 г.).....	530
Приложение F. Текст песни «Cálzame las alpargatas» (1870-е гг.)	530
Приложение G. Версии текста марша Ориаменди.....	532

Приложение Н. Статья в «La Gazette de France» с сообщением о смерти Т. де Сумалакарреги (28 июня 1835 г.)	535
Приложение I. Первая страница газеты «El Siglo Futuro» (17 февраля 1936 г.) ...	536
Приложение J. Фотография в издании левых карлистов «El Federal» (2024 год, № 90).....	537
Приложение К. Пуговица гвардейской пехоты (1841 г.)	537

ВВЕДЕНИЕ

Изучение дискурса как сложного коммуникативного феномена, объединяющего в себе динамический и статический аспекты, является одним из актуальных направлений в современном языкознании. Во второй половине прошлого столетия лингвистика дискурса и лингвистика текста выделились как отдельные области науки о языке. В этот период дискурсивные исследования развивались преимущественно в синхронической перспективе, однако в последнее десятилетие особенную актуальность приобрело изучение дискурса в диахронии. «Дискурс <...> неизбежно меняется в процессе эволюции общественного уклада и трансформации мировоззренческих моделей, господствующих в массовом сознании», – пишут крупные отечественные специалисты по теоретическим проблемам текста и дискурса В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин [Карасик, 2021: 16]. Одним из наиболее перспективных для рассмотрения в диахронической перспективе является политический дискурс, существование которого прослеживается на протяжении всей истории развития человеческой государственности.

Диссертационное исследование посвящено изучению политического дискурса карлизма – консервативного военно-политического движения в Испании, представляющего собой ценный для диахронической дискурсологии материал, поскольку, появившись в 1833 г., данная дискурсивная разновидность продолжает существовать до настоящего времени, являясь уникальным по временному охвату четко очерченным политическим дискурсом.

Участие в карлистском движении принимали не только уроженцы Испании, но и выходцы из других стран. Таким образом, еще одной важной особенностью

объекта исследования является то, что карлистское дискурсивное сообщество всегда было полилингвальным.

Карлизму посвящены многочисленные научные работы авторов из Испании, России, США и стран Западной Европы. В частности, специалисты обращаются к анализу его истории (А. Бульон де Мендоса, М. Феррер, М. Лоуренс, А. Каридад, П. Рухула, Х. Р. Уркихо), идеологии (Ю. В. Василенко, А. Вильхельмсен, Ж. Канал, Х. Мильян, К. Секо Серрано, Г. М. Эчеваррия), отражению в литературе (В. П. Ефименко, К. Делано, Р. Гутьеррес, А. Комесанья). Актуальным направлением исследований в последние несколько лет стало изучение карлистской прессы (Х. Л. Агудин, Л. Бланшар, А. Поке, Х. Марти, Ф. Х. Каспистеги). В то же время карлистский дискурс как языковой феномен остается практически не изученным как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Эта тема затрагивается в отдельных статьях и диссертационных исследованиях (С. В. Протасенко, А. Вильхельмсен, А. Висент, П. Гомес Ногалес, П. Гордон, А. Дюпон, М. Р. Гутьеррес Каррерас, Э. Карписо, Ж. Канал, Ж. К. Клементе, М. Лоуренс, П. Рухула, Х. К. Сенент, Ф. Суарес, Р. Трульен, Х. Р. Уркихо, Р. Фейхоо), но при этом до сих пор не было проведено комплексного анализа карлистского политического дискурса с учетом многообразия его жанровых форм, полилингвальности и многовековой эволюции.

Актуальность исследования, во-первых, связана с интересом языкознания к системному анализу политического дискурса в контексте глобального пересмотра политических отношений в современном мире, что обусловлено релевантностью лингвистической интерпретации данных, полученных в результате исследований в смежных научных областях. Данная интерпретация определяет междисциплинарный характер работы, являющийся одним из приоритетов для гуманитарных наук в XXI в.

Во-вторых, актуальность исследования обусловлена его направленностью на карлистский политический дискурс, представляющий интерес не только как непосредственный объект изучения, имеющий непреходящее значение и на

протяжении уже двух столетий влияющий на политическую ситуацию в Испании и в Европе в целом, но и как уникальный материал для политической дискурсологии, характеризующийся полижанровостью, полилингвальностью и наличием сменяющих друг друга исторических формаций, но при этом сохраняющий узнаваемость и самоидентичность.

В-третьих, актуальность вызвана тем, что в настоящее время карлистское движение переживает серьезный кризис, что делает целесообразным обобщение и анализ длительной истории его политического дискурса.

Объектом исследования является карлистский политический дискурс, эволюционирующий, но сохраняющий свое единство как коммуникативный и семиотический феномен на протяжении всей истории своего существования в полилингвальном коммуникативном пространстве.

Предметом исследования являются лингвистические особенности исследуемого дискурса, обуславливающие самоидентичность и узнаваемость дискурса на протяжении всего периода его существования, в том числе при экспансии в область внешних по отношению к его родине лингвокультур.

Целью диссертации является выявление ядерных маркеров карлистского политического дискурса в разных жанровых формах в полилингвальном коммуникативном пространстве, а также анализ качественных изменений, происходивших в данной дискурсивной разновидности на протяжении всей истории ее существования.

Для достижения поставленной цели планируется решение следующих **задач**:

- определить понятия ‘политический дискурс’ и ‘карлистский дискурс’ с опорой на исследования отечественных и зарубежных ученых и сформулировать основные принципы анализа политического дискурса в диахронической и полилингвальной перспективе;
- рассмотреть коммуникативные тактики и стратегии, характерные для карлистского политического дискурса, и выявить композиционно-стилистические

и функционально-прагматические особенности текстов, относящихся к данной дискурсивной разновидности;

- проследить динамику изменений политической коммуникации в рамках карлистского дискурсивного сообщества и проанализировать основные тенденции развития карлистского политического дискурса в диахронии;
- выделить ядерные маркеры карлистского политического дискурса и проанализировать их функционирование в разных лингвокультурах;
- выявить закономерности переноса концептов испаноязычной карлистской политической культуры в манифестации данной разновидности дискурса на других языках.

В качестве **гипотезы** выдвигается предположение, что участники карлистского движения образовывали коммуникативное сообщество, объединенное общими дискурсивными практиками. Политический дискурс данного сообщества как лингвосемиотический способ отражения окружающего мира и осуществления политической деятельности цементировался рядом лексико-семантических, синтаксических и прагматических особенностей, которые позволяют выделить его в качестве отдельной разновидности политической коммуникации в испанском и ряде других языков Европы. В диахронической перспективе некоторые особенности данной дискурсивной разновидности претерпевали изменения; при этом концептуальное ядро карлистского дискурса сохранялось неизменным на протяжении 193 лет.

Материалом исследования являются тексты разных жанров (программные документы, манифесты, газетные статьи, мемуары, художественные произведения и др.) на испанском, английском, немецком, французском, каталанском, итальянском и русском языках, относящиеся к карлистскому дискурсу как к одному из способов осуществления политической деятельности. Общую эмпирическую базу исследования составили тексты 71 документа, газетные статьи из 67 выпусков карлистских периодических изданий, 37 мемуарных и художественных произведений.

Методологическая база исследования сформирована с учетом сложности, языковой и жанровой неоднородности объекта исследования и включает в себя системно-структурный, функционально-семантический, лингвостилистический, интерпретативный, дескриптивно-аналитический методы анализа текста, метод дискурсивного анализа и метод контент-анализа.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в результате исследования разработан инновационный междисциплинарный подход в рамках антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания; карлистский политический дискурс впервые рассмотрен как единое лингвосемиотическое явление, существовавшее в полилингвальном коммуникативном пространстве и сохранявшее свое концептуальное ядро на протяжении почти двухвековой истории; проведен анализ диахронических изменений в использовании коммуникативных тактик и стратегий в карлистском дискурсе; впервые в исследовании карлистского дискурса, ассоциируемого с испанской лингвокультурой, предпринят анализ его разноязычных разновидностей и межъязыковых корреляций; эмпирическая база политической дискурсологии расширена за счет персонального политического дискурса, причем ряд произведений художественной литературы и мемуаристики впервые изучаются в контексте политической коммуникации.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых в области:

- теории дискурса и текста (В. А. Андреева, Н. Д. Арутюнова, Р. Барт, М. М. Бахтин, Е. В. Белоглазова, Р. Водак, И. Р. Гальперин, Дж. Гамперц, Б. М. Гаспаров, Е. А. Гончарова, А. Г. Гурочкина, Т. ван Дейк, Ж. Деррида, В. Дресслер, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, В. Кинч, Ю. Кристева, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Е. Н. Молодыхенко, С. Т. Нефедов, Дж. Остин, М. Пеше, П. Серио, Дж. Р. Серль, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов,

К. А. Филиппов, Ч. Филлмор, М. Фуко, Н. Фэркло, Д. Хаймс, З. Харрис, В. Е. Чернявская, О. С. Чеснокова, Е. И. Шейгал, И. А. Щирова);

- исторической дискурсологии (А. Висент, П. Гомес Ногалес, М. П. Диас-Баррадо, А. Дюпон, Е. Ю. Ильинова, О. Н. Кондратьева, Э. Косериу, Л. А. Кочетова, А. П. Миньяр-Белоручева, Дж. Покок, А. М. Прилуцкий, П. Рухула, Р. Трульен, Е. В. Тулубеева, Х. Уайт, Р. Фейхоо, С. Л. Фирсов, И. Ф. Янушкевич);

- политической лингвистики (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, А. Грамши, Е. А. Гринина, А. П. Клемешев, Э. Лаклау, М. В. Ларионова, М. А. Марусенко, О. Л. Михалева, Ю. П. Мурзин, Е. А. Нуньес Кабесас, Е. Кампос-Домингес, Н. Карпентьер, Л. В. Моисеенко, Ш. Муфф, М. М. Раевская, Н. Б. Руженцева, А. П. Сковородников, Б. Спольски, Р. Фаулер, Д. Фишман, А. А. Хабаров, Э. С. Херман, Н. Хомский, П. Чилтон, А. П. Чудинов, Г. Ф. Шиффман, М. Эдельман).

Теоретическая значимость работы обусловлена изучением политического дискурса коммуникативного сообщества, существовавшего в полилингвальном пространстве; разработкой принципов диахронического изучения карлистского политического дискурса, которые могут быть использованы при анализе языка других дискурсивных сообществ; уточнением концептуальных подходов к изучению коммуникативных тактик и стратегий и к анализу речевого манипулирования в политическом дискурсе; анализом семантики ряда ключевых идеологем карлистского дискурса в XIX–XXI вв., в том числе при их трансфере в иные лингвокультуры; объединением диахронического и полилингвального измерений в изучении дискурса, которое вводит в научную практику дискурсивных исследований новый методологический подход диахронической интерлингвокультурной дискурсологии.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его материалов в ходе проведения занятий по лингвистике текста, политической лингвистике, истории испанского языка, а также истории,

географии и культуре стран первого изучаемого языка (испанский) и страноведению. Кроме того, результаты диссертационного исследования могут представлять релевантность для политтехнологов и специалистов в области международных отношений.

Положения, которые выносятся на защиту:

1. Анализ карлистского политического дискурса в диахронической перспективе позволяет выделить инвариантные черты, характеризующие его на протяжении всей истории существования во всех жанровых и языковых формах, а также проследить динамику языкового варьирования, обусловленного экстралингвистическими факторами, связанными с политическими, социально-экономическими и культурными изменениями в обществе.

2. Информационно-психологическая война, целью которой является целенаправленное речевое воздействие на население и идеологическая реконцептуализация действительности у реципиента, представляет собой явление, свойственное не только современному информационному обществу, но и характерное для более ранних эпох, в частности, для Нового времени. Ряд методов ведения информационно-психологической войны, распространенных в XXI в., фиксируются в текстах, относящихся к карлистскому дискурсу, уже в XIX–XX вв.

3. Участники карлистского движения представляют собой коммуникативное сообщество, появившееся в 1833 г. в качестве объединения наиболее консервативной части испанского общества и продолжающее существовать до настоящего времени. Идеология карлизма за почти двухвековой период существования претерпела существенные изменения, включая трансформацию традиционно правоконсервативного дискурса в левый, однако стержневые идеологические установки оставались неизменными (традиционализм, критика либерализма, апелляция к ценностям католицизма, монархическая идея). Именно готовность к идеологическим модификациям обусловила столь долгое существование карлистского движения. Карлистский дискурс трансформировался, однако его ключевые концепты сохранялись.

4. К маркерам карлистского политического дискурса мы относим его лингвистические особенности, фиксирующиеся на протяжении всей истории его существования во всех жанровых и языковых вариантах. К ним относятся идеологемы *Dios* («Бог»), *Patria* («Родина»), *Rey* («Король»), *Fueros* («Фуэрос»), *Tradición* («Традиция»), эволюционирующие с течением времени, но сохраняющие ключевые компоненты значения, формирующие их мировоззренческую направленность.

5. Существенными чертами карлистского политического дискурса являются смешение политических и религиозных элементов и жесткое противопоставление между «добром» и «злом», представленное такими концептуальными оппозициями, как *Religión* («религия») – *ateísmo* («атеизм»), *Rey* («Король») – *revolución* («революция»), *carlismo* («карлизм») – *liberalismo* («либерализм»).

6. Институциональный карлистский дискурс монологичен. Хотя в составе карлистского движения с момента его появления присутствовало большое число иностранцев, декларируемой целью карлизма был захват власти именно в Испании, и испанский язык выполнял роль официального средства коммуникации в карлистском движении. При этом другие разновидности карлистского дискурса функционировали в полилингвальном пространстве, что позволяет рассматривать карлистский политический дискурс в целом как пример транслингвального дискурса, выходящего за рамки своего матричного языка и внутреннего социально-политического контекста и транслируемого в область иноязычных лингвокультур, но сохраняющего при этом узнаваемые черты.

7. Основные идеологемы и концепты испаноязычного карлистского дискурса заимствовались в другие лингвокультуры, в которых сохраняли свое значение. При этом в иноязычных (неиспанских) разновидностях персонального карлистского дискурса отмечаются уникальные интерлингвополитические особенности, обусловленные различиями в политической культуре разных стран. Таким образом, персональный карлистский дискурс представлял собой

неоднородное по идеологическим и языковым параметрам динамичное дискурсивное поле.

8. Для карлистского политического дискурса характерно использование ряда коммуникативных тактик и стратегий, направленных на оказание воздействия на аудиторию. Употребление некоторых из них фиксируется на протяжении всей истории карлистского дискурса, что позволяет рассматривать их как его характерную черту; однако инвариантность стратегий сопровождается вариативностью коммуникативных тактик, в выборе которых прослеживается экстралингвистическая историческая обусловленность.

9. Для персонального карлистского дискурса в сравнении с институциональным характерно большее разнообразие в выборе средств воздействия на аудиторию, частые случаи отхода от языковой нормы и тенденция к транслингвальности.

10. Газетно-публицистический дискурс карлизма представляет собой сложное полифоническое явление, формирующееся благодаря сочетанию дискурсов множества периодических изданий карлистского движения и конкретных политических акторов, использующих их как свои трибуны. Вследствие этого тексты карлистских газет и журналов отличаются высоким уровнем вариативности на всех языковых уровнях, демонстрируя такие свойства карлистского политического дискурса, как гибкость и открытость.

11. Мемуаристика и художественная литература отличаются полидискурсивностью, но могут рассматриваться как разновидности персонального политического дискурса, если они созданы участниками карлистского движения и использовались в качестве инструмента пропаганды и оказания воздействия на аудиторию. Они сохраняли черты, характерные для других подвидов политического дискурса карлизма, но отходили от клишированных дискурсивных решений, свойственных институциональному дискурсу.

Структура работы включает введение, четыре главы, заключение, список литературы, список использованных в работе документов, публицистических, мемуарных и художественных текстов, а также приложения.

Во введении дается обоснование актуальности темы диссертационного исследования, определяются цели и задачи работы, уточняются объект и предмет исследования, рассматриваются его теоретическая и методологическая основы, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту.

В первой главе («Политический дискурс как объект научного исследования») приводится обзор направлений дискурсивных исследований в России и в других странах, сравниваются различные подходы к изучению политического дискурса, определяются его формы и функции, рассматриваются основные принципы исследований в области исторической дискурсологии.

Во второй главе («Дискурс карлизма: источники изучения и перспективы исследования») показывается эволюция идеологической базы карлистского движения на протяжении всей истории его существования, освещается степень разработанности проблемы анализа карлистского политического дискурса в диахронии, определяются источники изучения данной дискурсивной разновидности.

В третьей главе («Институциональный дискурс карлистского движения») анализируются тексты программных документов, манифестов, обращений к населению и т. д., выделяются основные идеологемы карлистского политического дискурса и показываются изменения в их употреблении, рассматриваются коммуникативные тактики и стратегии в институциональном карлистском дискурсе, изучается использование карлистами интердискурсивных стратегий информационно-психологической войны.

В четвертой главе («Персональный карлистский дискурс») рассматривается диахроническая эволюция газетно-публицистического карлистского дискурса, история которого разделена на три этапа; изучается функционирование характерных маркеров карлистского дискурса в мемуарных текстах участников

движения, анализируются художественные тексты, созданные писателями-карлистами и отражающие ценностно-идеологические установки карлизма, как инструменты воздействия на аудиторию.

Каждая из глав настоящего диссертационного исследования завершается выводами.

В заключении обобщаются результаты проведенной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований в данной области.

Список литературы насчитывает 608 работ на русском, английском, испанском, французском, каталанском, итальянском и немецком языках.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в 43 публикациях и в выступлениях на российских и международных научных конференциях:

- XLVII Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г.).
- IX Международная научная конференция «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 21–22 ноября 2018 г.).
- IV Международная конференция «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака» (МГПУ, Москва, 13–15 марта 2019 г.).
- XLVIII Международная филологическая конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 18–27 марта 2019 г.).
- Герценовские чтения. Иностранные языки (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2019 г.).
- XXI Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 31 мая – 1 июня 2019 г.).

- IV международный форум «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 1–3 октября 2019 г.).
- Первый международный Петербургский исторический форум (СПбГУ, Санкт-Петербург, 29 октября – 3 ноября 2019 г.).
- Человек и его язык: XX юбилейная международная конференция школы-семинара имени Л. М. Скрединой (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 14–16 сентября 2022 г.).
- LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 г.).
- LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 г.).
- Герценовские чтения. Иностранные языки (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2024 г.).
- «Свой» – «Чужой» в контексте исследований языка, художественной литературы, изобразительных искусств и культуры (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 21–22 марта 2025 г.).
- LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, Санкт-Петербург, 25–31 марта 2025 г.).
- Герценовские чтения. Иностранные языки (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2025 г.).
- XXII Всероссийская конференция с международным участием научной школы-семинара имени профессора Л. М. Скрединой «Человек и его язык» (Вологда, ВоГУ, 18–20 сентября 2025 г.).

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие дискурса и основные направления дискурсивных исследований

Дискурс – одно из центральных понятий в гуманитарных науках в XX–XXI вв. Данный феномен является объектом изучения историков, социологов, философов, политологов, литературоведов, лингвистов; при этом, как отмечают А. М. Прилуцкий и Л. Е. Андреева, «трактовка этого термина, как и многих терминов преимущественно гуманитарного (в широком понимании) предметного поля, еще не может быть признана достаточно устоявшейся – в зависимости от школы и направления предлагается то или иное понимание дискурса» [Прилуцкий, 2015: 158]. В настоящей работе мы подходим к изучению дискурса с позиций языкознания, но даже в рамках этой науки отсутствует единое, общепризнанное его определение.

Американский лингвист З. Харрис, который в 1952 г. ввел в употребление термин «дискурсивный анализ», определял дискурс как «предложения, последовательно произнесенные или написанные одним или несколькими людьми в определенной ситуации» [Harris, 1952: 3]. Очевидно, что современное понимание данного феномена гораздо шире. Так, специалист по дискурсивным исследованиям из Ланкастерского университета П. Чилтон пишет о дискурсе как о «языковом действии» («linguistic action») и в качестве примеров дискурса приводит парламентские дебаты, интервью на телевидении, тексты законов и конституций [Chilton, 2004: 4].

Российские исследователи часто обращаются к работам Н. Д. Арутюновой, которая предложила следующее определение дискурса: «Связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [Арутюнова, 1990: 136]. При этом она рассматривала дискурс как речь, «погруженную в жизнь»; соответственно, «термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова, 1990: 137]. Данное определение является более узким, чем приведенное выше мнение П. Чилтона, для которого «древние тексты» просто представляют одну из форм «письменного дискурса».

В настоящем исследовании мы будем опираться на определение, предложенное А. А. Кибриком: «Комплексный феномен, объединяющий и динамический, и статический аспекты, в современной лингвистике именуется дискурсом <...> дискурс – это единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Кибрик, 2019: 127]. Соответственно, в поле зрения специалистов по дискурсивному анализу попадают не только языковые особенности текста, но и проблемы восприятия дискурса реципиентом. Характерным свойством дискурса является процессуальность, в то время как статичность свойственна тексту [Чернявская, 2009: 43], то есть текст и дискурс являются двумя «состояниями» «существования одного и того же феномена» [Молодыхенко, 2024: 902].

Вяч. Вс. Иванов, намечая перспективы развития науки о языке в XXI в., писал, что «исследование “дискурса” или обширных отрезков речи стало важной областью лингвистики» [Иванов, 2004: 84]. При этом важно подчеркнуть, что серьезный интерес лингвистов к дискурсивным исследованиям начал проявляться только в последние несколько десятилетий; на протяжении большей части XX в. дискурс находился на периферии внимания науки о языке. Для структурализма, господствовавшего в лингвистике в первой половине XX в., фундаментальным было противопоставление «язык – речь», сформулированное Ф. де Соссюром, а сам язык воспринимался как система знаков [Saussure, 1997]. Хомскианская

революция, последовавшая вслед за выходом «Синтаксических структур» («Syntactic Structures») Н. Хомского, перевернула языкознание: язык теперь стал рассматриваться как грамматика в сознании человека, способная порождать бесконечное число высказываний [Chomsky, 2002]. И для структуралистов, и для генеративистов изучение речи, часто воспринимаемой как набор случайностей, не представляло значительного интереса, хотя, как отмечали А. А. Кибрик и В. А. Плунгян, «в современной генеративистике предпринимаются попытки интегрировать отдельные дискурсивные понятия в модель грамматики» [Кибрик, 2002: 307].

В то же время предпосылки к появлению дискурсивного анализа можно отметить в предшествующей языковедческой традиции. Уже в Античности получили широкое распространение такие направления, как риторика, понимаемая как учение и об ораторском искусстве, и о художественной прозе [Щирова, 2007: 16–17], и герменевтика, то есть толкование текста, тесно связанное с экзегетикой, дисциплиной, «цель которой состоит в том, чтобы понять текст, — понять, исходя из его интенции» [Рикер, 2008: 39]. Впоследствии, в течение XIX–XX вв. зачатки дискурсивного анализа и интерес к изучению реального языкового взаимодействия можно встретить в трудах ряда лингвистов. Например, в 1862 г. А. А. Потебня в своей знаменитой работе «Мысль и язык» писал, развивая идеи В. фон Гумбольдта, что «язык есть столько же деятельность, сколько и произведение» [Потебня, 1989: 39] — мысль, коррелирующая с современными представлениями о дискурсе. Некоторые идеи русских формалистов, представителей американской этнолингвистики, швейцарской школы и пражской лингвистической школы также могут рассматриваться как предпосылки к развитию дискурсивных исследований [Кибрик, 2019: 130–131].

В первой половине XX в. изучение соотношения между речевой деятельностью и текстом занимало важное место в работах Г. Гийома, создателя теории психомеханики. Идеи Г. Гийома во многом опередили господствовавшую в то время концепцию структурализма; в 1975 г. Ю. С. Степанов писал, что значение

работ французского лингвиста «только сейчас начинает осознаваться во всей полноте» [Степанов, 1975: 50]. Некоторые из мыслей Г. Гийома соотносятся с современными теориями дискурса. В частности, он рассматривал язык не как «статическое отображение статической системы понятий», но как «динамическую систему абстрактных схем мыслительных операций» [Реферовская, 1997: 21]. Заслуживает внимания мнение Г. Гийома о функции речевой деятельности. В одной из своих лекций, прочитанных в 1944 г., он высказал следующую мысль: «Речь (discours) отвечает своему целевому устремлению: предпринять дискурсивную операцию – это со всей очевидностью означает захотеть действовать, оказать на кого-то какое-то воздействие. Если нет такой цели, нет и речи» [Гийом, 1992: 93]. В соответствии с теорией Г. Гийома объектом анализа могут быть не только отдельные фонемы, морфемы, лексемы, синтагмы и предложения, но и вся речь в целом. Таким образом, психомеханика во многом созвучна практике дискурсивного анализа.

Практически одновременно с появлением работ Г. Гийома получила развитие теория речевых актов. Создателем теории стал британский лингвист и философ Дж. Л. Остин, который сформулировал ее, читая курс лекций в Гарварде в 1955 г. Основной единицей коммуникации, по Дж. Л. Остину, является речевой акт, то есть одновременно и процесс порождения речи говорящим, и ее восприятие слушающим. Изначально философ поделил речевые акты на перформативы (эквивалентные совершению действия) и констативы (сообщающие информацию), но при этом он сам отмечал, что не всегда можно провести четкую границу между этими двумя категориями [Austin, 1962: 67]. Впоследствии Дж. Л. Остин выделил три составляющие речевых актов: локутивную (произносительную), иллокутивную (выражение коммуникативной цели высказывания) и перлокутивную (средства, используемые для достижения данной цели) [Austin, 1966].

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что теория речевых актов применима только для изучения устной речи и конверсационного анализа. На

самом деле, как показал американский исследователь Х. Уайт (идеи которого будут рассмотрены далее), теория Дж. Л. Остина может использоваться и в дискурсивном анализе. Иллокутивные речевые акты меняют «отношение автора высказывания к миру, либо отношение одной части мира к другой, либо отношение мира к самому автору высказывания» [Уайт, 2024: 83]. Из этого наблюдения Х. Уайт делает вывод, что дискурсы могут рассматриваться как речевые акты, то есть дискурсы выступают в качестве действий, которые влияют на мир тем, как они представляют. Он приводит следующий пример: во многих странах отрицание Холокоста является уголовно наказуемым деянием, потому что человек, который ставит под сомнение факт массового уничтожения евреев в нацистской Германии, своими словами осуществляет определенное действие, пытается «изменить отношения в реальном мире, как если бы он использовал проклятье или магическое заклинание» [Уайт, 2024: 84].

В 1970-е гг. идеи Дж. Л. Остина были развиты Дж. Р. Серлем. Дж. Р. Серль обратил особенное внимание на изучение иллокутивных актов, анализу которых посвящена его известная статья «Что такое речевой акт?» («What is a Speech Act?»), впервые опубликованная в 1969 г. [Серль, 1986b]. В речевом акте он выделяет пропозициональный показатель, то есть семантическое ядро высказывания. Пропозиция относится именно к плану содержания, а не к плану выражения. Важно отметить, что одно и то же пропозициональное содержание может фигурировать в разных речевых актах, сочетаясь с разными иллокутивными функциями. Важным вкладом Дж. Р. Серля в теорию речевых актов стала разработка их строгой классификации; он обращал внимание на отсутствие четких критериев выделения различных типов речевых актов у Дж. Л. Остина. «Бросается в глаза, что списки Остина являются классификацией не иллокутивных актов, а английских иллокутивных глаголов», — писал Дж. Р. Серль [Серль, 1986а: 177]. Американский исследователь выделил 5 видов речевых актов: директивы (приказы, просьбы), комиссивы (обещания), репрезентативы (описания, утверждения), экспрессивы (благодарности,

извинения), декларативы (вынесения приговоров, благословения) [Серль, 1986а: 180–188].

Теория речевых актов занимает важное место в прагматической исследовательской программе современных дискурсивных исследований. Без обращения к анализу интенции говорящего (пишущего) и пропозиции речевого акта невозможно изучение дискурсивных практик как социальных действий в рамках отдельного коммуникативного сообщества (например, участников карлистского движения). При этом теория речевых актов развивалась параллельно с собственно дискурсивным анализом.

Одним из первых исследователей, начавших использовать термин «дискурсивный анализ» («discourse analysis») в его современном понимании, стал З. Харрис, опубликовавший в 1952 г. одноименную статью. Американский лингвист писал о необходимости выхода за рамки одного предложения – подхода, распространенного в рамках господствовавшего тогда дескриптивизма и структурализма в целом [Harris, 1952: 1]. З. Харрис сильно повлиял как на Н. Хомского и генеративистов, так и на развивавшуюся одновременно с порождающей грамматикой теорию дискурса. Отметим, что практически одновременно с З. Харрисом крупный французский ученый Э. Бенвенист писал, что речь («discours») является выражением языка как средства общения, хотя он же называл предложение единицей высшего уровня [Бенвенист, 1974: 140].

В 1960-е гг. важную роль в развитии теории дискурса сыграли работы Д. Хаймса, который работал в рамках «гердерианской» интеллектуальной традиции (по имени немецкого ученого XVIII в. И. Гердера), развивавшейся параллельно с господствовавшей в США (и в Западном мире в целом) формальной лингвистикой Н. Хомского. Д. Хаймс подчеркивал важность изучения языка как компонента культуры. Кроме того, он разработал модель дискурсивного анализа, обозначаемую акронимом S.P.E.A.K.I.N.G.; каждая из букв обозначает один из компонентов, которые надо учитывать при анализе речевого акта (адресат и адресант сообщения, способ коммуникации, тема и др.). Предлагая данную

модель, Д. Хаймс вдохновлялся идеями русского ученого Р. О. Якобсона, которому посвятил свою известную статью «Этнография речи», впервые опубликованную в 1962 г. [Хаймс, 1975: 42].

Д. Хаймс в свою очередь повлиял на Дж. Гамперца, который стал основателем направления интерактивной (интеракциональной) социалингвистики («interactional sociolinguistics»). Дж. Гамперц подчеркивал важность социального фактора при осуществлении дискурсивного анализа. Так, он отмечал, что даже в обществах с минимальной социальной стратификацией (например, у американских индейцев) наблюдаются «заметные различия между тем, что было названо непринужденной повседневной речью, и более строгими стилями, используемыми в пении, пересказе мифов и сказаний и в аналогичных, связанных с определенным ритуалом ситуациях» [Гамперц, 1975: 191]. Естественно, при анализе речи представителей более сложных обществ данные колебания, которые сейчас мы бы назвали «диафазической вариативностью» [Лукина, 2024: 79–80], будут более заметными.

В следующем десятилетии интерес к дискурсивным исследованиям резко вырос; с 1970-х гг. существование анализа дискурса как отдельного направления лингвистических исследований уже не вызывает сомнения. Формируется несколько научных школ, изучающих дискурс в рамках междисциплинарной научной парадигмы. Подробное рассмотрение всех направлений дискурсивных исследований выходит за рамки нашего исследования; в то же время представляется релевантным представить краткий обзор основных научных школ, занимающихся изучением дискурса.

Актуальность междисциплинарной парадигмы особенно заметна в работах представителей французской школы дискурс-анализа, в которой лингвистика оказывается тесно переплетенной с философией и литературоведением. Сами представители французской школы в первую очередь определяли себя как философов-постструктуралистов, а не как специалистов по языкознанию. Р. Барт писал, что «дело» лингвистов — «заниматься не дискурсом, а только системой

языка» [Барт, 1989: 520]. Во многом французская школа опиралась на идеи Платона и на философию европейского идеализма. Ее представители воспринимали мир как отражение явлений, существующих в сознании человека. Язык служит для наименования предметов; соответственно, он пронизывает всю реальность, «вне языка» ничего не существует. «Язык есть всегда система форм, и смысл есть разновидность формы», по мнению Р. Барта [Барт, 1989: 100]. Таким образом, по Р. Барту, вся окружающая нас реальность является дискурсом.

Младшим современником Р. Барта был Ж. Деррида, чьи идеи относительно языка во многом перекликались со взглядами его старшего коллеги. Ж. Деррида сформулировал концепцию «мир как текст» — одно из ключевых положений постмодернизма. При этом текст «всегда остается невоспринимаемым» [Деррида, 2007: 74], то есть мир является непознаваемым. Непознаваемость мира (и текста) связана с развиваемым французскими постструктуралистами понятием интертекстуальности. «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски “источников” и “влияний” соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат — из цитат без кавычек», — писал Р. Барт [Барт, 1989: 418]. Такой подход к восприятию текста заставляет по-новому взглянуть на фигуру автора, который не создает новое произведение, а просто компилирует отрывки из других текстов. Одно из своих самых знаменитых эссе, впервые опубликованное в 1967 г., Р. Барт назвал «Смерть автора». Французский философ утверждал, что

«текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель. Читатель — это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых складывается

письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении» [Барт, 1989: 390].

Соответственно, основное внимание при анализе дискурса должно быть обращено не на создателя текста, а на реакцию реципиента.

В 1970-х – начале 1980-х гг. идеи Р. Барта и Ж. Деррида были развиты М. Пеше. Он придавал важное значение историческому и социальному контексту при анализе дискурса; несложно заметить, что теория М. Пеше во многом перекликалась со взглядами Дж. Гамперца, в то же самое время работавшего в Калифорнийском университете в Беркли. Дискурс оказывается «точкой соприкосновения» языка и идеологических установок. Для осуществления дискурс-анализа М. Пеше оперировал понятиями ‘дискурсной формации’ (матрицы, ядра смысла высказывания) и ‘интердискурса’ – сложного целого с доминантой дискурсных формаций. Каждая дискурсная формация скрывает «за прозрачностью смысла, который в ней образуется, противоречивую материальную объективность интердискурса»; при этом эта материальная объективность определяется «господством комплекса идеологических формаций» [Пеше, 1999: 267]. Автор текста в теории М. Пеше не «умер», как у Р. Барта, но просто передает смыслы, обусловленные его взглядами. Так, например, тексты карлистских претендентов на престол должны были транслировать целый набор определенных идеологических установок. Попытка лидера карлистов дона Хуана III в 1860-е гг. модифицировать дискурсную формацию своих текстов вступила в противоречие с карлистским интердискурсом в целом и фактически привела к расколу в движении [Василенко, 2021].

Другой влиятельный представитель французской школы – это М. Фуко. По оценкам некоторых исследователей, «только после выхода в свет в 1969 году книги Мишеля Поля Фуко “Археология знания” произошло осознание значимости дискурса и началось его всестороннее изучение» [Миньяр-Белоручева, 2015: 8]. Дискурс, согласно М. Фуко, представляет собой сочетание «уже-сказанного» и

«никогда-не-сказанного». Первый элемент в данной дихотомии соотносится с представлениями о дискурсе других представителей французской школы, в частности Р. Барта. «Уже-сказанное является, может быть, не просто уже произнесенным предложением, уже написанным текстом, но “когда-то произнесенным”, бесплотным дискурсом», – пишет М. Фуко [Фуко, 2004: 69]. Однако затем он развивает эту мысль: «В конечном итоге очевидный дискурс превращается, возможно, всего лишь в подавленное присутствие того, чего он не говорит <...> Первый мотив обрекает исторический анализ дискурса быть поиском и повторением первоисточка (*origine*), ускользающего от любого исторического определения; другой – интерпретацией или подслушиванием уже-сказанного, которое одновременно было бы и не-сказанным» [Фуко, 2004: 69–70]. Любой текст определяется исторической памятью и интерпретируется через то дискурсивное пространство, в котором он существует и которое представлено «неограниченной совокупностью текстов, объединенных общей тематикой и объектом номинации» [Хомякова, 2015: 139]. Все тексты и речевые высказывания, с точки зрения подхода М. Фуко, оказываются «эффектами дискурсов» [Spieß, 2021: 112].

Важное понятие, которое М. Фуко ввел в широкое употребление, – это ‘дискурсивная практика’. Философ определяет ее как «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора, определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко, 2004: 227–228]. Данный термин часто употребляется в современной лингвистике; в настоящей работе мы будем опираться на определение Е. А. Гончаровой, которая, отталкиваясь от М. Фуко, охарактеризовала дискурсивные практики как способы осуществления коммуникации «в широком диапазоне повторяющихся и распространенных в повседневной коммуникации ситуаций, которые требуют от участников

социального общения (пред-)знания неких коммуникативно-речевых конвенций и выбора соответствующих форм общения» [Гончарова, 2022: 49].

В то время как для французской школы дискурс-анализа характерно обращение к проблематике философии постмодерна и постструктурализма и рассмотрение дискурса как явления, пронизывающего все стороны человеческой жизни, развивавшаяся параллельно школа критического дискурс-анализа остается преимущественно в границах языкознания, формально-логической парадигмы дискурса или смежных дисциплин, находящихся на границе лингвистики и других наук (например, социолингвистики или политической лингвистики). Если для М. Фуко, Р. Барта, М. Пеше и др. ведущую роль в работе с текстом играло рассмотрение стоящих за ним идеологических систем, то для школы критического дискурс-анализа на первый план вышло исследование собственно языковых особенностей текста [Кубрякова, 2012: 118–119]. При этом в отличие от структуралистского подхода, для данного направления характерна тенденция к изучению языка как «социально обусловленной функционирующей системы» [Чернявская, 2021: 50]. Школа критического дискурс-анализа сформировалась в рамках англосаксонской лингвистической традиции, хотя не все представители этого направления являются выходцами из США или Великобритании. Один из наиболее знаковых ее представителей – Т. ван Дейк – является уроженцем Нидерландов, но пишет научные труды на английском языке. Отметим, что некоторые ранние работы Т. ван Дейка правильнее отнести к европейской школе лингвистики текста.

В настоящее время Т. ван Дейк работает в университете Помпеу Фабра в Барселоне; в 2017 г. в этом испанском городе он создал «Центр дискурсивных исследований» («The Centre of Discourse Studies»), объединяющий усилия ученых из разных стран, занимающихся научной работой в данном направлении. Т. ван Дейк заработал репутацию одного из ведущих специалистов по дискурсу после публикации ряда научных работ в 1980-е – 1990-е гг. Показательно, что сам лингвист заявляет о том, что он не возглавляет никакой отдельной научной школы

и не олицетворяет собой отдельного подхода [Wodak, 2002: 95], хотя, конечно, его работа вдохновляет многих исследователей и служит ориентиром для всех авторов современных дискурсивных исследований.

Важным аспектом изучения дискурса для Т. ван Дейка является установление связи между мышлением и речевой деятельностью участников коммуникации с одной стороны и окружающим миром с другой. Соответственно, нидерландский лингвист использует междисциплинарный подход к анализу дискурса. В своей книге «Стратегии восприятия дискурса» («Strategies of Discourse Comprehension»), опубликованной в соавторстве с В. Кинчем из университета Колорадо в Боулдере, Т. ван Дейк рассуждает о макроструктуре дискурса – понятии, которое служит для того, чтобы дать описание «глобального содержания и, следовательно, глобальной связности дискурса» [Ван Дейк, 2000: 41]. При этом, пишут Т. ван Дейк и В. Кинч, «в зависимости от различных стратегий интерпретации, различных знаний, убеждений, мнений, установок, интересов или целей, каждый пользователь языка приписывает дискурсу свою макроструктуру» [Ван Дейк, 2000: 45]. Таким образом, разные реципиенты будут по-разному воспринимать один и тот же текст и вкладывать в него различное смысловое наполнение в зависимости от своих взглядов, интересов, контекста и т.д.

Т. ван Дейк призывает обращаться к дискурсивному анализу «с позиций целостного, интегрированного подхода», не ограничиваясь «структурами текстов или диалогов» [Ван Дейк, 2000: 133]. Например, анализируя политический дискурс карлистов, мы не должны замыкаться в узких рамках имеющихся у нас текстов или их фрагментов. Необходимо обращаться к изучению контекста каждого изучаемого высказывания, к рассмотрению господствовавших в момент его появления нарративов и к анализу актуальной для того времени политической ситуации. В своей работе Т. ван Дейк часто обращается к методологии социолингвистики; один из его известных проектов в 1980-е гг. был посвящен изучению «предубежденной речи» («prejudiced talk») и когнитивных стратегий,

используемых голландцами в разговоре об этнических меньшинствах в Нидерландах [Ван Дейк, 2000: 268–303] (как отмечают С. Т. Нефедов и В. Е. Чернявская, основными темами для исследования для представителей школы критического дискурс-анализа являются «социальное неравенство, латентный антисемитизм, расистские, гендерные предубеждения» [Нефедов, 2020: 90]). Исследования в рамках школы критического дискурс-анализа часто требуют обращения к методам полевой лингвистики и «иллюстрируют ориентированность на реальную практику использования речи <...> в контексте конкретных коммуникативных событий» [Молодыхенко, 2024: 905]. Таким образом, близкая связь социалингвистики и дискурсивного анализа, отмечаемая еще с 1960-х гг. в работах Д. Хаймса и Дж. Гамперца, сохраняет релевантность и для Т. ван Дейка.

Другие крупные современные специалисты, занимающиеся дискурсивным анализом, Р. Водак и Н. Фэркло, которые работают в Венском и Ланкастерском университетах, во многом опираются на французскую школу дискурс-анализа, в первую очередь на опыт М. Фуко. Для них характерно обращение к дискурсу как к социальной практике [Fairclough, 1996: 17–42]. Языковые явления имеют социальный характер, потому что люди, занимающиеся речевой деятельностью, осуществляют ее так, как это принято в их обществе; в то же время общественные явления имеют лингвистический характер, так как речевая деятельность — неотъемлемая часть социальных процессов и практик [Fairclough, 1996: 23]. Соответственно, как подчеркивает Р. Водак, для дискурсивного анализа фундаментальное значение имеют три концепта: «концепт власти, концепт истории и концепт идеологии» [Wodak, 2002: 3]. О роли Р. Водак и Н. Фэркло в изучении политического дискурса речь пойдет ниже.

Отдельным направлением работы, близким к школе критического дискурс-анализа, является конверсационный анализ («conversation analysis»), появление которого связывают с именами американских социологов из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Х. Закса и Г. Гарфинкеля (в англоязычной литературе часто ставится знак равенства между конверсационным анализом и

дискурсивным анализом вообще [Brinton, 2001: 139]). Специалисты, занимающиеся конверсационным анализом, «изучают способы организации социального действия через разговор» [Mazeland, 2006: 153]. Рассматривается смена ролей у участников коммуникации и очередность высказываний в разговоре. Основным предметом исследования для конверсационного анализа является спонтанная устная речь, которая, несмотря на кажущуюся «хаотичность», оказывается четко структурированной и организованной. Конверсационный анализ выходит за рамки изучения собственно текстов, производимых участниками коммуникации; важным предметом исследования являются жестикация или положение тела разговаривающих людей [Valls, 2002: 144].

Важной научной дисциплиной, близкой к дискурсивному анализу, является лингвистика текста. Динамическая коммуникация между двумя или более участниками общения ведет к образованию ее статического результата – текста, то есть последовательности знаковых единиц, «основными свойствами которой являются связность и цельность» [Щирова, 2007: 12]. Естественно, текст может быть либо письменным (последовательность графических символов), либо устным (запись устной речи, то есть определенного акустического сигнала). Интерес специалистов к изучению текста как отдельного объекта исследования привел к появлению этого нового направления в языкознании. Оно выделилось в самостоятельную научную дисциплину в 1980-е гг., и если на раннем этапе своего существования лингвистика текста подвергалась критике некоторых специалистов, которые рассматривали ее как тупиковую, бесперспективную ветвь языкознания, уже с 1990-х гг. актуальность и значимость этого направления являются общепризнанными [Филиппов, 2003: 9–10]. Написанные еще в 1960 г. слова М. М. Бахтина о том, что «текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин, 1986а: 484], сейчас едва ли могут вызывать возражения в академическом сообществе (обзор основных этапов развития лингвистики текста см.: [Чернявская, 2009: 11–15]). В

современной лингвистике текст часто рассматривается как семиотическая единица, сложный знак «с тенденцией к гетерогенным образованиям на основе синтеза словесного кода и разнообразных невербальных кодов» [Чеснокова, 2024b: 366]. В то же время дискурс является транстекстовой структурой, которая создается «за счет глубинной содержательно-тематической связности отдельных текстов» [Чернявская, 2021: 43].

Основополагающими работами для лингвистики текста стали труды австрийского ученого В. Дресслера [Дресслер, 1972] и Т. ван Дейка [Van Dijk, 1980]. Нидерландский лингвист оперирует термином ‘Textwissenschaft’¹, который он соотносит с французским ‘science du texte’ и английским ‘discourse analysis’ [Van Dijk, 1980: 1]. В то же время было бы некорректно ставить знак равенства между современным дискурсивным анализом и лингвистикой текста (о соотношении понятий ‘лингвистика текста’ и ‘дискурсивный анализ’ см.: [Кубрякова, 2000: 11]). Лингвистика текста может рассматриваться как одно из направлений в рамках дискурсивных исследований (подобно французской школе или школе критического дискурс-анализа). Для лингвистики текста характерно обращение к изучению текста как отдельного языкового произведения, его семантики и структуры; в то же время философская или социологическая проблематика отходит для лингвистики текста на второй план. Один из ведущих отечественных специалистов по лингвистике текста И. Р. Гальперин писал еще в 1981 г., что «текст — это объект лингвистического исследования» (а не социологического, исторического или философского) и что он «имеет право быть рассмотренным с позиций уровневой классификации» (то есть как один из языковых уровней) [Гальперин, 2007: 3].

Отдельным вопросом является развитие дискурсивных исследований в России. Как было отмечено выше, некоторые идеи, высказываемые А. А. Потебней в конце XIX в. и русскими формалистами в 1920-е гг. (см., например: [Якубинский, 1986]) могут рассматриваться как близкие к

¹ Монография Т. ван Дейка была впервые выпущена на нидерландском языке в 1978 г.; мы ссылаемся на ее немецкий перевод 1980 г.

дискурсивному анализу. Знаменитая книга В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», впервые опубликованная в 1928 г., стала основополагающей для структуралистского изучения нарративов и для последующих работ в области текстологии [Пропп, 2001]. Кроме того, в 1940-е гг. в нашей стране было опубликовано несколько исследований, которые могли бы стать базой для развития отдельного направления дискурсивных исследований. Так, в 1947 г. была защищена кандидатская диссертация И. А. Фигуровского на тему «Смысловые отношения между законченными предложениями и грамматические средства их выражения». В своем отзыве на диссертацию член-корреспондент Академии педагогических наук А. Н. Гвоздев отмечал: «Автор, вопреки тысячелетним традициям ограничивать предмет синтаксиса пределами предложения, намечает широкие и разнообразные связи в более обширных речевых целых» (цит. по: [Фигуровская, 2019: 471]).

Год спустя Н. С. Поспелов опубликовал статью, в которой высказывал близкие мысли. Он выделил понятие сложного синтаксического целого, которое, в отличие от отдельно взятого предложения, служит для выражения законченной мысли, то есть может включать в себя группу предложений [Поспелов, 1948]. Отметим, что знаменитая статья З. Харриса (уроженца Российской империи), в которой будут выдвинуты сходные идеи, появится только через четыре года [Harris, 1952]. Тем не менее работы И. А. Фигуровского и Н. С. Поспелова не получили дальнейшего развития и фактически остались незамеченными, а их авторы переключились на другие направления языкознания. Дискурсивные исследования заняли важное место в отечественной науке только ближе к концу XX в.

«Российская школа дискурсивного анализа вобрала в себя некоторые эвристики дискурс-анализа по Т. ван Дейку (потеряв критичность), близка идеям социополитического дискурс-анализа Р. Водак, конститутивно интегрирует дискурс-анализ с когнитивной методологией», – пишут Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [Будаев, 2018: 81]. Как отмечает М. В. Ларионова, в России в

настоящий момент есть два основных направления дискурсивных исследований: когнитивно-коммуникативное и прагмалингвистическое [Ларионова, 2022: 58].

Первое из них связано с представлением о тесной связи между коммуникацией и мышлением, реализуемой посредством языка. Как указывает один из ведущих представителей когнитивно-коммуникативного направления Е. С. Кубрякова, «согласно теоретическим принципам, положенным в основание когнитивно-дискурсивной парадигмы, каждое языковое явление должно изучаться в двух его аспектах: как когнитивном, так и коммуникативном (дискурсивном)» [Кубрякова, 2012: 65]. Оба данных аспекта тесно связаны между собой и не могут быть противопоставлены друг другу [Кубрякова, 2012: 66]. Исследователь сравнивает дихотомию «когниция – коммуникация» с другими важными для языкознания оппозициями («язык – речь», «синхрония – диахрония», «статика – динамика» и др.) и отмечает, что «практически каждая дихотомия носит достаточно условный характер» [Кубрякова, 2012: 67].

Для представителей когнитивно-коммуникативного направления дискурс связан с процессом мышления и как таковой является способом конструирования смысла. «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта», – пишет Б. М. Гаспаров [Гаспаров, 1996: 10]. Представление о коммуникации как о «непрерывно движущемся потоке» важно для понимания дискурса с позиций когнитивистики. Дискурсивная деятельность должна анализироваться по мере ее порождения «online» [Кубрякова, 2012: 122]. Соответственно, «по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова, 2000: 12]. Данный подход к дискурсу позволяет, по оценке В. А. Андреевой, «по-новому увидеть язык как средство когниции и коммуникации во всей его полноте и текст как основную единицу коммуникации» [Андреева, 2019а: 6].

По определению Е. С. Кубряковой, современное когнитивно-коммуникативное направление и лингвистика в целом отличается рядом характеристик: экспансионизмом, антропоцентризмом, функционализмом и экспланаторностью [Кубрякова, 1995: 207]. Экспансионизм можно соотнести с междисциплинарностью [Ларионова, 2022: 60], а его проявления – это появление «"сдвоенных" наук (ср. психолингвистику и социолингвистику, социо- и психосемантику, семантику синтаксиса и пр.)» [Кубрякова, 1995: 208]. Принцип антропоцентризма характерен для всей современной научной парадигмы. Естественно, в рамках разных направлениях лингвистики он может интерпретироваться различным образом. Одним из следствий антропоцентричности языка является такое его свойство, как субъективность, то есть «способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения» [Степанов, 1975: 51] (см. также: [Бенвенист, 1974: 292–300]). Принцип функционализма связан с идеей о том, что язык служит инструментом для осуществления определенных коммуникативных задач. Связь функционализма с когнитивистикой «может быть установлена через понятие репрезентации, или представления знаний» [Кубрякова, 1995: 217]. Принцип экспланаторности связан со стремлением современной лингвистики найти объяснение «и внутренней организации языка, и его отдельным модулям, и архитектонике текстов, и реальному осуществлению дискурса, и порождению и пониманию речи» [Кубрякова, 1995: 221].

Вторым основным направлением дискурсивных исследований в России является прагмалингвистическое. Появление самого термина «прагматика» в его современном понимании связывают с именем американского философа Ч. И. Морриса, который определял ее как «науку, изучающую отношения между знаками и теми, кто их использует» [Morris, 1938: 30]. Идеи прагматики во многом предвосхитил Л. Витгенштейн, который писал в 1953 г., что «значение слова – это его употребление в языке» [Витгенштейн, 1994: 99], однако ее развитие как отдельной области языкознания началось в 1960–70-е гг. Современная прагматика

представляет собой одно из направлений семиотики (вместе с синтаксисом и семантикой); при этом данное направление может объединять сильно отличающиеся друг от друга по своей методологии, целям и задачам исследования [Escandell, 2003: 45]. В. Г. Гак указывал на то, что прагматика является областью языкознания, которая изучает языковые компоненты в их отношении к языковой ситуации и типу речевого акта [Гак, 1982: 17]. Она представляет собой область знаний, связанную с вопросами выбора языковых средств для воздействия на реципиента. Данное воздействие может быть прямым или скрытым [Матвеева, 2009: 50]. Отметим, что, возможно, именно развитие прагматики оказало влияние на оформление собственно лингвистического (а не философского или социологического) понимания дискурса [Нефедов, 2020: 85].

Соответственно, в рамках прагмалингвистического направления в изучении дискурса основное внимание переносится с собственно «дискурсивных процессов концептуализации и категоризации мира на функционирование дискурса как коммуникативного и социального действия, нацеленного на то, чтобы оказать воздействие на адресата» [Ларионова, 2022: 64]. В основе данного подхода «лежит представление о дискурсе не только как о системе правил, устанавливаемых влиятельными социальными институтами и принимаемых дискурсивным сообществом, но и как о целеполагающей коммуникативной деятельности, избираемой в конечном итоге языковой личностью» [Алексеев, 2024b: 8]. Для прагмалингвистического направления характерно обращение к анализу экстралингвистических факторов, то есть социального статуса участников речевого акта, их пола, возраста, уровня образования, а также социокультурного и исторического контекста, в котором осуществляется коммуникация. Особенное внимание уделяется рассмотрению того, как участники общения достигают поставленных целей и реализуют свои коммуникативные намерения, то есть дискурс оценивается с позиций его успешности или неуспешности [Радюк, 2016: 197].

Отдельным подходом в рамках прагмалингвистического направления в анализе дискурса является синергетический, или динамико-системный (связанный с синергетикой, наукой о структуре сложных систем). Синергетический подход может пониматься как «коэволюционный, междисциплинарный, коммуникативно-деятельностный процесс» [Аршинов, 2002: 16]. Сторонники данной методологии определяют дискурс как «синергичную систему», то есть самоорганизующуюся систему смыслов дискурса, формируемую через их речевое выражение и синергично мобилизующую «функциональный потенциал всех элементов на пути к аттрактору» [Пономаренко, 2013: 134]. Как отмечает основатель функциональной лингвосинергетики Е. В. Пономаренко, «разработка синергетического направления – это не механический перенос естественнонаучной терминологии в область языковедения, а использование необходимых понятий и исследовательских процедур при выработке новых подходов к анализу речевой деятельности» [Пономаренко, 2007: 14]. Эта естественнонаучная терминология (аттракторы, репеллеры, бифуркации, флуктуации и др.) может употребляться и для анализа дискурса. Явления в языке рассматриваются как сложные самоорганизующиеся системы, а текст – «законченное в структурном и семантическом отношении целое, взаимодействующее с коммуникативной ситуацией и сознанием партнеров по коммуникации, и порождающее в процессе своего динамического развертывания не просто сумму / систему значений, а смысловую систему» [Черкунова, 2022: 108].

Таким образом, в настоящем разделе с опорой на работы как отечественных, так и зарубежных ученых были охарактеризованы понятия ‘дискурс’ и ‘дискурсивный анализ’, был сделан обзор основных направлений изучения дискурса в языкознании. В диссертационном исследовании мы опираемся на определение, предложенное А. А. Кибриком, в соответствии с которым дискурс понимается как «единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Кибрик, 2019: 127]. Дискурс может изучаться как в синхронии, так и в

диахронии. Одним из направлений современных дискурсивных исследований является историческая дискурсология.

1.2. Историческая дискурсология и дискурс о прошлом

В XXI в. важным направлением дискурсивных исследований стала историческая дискурсология, имеющая особенную актуальность для нашего исследования. В 1970-е – 1980-е гг. и лингвистика текста, и дискурсивная лингвистика обращались преимущественно к анализу языковых явлений в синхронии [Волкова, 2017: 10]. Фактором, повлиявшим на выделение исторической дискурсологии как отдельной научной области, стало возникновение в конце XX в. исторической прагматики, которая занималась диахроническим анализом речевых актов и описанием эволюции функционально-прагматических единиц. Историко-прагматические исследования были релевантными «для понимания сути языковых процессов и выявления тенденций их динамического развития в синхронии и диахронии» [Богданова, 2008: 3]. Другим важным направлением стало появление диахронической лингвистики текста, занимающейся анализом эволюции различных типов текста и жанров в истории языка. В диахронической лингвистике текста термин «эволюция» обозначает различные виды «динамических отношений между формой и содержанием жанра» [Волкова, 2017: 19], например, превращение устного жанра в письменный.

Собственно историческая дискурсология изучает дискурс как речевую деятельность, протекающую в определенных исторических условиях и испытывающую влияние различных социокультурных факторов (обзор основных подходов к изучению дискурса в диахронии см.: [Plyanova, 2016]). Один из ведущих российских специалистов в данной области Л. А. Кочетова пишет, что исторический дискурсивный анализ рассматривается «как основной метод выявления исторических изменений в способах социального взаимодействия людей, их речемыслительной деятельности, что особенно важно для понимания

динамики дискурса – в социально-деятельностном аспекте» [Кочетова, 2015: 326]. Сама возможность проведения дискурсивных исследований в диахронии может вызывать споры: так, если согласиться с приведенным выше определением Н. Д. Арутюновой дискурса как речи, погруженной в жизнь [Арутюнова, 1990: 137], то можно сделать заключение, что изучение различных дискурсов в истории является принципиально невозможным. Другой точки зрения придерживается Е. С. Кубрякова. Она пишет, что «дискурс есть всегда детище своего времени, то есть весь стиль проведения дискурсивной деятельности, все его особенности определяются прежде всего состоянием общества и теми социальными ролями, которые в этом обществе может играть человек», соответственно, в дискурс входит «историческая составляющая» [Кубрякова, 2004: 526]. Е. С. Кубрякова приводит пример с изучением речей Цицерона: анализируя тексты выступлений древнеримского оратора, можно сделать выводы об их дискурсивных особенностях, об использовании языка в определенном историческом контексте [Кубрякова, 2004: 527].

Е. С. Кубрякова иллюстрирует один из исследовательских подходов в рамках исторической дискурсологии – работу со старинными текстами, анализ дискурсов прошлого в определенный момент, то есть речь идет «об описании текста (фрагмента текста) в социокультурном контексте той эпохи, в которую он был создан» [Волкова, 2017: 24]. Л. А. Кочетова указывает, что такой подход в каком-то смысле является синхроническим, так как он направлен на изучение той или иной дискурсивной разновидности в конкретный период развития языка [Kochetova, 2014: 741]. Вопрос о дихотомии «синхрония – диахрония» применительно к дискурсивным исследованиям должен рассматриваться в том же ключе, что и по отношению к другим языковым уровням.

Большое внимание рассмотрению проблемы противопоставления синхронии и диахронии в лингвистике уделял Ф. де Соссюр, для которого приоритетным было описание языка в синхронии. Сравнивая языковой анализ с наблюдением за шахматной партией, швейцарский лингвист писал, что

«абсолютно бессмысленно вспоминать, что случилось на доске десять секунд тому назад»; принципиальным является актуальное расположение фигур, а не то, как игроки к нему пришли [Saussure, 1997: 127]. Естественно, Ф. де Соссюр не отрицал существование диахронии: речь идет об оптике ученого, который обращается к анализу синхронного состояния языка в конкретный момент времени. Язык при таком подходе становится своего рода «стрелой Зенона»², а лингвист изучает проекцию условного неподвижного состояния языка (или в нашем случае – дискурса). В то же время в реальности язык не является неподвижным, но постоянно находится в процессе изменения, и сам по себе он не является ни синхронным, ни диахронным феноменом. «Точно так же, как в синхронии мы не можем зафиксировать изменение, мы не можем зафиксировать и неизменение (неизменчивость). Чтобы обнаружить, что некий объект не изменяется, необходимо наблюдать его в два различных момента. Следовательно, даже если бы язык был по своей природе синхронным, это можно было бы обнаружить только в диахронии», – писал Э. Косериу [Косериу, 2001: 15]. Таким образом, даже дискурсивный анализ какого-либо исторического текста, созданного в конкретный момент в прошлом, нельзя назвать исключительно синхронным.

Примером исследования такого рода является работа Е. В. Тулубеевой, которая обращается к анализу политического дискурса во Франции в период Фронды (1648–1653); свою статью она определяет как «дескриптивный дискурс-анализ в ретроспекции» [Тулубеева, 2022: 116]. Автор изучает языковые особенности так называемых «Мазаринад» – полемических произведений, посвященных актуальной политической повестке дня и относящихся к различным жанрам. Е. В. Тулубеева анализирует диалогичность, оценочность, интертекстуальность и использование прецедентных феноменов в «Мазаринадах», но не выходит за узкие временные рамки смуты во Франции середины XVII в. Ее

² Древнегреческий философ Зенон Элейский сформулировал следующий логический парадокс: летящая стрела на самом деле является неподвижной, потому что в каждый отдельной взятый момент времени она занимает определенное положение в пространстве.

статью можно сопоставить с многочисленными публикациями, в которых анализируется дискурс современных политических партий или отдельных политиков. Аналогичный пример в рамках настоящего исследования – наша работа, посвященная немецкоязычному карлистскому дискурсу во второй половине 1830-х гг.: не ставя перед собой задачи проследить дальнейшую эволюцию данной дискурсивной разновидности, мы выделили ряд ее особенностей на завершающем этапе Первой Карлистской войны [Терещук, 2025d].

Сходным является диахронический лингвокультурологический подход к анализу концептов, в рамках которого анализируется формирование лингвосемиотической картины мира в определенный исторический период. Объектом исследования также становится отдельно взятый текст, но исследователь обращается к нему как к носителю концептуальных структур [Волкова, 2017: 25]. В качестве примера такого исследования можно привести докторскую диссертацию И. Ф. Янушкевич, в которой анализировались основные концепты, релевантные для английского (англосаксонского) общества в эпоху раннего Средневековья. Автор проанализировала преобразование знаков в англосаксонской лингвокультуре в V–XI вв. и провела диахронический лингвосемиотический анализ ряда сфер жизни общества раннесредневековой Англии [Янушкевич, 2009].

Наконец, третий подход – это изучение исторических изменений в дискурсивных практиках в диахронической перспективе, анализ тенденций их эволюции и развития [Кочетова, 2015: 327–328]; это направление в современной лингвистике является наименее разработанным [Волкова, 2017: 25]. Естественно, и типы текста, и дискурсы модифицируются с течением времени, что связано с изменением культурно-исторических условий их функционирования [Кочетова, 2021: 15]. В исследованиях такого рода обращается внимание на выявление и анализ наиболее характерных элементов, которые сохраняются на протяжении всей истории существования данной дискурсивной разновидности. Такие

элементы можно определить как маркеры дискурса. Их существование позволяет идентифицировать изучаемую дискурсивную разновидность как отдельный, самостоятельный дискурс. В то же время у любой дискурсивной разновидности в ее диахроническом развитии некоторые признаки будут изменяться, адаптируясь к новым историческим реалиям. Задачей лингвиста является отграничение маркеров дискурса от его изменяющихся элементов. Целью исследований такого рода является «не фиксация отдельных изменений в способах осуществления дискурсивных практик в разные исторические периоды, а выявление системности в замещении одних способов их реализации другими» [Кочетова, 2020: 24].

Классической работой является монография Дж. Покока «Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция» («The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition»), впервые опубликованная в 1975 г. Автор прослеживает эволюцию республиканского дискурса от Флоренции XVI в. к Соединенным Штатам конца XVIII в. Новозеландского исследователя интересовали «судьбы текстов и дискурсы, которые они, как можно предположить, порождают при переходе из одного контекста в другой по ходу движения истории от XVI столетия к XVIII, от Флоренции к Англии, Шотландии и Америке» [Покок, 2020: 768]. Книга Дж. Покока представляет собой междисциплинарное исследование, находящееся на стыке политологии, истории, лингвистики и философии. В настоящей работе мы обращаемся к диахроническому изучению карлистского политического дискурса с позиций языкознания, прослеживаем его изменения на протяжении более чем 190 лет.

Вышеописанные подходы традиционно рассматриваются в качестве основных для исторической дискурсологии. Нам представляется, что к данному направлению дискурсивных исследований можно отнести также анализ дискурса о прошлом, или исторического дискурса, который актуализирует коллективную память об исторических событиях. К данному типу относятся как собственно тексты о прошлом (современные или старинные), так и использование

исторических аналогий в рекламном, образовательном, политическом и других дискурсах. Дискурс о прошлом представляет собой не просто перечисление фактов и событий, но их интерпретацию в соответствии с актуальной социально-политической повесткой дня. Как пишет А. П. Миньяр-Белоручева, исторический дискурс «многомерен, полифункционален, вариативен и соотнесен с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого» [Миньяр-Белоручева, 2015: 10].

Одной из ключевых фигур в изучении дискурса о прошлом является Х. Уайт – американский ученый, с именем которого связывают так называемый «лингвистический поворот» в гуманитарных науках в 1970–1980-е гг. Исследователь начинал свою академическую карьеру как историк и защитил Ph. D. по средневековой истории. Известность ему принесла впервые опубликованная в 1973 г. монография «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века» («Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe»), в которой он проанализировал труды ведущих историков позапрошлого столетия и показал, как в научном тексте используются тропы и литературные приемы. Х. Уайт продемонстрировал, что авторы исторических трудов используют четыре идеологических стратегии, с помощью которых «могут внушать своим читателям мысль о важности их исследований прошлого для понимания настоящего: Анархизм, Радикализм, Консерватизм и Либерализм» [Уайт, 2002: 491]. Соответственно, любое историческое сочинение является релятивистским, ведь его автор неизбежно выступает с определенных идеологических позиций.

По Х. Уайту любое событие имеет две составляющие: собственно происшедшее, исторический факт, и его последующее осознание, приводящее к определенным последствиям. Х. Уайт опирается на теорию З. Фрейда и сравнивает отношения между событиями в прошлом и настоящим с психологической травмой, которая впоследствии оказывает влияние на поведение человека. «Более позднее событие может быть правдоподобно представлено в

нарративе, где оно оказывается исполнением (или де-реализацией) смысла, остававшегося латентным и теперь ретроспективно проявившегося в предшествующем событии», – пишет американский исследователь в своей последней прижизненно опубликованной книге «Практическое прошлое» («The Practical Past») [Уайт, 2024: 124].

Для Х. Уайта любое событие в прошлом является относительным: объективной истории не существует, а память о прошлом актуализируется в различных дискурсах. В этом вопросе позиция американского исследователя смыкается со взглядами представителей французской школы дискурс-анализа. Для них язык имеет приоритет над жизненным опытом, в то время как способность человека объективно осмыслять реальные события подвергается сомнению [Миньяр-Белоручева, 2015: 10]. Данный взгляд на интерпретацию событий в прошлом обусловлен особенностями человеческого мышления: как отмечает С. Л. Фирсов, «людям свойственно забывать прошлое, свойственно “перезаформатировать” его, порой изменяя той исторической правде, которая была установлена ранее» [Фирсов, 2023а: 163]. С точки зрения представителей французской школы дискурс-анализа, задачей ученого, анализирующего текст, должно быть «не определение того, говорит ли он правду и какова его выразительная ценность, а обработка документа и рассмотрение его изнутри <...> История – это определенный способ, каким общество придает статус документам» [Фуко, 2004: 41–42].

Таким образом, для постмодернистского подхода неважно, является ли информация в тексте истинной или ложной; принципиальным является восприятие этого текста современниками. Например, в Средние века в Европе получил распространение текст так называемого «Константинова дара» («Donatio Constantini») – документа, в соответствии с которым император Константин I (306–337), якобы, передал римскому епископу (папе) верховную власть в Западной Европе. Сейчас «Константинов дар» единодушно признается учеными фальсифицированным текстом, но на протяжении нескольких столетий его

истинность не вызывала сомнений, и он даже упоминается в качестве реального документа в «Божественной комедии» Данте [Гинзбург, 2024: 78]. С точки зрения постмодернистов, вопрос о достоверности «Константинова дара» не имеет значения: важна лишь его интерпретация в дискурсе католической церкви в Средневековье. Соответственно, для исторического дискурсивного анализа этот текст должен стоять в одном ряду с настоящими документами IV в. Объективного прошлого, таким образом, не существует: есть только тексты и их последующая интерпретация.

Несомненно, подобный подход имеет право на существование и может быть уместным при анализе текстов, не имеющих прямой связи с настоящим и не вызывающих общественной дискуссии. Однако в отдельных случаях рассмотрение настоящих и фальсифицированных текстов в качестве равноценных объектов исследования оказывается невозможным. Это утверждение можно проиллюстрировать следующим примером. В 1978 г. активист испанской анархо-синдикалистской организации «Национальная конфедерация труда» («Confederación Nacional del Trabajo») Э. Марко начал выдавать себя за бывшего узника нацистских концлагерей во время Второй Мировой войны. Он опубликовал мемуары о своем пребывании в лагере Флоссенбюрг и дал большое количество интервью на эту тему. Воспоминания Э. Марко были восприняты как реальное историческое свидетельство о преступлениях нацистов. Однако в 2005 г. историк Б. Бермехо доказал, что Э. Марко никогда не был в концлагере, но, наоборот, добровольно отправился в нацистскую Германию, где провел несколько лет в качестве наемного рабочего на заводе³.

Случай Э. Марко был не единичным: на рубеже XX–XXI вв. в разных странах Европы был опубликован ряд аналогичных мемуарных свидетельств о Холокосте, оказавшихся сфальсифицированными. Это явление получило название «синдром Вилькомирского» – по имени Б. Вилькомирского, автора одного из текстов такого рода. В 1995 г. в своей книге «Фрагменты: Воспоминания о детстве

³ История Э. Марко подробно рассмотрена в журналистском расследовании Х. Серкаса. См.: Cercas J. El impostor / J. Cercas. – Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, 2016. – 454 p.

1939–48» («Bruchstücke. Aus einer Kindheit 1939–48») Б. Вилькомирский утверждал, что в детстве побывал в Освенциме, хотя, как выяснилось впоследствии, в течение всей войны он жил со своей семьей в Швейцарии.

Представляется, что подход Х. Уайта и М. Фуко и представление о том, что нет объективных фактов о прошлом, но есть только тексты и их интерпретация, в некоторых случаях оказывается неприемлемым: исследователь, который изучает историю Холокоста или дискурс о Холокосте, не может одинаково относиться к свидетельствам реальных узников концлагерей и к текстам Э. Марко и Б. Вилькомирского. Конечно, любой мемуарный текст допускает определенную долю вымысла: как указывает В. А. Андреева, «взаимодействие фактуального и фикционального и создает ту особую форму реконструкции истории, которую – при условии искренности автора автобиографического произведения – не следует отождествлять с вымыслом или обманом» [Андреева, 2019а: 154]. Некоторые исследователи задаются вопросом, можно ли интерпретировать тексты Э. Марко и Б. Вилькомирского как литературные нарративы [Geller, 2002], но общественное мнение негативно оценивает самозванцев такого рода (что было показано в вышеупомянутой книге Х. Серкаса об Э. Марко). Хотя и «Константинов дар», и сфальсифицированные воспоминания о Холокосте представляют собой ненастоящие исторические тексты, факт подделки средневекового документа не вызывает у нас сильных эмоций, в отличие от ситуации с «синдромом Вилькомирского». Таким образом, попытка свести историю исключительно к субъективной интерпретации текстов не во всех случаях является оправданной.

Тем не менее, даже несмотря на существование некоторых объективных фактов о прошлом, интерпретация исторических событий постоянно изменяется в зависимости от социально-политического контекста современности [Díaz Barrado, 2019: 47]. Как писал выдающийся французский историк Ж. Ле Гофф, память «питает, стремится спасти прошлое лишь для того, чтобы оно служило настоящему и будущему» [Ле Гофф, 2013: 135]. Тенденция связывать события в современности с историческими эпизодами и делать заключения, основываясь на

аналогии, характерна для практически любой разновидности политического дискурса [Chilton, 2004: 151]; дискурс карлистов в данном случае не является исключением. Обращение к прошлому в политическом дискурсе связано с использованием прецедентных феноменов, или прецедентных текстов.

Ю. Н. Караулов определил их как «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010: 216]. Их использование отсылает реципиента «к особым ценностным концептам, свойственным всем представителям данной культуры» [Алдошина, 2023: 45]. В качестве прецедентных феноменов могут выступать цитаты, названия произведений (книг, песен, фильмов и др.), имена известных людей, важные события. Разновидностью прецедентного текста является прецедентная ситуация, которая определяется как событие, инвариант восприятия которого, «включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества» [Гудков, 2000: 41]. Например, для носителей русской лингвокультуры такой прецедентной ситуацией является пожар Москвы в 1812 г.: упоминание данного события актуализирует в сознании реципиента ряд представлений и связанных с ними прецедентных феноменов (Наполеон, Кутузов, Отечественная война, «Война и мир» Л. Н. Толстого и др.). В сознании человека существует «реестр» определенных знаний, который позволяет ему воспринимать прецедентные тексты [Нойштадт, 1999: 297]. При этом даже в рамках одной отдельно взятой лингвокультуры нельзя говорить о существовании единой системы интерпретации прецедентных ситуаций. Приведенный пример с пожаром Москвы будет по-разному актуализироваться в различных дискурсах (приверженцами разных

историографических традиций, апологетами Наполеона, сторонниками многочисленных версий «альтернативной» истории и конспирологии и т. д.).

Понятие ‘прецедентный феномен’/«прецедентный текст» иногда употребляется в качестве синонима к терминам ‘текстовая реминисценция’ и ‘историческая метафора’ [Нахимова, 2006: 187]; некоторые исследователи подчеркивают, что исторические метафоры базируются «на прецедентных именах и ситуациях», представляя собой сравнения прошлого и будущего [Солопова, 2012: 24]. Использование автором текста исторических метафор позволяет ему проводить исторические аналогии. В. О. Беклямишев в своем диссертационном исследовании определяет историческую аналогию как «процедуру переноса признаков, характеризующих некую ситуацию (период, явление) в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства» [Беклямишев, 2023: 16]. В качестве субъекта исторической аналогии может выступать как отдельно взятый индивид, так и дискурсивное сообщество, для которого использование исторических аналогий будет являться одним из способов самоидентификации.

Важно подчеркнуть, что политик, актуализирующий исторические аналогии в своем дискурсе, не ставит перед собой образовательных или научных целей. А. И. Миллер, проанализировавший обращения к событиям прошлого в текстах выступлений президента России В. В. Путина, делает следующий вывод: «Путин – прежде всего политик, и <...> его выступления по историческим вопросам следует анализировать прежде всего в качестве коммуникативных политических актов» [Миллер, 2023: 62]. При этом во многих случаях анализ используемых исторических аналогий оказывается важным элементом создания дискурсивного портрета политика или анализа идеологической платформы политической партии. Например, в дискурсе представителей левой испанской партии «Podemos» нынешний Европейский союз сравнивается с королевской властью во Франции XVIII в., а сторонники партии – с парижскими санкюлотами [Macmillan, 2017: 266]. Это сопоставление является показательным для анализа идеологии

«Podemos» и дает представление о картине мира приверженцев этой политической силы.

Таким образом, историческая дискурсология представляет собой актуальное направление в рамках современных дискурсивных исследований. В исторической дискурсологии выделяется несколько подходов: дискурсивный анализ текстов, относящихся к одной эпохе; диахронический лингвокультурологический анализ концептов; диахронический анализ развития отдельной дискурсивной разновидности. Последний является наиболее релевантным для настоящего исследования. Кроме того, к исторической дискурсологии мы относим и изучение дискурса о прошлом, в котором актуализируются представления об исторических событиях. Приведение исторических аналогий является распространенным приемом в политическом дискурсе и служит не для образовательных или просветительских целей, но помогает субъекту дискурса воздействовать на реципиента.

1.3. Определение, формы и функции политического дискурса

Дискурс представляет собой сложное явление, существующее в разных модусах и жанрах. Противопоставление устного и письменного модусов представляется наиболее очевидным. Их восприятие в различные исторические периоды могло варьироваться. В некоторых культурах приоритет отдавался устному модусу: например, в Древней Индии священные тексты в течение долгого времени передавались в устной форме [Захарьин, 2014: 112]. Кроме того, нельзя не отметить, что и в XXI в. большая часть существующих на Земле языков не имеет письменности; соответственно, их носители передают накопленные культурные знания исключительно устно. В то же время в других культурах более престижным статусом обладают письменные тексты. В качестве примера можно привести общество средневековой Европы или современный арабский мир, в котором классический арабский язык, на котором написан текст Корана, имеет гораздо более высокий статус, чем многочисленные диалекты [Martinet, 1980:

158–160]. В лингвистике вплоть до XX в. приоритет отдавался изучению письменного дискурса; при этом, как отмечает А. А. Кибрик, даже в первой половине XX в., когда научное сообщество осознало необходимость анализа устной речи, многие специалисты полагали, что «изучают устный язык (в положенном на бумагу виде), а в действительности анализировали лишь письменную форму языка» [Кибрик, 2019: 136].

Тот факт, что устный дискурс является первичным по отношению к письменному, обуславливает интерес современных лингвистов к его исследованию. При этом для нашей работы приоритетной является письменная форма коммуникации: обращаясь к изучению языка дискурсивного сообщества в XIX – первой половине XX в., мы можем опираться только на письменные тексты.

Дискурс не является однородным и с точки зрения жанрового разнообразия. Важно отметить, что существование жанров не является свойством исключительно письменного дискурса: в рамках устного дискурса также существуют многочисленные жанровые разновидности [Яковлева, 2019: 37]. Изначально понятие жанра использовалось в литературоведении, но впоследствии перешло и в дискурсивные исследования. А. А. Кибрик выделяет три подхода к определению понятия ‘жанр’ с позиций изучения дискурса: социологический (как атрибут дискурсивного сообщества, связанный с реализацией типовых дискурсивных намерений), схематический (как стандартная дискурсивная структура) и лексико-грамматический (как разновидность дискурса, обладающая определенными грамматическими и лексическими характеристиками) [Кибрик, 2019: 142–143]. М. М. Бахтин, с именем которого связано расширение сферы употребления понятия ‘жанр’, писал, что речевые жанры «гораздо гибче, пластичнее и свободнее форм языка» [Бахтин, 1986b: 272]. Эта «гибкость» речевых жанров определяет их разнообразие, а также расплывчатость границ между ними. Один жанр речевого общения может перетекать в другой, и далеко не всегда между ними можно провести четкую границу. Кроме того, в некоторых

текстах отмечается такое явление, как гибридизация жанра, часто используемая, например, в рекламном дискурсе [Чернявская, 2025: 84–85]

Помимо деления на модусы и жанры дискурс допускает возможность иных классификаций. С позиций социолингвистики дискурс можно разделить на персональный (дискурс отдельно взятого индивида) и институциональный (коммуникация в рамках определенных институциональных отношений) [Лукьянова, 2016: 150]. Институциональный дискурс формируется «в условиях статусно-ориентированного взаимодействия людей, выступающих в качестве представителей социальных институтов», в то время как в персональном «говорящий раскрывает все свои личностные характеристики» [Алексеев, 2022а: 98]. Отметим, что часто персональный и институциональный дискурсы могут пересекаться. Нас интересует в первую очередь институциональный дискурс: в настоящем исследовании мы изучаем не речь отдельно взятого индивида, но тексты, которые он производит как представитель карлистского дискурсивного сообщества. С точки зрения профессиональной сферы, также выделяются самые разные типы дискурса: административный, дипломатический, юридический, военный, педагогический, спортивный, религиозный, научный и др.; О. А. Сулейманова и Л. А. Борботько пишут об исследовании таких «экзотических» типов дискурса, как пенитенциарный, мнемический и театральный [Сулейманова, 2024: 919]. Одним из видов дискурса является политический дискурс.

В современном языкознании нет общепризнанного определения этого явления. Более того, в российской лингвистике можно встретить целый ряд терминов, которые часто выступают как синонимы к понятию ‘политический дискурс’. Так, М. С. Вершинин посвятил свою монографию изучению политической коммуникации, которую он понимал как «смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление» [Вершинин, 2001: 53]. З. К. Гузиева употребляет в качестве синонимов понятия ‘язык политики’ и ‘политический

язык' [Гузиева, 2017: 11]. Е. Л. Гладкова оперирует термином 'язык политики', который она трактует как «язык государственной власти» [Гладкова, 2010], то есть происходит сужение сферы употребления этого определения. В настоящей работе мы будем использовать термин 'политический дискурс', широко употребляющийся и в отечественной, и в зарубежной лингвистике.

Многообразие подходов к изучению политического дискурса (см. их обзор в [Корнева, 2020: 88]) и наличие большого количества определений данного явления обусловлены тем, что, как писал М. Эдельман, «язык – это неотъемлемая часть политической сцены, которая не просто служит инструментом для описания событий, но является их элементом, определяет их значение и помогает сформировать политические роли, которые играют официальные лица и широкая публика» [Edelman, 1977: 4]. Язык определяет политическую реальность, и «превращается тем самым в субъект действительности» [Ларионова, 2017а: 390]. Рассмотрим некоторые определения политического дискурса, существующие в языкознании.

Большое внимание изучению политического дискурса в своих работах уделяет Т. ван Дейк. Он отмечает, что самым простым было бы определить политический дискурс по его акторам, то есть политикам, однако далее он добавляет, что неизбежно возникает сложность с проведением границ политики как таковой [Van Dijk, 1997: 13–15]. Как пишут Ф. Рандур *et al.*, «главным вопросом анализа политического дискурса является определение того, что является политическим, а что нет» [Randour, 2020: 429]. Действительно, в политической деятельности в той или иной степени задействованы не только профессиональные политики (депутаты, главы государств, партийные активисты и др.), но и широкие массы населения. Два человека, обсуждающие у себя дома предстоящие выборы в парламент, также участвуют в политической деятельности; их разговор, соответственно, относится к политическому дискурсу. Т. ван Дейк приписывает возможность заниматься политикой всем гражданам, имеющим избирательные права [Van Dijk, 1997: 13], но для нашего исследования мы можем

расширить это определение. В Испании XIX в. большая часть населения не имела избирательных прав, при этом не участвующие в выборах испанцы в той или иной степени оказывали воздействие на своих обладающих этими правами соседей. Кроме того, вплоть до конца 1860-х гг., то есть на протяжении первых трех десятилетий своего существования, карлистское движение не признавало парламентской борьбы и пыталось прийти к власти исключительно путем вооруженного восстания. Очевидно, что карлистский политический дискурс в данный период существовал как отдельное языковое явление, которое при этом сильно отличалось от современных разновидностей политического дискурса. Тем не менее определение политического дискурса как «заметного способа занятий политикой», предлагаемое Т. ван Дейком [Van Dijk, 1997: 18], в данном случае применимо и к дискурсу карлистов.

Д. Вильсон, показывая сложность определения политического дискурса, отмечает, что любой дискурс «политичен сам по себе» [Wilson, 2005: 398]. Одной из основных задач анализа политического дискурса является изучение того, как язык используется для достижения определенного эффекта [Wilson, 2005: 410]. Таким образом, принципиальным для определения политического дискурса становится его цель, а сам он отражает борьбу за власть и ее удержание [Воронина, 2023: 18; Ларионова, 2020: 121; Мурзин 2023: 34]. О достижении политического эффекта посредством языка в начале Первой Карлистской войны метафорически рассуждал известный испанский писатель и поэт М. Х. де Ларра: «Стоит одному слову сорваться с уст оратора в узком кругу, и множество людей, жадно ловящих каждую фразу, подхватывают и разносят его <...> и иногда достаточно одного слова, чтобы собрать толпу, взбудоражить страсти, и таким образом произвести революцию» (цит. по: [Lawrence, 2014: 47]).

В настоящем исследовании под политическим дискурсом будет пониматься языковое выражение общественной практики в политической сфере, для интерпретации которого требуется учитывать ряд экстралингвистических факторов, которые определяют его реализацию и влекут за собой определенные

политические действия [Ларионова, 2022: 75; Чудинов, 2006: 41]. Важным вопросом является проблем содержания политического дискурса, дискуссия о том, какие формы коммуникации могут быть к нему отнесены. Так, существует точка зрения, в соответствии с которой к политическому дискурсу относится «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях» [Баранов, 1991: 6], то есть можно поставить знак равенства между понятиями 'политический дискурс' и 'дискурс политиков' (см. рассуждения Т. ван Дейка на эту тему: [Van Dijk, 1997: 12–13]). Конечно, данный подход, встречающийся в научных работах (например: [Космодемьянская, 2024; Ella, 2021]), имеет право на существование и может быть использован, если это представляется целесообразным в рамках конкретного исследования.

Однако в настоящей работе мы обращаемся к подходу целого ряда исследователей, которые предлагают исходить из широкого понимания природы политического дискурса и относить к нему «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2000: 35] (см. также: [Войку, 2021; Ларионова, 2022; Покок, 2023; Laclau, 2001; Shunqing, 2023; Wilson, 2005]). Потенциально к политическому дискурсу могут относиться как устные, так и письменные тексты любого жанра. Даже этикетные речевые жанры (приветствие, прощание, благодарность и др.) иногда имеют политическое содержание. Например, во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) среди сторонников генерала Ф. Франко (к числу которых относились и карлисты) была распространена формула приветствия *¡Arriba España!* («Вставай, Испания!»; досл.: «Вверх, Испания!»). Ее употребление превратилось в свидетельство политической благонадежности говорящего и декларации его взглядов, а отказ от произнесения данной формулы мог повлечь за собой не только общественное осуждение, но и юридические санкции.

К политическому дискурсу относятся не только речевые формулы, тексты речей, прокламаций, манифестов и др., но и художественные тексты. Любое произведение пишется автором в определенном политическом контексте. Даже

если тема политики не затрагивается в романе, пьесе или стихотворении, сам факт написания и публикации текста в той или иной стране в определенный исторический момент может восприниматься как политическое заявление. Дж. Оруэлл, аргументируя свой тезис о том, что литературы вне политики не существует, писал: «Зачем вообще пишутся книги? За исключением низкопробной беллетристики, литература – это попытка повлиять на взгляды современников путем записи жизненного опыта. И поскольку речь идет о свободе выражения, не так уж и велика разница между простым журналистом и самым “аполитичным” писателем-творцом» [Оруэлл, 1989: 144]. Часто это влияние реализуется имплицитно, но многие произведения напрямую обращаются к вопросам идеологии или борьбы за власть, пытаются воздействовать на читателя с целью вызвать у него определенную реакцию или привлечь его на сторону автора. Принадлежность к политическому дискурсу у произведений такого рода не вызывает сомнений. Например, в 1900 г. каталонский писатель и участник карлистского движения М. Вайреда опубликовал роман «Новая кровь» («Sang nova»), главной темой которого стало обоснование политических взглядов автора, в частности его постепенный отход от карлизма в сторону консервативного каталонского национализма [Терещук, 2024a].

В настоящем исследовании мы относим к карлистскому политическому дискурсу следующие виды текстов: (1) агитационные материалы (манифесты, воззвания, речи, циркуляры, приказы по армии, указы, листовки, пропагандистские брошюры, плакаты и др.); (2) публицистику; (3) художественную литературу; (4) мемуаристику (более подробно вопрос об источниках изучения карлистского дискурса рассматривается в соответствующем разделе). Аналогичные формы выражения имеет и любая другая разновидность политического дискурса XIX – начала XX вв. При этом, обращаясь к изучению дискурсов более других эпох, следует иметь в виду, что виды изучаемых текстов будут сильно варьироваться. Так, при изучении политической коммуникации в период западноевропейского Средневековья исследователь, естественно, не может

использовать публицистику и мемуаристику, а роль частной переписки будет гораздо менее значимой, чем в XIX в. В то же время в XXI в. на первый план выходит коммуникация в интернете, отличающаяся многообразием форм и стилистическим разнообразием. В лингвистических исследованиях к политическому дискурсу относят не только упомянутые выше виды текстов, но и, например, такие формы коммуникации, как официальные соболезнования [Fenton-Smith, 2007], плакаты [Филатова, 2024] или граффити [Hanauer, 2011].

Политический дискурс рассматривается нами как многоуровневая дискурсивная система, которая обладает когнитивной, коммуникативной и прагматической спецификой. Эта система функционирует как способ выражения определенных мировоззренческих установок и политических идей. Участники, или акторы, политического дискурса интерпретируют происходящие события в характерном для их идеологических установок ключе. М. В. Ларионова называет интенциональные установки и коммуникативные намерения акторов политического дискурса «фильтром», который позволяет им концептуализировать реальность в соответствии с собственными представлениями [Ларионова, 2015: 39]. Проиллюстрируем эту идею примером из политического романа испанского писателя Б. Переса Гальдоса «Донья Перфекта» («Doña Perfecta»), впервые опубликованного в 1876 г., сразу после окончания Третьей Карлистской войны. Один из персонажей – карлист Кабальюко – вызывает искреннее восхищение у своих единомышленников, которые подчеркивают, что отец и дед героя участвовали в карлистских войнах 1833–1840 гг. и 1846–1849 гг. и что сам Кабальюко тоже готов примкнуть к восстанию против либерального правительства. Данная преемственность, существование настоящих карлистских «династий», часто подчеркивалась в пропаганде сторонников дона Карлоса⁴. В то же время в глазах протагониста, инженера Пеппе, и других персонажей либеральных взглядов, тот факт, что три поколения одной семьи участвуют в «мятеже» (исп. «facció»), является негативным. Сочувствующий либералам автор

⁴ Ср.: Т. ван Дейк сравнивает восприятие идеологии членами определенного дискурсивного сообщества с усвоением языка ребенком [Van Dijk, 1998: 91].

романа выворачивает наизнанку клише из карлистского дискурса и выводит Кабальюко в качестве одного из антагонистов [Терещук, 2024f].

Идея концептуализации реальности в соответствии с «фильтрами» участников коммуникации оказывается тесно связанной с функциями политического дискурса. Р. О. Якобсон выделил шесть функций в языке: (1) эмотивную (экспрессивную) – выражение отношения говорящего к собственному сообщению; (2) конативную (апеллятивную) – ориентацию на адресата сообщения с использованием звательной формы и повелительного наклонения; (3) референтную (референтивную/денотативную) – ориентацию на контекст высказывания; (4) фатическую – поддержание коммуникации, часто при помощи клише или ритуальных формул; (5) метаязыковую – интерпретацию высказывания; (6) поэтическую – сосредоточение внимания на сообщении ради него самого [Якобсон, 1975: 198–203]. Данные функции присущи языку в целом, они могут проявляться в той или иной степени во всех видах дискурса. Для политического дискурса особенное значение имеет конативная функция, которую Е. И. Шейгал с опорой на монографию Н. Б. Мечковской [Мечковская, 1996] предлагает называть «регулятивной» – термин, позволяющий акцентировать внимание на попытке «регулировать» поведение реципиента [Шейгал, 2000: 48].

Важность регулятивной функции следует из обозначенной выше основной цели политического дискурса – борьбы за власть (овладение властью или ее удержание). Применительно к политическому дискурсу Е. И. Шейгал называет регулятивную функцию инструментальной (рассматривая этот вид дискурса как «инструмент политической власти») и выделяет в ее рамках следующие функции (представляется оправданным называть их «подфункциями») [Шейгал, 2000: 50–51]:

(1) Подфункция социального контроля. Представляет собой манипуляцию общественным сознанием, создание благоприятной обстановки для прихода к власти определенных политических сил. 1 октября 1833 г. дон Карлос выпустил манифест в Абрантеше, в котором заявлял о своих правах на корону и приводил

ряд аргументов в пользу своей кандидатуры. Те, кто отказались бы признать его в качестве законного короля, объявлялись не только «мятежниками», но и «грешниками», и их должна была постичь кара «во имя Господа и закона» (см. текст манифеста в Абрантеше в приложении А; перевод на русский язык: [Терещук, 2023а: 376–377]). Основными подфункциями данного документа являются подфункции социального контроля и ориентации.

(2) Подфункция легитимации власти (у Е. И. Шейгал – «легитимизация власти» [Шейгал, 2000: 50]). Служит для объяснения логики собственных действий политическими силами, которые уже пришли к власти и пытаются ее сохранить. Т. ван Дейк указывает, что «легитимизирующий дискурс обычно реализуется в институциональных контекстах» [Van Dijk, 1998: 255]. Например, в ответ на манифест в Абрантеше вдовствующая королева Мария-Кристина 4 октября 1833 г. выпустила манифест в Мадриде, в котором заявила о правах своей малолетней дочери Изабеллы на престол и провозгласила себя регентом королевства. Мария-Кристина подчеркнула, что выполняет волю покойного монарха короля Фернандо VII, а не просто узурпирует власть (см. перевод манифеста Марии-Кристины от 4 октября 1833 г. на русский язык: [Терещук, 2023а: 377–379]). Использование в манифесте политического языка предшествующего царствования (апелляция к защите «Религии и Монархии»; обещание «свято хранить форму и фундаментальные законы монархии, не допуская опасных нововведений»; напоминание о «блистательном имени Изабеллы» в испанской истории, то есть ссылка на кастильскую королеву конца XV в. Изабеллу I), а также гарантии сохранения существующего политического режима привлекли на сторону Марии-Кристины армию и умеренных консерваторов. В то же время для многих Мария-Кристина ассоциировалась с либерализмом, благодаря чему вдовствующая королева получила поддержку сторонников реформ [Agirreazkuenaga, 2000: 194].

(3) Подфункция воспроизводства власти. Данная подфункция близка к подфункции легитимации и может рассматриваться как ее продолжение.

Политические силы, пришедшие к власти и легитимизировавшие ее, используют политический дискурс для закрепления уже завоеванных позиций, часто с помощью ритуального использования символов. Таким способом они обеспечивают накопление символического капитала власти (в терминологии П. Бурдьё). Французский социолог писал, что «символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия» [Бурдьё, 2007: 80]. При этом, по мнению П. Бурдьё, «легитимация социального порядка не является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения, как в это верят некоторые; она вытекает из того, что агенты применяют к объективным структурам социального мира структуры восприятия и оценивания, порожденные этими объективными структурами» [Бурдьё, 2007: 80]. Примером реализации подфункции воспроизводства власти являются дворянские титулы. Т. де Сумалакарреги, создатель карлистской армии на севере Испании в ходе Первой Карлистской войны, был пожалован целым рядом титулов от дона Карлоса: генерала сделали грандом Испании, графом Сумалакарреги и герцогом де ла Викториа (то есть «Победы»)⁵. С точки зрения правительства в Мадриде, дон Карлос как «мятежник» не имел права присваивать титулы; для лидера карлистов, наоборот, этот акт служил символическим закреплением власти. Уже в конце Первой Карлистской войны такой же титул (герцог де ла Викториа) был присвоен Марией-Кристиной победителю карлистов генералу Б. Эспартеро. Иллюстрацию функции воспроизводства власти можно найти в воспоминаниях бригадира армии дона Карлоса Х. А. де Урбистондо. В 1835–1839 гг. он участвовал в карлистском движении, и для него герцогом де ла Викториа являлся Т. де Сумалакарреги. В 1839 г. Х. А. де Урбистондо и часть карлистов заключили с либералами сепаратный мир, согласившись сложить оружие и признать мадридское

⁵ Zaratiegui, J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V / por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui / J. A. Zaratiegui. – Paris: Imprinta de Lacour y Comp., 1845. – P. 530.

правительство. Описывая в своих записках примирение двух противоборствующих сторон, которое вошло в историю как «объятие в Вергаре», Х. А. де Урбистондо начал использовать герцогский титул по отношению к Б. Эспартеро⁶, маркируя тем самым изменение своих политических предпочтений.

(4) Подфункция ориентации. В рамках данной функции в общественном сознании формируется картина политической реальности. В качестве примера реализации данной подфункции можно привести травелог сочувствовавшего карлистам корреспондента газеты «Morning Herald» М. Б. Хонана, посетившего Испанию в 1835–1836 гг. В своем тексте английский журналист создавал образ карлистов, как угнетенных людей, вынужденных бороться против притеснений мадридских властей⁷. Меняя местами причину и следствие (репрессии властей – восстание карлистов), М. Б. Хонан влиял на общественное мнение в Великобритании и на английских сторонников дона Карлоса.

(5) Подфункция социальной солидарности. В зависимости от идеологии акторов политического дискурса эта подфункция может реализовываться либо с целью объединения всего общества, либо для консолидации отдельных социальных групп. Так, для карлистского дискурса характерна апелляция ко всем католикам; сам факт принадлежности к Католической церкви декларировался как более важный фактор, чем социальное происхождение. В то же время в антикарлистском дискурсе в 1920–1930-е гг. часто можно встретить примеры данной подфункции, когда пропаганда определенных левых групп ориентировалась только на рабочих или крестьян.

(6) Подфункция социальной дифференциации. Является обратной по отношению к предыдущей. Социальные группы, враждебные актору политического дискурса, подвергаются отчуждению. Важно подчеркнуть, что

⁶ Urbiztondo, A. de Apuntes sobre la guerra de Navarra en su última época, y especialmente sobre el convenio de Vergara. Por el mariscal de campo D. Antonio de Urbiztondo / A. de Urbiztondo. – Madrid: Imprenta de D. R. de la Sota, 1841. – P. 35.

⁷ Honan, M. B. The Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura by Michael Burke Honan / M. B. Honan. – London: John Macrone, St. James's Square, 1836. – P. 102; 129; 153.

данное отчуждение характерно именно для политического дискурса, но совсем не обязательно должно проявляться на практике. Идея о том, что у всех представителей того или иного социального класса, должны быть одни и те же интересы и политические взгляды, является сильным упрощением. В действительности идеологические преференции отдельно взятого человека определяются не его происхождением, а сочетанием огромного количества самых разных факторов. В истории карлистских войн мы встречаем многочисленные примеры людей, которые по своему происхождению должны бы были оказаться на одной стороне «баррикад», но в реальности сражались на другой [Терещук, 2023а: 87–88]. Но в изучении политического дискурса мы часто сталкиваемся с реализацией функции социальной дифференциации. В вышеупомянутом романе М. Вайреды «Новая кровь» автор резко критикует назначаемых из Мадрида чиновников и противопоставляет им жителей Каталонии. Среди каталонцев, в свою очередь, «элитой», носителями «настоящего» каталонского духа являются жители горных районов, сельской «глубинки», а каталанская лексема *montanyenc* («горский, характерный для горцев») приобретает положительные коннотации [Терещук, 2024а: 121–122].

(7) Агональная подфункция. Е. И. Шейгал пишет, что эта подфункция заключается в протесте против властей, в провоцировании социального конфликта [Шейгал, 2000: 50]. Нам представляется, что в ничуть не меньшей степени агональная подфункция свойственна и дискурсивным практикам любой группы, находящейся у власти. Акцентирование внимания на образе врага, оскорбление или дискредитация политического противника являются яркими особенностями политического дискурса. В 1849 г. карлистский генерал Р. Кабрера в своем обращении к армии, называет либеральное правительство «*tiránico sistema*» («тиранической системой»), «*bando sultánico*» («султанской бандой») и «*verdugos*» («палачами»)⁸. Данный подбор оскорблений с разных сторон характеризует противников карлистов, показывая и отсутствие свободы, и копирование ими

⁸ Bando del general Cabrera (25.03.1849) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 265–267.

элементов восточной деспотии, и репрессии. Принижение и дискредитация оппонента в политическом дискурсе служит и для самоутверждения, акцентирования внимания на собственных достоинствах [Алексеев, 2022b: 123].

(8) Акциональная подфункция. Для описания этой подфункции Е. И. Шейгал использует термин «мобилизация» и «наркотизация» населения, то есть организация действий собственных политических сторонников и одновременно отвлечение внимания общества от определенных действий. Акциональная подфункция может реализовываться в форме прямого обращения (через призывы к действию, обещания, угрозы) или посредством создания у аудитории соответствующего эмоционального настроя. Примером может послужить плакат времен Гражданской войны 1936–1939 гг. (см. иллюстрацию в приложении В) с призывом «*Alistaos en el Requeté*» («Записывайтесь в Рекете»). Бургундский крест в центре плаката напоминал о временах расцвета Испанской империи в XVI–XVII вв. [Albi de la Cuesta 2017a: 116], а слово *Requeté*, которым обозначалась военизированная организация карлистов, было широко известно в Испании [Терещук, 2025с: 256]. Использованная в тексте форма императива усиливала воздействие на реципиента.

(9) Подфункция распространения информации. Заключается в доведении до населения информации о политических событиях. Эта информация может сообщаться в самых разных формах (пост в социальных сетях, пресс-конференция, неформальная беседа и др.). Существенную роль играет информация, сообщаемая имплицитно. Этот слой информации реципиент может понять, опираясь на контекст высказывания, фигуру производителя речи, собственные политические взгляды и др. Русский участник карлистского движения штабс-капитан А. П. Яремчук опубликовал свой дневник, посвященный участию автора в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг. (о тексте А. П. Яремчука см.: [Терещук, 2020a]). В начало книги он поместил краткую историческую справку о предпосылках конфликта на Пиренейском полуострове. Характеризуя напряженную общественно-политическую ситуацию во Второй

испанской республике, А. П. Яремчук перечисляет сухие статистические выкладки: «За четыре с половиной года существования республиканского правительства произошли: 160 сожжений и разграблений церквей, 269 политических убийств, 1287 вооруженных нападений с целью грабежа, 69 разгромов политических центров, 10 нападений и поджогов редакций газет, 348 забастовок»⁹. В данном примере достоверность статистики не имеет значения – на самом деле, автор цитирует выступление испанского политика Х. М. Хилья-Роблеса, который указывал эти данные не за «четыре с половиной года», а за четыре месяца, с 16 февраля по 15 июня 1936 г., когда у власти находилось правительство Народного фронта [González Calleja, 2016].

А. В. Голоднов рассматривает прямое цитирование высказывания на политическую тему как нейтральную языковую репрезентацию [Голоднов, 2011: 249], однако в некоторых случаях цитирование содержит в себе оценочный компонент. В вышеприведенном примере А. П. Яремчук воздействует на аудиторию, используя подфункцию распространения информации. Его читатели – это преимущественно русские эмигранты консервативных взглядов, верующие христиане и военные. Для них эти статистические выкладки служили оправданием дальнейших действий автора текста, который решил отправиться в Испанию и примкнуть к восстанию против республиканского правительства. При этом на аудиторию с иными идеологическими установками (например, пацифистов или анархистов) данное перечисление не оказало бы воздействия.

(10) Подфункция определения повестки дня, или подфункция выдвижения. Заключается в контроле за распространением информации, в выборе тем, которые становятся предметом дискуссии. Темы, обсуждение которых выставляет отдельного политика или политическую партию в невыгодном свете, оказываются на периферии, в то время как внимание общественности переключается на другие сюжеты. Широко известен пример из массовой культуры, иллюстрирующий данную подфункцию, – художественный фильм Б. Левинсона «Хвост виляет

⁹ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939 / А. П. Яремчук. – Сан-Франциско: Глобус, 1983. – С. VI.

собакой» (англ. «Wag the Dog») 1997 г. Герои фильма, руководящие избирательной кампанией президента США, отвлекают внимание общественности от скандала, связанного с фигурой главы государства, и инсценируют войну в Албании, которая и определяет повестку дня. Аналогичные примеры можно встретить и в истории карлизма. Когда в сентябре 1837 г. армия дона Карлоса находилась под Мадридом и готова была штурмовать практически не защищенную столицу, газета «Eco del Comercio» сообщила о том, что председатель кортесов (парламента) запросил у военного командования 100 ружей, для того чтобы депутаты могли принять участие в обороне города [Терещук, 2023а: 271–272]. Публикация, представлявшая эту ситуацию как акт патриотизма, определяла повестку дня и отвлекала внимание читателей от бедственного положения в Мадриде, ставшего следствием неудачных действий правительственных войск.

(11) Подфункция проекции в будущее и прошлое. Представляет собой обращение к примерам из прошлого или рассуждения о «светлом» будущем. Как пишет Е. И. Шейгал, «романтизированные воспоминания о прошлом, подчеркивая преемственность политического курса, способствуют созданию ощущения надежности и безопасности» [Шейгал, 2000: 53]. Обещания процветания в будущем играют важную роль в политическом дискурсе: любой политик, пытающийся привлечь на свою сторону избирателей, гарантирует им, что в случае победы на выборах он сможет решить все проблемы. Как будет показано далее, данная подфункция занимает центральное место в карлистском дискурсе. При этом воспоминания о прошлом необязательно должны быть «романтизированными» и положительными: часто подфункция проекции в будущее и прошлое пересекается с агональной подфункцией. Например, в манифесте дона Карлоса-младшего от 10 июля 1887 г., заявляется, что приближаются «el aniversario de dos acontecimientos famosos: el de la conversión de Recaredo y establecimiento de la Unidad Católica en España, y el de la Revolución francesa» («годовщины двух известных событий: обращения Рекареда и

установления Католического Единства в Испании и Французской революции»)¹⁰. Отсылки к первому из упомянутых событий – переходу вестготского короля Рекареда I из арианства в ортодоксальное христианство в 589 г. – часто встречаются в институциональном карлистском дискурсе. Этот переход воспринимался карлистами как торжество католической веры над «ересью», и напоминание о нем одновременно выступало как проекция в будущее, когда католицизм должен был восторжествовать над современными «ересями» (в разные исторические моменты под этими «ересями» могли пониматься либерализм, атеизм, коммунизм, масонство, нацизм и др.). Французская революция, начавшаяся в 1789 г., наоборот, воспринималась как «источник зла». Сама идеологема «революция» имела негативные коннотации в карлистском дискурсе (за исключением дискурса левых карлистов во второй половине XX в.) [Терещук, 2024b]. Упоминание о событиях во Франции конца XVIII в. напоминало аудитории о «враге», который представлял «угрозу» для католической Испании.

В качестве одной из подфункций регулятивной функции часто выделяется и магическая подфункция. Термином «магия» часто обозначают предрелигиозные воззрения людей, в соответствии с которыми предметы могут обладать инородной силой, которая выделяет их из окружающей среды, «сообщает смысл и ценность» [Элиаде, 1987: 32]. Похожим образом действует магическая функция языка: языковой знак приобретает новое, «магическое» содержание. Произнесение клятвы (присяги) и отказ от использования табуированной лексики являются примерами реализации магической подфункции. А. Б. Алексеев указывает, что проявлением магической подфункции стало появление идеологии политкорректности [Алексеев, 2017: 80], то есть социальной и коммуникативно-речевой практики, нацеленной на «использование языка, исключая слова и выражения, оскорбительные по признаку расы, национальности, пола, семейного статуса, возраста, вероисповедания, сексуальной принадлежности и исключаящие дискриминацию другого человека по этим основаниям» [Чернявская, 2023а: 60].

¹⁰ Manifiesto de Carlos VII (10.07.1888) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 60–62.

Это появление стало возможным благодаря отмечавшемуся Р. Бартом человеческому представлению о том, что «с упразднением слова как бы упраздняется и референт» [Барт, 1989: 526].

Проявлением магической подфункции в политическом дискурсе является не только существование табуированной лексики, но и ритуальные действия, направленные на демонстрацию власти или маркирующие приверженность определенным политическим взглядам. Так, для карлистского дискурса (и в целом для католического традиционалистского дискурса) характерен культ Святейшего Сердца Иисуса (исп. «Sagrado Corazón de Jesús»). Этот культ существовал в католицизме с XVIII в. В 1790-е гг. во Франции символика Святейшего Сердца Иисуса широко использовалась противниками революции (шуанами и повстанцами в Вандее), а в следующем столетии этот культ распространился по всей Западной Европе и некоторым странам Латинской Америки и стал одним из символов контрреволюции [Moral Roncal, 2009: 223–224]. По мнению А. Висента, этот культ символизировал более тесную, личную связь между Богом и верующим [Vicent, 2017: 179]. По воспоминаниям Л. П. де Мервиля, в 1870-е гг. многие карлисты носили на груди изображение Святейшего Сердца¹¹, а в XX в. оно часто встречалось на первой странице многих карлистских газет [Agudín, 2020: 190]. В 1931 г. карлистская пресса организовала кампанию, в рамках которой призывала всех католиков вывесить на балконах своих домов символ этого культа [Agudín, 2020: 361]. Таким образом, размещение на доме определенной символики маркировало политические взгляды его обитателей.

Выделим и основные способы реализации в политическом дискурсе остальных функций языка (помимо регулятивной/конативной). Эмотивная, или экспрессивная, функция маркирует отношение актора политического дискурса к высказыванию. Как писал Г. Гийом, «экспрессивность акта речевой деятельности способна значительно изменять смысл, который могут иметь в речи слова» [Гийом, 1992: 87]. Экспрессивность определяется как семантическая категория

¹¹ Meurville, L. P. de *Blancos y negros: Excursion en pays Carliste* / L. P. de Meurville. – Paris: Librairie Poussielgue Frères, 1874. – P. 23.

эмоционального воздействия, «связанная с определенным искажением реальности, которое равно допустимо как для субъекта речи, так и для адресата, что делает возможным процесс коммуникации» [Зайнульдинов, 2019: 100]. Ее целью является эмоциональное воздействие; соответственно, в политическом дискурсе, который представляет собой коммуникацию персуазивного типа¹², нацеленную на определенную реакцию аудитории [Воронина, 2023: 18], часто реализуется эмотивная функция [Немцева, 2024: 95]. Ее примером в карлистском дискурсе может послужить манифест дона Карлоса, выпущенный 6 октября 1841 г. в Бурже (Франция), в котором претендент на престол заявлял, что над Испанией реет «bandera de desolación y de sangre» («флаг отчаяния и крови»)¹³. Отметим в данном словосочетании отсутствие артикля после предлога *de*, то есть сочетание существительного с предлогом выступает в атрибутивной функции, что служит для усиления экспрессивности («отчаяние» и «кровь» оказываются имманентными свойствами самого флага либеральной Испании).

Важность референтной функции обусловлена тем, что язык является инструментом интерпретации реальности. Одни и те же факты политической жизни могут интерпретироваться совершенно по-разному в зависимости от идеологических установок участников коммуникации или от контекста высказывания. Тенденция к интерпретации событий в определенном ключе создает картину политической реальности, которая является общей для представителей всего дискурсивного сообщества.

Фатическая функция в политическом дискурсе в первую очередь проявляется в использовании определенных клише и ритуальных формул, которые маркируют начало или конец коммуникации. Кроме того, представляется обоснованным выделить отдельные фатические жанры в политическом дискурсе.

¹² Под персуазивностью в настоящей работе будет пониматься коммуникативное воздействие «с целью ненасильственным путем <...> добиться от реципиента принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения/отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [Голоднов, 2011: 248].

¹³ Manifiesto de Carlos V desde Bourges (06.10.1841) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVIII. P. 251–252.

Например, новогоднее/рождественское обращение главы государства к гражданам, как правило, служит не для информирования населения (известным исключением является обращение президента России Б. Н. Ельцина в 1999 г.), но является выражением определенной политической культуры, подчеркивает связь между властью и народом [Селиванова, 2019: 62]. Многочисленные обращения к населению, выпускаемые карлистским руководством в ходе Первой Карлистской войны, также часто выполняли фатическую функцию.

Метаязыковая функция, представляющая собой объяснение языковых фактов и явлений через сам язык, также представлена в политическом дискурсе, хотя, как правило, проявляется в нем не так ярко, как в некоторых других видах дискурса (например, в научном). Отметим, впрочем, что в неиспаноязычном карлистском дискурсе эта функция играет важную роль, так как некоторые испанские термины или реалии могут выступать в качестве ксенонимов и сопровождаться комментариями. Ее проявлением может послужить ситуация, когда политик в своем выступлении объясняет какое-нибудь придуманное им слово или новую идеологию. В качестве примера метаязыковой функции в карлистском дискурсе приведем фрагмент из дневника А. П. Яремчука. Описывая военную службу в Испании, он вводит в русский текст испанизм *рекете* и объясняет его значение: «Рекете – карлисты монархисты и в их части принимались лишь русские и монархисты французы, но их было очень мало»¹⁴ (*орфография и пунктуация источника сохранены – прим. А. Т.*). Без данного комментария читателю было бы непонятно значение заимствования из испанского языка *рекете*, которое часто встречается на страницах текста.

Поэтическая функция языка заключается в том, что язык концентрирует внимание на себе самом, а слова приобретают новые оттенки значения, отсутствующие в обычной коммуникативной ситуации. С одной стороны, для политического дискурса, отличающегося прагматичностью и нацеленностью на результат, использование высказываний, производимых «ради самих себя» не

¹⁴ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 11.

является характерным. С другой стороны, важнейшими характеристиками политического дискурса являются персуазивность и суггестивность, а реализация поэтической функции языка способствует воздействию на адресата. Поэтому в выступлениях политиков можно встретить примеры поэтизации текста. Например, для идиостиля американского политика Д. Трампа характерны яркие проявления поэтического начала [Шпетный, 2020: 197–198]. Аналогичные примеры встречаются и в карлистском дискурсе. Французский карлист А. Сабатье, начинает свои воспоминания (одно из первых опубликованных мемуарных свидетельств о карлистском движении, которое ставило своей задачей привлечь к нему симпатии во Франции) с настоящей «оды» в адрес испанской провинции Наварра: «Navarre! gloire à toi! Tu défends la cause de Dieu, la cause de la patrie, la cause du Roi, celle de la vraie liberté! Navarre! tu vaincras!»¹⁵ («Наварра! слава тебе! Ты защищаешь дело Господа, дело Родины, дело Короля, дело настоящей свободы! Наварра, ты победишь!»). Использование восклицательных предложений, парцелляция, антропоматизм являются проявлением поэтической функции и усиливают воздействие на читателя.

Анализируя функции и особенности политического дискурса, нельзя не упомянуть о теме, изучение которой приобрело особенную значимость в последние несколько лет. В качестве одной из характерных особенностей политической коммуникации в наше время часто называется «постправда» – явление, влияющее на когнитивно-дискурсивные модели осмысления реальности реципиентами политического дискурса [Хабаров, 2022b: 232–233]. Начиная со второй половины 2010-х гг. этот термин часто встречается в публицистике. В Англии «постправда» (англ. «post-truth») было объявлено словом года в 2016 г. Для нас важно, что данное понятие используется преимущественно применительно к политическому дискурсу.

¹⁵ Sabatier, A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand / A. Sabatier. – Bordeaux: Chez Granet, 1836. – P. IX.

Постправда определяется «как состояние общества, в котором общественные отношения, основанные на апелляции к личным убеждениям людей и их эмоциям, более действенны, чем ссылка на объективные факты» [Салганова, 2023: 106]. Данное состояние обычно связывается с восприятием современным обществом новостной информации [Cabrerá, 2024: 13–14]. Распространение фейковых новостей и слухов, развитие мобильного интернета, отсутствие «непререкаемых» авторитетов, к мнению которых могла бы прислушаться аудитория, – эти факторы часто рассматриваются как характерные черты эпохи постправды. Стремительно распространяется непроверенная или недостоверная информация [Карасик, 2021: 20], а ее рецепция аудиторией определяется не истинностью или правдоподобием, а эмоциями, которые она вызывает. Если новость коррелирует с идеологическими установками индивида, то он будет готов поверить даже в информацию, которая является полностью ложной, то есть «на передний план выходят не факты и события, а их вербализация» [Белоглазова, 2024b: 107]. С точки зрения когнитивной психологии, широкое распространение фейковых новостей обусловлено тем, что многим индивидам «присуща склонность изначально маркировать новую информацию как достоверную» [Гурочкина, 2025: 293].

И. В. Фотиева и Т. А. Семилет выделяют три группы факторов, которыми обусловлено существование постправды: (1) распространение «лживых политиков» («lying politicians») и недобросовестных журналистов, использующих слухи, пропаганду и мифы с целью привлечения внимания; (2) развитие интернета, в котором уравниваются сообщения экспертов и неспециалистов; (3) распространение в обществе постмодернистских ценностей всеобщего релятивизма, стирающих границу между истиной и ложью [Fotieva, 2023: 61]. Отметим, что по-настоящему новой чертой современной политической коммуникации является только второй фактор (развитие интернета). Первая и третья группы факторов неоднократно отмечались в истории человечества. Можно вспомнить большое количество примеров политиков, сознательно

распространявших в своих целях ложную информацию, в том числе и при поддержке недобросовестных журналистов (например, Глайвицкий инцидент 1939 г.). Релятивизм и «ниспровержение авторитетов», действительно, являются яркими особенностями постмодерна, однако аналогичные процессы происходили и в другие эпохи (в Германии в 1520-е гг., в начале Реформации, или на юге Франции в конце XII – начале XIII в., во время распространения ереси альбигойцев). Действительно новым явлением для современной политической коммуникации является не «постправда» как таковая, но фиксация данного понятия в концептуальном пространстве политического дискурса, его осмысление и связанная с ним общественная дискуссия.

По-настоящему уникальной современной ситуацией делает только развитие технологий, которое делает возможным мгновенную передачу информации из любой точки мира (в качестве момента, когда интернет смог составить конкуренцию традиционным СМИ в распространении информации, часто рассматривают теракт в Оклахома-Сити (США) в 1995 г. [Спиридовский, 2024: 236–237]). Изучая карлистский политический дискурс, можно также столкнуться с примерами того, как передача информационных сообщений воспринимается через призму «постправды».

Таким образом, одной из разновидностей дискурса является политический дискурс, под которым в настоящем диссертационном исследовании будет пониматься языковое выражение общественной практики в политической сфере и для интерпретации которого необходимо принимать во внимание многочисленные экстралингвистические факторы. К политическому дискурсу карлизма мы относим агитационные материалы (в том числе и программные документы движения), публицистику, художественную литературу и мемуаристику. Данные тексты выполняют шесть выделенных Р. О. Якобсоном функций языка, в рамках которых реализуются различные подфункции. Естественно, такое сложное явление, как политический дискурс, привлекает к себе внимание специалистов, и научное изучение политического дискурса началось практически одновременно с

развитием дискурсивных исследований. Обратимся к рассмотрению основных научных школ и направлений изучения политического дискурса.

1.4. Направления исследования политического дискурса

Выше мы рассмотрели основные пути развития дискурсивных исследований в современной науке, которые выделились в отдельное направление в языкознании только в 1960-е – 1970-е гг.; к этому же времени относится и начало изучения политического дискурса. Наука, в сферу которой входит анализ политического дискурса, называется политической лингвистикой. Иногда к политической лингвистике относят и исследования, посвященные языковой политике, которая включает в себя вопросы употребления языка, языковую идеологию и языковой менеджмент, то есть попытки тем или иным способом повлиять на языковую ситуацию [Spolsky, 2005: 5]. Языковая политика существует в любую эпоху и в любом государстве, хотя далеко не всегда влияние властей или общества на язык является осознанным [Алпатов, 2016: 7]. Изучение языковой политики карлистского движения выходит за рамки настоящего исследования; ряд наблюдений относительно данной темы сделан в статье [Терещук 2020d]. В дальнейшем, оперируя термином «политическая лингвистика», мы будем подразумевать именно изучение политической коммуникации.

Хотя политическая лингвистика сформировалась как полноценная наука только во второй половине XX в., предпосылки данного направления отмечаются и ранее. Так, некоторые идеи относительно того явления, которое впоследствии начали называть «политическим дискурсом», высказывал известный английский писатель и журналист Дж. Оруэлл. Вопрос об использовании языка в политических целях занимает одно из центральных мест в его знаменитой антиутопии «1984» («Nineteen Eighty-Four»), впервые опубликованной в 1949 г. Писатель употребляет термин «двоемыслие» («doublethink»), который характеризует ситуацию в тоталитарном обществе, когда индивид должен воспринимать два противоречащих друг другу утверждения в качестве правды.

«Двоемыслие» – это слово из «новояза» («Newspeak»), вымышленного языка, созданного тоталитарным государством с целью ограничить свободу мысли и самовыражения у его носителей. В оруэлловском «новоязе» происходит подмена понятий, наделение их новой семантикой. Так, лексема *Minipax* обозначает «Ministry of Peace» («Министерство мира»), которое на самом деле отвечает за ведение боевых действий [Нильсен, 2017: 210]. Э. В. Будаев и А. П. Чудинов проводят параллели между «новоязом» Дж. Оруэлла и работой некоторых современных политических пропагандистов, которые именовали бомбардировки Югославии силами альянса НАТО «борьбой за установление демократии» [Будаев, 2018: 20]. Э. С. Херман и Н. Хомский приводят похожий пример, когда пишут об «Оруэлловском мире американской журналистики», в котором «попытка добиться политического урегулирования мирным путем называется “использованием вооруженных сил”, а использование вооруженных сил Соединенными Штатами с целью воспрепятствовать политическому урегулированию кризиса – это благородный поступок в защиту “руководящего принципа”, в соответствии с которым применение военной силы нелегитимно» [Herman, 2002: 210].

Идею «новояза» Дж. Оруэлл во многом основывает на теории лингвистической относительности, или гипотезе Сепира-Уорфа. В соответствии с этой теорией язык и его структура могут оказывать влияние на мышление носителя. Отметим, что, несмотря на позднейшее появление весьма радикальных интерпретаций данной гипотезы (особенно в массовой культуре), Б. Уорф и Э. Сепир были осторожны своих выводах. Они сравнивали два сильно различающихся идиома, то есть язык индейцев хопи с английским. В то же время Б. Уорф писал, что с точки зрения влияния на когнитивные процессы «нет большой разницы между английским, французским, немецким или другими европейскими языками за возможным, но сомнительным исключением балто-славянских и неиндоевропейских языков» [Whorf, 1956: 138]. Соответственно, возможности «новояза» Дж. Оруэлла в формировании «правильного» мышления у

его носителей могут быть несколько преувеличены, равно как и возможности многочисленных проектов «идеальных», философских языков, появлявшихся в истории человечества¹⁶. Кроме того, с точки зрения генеративной грамматики Н. Хомского, человек способен порождать бесчисленное количество высказываний; следовательно, элементы «новояза» в дискурсе его носителей могут образовывать новые концепты, и высказанная в концовке романа мысль о том, что после повсеместного перехода на «новояз» ни одна чуждая политике партии мысль не сможет быть сформулирована, является дискуссионной. В то же время размышления Дж. Оруэлла на страницах романа отчасти применимы к современной политической лингвистике, и точно отражают особенности тоталитарного дискурса.

Дж. Оруэлл вошел в историю не только как писатель, но и как автор ряда публицистических статей. Для политической лингвистики особое значение имеет эссе 1946 г. «Политика и английский язык» («Politics and the English Language»), которое стало одним из основополагающих текстов для данного направления в языкознании. В качестве яркой особенности политического дискурса автор отметил утрату семантического значения целым рядом лексических единиц, которые сохраняют только оценочное значение. Дж. Оруэлл показывает, что, например, лексема *фашизм* в политической коммуникации используется для выражения негативной оценки, а лексема *демократия* – положительной. При этом изначальное значение этих лексических единиц, относящихся к конкретным политическим системам, уже давно утрачено [Оруэлл, 2003: 341–356]. Аналогичные процессы фиксируются и в дискурсе карлизма. Так, в карлистском дискурсе лексема *facció*n («мятеж, отряд мятежников») имела отрицательные коннотации и использовалась по отношению к политическим противникам (за редкими исключениями, речь о которых пойдет далее). Р. М. дель Валье-Инклан в своих «Сонатах» («Sonatas») употребляет ее применительно как к

¹⁶ Как писал У. Эко, «утопия совершенного языка была наваждением не только для европейской культуры» [Эко, 2007: 11].

радикальным карлистам, так и к либералам [Терещук, 2024е: 142]. В обоих случаях было бы неуместно говорить о мятеже в строгом смысле этого слова.

С точки зрения Дж. Оруэлла, смысл политической коммуникации заключается в складывании «словесных блоков», которые придают тексту «презентабельный вид». Этот «презентабельный вид» достигается употреблением сложных предложений с большим количеством придаточных, использованием иностранной и книжной лексики, обращением к устоявшимся формулам. «Политический язык – и это относится ко всем политическим партиям, от консерваторов до анархистов, – предназначен для того, чтобы ложь выглядела правдой, убийство – достойным делом, а пустословие звучало солидно», – заканчивает Дж. Оруэлл свое эссе [Оруэлл, 2003: 356].

Дж. Оруэлл был предшественником политической лингвистики; ее изучение как отдельной научной дисциплины началось уже во второй половине XX в. Новозеландский историк идей и политолог, крупнейший представитель Кембриджской школы интеллектуальной истории Дж. Покок писал, что в середине 1960-х гг., после появления работ К. Скиннера, «историки политической мысли начали формулировать логику собственного исследования, и она привела их в те области, где соприкасалась с философией языка» [Поккок, 2023: 91]. Обращаясь к изучению политического дискурса, Дж. Покок исходил из предпосылки, что у политической мысли «есть история именно благодаря тому, что она становится дискурсом» [Поккок, 2023: 92]. Сегодня это положение Дж. Покока может показаться очевидным, однако на момент формулирования данной мысли (в 1985 г.) у нее были оппоненты. Во второй половине XX в. в Великобритании существовала Питерхаусская историческая школа, получившая название по одному из колледжей в составе Кембриджского университета («Peterhouse»). Ее представители, наиболее известным из которых был М. Каулинг, полагали, что историческая наука должна сводиться к изучению «высокой» политики, деятельности глав государств и дипломатов; при этом роль дискурса в истории

отрицалась, а собственно политический дискурс не рассматривался в качестве предмета, заслуживающего внимания [Покок, 2023: 112].

Совершенно иной подход к изучению политического дискурса отмечается у представителей Эссекской школы, сформировавшейся в 1970-е гг. в другом высшем учебном заведении Великобритании, в университете Эссекса. Появление этого направления связано с именем аргентинского¹⁷ политолога Э. Лаклау (в работах на русском языке его фамилию часто передают на французский манер: «Лакло»), а также его соавтора бельгийской исследовательницы Ш. Муфф. Их основной работой является книга «Гегемония и социалистическая стратегия» («Hegemony and Socialist Strategy»), впервые опубликованная в 1985 г. и, по оценке современных исследователей, «заложившая основы дискурсивной теории» [De Cleen, 2024: 3].

Э. Лаклау и Ш. Муфф опирались на идеи итальянского философа-марксиста А. Грамши, развившего идею культурной гегемонии. В соответствии с этой теорией, в XX в. господствующие классы для сохранения власти используют не столько грубую силу, сколько идеологию, навязывают остальным социальным группам свое видение мира¹⁸. «Гегемония <...> нуждается лишь в минимальном количестве профессиональных посредников в политике и идеологии», – писал А. Грамши в своих знаменитых «Тюремных тетрадах» («Quaderni del carcere») [Грамши, 1959: 423]. Комментируя теорию А. Грамши, Т. ван Дейк указывал, что, когда доминируемые группы не в состоянии отличить собственные интересы от интересов доминирующих групп, такая гегемония является «идеальной» [Van Dijk, 1998: 102]. Хотя сам итальянский мыслитель не употреблял слово «дискурс», его понимание термина «идеология» близко к современным представлениям о дискурсе. Показательно, что его последователи Э. Лаклау и Ш. Муфф, наоборот,

¹⁷ Дискурсивные исследования были очень популярны в латиноамериканской академической среде в 1960–1970-е гг. [Forte, 2024: 330], и закономерно, что Э. Лаклау заинтересовался этой тематикой еще до своего переезда в Англию.

¹⁸ Уже во второй половине XX в. европейские «новые правые», находившиеся на близких к карлистам позициях, предлагали идею «правого грамшизма». «Переворачивая марксистское уравнение Грамши, они так же настаивают на ценности культуры – но не “пролетарской”, а подлинной европейской», – пишут Д. С. Моисеев и соавторы [Моисеев, 2023: 117].

часто используют лексему «дискурс» («discourse») вместо «идеология» или «мировоззрение» [Laclau, 2001: 14] (о соотношении между понятиями 'дискурс' и 'идеология' в дискурсивных исследованиях см.: [Молодыхенко, 2023: 76–79]).

Э. Лаклау обычно относят к постмарксистам (как и одного из его соавторов словенского философа С. Жижека), то есть к представителям нового направления в общественной мысли, оформившегося после событий революции 1968 г. и опиравшегося на идеи К. Маркса, хотя и критиковавшего целый ряд положений классического марксизма. Постмарксисты переосмыслили таких авторов первой половины XX в., как Р. Люксембург и А. Грамши [Барышников, 2021: 1022–1023], ссылки на которых часто встречаются в работах Э. Лаклау. По мнению аргентинского политолога, ни классический западный марксизм, ни советский марксизм-ленинизм не могли объяснить появления после 1968 г. новых общественно-политических движений (феминизма, «зеленых» и др.) [Мельников, 2020: 217–218]. В свою очередь классические марксисты критикуют Э. Лаклау за смещение фокуса внимания с классовой борьбы и отказ от проблематики экономического детерминизма [Carpentier, 2007: 271].

В отличие от своих коллег из Питерхаусской школы, Э. Лаклау и другие представители Эссексской школы (обзор основных работ учеников аргентинского исследователя см.: [Carpentier, 2019: 4]) подчеркивали, что политическая практика невозможна без языка, а сама борьба за власть и система общественных отношений является дискурсом. В качестве примера исследователь приводил концепт «демократия», борьба за установление определенного означающего для которого является «главным объяснением политической семантики нашего современного политического мира» [Laclau, 2004: 15]. Употребляя термины «означающее» и «означаемое», Э. Лаклау опирался на идеи Ф. де Соссюра. Аргентинский исследователь выделял «плавающее означающее» («significante flotante»), не имеющее фиксированного означаемого. Соответственно, в различных контекстах и дискурсах оно изменяет свое значение. Борьба за наделение «плавающего означающего» определенным смыслом является

основной дискурсивной практикой в политической сфере [Ларионова, 2022: 53]. Эти отношения между «плавающим означающим» и означаемым Э. Лаклау определял как «гегемонию» [Laclau, 2004: 15], развивая таким образом теорию культурной гегемонии А. Грамши. Примером такого «плавающего означающего» в карлистском политическом дискурсе может выступить концепт (или идеологема) «революция» («revolució»), которая имела разные означаемые в реляционной системе дискурса карлистов и их противников в различные исторические моменты [Терещук, 2024b: 107–108].

Из представления о том, что борьба за гегемонию, то есть за наделение «плавающего означающего» определенным смыслом, является основной дискурсивной практикой, вытекает заключение, что антагонизм, противостояние между разными дискурсами («дислокация» в терминологии Э. Лаклау и Ш. Муфф [Laclau, 2001: 109]) является главным принципом их взаимодействия. Эта борьба реализуется в виде артикуляции, которую Э. Лаклау и Ш. Муфф определяют как практику, устанавливающую «отношения между элементами таким образом, что их идентичность модифицируется» [Laclau, 2001: 105]. Структурированное пространство, появляющееся в результате артикуляции, они называют дискурсом [Laclau, 2001: 105]. Рассматривая дискурс как структурированное пространство, то есть как определенную социальную практику, представители Эссексской школы во многом развивают идеи французской школы дискурс-анализа (о влиянии М. Фуко на Э. Лаклау и Ш. Муфф см. также: [Молодыхченко, 2024: 902]).

Яркий представитель французской школы М. Фуко в своих работах неоднократно обращался к теме политики и борьбы за власть. Он указывал, что часто в человеческом сознании власть ассоциируется с государственными институтами (органами управления, армией, полицией и др.). При этом на самом деле, по мнению французского философа, власть осуществляется еще и посредством множества других учреждений, которые, на первый взгляд, никак к ней не относятся. Так, образовательная система «создана для того, чтобы сохранять власть у определённого общественного класса» [Фуко, 2002: 120].

Кроме того, власть представляет собой сложную систему отношений между различными членами общества или его структурами; эти отношения реализуются в ситуации неравенства (учитель – ученик, мать – ее ребенок и др.). «Отношения власти являются отношениями силы, противостояния», – пишет М. Фуко и делает из этого вывод, что они могут быть обратимы, так как «властные отношения с необходимостью вызывают сопротивление» [Фуко, 2020: 290]. Соответственно, сама власть является одной из форм дискурса (представление о дискурсе во французской школе было рассмотрено в предыдущем разделе).

Некоторые идеи относительно политического дискурса высказывал и Р. Барт. В зависимости от отношения дискурсов к власти он выделил энкратические языки, или энкратические виды дискурса, и акратические. Первые формируются в рамках государственных и идеологических механизмов власти; вторые – противопоставлены ей [Барт, 1989: 536–537]. Энкратический дискурс господствует в обществе, проникает во все сферы жизни; это язык массовой культуры. В то же время акратический дискурс – это дискурс протеста. Он отличается большей энергичностью, представляет собой «сильную систему», «потому что речь трансгрессирует через все границы и запреты языка» [Кирсанова, 2019: 123].

Изучение политического дискурса занимает важное место и в работах представителей рассмотренной выше школы критического дискурс-анализа. «В рамках этого направления язык трактуется как властный ресурс, обеспечивающий некое властное доминирование манипулятивной природы», – указывают О. А. Сулейманова и Л. А. Борботько [Сулейманова, 2024: 921]. Одной из первых работ в рамках данного направления стала книга Р. Фаулера *et al.* «Язык и контроль» («Language and Control»), впервые опубликованная в 1979 г. [Fowler, 1979]. Авторы, отталкиваясь от идей Дж. Оруэлла об использовании языка в сфере политического контроля, рассмотрели ряд аспектов, связанных с тем, как язык помогает регулировать общественные отношения. Последняя глава в монографии названа «Критическая лингвистика» – название, которое приобрело определенный

символизм, так как именно эта работа стала основополагающей в развитии школы критического дискурс-анализа.

Другой важной публикацией в рамках школы критического дискурс-анализа стал сборник «Язык, власть и идеология: исследования политического дискурса» («Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse»), выпущенный в 1989 г. под редакцией Р. Водак. Сборник включает в себя целый ряд статей, посвященных различным аспектам изучения политического дискурса, в том числе таким темам, как феминистская языковая политика или фонологическая вариативность в языке парламентских выступлений. Для нашего исследования особое значение имеет тот факт, что существенную часть сборника занимают статьи, посвященные истории политического дискурса, например, языку революции 1968 г., нацистской языковой политике или политическому языку футуризма и его связям с итальянским фашизмом [Wodak, 1989]. Сборник стал одним из основополагающих текстов для школы критического дискурс-анализа. В предисловии Р. Водак отметила один из основных принципов работы для нее и ее коллег: их целью было раскрыть «несправедливость, неравенство, встать на сторону беспомощных и угнетенных» [Wodak, 1989: XIV]. Таким образом, представители этого направления в изучении политического дискурса сразу заявляют о своей субъективности.

Субъективность характерна и для работ по политическому дискурсу Т. ван Дейка. Одним из его важных трудов в этой области является монография «Элитарный дискурс и расизм» («Elite Discourse and Racism»). Основой для публикации послужили исследования, проведенные нидерландским лингвистом в 1980-е – начале 1990-х гг. Т. ван Дейк ставил своей задачей изучение ксенофобии и расизма в политическом дискурсе. Книга подводит серьезную теоретическую и методологическую базу под изучение языка политики. Для дальнейшего развития политической лингвистики важно было то, что автор анализирует проявления расизма не только и не столько в выступлениях политиков и институциональном дискурсе, но и обращает особое внимание на повседневную, бытовую

коммуникацию. Т. ван Дейк отмечает, что существенная часть расистского дискурса на первый взгляд «создает впечатление, что она выражает толерантность, понимание, принятие другого или гуманистическое мировоззрение, хотя подобный дискурс является противоречивым и реализуется в ситуации структурированного неравенства» [Van Dijk, 1993: 6]. Кроме того, в этой работе уделяется внимание анализу языка парламентских дебатов. Т. ван Дейк приходит к выводу, что политический дискурс по отношению к меньшинствам и иммигрантам в разных странах Западной Европы имеет больше сходств, чем различий [Van Dijk, 1993: 50–51]. Как будет показано далее, аналогичное наблюдение может быть сделано и применительно к карлистскому дискурсу в разных странах. Например, отмечается сходство в дискурсивных практиках русской военной эмиграции в Испании (близкой к карлизму) и испанских карлистов в 1930-е гг. [Tereshchuk, 2018: 71].

Пять лет спустя Т. ван Дейк продолжил тему политического дискурса в книге «Идеология: междисциплинарный подход» («Ideology: A Multidisciplinary Approach»). В ней автор сформулировал принципы анализа идеологии с позиций школы критического дискурс-анализа и проследил связь между такими концептами, как «идеология», «общество» и «дискурс». «Дискурс, – подчеркивает Т. ван Дейк, – имеет особую роль в репродуцировании идеологий» [Van Dijk, 1998: 192]. В отличие от других социальных практик, он позволяет людям формулировать абстрактные идеологические установки. Позднее эта идея была развита израильским философом Ю. Н. Харари, который в своей книге «Sapiens: Краткая история человечества» («קיצור תולדות האנושות»), выделил именно эту дискурсивную особенность коммуникации между людьми как решающий фактор, позволивший *Homo sapiens* выиграть конкуренцию у животных и других видов первобытных людей [Харари, 2016].

На тему власти, которой можно добиться посредством языка, писал еще один видный представитель школы критического дискурс-анализа. В разделе, посвященном основным дискурсивным исследованиям, упоминалась фигура

Н. Фэркло. Основным направлением работы Н. Фэркло является критический анализ дискурса с позиций социолингвистики. Обращаясь к этой теме, исследователь неизбежно сталкивается с политическим дискурсом. В 1989 г. он впервые опубликовал монографию «Язык и власть» («Language and Power»), впоследствии несколько раз переиздававшуюся. Н. Фэркло ввел в научный оборот термин «синтетическая персонализация» («synthetic personalisation»), который обозначает «компенсаторную тенденцию создавать впечатление обращения к каждому из людей *en masse* как к индивиду» [Fairclough, 1996: 62]. Эта техника широко используется в рекламе, а также в политическом дискурсе, когда, например, политик в своем выступлении обращается к аудитории в единственном числе, создавая иллюзию обращения к каждому своему слушателю лично. В то же время такая техника не свойственна карлистскому дискурсу. Н. Фэркло во многом повторяет идеи Э. Лаклау и фактически описывает его «плавающее означающее», показывая, как отдельные слова могут менять значение в зависимости от идеологии [Fairclough, 1996: 94–95].

Коллегой Н. Фэркло в Ланкастерском университете является П. Чилтон, автор ряда монографий и научных статей, посвященных политическому дискурсу, в том числе фундаментальной работы «Анализ политического дискурса: теория и практика» («Analysing Political Discourse: Theory and Practice») [Chilton, 2004]. В этой книге британский лингвист подводит теоретическую базу под изучение языка политики, а также анализирует несколько различных дискурсивных сообществ. В работе П. Чилтона можно отметить влияние когнитивистики и философии языка, что отличает его подход от многих других исследований в области политической лингвистики.

Обзор основных направлений изучения политического дискурса был бы неполным без упоминания о работах в этой области Н. Хомского. Профессор Массачусетского технологического института в первую очередь известен как создатель генеративистики, однако помимо изучения грамматики Н. Хомский активно занимается политической публицистикой, выступая с левых позиций и

резко критикуя внешнюю политику США. Интерес ученого к политике находит отражение не только в многочисленных статьях и книгах, ориентированных на широкую аудиторию, но и в серьезных исследованиях. Одной из наиболее релевантных работ в этой области стала монография «Производство согласия. Политическая экономия массмедиа» («Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media»), впервые опубликованная Н. Хомским в соавторстве с Э. С. Херманом в 1988 г. Анализируя публикации в СМИ, авторы представили собственную модель пропаганды. Как показывают Э. С. Херман и Н. Хомский, СМИ неравноценно освещают события в мире. На подачу информации влияет ряд факторов: позиция владельца СМИ, источники его финансирования и информации, негативные комментарии («flak») и антикоммунизм. Последний фактор, актуальный в период в Холодной войны, сейчас уже не играет большой роли, но может быть заменен на какой-либо аналогичный (например, на русофобию). Представление в СМИ фактов относительно того или иного события «абсолютно никак не свидетельствует об адекватности или точности его освещения», – пишут Э. С. Херман и Н. Хомский [Herman, 2002: LXII]. Большее значение имеют частотность обращения к новостному сюжету, коннотативное значение лексических единиц, используемых в тексте, его заголовок.

Сравнивая тенденции освещения новостей о вооруженных конфликтах в Индокитае, о коммунистической Польше и о проамериканских диктатурах в Центральной Америке, исследователи вводят понятие ‘ценных жертв’ («worthy victims») и ‘неценных жертв’ («unworthy victims»): первые представляют собой жертвы враждебных США политических режимов. Репрессии против «ценных жертв» получают на порядок больше внимания, чем преследования «неценных», проживающих в дружественных странах. Так, Э. С. Херман и Н. Хомский показывают, что в соответствии с количеством публикаций в СМИ, «стоимость» одной жертвы коммунистического режима в Польше от 137 до 179 раз выше, чем у репрессированных жителей государств-сателлитов Соединенных Штатов в Центральной Америке [Herman, 2002: 39].

В нашей стране еще в первой половине XX в. проводились исследования, которые сейчас могли бы быть отнесены к политической лингвистике. В 1920-е – 1930-е гг. многие лингвисты обратились к анализу изменений в русском языке, которые произошли под влиянием революции. Например, Е. Д. Поливанов анализировал распространение разговорно-сниженной лексики и блатного жаргона в речи школьников [Поливанов, 1931]; его статья предвосхищает социолингвистические исследования американских специалистов второй половины XX в. Русский лингвист связывает инновации в языке с изменением политической ситуации в стране. Важно отметить, что в своих трудах Е. Д. Поливанов подчеркивал, что революция влияет не собственно на язык, но на контингент его носителей [Пономаренко, 2024: 173].

Несомненную связь с политической лингвистикой имело и признанное впоследствии лженаукой «Новое учение о языке» Н. Я. Марра, которое пользовалось государственной поддержкой в 1930-е – 1940-е гг. «Новое учение о языке», сторонники которого позиционировали его как «марксизм в языкознании», утверждало, что язык имеет классовую природу [Алпатов, 2005: 229–230]. Н. Я. Марр и его последователи не изучали политический дискурс как таковой, но пытались интерпретировать многие исключительно языковые явления через категории марксизма-ленинизма (см., например, статью С. Л. Быховской [Быховская, 1935]). Ученые, которые критиковали «Новое учение о языке», подвергались репрессиям. Марризм был осужден в начале 1950-х гг., причем его развенчание началось со статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», важное место в которой занимают рассуждения о том, как политические изменения в обществе влияют на язык. По оценке академика В. Ф. Шишмарева, эта статья наметила «новые пути в этой области» и стала «переломом» в отечественном языкознании [Шишмарев, 1952: 6].

В 1950-е – 1980-е гг. политическая лингвистика в ее западном понимании в нашей стране отсутствовала и сводилась к работам по риторике, ораторскому искусству и языку СМИ. Беспристрастное изучение политического дискурса в

советский период было невозможно по цензурным соображениям; как пишет А. П. Чудинов, «в условиях жесткой цензуры и самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников» [Чудинов, 2006: 17]. Полноценное изучение политической лингвистики в общем и политического дискурса в частности началось только во время Перестройки. В постсоветской России сформировалось несколько направлений политической лингвистики.

Одним из направлений, ставшим особенно актуальным в 1990-е гг., стало изучение языка советской эпохи. Как было показано выше, в Западной Европе именно интерес к изучению дискурсивных практик, существующих в тоталитарном обществе, стал отправной точкой в выделении политической лингвистики в качестве отдельной научной дисциплины (Дж. Оруэлл). Российские исследователи, обращавшиеся к языку советской эпохи, рассуждали не о теоретически возможном тоталитарном дискурсе, но работали с конкретным языковым материалом. Было показано, что в языке тоталитарного общества огромную роль приобретает ритуализованная речевая сфера, построенная на уже готовых формулах. Оппозиция «правда» – «ложь» заменяется на оппозицию «правильно» – «неправильно», то есть существует набор «правильных» высказываний, произнесение которых требуется в определенном контексте [Левин, 1994: 663]. Представители французской школы дискурс-анализа в таком случае оперируют термином «преконструкт», который понимается как простое высказывание, взятое из предыдущих дискурсов [Серио, 1999: 356]. Ритуал был важным элементом советской политической жизни, но было бы ошибкой сводить всю политическую коммуникацию в СССР только к нему: как показывают А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич, «за ритуалом “развитого социализма” стояла скрытая политическая жизнь, игра между различными политическими силами» [Баранов, 1991: 10].

Исследованию подвергался не только советский тоталитарный дискурс в целом, но и его отдельные языковые особенности. Так, П. Серио выделил в качестве одной из ярких характеристик советского дискурса номинализацию, то есть замену личных форм глаголов отглагольными именами существительными, что «является показателем особого типа отношений, связывающих текст как конечный замкнутый продукт с условиями его производства, с внешней, специфической для него средой» [Серио, 1999: 340]. Отметим, что речь идет исключительно об официальном дискурсе советского государства. «Неверно, что русский язык в советскую эпоху был неуклюж, бюрократичен и малопонятен. Таким была только одна из его форм, а именно новояз, но другим новояз быть и не мог», – указывает М. А. Кронгауз [Кронгауз, 1999: 139]. Кроме того, параллельно с ним существовали и другие виды дискурса. Как пишет А. Вежбицка, «официальный тоталитарный язык часто порождает свою противоположность – подпольный антитоталитарный язык» [Вежбицка, 1993: 107], то есть в данном случае – язык диссидентов. Для характеристики взаимодействия между тоталитарным и антитоталитарным дискурсами польско-австралийская лингвист оперирует термином «политическая диглоссия», взятым из социолингвистики [Ferguson, 1959]. Важно подчеркнуть, что было бы некорректным находить в официальном языке советской эпохи исключительно негативные стороны. Как отмечает А. П. Чудинов, жесткая регламентация этого языка «в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубой просторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток заимствований)» [Чудинов, 2003: 19].

Другое направление изучения политического дискурса в отечественном языкознании обращается к анализу новых тенденций в русском языке, обусловленных политическими изменениями уже в постсоветскую эпоху. Естественным образом события в общественно-политической жизни влияют на язык, в первую очередь на его лексико-семантический уровень. Например, пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 г., наложила серьезный отпечаток на

политический дискурс во многих странах [Карасик, 2021: 16]. «В определенном смысле можно говорить о том, что пандемия послужила своеобразным катализатором многих политических и социальных кризисов современного мира», – пишет В. А. Ефремов [Ефремов, 2022: 91], который обращается к изучению дискурсивных практик противников вакцинации от коронавируса. Движение, направленное против вакцинации, естественно, напрямую связано с политической сферой, однако и многие другие аспекты развития языка в период пандемии, имеют отношение к политической лингвистике. М. А. Кронгауз, рассуждая о развитии онлайн-коммуникации (в частности, в программе «Zoom») вследствие всеобщего карантина, пишет, что «некоторые виды коммуникации зум улучшает (политическая или научная дискуссия), а некоторые – портит (застольная беседа или игровая коммуникация)» [Кронгауз, 2020: 740].

В то время как изучение глобальных тенденций в политической коммуникации в современном русском языке опирается на большие корпуса данных, анализ особенностей идиостиля отдельных политиков может основываться на гораздо меньшем объеме информации. Данное направление получило наименование лингвополитическая персонология. Оно во многом основывается на работах Ю. Н. Караулова, в первую очередь на его монографии «Русский язык и языковая личность», в которой предлагается структурно-функциональная модель языковой личности [Караулов, 2010]. Исследования в рамках лингвополитической персонологии могут иметь прикладной характер и использоваться в работе политологов, организующих предвыборные кампании или прогнозирующих результаты выборов. М. А. Елизарьева *et al.*, анализирующие способы репрезентации национальной идентичности в политическом дискурсе, пишут, что «установление зависимости между демонстрацией национальной идентичности политического индивидуального субъекта и используемых в речи политических акторов языковых средств позволит правильно интерпретировать интенции коммуникантов и прогнозировать успех или неудачу публичных выступлений» [Елизарьева, 2023: 197].

Естественно, отечественные специалисты обращаются к изучению речи как российских политиков [Гарифуллина, 2019; Пименова, 2021], так и зарубежных [Елизарьева, 2023; Космодемьянская, 2024; Немцева, 2024; Радюшкина, 2020; 2021; Шпетный, 2020]. В лингвополитической персонологии различаются понятия ‘языковая личность’ и ‘речевой портрет’: ‘языковая личность’ изучается в динамике, в то время как ‘речевой портрет’ представляет собой «статистическую величину, которая рассматривается в определенный отрезок времени и которая детерминируется условиями, заданными особенностями жанра и регистра речи» [Руженцева, 2021: 10].

В то время как лингвополитическая персонология часто обращается к анализу лингвистических особенностей речи отдельного взятого политика, изучение языка представителей различных политических партий оказывается ближе к дискурсивным исследованиям французской школы. Анализ дискурса политической партии невозможен без обращения к рассмотрению ее идеологии и деятельности ее представителей. Для языка многих современных политических объединений характерна перформативность, то есть использование «дискурса как политического действия и для совершения политических действий» [Ларионова, 2017а: 391]. Изучая дискурс политических партий, лингвисты могут обращать внимание на самые разные аспекты: на дискурсивные стратегии [Ларионова, 2017а], на языковую идеологию [Терещук, 2020с] и даже на вопросы имяобразования у новых партий [Ларионова, 2017b].

Близким к лингвополитической персонологии является и изучение отдельных жанров и стилей политического дискурса. Российские лингвисты обращаются к анализу языковых особенностей парламентских дебатов, предвыборных кампаний, публикаций на политическую тематику в средствах массовой информации и др. Отдельное внимание уделяется изучению таких форм политической коммуникации, как плакаты [Гончарова, 2024], интернет-мемы [Скоробогатов, 2021], песни [Истратова, 2015; Vershinin, 2019], лозунги [Ларионова, 2020] и др. Докторская диссертация М. В. Ларионовой

«Лингвосемиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации» [Ларионова, 2022] является одним из последних крупных исследований в рамках данного направления.

Большое количество работ находится на стыке изучения политического и газетно-публицистического дискурсов. Анализ отражения актуальных политических событий в СМИ также может рассматриваться как важное направление современной политической лингвистики. Как пишет И. Т. Вепрева, «в настоящее время СМИ стали основной средой существования политической жизни, медийным полем переработки информации политической деятельности» [Вепрева, 2019: 18]. Центральной темой для отечественных специалистов в рамках данного направления является анализ основных тенденций создания образа России и отражения основных политических событий в нашей стране на страницах зарубежных СМИ. Например, этой проблеме был посвящен крупный научно-исследовательский проект коллектива специалистов из Санкт-Петербургского государственного университета, которые проанализировали языковые механизмы создания образа России в испанской и латиноамериканской прессе [Войку, 2021; Зернова, 2021; Мед, 2019; Якушкина, 2020]. Одним из выводов, сделанных участниками проекта, стало наблюдение, что в «зарубежных СМИ прослеживается довольно сильная тенденция “демонизировать” Россию посредством эксплуатации “предыдущих” стереотипов, связанных с “царским/имперским” и “советским/тоталитарным” прошлым» [Якушкина, 2020: 132]. Таким образом, актуальные тенденции в политическом дискурсе оказываются связанными с историческими нарративами. В качестве материала для изучения образа России могут служить не только тексты СМИ, но и корпуса текстов самой разной тематики. Одним из недавних научно-исследовательских проектов, посвященных анализу русско-центрического дискурса, стала работа коллектива лингвистов из Санкт-Петербурга с корпусами английского языка [Белоглазова, 2022, 2023а, 2023b; 2023с, 2024а; 2024b]. Проведенное исследование

«показало существенную негативизацию образа России в современном международном пространстве» [Белоглазова, 2023b: 87].

Наше исследование посвящено изучению политического дискурса в XIX–XXI вв., то есть оно реализуется в рамках исторического подхода к изучению политической коммуникации. Данный подход позволяет дать характеристику дискурсам прошлого и проанализировать принципы исторической герменевтики при выявлении внутренней подоплеку политических событий [Новикова, 2021: 12]. Обращение к истории имеет большое значение для изучения политической коммуникации. Как пишет В. А. Андреева, «политический нарратив всегда устанавливает диалог между настоящим и прошлым: взгляд в прошлое должен оправдать настоящее» [Андреева, 2019b: 43]. За последние годы в российском языкознании появился целый ряд исследований, использующих исторический подход к изучению политического дискурса. Специалисты обращаются к анализу различных дискурсов как в отечественной истории [Артемьева, 2021; Конев, 2021; Корниенко, 2021; Пономаренко, Сегал, Цыганкова, 2024; Поршнева, 2022; Фирсов, 2023а, 2023b; Шушарина, 2023], так и в зарубежной [Балан, 2023; Ковалев, 2019; Ларионова, 2019; Терещук, 2018с; Тулубеева, 2022; Чеснокова, 2024b].

Помимо отдельных направлений изучения политического дискурса, в России в XXI в. сформировалось несколько научных школ политической лингвистики. Большое значение для нашего исследования имеют труды представителей школы лингвистики информационно-психологической войны. Данная школа связана с именем А. П. Сковородникова, работавшего в Сибирском федеральном университете в Красноярске, а условным моментом ее появления можно назвать 2017 г., когда была выпущена коллективная монография «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. I» [Сковородников, 2017], за которой последовало еще две книги [Сковородников, 2019; 2020]. Конечно, как отмечают сами представители школы, «работа по исследованию отдельных аспектов информационно-психологической войны и языка противоборства велась филологами много раньше», но предшествующие

работы «следует рассматривать как необходимое для оформления научного направления предпосылочное знание» [Сковородников, 2020: 23].

Соответственно, лингвистика информационно-психологической войны изучает языковые средства, используемые в противостоянии, которое осуществляется преимущественно путем речевого воздействия на сознание индивида или на все общество в целом. Представители школы анализируют негативаторы, политические ярлыки, «языковые страшилки», глорификаторы, амбивалентную лексику и другие способы воздействия на аудиторию [Копнина, 2021]. В 2022 г. А. А. Хабаров, чьи работы по своей тематике близки к исследованиям представителей школы лингвистики информационно-психологической войны, защитил докторскую диссертацию на тему «Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса». Он пришел к выводу, что «информационная война является компонентой системной войны по нейтрализации интегрального потенциала государства-противника в сфере функционирования языкового сознания его населения» [Хабаров, 2022b: 441]. Результатом «информационно-психологического воздействия является идеологическая (ре)концептуализация действительности, которая возникает как рефлексия на целенаправленное воздействие на сознание массового адресата поликодовых средств коммуникации в директивной и манипулятивной форме» [Хабаров, 2022b: 447]. А. А. Хабаров в своем исследовании обращается к антироссийскому дискурсу в странах НАТО. В настоящей работе будут проанализированы языковые средства ведения информационно-психологической войны между карлистами и либералами в Испании XIX–XXI вв.

Близкие позиции к школе лингвистики информационно-психологической войны занимает уральская школа политической лингвистики, основателем которой является А. П. Чудинов, работающий в Уральском государственном педагогическом университете в Екатеринбурге. Представители уральской школы выпускают научный журнал «Политическая лингвистика» – одно из ведущих

отечественных изданий в области изучения политического дискурса. Принимая во внимание тот факт, что к уральской школе относится большое количество исследователей (А. П. Чудинов, Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, Э. В. Будаев и др.), выделяется несколько магистральных направлений научной работы, которые совпадают с ранее намеченными нами направлениями исследований политического дискурса российскими лингвистами. Выделим три направления работы уральской школы, которые представляются наиболее релевантными в рамках настоящего исследования. Одним из них является разработка теоретических положений изучения политического дискурса, уточнение терминологии политической лингвистики. Базовой работой в данной сфере стало учебное пособие А. П. Чудинова «Политическая лингвистика», впервые опубликованное в 2006 г. и впоследствии неоднократно переиздававшееся [Чудинов, 2006]. Отметим и монографию Н. Б. Руженцевой «Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе» [Руженцева, 2004], посвященную анализу коммуникативных тактик и стратегий.

Другое важное направление в рамках уральской школы – политическая метафорология, или изучение политической метафоры. В современной лингвистике оно осуществляется в рамках двух основных концепций: когнитивной и семантико-стилистической. Для уральской школы характерно обращение в первую очередь к когнитивной концепции, а для анализа политической метафоры часто используются методы критического дискурс-анализа. Знаковой работой в рамках этого направления является монография Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Метафора в политической коммуникации» [Будаев, 2018].

Наконец, нельзя не отметить и изучение развития политической коммуникации в диахронии. Для представителей уральской школы особенный интерес представляет изучение исторической динамики употребления политической метафоры. О. Н. Кондратьева, обращаясь к анализу создания образа Ивана Грозного в текстах Андрея Курбского, пишет: «Ретроспективный взгляд на

метафорические механизмы, создающие образ конкретного политика, является свежим ракурсом изучения политической метафорики» [Кондратьева, 2011: 221]. Естественно, анализ дискурсов прошлого не ограничивается изучением метафор; объектом исследования могут быть политический дискурс отдельного государства за все время его существования либо за определенный исторический период <...> фрагмент политической действительности (образ, событие, персонаж) <...> идиостиль политика» [Кондратьева, 2018: 160].

Множественность подходов к изучению политического дискурса обусловлена сложностью данного феномена. В настоящем подразделе был сделан краткий обзор основных направлений его исследования. В рамках каждого из рассмотренных направлений можно выделить идеи и подходы, релевантные для анализа карлистского политического дискурса. В следующей главе будут рассмотрены источники его изучения, существующий научный задел и основные этапы идеологической эволюции карлизма.

Выводы к главе 1

1. В современной науке о языке изучение дискурса стало одним из магистральных направлений исследования. При этом до сих пор в лингвистике отсутствует единое, признаваемое всеми определение данного феномена. Двумя основными исследовательскими программами дискурсивных исследований в современном отечественном языкознании являются когнитивно-коммуникативная и прагмалингвистическая. В то время как в рамках первой дискурс рассматривается как ментальное явление, которое служит для концептуализации окружающего мира, в рамках второй – дискурс анализируется в связи с коммуникацией между людьми. Настоящее исследование находится в рамках прагмалингвистической программы.

2. Одной из разновидностей дискурса является политический дискурс. Сравнительный анализ определений и подходов к его изучению позволил выработать определение политического дискурса, которое представляется

наиболее оправданным в рамках настоящей работы: языковое выражение общественной практики в политической сфере, для интерпретации которого требуется учитывать ряд экстралингвистических факторов, определяющих его реализацию и влекущих за собой определенные политические действия. Принимая во внимание тот факт, что объектом нашего исследования является карлистский политический дискурс как единый когнитивный и семиотический феномен, мы относим к нему следующие виды текстов: (1) программные документы (манифесты, воззвания, речи, циркуляры, приказы по армии, указы и др.); (2) публицистику; (3) художественную литературу; (4) мемуаристику.

3. Политический дискурс как многоуровневая дискурсивная система обладает рядом имманентных функций и подфункций. Особенную роль в рамках настоящего исследования играет конативная (термин Р. О. Якобсона), или регулятивная (термин Е. И. Шейгал) функция, позволяющая политическому дискурсу обслуживать и поддерживать властные отношения в социуме.

4. Научное изучение политического дискурса и в нашей стране, и за рубежом имеет богатую традицию. Сравнительное рассмотрение основных направлений и школ изучения политического дискурса позволило сформулировать сущностные составляющие политической дискурсологии. Вслед за представителями Эссекской школы и французской школы дискурс-анализа мы полагаем, что борьба за власть и система отношений в социуме являются дискурсом. Как и Т. ван Дейк и другие представители школы критического дискурс-анализа, мы рассматриваем повседневную коммуникацию как важную часть политического процесса. Нельзя не отметить и большой вклад Н. Хомского и Э. С. Хермана в изучение политического дискурса в СМИ: исследователи показали, что само по себе представление в прессе определенного новостного сюжета не свидетельствует о точности и объективности его освещения; гораздо большее значение имеют коннотативные значения использованных в тексте лексических единиц, частотность обращения к определенным сюжетам, использование заголовков.

ГЛАВА 2. ДИСКУРС КАРЛИЗМА: ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Идеологическая эволюция карлистского движения в XIX–XX вв.

В 1878 г. немецкие лингвисты Г. Остхоф и К. Бругман во введении к своей знаменитой работе «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» («Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen») писали, что «язык не есть вещь, стоящая вне людей и выше них и существующая для себя» [Osthoff, 1878: XII]. Изучение дискурса той или иной политической формации невозможно без рассмотрения культурно-исторического контекста, в котором она существует. В этом разделе будет дан краткий обзор идеологической эволюции карлистского движения. Подробное описание событийной канвы, связанной с карлистскими войнами, выходит за рамки настоящего исследования; мы ограничимся только тем, что наметим основные вехи на пути развития карлизма и заострим внимание на эпизодах, которые представляются релевантными для изучения языковых особенностей карлистского дискурса в полилингвальном коммуникативном пространстве. Ход основных событий, связанных с историей карлизма, показан в ряде монографий и докторских диссертаций на испанском, английском, каталанском и русском языках [Терещук, 2023a; Albi de la Cuesta, 2017b; Blinkhorn, 1979; Bullón de Mendoza, 1991; Canal, 2000; Caridad Salvador, 2013b; 2014; Clemente, 2011; Coverdale, 1984; Ferrer, 1941–1979; Holt, 1967; Lawrence, 2014; 2017; Mundet, 1990; Oyarzún, 2008; Payne, 1995; Rújula, 1998; Santirso, 1994; Seco Serrano, 1973]. В настоящем разделе,

анализируя исторический контекст, в котором эволюционировала карлистская идеология, мы опираемся на упомянутые публикации.

Карлизм выделился в качестве отдельного субъекта испанской и европейской политики в 1833 г. и стал одним из ряда типологически сходных контрреволюционных движений в Европе конца XVIII – начала XIX вв., таких как мигелисты в Португалии, санфедисты и кальдерарии в Италии, шуаны во Франции и др. При этом корни карлистского движения уходят в предшествующие века испанской истории. Британский историк М. Блинкхорн предлагает начать изучение предпосылок возникновения карлизма с 1700 г., когда в Испании воцарилась династия Бурбонов и когда в страну начали проникать идеи Просвещения [Blinkhorn, 1979: 18]. Нам представляется, что истоки этого движения лежат еще глубже, в периоде Средних веков. В Средневековье христианские государства севера Пиренейского полуострова противостояли мусульманам, которые еще в 711 г. завоевали большую часть территории современной Испании. Борьба христиан против мусульман, вошедшая в историю как «Реконкиста» (исп. *Reconquista*, «отвоевание»), продолжалась до 1492 г., когда объединенные силы Кастилии и Арагона захватили Гранаду – последний мусульманский город на полуострове. В конце XV в. начался процесс формирования испанского национального государства, который таким образом совпал с окончанием Реконкисты и одновременно с колонизацией только что открытых территорий в Новом свете. То есть образование испанского национального государства было тесно связано с религиозным фактором: борьбой с представителями иной этноконфессиональной группы (Реконкиста) и обращением в католическую веру коренного населения Америки.

Как писал карлистский философ и историк Ф. Элиас де Техада, именно по этой причине впоследствии, в XVI–XVII вв., Испания воспринимала себя как «оплот» католицизма и «защитницу» христианской веры [Elías de Tejada, 1954: 44]. Немецкий философ В. Шубарт проводил параллель между этим самоощущением испанцев и русским мессианством и писал, что «миссия обоих

народов заключается в том, чтобы свидетельствовать о сущности Божией в мире несущественного» [Шубарт, 2000: 269]. Если в эпоху своего расцвета испанская империя обладала достаточным военно-экономическим потенциалом, чтобы «свидетельствовать о сущности Божией», то с началом упадка во второй половине XVII в. ее возможности существенно снизились. При этом, хотя геополитические обстоятельства иногда вынуждали католическую Испанию вступать в союз с лютеранскими государствами, внутри страны любое религиозное инакомыслие жестко подавлялось. Карлистский журналист и историк XX в. М. Феррер, рассуждая об этой эпохе, писал, что Испания может быть «либо католической, либо она не может существовать. Но если весь народ является католическим, то таким же должно быть и государство» [Ferrer, 1941–1979, I: 118]. В карлистском дискурсе встречаются отсылки к временам расцвета испанской империи.

В начале XVIII в. в Испании воцарилась французская династия Бурбонов. В страну проникают идеи французского Просвещения, которые находят сторонников среди части интеллектуальной элиты. Применительно к приверженцам реформ начинает употребляться лексема *liberal* («либерал»). Историк испанского языка Р. Лапеса указывал, что изначально она имела в испанском языке значение «щедрый», однако в XVIII в. под влиянием французского приобрела значение «человек прогрессивных взглядов» [Lapesa, 1981: 433]. При этом было бы грубой ошибкой напрямую соотносить испанских либералов XVIII–XIX вв., главных антагонистов в карлистском дискурсе, с современными либералами (в российском или в западноевропейском понимании). Подобная ошибка, иногда встречающаяся в публицистике, обусловлена иллюзией, «будто термины политики и политической науки легко транслитерируются, однозначно определяются и без затруднений воспроизводятся в иных лингвокультурных средах» [Клемешев, 2019: 151]. Различная интерпретация политической терминологии характерна не только для ситуации перевода с одного языка на другой, но и при коммуникации между приверженцами разных политических взглядов. Как пишут В. В. Кабакчи и З. Г. Прошина, «известно, что именно вокруг интеронимов типа

демократия/democrasy, либерал/liberal, национальный/national, etc. ведутся самые горячие споры, поскольку эти слова неоднозначно понимаются сторонниками различных идеологий и тем самым приобретают разные коннотации» [Кабакчи, 2021: 178–179], то есть они являются «плавающими означающими» в терминологии Э. Лаклау. При этом, конечно, их вариативность не ограничивается только коннотативным значением.

Испанские либералы XIX в. не представляли собой единой группы или движения – в 1830-е гг. они разделились на две враждующие партии (Умеренную и Прогрессистскую), которые в последующие десятилетия несколько раз трансформировались. Далеко не все либералы читали Д. Локка, А. Смита, Ш. Л. де Монтескье и других классиков. Основанием для отнесения человека к числу либералов в первую очередь служило его убеждение в необходимости реформ (например, в переходе от так называемой «абсолютной» монархии к конституционной) и критика того строя, который в исторической науке именуется «Старым режимом»/«Старым порядком» (фр. «Ancien Régime») (о понятии ‘Ancien Régime’ см.: [Бурк, 2017]). При этом было бы ошибочным рассматривать испанский либерализм как «вторичный» или «отсталый» по сравнению с другими европейскими странами. О. В. Ауров указывает: «Что касается развития либеральных политических институтов, Испания XIX в. дает образцы не менее (а подчас и более) классические, чем Великобритания, Франция или Германия» [Ауров, 2023: 360].

Конкретный момент семантического сдвига у лексемы *liberal* определить затруднительно, однако можно точно зафиксировать, что к созыву Кадисских кортесов (парламента) в 1810 г. часть их депутатов уже идентифицировала себя как либералы. Создание данного законосовещательного органа, выработавшего в 1812 г. первую испанскую конституцию, произошло в контексте войны против наполеоновской Франции. В 1808 г. Наполеон Бонапарт путем дипломатической интриги посадил на испанский престол своего старшего брата Жозефа, объявив его королем Испании Хосе I (1768–1844). Таким способом Наполеон фактически

присоединил к своей империи Испанию с ее колониями в Новом свете. Однако наполеоновский интердискурс (в терминологии М. Пеше), включавший в себя ряд элементов французского революционного дискурса, во многом противоречил традиционному испанскому интердискурсу. Испания восстала против наполеоновских оккупантов, и по всей стране развернулась партизанская война против французов. Этот конфликт вошел в испанскую историографию как «Война за независимость» (исп. «Guerra de la Independencia») и продлился до 1814 г. Мы выносим в качестве основной причины конфликта именно несовпадение дискурсных формаций испанских патриотов и Франции Наполеона. Эта война не была вызвана теми или иными французскими нововведениями в Испании, этническими противоречиями между испанцами и французами или геополитическими соображениями. Ф. Суарес, виднейший представитель Наваррской школы изучения карлизма, в своей лекции в 1955 г. говорил: «Соппротивление Наполеону было не просто борьбой за территориальную или политическую независимость, это также была настоящая и жестокая война за духовную свободу» [Suárez, 2006: 33]. Современник Ф. Суареса Л. Руис Эрнандес определял Войну за независимость и карлистские войны как «guerras ideológicas» («идеологические войны») [Ruíz Hernández, 1960: 93]. Подавляющее большинство населения Испании было не готово принять идеологию, которую несли наполеоновские солдаты, и предпочло выступить против неприятеля с оружием в руках. Небольшое количество коллаборационистов поддержало власть короля Хосе I; в испанском политическом дискурсе они получили пейоративное наименование *afrancesados* («офранцузенные») и нейтральное *josefinos* («хосефинос, сторонники короля Хосе»). Впоследствии, в 1830-е гг., многие из них оказались в лагере умеренных либералов (о политическом проекте и идеологии Жозефа Бонапарта см.: [Ещенко, 2019]).

Война за независимость сыграла важную роль в формировании мировоззрения карлистов в 1830-е гг.: практически вся верхушка их движения участвовала в боевых действиях против французов. Кроме того, по мнению

Ю. В. Василенко, именно в период французской революции и наполеоновских войн, дискурс испанских традиционалистов приобретает политические черты: ранее «традиционалистский дискурс развивался, по большому счету, лишь как религиозно-философский с потенциальным использованием политической риторики» [Василенко, 2020: 95]. Конфликт вскрыл глубокие противоречия внутри испанского общества: между либералами, стремившимися к реформированию Испании по образцу других стран Западной Европы, и роялистами (исп. «realistas»), надеявшимися после победы над французами восстановить общественные отношения, существовавшие до 1808 г. Роялисты, идеологические предшественники карлистов, получили ряд наименований: *serviles* («раболепные»), *absolutistas* («абсолютисты»), *persas* («персы»), *apostólicos* («апостолики») (в либеральном дискурсе данные лексемы приобретали пейоративный оттенок). О распространенности данных лексических единиц свидетельствует тот факт, что в Словаре Королевской академии испанского языка у каждой из них зафиксировано значение «сторонник абсолютной монархии» [Diccionario de la lengua española]. Если происхождение первых двух лексем не нуждается в комментариях, то последние две требуют пояснений.

Термин *persas* начал употребляться после того, как 12 апреля 1814 г. группа депутатов-роялистов вручила вернувшемуся из французского плена королю Фернандо VII (1784–1833) обращение, начинавшееся с отсылки к истории Древней Персии и предлагавшее монарху отменить конституцию 1812 г. и распустить Кадисские кортесы. Впоследствии документ получил известность как «манифест персов», а его податели (а затем и все остальные роялисты) – как «персы». Сам факт подобного обращения к королю был новым явлением в испанской политической жизни, которое порывало с предшествующими принципами коммуникации между королем и его подданными [Suárez, 1946: 50–60]. А. Вильгельмсен, исследовательница из США, специализирующаяся на изучении идеологии карлизма, пишет: «С одной стороны, “персы” исходят из установок самих либералов и критикуют кадисское произведение “изнутри” <...>

С другой стороны, роялисты рассматривают работу кадисских кортесов и все ее значение с собственно испанской точки зрения. Они критикуют Кортесы и Конституцию “извне”, обрушивая проклятия на их источник вдохновения – Французскую революцию» [Wilhelmsen, 1979: 149]. Заслуживает внимания и тот факт, что депутаты-роялисты, призывая короля к роспуску кортесов, тем самым просили его лишить самих себя легитимности.

Одним из значений лексемы *apostólico* в испанском языке является «папский, относящийся к власти Римского папы». Роялисты подчеркивали свою верность католической церкви и часто использовали в своем дискурсе аргумент, что ей угрожает опасность со стороны либералов. Крупнейший испанский консервативный мыслитель XIX в. Х. Доносо Кортес писал: «Католицизм – это полная цивилизационная система, настолько полная, что в своей необъятности она охватывает все» [Donoso Cortés, 1851: 21]. Как будет показано далее, данная идея нашла отражение в карлистском политическом дискурсе. Для нас важно, что то значение, которое имел в роялистском дискурсе клерикальный компонент, обусловило употребление лексемы *apostólico* в испанской политической коммуникации первой половины XIX в.

Борьба между либералами и роялистами не сводилась только к использованию уничижительных прозвищ по отношению друг к другу (как пишет М. А. Кронгауз, «в основе конфликтной коммуникации лежит отрицательная оценка, адресованная собеседнику» [Кронгауз, 2019: 33]). В 1814 г. Война за независимость закончилась поражением наполеоновской Франции. В Испанию вернулся король Фернандо VII, который вскоре после манифеста персов последовал просьбе депутатов-роялистов, распустил кортесы и отменил действие конституции. В 1814–1820 гг. либералы в Испании подвергались преследованиям; многие видные деятели либерального лагеря были вынуждены бежать за границу, в Англию и Францию. В 1820 г. против королевской власти восстала армия: солдаты во главе с подполковником Р. дель Риго (1784–1823), недовольные тем, что их должны были отправить воевать в испанские колонии в Америке, подняли

мятеж. К выступлению Р. дель Риго присоединилась остальная армия, и Фернандо VII был вынужден пойти на уступки, восстановить конституцию и прекратить преследования либералов. На три года Испания стала конституционной монархией, и этот период получил наименование «Либеральное трехлетие» («Trienio liberal»).

Либеральные реформы вызвали недовольство у наиболее консервативной части общества. В 1821–1822 г. весь север Испании восстал против правительства в Мадриде. Последовавший конфликт получил наименование «Роялистская война» («Guerra realista»). Многие из будущих карлистов приняли участие в боевых действиях на стороне роялистов. Повстанцы осуждали либеральные преобразования и заявляли, что неурожай 1821–1822 гг. – это «Божья кара» за реформы. В дискурсе роялистов отмечается смешение политического и религиозного компонента: характеризуя лексему *patriota* («патриот»), имевшую в роялистском дискурсе исключительно негативные коннотации, участник роялистского восстания, священник из Наварры А. Мартин пишет, что патриотами «называет либеральная, или демократическая секта безбожников, воров и убийц»¹⁹. Лексема *secta* («секта»), относящаяся к лексико-семантическому полю «религия», здесь имеет несомненный политический оттенок. Это смешение религии и политики представляется закономерным: важную роль в антилиберальной пропаганде сыграло духовенство севера Испании, большая часть которого поддержала восстание против мадридского правительства [Терещук, 2018d: 63].

Либеральное трехлетие закончилось военной интервенцией французской армии в 1823 г.: французские войска, чья экспедиция получила неофициальное наименование похода «Ста тысяч сыновей Святого Людовика» (фр. «Cent Mille Fils de Saint Louis»), вторглись в Испанию и восстановили абсолютную власть Фернандо VII. Отметим, что в данном случае интердискурс французских властей

¹⁹ Martín, A. Historia de la guerra de la división real de Navarra contra el intruso sistema, llamado constitucional, y su gobierno y su gobierno revolucionario por don Andrés Martín, cura párroco de Ustarroz / A. Martín. – Pamplona: Imprenta de Javier Gadea, 1825. – P. 54.

совпал с интердискурсом испанских роялистов, и крестьяне, которые десятилетием ранее развернули партизанскую войну против наполеоновских солдат, в 1823 г. гостеприимно встречали армию своего северного соседа. Участвовавший в походе А. Гюго, брат писателя В. Гюго, писал: «Французские солдаты везде встречались как друзья и освободители; население целых деревень выходило на дороги, чтобы приветствовать их»²⁰.

Последние десять лет правления Фернандо VII в либеральном дискурсе получили наименование *década ominosa* («позорное десятилетие»), а в роялистском – *década moderada* («умеренное десятилетие»). Хотя конституция вновь была отменена, а видные деятели Либерального трехлетия репрессированы, наиболее радикальные консерваторы упрекали короля в излишней мягкости и умеренности. После 1823 г. они начали возлагать надежды на наследника престола, младшего брата короля Карлоса Марию Исидро де Бурбона (1788–1855), более известного как «дон Карлос»²¹. Отличавшийся крайней религиозностью и аскетизмом, дон Карлос в большей степени соответствовал представлениям роялистов об идеальном монархе, чем его старший брат. В это время роялистов, группировавшихся вокруг дона Карлоса, начинают называть *carlistas* («карлисты»). Точный момент появления данной лексической единицы сложно определить. Военный и политический деятель эпохи Ф. Фернандес де Кордова (1809–1883) в своих воспоминаниях фиксирует употребление слова *carlista* в 1827 г.²² Некоторые историки относят его появление в испанском политическом лексиконе к 1825 г. [Aróstegui, 1976: 164] или к 1824 г. [Saval, 2008: 436]. В русском языке лексема *карлист* в значении «сторонник дона Карлоса» начинает употребляться в 1833 г., с началом Первой Карлистской войны. С большой долей вероятности можно утверждать, что первым употреблением этой лексической

²⁰ Hugo, A. Histoire de la campagne d'Espagne en 1823, dédiée au Roi, par Abel Hugo, ancien officier d'état-major, membre de plusieurs sociétés savants et littéraires / A. Hugo. – Paris: Lefuel, 1825. – P. 122 (здесь и далее – перевод наш А. Т.).

²¹ С именами всех последующих карлистских претендентов традиционно используется титулатура «дон».

²² Fernández de Córdoba, F. Mis memorias íntimas. Tomo I / F. Fernández de Córdoba. – Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886. – P. 96.

единицы в русском языке стала публикация новостной заметки в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 18 (30) октября 1833 г., в которой была следующая фраза: «Говорят даже, что генерал Кастаньос, выступивший из Сан-Себастьяна, разбит Карлистами» [Терещук, 2023е: 738]. Отметим, что в русском языке XIX в. данная лексема также могла обозначать французских роялистов, сторонников Генриха Шарля д'Артуа, графа де Шамбора (1820–1883) (о появлении в русском языке той эпохи интернационализмов, обозначающих политические партии, см.: [Дягилева, 2020]).

Карлисты рассчитывали, что не имевший детей и отличавшийся слабым здоровьем Фернандо VII умрет и передаст престол своему младшему брату; либералы, связывали свои надежды с появлением у правящего короля потомства. По испанскому законодательству о престолонаследии, установленному в 1713 г. Филиппом V (1683–1746) и часто не совсем точно называемому «Салический закон» (фр. «Loi salique»), престол передавался по мужской линии; дочь могла наследовать отцу только в том случае, если у него не было сыновей, братьев и племянников. В 1830 г. Фернандо VII выпустил Прагматическую санкцию²³, в соответствии с которой престол мог передаваться и по женской линии. Через несколько месяцев его молодая жена (четвертая по счету) Мария-Кристина (1806–1878) родила дочь Изабеллу (1830–1904), которая таким образом стала наследницей престола вместо дона Карлоса. Карлисты отказались признавать Прагматическую санкцию, заявляя, что король не имеет права менять фундаментальные законы страны; либералы, наоборот, восприняли Изабеллу как законную наследницу вместо консервативного дона Карлоса (вопрос о династическом споре в Испании подробно рассмотрен в [Терещук, 2023а: 34–49]). Показательно, что в последующие десятилетия в дискуссиях о Прагматической санкции в либеральном дискурсе постоянно встречались отсылки к старинному испанскому законодательству о престолонаследии, в котором престол мог передаваться по женской линии; карлисты, позиционировавшие себя как

²³ Вид документа в испанской юридической практике того времени.

испанские традиционалисты, наоборот, апеллировали к закону, введенному королем-французом по происхождению, с именем которого связано проникновение в Испанию идей Просвещения. Несоответствие между дискурсной формой высказываний на эту тему и декларируемыми идеологическими установками свидетельствует о том, что спор о престолонаследии был только поводом к конфликту, но не его настоящей причиной (о причинах вооруженного противостояния между либералами и карлистами см.: [Tereshchuk, 2022b]).

29 сентября 1833 г. Фернандо VII скончался. Вдовствующая королева Мария-Кристина взяла на себя обязанности регента при своей малолетней дочери. Через три дня дон Карлос, находившийся в тот момент в Португалии, выпустил Манифест в Абрантеше, в котором заявил о своих правах на корону. Манифест отличается всеми основными особенностями текстов, призывающих взяться за оружие: апелляцией к источнику легитимации власти, который является внешним по отношению к автору текста; подчеркиванием исторического значения культуры, в которой реализуется данный дискурс; созданием образа «врага»; призывом к объединению [Graham, 2004: 199–221]. Еще до того, как манифест успел распространиться по Испании, в разных частях страны начали происходить вооруженные выступления сторонников брата покойного короля. С этого стихийного, плохо подготовленного восстания началась Первая Карлистская война (1833–1840). Она проходила преимущественно на севере Испании и закончилась поражением дона Карлоса. Впоследствии события конфликта часто упоминались в карлистском дискурсе. С самого начала войны начал формироваться «пантеон» героев карлистского движения. Наиболее почитаемой фигурой среди участников конфликта стал создатель карлистской армии на севере Испании генерал Т. де Сумалакарреги (1788–1835). Впоследствии мифологизированный образ Т. де Сумалакарреги встречался в трех разных дискурсах: карлистском, франкистском и баскском националистическом [Canal, 2000: 80–81].

С октября 1833 г. можно фиксировать появление на испанской политической сцене карлизма как отдельного субъекта. Именно 1 октября 1833 г. является

нижней временной границей в настоящем исследовании. Ранее сторонники дона Карлоса не представляли собой отдельного политического движения или партии. Карлизм, ставший логическим продолжением испанского роялизма предшествующих десятилетий, оказался на правом фланге политического спектра. Это было антилиберальное движение, которое пользовалось поддержкой на севере Испании: в Наварре, баскских провинциях, Каталонии, Арагоне [Терещук, 2017а: 83; Caridad Salvador, 2018: 84–86]. Его основу составляло сельское дворянство, крестьяне, мелкое духовенство, часть городского населения. Типичный карлист – это «баск, каталонец, наваррец или арагонец; владелец небольшого земельного надела; часто – представитель мелкого сельского дворянства; человек не богатый, но и не нищий» [Терещук, 2023а: 86]. Конечно, данные обобщения являются упрощением: на выбор отдельно взятым индивидом стороны в конфликте влияли многочисленные факторы, которые требуют анализа в каждом конкретном случае.

Для нашего исследования важную роль играет и международная поддержка карлистского движения. Вскоре после начала конфликта европейские страны разделились на две группы в зависимости от своих симпатий к сторонам конфликта. Англия, Франция и Португалия поддержали Марию-Кристину и испанских либералов. 22 апреля 1834 г. эти три страны заключили с либеральной Испанией Четверной союз (исп. «Cuádruple Alianza»), официальной целью которого была заявлена борьба против карлистов [Ochoa Brun, 2017: 393–410]. Следствием заключения Четверного союза стала финансовая помощь и отправка на Пиренейский полуостров британских, португальских и французских воинских контингентов. Кроме того, Англия и Франция пользовались значительным влиянием в либеральной Испании [Терещук, 2024d: 123–125].

В дипломатическом дискурсе первой половины XIX в. часто встречается термин «Северные державы» (фр. «Puissances du Nord»), которым обозначались Россия, Пруссия и Австрия. Отметим, что в ту эпоху Россия пользовалась огромным влиянием в Европе, и этот политический вес она обращала в первую очередь для защиты консервативных ценностей. Закономерно, что Северные

державы во главе с Россией поддержали дона Карлоса, оказывали ему финансовую помощь и разорвали дипломатические отношения с мадридским правительством [Urquijo, 1988]. Для нашего исследования релевантным является тот факт, что после начала войны к армии дона Карлоса присоединилось несколько сотен добровольцев из разных стран Европы (преимущественно из германских государств, Франции и Англии), некоторые из которых оставили мемуары о своем участии в конфликте (их обзор будет представлен в разделе, посвященном источникам изучения карлистского дискурса). Многие из них примкнули к карлистам по политическим соображениям, воспринимая борьбу за идеалы легитимизма как общее дело всех европейских консерваторов; для кого-то основной интерес представляла тяга к приключениям. В других европейских странах в XIX в. карлистское движение часто воспринималось через призму романтических идеалов, а сами карлисты рассматривались как заведомо более слабая сторона, которая «храбро» ведет борьбу против более сильного противника и, соответственно, вызывает симпатию [Caspistegui, 2008: 137]. Интернационализация конфликта, которая отмечается уже с первых месяцев противостояния, способствовала формированию транслингвального карлистского дискурса, к которому относятся тексты не только на испанском и миноритарных идиомах Испании, но и на английском, французском, немецком, русском и итальянском языках. Эта интернационализация затрагивала не только элиты, но широкие слои населения: в XIX в. большая часть сельского населения южной Франции, в первую очередь районов на испано-французской границе, активно поддерживала карлистское движение [Dupont, 2021a: 195–196].

В ходе Первой Карлистской войны началось формирование идеологии карлизма. Ю. В. Василенко пишет, что «на всем протяжении своего генетического этапа (1833–1876 гг. – прим. А. Т.) карлизм – это не столько политическая идеология, сколько политическая практика» [Василенко, 2016: 95]. В данном случае исследователь интерпретирует идеологию с позиций политологии, то есть как систему идей. Т. ван Дейк предлагает определение идеологии как «основы

социальных ориентиров, разделяемых представителями той или иной группы» [Van Dijk, 1998: 8]. Соответственно, хотя у карлистов в 1833 г. не было четко сформулированной политической программы, все они как представители одного дискурсивного сообщества имели общие социальные убеждения, обуславливавшие их поведение. При этом, конечно, большинство людей присоединялось к восстанию, не занимаясь рефлексией относительно идеологических оснований карлизма, а у руководства движения в условиях вооруженного противостояния не было времени на построение сложных политико-философских конструктов, которые легитимировали бы их действия. Осмысление карлизма началось уже после 1840 г., и более поздние идеологи движения пытались вписать карлизм 1833–1840 гг. в идеологический контекст своего времени. Кроме того, как пишет в своем диссертационном исследовании Р. М. Родон, карлизм и далее являлся в первую очередь «философией жизни и истории, естественной христианской формой организации жизни народов» [Rodon, 2015: 232]. Таким образом, изучение идеологии раннего карлизма представляется сложной задачей, для решения которой недостаточно обращения только к данным исторической науки или политологии. Перспективным представляется лингвистический анализ дискурсивных практик участников карлистского движения, который поможет восполнить существующие лакуны.

Карлизм никогда не представлял собой гомогенного движения. Уже в 1830-е гг. среди карлистов произошел раскол на три группировки, которые М. Лоуренс называет «абсолютистами» (англ. «absolutists»), «апостоликами» (исп. «apostólicos») и «баскскими форалистами» (англ. «Basque foralists»; от исп. *fuero*, «фуэро, налоговая или таможенная привилегия отдельных городов или провинций на севере Испании») [Lawrence, 2014: 188]. При этом последняя фракция никаким реальным влиянием в лагере дона Карлоса в 1833–1840 гг. не пользовалась. «Апостолики» (также: «правая фракция»/«чистые паписты»/«теократический сектор» в терминологии К. Секо Серрано; «праворадикальные консерваторы» в терминологии политологической школы П. Ю. Рахшмира [Василенко, 2016: 104])

возглавлялись самым доном Карлосом и духовенством из его окружения. Они были не готовы идти на компромиссы и воспринимали свою войну как религиозную. «Абсолютисты» (также: «левая фракция», «транзакционисты» в терминологии К. Секо Серрано; «либеральные консерваторы» в терминологии школы П. Ю. Рахшмира [Василенко, 2016: 104]) были согласны на умеренный конституционализм и некоторые реформы при условии сохранения сильной королевской власти.

В конце войны главой «левой фракции»²⁴ стал генерал Р. Марото (1783–1853), который 31 августа 1839 г. заключил с либералами соглашение в Вергаре, завершившее боевые действия в Наварре и баскских провинциях. Р. Марото и последовавшие за ним карлисты признали Изабеллу в качестве законной наследницы престола и сложили оружие; впоследствии многие из них вступили в ряды либеральной армии. Представители двух других группировок в составе карлизма отказались признавать Вергарское соглашение. Строго говоря, после 31 августа 1839 г. Р. Марото и его единомышленники перестали входить в карлистское движение. Впоследствии в карлистском дискурсе инвективы и отрицательные оценочные суждения, направленные против Р. Марото, стали распространенным явлением (как указывает Н. А. Трофимова, «отрицательное оценочное суждение носит преимущественно рациональный характер» и ставит своей задачей «убедить адресата в своей истинности»; инвектива представляет собой эмоциональную дискредитирующую оценку [Трофимова, 2008: 216]). Образ Р. Марото стал архетипом предателя; в публицистике, мемуаристике и художественной литературе он рисовался исключительно в негативном ключе. В текстах оппонентов генерала даже фиксируется образованная от его фамилии лексема *marotada* с пейоративным значением «штука, фокус, свойственный Марото» [Albi de la Cuesta, 2017: 426]. В начале XX в. прокарлистски настроенный писатель Р. М. дель Валье-Инклан (1866–1936) в романе «Летняя соната» («Sonata de estío») использовал для характеристики соглашения в Вергаре

²⁴ Естественно, Р. Марото и его сторонники не называли себя «левыми». Вопрос о классификации карлизма в рамках дихотомии «правые – левые» будет рассмотрен ниже.

лексему *traición*²⁵ («предательство»). Наконец, уже в 1930-е гг. русский участник карлистского движения генерал Н. В. Шинкаренко (1890–1968) в своих воспоминаниях упоминал Р. Марото и соглашение 1839 г. и также называл договор «предательством»²⁶.

После договора в Вегаре война продлилась еще около 10 месяцев на территории Арагона, Валенсии и Каталонии. Главнокомандующий карлистской армией в регионе Р. Кабрера (1806–1877) отказался сложить оружие, но к июлю 1840 г. остатки его войск были разгромлены или вытеснены на территорию Франции, где они были интернированы. Около 26 тысяч сторонников дона Карлоса отправилось в эмиграцию. Сам претендент на престол поселился во Франции под надзором полиции; в 1845 г. он отказался от своих прав на престол в пользу сына и переехал в Триест, где скончался десять лет спустя [Pauquet, 2017]. Новым претендентом на престол стал сын дона Карлоса-старшего Карлос Луис де Бурбон, граф де Монтемолин (1818–1861). Он будет претендентом на престол до своей смерти в 1861 г. (в карлистском дискурсе он будет именоваться «Карлос VI»); его сторонников в этот период часто называют *montemolinistas* («монтемолинисты») – термин, употребляемый наряду с *carlistas*.

К этому же времени относятся и попытки философского осмысления карлизма. В середине XIX в. в Испании появляется две важные фигуры европейского консерватизма: Х. Доносо Кортес (1809–1853) и Ж. Балмес (1810–1848). Существенным вкладом их обоих в развитие карлистской идеологии стал тот факт, что именно через работы этих двух философов карлисты восприняли идеи савойского философа начала XIX в. Ж. де Местра (1753–1821) [Fornés, 2010: 32]. Ж. де Местр, писавший на французском языке и ставший автором таких известных работ, как «Рассуждения о Франции» (фр. «*Considérations sur la France*») и «Санкт-Петербургские вечера» (фр. «*Les soirées de St.-Petersbourg*»),

²⁵ Valle-Inclán, R. M. del Sonata de estío. Memorias del Marqués de Bradomín / R. M. del Valle-Inclán. – Madrid: Rivadeneyra, 1933. – P. 12.

²⁶ Белогорский, Н. Белая песня Испании (мемуары генерал-майора Русской армии генерала Врангеля Н. В. Шинкаренко, в писательских кругах известного как Н. Белогорский) / Н. Белогорский. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 13.

оказал влияние на всю европейскую консервативную мысль. Он был убежденным противником республиканского образа правления и выступал за теократическую монархию. Категорическое неприятие Ж. де Местром революции во Франции сочеталось у него с критикой Старого режима. Философ не предлагал возвращения к временам до 1789 г. – его предложения были такими же инновационными по отношению к XVIII в., как и идеи французских революционеров. Аналогичным образом карлисты, несмотря на декларируемую в их дискурсе необходимость восстановления Старого режима, в последующие годы реализовывали новый государственный проект [Терещук 2023а: 353–354]. Важной идеей Ж. де Местра, получившей отражение в карлистском дискурсе, стало представление о том, что «ничто в мире не находится в такой согласии, как дух религиозный и дух воинский» [Maistre, 1854: 21]. Как будет показано далее, религиозный компонент играл важную роль в политическом дискурсе карлистов, в первую очередь в текстах, посвященных войне. По мнению П. Рухулы, смешение политического и религиозного компонентов в карлистском дискурсе в XIX в. было во многом обусловлено тем, что авторами большей части карлистских пропагандистских текстов были представители духовенства [Rújula, 1997: 243].

Политические взгляды Х. Доносо Кортеса эволюционировали от прогрессизма (левого либерализма) к либеральному консерватизму, близкому к левой фракции карлизма. Череду революций в странах Европы 1848 г. превратила Х. Доносо Кортеса в «настоящего апостола контрреволюции», по выражению А. В. Марей [Марей, 2023: 144]. Именно произведения последних лет жизни философа оказали наибольшее влияние на последующее развитие консервативной мысли в Европе: «Речь о Диктатуре» («Discurso sobre la Dictadura») (1849) и «Очерк о католицизме, либерализме и социализме» («Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo») (1851). Х. Доносо Кортес аргументировал необходимость сознательного нарушения закона и отказа от легальности в чрезвычайной ситуации: если интересы общества требуют установления диктатуры в обход закона, то диктатура должна быть установлена. Он писал об

опасности распространения революционных идей и связывал их популяризацию со снижением религиозности, развитием рационализма и крахом католического общества. В католическом обществе, по мнению философа, невозможны две вещи: деспотизм и революция [Donoso Cortés, 1851: 27]. Хотя Х. Доносо Кортес никогда не состоял в карлистском движении, его идеи сильно повлияли на дальнейшее осмысление карлизма и были восприняты многими карлистами.

Второй крупнейший консервативный философ того времени также не состоял в карлистском движении. Ж. Балмес²⁷ в первую очередь был религиозным философом, но в настоящем исследовании нас интересует его политическая публицистика. Формально Ж. Балмес не относился к карлистскому движению, однако фактически в своих статьях он высказывал идеи, которые соотносились с карлистским дискурсом; некоторые исследователи определяют его как «умеренного карлиста» [Rodon, 2015: 232]. Он выдвинул мысль о существовании двух Испаний: католической (в деревнях) и секулярной (в городах); соответственно, карлисты, которые в ходе войны господствовали в сельской местности, но так и не смогли захватить ни одного крупного города, были яркими представителями «католической Испании» [Balmes, 1847: 65]²⁸. По мнению Ж. Балмеса, фактором, благоприятствовавшим карлистам, была радикализация либерального дискурса мадридского правительства (в терминологии каталонского философа: «exageración de ideas y violencia de medidas», «утрирование идей и насильственные меры») [Balmes, 1847: 20]. В качестве решения, которое могло предотвратить дальнейший раскол в испанской королевской семье, философ активно продвигал идею брака королевы Изабеллы, которой в 1846 г. исполнилось 16 лет, и графа де Монтемолин.

²⁷ В работах на русском языке имя Ж. Балмеса часто передается как «Хайме» (исп. «Jaime»), но он был каталонцем, поэтому представляется оправданным употреблять каталонский аналог этого имени: «Жауме» (кат. «Jaume»).

²⁸ Ср.: рассуждения Э. Лаклау и Ш. Муфф о некоторых популистских дискурсах, в которых крестьянская культура ассоциируется с «добром», а городская – воплощает «зло» [Laclau, 2001: 129].

Этот брак так не был заключен, что стало одной из причин Второй Карлистской войны (1846–1849). Ряд историков не включает данный конфликт в число карлистских войн; его также именуют «Войной тех, кто рано встает» (кат. «Guerra dels matiners»), или «Монтемолинистской кампанией» (исп. «Campana montemolinista»). В отличие от других карлистских войн, в ходе этого противостояния боевые действия проходили только на территории Каталонии. В то время как сам граф де Монтемолин в течение всей войны находился за границей, настоящим лидером восстания стал Р. Кабрера – полководец, выдвинувшийся на первые роли в конце Первой Карлистской войны. Фигура Р. Кабреры вызывала неоднозначные оценки у современников: в карлистском дискурсе она приобретала христологические черты, а в либеральном – военачальник сравнивался с антихристом [Терещук, 2024i; Delano, 2021]. Вторая Карлистская война завершилась поражением сторонников графа де Монтемолин, который, однако, не отказался от притязаний на трон. Вплоть до 1869 г. карлисты не обращались к парламентской борьбе и рассматривали восстание как единственный способ прийти к власти (в 1855 и 1860 гг. они предпринимали неудачные попытки вооруженного выступления).

После смерти графа де Монтемолин в 1861 г. новым претендентом на престол стал его младший брат Хуан де Бурбон, или дон Хуан III (1822–1887). С именем этого политика связана попытка реформирования карлизма в сторону либерального консерватизма. Еще в 1860 г. он обратился с манифестом к испанским кортесам, заявляя о своей политической программе. Попытка определить себя как «либерального и конституционного монарха» не убедила мадридскую политическую элиту и одновременно внесла раскол в само карлистское движение [Василенко, 2021: 195–196]. В 1864 г. вдова дона Карлоса-старшего Мария Тереза де Браганса, принцесса де Бейра (1793–1874), выступила с открытым письмом «ко всем испанцам», в котором подвергла критике дон Хуана III. «Что может быть более неразумного, чем полагать основанием Государства, его законов, его правительства бесплотный призрак общественного

мнения?»²⁹ – задавала вопрос «хранительница» карлистской ортодоксии. Сформулировав на двух десятках страниц основные принципы карлистской политической программы, она фактически лишила дона Хуана III легитимности в глазах карлистов. По всей видимости, именно в «Письме испанцам» впервые была сформулирована знаменитая карлистская «триада», ставшая девизом движения: «Dios, Patria, Rey» («Бог, Родина, Король»; в тексте принцессы де Бейра: «Religión, Patria, Rey», «Религия, Родина, Король»). Спор между доном Хуаном III и принцессой де Бейра позволил карлистам сформулировать принцип двойной легитимности, который впоследствии, в XX в., станет одним из важных элементов их политического дискурса. В соответствии с данным принципом монарх, чтобы обладать легитимностью в глазах своих подданных, должен был обладать не только «правильным» происхождением («легитимность крови»), но и разделять идеи карлистского традиционализма («легитимность принципа») [Blinkhorn, 1979: 26; Rodon, 2015: 141–142]. При этом легитимность принципа имеет более важное значение, чем происхождение [Elías de Tejada, 1954: 160].

Либеральный уклон дона Хуана III оказал сильное влияние на идеологию движения: как полагает Ю. В. Василенко, «закономерно вызванный позицией нового претендента очередной раскол в лагере карлистов привел к новому витку реакции и, соответственно, к усилению “правой фракции” в их рядах» [Василенко, 2021: 198]. Под давлением окружения в 1868 г. дон Хуан III отрекся от претензий на престол в пользу своего сына Карлоса де Бурбона (1848–1909), известного как «Карлос VII» или «Дон Карлос-младший». Приход к власти в движении двадцатилетнего претендента на престол означал резкое усиление правоконсервативных элементов в карлистском дискурсе.

Смена руководства в карлистском движении совпала с революцией в Испании. Вошедшая в историю как «Сентябрьская» (исп. «Septembrina»), или «Славная» (исп. «La Gloriosa») революция 1868 г. привела к свержению Изабеллы II и установлению в Испании власти Временного правительства.

²⁹ Carta a los españoles (25.09.1864) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXII. P. 233–253. См. приложение А.

Движущей силой революции стали леволиберальные партии (Демократическая партия, Прогрессистская партия, Либеральный союз), и закономерно, что правый фланг испанского политического спектра негативно воспринял произошедшие перемены. «Сентябрьская революция (или Славная, как ее неудачно прозвали), проклятая и бессмысленная...»³⁰, – так охарактеризовал события 1868 г. каталонский писатель и участник карлистского движения М. Вайреда. В карлистском дискурсе активно тиражировались рассказы о гонениях на Церковь со стороны новых властей. М. Вайреда зафиксировал слухи, которые ходили в каталонской провинции (важно подчеркнуть, что для самого автора они представлялись объективной информацией): «В центральном нефе (*церкви в Олите – прим. А. Т.*) вместо христианских песнопений гремели звуки гимна Риего (*композиции, популярной у испанских либералов XIX в. – прим. А. Т.*) и канкана <...> Из купелей со святой водой поили лошадей, а в Главном алтаре оценилась собака коменданта <...> Посреди улицы Мажор мы видели, как священнику просто так разбили лицо ударом приклада»³¹. Такого рода нарративы обусловлены одновременно разворачивавшейся борьбой между разными дискурсами, «дислокацией» в терминологии Э. Лаклау: между централистским дискурсом мадридских властей и регионалистским дискурсом каталонских националистов; между либеральным и карлистским дискурсами; между дискурсом провинциальной («горной») Каталонии и дискурсом Барселоны и прибрежных районов (о противопоставлении «горы» – «побережье» в каталонской культуре см.: [Баканова, 2019: 265–266]).

Неприятие революции 1868 г. привело к тому, что часть консерваторов, ранее поддерживавших Изабеллу II (известных как «неокатолики») примкнула к карлистам. Реформы политической системы позволили карлистам впервые в своей истории принять участие в парламентской борьбе: в 1869 г. группа депутатов от карлистской «Традиционалистской партии», или «Традиционалистского объединения» (исп. «Comuni6n Tradicionalista»), была избрана в кортесы. С этого

³⁰ Vayreda, M. Records de la darrera carlinada / M. Vayreda. – Barcelona, 2014. – P. 13.

³¹ Ibid. P. 17–18.

момента по отношению к карлистам начинает регулярно употребляться лексема *tradicionalistas* («традиционалисты») [Vilches García, 2020: 264], хотя, с научной точки зрения, термин «карлизм» является гипонимом по отношению к «испанский традиционализм»: в Испании существовали и разновидности некарлистского традиционализма [Василенко, 2019: 33] (о правомерности употребления лексемы «традиционалисты» по отношению к карлистам см. также: [Comesaña, 2021: 66–68]). Несмотря на легализацию карлизма, дон Карлос-младший не оставил идеи о вооруженном восстании. Как отмечает К. Верри, центральное место в карлистском дискурсе всегда играла идея обращения к насилию для достижения политических целей [Verri, 2023b: 25].

Дополнительным стимулом к действию для карлистов стало избрание в 1871 г. королем Испании итальянского принца Амадея Савойского (1845–1890). Он был сыном первого короля объединенной Италии Виктора Эммануила II (1820–1878) – одиозной фигуры для карлистов и неокатоликов, которые обвиняли итальянского монарха в том, что он лишил Римского папу реальной светской власти и превратил его в «пленника». В кампании, направленной против Амадея, карлисты подчеркивали не только то, что новый король – «враг» католической веры, но и факт его иностранного происхождения. Распространенным карлистским слоганом, часто встречающимся в документах 1871–1873 гг. стал лозунг *¡Abajo el Extranjero!* («Долой Иностранца!») [Терещук, 2024f: 130]. Отметим в данном лозунге отсутствие предлога *a*, который в испанском языке маркирует одушевленное прямое дополнение; опуская предлог, авторы слогана деперсонализировали своего противника, воспринимали его как неодушевленный объект. Как пишет Е. А. Гончарова, «часто в основе намеренных отклонений речевого субъекта от общепринятого использования языковых единиц <...> лежит творческий элемент, или лингвокреативность пользователей языка. В этом случае стилистические девиации приобретают конструктивное значение, особенно для литературно-художественной, персуазивной и не прямой коммуникации» [Гончарова, 2023: 183]. Кроме того, представляет интерес выбор коммуникативной

тактики, направленной на достижение политической цели: у самого дона Карлоса-младшего было не больше испанской крови, чем у Амадея; кроме того, многие сторонники движения уже несколько десятилетий проживали за границей. Называя своего оппонента «иностранцем», лидер карлистов подчеркивал, что для него языковая и культурная идентичность представляется более важной, чем вопросы происхождения. В то же время в параллельно развивавшихся дискурсах каталонского и баскского национализма вопрос «крови» часто оказывался более релевантным, чем язык или культура [Martínez Noyos, 2014; Polo Blanco, 2022].

В 1872 г. в Испании началась Третья Карлистская война (1872–1876). Центром карлистского движения опять стал север страны. Гражданская война оказалась тесно связана с политической нестабильностью в Мадриде: в 1873 г. Амадей отрекся от престола, после чего в стране была провозглашена Первая республика (1873–1874). Короткий период первого в истории Испании республиканского правления ознаменовался хаосом в управлении и чередой меняющихся правительств и военных переворотов. Пользуясь нестабильностью в Мадриде, карлисты подчинили себе обширные территории на севере Испании, где создали фактически отдельное от центра государство. Многие либеральные консерваторы начали склоняться к поддержке дона Карлоса-младшего, в котором видели фигуру, способную навести в стране порядок. Возможно, если бы в 1874 г. претендент на престол согласился бы пойти на некоторые уступки и на либерализацию своей программы, то он выиграл бы войну. Однако лидер карлистов был не готов идти на компромисс. В конце 1874 г. в результате очередного военного переворота Первая республика была упразднена, а к власти пришел сын Изабеллы II король Альфонсо XII (1857–1885). Молодому монарху удалось добиться победы над карлистами и установить стабильную политическую систему, которая вошла в историю как «Режим Реставрации». Именно в период Реставрации карлистское движение приобрело символику, с которой оно будет ассоциироваться вплоть до XXI в.: красный берет – наиболее характерный элемент одежды карлистов – и гимн, получивший название «Марш Ориаменди»

(исп. «Marcha de Oriamendi»). Третий элемент, ассоциирующийся в настоящее время с карлизмом – бургундский крест – станет флагом движения позже, в 1935 г. (см. приложение С).

В ходе войны 1872–1876 гг. в карлистском дискурсе отмечается резкое усиление регионалистского компонента. Если в Первую Карлистскую войну регионализм находился на периферии карлистского политического дискурса [Терещук, 2023а: 63–70], то с начала 1870-х гг. ссылки на необходимость защиты миноритарных языков и культур, а также борьбы за фуэрос Каталонии, Наварры и баскских провинций становятся регулярными в карлистских текстах. В этот период к карлистской триаде «За Бога, Родину и Короля» (исп. «Por Dios, por la Patria y el Rey», кат. «Per Déu, per la Pàtria i el Rei», баск. «Jaungoikoa, aberria eta erregea») часто начинает добавляться четвертый элемент – «фуэрос» (исп. «fueros», кат. «furs», баск. «foru»). Отмена фуэрос в 1876 г., после победы в войне Альфонсо XII, только усилила рост регионалистских настроений среди карлистов [Canal, 2001: 291–301]. Если в 1830-е гг. находившийся при ставке дона Карлоса англичанин М. Б. Хонан называл каталанский язык «a kind of jargon, mixed up of French, Spanish, and Italian»³² («жаргоном, представляющим собой смесь французского, испанского и итальянского»), на котором разговаривают только «uncultured people» («некультурные люди»), то в 1870-е гг. подобное оценочное суждение со стороны сторонника карлистов было бы сложно представить.

При этом некорректно ставить знак равенства между карлистами и баскскими/каталонскими националистами. Хотя взгляды отдельных представителей карлистского движения могли измениться в сторону национализма (пример политического деятеля, находившегося на границе каталанизма и карлизма – М. Вайреда [Терещук, 2024а]), в целом карлистский и националистический дискурсы находились в состоянии конфликта. И. В. Кривушин связывает рост национализма с определенными социально-экономическими изменениями на севере Испании: индустриализация размыла

³² Honan, M. B. The Court and Camp. P. 262.

базу поддержки карлизма, который традиционно опирался на население сельской местности [Кривушин, 2022: 72].

Третья Карлистская война стала последним крупным конфликтом, в котором одна из сторон пыталась посадить на трон представителя карлистской ветви династии Бурбонов. После поражения в войне дон Карлос-младший отправился в эмиграцию и поселился в Венеции, в палаццо Лоредан. Его сторонники в Испании еще один раз пытались поднять восстание (в 1900 г.), но попытка окончилась неудачно. При этом в Испании продолжала политическую деятельность Традиционалистская партия, которая также известна под названиями «Карлистская партия» (исп. «Partido carlista»), «Католическо-монархическое объединение» (исп. «Comunión Católico-Monárquica») или «Хаймистская партия» (исп. «Partido jaimista») (в 1909–1931 гг.). Лидером партии на территории Испании стал адвокат Кандидо Носедаля (1821–1885), а главным печатным органом движения – основанная в 1875 г. газета «El Siglo Futuro» (о фигуре К. Носедаля см.: [Носес, 2023]). При этом часть неокатоликов, примкнувших к движению после 1868 г., откололась от карлизма и перешла на позиции Консервативной партии (исп. «Partido Conservador»), созданной главным идеологом режима Реставрации А. Кановасом дель Кастильо (1828–1897). Это движение умеренных карлистов, которые признали королем Альфонсо XII, получило наименование *pidalismo* (исп. «пидализм»), по имени своего лидера А. Пидалья (1846–1913). «Ортодоксальные» карлисты подвергли пидалистов критике, уничижительно называя их *mestizos* («метисы»), намекая на то, что пидалисты являются наполовину католиками, наполовину либералами.

После смерти К. Носедаля в 1885 г. дон Карлос-младший взял на себя личное руководство Традиционалистской партией. Это решение вызвало недовольство у Рамона Носедаля (1842–1907), сына К. Носедаля, который надеялся, что управление партией перейдет к нему по наследству от отца. В 1888 г. Р. Носедаля создал собственное политическое движение, которое получило название «Интегристская партия» (исп. «Partido integrista»). Интегристы обвиняли

дона Карлоса-младшего в либерализме и отступлении от католицизма и позиционировали себя как «истинных» носителей ценностей карлизма. К интегризму примкнула и газета «El Siglo Futuro». После смерти Р. Носедаля в 1907 г. интегрлисты начали близко сотрудничать с карлистами, а в 1932 г., в период Второй испанской республики, обе партии объединились. Видный карлистский публицист и философ М. Поло-и-Пейролон (1846–1918) писал: «Хотя на собрании в Бургосе, а затем в газетах, Р. Носедаля и его последователи в своих злонамеренных целях обвинили его (*дона Карлоса-младшего – прим. А. Т.*) в либерализме, с течением времени они были вынуждены признать <...> что между карлистским Символом веры (*Credo*) и так называемым интегристским нет никакой особенной разницы» [Polo y Peyrolón, 1905: 16]. В настоящей работе мы будем рассматривать интегристский дискурс как одно из направлений карлистского.

В противовес газете «El Siglo Futuro», которая примкнула к интегристам, дон Карлос-младший создал издание «El Correo Español»; представителем на территории Испании претендента на престол, продолжавшего находиться в эмиграции, стал политик и археолог Э. де Агилера-и-Гамбоа, маркиз де Серральбо (1845–1922). Он был вынужден руководить Карлистской партией в сложный период. На рубеже XIX–XX вв. карлистам, помимо отколовшихся интегристов, пришлось конкурировать за голоса избирателей с появившимися националистическими партиями в Каталонии и Стране Басков (которые привлекали на свою сторону тех, для кого особенно релевантным был регионалистский компонент в карлистском дискурсе) и с Консервативной партией, поддерживавшей режим Реставрации. Кроме того, рост городов и развитие промышленности на севере Испании, в традиционно прокарлистских регионах, привели к появлению многочисленного рабочего класса, существенная часть которого склонялась к анархизму и социализму. Британский историк Э. Хобсбаум писал, что «упорный, безнадежный традиционализм <...> наваррских или арагонских карлистов не надо искать в трущобах больших городов» [Hobsbawm,

1963: 123]. Соответственно, на парламентских выборах в 1890-е – 1900-е гг. карлисты добивались невысоких результатов, получая от двух до десяти депутатов в кортесы. Попытка поднять восстание в 1900 г. в Бадалоне (Каталония), организованная группой карлистов-радикалов без согласования с руководством, окончилась неудачей и ударила по репутации движения.

Видным идеологом карлизма на рубеже веков стал Х. Васкес де Мелья (1861–1928), редактор «El Correo Español» и карлистский депутат в кортесах. Его идеи во многом отталкивались от философии Х. Доносо Кортеса и Ж. Балмеса, а также от социальной доктрины Римского папы Льва XIII (понтифик в 1878–1903 гг.). О релевантности Х. Васкеса де Мелья для испанских правых говорит тот факт, что уже во второй половине XX в. ультраправая партия «Fuerza Nueva» («Новая сила»), на первый взгляд, не имевшая ничего общего с карлизмом, возводила к нему основы своей идеологии [Василенко, 2022: 95]. В 1897 г. именно Х. Васкес де Мелья стал главным вдохновителем Лореданского акта (исп. «Acta de Loredán», итал. «Atto del Loredan»), получившего название по наименованию резиденции дона Карлоса-младшего в Венеции. Этот программный документ позволил адаптировать идеологию традиционализма к актуальному контексту конца XIX в. Лореданский акт подчеркивал важность «католического единства» (исп. «unidad católica») и закладывал фундамент для последующего воссоединения карлистов и интегрисов. В плане социальной программы документ опирался на энциклику Льва XIII «Rerum Novarum» (лат. «Новых явлений») от 1891 г., которая отрицала неизбежность классовой борьбы и призывала католиков к работе с пролетариатом, в том числе к организации профсоюзной деятельности [Орлянский, 2022: 223–224]. При этом Лореданский акт продолжал утверждать идею сильной королевской власти. Карлисты осуждали парламентскую систему режима Реставрации, созданную по британскому образцу, и призывали к созыву традиционных испанских сословных кортесов, в которых должны были заседать не депутаты отдельных политических партий, но представители профессиональных объединений. Кроме того, Лореданский акт

подчеркивал актуальность регионалистской повестки и темы защиты фуэрос, осуждая при этом сепаратистские движения.

В 1909 г. скончался дон Карлос-младший, и новым лидером карлистов стал его сын Хайме де Бурбон, известный как «дон Хайме» или «Хайме III». В период его «царствования» (1909–1931) карлисты, идентифицируя себя с именем своего «короля», часто называли себя «хаймистами» (исп. «jaimistas»). Под руководством дона Хайме их движение представляло собой не просто партию, но сложную общественно-политическую формацию, которая включала в себя многочисленные периодические издания, общественные объединения, известные как «круги» («círculos»), и военизированную организацию, получившую название «Рекете» (исп. «Requeté»). Лексема *Requeté*, часто встречающаяся в карлистском дискурсе в первой половине XX в., в 1930-е гг. была заимствована языком русской эмиграции: среди членов Рекете было несколько десятков эмигрантов из России.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Испания сохранила нейтралитет. Часть политической элиты, в том числе король Альфонсо XIII, склонялась к поддержке Антанты. Среди участников карлистского движения произошел раскол: дон Хайме, который много лет служил в Русской императорской армии, симпатизировал России и ее союзникам. В то же время Х. Васкес де Мелья и большая часть сторонников Интегристской партии придерживались прогерманской ориентации. Газета «El Siglo Futuro» критиковала общественных деятелей, которые призывали к вступлению Испании в войну на стороне Антанты, и освещала ход войны с прогерманской точки зрения [Терещук, 2025а: 514]. В дискурсе интегрлистов по отношению к испанцам в составе Иностранного легиона употреблялась лексема *traidor* (исп. «предатель»), а интегристская пресса использовала целый ряд коммуникативных тактик и стратегий для создания отрицательного образа испанцев-участников войны на стороне Антанты [Acosta López, 2024: 94–95]. Противоречия внутри карлистского движения привели к еще одному расколу: в 1919 г., уже после окончания войны,

из Карлистской партии вышел Х. Васкес де Мелья и его сторонники (исп. *mellistas*, «мельисты»), осуждавшие англо-французский «либерализм».

Мельисты основали газету «El Pensamiento español» и Католико-Традиционалистскую партию (исп. «Partido Católico Tradicionalista»). Таким образом, с 1919 г. в Испании существовало три идеологически близкие партии, каждая из которых определяла себя как карлистскую и традиционалистскую; при этом интегристы и мельисты, хотя и позиционировали себя как монархистов, не могли выдвинуть никакой кандидатуры в качестве претендента на престол. Дон Хайме оставался верховным лидером Карлистской партии, генеральным секретарем которой в 1919 г. стал писатель и адвокат Л. Э. де Ларраменди (1882–1957). Несмотря на раскол в движении, в составе Карлистской партии осталось большое число отрядов Рекете, занимавшихся военной подготовкой и привлекавших молодежь.

В 1923 г. в Испании произошел военный переворот, и в стране установилась диктатура генерала М. Примо де Риверы (1870–1930), который взял в свои руки всю полноту исполнительной власти при номинально правящем монархе, короле Альфонсе XIII. В первые месяцы после переворота карлисты положительно оценивали перемены, происходящие в стране, реагируя на патриотическую риторику генерала. В дальнейшем отношение представителей трех направлений карлизма к М. Примо де Ривере различалось. Мельисты и интегристы в основном поддерживали диктатуру, хотя и осуждали некоторые решения генерала. Видный представитель мельистов В. Прадера (1872–1936) стал советником М. Примо де Риверы и одним из идеологов режима. В то же время собственно Карлистская партия (хаймисты) критиковала генерала. В карлистском дискурсе 1920-х гг. важное место занимала регионалистская тема, особенно апелляция к необходимости поддержки миноритарных языков Испании (в первую очередь баскского и каталанского). Как указывает В. М. Алпатов, хотя обычно языковую политику реализует государство, иногда «возможны и другие ее источники, начиная от частных телеканалов и заканчивая силами оппозиции, если они

влиятельны» [Алпатов, 2016: 8]. М. Примо де Ривера и созданная им партия «Патриотический союз» (исп. «Unión patriótica») ориентировались на испанский (кастильский) национализм и мадридский централизм; регионализм в период диктатуры 1923–1930 гг. мог существовать только в форме фольклорных элементов [Fuente Langas, 1994: 420]. В этот период карлисты и каталонские и баскские националисты отстаивали идеи продвижения региональных языков Испании.

Мировой экономический кризис, который начался в США в 1929 г., затронул ряд европейских стран, в том числе и Испанию. Экономические проблемы привели к росту социального напряжения и политической нестабильности. М. Примо де Ривера был вынужден уйти в отставку в 1930 г.; год спустя в Испании пала монархия и установился режим, вошедший в историю как Вторая испанская республика (исп. «Segunda República Española»). Карлисты положительно оценивали падение власти Альфонсо XIII, которого считали «узурпатором». Дон Хайме выпустил манифест, в котором приветствовал изменение политического режима в стране. Однако антиклерикальная политика нового режима, первым проявлением которой стала серия поджогов церквей в мае 1931 г., происходивших при попустительстве властей, привела к тому, что карлисты оказались в оппозиции к республиканскому режиму.

Британский историк М. Блинкхорн полагает, что именно приход к власти левых республиканцев стал фактором, способствовавшим возрождению карлизма. К началу 1931 г. карлистское движение находилось в глубоком кризисе: оно было разделено на три враждующие друг с другом партии и стремительно теряло популярность. При либерально-консервативной монархии Альфонсо XIII каталонские и баскские автономисты переходили в появившиеся в конце XIX в. националистические партии, консервативные католики поддерживали правящего монарха, а многие крестьяне переселялись в города, где увлекались идеями анархизма и социализма. Однако установление в Испании левого республиканского режима и бегство из страны Альфонсо XIII сделали карлистов

главной альтернативой справа существующим властям [Blinkhorn, 1979: 68]. К 1936 г., к началу Гражданской войны, карлисты превратились в одну из важнейших сил в испанской политике. Отметим, что рост популярности карлизма и одновременно ультралевых партий не был тенденцией, уникальной для Испании: как показывают Э. Лаклау и Ш. Муфф, в Европе 1930-х гг. отмечалась поляризация политической сцены и радикализация политического дискурса, которые совпали с кризисом либерально-демократической модели государства [Laclau, 2001: 61].

Появление общего противника для всех традиционалистов в лице республиканского режима способствовало объединению трех карлистских партий. В январе 1932 г. они вошли в состав единого Традиционалистского объединения (исп. «Comunión Tradicionalista»), которое управлялось Верховной хунтой (исп. «Junta Suprema»). Кроме того, произошла смена претендента на престол: 2 октября 1931 г. дон Хайме умер в Париже, и новым «королем» карлистов стал его дядя, 82-летний дон Альфонсо Карлос (1849–1936). В мае 1934 г. генеральным секретарем Традиционалистского объединения был назначен адвокат М. Фаль Конде (1894–1975). Он был уроженцем юга Испании, что было нетипичным для карлизма, пользовавшегося традиционной поддержкой на севере страны, в первую очередь в Наварре. Ранее М. Фаль Конде возглавлял отделение Традиционалистского объединения в Западной Андалусии, где развил бурную деятельность и существенно увеличил численность сторонников карлизма на юге страны. Х. Л. Агудин подчеркивает роль символического капитала, которым обладал М. Фаль Конде и который был связан с талантом пропагандиста нового лидера партии [Agudín, 2024: 209]. В 1934–1936 гг. карлисты готовили вооруженное восстание против республиканского режима, и в данном контексте М. Фаль Конде придавал большое значение вопросам политической пропаганды и развития прессы.

В 1931–1936 гг. произошло не только воссоединение трех карлистских партий, но и сближение Традиционалистского объединения с другими правыми

политическими силами. Так, на всеобщих выборах в 1933 г. карлисты выступили в коалиции с монархической партией «Испанское обновление» (исп. «*Renovación Española*», RE), которая выступала за возвращение престола Альфонсу XIII. В дискурсе карлистов все потомки Изабеллы II на испанском троне определялись как «узурпаторы», однако растущая популярность левых партий привела к объединению консерваторов. В 1934 г. испанские правые образовали «Национальный блок» (исп. «*Bloque Nacional*»), в который вошли и карлисты. В 1936 г., в последние месяцы перед началом Гражданской войны, карлисты участвовали в подготовке восстания против мадридского правительства вместе с самыми разными политическими группами, в том числе с партией «Испанская Фаланга» (исп. «*Falange Española*»), созданной в 1933 г. Х. А. Примо де Риверой, сыном бывшего диктатора. Идеология Фаланги представляла собой сочетание идей социализма, итальянского фашизма и католического традиционализма [Payne, 1961]. В отличие от карлизма, еще с XIX в. опиравшегося на сельское население и духовенство, членами Фаланги были преимущественно студенты университетов, то есть представители городской интеллигенции. В Гражданской войне 1936–1939 гг. фалангисты и карлисты оказались по одну сторону фронта, но между представителями этих двух партий регулярно происходили конфликты. Кульминацией борьбы стал инцидент в Бегонье 16 августа 1942 г., когда член Фаланги бросил две гранаты в группу карлистов, выходивших из церкви (анализ политической подоплеки инцидента и его последствий см.: [Payne, 1961: 232–237]).

18 июля 1936 г. в Испании началась Гражданская война. Страна разделилась на две части: на сторонников «Народного фронта» (исп. «*Frente Popular*»), объединения левых партий (в научной и в художественной литературе применительно к ним получил распространение не совсем точный термин «республиканцы»), и на приверженцев так называемой «Национальной Испании» (исп. «*España Nacional*»). К последним относились и карлисты, которые оказались на одной стороне с остальными правыми политическими партиями, в том числе и

с фалангистами. С октября 1936 г. единоличным лидером Национальной Испании стал генерал Ф. Франко (1892–1975), поэтому его сторонников часто называют «франкистами» (исп. «franquistas»). Выдвижению Ф. Франко во многом способствовала гибель в авиакатастрофе в самом начале войны генерала Х. Санхурхо (1872–1936), который должен был возглавить восстание против правительства «Народного фронта». По оценке С. Пейна и Х. Паласиоса, смерть Х. Санхурхо стала одним из факторов, способствовавших победе в войне «Национальной Испании», так как позволила прийти к власти Ф. Франко, который был более талантливым военачальником [Payne, 2014: 129]. При этом для карлизма выдвижение на первые роли Ф. Франко имело негативные последствия, так как у Х. Санхурхо были тесные связи с лидерами карлистского движения, и при его власти сторонники карлизма могли рассчитывать на то, что будут пользоваться большим влиянием в «Национальной Испании». В то же время Ф. Франко, практически не интересовавшийся политикой до 1936 г., был далек от карлизма. По оценкам некоторых современных исследователей, «отношения между карлистской политической организацией в лице дона Хавьера и его главного представителя Мануэля Фаля Конде с Франко и франкизмом никогда не были хорошими, ни до, ни после войны» [Senent, 2024a: 145].

Отряды Рекете сыграли важную роль в победе франкистов в Гражданской войне [Aróstegui, 2013]. Хотя основную массу военнослужащих Рекете составляли испанцы, в качестве добровольцев в отряды карлистов записалось некоторое количество иностранцев (англичан, французов, грузин и т. д.). Возможно, некоторое время в Рекете состоял англоязычный южноафриканский поэт Р. Кэмпбелл (1901–1957), хотя, по оценкам биографов, более вероятно, что он только один раз побывал на передовой, в то время как его «активная служба заключалась в работе пером» [Lockett, 1994: 177]. Отметим, что для вступления в карлистское ополчение не требовалось проходить никаких сложных бюрократических процедур. Так, британский доброволец П. Кемп в своих воспоминаниях писал, что он и его друг «были зачислены в Рекете, не подписав

ни одного документа. По какой-то причине, которая так и осталась мне непонятной, нам не выдали никаких удостоверений, да нам как-то и не пришло в голову просить их выдать»³³.

Отдельно отметим службу в карлистском ополчении русских эмигрантов, большая часть из которых имели опыт участия в Первой мировой войне и Гражданской войне в России. К. К. Семенов приводит список из 127 русских добровольцев в армии Ф. Франко, из которых не менее 45 попали в подразделения Рекете. Среди русских карлистов – два генерал-майора, два полковника и один подполковник, а остальные – преимущественно младшие офицеры [Семенов, 2016: 142–151]. Некоторые из них переходили в Рекете из других частей или наоборот [Терещук, 2018а: 292]. Их воспоминания, дневники, письма с фронта и публицистические статьи в эмигрантской прессе представляют собой ценный источник для изучения языка русской военной эмиграции.

20 апреля 1937 г. Ф. Франко выпустил «Декрет об Объединении» (исп. «Decreto de Unificación»), в соответствии с которым все политические партии, выступившие на стороне «Национальной Испании» сливались воедино и образовывали одну партию под названием «Испанская Традиционалистская Фаланга союзов национал-синдикалистского наступления» (исп. «Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista»); в разговорной речи применительно к ней использовались лексемы *Falange* («Фаланга») или *Movimiento Nacional* («Национальное движение»). Фактически Декрет об Объединении означал слияние двух крупнейших партий, которые выступали с совершенно разных идеологических позиций – Испанской Фаланги и Традиционалистского объединения. В дискурсе нового образования, которое представляло собой национал-консервативную партию с сильным антилиберальным и антикоммунистическим уклоном, оставалось немного элементов от дискурса изначальной Испанской Фаланги и еще меньше от карлизма. Декрет об Объединении привел к тому, что, хотя в 1939 г. карлисты

³³ Kemp, P. *Legionario en España* / P. Kemp. – Barcelona: Luis de Caralt Editor, 1975. – P. 56.

впервые в своей истории оказались в числе победителей во внутригосударственном конфликте, в течение последовавшей диктатуры Ф. Франко (1939–1975) их движение не играло никакой реальной роли в испанской политике, а карлистский политический дискурс стал частью франкистского дискурса [Alli Aranguren, 2023: 222–228].

Кроме того, несмотря на то, что карлисты оказались в числе победителей в Гражданской войне, их претендент на престол по-прежнему проживал в эмиграции. После смерти дона Альфонсо Карлоса в 1936 г. новым лидером карлистов стал Хавьер де Бурбон-Парма (1889–1907), двоюродный брат претендента на престол в 1909–1931 гг. дона Хайме. Он родился в Италии, учился во Франции, а в Первую мировую войну сражался в составе бельгийской армии. Хотя, как было показано выше, карлисты сыграли ключевую роль в победе франкистов в Гражданской войне в Испании, Ф. Франко в течение своего правления несколько раз предписывал дону Хавьеру покинуть испанскую территорию. Во время Второй мировой войны дон Хавьер проживал во Франции и принимал участие в движении Сопротивления. В 1944 г. он был арестован гестапо и отправлен в концлагерь в Дахау, в котором и застал конец войны [Rodon, 2015: 69–70]. С 1936 г. дон Хавьер именовался в карлистском дискурсе *regente* («регент»), а с 1952 г. – *rey Javier I* («король Хавьер I») (биография дона Хавьера подробно рассмотрена в статье [Wilhelmsen, 2019]).

Франкистский режим, установившийся в Испании после Гражданской войны, отнюдь не был монолитным: внутри режима между собой боролись различные группировки. Э. Саенс-Франсес отмечает две разные тенденции во франкистском дискурсе: стремление к тоталитаризму и стремление к традиционализму (свойственное в первую очередь карлистам) [Sáenz-Francés, 2023, p. 105–106]). Официальный франкистский дискурс интегрировал в себя ряд элементов карлистского дискурса, которые выполняли семиотическую функцию. Так, в первые годы франкизма получил распространение карлистский красный берет. Его иногда надевал сам диктатор; также берет носили некоторые чиновники

и военнотружашие [Viscarri, 2019: 726]. Берет для Ф. Франко и его окружения становился эмблемой, то есть узнаваемым «интерпретатором знака принадлежности объекта к какому-либо культурно значимому классу» [Карасик, 2023: 1127]. При этом ношение берета людьми, не имевшими к движению никакого отношения, иногда вызывало негативную реакцию у карлистов: один из их лидеров, первый министр юстиции в правительстве Ф. Франко и член Королевской академии испанского языка Т. Домингес Аревало, граф де Родесно (1882–1952), записал в своем дневнике, что «красный берет идет Франко, как святому два пистолета» (цит. по: [Alli Aranguren, 2023: 229]). Другой карлистский элемент во франкистском дискурсе – это героизация отдельных персонажей и эпизодов из истории карлизма. Как пишет А. И. Зыгмонт, «франкизм был не просто диктатурой, соответствующим образом обошедшейся со своими врагами, а своеобразной гражданской религией, построенной на союзе военных с церковниками и основанной как раз на идеологии мученичества» [Зыгмонт, 2023: 130]. Карлистский культ мучеников, погибших в войнах XIX в. и в конфликте 1936–1939 гг. стал частью франкистской «религии» (см. также на эту тему статью [Martín Etxebarria, 2023]).

Если в начале 1930-х гг. карлисты смогли забыть о внутренних разногласиях и объединиться для противостояния общему противнику (республиканскому режиму), то при франкизме карлизм опять начал распадаться на отдельные фракции. Отдельное течение образовали «крусадиcты» (исп. «cruzadistas»; досл.: «крестовопроходники»; от названия газеты «El Cruzado Español»), или «карлооктависты» (исп. «carlooctavistas»). Вторая лексема образована от имени их претендента на престол дона Карлоса Пио де Габсбург-Бурбон (1909–1953), правнука дона Карлоса-младшего. В 1943 г. Карлос Пио заявил о своих правах на престол и даже создал отдельное Католико-монархическое объединение (исп. «Comunión Católico-Monárquica»). При этом карлооктависты были лояльны к франкистскому режиму, и Ф. Франко даже позволил их лидеру проживать в

Барселоне. Впрочем, после смерти дона Карлоса Пио в 1953 г. карлооктавизм исчез как отдельное движение [Senent, 2020: 124–125].

Другая часть карлистов полностью интегрировалась во франкистский режим; их движение обычно называют «карлофранкисты» (исп. «carlofranquismo»). В то время как Традиционалистское объединение под руководством дона Хавьера находилось в оппозиции к режиму, карлофранкисты занимали различные посты во франкистской системе. Историк и политик Ж. К. Клементе, выступавший с позиций левого карлизма (речь о котором пойдет далее), в своей книге «Краткая история карлистских войн» («Breve historia de las guerras carlistas») приводит биографии ряда видных карлофранкистов, называя данный раздел своей работы *retablo de traidores* («ретабло предателей») [Clemente, 2011: 228–250]. Важно отметить, что карлофранкисты никогда не образовывали единой группы или фракции в рамках Национального движения; нельзя также говорить об отдельном карлофранкистском дискурсе, хотя можно анализировать функционирование карлистских элементов в дискурсе франкизма.

В 1958 г. М. де Сиватте (1901–1980), выходец из французско-каталонской семьи, несколько поколений которой участвовало в карлистском движении, образовал «Национальное и карлистское регенство Эстельи» (исп. «Regencia Nacional y Carlista de Estella»). М. де Сиватте привлек на свою сторону небольшое число каталонских и наваррских карлистов, которые были недовольны режимом Ф. Франко и не признавали дона Хавьера в качестве «короля»; в 1960-е гг. они осудили решения II Ватиканского собора. «Сиваттисты» (исп. «sivattistas») выступали в качестве оппозиции справа франкистскому режиму, который критиковался ими за либеральные реформы 1960–1970-х гг. В 1978 г., уже после смерти Ф. Франко и перехода Испании к демократии, сиваттисты создали ультраконсервативную партию «Карлистский союз» (исп. «Unión Carlista»), которая просуществовала восемь лет и исчезла, не оставив заметного следа в испанской политике [Rodon, 2015: 204–216].

Естественно, большая часть карлистов оставалась в рамках Традиционалистского объединения во главе с доном Хавьером. Хотя данная структура существовала нелегально и не имела никакого влияния на политику франкистского режима, ее лидер продолжал считаться законным «королем» своими сторонниками. Показательно, что сам дон Хавьер не воспринимал отколовшихся карлистов и даже сторонников Ф. Франко в качестве своих непримиримых противников: в 1957 г., в одном из писем к М. Фалю Конде, он предлагал работать совместно с «франкистами, хуанистами (*сторонниками другой ветви династии Бурбонов, поддержавшими кандидатуру Хуана Карлоса в качестве короля – прим. А. Т.*), сиваттистами, октавистами и даже с самими фалангистами, чтобы создать препятствие для неореспубликанизма» [Alli Aranguren, 2021: 239]. Тем не менее идея об объединении правых сил оказалась неосуществимой; более того, в конце 1968 г. среди карлистов произошел еще один раскол.

Если все предшествующие ответвления в рамках карлизма (либеральный консерватизм дона Хуана III, мельизм, интегризм, сиваттизм, карлооктавизм) представляли собой группировки, находившиеся на правом фланге политического спектра, то в середине 1960-х гг. в Испании появился левый карлизм. Здесь необходимо сделать терминологическое уточнение относительно употребления слов «правые» и «левые» применительно к карлистам. Как известно, деление на правых и левых восходит ко временам Французской революции. Как показывает историк и политолог М. Гоше, оно «оформилось и обрело имя далеко не сразу» [Гоше, 2024: 14]. Еще в середине XIX в. термины «левые» и «правые» не имели широкого распространения и употреблялись преимущественно в профессиональном политологическом дискурсе, и только в начале XX в. за ними «окончательно закрепились роль опознавательных знаков» [Гоше, 2024: 46]. Французский исследователь связывает это со вступлением «в эру демократии в современном смысле слова и вытекающих из этого перемен в области представительства» [Гоше, 2024: 47]. Хотя часто бывает сложно провести границу

между левыми и правыми, между ними есть несколько важных оппозиций. Так, для правых характерен элитаристский принцип, идея неравенства как естественного порядка вещей. Для левых свойственна интерпретация истории как бесконечного прогресса «от тьмы прошлого к свету будущего, как эволюцию от примитивных форм к более совершенным» [Моисеев, 2023: 114]. В рамках дихотомии «правые – левые» карлистов, несомненно, можно отнести к правым, однако на протяжении всей истории существования движения идентификация себя как правых не играла никакой роли в карлистском дискурсе. При анализе карлистского дискурса после 1960-х гг. мы разграничиваем «правых» и «левых» карлистов, хотя представители данных политических групп себя в качестве таковых не определяли. Выделение в отдельное движение социалистического карлизма стало примером перехода части приверженцев правой политической идеологии в левый «лагерь».

Неокарлистская научная школа отсчитывает декабрь 1956 г. в качестве момента появления этого направления. Точкой отсчета стала публикация «Манифеста, обращенного к карлистской молодежи Наварры» («Manifiesto a la Juventud Carlista de Navarra»). Текст этого документа имел ряд дискурсивных особенностей, которые существенным образом отличали его от других текстов в рамках карлистского дискурса: так, например, Х. К. Сенент отмечает, что в нем отсутствовало стандартное упоминание Непорочного зачатия, что привело к «десакрализации» (исп. «desacralización») текста, умалчивалось об участии карлистов в Гражданской войне и др. [Senent, 2024b: 40].

Оформление левого карлизма в отдельную политическую силу связано с именем сына дона Хавьера, которого звали дон Карлос-Уго (1930–2010); в дискурсе своих сторонников с 1975 г. он именовался «Карлосом-Уго I» (исп. «Carlos Hugo I»). Дон Карлос-Уго привлек на свою сторону многих карлистов, в первую очередь молодежь, критически настроенную по отношению к франкизму. 5 мая 1968 г. в ходе мероприятий на горе Монтехурра (ежегодного массового собрания карлистов на горе Монтехурра в Наварре в память о солдатах, погибших

в ходе боев в данной местности в карлистских войнах XIX в.; проводится в первое воскресенье мая) представители Объединения студентов-традиционалистов (исп. «Agrupación de Estudiantes Tradicionalistas») и Рабочего традиционалистского движения (исп. «Movimiento Obrero Tradicionalista»), а также несколько видных карлистских политиков сделали ряд заявлений, в которых подвергли резкой критике франкистский режим (подробный разбор заявлений, сделанных на Монтехурре в 1968 г., см. в [Senent, 2019]). Наиболее известным было выступление А. Гоньи, представителя Наварры во франкистских кортесах (парламенте). В ночь с 6 на 7 мая полиция реквизировала весь тираж карлистских газет «El Pensamiento navarro» и «Diario de Navarra», в которых была напечатана его речь. При этом, по оценке Х. К. Сенента, выступление нельзя отнести к антифранкистскому дискурсу; его автор критиковал политику Ф. Франко, но не призывал к смене режима [Senent, 2019: 446]. Тем не менее 1968 г. ознаменовал собой момент очередного раскола в карлистском движении.

В том же году дон Хавьер был выслан Ф. Франко из страны, что только способствовало обострению отношений между властями и карлистами. В 1971 г. в Арбоне (Франция) дон Карлос Уго создал новое политическое объединение – Карлистскую партию (исп. «Partido carlista»). Программа новой партии кардинально отличалась от «старого» карлизма. Карлистскую партию можно определить как социалистическую и федералистскую и отнести ее к левому флангу политического спектра. Дискурс сторонников дона Карлоса Уго представляет собой отдельную разновидность карлистского дискурса и включает в себя некоторые дискурсивные практики, характерные для левых движений. Своего рода «предвозвестником» левого карлизма стал испанский философ М. де Унамуно (1864–1936), который еще в конце XIX в. писал, что есть два карлизма: один представляет собой «схоластическую опухоль, убожество бакалавров, каноников, священников и разглагольствующих и рационализирующих цирюльников», другой – «протест против выхолощенного и абсолютистского либерализма, против положения дел, вытекающего из господства

буржуазии» [Unamuno, 1958: 951]. Этот «второй» карлизм в представлении философа вдохновляется идеями социализма и анархизма, и именно он является «настоящим».

В рамках левого карлизма появилось и радикальные группировки, пытавшиеся впервые в истории движения осуществлять террористическую деятельность. Одна из них называлась «Революционные активные карлистские силы» (исп. «Fuerzas Activas Revolucionarias Carlistas», «FARC») – акроним, совпадающий с названием леворадикальной террористической организации в Колумбии. Другая, под наименованием «Группы карлистского действия» (исп. «Grupos de Acción Carlista»), была связана с баскскими террористами [Alli Aranguren, 2021: 245; Senent, 2024b: 76–82]. Карлистские террористы просуществовали несколько лет; их наиболее известным терактом был взрыв в редакции карлистской газеты «El Pensamiento navarro», которую они воспринимали как слишком правую.

В марте 1977 г., за два месяца до своей кончины, дон Хавьер выпустил манифест, в котором осудил Карлистскую партию и призвал карлистов вернуться к принципам традиционализма [Alli Aranguren, 2021: 248]. До сих пор «классические», правые карлисты критикуют сторонников дона Карлоса Уго и воспринимают их как «предателей» движения. При этом модификация дискурса с крайнего правого фланга политического спектра на левый фланг представляется релевантным предметом для исследования, имеющим значение не только для лингвистики, но и для политологии. Нам представляется, что появление левого карлистского политического дискурса было обусловлено тремя факторами:

(1) Идеологическим дистанцированием между франкизмом и карлизмом, особенно в 1960-е гг., когда в Испании началось стремительное экономическое развитие, а сам режим начал постепенно демократизироваться. Одним из проявлений расхождения между Ф. Франко и карлистами стало избрание Хуана Карлоса, представителя «узурпаторской» (в карлистском дискурсе) ветви династии Бурбонов, в качестве будущего короля Испании.

(2) Революцией 1968 г. Вторая половина 1960-х гг. в Западном мире ознаменовалась ростом популярности левых политических учений, в том числе радикальных (троцкизма, маоизма и др.). Кульминацией этого процесса стали массовые беспорядки во Франции в мае 1968 г., которые начались за несколько дней до выступления левых карлистов на Монтехурре (см. на данную тему: [Барышников, 2021]). Х. К. Сенент также подчеркивает влияние, которое оказали на левых карлистов протесты против войны во Вьетнаме, Кубинская революция и процесс деколонизации [Senent, 2024с: 66].

(3) Решениями Второго Ватиканского собора (1962–1965). Созванный Папой Иоанном XXIII, собор объявил о проведении ряда реформ Католической церкви (в том числе перевод литургии с латыни на национальные языки). Решения собора вызвали недовольство у части католиков; в разных странах появились группы католиков-традиционалистов, не признающих реформы. Либерализация Католической церкви разрушила одну из основ карлистского политического дискурса: идею о необходимости защиты Церкви от «врагов» и представление о всеобъемлющем характере католицизма.

В 1975 г. умер Ф. Франко, и через полгода после его смерти начался процесс перехода к демократии. В стране были легализованы остальные политические партии, кроме Фаланги, и начали проводиться демократические выборы. При этом в процессе перехода к демократии карлизм оказался на вторых ролях: претендентом на престол от карлистов в 1975 г. стал дон Карлос Уго, социалистическая программа которого оттолкнула от движения многих консерваторов. В 1979 г. на региональных выборах в парламент Наварры Карлистская партия смогла получить всего одно депутатское кресло (и ни одного места в других регионах). Год спустя дон Карлос Уго сложил с себя непосредственное руководство партией и эмигрировал в США; в последующие годы его участие в политической жизни будет сведено к минимуму.

Раскол между левыми и правыми карлистами стал непреодолимым после 1976 г. 9 мая 1976 г., в ходе традиционного карлистского собрания на горе

Монтехурра, группа правых, в которую входили не только карлисты, но также и фалангисты и итальянские ультраправые, атаковала сторонников дона Карлоса Уго. Участники нападения, вошедшего в историю как операция «Реконкиста» (исп. «Reconquista», досл.: «Отвоевание»; название представляет собой прецедентный феномен, отсылающий к многовековой борьбе испанцев против арабского завоевания в Средние века), заявили о необходимости изгнать «ультралевых» и баскских боевиков с карлистского фестиваля. В ходе столкновений погибло двое сторонников дона Карлоса Уго. Несколько правых карлистов были осуждены за убийство, но уже в 1977 г. вышли на свободу благодаря всеобщей амнистии в Испании. В последующие годы ряд представителей правого карлизма были убиты баскскими террористами, которые заявили о том, что осуществляли месть за события на Монтехурре (о событиях на Монтехурре см.: [Senent, 2024b: 171–192]).

Участники нападения не признавали дона Карлоса Уго в качестве законного лидера карлистов. В соответствии с принципом двойной легитимности, лидер Карлистской партии не мог считаться законным «королем»: у него была только «легитимность крови», но не было «легитимности принципа». В качестве альтернативы дону Карлосу Уго правые карлисты выдвинули его младшего брата Сиксто Энрике де Бурбон Парма (1940–), называемого в карлистском дискурсе *don Sixto* («дон Сиксто»). Хотя он не принимал непосредственного участия в беспорядках на Монтехурре, в 1976 г. правительство Испании выслало его из страны, и в настоящее время дон Сиксто проживает во Франции. В 1977 г. он воссоздал партию «Традиционалистское объединение» (исп. «Comunión Tradicionalista»). В дискурсе Традиционалистского объединения дон Сиксто именуется не королем, а *abanderado de la Tradición* («знаменосцем/хранителем Традиции»). Партия находится на правых позициях и выступает против либерализма, социализма, а также каталонского и баскского национализма. При этом приверженцы дона Сиксто выступают за широкую автономию регионов Испании и за поддержку миноритарных языков и культур. В качестве одной из

своих главных задач партия заявляет «участие католиков в политике» [Протасенко, 2010: 198]. В 2010–2021 гг. главой политического секретариата партии (непосредственным руководителем на территории Испании) был известный философ, профессор университета Комплутенсе в Мадриде Х. М. Гамбра.

Представляет интерес позиция Традиционалистского объединения по отношению к России. В то время как основные испанские СМИ «следуют общей тенденции представлять Россию <...> в отрицательном свете и реализуют целый спектр манипулятивных приемов» [Мед, 2019: 157], официальное новостное интернет-издание сторонников дона Сиксто «La Esperanza» создает положительный образ российского государства и его политики. В дискурсе Традиционалистского объединения Россия предстает как хранительница традиционных христианских ценностей, которые разделяются правыми карлистами [Терещук, 2024g: 94]. Впрочем, влияние Традиционалистского объединения на современную испанскую политику остается периферийным: у сторонников дона Сиксто нет ни одного депутата в Кортесах, и их деятельность сводится преимущественно к политическим акциям, направленным на увековечивание памяти о прошлом карлистского движения.

В конце 2010-х – начале 2020-х гг. в Испании отмечается рост популярности правых партий. На всеобщих выборах в 2023 г. третье место заняла крайняя правая партия Vox. Хотя в ряде пунктов можно отметить пересечение между дискурсами Vox и Традиционалистского объединения (религиозные мотивы, осуждение однополых браков, критика региональных националистических проектов), в некоторых аспектах идеологические платформы двух партий отличаются. Основное различие связано с политикой по отношению к регионам и к миноритарным языкам: Vox выступает за жесткий централизм, уничтожение системы автономных сообществ и сокращение роли миноритарных языков в общественной жизни, а для Традиционалистского объединения остается важной идея расширения автономии регионов при условии сохранения единства

испанского государства [Терещук, 2020с]. Тем не менее в условиях стремительно меняющегося политического климата в современной Испании нельзя исключать возможности создания альянса между правыми карлистами и Vox (аналогичному объединению всех консервативных сил в 1930-е гг.) и их прихода к власти.

Левый карлизм также продолжает существовать, хотя и представляет собой, подобно Традиционалистскому объединению, маргинальную политическую силу. После смерти дон Карлоса Уго в 2010 г. новым главой левых карлистов стал его сын дон Карлос Хавьер (1970–), проживающий в Нидерландах. В дискурсе своих сторонников он именуется *titular dinástico del carlismo* («династический руководитель карлизма»). В 2019 г. дон Карлос Хавьер заявил о необходимости создания «свободных и суверенных Испаний (sic!)» («unas Españas libres y soberanas») и реализации в стране модели «федерации социальных (sic!) республик» («federación de repúblicas sociales») [Senent, 2020: 135].

Таким образом, испанский карлизм представляет собой одно из старейших политических движений в мире, история которого насчитывает более 190 лет. На протяжении истории своего существования идеология карлизма претерпевала изменения, адаптировалась к изменяющейся политической ситуации. В движении неоднократно происходили расколы, от внутреннего конфликта в 1839 г. до разделения на левую Карлистскую партию и правое Традиционалистское объединение. При этом ряд элементов карлистской идеологии сохранялись без изменений, что позволяет говорить о преемственности в рамках карлизма и о непрерывном существовании карлистского политического дискурса. В следующем разделе рассмотрим основные направления изучения карлистского политического дискурса в отечественной и зарубежной науке.

2.2. Направления изучения карлистского дискурса

Карлизм как сложное политическое движение с многовекторным путем развития привлекает внимание специалистов разного профиля на протяжении всей своей почти двухвековой истории. Большая часть исследований на тему

карлизма реализуется в области исторической науки, политологии, социологии или литературоведения. Как было отмечено во введении, до сих пор ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании не было проведено комплексного исследования карлистского политического дискурса как единого когнитивного и семиотического феномена. Тем не менее целый ряд характерных черт политической коммуникации сторонников дона Карлоса были отмечены и проанализированы учеными. В данном разделе мы рассмотрим основные направления научного изучения карлизма и сделаем обзор исследований, затрагивающих проблематику карлистского политического дискурса.

Ни в Испании, ни в других странах нельзя выделить какого-либо единого, общепризнанного списка научных школ изучения карлизма. Например, А. Каридад Сальвадор выделяет восемь основных направлений, используя в качестве основного критерия социологический подход ученых к изучению движения [Caridad Salvador, 2020: 216]. В настоящем исследовании представляется оправданным обратиться к предложенной М. Лоуренсом [Lawrence, 2014: 6–9] классификации научных школ, созданной на основании методологии и идеологических установок их представителей. Ранее мы уже использовали эту классификацию в монографии, посвященной формированию карлизма как отдельного субъекта испанской политики [Терещук, 2023а: 19–27]. Выделяются следующие научные направления: (1) классическое (либеральное); (2) традиционалистское; (3) Наваррская школа; (4) неокарлистское; (5) неолиберальное. Делая обзор данных направлений, мы выделяем наиболее значимые работы в рамках каждого из них – простое перечисление всех научных трудов, написанных о карлизме, потребовало бы создания целой книги.

Термин «классическое направление» относится к работам историков XIX в., которые писали о карлистских войнах сразу после их завершения. Представители этого направления представляли точку зрения победителей, поэтому их труды часто создают негативный образ карлизма. В исторической науке XIX в. сложно провести грань между научным и художественным текстом, и многие

исторические работы эпохи стилистически в большей степени соответствуют литературным произведениям. Некоторые из работ XIX в., позиционируемые их авторами как исторические, могут быть отнесены к пропагандистским, а не к научным текстам.

Яркий пример – книга писателя и журналиста В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго, или От новобранца до генерала» («*El Tigre del Maestrazgo, o sea De grumete a general*»), которая была выпущена в Мадриде в двух томах в 1846 и в 1848 гг. Автор, использовавший для определения жанра произведения термин *historia-novela* («история-роман»), обратился к деятельности Р. Кабреры во время Первой Карлистской войны. Военачальник, получивший в либеральном дискурсе прозвище *Tigre del Maestrazgo* («Тигр Маэстразго»³⁴), был не только политическим противником В. Айгуалса де Иско, но и виновником гибели его брата [Ayguals de Izco, 1846–1848, I: 185]. Соответственно, автор книги создал отрицательный образ карлистского генерала. Лексема *tigre* («тигр»), которую В. Айгуалс де Иско использует по отношению к Р. Кабрере, в испанском языке XIX в. часто употреблялась в переносном значении «жестокий, кровожадный человек». Слово *tigre* – не единственная лексическая единица, которую автор употребляет применительно к карлистскому полководцу: проведенный анализ показал, что в тексте присутствует 66 имен прилагательных и 116 имен существительных и субстантивных сочетаний с отрицательным коннотативным значением, относящихся к Р. Кабрере [Терещук, 2023f: 123]. В. Айгуалс де Иско сочетает «костюмбристское описание быта с романтической фабулой и элементами романтического психологизма» [Тертерян, 1989: 237]. Несмотря на претензии автора на «объективность» и «беспристрастность», «Тигра Маэстразго» можно классифицировать как текст, находящийся на пересечении классического направления историографии карлизма и антикарлистских художественных произведений.

³⁴ Маэстразго – исторический регион в Испании, на границе современных Арагона и Валенсии. Иногда по отношению к территориям, находившимся под контролем Р. Кабреры, используется термин *país carlista* («карлистская страна») [Macías, 2025: 88].

Главной работой классического направления является шеститомный труд политика и ученого, члена Королевской академии истории А. Пиралы «История гражданской войны, а также либеральной и карлистской партий» («*Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista*») [Pirala, 1868–1871]. Впервые он был опубликован в Мадриде в 1856–58 гг. в пяти томах, но десять лет спустя автор перевыпустил свою работу, дополнив ее томом VI, который посвящен периоду регентства Б. Эспартеро, начавшемуся после окончания Первой Карлистской войны. А. Пирала подробно рассматривает историю карлизма на генетическом этапе его существования, а также публикует в приложениях к основному тексту документы, относящиеся к противостоянию карлистов и либералов. Труд сохраняет актуальность и для современных историков как подробное изложение событийной канвы конфликта 1833–1840 гг.

Для нашего исследования работа А. Пиралы имеет релевантность как источник, содержащий большое количество текстов, относящихся к карлистскому дискурсу; кроме того, автор дает подробный обзор публикаций в прессе карлизма. Хотя в середине XIX в. в науке не существовало представления о дискурсе и дискурсивном анализе, А. Пирала делает ряд наблюдений относительно политической коммуникации карлистов. Так, он подчеркивает роль Х. А. Саратьеги, офицера, которого создатель карлистской армии Т. де Сумалакарреги в начале Первой Карлистской войны назначил ответственным за пропаганду и написание текстов речей, воззваний и т. д. Историк пишет, что успех Х. А. Саратьеги в данной деятельности был обусловлен не только его литературным талантом, но и знанием «*lenguaje al alcance de los naturales*» («языка, доступного местным жителям»), то есть баскского [Pirala, 1868–1871, IV: 173]. В то время как многие авторы той эпохи негативно относились к миноритарным языкам Испании (М. Б. Хонан в своих воспоминаниях пренебрежительно охарактеризовал баскский как «*patois of the country*»³⁵, англ. «деревенский патуа»), А. Пирала понимал важность информационно-

³⁵ Honan, M. B. The Court and Camp. P. 162.

психологического воздействия на солдат на их родном языке (о различных моделях языковой политики в армии см.: [Гак, 1989: 130]).

Традиционалистское направление историографии представляет большой интерес для настоящего исследования, так как некоторые труды его представителей могут быть отнесены к карлистскому политическому дискурсу. Историки-традиционалисты писали с позиций карлистов, не скрывая своих идеологических установок. Отправной точкой в развитии традиционалистской историографии стала «Политическая и военная жизнь Кабреры» («*Vida política y militar de Cabrera*») Б. де Кордовы, выпущенная в Мадриде в четырех томах в 1844–1845 гг. Об ангажированности ее автора свидетельствует тот факт, что сам Р. Кабрера встречался со своим биографом и написал длинное послесловие к книге. Отметим, что Б. де Кордова никогда не был карлистом, а состоял в Умеренной партии (см. его биографию: [Caridad Salvador, 2013a]). Нам представляется, что создание положительного образа Р. Кабреры в работе Б. де Кордовы обусловлено двумя факторами: (1) в 1840–1844 гг., когда шла работа над книгой, в Испании у власти находились прогрессисты, в то время как сторонники Умеренной партии были в оппозиции, и Б. де Кордова мог воспринимать карлистов в качестве временных «союзников»; (2) Б. де Кордова и Р. Кабрера происходили из одного города (Тортосы) и были знакомы, и историк, по всей видимости, испытывал личную симпатию к карлистскому военачальнику. Об этой симпатии свидетельствует интертекстуальный анализ труда Б. де Кордовы: образ Р. Кабреры в книге приобретает христологические черты, а сама работа содержит ряд аллюзий на евангельские события [Терещук, 2024i: 142–143]. Несмотря на субъективность «Политической и военной жизни Кабреры», книга до сих пор остается наиболее подробным описанием боевых действий в Маэстразго и сохраняет релевантность для современных исследователей. В то же время, например, опубликованная одновременно с трудом Б. де Кордовы в рамках классического направления работа Д. Кальбо «История Кабреры и гражданской войны в Арагоне, Валенсии и Мурсии» («*Historia de Cabrera y de la guerra civil en*

Aragón, Valencia y Murcia») [Calbo, 1845] сейчас может представлять лишь историографический интерес.

В своем труде Б. де Кордова уделяет некоторое внимание языковым вопросам. Войска Р. Кабреры вели боевые действия преимущественно на территориях, население которых говорит на каталанском или валенсийском языках. Историк фиксирует некоторые использовавшиеся в карлистском дискурсе каталанские/валенсийские лексические единицы и дает их этимологию. Так, он включает в текст каталанскую лексему *miquelets*, которая обозначала участников деревенского ополчения; Б. де Кордова возводит ее происхождение к имени каталонского наемного солдата рубежа XV–XVI вв. Микелета де Пратс [Córdoba, 1844–1845, II: 268]. Б. де Кордову интересовали проблемы политической коммуникации. В своей работе он приводит большое количество документов обеих противоборствующих сторон; сравнивая их тексты, автор делает вывод, что их «язык» очень «противоречив» (исп. «contradictorio») [Córdoba, 1844–1845, IV: 28]. Под этим «противоречием» Б. де Кордова понимал сходства в коннотативных значениях лексических единиц, использовавшихся для выражения оценки в текстах, относящихся к либеральному и карлистскому дискурсам. Некоторые из наблюдений Б. де Кордовы могут рассматриваться как предпосылки современного дискурсивного анализа. Автор сравнил карлистский и либеральный «языки» (исп. «lenguajes») и пришел к выводу, что лексические средства создания образа неприятеля в них совпадали. Он привел следующий пример: генерал армии кристинос М. Ораа в карлистском дискурсе именовался *cabecilla de rebeldes*; в свою очередь карлистский главнокомандующий Р. Кабрера в либеральном дискурсе получил пейоративное наименование *cabecilla de facciosos* (оба словосочетания переводятся, как «главарь мятежников») [Córdoba, 1844–1845, III: 182].

В то время как «Политическая и военная жизнь Кабреры» была только отправной точкой в развитии традиционалистского направления в историографии, наиболее знаковым его представителем стала 30-томная «История испанского

традиционализма» («Historia del tradicionalismo español»), составленная авторским коллективом во главе с М. Феррером [Ferrer, 1941–1979] (о создании и значении «Истории испанского традиционализма» см.: [Терещук, 2025f: 40–42]). Британский специалист по карлизму М. Лоуренс удачно определил эту работу как «карлистский ответ либералу Пирале» [Lawrence, 2014: 7]. Сами авторы, неоднократно цитировавшие главный труд классического направления историографии, называли свою работу *un Anti Pirala* («антиПиралой») [Ferrer, 1941–1979, V: 112], а либерального историка XIX в. сравнивали с Понтием Пилатом [Ferrer, 1941–1979, VI: 146]. «История испанского традиционализма» анализирует предпосылки появления карлизма и подробно освещает историю движения с 1833 по 1936 г.; в каждом томе публикуются тексты документов, относящихся к истории карлизма. Несмотря на очевидную субъективность труда, авторы которого не скрывали своей принадлежности к карлизму, ссылки на работу М. Феррера *et al.* присутствуют в последних книгах, посвященных истории карлистского движения [Терещук, 2023a; Albi de la Cuesta, 2017b; Lawrence, 2014; 2017], а также в недавно опубликованной монографии А. Комесаньи, посвященной литературе карлизма [Comesaña, 2021]. Достоинствами «Истории испанского традиционализма» являются подробное изложение истории карлизма и большое количество ссылок на мемуарные свидетельства и исторические исследования.

М. Феррера и его соавторов не интересовала политическая коммуникация как таковая, но в каждом томе они делали обзор наиболее значимых публикаций в карлистской прессе. В т. XIV приведен список публикаций (мемуаров, исторических работ, пропагандистских брошюр) на испанском, английском, немецком и французском языках середины XIX в., посвященных карлизму; каждая позиция в перечне сопровождается информацией о политических взглядах автора текста [Ferrer, 1941–1979, XIV: 223–238]. Кроме того, в тексте «Истории испанского традиционализма» часто встречаются рассуждения о важности

пропаганды идей карлизма, и дается описание карлистских митингов на рубеже XIX–XX вв., в период, когда движение сосредоточилось на парламентской борьбе.

Научный стиль текста сочетается с употреблением экспрессивной лексики по отношению к политическим противникам. Так, один из наиболее ярких либеральных политиков в Испании XIX в. Х. А. Мендисабаль характеризуется на страницах «Истории испанского традиционализма» следующим образом: «Сатанинское отродье <...> Эта фигура, несмотря на внушительные размеры своего тела, имеет в себе мало мужского <...> Он мстителен, жесток, постоянен в своей ненависти» [Ferrer, 1941–1979, X: 97]. Подобный стиль подачи материала, неприемлемый для современных научных работ, сближает «Историю испанского традиционализма» с историографией XIX в.

В определенном смысле преемницей традиционалистского направления стала Наваррская школа, получившая развитие в середине XX в. Ее основателем и наиболее ярким представителем является Ф. Суарес. В отличие от М. Феррера, который в первую очередь был журналистом и активистом карлистского движения, Ф. Суарес принадлежал к научному миру. Он защитил докторскую диссертацию по истории, заведовал кафедрой новой и новейшей истории в Университете Сантьяго-де-Компостела, а затем долгое время работал в Университете Наварры. Кроме того, Ф. Суарес был священником, состоял в католической организации «Opus Dei», а с 1975 г. служил капелланом испанского Королевского дома. Он никогда не принадлежал к карлистскому движению и, наоборот, был приближенным той ветви династии Бурбонов, которую в карлистском дискурсе именовали «узурпаторской». Хотя в своих трудах Ф. Суарес рассматривал широкий круг вопросов, связанных с историей идей в Испании XIX–XX вв., карлизм он выделял в качестве одного из наиболее знаковых и релевантных явлений в испанской истории этого периода [Suárez, 1950–1951: 114–115].

Именно с работ Ф. Суареса и его учеников начинается научное изучение карлистского дискурса. Хотя они не оперировали терминами «дискурс» или

«дискурсивный анализ» и хотя в первую очередь их интересовала не лингвистика, а история идей, среди работ Наваррской школы 1940-х – 1950-х гг. можно встретить исследования на тему политической коммуникации карлистов и их идеологических предшественников. Одной из первых работ в этой области стала статья, посвященная анализу текста манифеста «Федерации чистых роялистов» (исп. «Federación de realistas puros»). Документ, распространившийся в Испании в 1826 г., представлял собой критику справа политики Фернандо VII и призывал возвести на трон дона Карлоса. Существует две точки зрения на происхождение этого текста: одни авторы приписывают его крайней правой оппозиции, другие полагают, что документ стал провокацией со стороны либералов, пытавшихся дискредитировать дона Карлоса в глазах его старшего брата. Ф. Суарес анализирует текст, используя методологию, применяющуюся в дискурсивных исследованиях. Исследователь не только обращает внимание на отдельные лексико-семантические особенности манифеста, но и анализирует контекст, в котором он появился, соотносит документ с другими аналогичными текстами эпохи, подробно разбирает проблему восприятия манифеста читающей публикой и испанскими властями в середине 1820-х гг. Ф. Суарес не сомневается в том, что манифест происходил со стороны правой оппозиции, и не готов признать его мистификацией. В то же время, отталкиваясь от результатов текстологического анализа, автор полагает, что данный документ нельзя относить к политическому дискурсу карлистов (в его терминологии: «línea en el campo del pensamiento», «линия в области мышления»), несмотря на имеющийся в тексте призыв к установлению власти дона Карлоса [Suárez, 1948: 98–100].

Другая важная работа Ф. Суареса – статья «Формирование политической доктрины карлизма» («La formación de la doctrina política del carlismo»), опубликованная в 1946 г. [Suárez, 1946]. Хотя автор, естественно, еще не использует этот термин, он делает ряд наблюдений относительно явления, которое мы называем сейчас «карлистский дискурс». Он пишет, что объединяющим фактором, обусловившим существование карлистского движения, было не просто

существование идеологии карлизма как таковой, но «осознание» (исп. «consciencia») участниками движения того факта, что у них имелась эта идеология [Suárez, 1946: 45]. Ф. Суарес высказал предположение, что масса участников движения влияла на формирование идеологии (и, соответственно, дискурса) карлистской элиты, а не наоборот [Suárez, 1946: 82–83]. Эта мысль была неожиданной для середины XX в.: ранее история карлизма рассматривалась сквозь призму действий лидеров движения, которые, по мнению предшествующих поколений исследователей, полностью формировали идеологическую повестку.

Традиции Наваррской школы, выступавшей с национально-консервативных позиций, в настоящее время продолжает А. Бульон де Мендоса, директор института исторических исследований в Университете CEU Сан-Пабло в Мадриде. Преемственность между Ф. Суаресом и А. Бульоном де Мендосой выражается в исходных мировоззренческих установках исследователя и в стремлении изучать не отдельные эпизоды в истории карлизма, а рассматривать его целиком, как сложное явление с непрерывной историей. При этом методология и научные интересы исследователей отличаются. Ф. Суареса интересовала в первую очередь история идей, и для ее изучения он обращался к междисциплинарному подходу, используя методологию истории, политологии, языкознания и философии; некоторые его ученики пытались изучать испанский традиционализм с позиций теологии. А. Бульон де Мендоса остается в рамках исторической науки, и проблемами дискурсивных исследований не занимается. При этом под его руководством было защищено три диссертации, имеющие релевантность для нашего исследования: (1) работа М. Р. Гутьеррес Каррерас, посвященная британской консервативной газете «The Morning Post», выступавшей с прокарлистских позиций (особенный интерес представляет первая часть диссертации, в которой рассматриваются тексты, которые английские корреспонденты присылали из Испании [Gutiérrez Carreras, 2023: 23–141]); (2) работа Э. Карписо о ведущей карлистской газете середины XIX в. «La Esperanza»; результаты диссертационного исследования, защищенного в 2005 г. в Мадриде,

были отражены в монографии [Carpizo, 2008]; (3) выполненное на английском языке диссертационное исследование П. Гордона, посвященное вопросам отражения событий Мигелистской войны в Португалии и Первой Карлистской войны в Испании в лондонской газете «The Times» [Gordon, 2025]. Впрочем, в последней работе автор уделяет основное внимание боевым действиям в Португалии; кроме того, тексты «The Times», которая выступала с либеральных позиций в освещении обоих конфликтов, нельзя отнести к карлистскому дискурсу.

Другое направление изучения карлизма получило наименование «неокарлистское». Его появление во многом стало реакцией на работы Наваррской школы и на близкую к ней официальную историографию франкистского режима. После появления на рубеже 1960-х – 1970-х гг. левого карлизма во главе с доном Карлосом Уго у сторонников нового политического движения появилась необходимость переосмыслить всю предшествующую историю карлистских войн. Одним из активистов новообразованной Карлистской партии был Ж. К. Клементе, сочетавший политическую деятельность с работой журналиста и чтением лекций в Университете Барселоны и Автономном университете Мадрида. Он написал ряд научных и научно-популярных работ, в которых интерпретировал всю предшествующую историю движения с точки зрения социализма и пытался показать «народный» и «регионалистский» характер всех восстаний карлистов в XIX в. (о неокарлистской школе см.: [Терещук, 2023а: 24–25]). Последователем скончавшегося в 2018 г. Ж. К. Клементе является исследователь из Национального университета дистанционного образования в Мадриде Х. К. Сенент, защитивший в 2021 г. диссертацию, посвященную формированию левого карлизма [Senent, 2021]. Результаты диссертационного исследования были отражены в монографии «Антифранкисты в красных беретах. Идеологические изменения в карлизме (1968–1986)» («Antifranquistas de boina roja. El cambio ideológico en el carlismo (1968–1986)»), которая вносит существенный вклад в изучение вопроса о формировании левого карлизма [Senent, 2024b].

Естественно, неокарлисты опирались на более раннюю традицию изучения истории движения, однако они выбирали из работ своих предшественников те положения, которые соответствовали дискурсной формации Карлистской партии. Так, Ж. К. Клементе развил идею представителя традиционалистского направления Р. Оярсуна, который в своей несколько раз переиздававшейся «Истории карлизма» («Historia del carlismo») писал о том, что регионалистский элемент всегда играл важную роль в карлистском дискурсе [Oyarzún, 2008: 483–488]. Ж. К. Клементе довел эту идею до крайности, утверждая, что карлизм всегда был исключительно регионалистским (федералистским) политическим объединением. При этом высказывания представителей движения, которые не вписываются в неокарлистскую схему, квалифицировались как несвойственные или даже противоречащие «настоящему» карлизму. Показательно, например, что воссоединение карлистов с мельистами и интегритами в 1930-е гг. определяется Ж. К. Клементе как *infiltración* («инфильтрация») и *penetración* («проникновение») чуждых идей в карлистский дискурс [Clemente, 2011: 150–151].

Проблемы языковой политики занимают важное место в работах представителей неокарлистского направления. В дискурсе сепаратистских и автономистских политических движений в Испании языковой вопрос всегда играл важную роль. Наиболее заметными националистическими движениями, оформившимися во второй половине XIX в. являются каталонское и баскское. И в Каталонии, и в Стране Басков наряду с испанским широко используются миноритарные языки (о языковом вопросе в дискурсе каталонских и баскских националистов см.: [Григина, 2017; Денисенко, 2024; Кожановский, 2002; Петрова, 2011]). Неокарлистская научная школа рассматривает карлизм как регионалистское движение, которое с момента своего появления выступало за автономию баскских провинций и Каталонии [Clemente, 2011: 66–67]. В своей «Краткой истории карлистских войн» («Breve historia de las guerras carlistas») Ж. К. Клементе подчеркивает релевантность вопроса о статусе миноритарных языков в карлистском дискурсе [Clemente, 2011: 150–151]. Вопросам языковой

политики и пропаганды он посвятил небольшую монографию «Языки и средства массовой информации» («Lenguas y medios de comunicación») [Clemente, 1992].

Х. К. Сенент также уделяет большое внимание вопросам языка. Так, в своей диссертации он подчеркивает, что для карлистов в период перехода от франкизма к демократии требование о придании миноритарным языкам официального статуса было одним из центральных пунктов в политической программе [Senent, 2021: 134; 243; 347]. Показательно, что исследователь из Мадрида рассматривает валенсийский язык как одну из разновидностей каталанского [Senent, 2021: 243]. Такая точка зрения широко распространена в научной литературе [Brauli, 2008: 10], однако в постфранкистский период в публицистике и в некоторых научных работах получила распространение классификация, в соответствии с которой валенсийский определяется как отдельный, самостоятельный язык (движение «блаверизмо») [Денисенко, 2017: 92]. В настоящее время, по данным социологических опросов, только 1 % населения автономного сообщества Валенсия указывают в качестве своего родного языка каталанский [Денисенко, 2017: 95], а некоторые радикальные сторонники блаверизмо даже отрицают свое этническое родство с каталонцами и заявляют, что валенсийцы – это потомки выходцев из Северной Африки или мосарабов (в средневековой Испании – христиане, жившие на мусульманских территориях) [Кожановский, 2002: 82]. Культурно-языковой сепаратизм в Валенсии – это вопрос, имеющий большое политическое значение. В то время как каталонские националисты и испанские левые склоняются к идее о единстве каталанского языка (у которого имеется две языковые нормы), испанские правые акцентируют внимание на различиях между каталанским и валенсийским языками [Терещук, 2020с: 831–832]. Таким образом, с точки зрения отношения к вопросам языковой политики внутри Испании, неокарлистское направление выступает с позиций испанских левых.

Выделение направления, которое мы с большой долей условности обозначили как «неолиберальное», представляется наиболее дискуссионным (Х. К. Сенент называет его «новая история карлизма» [Senent, 2024b: 19]). В то

время как остальные направления в изучении карлизма с полным основанием можно назвать «научными школами», представляющими собой объединения единомышленников, к неолиберальному направлению мы относим большое количество исследователей, работающих в разных академических центрах и использующих различные методологические подходы. В отличие от неокарлистского направления, выступающего с левых позиций (с заметным влиянием марксизма), или Наваррской школы и традиционалистского направления, опиравшихся на идеологию испанского традиционализма, представители неолиберального направления пишут о карлизме с точки зрения современной либеральной демократии.

В качестве одного из ведущих исследователей этого направления ранее мы выделяли члена-корреспондента Королевской академии истории Х. Р. Уркихо [Терещук, 2023а: 26]. К собственно анализу дискурса Х. Р. Уркихо обращается в статье [Urquijo, 1998]. Автор анализирует, как политический дискурс баскских националистов пересекается с карлистским дискурсом; показывает, что некоторые маркеры карлистского дискурса в конце XIX в. были заимствованы баскским националистическим дискурсом. Связь с дискурсивными исследованиями имеет и его статья «Томас Сумалакарреги, литература и миф» («Tomás Zumalacárregui, literatura y mito»). Опираясь на публицистику, мемуаристику и художественную литературу XIX в., ученый показывает, как изменялся миф о карлистском генерале и какие языковые средства использовали различные авторы для создания образа Т. де Сумалакарреги [Urquijo, 2011]. Аналогичную работу Х. Р. Уркихо проводит в статье [Urquijo, 2005]. Автор посвящает существенную часть своей статьи отражению в художественной литературе образа Э. де Авиранеты – конспиратора и пропагандиста, занимавшегося информационно-психологической войной. Э. де Авиранета, о жизни которого известно сравнительно мало, стал персонажем целого ряда произведений П. Барохи и Б. Переса Гальдоса. Х. Р. Уркихо сравнивает лексические единицы, употребляемые писателями по отношению к герою, и пытается соотнести его литературный образ с реальной исторической

личностью [Urquijo, 2005: 84–97]. Заслуживает внимания и созданная исследователем классификация шифров, использовавшихся карлистами и их противниками в ходе конфликта [Urquijo, 2005: 118–132].

Не меньший интерес представляют работы профессора Высшей школы социальных наук в Париже Ж. Канала, чью известную монографию «Карлизм. Два века контрреволюции в Испании» («El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España») [Canal, 2000] мы ранее охарактеризовали как «ответ» на появившуюся в рамках традиционалистского направления «Историю карлизма» («Historia del carlismo») Р. Оярсуна [Терещук, 2023а: 26]. О работах Ж. Канала в области изучения карлистской прессы будет сказано ниже; отметим здесь вклад исследователя в изучение карлистского дискурса в целом. Показательно, что одна из его первых научных работ, опубликованная еще в 1990 г., была посвящена интегристскому дискурсу [Canal, 1990]. Ж. Канал – каталонец, и закономерно, что его привлекают вопросы, связанные с дискурсом каталонских националистов. Он сопоставляет каталонский националистический дискурс с другими разновидностями политического дискурса в Испании [Canal, 2016]. Ж. Канал опроверг распространенную среди исследователей, симпатизирующих каталонскому национализму, идею, о том, что на рубеже XIX–XX вв. карлистский дискурс эволюционировал в каталонский националистический. При этом исследователь показал, что между этими двумя дискурсивными разновидностями отмечаются некоторые пересечения [Canal, 2005]. Не менее релевантным представляется выполненный им сравнительный анализ дискурса карлистов с дискурсами других контрреволюционных движений на юге Европы в XIX в. [Canal, 2006]. Заслуживает внимания исследование Ж. Канала, в котором он анализирует употребление цветообозначений и символику цвета в политической коммуникации в Испании в XIX–XX вв., то есть в период противостояния карлистов и либералов. Ценность данной работы заключается не только в собранном автором материале, но и в том, что это одно из немногочисленных исследований, затрагивающих тему социолекта карлистов [Canal, 2008].

Еще один из крупных современных специалистов, занимающийся работой в области изучения карлистского дискурса – это профессор Университета Сарагосы П. Рухула. Как и у Ж. Канала, важное место в его работе занимает изучение карлистской прессы. Кроме того, П. Рухула обращается к анализу особенностей карлистской пропаганды, способов воздействия на аудиторию и каналов ее распространения [Rújula, 1997; 2000]. Ряд его работ посвящены «пре-карлизму», периоду формирования карлистской идеологии и расколу в испанском обществе между либералами и роялистами в 1808–1833 гг. Опираясь на грамшианскую идею о гегемонии, П. Рухула изучает противостояние либерального и роялистского дискурсов, а также анализирует появление и эволюцию мифа о «Реставрации», о возвращении «в доброе старое время» в роялистском дискурсе [Rújula, 2014]. Впоследствии данный миф станет одной из характерных черт в дискурсе карлизма.

Дискурсу раннего карлизма также посвящены работы исследователя из Университета Саламанки А. Висента. В 2019 г. он защитил диссертацию, в которой обратился к анализу карлизма в контексте общеевропейского легитимизма. Он рассматривает карлизм как сложное явление, сформировавшееся в полилингвальном и поликультурном пространстве и вписанное в культуру европейского Романтизма [Vicent, 2019]. В своих статьях А. Висент обращается к изучению политической культуры раннего карлизма. Так, он анализирует функционирование концептов «король» и «монархия» в карлистском дискурсе и связывает их семантику с католическими представлениями о добродетели и грехе [Vicent, 2017]. Отметим и его статью, в которой рассматривается роль штандарта Девы Марии (то есть «Генералиссимуса армии дона Карлоса») как знака, обладающего символическим значением для карлистского движения. По мнению автора, «его появление синтезирует собой формирование карлизма как особой политической культуры» [Vicent, 2023: 77].

Большой вклад в изучение карлистского дискурса второй половины XIX в. внесла статья Р. Фейхоо [Feijoo, 2018]. Исследователь из Университета

Комплутенсе в Мадриде, опираясь на тесты карлистской публицистики, анализирует изменения в карлистском дискурсе в 1868–1872 гг., накануне Третьей Карлистской войны (напомним, что ряд исследователей называет ее «второй»). В рамках данной дискурсивной разновидности в этот период Р. Фейхоо выделяет три субдискурса (исп. «subdiscurso»), которые он обозначает, как «долина» (исп. «valle»), «пик» (исп. «pico») и «плато» (исп. «meseta»). В то время как в первом из них отмечается нейтральное отношение к революции 1868 г., субдискурс «пик» характеризуется использованием военных метафор и даже приобретает апокалиптические нотки. Субдискурс «плато» представляет собой переходную разновидность между «долиной» и «пиком». В момент реализации субдискурса «плато» в анализируемых текстах преобладают логическая аргументация и обращение к разуму аудитории, в то время как субдискурс «пик» пытается повлиять на ее чувства [Feijoo, 2018: 38–40]. Закономерно, что отмеченное Р. Фейхоо обострение риторики в конечном итоге привело к вооруженному восстанию.

Как было отмечено в разделе, посвященном идеологии карлистского движения, в ходе Гражданской войны 1936–1939 гг. карлисты выступили на стороне франкистов; соответственно, в этот период карлистский политический дискурс пересекается с франкистским. Это пересечение отмечается в работах, посвященных дискурсу сторонников Национальной Испании. Отметим два крупных исследования такого типа. В 2016 г. в Университете Сарагосы П. Гомес Ногалес защитил диссертацию на тему «Под игом Варваров: контрреволюционный дискурс в период Гражданской войны» («Bajo el yugo de los Bárbaros: el discurso contrarrevolucionario durante la guerra civil española»). Автор выделяет две дискурсивные разновидности в рамках франкистского дискурса: фалангистскую и национал-католическую (к которой относится и карлистский дискурс). В первую очередь П. Гомес Ногалес обращается к анализу языковых средств создания образа врага, который во франкистском дискурсе предстает как «варвар», пытающийся разрушить «цивилизацию». Для нашей работы важно, что

исследователь не замыкается на периоде 1936–1939 гг., но делает краткий экскурс в историю контрреволюционного дискурса, отсчитывая ее с «Размышлений о революции во Франции» («Reflections on the Revolution in France») английского мыслителя Э. Берка, впервые опубликованных в 1790 г. [Gómez Nogales, 2016].

Одновременно с диссертацией П. Гомеса Ногалеса вышла монография Р. Трульена «Перевернутая Испания. Идентичность и контрреволюционный дискурс в период Второй республики и Гражданской войны» («España trastornada. La identidad y el discurso contrarrevolucionario durante la Segunda República y la Guerra Civil»), основанная на защищенной ранее диссертации. Автора исследования интересует в первую очередь проблема идентичности, которая формируется в противопоставлении себя другому. П. Трульен анализирует отражение в контрреволюционном дискурсе 1931–1939 гг. ряда концептов («класс», «армия», «клерикализм» и т. д.) и показывает, как их интерпретация влияла на формирование идентичности противников Второй республики [Trullén, 2016].

Основным источником в монографии П. Трульена являются публицистические тексты. При этом в настоящее время научные исследования, посвященные прессе карлистского движения, являются отдельным направлением в изучении языка карлизма. Естественно, их авторов нельзя объединить в одну научную школу: они выступают с различных методологических позиций и затрагивают разные аспекты, связанные с функционированием печатных органов карлистского движения. Хотя один из ведущих современных специалистов по прессе карлизма Х. Л. Агудин в одной из своих работ пишет, что она остается сравнительно слабо изученной в научной литературе [Agudín, 2022: 248], его слова представляются очевидным преувеличением. Появление в Испании за последние 5–10 лет ряда статей в ведущих научных журналах, докторских диссертаций и монографий свидетельствует о росте интереса к данной теме. Этот интерес является закономерным: как пишет П. Рухула, «карлистская пресса – это наиболее релевантная подборка документов, имеющаяся в нашем распоряжении,

которую можно использовать для анализа идеологии элиты восставших (*карлистов – прим. А.Т.*)» [Rújula, 1997: 226]. Кроме того, в XIX в. в отсутствие современных средств коммуникации пресса была основным средством пропаганды и формирования общественного мнения [Montero, 1999: 89]. Мы выделяем несколько аспектов анализа прессы карлистского движения в научной литературе в 2010-е – 2020-е гг.:

(1) изучение истории появления и функционирования печатных органов карлизма [Alquézar, 2013; Agudín 2021; 2022; 2023; Canal, 2023b; Closa, 2011; Martí, 2022; Recio, 2024; Rújula, 2023];

(2) рассмотрение деятельности корреспондентов, освещавших события карлистских войн, а также отдельных журналистов и издателей [Barreiro, 2022; Canal, 2023a; Caspistegui, 2023; Gutiérrez Carreras, 2022; 2023];

(3) анализ отражения карлизма в зарубежной прессе [Терещук, 2022b; 2023d; 2023e; Beltrand, 2019; Blanchard, 2011; 2014; 2015; Gutiérrez Carreras, 2023; Pauquet, 2019; Tereshchuk, 2022a]; к этой же категории можно отнести исследование А. Дюпона об испаноязычной прессе карлистской эмиграции [Dupont, 2023];

(4) текстологический анализ испаноязычной карлистской прессы [Agudín, 2017; 2019; 2020; 2024; Cabal, 2015; Pedrero González 2025];

(5) семиотический анализ иллюстративного материала в карлистской прессе [Blanchard, 2013; Sánchez, 2010]; также эта тема затронута в монографии [Vílchez de Arribas, 2012: 104; 310] и диссертации [Arias, 2013: 234–322].

Выделенные выше направления в изучении карлистского дискурса существовали (или продолжают существовать) внутри Испании. В то же время до 1990-х гг. история и политическая культура карлизма практически не привлекали внимания исследователей из других стран (редкими примерами более ранних работ на английском языке являются монографии: [Coverdale, 1984; Holt, 1967]). Крупнейший в мире специалист по испанским правам С. Д. Пейн из Висконсинского университета на протяжении своей карьеры занимался

преимущественно идеологией Фаланги, хотя, естественно, карлисты неоднократно упоминаются на страницах его работ. Собственно карлизму он посвятил небольшое эссе, изданное в Мадриде в 1995 г. [Payne, 1995], а год спустя он выступил в качестве редактора-составителя сборника статей о карлизме. В обоих случаях речь идет о публикациях на испанском языке. Поэтому слова английского историка из Университета Кента М. Лоуренса, написавшего в 2014 г., что Первая Карлистская война является «белым пятном» (англ. «blind-spot») в англоязычной науке [Lawrence, 2014: VII], не являются преувеличением.

Появление двух его монографий на английском языке, посвященных карлизму [Lawrence, 2014; 2017], стало важной вехой на пути изучения карлистского движения вне Испании. М. Лоуренс – специалист по военной истории, но в книге «Первая Карлистская война в Испании, 1833–40» («Spain's First Carlist War, 1833–40») он уделяет большое внимание формированию идеологии карлистского движения, а также его пропаганде. Историк обращает особенное внимание на то, как руководство карлистского движения использовало некоторые ситуации в ходе войны в пропагандистских целях. Так, он отмечает, что известная история с доставкой в карлистскую армию старой пушки по прозвищу «El Abuelo» («Дед»), спрятанной Т. де Сумалакарреги во время наполеоновских войн, в большей степени была актом информационной войны, чем имела военное значение [Lawrence, 2014: 65] (об интерпретации данного сюжета в литературе и мемуаристике см.: [Терещук, 2020b: 124]). Хотя М. Лоуренс не употребляет этот термин, он делает ценное наблюдение относительно карлистского дискурса в 1830-е гг. Историк указывает, что в этот период карлистский дискурс (в его терминологии – «карлистская пропаганда», англ. «Carlist propaganda») определялся «премодерновыми» (англ. «pre-modern») ценностями: религией и культом личности [Lawrence, 2014: 162]. Оставляя за скобками вопрос о том, соответствуют эти ценности политической философии модерна или нет, отметим точность наблюдений автора.

Монография «Испанские гражданские войны: сравнительный анализ Первой Карлистской войны и конфликта 1930-х гг.» («The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s») обращена к более широкой теме. М. Лоуренс не восстанавливает событийную канву вооруженных конфликтов 1833–1840 и 1936–1939 гг., но выделяет типологические сходства и различия между этими войнами. Сопоставляются и дискурсивные особенности политической коммуникации противоборствующих сторон (М. Лоуренс опять оперирует термином «пропаганда»; впрочем, как известно, «в несколько упрощенном виде информационная война и есть не что иное, как пропаганда» [Алексеев, 2024а: 8]). Он отмечает, что для дискурсов в обоих конфликтах характерен манихейский взгляд на реальность, противопоставление между «добром» и «злом» [Lawrence, 2017: 16]. Любопытным представляется сравнение между бомбардировкой немецкой авиацией города Герника в 1937 г. и расстрелом либеральными властями матери Р. Кабреры в 1836 г.: оба события, ставшие примерами военных преступлений по отношению к мирному населению, впоследствии активно использовались в пропаганде [Lawrence, 2017: 54]. Для нашего исследования представляют интерес наблюдения автора относительно гендерного компонента в карлистском дискурсе в 1830-е гг. и во франкистском дискурсе в 1930-е гг. В карлистском дискурсе сформировался образ женщины как «хранительницы домашнего очага», занимающей подчиненное положение по отношению к мужчине. Репрезентация данного образа сохранялась в карлистском дискурсе на протяжении XIX в., а после 1936 г. этот компонент был интегрирован в дискурс франкизма [Lawrence, 2017: 87–90]. Заметим, что, несмотря на существование данного образа в карлистском дискурсе на протяжении более чем столетия, в определенные моменты истории движения женщины играли в нем важную роль, например, принцесса де Бейра в 1860-е гг. (о роли женщин в прокарлистской деятельности в Европе XIX в. см.: [Dupont, 2021b: 165–190]).

Еще одна релевантная англоязычная работа, затрагивающая проблему карлистского дискурса – это одна из последних книг сэра П. Престона,

профессора Лондонской школы экономики и политических наук и одного из крупнейших в мире специалистов по истории Гражданской войны в Испании. В своей монографии «Архитекторы террора: паранойя, заговор и антисемитизм во франкистской Испании» («Architects of Terror: Paranoia, Conspiracy and Anti-Semitism in Franco's Spain») исследователь обращается к междисциплинарному анализу дискурса испанских правых в 1930 – 1940-е гг. «В общих чертах эта книга о том, как ложные новости (англ. «fake news») привели к развязыванию гражданской войны», – начинает П. Престон свой труд [Preston, 2023: IX]. Он не рассматривает отдельно карлистский дискурс, но обращается к франкистскому дискурсу, который интегрировал ряд элементов дискурса карлистов.

Другой крупный ученый в англоязычном мире, занимающийся карлистским дискурсом, – это А. Вильхельмсен из Университета в Далласе. Она дочь Ф. Вильхельмсена, американского философа-традиционалиста, также преподававшего в Далласе и симпатизировавшего карлизму. А. Вильхельмсен изучает историческую политологию, а ее специализация – это идеология карлизма. Наиболее известной работой А. Вильхельмсен является опубликованная на испанском языке монография «Развитие политического мышления карлизма (1810–1875)» («El Desarrollo del pensamiento político del Carlismo (1810–1875)»). Прослеживая преемственность между идеологией роялизма времен правления Фернандо VII и идеологией карлизма, автор анализирует идеологическую эволюцию карлистского движения вплоть до войны 1870-х гг. Заслуживает внимания анализ отдельных компонентов карлистского дискурса, концептов «Dios», «Patria», «Rey», «Fueros» и др. [Wilhelmsen, 1995].

В 2015 г. в Университете Сарагосы под руководством П. Рухулы была защищена диссертация А. Дюпона (на французском языке), который в настоящее время работает в Страсбургском университете. В диссертационном исследовании на тему «Белый интернационал: французские легитимисты на стороне карлистов (1868–1883)» («Une internationale blanche: les légitimistes français au secours des carlistes (1868–1883)») А. Дюпон обратился к изучению истории участия

французов в карлистском движении. Он доказал, что карлизм пользовался поддержкой не только небольшой группы французских дворян-легимистов, но и вызывал симпатию у широких слоев населения на юге Франции [Dupont, 2015]. В последующих работах А. Дюпон развил эту тему, в том числе в крупной монографии по данной проблематике [Dupont, 2021b]. В своих трудах он рассматривает карлистский/роялистский дискурс как явление, существовавшее в полилингвальном коммуникативном пространстве, на пересечении испанского и французского языков, а также миноритарных языков севера Испании и юга Франции. Кроме того, исследователь из Страсбурга показывает важность анализа по отдельности дискурса карлистской элиты и дискурса прокарлистски настроенных народных масс в XIX в. [Dupont, 2021a: 208] (в терминологии А. Висента – «*discurso popular del carlismo*», «массовый дискурс карлизма» [Vicent, 2017: 180]). Отметим, что изучение последней дискурсивной разновидности представляет гораздо большую сложность для современного исследователя.

В отечественной науке до недавнего времени история, идеология и политический дискурс карлизма оставались практически не изученными. Вплоть до начала XXI в. карлизм только вскользь упоминался в работах по истории Испании. Авторы ограничивались кратким обзором основной событийной канвы карлистских войн и рассуждениями о социальном составе карлистского движения. Академик М. П. Алексеев в своем блестящем исследовании об испанском влиянии на русскую культуру, даже не упоминает о карлистах, хотя несомненным является актуальность карлистской темы в творчестве Н. В. Гоголя [Терещук, 2024с] (при этом, например, автором анализируются испанские мотивы в значительно менее известных текстах Ф. В. Булгарина и А. П. Беляева [Алексеев, 1940: 399; 408]). Естественно, никаких попыток изучить карлистский политический дискурс не предпринималось.

В конце 2000-х – начале 2010-х гг. тема карлистского дискурса была затронута в статьях специалиста из Санкт-Петербургского государственного университета С. В. Протасенко. В фокусе его внимания – карлистский дискурс в

период франкизма и после перехода к демократии. С. В. Протасенко подчеркивает разницу между карлизмом и большинством других монархических движений в Европе: в отличие от них, карлисты разработали «свою собственную политическую философию, обосновывающую монархическую форму правления, но в то же время включающую другие обязательные принципы, в частности приверженность традиционному католицизму и децентрализацию власти» [Протасенко, 2008: 94]. Исследователь анализирует основные идеологемы, находящие отражение в карлистском дискурсе: «Бог», «Родина», «Вольности», «Король» [Протасенко, 2010: 197–198]. Кроме того, С. В. Протасенко отмечает некоторые лексико-семантические особенности карлистского политического дискурса в современности: так, по данным исследования, политический режим в современной Испании именуется карлистами «коронованной республикой», что отражает их неприятие системы, в которой власть короля сильно ограничена [Протасенко, 2011: 168].

Другой крупный отечественный специалист по карлизму – Ю. В. Василенко из Высшей школы экономики в Перми. Сфера его научных интересов – испанский консервативный дискурс XIX в., который включает в себя и карлистский дискурс, хотя, как пишет исследователь, карлисты были «одним из наиболее радикальных течений в истории испанского консерватизма» и, соответственно, они могут выпадать из некоторых моделей классификации правых политических движений [Василенко, 2008: 304–305]. Карлизм представляет собой уникальное явление среди консервативных политических течений: «социальные структуры карлистов настолько разнообразны, что это движение оказывается способным не только к догматическому воспроизводству средневековой традиции <...>, но и к идейно-ценностной эволюции, причем сразу в двух направлениях: и вправо <...>, и влево» [Василенко, 2020: 91]. Важным вкладом Ю. В. Василенко в отечественную политологию стал анализ появления и развития идеологической базы карлистского движения в 1833–1876 гг. (то есть от начала Первой и до окончания Третьей Карлистской войны). Исследователь показал неоднородность карлистской

идеологии в данный период: с одной стороны, в течение этих 43 лет она претерпела определенные изменения; с другой – карлизм никогда не был единым, монолитным движением. Как было показано в разделе, посвященном идеологии карлизма, уже в ходе войны 1833–1840 гг. среди сторонников дона Карлоса произошел раскол на несколько группировок [Василенко, 2016: 99–101]. Соответственно, даже на начальном этапе существования движения можно выделить различные субдискурсы в рамках карлистского дискурса (который представляет собой своего рода «зонтичный» дискурс).

В последние несколько лет Ю. В. Василенко продолжил изучение внутренних противоречий в карлистском движении. Так, заслуживает внимания его исследование, посвященное претенденту на испанский престол Хуану III, который в 1860-е гг. пытался реформировать карлизм в сторону либерального консерватизма, что, как было отмечено выше, вызвало обратную реакцию и привело к радикализации карлистского дискурса [Василенко, 2021]. Большое значение для нашего исследования имеет и статья «Образ “врага” в политическом дискурсе зарождающегося испанского консерватизма». Как известно, агональная подфункция является одной из основных для политического дискурса; анализ средств изображения противника играет важную роль в изучении политической коммуникации. Автор показывает эволюцию образа врага в традиционалистском дискурсе конца XVIII – начала XIX вв., из которого впоследствии развился карлистский дискурс, а также отмечает изменения в восприятии противника карлистами на протяжении XIX в. [Василенко, 2020: 91]. Рассматривая вклад Ю. В. Василенко в изучение карлизма в России, нельзя не отметить его работу по подготовке к публикации на русском языке статьи бывшего главы Политического секретариата дона Сиксто и одного из лидеров Традиционалистского объединения М. Айусо Торреса «Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня» [Айусо Торрес, 2019]. Однако данный материал, имеющий большую ценность для исследований в области политологии, представляется правильным отнести к испанской традиции изучения карлизма.

Настоящий обзор литературы показывает, что в настоящее время существует обширая библиография на нескольких европейских языках, посвященная карлизму. Знакомство с работами, относящимися к разным научным школам, позволяет взглянуть на движение с разных точек зрения. Хотя тема дискурса в большей или меньшей степени затрагивается в рамках всех направлений изучения карлизма, до сих пор ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании не было проведено крупного исследования, в котором бы охватывалась вся история существования карлистского дискурса и проводился комплексный анализ данного явления в различных лингвокультурах. Для осуществления такого исследования требуется работа с разными видами источников.

2.3. Источники изучения карлистского дискурса

Как известно, для «политического дискурса характерна полижанровая организация» [Голоднов, 2011: 248]. К карлистскому политическому дискурсу относятся следующие виды текстов: (1) агитационные материалы; (2) публикации в прессе; (3) художественная литература; (4) мемуаристика. В настоящем разделе будет представлен анализ источников изучения дискурса карлистского движения.

В качестве агитационных материалов мы определяем тексты, основной задачей которых является информационно-психологическое воздействие на население. В отличие от, например, статей в прессе, которые теоретически ставят своей задачей распространение информации и создание «объективной» картины происходящего (хотя, естественно, любой публицистический текст направлен на оказание воздействия на читателя), агитационные материалы эксплицитно влияют на реципиента. Часто они представляют собой короткие тексты, содержащие исключительно информацию о политической программе карлизма. Важное место среди агитационных материалов занимают программные документы карлистского движения. Кроме того, к этой категории относятся и короткие пропагандистские тексты (брошюры, листовки), а также семиотически негомогенные тексты, в

которых сочетаются знаки разных семиотических систем (например, политические плакаты) [Филатова, 2024: 75–78].

К программным документам мы относим тексты, которые доводили до населения информацию о целях и задачах карлистского движения, создавали негативно окрашенный образ противника, способствовали идеологической обработке реципиента в нужном для карлистов ключе. Эти тексты предназначались для широкой аудитории и в зависимости от исторической эпохи могли распространяться разными способами: публиковаться на страницах газет, печататься на отдельных листах, зачитываться вслух во время демонстраций, размещаться в интернете и др. Таким образом, текст приказа, отданного главнокомандующим карлистской армии конкретным офицерам и не предназначавшегося для широкой огласки, не относится к данной категории документов; в то же время приказ по армии, который был обращен ко всем военным служащим и распространялся через печать, может быть классифицирован как программный документ. Мы выделяем следующие виды программных документов: манифесты (исп. «manifestos»), воззвания (исп. «alocuciones»), тексты речей (исп. «discursos»), заявления (исп. «proclamas»), циркуляры (исп. «circulares»), приказы по армии (исп. «órdenes del día») и указы (исп. «bandos»). Все эти документы составлялись на испанском языке. Некоторые из них впоследствии переводились на другие европейские языки и публиковались в зарубежных газетах; анализ их переводов может представлять интерес для исследований в области интерлингвополитологии (см., например, о передаче некоторых испанских политических терминов при переводе карлистских документов на русский язык [Терещук, 2023с: 741]).

В настоящей работе мы опираемся на подборку программных документов карлистского движения, опубликованную в приложениях к 30-томной «Истории испанского традиционализма» М. Феррера *et al.* [Ferrer, 1941–1979] Эти материалы охватывают более чем вековой период, с 1833 по 1936 г. В ходе проведения исследования мы проанализировали 229 текстов этого времени. Ряд

документов карлистского движения, относящихся к периоду франкизма, опубликованы в тексте докторской диссертации Р. М. Родона [Rodon, 2015]. Минусом данного источника является тот факт, что автор включил многочисленные документальные свидетельства непосредственно в текст работы, а не выделил их в качестве самостоятельного раздела. Программные документы Карлистской партии (8 текстов) опубликованы в приложениях к диссертации Х. К. Сенента [Senent, 2021: 357–385]. Материалы, относящиеся к деятельности современного Традиционалистского объединения, доступны на официальном сайте организации.

Естественно, большую сложность представляет поиск пропагандистских листовок и брошюр. В то время как тексты программных документов часто широко тиражировались, переводились на другие языки и размещались в газетах, большинство листовок и брошюр, особенно относящихся к XIX в., бесследно исчезло. При этом уже с первых месяцев существования карлистского движения его сторонники активно распространяли агитационные материалы. Так, в марте 1834 г. либеральные власти задержали зафрахтованное карлистами судно «Express Packet», перевозившее купленное за границей оружие в Испанию. Помимо 2 тысяч ружей и запаса пороха, на борту была реквизирована подборка контрреволюционной пропагандистской литературы на французском и испанском языках. В описи, хранящейся в историческом архиве университета Сантьяго-де-Компостела, перечислены следующие наименования пропагандистской литературы, которые карлисты пытались ввести в Испанию:

(1) 16 экземпляров брошюры на испанском языке «Корреспонденция Его Королевского Высочества Инфанта Дона Карлоса де Бурбон с его Августейшим братом Королем Испании Доном Фернандо VII, а также со Светлейшей Принцессой де Бейра и ее сыном Инфантом Доном Себастьяном, опубликованная для просвещения Испанского народа» («Correspondencia de su Alteza Real el Infante Don Carlos de Borbón con su Augusto hermano el Rey de España Don Fernando VII,

igualmente con la de la Serenísima Princesa de Beira con su hijo el Infante Don Sebastián, publicadas para la ilustración del Pueblo Español»);

(2) 50 экземпляров брошюры на испанском языке «Занятные заметки о некоторых событиях, происшедших в Королевском дворце Сан-Ильдефонсо во время болезни Сеньора Дона Фернандо VII в 1832 году» («Apuntes curiosos sobre varios pasos ocurridos en el Real Sitio de San Ildefonso durante la enfermedad del Señor Don Fernando VII el año de 1832»);

(3) брошюра на французском языке о праве наследования испанского престола;

(4) брошюра на испанском языке «Новые соображения о престолонаследии в Испании и о созыве Кортесов 20 июня 1833 года» («Nuevas consideraciones sobre la sucesión de España y sobre la convocatoria de las Cortes en 20 de junio de 1833»);

(5) брошюра на испанском языке «Опровержение книги, озаглавленной “Соображения о праве наследования престола Тишайшей Сеньорой Инфантой Доньей Марией Изабеллой Луизой, перворожденной Дочерью Сеньора Дона Фернандо VII и Сеньоры Доньи Марии Кристины де Бурбон”» («Refutación del papel titulado *Reflexiones sobre el derecho que tiene a la sucesión del trono la Serenísima Señora Infanta Doña María Isabel Luisa, Hija primogénita del Señor Don Fernando VII y de la Señora Doña María Cristina de Borbón*»);

(6) брошюра на французском языке «Правда о португальском вопросе» (в описи дан перевод названия на испанский: «La Verdad sobre la cuestión Portuguesa»);

(7) брошюра на испанском языке «Диалог на ту же самую тему» («Diálogo tendente a lo mismo»);

(8) 8 экземпляров брошюры «Правда о событиях, имевших место в Испании после болезни Короля, рассказанная испанским легитимистом всем остальным испанским легитимистам» («La verdad sobre las ocurrencias que han tenido lugar en España después de la enfermedad del Rey por un legitimista español a todos los legitimistas españoles»);

(9) несколько экземпляров газеты «L'echo français» [Comesaña, 2018: 756–757].

Таким образом, в описи фигурирует восемь наименований различных агитационно-пропагандистских изданий карлистской направленности; при этом с момента появления карлистского движения прошло всего около шести месяцев. Два издания посвящены кризису сентября 1832 г., когда серьезно заболевший Фернандо VII во дворце Ла-Гранха под давлением части своего окружения отменил Прагматическую санкцию (документ, лишавший дона Карлоса права наследовать престол); через несколько дней в результате дворцовых интриг король восстановил действие документа. События в Ла-Гранхе ознаменовали собой резкое усиление либеральной партии при дворе и во многом предопределили начало вооруженной борьбы между карлистами и либералами год спустя [Терещук 2023а: 152–154]. Основатель Наваррской школы изучения карлизма Ф. Суарес определял кризис 1832 г. как «государственный переворот» (исп. «golpe de estado») [Suárez, 1947: 63–126]. В 1834 г. события в Ла-Гранхе занимали важное место в карлистской пропаганде. Отметим и присутствие в описи брошюры о «португальском вопросе». В 1832–1834 гг. в Португалии шла война между мигелистами (контрреволюционерами) и либералами. Мигелисты находились на идеологически близких позициях к карлизму, и закономерно, что «Express Packet» пытался ввезти в Испанию пропагандистские материалы, посвященные конфликту в Португалии.

Все пропагандистские материалы, фигурирующие в описи, посвящены династическому вопросу. Уже с конца 1830-х гг. в пропагандистских материалах на первый план выходят социально-религиозные проблемы. Так, например, в 1839 г. капуцин А. де Касарес – «наиболее плодовитый полемист, критиковавший договор в Вергаре» [Vicent, 2017: 172] – выпустил брошюру «Защита армии и баско-наваррского народа, осуществленная доном Антонио де Касаресом» («Defensa que hace del ejército y pueblo vasco-navarro D. Antonio de Casares»), в которой подверг критике умеренную фракцию карлизма и сторонников генерала

Р. Марото, заключившего сепаратный мир с либеральным правительством. Автор заявлял, что признавшие договор в Вергаре карлисты были незнатного происхождения и по этой причине были обмануты противником³⁶. По всей видимости, это утверждение получило распространение в Испании, потому что сам генерал Р. Марото, опубликовавший через семь лет свои воспоминания, доказывал в них, что его отец и дед были дворянами³⁷.

Заслуживает внимания еще одна брошюра 1839 г., критикующая договор в Вергаре. Ее автором стал офицер карлистской армии М. Харрис. В своем тексте, написанном на французском языке и озаглавленном «Предательство Рафаэлем Марото своего Короля и товарищей по оружию, или История событий, которые привели к выходу из войны роялистской армии, проданной неприятелю ее старшими офицерами, рассказанная Маркосом Харрисом, офицером гуйпускоанского эскадрона» («Trahison de Raphaël Maroto envers son Roi et ses compagnons d'armes, ou Relation des évènements qui ont amené la défection de l'armée royaliste, vendue à l'ennemi par ses officiers généraux par Marcos Harris, Officier à l'escadron de Guipuzcoa»), он называет договор в Вергаре одним из самых «подлых» (франц. «infâme») событий в мировой истории³⁸. Можно предположить, что данный текст предназначался для французского правительства. Автор излагал точку зрения радикальных карлистов на события в Испании. После 1839 г. не менее 26 тысяч сторонников дона Карлоса бежали во Францию; при этом правительство французского короля Луи-Филиппа критически относилось к карлистскому движению. «L'armée carliste a trouvé sur le territoire de France une noble hospitalité, et les administrations civiles et militaires méritent tous les éloges et la

³⁶ Casares, A. de Defensa que hace del ejército y pueblo vasco-navarro D. Antonio de Casares / A. de Casares. – Bayona: Imprenta de Maurin, 1839. – P. 11.

³⁷ Maroto, R. Vindicación del general Maroto y manifiesto razonado de las causas del Convenio de Vergara, de los fusilamientos de Estella y demás sucesos notables que les precedieron, justificados con cincuenta documentos, inéditos los más / R. Maroto. – Madrid: Imprenta del colegio de sordo-mudos, 1846. – P. 17.

³⁸ Harris, M. Trahison de Raphaël Maroto envers son Roi et ses compagnons d'armes, ou Relation des évènements qui ont amené la défection de l'armée royaliste, vendue à l'ennemi par ses officiers généraux par Marcos Harris, Officier à l'escadron de Guipuzcoa / M. Harris. – Bayonne: Imprimerie d'Edouard Maurin, 1839. – P. 1.

reconnaissance pour leur généreuse conduite»³⁹ («Карлистская армия нашла на территории Франции благородное гостеприимство; гражданская и военная администрация этой страны заслуживает всяческих похвал за ее великодушное поведение»), – пишет М. Харрис, выдавая желаемое за действительное.

В дальнейшей истории движения можно отметить большое количество агитационных материалов, создававшихся преимущественно на испанском языке. Литература такого рода была ориентирована на внутреннюю аудиторию и должна была привлечь на сторону карлистов население Испании, в первую очередь жителей сельской местности, часто не умевших читать и писать. Существенная часть пропагандистских текстов создавала идеализированный образ карлистского претендента на трон; этот образ в большей степени был ориентирован на представления жителей Испании об идеальном монархе, чем рисовал портрет реального исторического лица. Например, в выпущенной в 1900 г. М. Бордоем биографии «Дон Карлос как патриот, военный и политик» («Don Carlos considerado como patriota, militar y político»), посвященной фигуре дона Карлоса-младшего, относительно лидера карлистов утверждалось следующее: «Первым языком, на котором он заговорил, был испанский, и хотя он прекрасно владеет итальянским, немецким, английским и французским, он всегда отдавал предпочтение языку своих предков» [Bordoy, 1900: 9]. Напомним, что практически всю свою жизнь дон Карлос-младший провел вне Испании, а родным языком его матери Марии Беатриче Австрийской был итальянский.

Не меньшее количество источников относится к категории публицистических текстов. В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу статей, опубликованных в карлистской прессе. Под карлистской прессой будут пониматься периодические издания, выпускавшиеся участниками движения и освещавшие актуальные события с прокарлистских позиций. В то же время зарубежные газеты, которые могли публиковать прокарлистские материалы, не относятся к числу карлистских периодических изданий, так как их владельцами и

³⁹ Ibid. P. 30.

сотрудниками были люди, не участвовавшие в движении, а своей главной целью данные СМИ не ставили торжество идей карлизма (даже если относились к нему с симпатией). При этом некоторые тексты, опубликованные в зарубежных газетах, принадлежат к карлистскому дискурсу (см., обзор некоторых прокарлистских текстов в российской газете «Санкт-Петербургские ведомости» [Терещук, 2023e]). Подчеркнем, что тексты, относящиеся к карлистскому газетно-публицистическому дискурсу, могут затрагивать разные темы, в том числе и не связанные напрямую с политической борьбой в Испании. Например, публикации в карлистских газетах, освещавшие события революции в России, но сохранявшие все основные особенности анализируемой дискурсивной разновидности, также определяются нами как принадлежащие к карлистскому политическому дискурсу. В то же время дискурс о карлизме представляет собой отдельную дискурсивную разновидность. Статьи в «The Times» о Первой Карлистской войне или заметки Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» о доне Карлосе-младшем не относятся к карлистскому дискурсу, хотя их сопоставление с собственно карлистскими текстами оказывается релевантным.

В ходе проведения исследования нами был составлен список карлистских периодических изданий (см. приложение D). Важно подчеркнуть, что данный список не является исчерпывающим. Он включает в себя издания, которые печатались в типографии, выходили на регулярной основе (даже если издание существовало в течение короткого периода времени) и публиковали в одном номере более одного текста. При этом за почти двухвековую историю карлистского движения и в Испании, и в других странах появлялись любительские малотиражные издания. Например, Х. К. Сенент в своей монографии упоминает несколько карлистских студенческих газет, которые выпускались в 1950-е – 1960-е гг. [Senent, 2024b: 49]. Такого рода издания мы не включаем в подборку.

Всего нами было выделено 189 карлистских периодических изданий, выходивших в период между 1835 г. и 2026 г. Первым изданием стала «Gaceta Oficial», впервые напечатанная в 1835 г. в Оньяте (Страна Басков), «столице» дона

Карлоса. Последними появившимися карлистскими СМИ стали журнал левых карлистов «El Federal» (выходит в Памплоне с 2013 г. по настоящее время) и новостной интернет-портал правых карлистов «La Esperanza» (выходит с 2020 г. по настоящее время). Номера «El Federal» также доступны онлайн; «La Esperanza» выходит только в интернете, что представляется закономерным, учитывая ту роль, которую онлайн-коммуникация играет в современном мире.

Закономерно, что большая часть карлистской прессы была испаноязычной: 153 издания публиковали тексты только на этом языке. Кроме того, 25 изданий выходили на двух или трех языках. Во всех случаях это было сочетание испанского и одного или нескольких других языков. Наиболее распространенным сочетанием была пара испанский – каталанский (15 изданий). Остальные языковые сочетания: испанский – галисийский (2), испанский – баскский (2), испанский – баlearский диалект каталанского (1), испанский – латинский (1), испанский – французский (1), испанский – каталанский – английский (1), испанский – каталанский – баскский (1), испанский – французский – немецкий (1). Кроме того, зафиксировано 11 одноязычных изданий, печатавших тексты на каталанском (8), английском (1), французском (1) и астурийском языках (1). В последнем случае речь идет о газете «Ixixú», выходившей в Хихоне в 1901–1902 гг. и ставшей первым периодическим изданием на астурийском языке.

Нельзя не отметить обширную географию выпуска карлистских периодических изданий. 189 карлистских газет и журналов печатались в 70 городах в четырех странах (Испания, Франция, Англия, Аргентина). К категории карлистской прессы мы отнесли несколько изданий, которые карлистские эмигранты выпускали за границей. Первой подобной попыткой стала газета на французском языке «Correspondance d'Espagne», которая появилась в Байонне в 1837 г. и освещала события войны на Пиренейском полуострове с точки зрения сторонников дона Карлоса; в том же году газета была запрещена французскими властями. Впоследствии карлистские эмигранты выпустили еще несколько газет за границей: «The Westminster Gazette» на английском языке в Лондоне в 1872–

1876 гг. (нам не удалось найти номеров данного издания, информация о нем взята из статьи А. Дюпона, который ссылается на материалы, хранящиеся в Национальном историческом архиве Испании [Dupont, 2023: 58]); «La Voz de la Patria», печатавшая тексты на испанском и французском языках в Байонне в 1874–1875 гг.; «La Cruzada Española», которая печаталась в Байонне в 1875 г. на испанском языке; «La Correspondencia Española», выходившая на испанском, французском и немецком языках в Париже в 1898 г.; «El Legitimista Español», газета на испанском языке в Буэнос-Айресе в 1898–1912 гг. (о роли данного издания в карлистской пропаганде см. статью Ж. Канала [Canal, 2023a]); «El Requeté», печатавшаяся на испанском языке в Буэнос-Айресе в 1938–1940 гг. Отметим, что вопрос об истории карлистской прессы вне Испании (и об истории карлистской эмиграции в целом) остается практически не изученным в современной науке, и в будущем нельзя исключать открытия новых наименований карлистской периодической печати в других странах.

Большая часть карлистских периодических изданий выпускалась в самой Испании. Хотя «традиционными» карлистскими регионами являлись Наварра, Страна Басков и Каталония, городом, в котором издавалось наибольшее количество газет, был Мадрид (22 издания). Следующими после Мадрида городами по количеству карлистских газет и журналов являются Барселона (18), Валенсия и Памплона (по 10), Жирона (9), Витория (7), Тортоса и Бильбао (по 6). В нескольких случаях определить город выпуска газеты невозможно: например, газета «El Estandarte católico-monárquico» выпускалась во время войны 1872–1876 гг. в ставке главнокомандующего карлистской армией, которая неоднократно перемещалась с одного места на другое. Можно отметить, что количество карлистских газет в городе часто определяется не его населением или уровнем экономического развития, а существованием определенных традиций, связанных с карлизмом. Например, в богатом и сравнительно крупном городе Матаро в Каталонии мы зафиксировали всего одну карлистскую газету, выходившую в течение двух лет. В то же время в менее экономически благополучном и более

маленьком каталонском городе Тортоса – шесть карлистских изданий. Можно предположить, что это связано с тем, что уроженцем Тортосы был один из ключевых полководцев и политических деятелей карлизма в XIX в. Р. Кабрера, часто именовавшийся в карлистском дискурсе *el tortosino* («тортосец»).

Среди регионов Испании лидером по числу карлистских периодических изданий является территория современного автономного сообщества Каталония – 54 наименования (система автономных сообществ появилась только в 1978 г., но представляется оправданным использовать ее для создания общей картины распределения карлистских газет и журналов по территории страны). Второе место занимает Мадрид (в административном отношении являющимся отдельным автономным сообществом) – 23 издания, а третье – Страна Басков (22 издания). Далее следуют Валенсия (18), Андалусия (13), Кастилия-Леон (12) и Наварра (10). В остальных автономных сообществах зафиксировано менее 10 изданий. Результаты распределения карлистских газет и журналов по регионам являются неожиданными: традиционно в качестве «оплота» карлизма называется Наварра, однако по числу периодических изданий этот регион оказывается только на шестом месте. Можно отметить, что три региона с наибольшим числом карлистских периодических изданий – Каталония, Мадрид, Страна Басков – представляют собой наиболее развитые в экономическом отношении территории Испании; при этом в Каталонии и Стране Басков еще с 1830-х гг. были сильны прокарлистские настроения. В то же время, например, в Эстремадуре, одном из наиболее экономически слабо развитых регионов Испании, в котором карлизм никогда не имел большого числа сторонников, мы фиксируем только две газеты, просуществовавшие в совокупности менее двух лет.

Хотя первое карлистское периодическое издание появилось в 1835 г., через два года после появления движения, на раннем, генетическом этапе существования карлизма (до 1869 г.) количество выпускаемых газет и журналов было небольшим. Динамика развития карлистской прессы показывает бурный всплеск в период 1869–1876 гг., когда в год в среднем появлялось 3,42 новых

периодических издания (см. приложение D к настоящей работе). Можно предположить, что такие темпы роста связаны с ослаблением центральной власти после сентябрьской революции 1868 г. и последовавшими установлением Первой испанской республики, кантоналистским восстанием на юге и Третьей Карлистской войной. Кроме того, если в 1833–1869 гг. карлисты рассчитывали прийти к власти исключительно путем вооруженного восстания, то с 1869 г. они включились в парламентскую борьбу, требовавшую привлечения на свою сторону избирателей. Нельзя забывать и про общеевропейскую тенденцию активного развития прессы в конце XIX в., которая была связана с ростом грамотности среди населения, совершенствованием технологий связи и производства печатных изданий. Некоторые исследователи называют 1860–1870-е гг. периодом «бума» испанской прессы [Verri, 2023b: 22].

Представляет интерес и динамика исчезновения периодических изданий. Часто закрытие газеты или журнала было связано с финансовыми затруднениями владельца, но в определенные моменты издание закрывалось властями по политическим соображениям. Многие издания через какое-то время открывались вновь. Известный каталонский карлистский журнал «Lo Mestre Titas» последовательно закрывался в 1872, 1890, 1900, 1907 и 1910 гг., но вскоре после закрытия возобновлял работу. Другие издания в течение своего существования меняли название. Например, появившаяся в городе Морелья в 1887 г. газета «El Morellano» через год сменила название на «La Fidelidad Morellana», но редакция издания, его стиль и идеология остались без изменений. В данном случае мы фиксируем одно издание и указываем в таблице, что оно сменило название. При этом в истории карлистской прессы есть примеры, когда издание закрывалось, но часть его сотрудников начинала выпускать новый журнал или газету (стиль и содержание этого нового издания могли отличаться). Например, в январе 1874 г., после переворота генерала М. Павии, были закрыты карлистские газеты «El Pensamiento Español» и «La Esperanza» – эта последняя являлась «старейшиной карлистской прессы», по выражению Л. Ф. Толедано [Toledano, 2015: 88].

Сотрудники данных изданий начали выпускать газету «El Mundo», просуществовавшую три месяца. «El Mundo» мы фиксируем в качестве отдельного периодического издания (карлистская «El Mundo» не связана с основанной в 1989 г. одноименной газетой, являющейся одной из крупнейших в современной Испании).

Можно выделить несколько моментов, когда одновременно было закрыто большое количество газет и журналов. Наиболее тяжелым годом для карлистской прессы стал 1936 г., когда после начала Гражданской войны республиканцами было ликвидировано 15 изданий; в целом ряде случаев сотрудники редакции становились жертвами репрессий. Второе место занимает 1900 г. – после неудачной попытки восстания карлистов в Бадалоне власти ликвидировали 9 газет и журналов. Следующие два года по количеству закрывшихся карлистских изданий – 1873 и 1874 гг., когда в условиях нестабильного режима Первой испанской республики, постоянных смен правительства, переворотов и начинавшейся на севере страны Третьей Карлистской войны закрывалось по 6 изданий каждый год.

Некоторые газеты меняли свою идеологическую направленность. Например, редакция карлистского издания «El Eco de Jaén» в 1936 г., после начала Гражданской войны, оказалась на территории, контролируемой республиканцами. Редакция была занята представителями Испанской социалистической рабочей партии (исп. «Partido Socialista Obrero Español», PSOE), которые в течение года выпускали издание под старым названием, но с другим содержанием и идеологической направленностью. Можно привести и обратный пример: журнал «¿Qué pasa?» выходил с 1941 г. как издание Национального движения с превалированием в его текстах элементов фалангистского дискурса, однако с середины 1960-х гг. журнал перешел на карлистские позиции. Мы относим издание к карлистским, если в течение хотя бы короткого периода своего существования оно выступало с карлистских позиций. Соответственно, оба

приведенных примера мы фиксируем как издания, относящиеся к карлистской прессе.

Кроме публикаций в собственно карлистских периодических изданиях, к политическому дискурсу карлизма относятся некоторые материалы в иностранных газетах консервативной направленности, освещавшие события в Испании с позиций сторонников карлистского движения. Мы выделяем следующие издания, отдельные публикации в которых могут быть классифицированы как относящиеся к карлистскому дискурсу:

- На английском языке: «The Morning Post» (Лондон, 1772–1937); «Morning Herald» (Лондон, 1780–1869).
- На французском языке: «La Gazette de France» (Париж, 1631–1915), «La Quotidienne» (Париж, 1790–1848), «L'Echo français» (Париж, 1829–1847); «L'Univers» (Париж, 1833–1919), «L'Union» (Париж, 1848–1883), «L'Action française» (Париж, Лион, 1908–1944).
- На немецком языке: «Allgemeine Zeitung» (Тюбинген, Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, 1798–1929).
- На итальянском языке: «La Voce della Verità» (Модена, 1831–1841), «La Voce della Ragione» (Пиза, 1832–1835).
- На русском языке: «Санкт-Петербургские ведомости» (Санкт-Петербург, 1728–1917), «Царский вестник» (Белград, 1928–1940), «Часовой» (Париж, Брюссель, 1929–1988).

Тема борьбы между карлистами и либералами в Испании XIX–XX вв. нашла отражение в многочисленных литературных произведениях. Н. В. Иванова выделяет в качестве самостоятельного направления произведения о Гражданской войне 1936–1939 гг., которые при этом могут полемизировать друг с другом и освещать конфликт с разных точек зрения [Иванова, 2020: 365]. Аналогичным образом можно говорить о литературе на тему карлизма как об отдельном литературном направлении, своего рода «карлистском тексте» (по аналогии с такими понятиями, как «петербургский текст», «итальянский текст» и т. п.).

Например, в испанской литературе к этой проблематике обращался писатель и философ М. де Унамуно (1864–1936), посвятивший карлизму роман «Мир среди войны» («Paz en la guerra», 1897). Один из крупнейших прозаиков второй половины XIX – начала XX вв. Б. Перес Гальдос (1843–1920) создал «Национальные эпизоды» («Episodios nacionales», 1872–1912), серию из 46 исторических романов, охватывающих историю Испании с начала XIX в. до 1880-х гг. Третья серия «Национальных эпизодов», открываемая романом «Сумалакарреги» («Zumalacárregui», 1898), начинается повествованием о Первой Карлистской войне, и тема карлизма присутствует практически во всех последующих романах. Кроме того, в некоторых произведениях, не входящих в «Национальные эпизоды», Б. Перес Гальдос также обращается к истории карлистских войн. В частности, «Донья Перфекта» («Doña Perfecta», 1876) представляет собой политический роман, отражающий внутренние противоречия в испанском обществе между карлистами и либералами накануне войны 1872–1876 гг. [Терещук, 2024f]. Третий крупный автор, писавший о карлизме, – это П. Бароха (1872–1956). Эта тема затрагивается в его серии романов «Воспоминания человека действия» («Memorias de un hombre de acción», 1913–1915). Кроме того, действие одного из самых известных романов писателя, «Салакаин отважный» («Zalacaín el aventurero», 1908), разворачивается во время Третьей Карлистской войны.

Тема карлизма находит отражение и в художественной литературе на других языках. Английский писатель польского происхождения Дж. Конрад написал роман «Золотая стрела» («The Arrow of Gold», 1920), посвященный поставкам оружия в Испанию в период Третьей Карлистской войны. Карлистская тема играет важную роль в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835) [Терещук, 2024с], а также встречается в целом ряде русских travelogov XIX в. (в текстах В. П. Боткина, И. К. Айвазовского, С. А. Подолинского, М. Н. Капустина, Г. Н. Вырубова).

Тем не менее тексты вышеупомянутых авторов не могут быть отнесены к карлистскому политическому дискурсу: их авторы не принадлежали к карлистскому движению и на страницах своих произведений часто создавали негативный образ сторонников карлизма. Как писал еще Д. С. Лихачев, «мировоззрение писателя, конечно, не сводится к сумме идей, которые он где-либо прямо или косвенно высказывал <...> абсолютно невозможно смешивать художественный метод реализма с политическими или философскими взглядами писателя» [Лихачев, 1971: 169]. Основанием для отнесения того или иного произведения к карлистскому политическому дискурсу является идейно-содержательная сторона его текста, а не политические предпочтения его автора.

Мы относим к карлистскому дискурсу несколько литературных произведений, чьи авторы симпатизировали карлистскому движению и в своих текстах отражали свои идеологические установки. В их текстах сохраняются ядерные маркеры карлистского политического дискурса. При этом сам факт симпатий автора к карлистам еще не может служить основанием для отнесения всех его произведений к карлистскому дискурсу. Так, испанский писатель Х. М. де Переда (1833–1906) был убежденным карлистом по своим политическим взглядам и даже некоторое время являлся депутатом от Традиционалистского объединения. В своем творчестве, особенно в наиболее известном романе «Горные вершины» («*Peñas arriba*», 1895), писатель воспевал сельскую жизнь в горах на севере Испании и противопоставлял ее «развращающему» влиянию Мадрида и других крупных городов. Конечно, в карлистском дискурсе конца XIX в. важную роль играли регионалистский элемент и критика мадридского централизма, однако интерпретация «Горных вершин» и других произведений Х. М. де Переды как политической прозы представляется необоснованной.

Наиболее релевантным писателем-карлистом был Р. М. дель Валье-Инклан (1866–1936), который некоторое время был активистом Традиционалистского объединения и даже выдвигался в качестве кандидата на выборах в парламент. Ряд историков литературы полагают, что обращение писателя к карлизму было

обусловлено соображениями эстетики или стало своеобразным вызовом обществу. А. Л. Штейн указывал, что «симпатии Валье-Инклана к карлизму были во многом продиктованы его ненавистью к буржуазной современности» [Штейн, 2001: 463]. Данная точка зрения часто подкрепляется цитатой из романа «Зимняя соната» («Sonata de invierno», 1905), главный герой которого, маркиз де Брадомин, так объясняет свою приверженность карлизму: «Fui defensor de la tradición por estética. El carlismo tiene para mí el encanto solemne de las grandes catedrales, y aun en los tiempos de la guerra, me hubiera contentado con que lo declarasen monumento nacional»⁴⁰ («Я был защитником традиции по эстетическим причинам. Карлизм имеет для меня торжественное очарование больших соборов, и даже во время войны я был бы не против, если бы его объявили памятником национальной старины»). Впрочем, как указывает В. П. Ефименко, «жизненную позицию героя (*маркиза де Брадомина* – прим. А. Т.) нельзя, как это иногда делалось, отождествлять с авторской точкой зрения» [Ефименко, 2023: 70].

Другие исследователи полагают, что участие Р. М. дель Валье-Инклана в движении было обусловлено его личными убеждениями, а карлистские мотивы пронизывают все его творчество. Так, такого мнения придерживается галисийский историк и литературовед из филиала Национального университета дистанционного образования в Понтеведре А. Комесанья, который посвятил данной теме монографию «Чернила, Земля и Традиция. Рамон-Мария дель Валье-Инклан и карлизм» («Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo») [Comesaña, 2021]. Карлистские мотивы присутствуют во многих произведениях Р. М. дель Валье-Инклана, но к собственно карлистскому политическому дискурсу могут быть отнесены его роман «Зимняя соната», рассказ «Двор в Эстелье» («La Corte de Estella», 1910), а также романский цикл «Карлистская война» («La guerra carlista»), который включает в себя произведения «Крестоносцы правого дела» («Los cruzados de la Causa, 1908»), «Отблески огня»

⁴⁰ Valle-Inclán, R. M. del Sonata de invierno. Memorias del Marqués de Bradomín / R. M. del Valle-Inclán. – Madrid: Rivadeneyra, 1933. – P. 217.

(«El resplandor de la hoguera», 1909) и «Кречетья охота» («Gerifaltes de antaño», 1909).

Если Р. М. дель Валье-Инклан – это крупнейший представитель испаноязычной карлистской литературы, то наиболее яркий автор, писавший о карлизме на каталанском языке, – это М. Вайреда (1853–1903). Он занимался не только литературой, но и изобразительным искусством: вместе со своим старшим братом Ж. Вайредой они стали видными представителями Олотской школы живописи (название по городу Олот в Каталонии), которая поэтизировала сельскую Каталонию и была связана с развивавшимся в конце XIX в. каталонским национализмом [Кузина, 2021: 124]. В отличие от Р. М. дель Валье-Инклана, М. Вайреда не только занимался политической деятельностью, но и принял участие в войне 1872–1876 гг. на стороне карлистов. В последние годы жизни взгляды М. Вайреды эволюционировали от карлизма к правому каталанизму. Это изменение в политических взглядах отражено в его философском романе «Новая кровь» («Sang nova», 1900), который посвящен обоснованию идеи о необходимости автономии Каталонии и критике мадридского централизма [Терещук, 2024а]. Как уже было отмечено выше, в конце XIX в. регионалистский элемент играл важную роль в карлистском дискурсе, и идеологическая эволюция М. Вайреды не является неожиданной. Из литературного наследия М. Вайреды собственно к карлистскому политическому дискурсу мы можем отнести его произведение, сейчас являющееся классикой каталонской литературы – «Воспоминания о последней карлистской войне» («Records de la darrera carlinada»), впервые опубликованное в Олоте в 1898 г.

Другую группу источников изучения карлистского политического дискурса представляют собой воспоминания участников движения. В настоящем разделе мы не ставим своей задачей перечисление всех текстов мемуарного жанра, написанных карлистами, но делаем краткий обзор наиболее релевантных воспоминаний, получивших широкое распространение и внесших большой вклад в пропаганду идей карлизма.

Самые ранние мемуарные источники, посвященные карлизму, появились еще в ходе Первой Карлистской войны, и их авторы не скрывали своего желания оказать воздействие на аудиторию. Одной из первых книг, написанных о карлизме в этом жанре, стали воспоминания британского добровольца в армии дон Карлоса Ч. Ф. Хеннингсена. Наполовину ирландец, наполовину датчанин, Ч. Ф. Хеннингсен родился в Брюсселе, но являлся британским подданным. Он примкнул к карлистам в 1834 г., а два года спустя напечатал в Лондоне получившую широкую известность книгу «Наиболее выдающиеся события двенадцатимесячной кампании с Сумалакарреги в Наварре и Баскских Провинциях, изложенные Ч. Ф. Хеннингсеном, капитаном улан на службе у дон Карлоса» («The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos»). В предисловии к своему труду он пишет, что до сих пор «дело» дон Карлоса представлялось в публикациях за пределами Испании в «неправильном» свете и что его задача – преподнести читателям «объективные» факты и рассказать «правду»⁴¹. Ч. Ф. Хеннингсен пытался оказать влияние на общественное мнение в Англии и создать в этой стране положительный образ карлистов. Он указывал, что карлисты с уважением относятся к британским подданным: по словам автора, карлистское командование запретило солдатам причинять какой-либо ущерб домам, над которыми вывешен английский флаг⁴². В то же время мемуарист включил в повествование нарратив о «зверствах» либеральной армии⁴³.

Практически одновременно с книгой Ч. Ф. Хеннингсена в Лондоне вышли еще одни воспоминания, представляющие собой апологию карлизма. Их автором стал корреспондент газеты «Morning Herald» М. Б. Хонан, который в 1835–1836 гг. совершил поездку по Испании и посетил карлистскую армию. Его книга «The

⁴¹ Henningsen, C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. Vol. I / C. F. Henningsen. – London: John Murray, Albemarle-street, 1836. –P. V–XII.

⁴² Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. II. P. 254–255.

⁴³ Ibid. P. 147.

Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura (*sic!*) by Michael Burke Honan» («Двор и лагерь дон Карлоса. Результаты состоявшейся поездки в Баскские Провинции, а также в районы Каталонии, Арагона, Кастилии и Эстремадуры, изложенные Майклом Берком Хонаном») также претендует на объективность. При этом автор, несомненно, транслировал английской читающей публике карлистский взгляд на события в Испании. «The constitutional system has no true friends but the returned emigrants of 1823»⁴⁴ («Конституционная система не имеет настоящих друзей, кроме вернувшихся эмигрантов 1823 года»), – пишет М. Б. Хонан, употребляя по отношению к противникам карлистов словосочетание «конституционная система» (англ. «constitutional system»), получившее распространение в роялистском дискурсе 1820-х гг. и имевшее негативные коннотации (исп. «sistema constitucional»).

Из мемуарных свидетельств о раннем карлизме на французском языке в первую очередь отметим книгу А. Сабатье «*Tío Tomás*. Воспоминания солдата Карла V, написанные Алексисом Сабатье, подполковником пехоты на испанской службе, дважды кавалером королевского и военного ордена Святого Фернандо первого класса» («*Tío Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand*»), напечатанную в 1836 г. в Бордо. Ее автор был французским монархистом, который принял участие в движении мигелистов в Португалии, а в 1834 г. примкнул к сторонникам дон Карлоса. Как и Ч. Ф. Хеннингсен, французский доброволец посвящает свою книгу Т. де Сумалакарреги, чье прозвище на испанском языке *tío Tomás* («дядя Томас») выведено в названии. А. Сабатье подчеркивал связь карлизма с другими контрреволюционными движениями в Европе того времени, в частности с Вандейским восстанием во Франции во время революционных войн⁴⁵.

⁴⁴ Honan, M. B. The Court and Camp. P. 388.

⁴⁵ Sabatier, A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V. P. 129.

В то время как А. Сабатье повествовал преимущественно о собственных впечатлениях от событий в Испании, автор другого известного текста о карлизме на французском языке Л. К. О. де Сен-Сильвен, барон де лос Вальес, уделил большое внимание предпосылкам конфликта и вопросам «большой» политики. Барон де лос Вальес был французским дворянином и доверенным лицом дона Карлоса. В ходе Первой Карлистской войны он провел несколько секретных операций по поручению лидера карлистов. Так, он занимался поставками оружия из-за границы для участников карлистского восстания [Comesaña, 2018]. В 1834 г. барон организовал бегство дона Карлоса из Англии на север Испании, о чем подробно рассказал в своей книге. В конце войны в Санкт-Петербурге он вел переговоры с Николаем I об оказании финансовой помощи карлистам со стороны Российской империи (см. перевод на русский язык отчета барона о беседе с российским императором: [Терещук, 2023а: 390–397]). Опубликованная в Париже в 1835 г. книга барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V, написанная бароном де лос Вальес, адъютантом Короля Испании, бригадиром его армии, кавалером ордена Карлоса III, кавалером военного ордена Святого Фернандо третьего класса» («Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe») представляет собой яркий образец карлистской пропаганды. Автор включает в текст ряд автобиографических эпизодов, которые сочетаются с описанием предыстории и событий первых двух лет войны. Текст был написан на французском языке и должен был представить за границей официальную карлистскую версию происходящего в Испании. Известно, что экземпляр труда барона де лос Вальес был отправлен в подарок Николаю I [Терещук, 2023а: 17].

Третью группу мемуаров о раннем карлизме составляют тексты на немецком языке. Наибольшей известностью пользуются мемуары силезского аристократа князя Ф. фон Лихновски «Воспоминания о 1837, 1838 и 1839 годах» («Erinnerungen aus den Jahren 1837, 1838 und 1839»), впервые опубликованные во

Франкфурте-на-Майне в 1841 г. и в XX в. переведенные на испанский язык. Текст Ф. фон Лихновски представляет собой прекрасный образец мемуарной прозы и одновременно является ценным историческим источником. Возможно, именно наличие испанского перевода обусловило тот факт, что воспоминания князя цитируются практически в каждой крупной работе о раннем карлизме.

Не меньший исторический и языковедческий интерес представляют мемуары А. фон Гебена (впоследствии дослужившегося до генерала и принявшего участие во франко-прусской войне), также опубликованные в 1841 г. под названием «Четыре года в Испании. Карлисты, их взлет, борьба и закат. Зарисовки и воспоминания о гражданской войне А. фон Гебена, подполковника Генерального штаба Испанской королевской армии» («Vier Jahre in Spanien. Die Carlisten, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanischem Oberstlieutenant im Generalstabe»). Автор, успевший побывать в плену у кристинос и чудом избежавший гибели, оставил воспоминания, которые можно сопоставить с остросюжетным романом (об участии А. фон Гебена в Первой Карлистской войне см.: [Ruíz Hernández, 1960: 91–106]). Другой немецкоязычный мемуарист – прусский офицер В. фон Раден, до Испании некоторое время служивший в Русской императорской армии. Его книга посвящена фигуре Р. Кабреры и боевым действиям в Маэстразго. Интересно, что в отличие от двух других немецкоязычных мемуарных свидетельств, воспоминания В. фон Радена были набраны не готическим шрифтом, а прямым (римским).

Наконец, ранний карлизм получил отражение в мемуарной литературе на испанском языке. Мы обратились к анализу воспоминаний генерал-лейтенанта Р. Марото, лидера «умеренной» фракции карлизма, который в 1839 г. заключил сепаратный мир с мадридским правительством и фактически вышел из состава карлистского движения. В своих мемуарах, выпущенных в 1846 г., он оправдывает свои действия и обвиняет в поражении карлизма представителей «апостоликов», радикального крыла движения. Автор других известных воспоминаний на

испанском языке, маршал Х. А. Саратьеги, наоборот, не принял Вергарское соглашение, и после Первой Карлистской войны отправился в эмиграцию вместе с доном Карлосом. В 1845 г. в Париже он опубликовал книгу, посвященную Т. де Сумалакарреги. Хотя сам автор пытался создать «объективную» биографию создателя карлистской армии, текст основан преимущественно на личных воспоминаниях автора и представляет собой смесь исторического труда с мемуарами.

Мы подробно обращаемся к анализу мемуарных свидетельств, относящихся к истории раннего карлизма, по двум причинам. С одной стороны, впоследствии события Первой Карлистской войны заняли ключевое место в коллективной памяти участников движения, и в более поздних карлистских текстах регулярно встречаются ссылки на историю конфликта 1833–1840 гг. С другой – как показал А. Дюпон, мемуарная литература о Первой Карлистской войне оказала сильное влияние на дискурс испанских карлистов и людей, симпатизировавших им в других странах, во второй половине XIX в. Тексты воспоминаний, особенно иностранных добровольцев в армии дона Карлоса, напоминали о возможности «транснациональной борьбы» (франц. «combat transnational») во имя принципов легитимизма и консерватизма [Dupont, 2021b: 51–77]. Например, в 1869 г. в Париже под аббревиатурой М. А. Т. были выпущены мемуары французского участника карлистского движения А. де Танде. Текст, начинавшийся с заявления о том, что автор примкнул к карлистам из-за «l'amour de la justice et le dévouement aux bonnes causes»⁴⁶ («любви к справедливости и преданности правому делу»), романтизировал карлистское движение. Появление данной книги совпало с первой попыткой карлистов прийти к власти путем парламентской борьбы и одновременно с началом подготовки к вооруженному восстанию под руководством дона Карлоса-младшего. В 1872–1876 гг. многие иностранные

⁴⁶ М. А. Т. *Campagnes et aventures d'un volontaire royaliste en Espagne* par M. A. T., officier supérieur et chevalier de Saint-Ferdinand / M. A. T. – Paris: Dépôt à la librairie rue de Mézières, 1869. – P. VI.

легитимисты присоединятся к движению, в том числе и под влиянием мемуарной литературы.

Во второй половине XIX в. также можно выделить ряд важных текстов, относящихся к мемуарному жанру. Французский аристократ Л. П. де Мервиль (его отец был тесно связан с карлистами) выпустил в 1874 г. свой травелог о поездке на север Испании «*Blancos y negros: поездка в карлистскую страну*» («*Blancos y negros: Excursion en pays Carliste*»)⁴⁷. Две испанские лексемы, использованные в названии (*blancos y negros*, «белые и черные»), являются распространенным сленговым обозначением людей разных политических взглядов в испанском языке XIX в.: «белыми» называли консерваторов, а «черными» – либералов [Терещук, 2023с: 383–384]. Автор, симпатии которого к «делу» карлистов не вызывают сомнений, рассуждает о политике и идеологии карлистского движения, которое, по его словам, всегда было «*religieuse plus encore que politique, sociale plus encore que dynastique*»⁴⁸ («больше религиозным, чем политическим, больше социальным, чем династическим»).

Этому же периоду посвящены воспоминания М. де лас Ньевес де Браганса (1852–1941). Личность их автора – жены Альфонсо Карлоса, претендента на престол в 1931–1936 гг. – опровергает распространенный в карлистском дискурсе стереотип об «идеальной» женщине, занимающей подчиненное положение по отношению к мужу. М. де лас Ньевес играла активную роль в политической деятельности и была одним из лидеров карлистского движения на рубеже XIX–XX вв. Она выпустила мемуары в 1934 г., когда ее супруг был претендентом на престол, а его сторонники активно готовились к вооруженному выступлению против республиканского режима. Текст, повествующий о войне 1872–1876 гг., должен был вдохновлять новое поколение карлистов. «*Nuestros inolvidables héroes estarán gozando en la patria celestial del premio que merecieron*»⁴⁹ («Наши незабвенные герои, наверное, наслаждаются в небесном Отечестве своей

⁴⁷ Meurville, L. P. de *Blancos y negros*.

⁴⁸ Meurville, L. P. de *Blancos y negros*. P. 78.

⁴⁹ Nieves, M. de la Mis Memorias. Sobre nuestra campaña en Cataluña en 1872 y 1873 y en el Centro en 1874 / M. de las Nieves. – Madrid: Espasa-Calpe, 1934. – P. 6.

заслуженной наградой»), – начинает М. де лас Ньевес свою книгу с напоминания о погибших на войне карлистах. Ее текст стал одним из инструментов продвижения культа мучеников, характерного для различных вариаций правого дискурса в Испании XX в., в том числе и для карлистского дискурса [Зыгмонт, 2023: 132].

Значительный интерес представляют мемуары генерала А. де Бреа (1834–1898), посвященные его службе дону Карлосу-младшему. «Egregio príncipe» («выдающийся принц»), «único representante en España del principio monárquico»⁵⁰ («единственный в Испании представитель монархического принципа»), – так мемуарист характеризует претендента на престол, с которым он встретился в начале Третьей Карлистской войны. На рубеже XIX–XX вв. сын А. де Бреа, Р. де Бреа, стал известным историком карлизма, представителем традиционалистского направления.

Хороший образец карлистской мемуарной прозы периода Гражданской войны – книга личного секретаря дона Хавьера и писателя И. Р. Раисабалы (1901–1975) «Красные береты в Австрии. Сентиментальный репортаж» («Boinas rojas en Austria. Reportaje sentimental»). Текст посвящен поездке автора в Вену осенью 1936 г. на похороны скончавшегося претендента на престол Альфонсо Карлоса. Книга была написана во время Гражданской войны, и еще в ходе конфликта выдержала целый ряд переизданий. Путешествие автора интерпретируется им как настоящее паломничество, а возвращение на север Испании, в Наварру, «tierra santa de la Lealtad»⁵¹ («святую землю Верности»), наполняет его радостью, потому что он получает возможность присоединиться к «крестовому походу».

Еще одну группу мемуарных источников изучения карлистского дискурса представляют русскоязычные тексты участников карлистского движения. Как было отмечено выше, не менее 45 русских добровольцев, преимущественно офицеров, в 1930-е гг. служили в отрядах Рекете. В настоящей работе мы

⁵⁰ Brea, A. Campaña del Norte de 1873 a 1876 / A. Brea. – Barcelona: Administración, 1897. – P. 11.

⁵¹ Raizábal, I. R. Boinas rojas en Austria. Reportaje sentimental / I. R. Raizábal. – Burgos: Requeté, 1936. – P. 217.

опираемся на два мемуарных свидетельства русских карлистов. Первое из них представляет собой дневник штабс-капитана А. П. Яремчука, опубликованный в 1983 г. в Сан-Франциско в сборнике «Русские добровольцы в Испании» и переизданный в 2021 г. в Москве. Текст посвящен участию автора в Гражданской войне 1936–1939 гг. Хотя книга структурирована в форме дневника, А. П. Яремчук составил его уже после описываемых событий (возможно, на основании записей, которые он вел во время боевых действий). Ранее автор участвовал в Первой мировой войне и Гражданской войне в России, а после 1920 г. жил в эмиграции во Франции. В 1937 г. А. П. Яремчук примкнул к карлистскому ополчению в Испании [Терещук, 2020а: 413–418].

Другой анализируемый мемуарный текст русского участника карлистского движения – воспоминания генерал-майора Н. В. Шинкаренко (также известного как писатель под псевдонимом «Николай Белогорский»). Как и А. П. Яремчук, после революции 1917 г. в России он оказался в эмиграции. Воспоминания Н. В. Шинкаренко также посвящены участию автора в Гражданской войне в Испании и службе сначала в Рекете, а затем в Испанском легионе. Оригинал рукописи мемуаров генерала хранится в США, в Гуверовском архиве Стэнфордского университета; именно на архивную версию текста ссылается Д. Кин в своей известной монографии об иностранных добровольцах в армии Ф. Франко [Keene, 2001]. В 2018 г. воспоминания Н. В. Шинкаренко были опубликованы в Курске⁵². Для нашего исследования представляет интерес активное использование обоими мемуаристами испанской лексики в русскоязычном тексте. При этом, как будет показано далее, русские мемуаристы не только включают в свои книги многочисленные испанизмы, но и транслируют в русскоязычные тексты ряд концептов из испаноязычного карлистского дискурса.

Таким образом, мы выделяем несколько групп источников изучения карлистского политического дискурса. Как показывает их анализ, они представляют собой тексты разных жанров, написанные на нескольких

⁵² Белогорский, Н. Белая песня Испании.

европейских языках. Именно на работе с выделенными в настоящей главе источниками строится настоящее диссертационное исследование.

Выводы к главе 2

1. Карлистское движение, появившееся в 1833 г., сохраняется и в настоящее время, являясь, таким образом, одним из старейших среди ныне существующих политических движений в мире. Проведенный анализ показывает, что идеология карлизма за почти двухвековой период существования претерпела существенные изменения, однако некоторые идеологические установки остались без изменений (традиционализм, критика либерализма, апелляция к ценностям католицизма, монархическая идея). Именно готовность к идеологическим модификациям обусловила столь долгое существование карлистского движения. Карлистский дискурс трансформировался, однако его ключевые концепты сохранялись.

2. В истории карлистского движения неоднократно происходили расколы (на либеральных и праворадикальных консерваторов в 1839 г., на сторонников и противников Хуана III в 1860-е гг., интегристский раскол 1888 г., мельистский раскол 1919 г., крусадистский раскол 1943 г., сиваттистский раскол 1958 г., раскол на Карлистскую партию и Традиционалистское объединение в 1960-е – 1970-е гг. и др.). Во всех случаях, за исключением движения сторонников Карлоса Уго, речь идет о появлении новых групп, находившихся на правом фланге политического спектра. «Конвенциональный» карлизм подвергался критике слева (сторонники соглашения в Вергаре в 1839 г.) или справа (сиваттисты); в отдельных случаях настоящие причины раскола лежали в личных противоречиях между отдельными политическими лидерами (интегристский раскол). Отдельного внимания заслуживает появление левых карлистов в период позднего франкизма. Трансформация традиционно правоконсервативного дискурса в левый представляет собой редкий пример в мировой истории, который заслуживает отдельного внимания.

3. Ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании до сих пор не было осуществлено комплексного анализа карлистского политического дискурса. В то же время накоплен существенный материал и опыт исследования отдельных особенностей данной дискурсивной разновидности. Обзор ранее проведенных исследований дискурса карлизма позволил выделить пять основных научных школ его изучения. Некоторые зачатки дискурсивного анализа отмечаются в ряде работ исследователей из Наваррской школы. Наибольшее внимание к изучению карлистского дискурса отмечается в исследованиях представителей неокарлистского и неолиберального направлений.

4. Тексты, относящиеся к карлистскому политическому дискурсу, делятся на несколько жанров: агитационные материалы, публикации в прессе, художественная литература и мемуаристика. Обзор источников изучения карлистского политического дискурса показал, что каждая из жанровых разновидностей дискурса представлена большим количеством текстов. Наибольшее количество текстов создано на испанском языке, для которого данная идеология является «внутренней» (в терминологии В. В. Кабакчи). Однако к карлистскому политическому дискурсу относятся и тексты на ряде других европейских языков: на английском, французском, немецком, итальянском и русском, а также на миноритарных языках Испании: каталанском, баскском, галисийском и астурийском. Проведенный анализ источниковой базы подтверждает ранее высказанное предположение о том, что карлистский политический дискурс в течение всей своей истории имел транслингвальный статус и существовал в полилингвальном коммуникативном пространстве.

5. Тематика текстов, которые относятся к карлистскому политическому дискурсу, отличается заметным разнообразием. В рамках настоящего диссертационного исследования мы относим к карлистскому дискурсу тексты, не только посвященные политической борьбе в Испании, но также затрагивающие другие темы при условии их рассмотрения сквозь призму идеологием карлизма и сохранения языковых особенностей анализируемой дискурсивной разновидности.

Например, статьи в карлистской прессе о революции 1917 г. в России могут быть отнесены к политическому дискурсу карлизма: они транслировали идеологические установки движения и освещали события в другой стране с карлистских позиций. В то же время мы разграничиваем дискурс карлизма и дискурс о карлизме. Так, к дискурсу о карлизме относятся публицистические статьи Ф. М. Достоевского, в которых русский писатель критиковал политику дона Карлоса-младшего. Дискурс о карлизме заслуживает отдельного изучения в сопоставлении с собственно карлистским дискурсом.

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАРЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В первой главе настоящего диссертационного исследования был представлен краткий обзор основных направлений дискурсивных исследований и были рассмотрены различные подходы к изучению политического дискурса. Мы разграничили понятия персонального и институционального дискурса. Институциональный дискурс представляет собой «конвенциональное, культурно-обусловленное, нормативное речевое взаимодействие людей, возлагающих на себя определенные социально-значимые роли в пределах какого-либо социального образования» [Попова, 2015: 296]. В нашей работе таким социальным образованием является карлистское движение. В. И. Карасик подчеркивает «клишированность» этой разновидности дискурса; люди в ее рамках «могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2000: 29]. Лидер крупной политической партии незнаком со всеми своими сторонниками, но, взаимодействуя с единомышленниками, он использует определенные речевые формулы.

Под институциональным карлистским дискурсом будет пониматься нормативное речевое взаимодействие между участниками карлистского движения. Так как в настоящей работе мы рассматриваем динамический и статический аспекты дискурса, то есть и сам процесс речевой деятельности, и ее восприятие реципиентом, то для нашего исследования релевантным становится не только анализ тех или иных лингвистических особенностей текста на разных языковых уровнях, но и проблема его интерпретации участниками карлистского движения в

историко-культурном контексте своей эпохи. В данном случае «контекст выступает не только как “фон” или условие для интерпретации текста, но и как активный “участник” коммуникативного процесса, формирующий дискурс и определяющий восприятие и интерпретацию этого текста» [Молодыченко, 2024: 913].

Важность анализа восприятия текста адресатом можно проиллюстрировать следующим примером. Во второй главе была затронута тема пропагандистской деятельности барона де лос Вальес, который в 1835 г. выпустил книгу на французском языке «Глава из истории Карлоса V...»; два года спустя он опубликовал ее перевод на испанский язык, внося в текст целый ряд модификаций, обусловленных изменением политической обстановки [Терещук, 2022с: 667]. Сравнительный анализ французской и испанской версий текста показывает, что при создании образа карлистского генерала Т. де Сумалакарреги использована французская лексема *impétueux*⁵³ («порывистый, безудержный»), которая переведена на испанский язык однокоренным словом *impetuoso*⁵⁴. Работа только с текстом не даст нам никакой дополнительной информации об испанском переводе, однако если ввести в анализ данные об историко-культурном контексте второй половины 1830-х гг., то можно сделать вывод, что испанский эквивалент перевода приобретает положительное коннотативное значение и сильную эмоциональную окраску, отсутствующую во французском оригинале. Генерал Т. де Сумалакарреги, пользовавшийся большой популярностью среди солдат, отличался очень эмоциональным стилем командования (кричал, активно жестикулировал, любил лично вести солдат в атаку). После гибели генерала летом 1835 г. командующим карлистской армией на севере Испании стал

⁵³ Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l’histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d’Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l’ordre de Charles III, et chevalier de l’ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. / L. X. A. Saint-Sylvain. – Paris: Chez Dentu, 1835. – P. 203.

⁵⁴ Saint-Sylvain, L. X. A. Un capítulo de la historia de Carlos V, por el Barón de los Valles, Edecán del Rey N. S., Brigadier de Sus Reales Ejércitos, Caballero pensionado de la Orden Español de Carlos III, y de la militar de segunda clase de S. Fernando, Oficial de la Secretaría de Estado, Secretario de S. M. con ejercicio de Decretos, etc., etc. / L. X. A. Saint-Sylvain. – Perpiñán: Imprenta de Juan-Bautista Alzine, 1837. – P. 194.

В. Гонсалес Морено, который был непопулярен в войсках из-за своего происхождения (основную массу солдат и офицеров составляли баски и наваррцы, а В. Гонсалес Морено был андалусийцем). Солдаты дали ему пренебрежительное прозвище *difunto Moreno* («покойник Морено») за его флегматичный характер и безэмоциональное, спокойное поведение во время боя [Albi de la Cuesta, 2017b: 229]. Употребление эпитета *impetuoso* по отношению к Т. де Сумалакарреги в тексте на испанском языке в 1837 г. подчеркивало контраст между двумя полководцами и воспринималось аудиторией как положительное оценочное суждение по отношению к создателю карлистской армии.

«Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, ученого и его коллеги, журналиста и читателя (слушателя, зрителя)», – пишет В. И. Карасик [Карасик, 2000: 29]. Часто участников коммуникации в рамках институционального дискурса разделяют на агентов (представителей определенного института) и клиентов (людей, обращающихся к агентам) [Бочаров, 2025: 17]. В случае с институциональным дискурсом карлизма такой базовой парой являются лидер (в первую очередь сам претендент на престол, но также и люди из его окружения) и рядовой участник движения. Это общение является двусторонним. Рядовые карлисты могут обращаться к руководству движением; обращения такого рода бывают как коллективными (во время манифестаций, военных смотров и других массовых собраний), так и индивидуальными. Цели взаимодействия участников движения с лидером также варьируются. Коллективные обращения чаще всего ставят своей целью выражение поддержки; реже – являются манифестацией протеста. Напомним, что по Р. Барту, карлистский дискурс относится к категории акратического, однако его протестный характер был направлен против испанских властей. Выражения протеста рядовых участников против собственных лидеров имели место в истории карлизма; как правило, они приводили к расколу в движении (см. примеры критики фигуры претендента на престол со стороны представителей элиты

карлистского движения: [Toledano, 2015: 100–101]). Индивидуальные обращения рядовых участников движения к лидерам представляют преимущественно те или иные прошения или ходатайства.

Так как настоящее исследование реализуется в рамках исторической дискурсологии, важным вопросом является поиск источников для исследования. Очевидно, что большая часть индивидуальных обращений участников движения к лидерам не сохранилась; дошедшие до нашего времени материалы такого рода представляют собой разрозненные документы, хранящиеся в архивах. Незначительное количество сохранившихся обращений рядовых участников движения к его лидерам приводит к тому, что основную массу текстов, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу, представляют собой документы, созданные руководством движения и обращенные к широким массам.

В настоящей главе мы обращаемся к анализу идеологием карлистского институционального дискурса, а также его основных коммуникативных тактик и стратегий.

3.1. Идеологемы карлистского институционального дискурса

«Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров», – писал М. М. Бахтин [Бахтин, 1975: 101]. Эта сложность обуславливает появление в политическом дискурсе такого феномена, как идеологема. Идеологема может быть определена как законченное суждение, субъективно характеризующее денотат [Вепрева, 2007: 298]. Это суждение является многоуровневым концептом, «в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева, 2009: 35]. Идеологемы представляют

собой способы представления той или иной системы ценностей. Как подчеркивает И. В. Селиванова, идеологемы обладают не только социокультурной, но и исторической значимостью [Селиванова, 2022: 53]. Таким образом, в отличие от концепта, идеологема субъективно характеризует денотат и одновременно содержит в себе определенный директив, то есть попытку автора текста добиться совершения некоторых действий реципиентом [Серль, 1986а: 182]. Отдельно взятый концепт может становиться идеологемой в определенной разновидности политического дискурса (для подхода Г. Г. Слышкина характерно рассмотрение идеологемы в качестве одного из элементов концепта [Слышкин, 2005: 11]).

Термином, близким по значению к понятию ‘идеологема’, а иногда употребляемым в качестве синонима, является ‘мифологема’, то есть «феномен вторичной семиотической системы, лишенный истории, воздействующий на получателя информации через мир ценностей»; с точки зрения психологии, мифологемы отражают «действительность в виде чувственно-конкретных ассоциаций, представляемых человеческим сознанием как объективное сущее» [Рыжова, 2015: 194]. Несмотря на схожесть понятий ‘идеологема’ и ‘мифологема’, между ними некорректно ставить знак равенства. Мифологема является ассертивом, опирающимся на определенный миф, в то время как идеологема представляет собой директив, призывающий к действию в соответствии с существующей мифологемой [Рыжова, 2014: 30–31]. В. А. Рыжова в качестве примера соотношения между этими двумя понятиями приводит мифологему «враг народа», которая «существует в одном кластере с идеологемой “Уничтожим/Бей/Дави и т. п. врагов народа!”» [Рыжова, 2014: 30]. Данное утверждение может быть скорректировано: представляется, что в зависимости от контекста «враг народа» может являться и мифологемой, и идеологемой. Сам по себе данный концепт является мифологемой, существовавшей в сталинскую эпоху и восходившей ко временам Французской революции (впрочем, для людей, выступающих с определенных позиций, он может сохранять актуальность и в современности). Человек, определенный как «враг народа», обладал в глазах

своих идеологических противников отрицательными характеристиками, которые основывались на сложной системе политических взглядов. Данная мифологема, помещенная в определенный контекст (например, в лозунг: «Бухарин – враг народа!»), становилась идеологемой и имплицировала указанный В. А. Рыжовой директив («Уничтожим врагов народа!»). Важно отметить, что с течением времени мифологемы могут демифологизироваться или подвергаться вторичной мифологизации. Так, вышедший в Перестройку фильм «Враг народа Бухарин» интерпретировал данную мифологему по-новому: «враг народа» становился идеологемой, которая имплицировала совершенно новый директив («Восстановим память об осужденных во время репрессий»).

Е. Г. Малышева разделяет идеологемы на идеологемы ограниченного употребления и идеологемы общеупотребительные [Малышева, 2009: 37–38]. Идеологемы первого типа используются только представителями определенных политических взглядов и имеют стандартный набор когнитивных признаков. При этом часто концептуальное ядро идеологемы ограниченного употребления «совпадает с концептуальным ядром другой идеологемы, которая в “политическом словаре” иной партии или движения обозначает то же самое явление» [Малышева, 2009: 38]. В русскоязычном карлистском дискурсе по отношению к сторонникам независимости Каталонии использовалась идеологема *самостийники*, в то время как в дискурсе каталонских националистов они именовались *catalanistes* («каталанисты»). Обе идеологемы имеют один денотат, но разное коннотативное значение (в первом случае отрицательное, во втором – положительное). Общеупотребительные идеологемы используются представителями разных политических движений. В зависимости от партийной принадлежности участника коммуникации одна и та же идеологема может приобретать разные коннотативные значения. Ярким примером является идеологема *революция*, которая во всех политических лингвокультурах (англ. *revolution*, исп. *revolución*, франц. *révolution* и др.) может приобретать как положительное значение (в левом политическом

дискурсе), так и отрицательное (во многих – хотя и не во всех – разновидностях правового политического дискурса).

Классификация идеологем в связи со сферой их употребления является не единственной. Также могут выделяться разные виды идеологем по характеру концептуализируемой информации: идеологемы-понятия, идеологемы-фреймы, идеологемы-гештальты, идеологемы-архетипы; по прагматическому компоненту: идеологемы с отрицательной, положительной или смешанной оценкой; по степени актуальности: универсальные, современные, реактуализованные, идеологемы-историзмы [Малышева, 2009: 32–39; Оломская, 2021: 7–8]. Идеологема-понятие (как и концепт-понятие) «состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления» [Попова, 2003: 72]. Часто идеологема такого рода является наиболее типичным представителем своего класса предметов, прототипом. В отличие от идеологемы-понятия, фрейм – это многокомпонентный концепт, «совокупность знаний о предмете или явлении» [Попова, 2003: 73]. Идеологема-гештальт «представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [Попова, 2003: 74]. Наконец, идеологемы-архетипы «позволяют идеологической картине мира приобретать черты мифологической» [Малышева, 2009: 37]. Примерами идеологем-архетипов могут являться Атилла, Жанна Д'Арк, Оппенгеймер и др., осознаваемые не как реальные исторические личности, но как образы, несущие в себе определенный идеологический директив.

Данная классификация не является бесспорной: так, можно поставить под вопрос правомерность выделения в отдельную категорию идеологем, которые в любом дискурсе имеют отрицательные коннотации. Как известно, «коннотация выражает эмоционально-оценочные ассоциации, связанные с основным значением в сознании коммуникантов» [Чернявская, 2023а: 63]. В. Ю. Клейменова указывает, что «коннотация включает в себя эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения, которые не являются

обязательными» [Клейменова, 2021: 46]. Идеологема в зависимости от характера употребления может приобретать положительные либо отрицательные коннотации. Приводимые в качестве примера Е. Г. Малышевой идеологеми *фашизм* и *террор*, конечно, обладают отрицательными коннотациями для подавляющего большинства людей, но в некоторых разновидностях дискурса могут иметь положительное коннотативное значение (например, *фашизм* в дискурсе сторонников Б. Муссолини в 1920–1940-х гг. или *террор* в дискурсе радикальных террористических групп). Впрочем, в одной конкретно взятой разновидности дискурса можно отграничить идеологеми с положительным и отрицательным аксиологическими модусами; соответственно, для нашего исследования приведенная выше классификация является актуальной.

Ниже приводятся основные идеологеми, используемые в институциональном дискурсе карлизма. Так как языком, на котором создано подавляющее большинство текстов в рамках институционального карлистского дискурса, является испанский, то в качестве ядра каждой идеологеми мы указываем именно испанскую лексему. Рассматривая идеологеми в карлистском политическом дискурсе, мы используем не лексикологический подход, в соответствии с которым анализируются отдельные лексические единицы, обладающие идеологическим коннотативным значением, но обращаемся к изучению идеологем с позиций феноменологии. Соответственно, каждая идеологема интерпретируется нами как ментально-стилистический феномен, что, по мнению Н. И. Клушиной, является наиболее актуальным подходом в современной науке [Клушина, 2014: 56]. Идеологема, как и концепт, включает в себя элементы, которые делают ее сложным образованием, она «предстает исходной точкой семантического наполнения слова и одновременно конечным пределом развития» [Манаенко, 2011: 85]. Таким образом, мы анализируем употребление не только ядерного слова каждой идеологеми, но и различных слотов, которые данную идеологему формируют.

Другое важное замечание связано с выбором идеологем для анализа. Мы не включаем в анализ некоторые идеологемы, характерные в первую очередь для франкистского дискурса, который в определенный исторический момент интегрировал в себя дискурс карлизма: *cruzada* («крестовый поход»), *unidad* («единство»), *caudillo* («вождь») и др. Изучение дискурса франкизма требует отдельного исследования, в ходе которого будет необходимо проанализировать интеграцию элементов дискурсов различных правых партий в дискурс режима, установившегося в Испании после Гражданской войны.

3.1.1. Ядерные идеологемы карлистского дискурса

Dios («Бог»), кат. *Déu*, баск. *Jaungoikoa*, франц. *Dieu*, итал. *Dio*, англ. *God*, нем. *Gott*, рус. *Бог*. Данная идеологема в карлистском дискурсе, по оценке А. Вильгельмсен, «имплицировала восприятие традиционного сакрального взгляда на общество, унаследованного от Средних веков» [Wilhelmsen, 1990: 3]. С. В. Протасенко следующим образом раскрывает ее содержание в политической системе карлизма: «Карлизм провозглашает веру в Бога-Творца, Властителя и Законодателя основой своего политического кредо <...> Власть Иисуса Христа считается фундаментом любой легитимной власти, поэтому, с точки зрения карлистов, государственные законы и правительственные акты следует согласовывать с “естественными христианскими принципами”» [Протасенко, 2010: 197]. В современном западном обществе христианская религия больше не является основополагающей для всего населения, сохраняя свое значение только для представителей отдельной религиозной группы [Van Dijk, 1998: 40]; карлисты с самого начала существования своего движения выступали против тенденции к секуляризации.

Как указывает Г. Г. Слышкин, идеология ориентирует своих приверженцев на совершение определенных действий и внедряется в сознание широких масс населения [Слышкин, 2005: 10]. Идеология карлизма основана на католицизме, и религиозные особенности этой ветви христианства обуславливают и характерные

черты политического дискурса карлистов, находящегося в рамках «романтико-католико-традиционалистского направления» [Jemolo, 1947: 6]. Для католицизма характерна строгая иерархическая структура, во главе которой находится римский понтифик. Русский философ и религиовед Л. П. Карсавин писал, что «так же, как единство в (католической – прим. А. Т.) церкви истины привело нас к учению о монархической организации преемственно от апостолов и Христа, хранящих писание и предание, так же к той же монархической организации приводит нас и необходимость в неоспоримом удостоверении благодатных прав и сил за совершающими таинствами» [Карсавин, 1974: 105]. Из монархичности католической церкви следует и монархический характер карлизма, в дискурсе которого, как будет показано ниже, идеологемы *Dios* и *Rey* («Король») в некоторых случаях могут пересекаться. Как пишет Л. Ф. Толедано, карлистский дискурс был всегда тесно переплетен с католическим дискурсом, и по этой причине для карлизма фигура короля становилась сакральной [Toledano, 2015: 81–82].

Dios является первым элементом карлистской триады – лозунга *Dios, Patria, Rey* («Бог, Родина, Король»), и упоминания Бога регулярно встречаются в карлистских текстах. Уже в манифесте в Абрантеше от 1 октября 1833 г., первом официальном документе в истории карлистского движения, неоднократно упоминается Бог, ссылка на которого служит для обоснования необходимости признания дона Карлоса в качестве монарха; противников же карлистов ожидает наказание «para Dios y para la ley»⁵⁵ («во имя Господа и закона»). Интересно, что в 1835 г. Дева Мария была официально провозглашена «Генералиссимусом» карлистской армии [Терещук, 2023а: 294]; в то же время Бог во многих текстах предстает как своего рода «верховный лидер» карлистов, который легитимизирует все их действия. Например, епископ Сольсоны в 1836 г. заявил, что дон Карлос был «elegido por Dios para salvar a su pueblo»⁵⁶ («избран Господом, чтобы спасти свой народ»). Употребление данной формулы не является окказионализмом,

⁵⁵ Manifiesto de Abrantes (01.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 287–288. См. приложение А.

⁵⁶ Discurso del Obispo de Solsona al recibir a Carlos V // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIII. P. 329.

обусловленным церковным статусом автора текста: епископ повторил формулу, часто использовавшуюся самим лидером карлистов. Дон Карлос начинает свой манифест в Каштелу-Бранку от 4 ноября 1833 г. связным причастным оборотом «llamado por Dios para ocupar el trono español»⁵⁷ («призванный Господом, чтобы занять испанский трон»), в котором фигурирует идеологема *Dios*. Дон Хайме в 1919 г. называет карлистов «hijos de Dios» («детьми Божьими»), а их борьба за власть приобретает сакральный характер: «La lucha entre las dos ciudades, la de los hijos de Dios y la de los hijos de los hombres, entre la civilización y la barbarie»⁵⁸ («Борьба между двумя градами, градом сынов Божьих и градом сынов человеческих, между цивилизацией и варварством»). Отметим, что в данном примере анализируемая идеологема встраивается в сложную интертекстуальную референцию к трудам Блаженного Августина (354–430): она оказывается в общем интертекстуальном пространстве между манифестом дона Хайме и текстами раннехристианского богослова, то есть пространстве, «которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности» [Чернявская, 2021: 143]. Лексема *Dios* иногда сопровождается определением и, соответственно, в испаноязычных текстах употребляется с артиклем: «el Dios de los ejércitos, el Dios de San Fernando, el Dios de los españoles»⁵⁹ («Господь воинств, Господь святого Фернандо, Господь испанцев»). Наконец, показательно, что одним из лозунгов современных правых карлистов является «Nada sin Dios» («Ничего без Бога») [Протасенко, 2010: 199].

Идеологема *Dios* встречается и в дискурсе левых карлистов. В тексте выступления дона Карлоса Уго 15 декабря 1968 г. будущий лидер Карлистской партии связывает эту идеологему с двумя другими элементами карлистской триады: Бог является источником власти для короля; при этом «servicio para la

⁵⁷ Manifiesto de Castello Branco (04.11.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 291.

⁵⁸ Manifiesto de París (24.02.1919) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. P. 246–248.

⁵⁹ Manifiesto de don Carlos a los españoles (20.02.1836) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo X. P. 281–283.

patria es también un servicio a Dios»⁶⁰ («служба родине – это также служба Богу»). В приведенном примере обращают на себя внимание два момента: (1) в письменной записи выступления, хранящейся в Национальном историческом архиве в Мадриде, слово *patria* («родина») написано со строчной буквы; (2) существительное *servicio* («служба») употребляется с неопределенным артиклем, то есть подчеркивается, что речь идет только об одном из вариантов служения Господу, а не о единственно возможном.

При переводе текстов, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу, на другие языки идеологема *Dios* сохраняла свою семантику и продолжала играть важную роль в тексте. Это представляется закономерным, так как все иностранные сторонники карлистского движения были христианами и имели одно и то же представление о Боге. Например, в переводе на французский язык манифеста дона Карлоса к испанскому народу от 15 июля 1834 г. противники карлистского дела объявлялись «ennemis de Dieu et des trônes»⁶¹ («врагами Господа и тронов»).

Patria («Родина»), кат. *Pàtria*, баск. *Aberri*, франц. *Patrie*, итал. *Patria*, англ. *Motherland*, нем. *Heimat*, рус. *Родина*. Концепт *Родина* является одним из наиболее сложных для сравнительного анализа в разных лингвокультурах. В Испании вопрос самоидентификации граждан представляет собой серьезную проблему: в зависимости от политических взглядов отдельно взятый житель, например, Страны Басков, может определять себя как баска, а не испанца, или как баска и одновременно испанца. Во втором случае региональная идентичность включается в более широкую общенациональную. Кроме того, существуют регионально-территориальная и этноязыковая модели самоидентификации жителей страны [Кожановский, 2011: 120]. Для изучения карлизма проблема определения идеологемы *Patria* приобретает особую актуальность, потому что на

⁶⁰ Discurso de don Carlos Hugo de Borbón-Parma en el acto de Valvanera de 1968 (15.12.1968) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redefinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 360–361.

⁶¹ Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. P. 310.

протяжении большей части истории движения регионалистский элемент играл важную роль в карлистском дискурсе. При этом, как было показано выше, попытки интерпретировать карлистский дискурс как одну из разновидностей баскского или каталонского националистического дискурсов лишены серьезных оснований. Подчеркивая важность сохранения разнообразия миноритарных языков и культур, карлисты не призывали к отделению отдельных регионов от Испании. С. В. Протасенко следующим образом резюмирует содержание идеологемы *Patria* в дискурсе карлистов: «Испания состоит из различных регионов, обладающих своими собственными особенностями, которые обогащают страну в целом и не должны игнорироваться в государственной политике» [Протасенко, 2010: 197].

Patria является вторым элементом в карлистской триаде, и идея о необходимости защиты Родины часто встречается в дискурсе карлистов. При этом в текстах первой половины XIX в. эта идеологема часто определяла не Испанию в целом, а именно «малую Родину», отдельную провинцию или комарку. В. де Верастеги в своем обращении к жителям провинции Алава 7 октября 1833 г. заявлял, что «no ha terminado aun en nuestra patria la tiranía de los pérfidos españoles, indignos a la verdad de este nombre»⁶² («на нашей родине все еще не закончилась тирания вероломных испанцев, недостойных, на самом деле, этого имени»). Хотя перед словосочетанием «pérfidos españoles» («вероломных испанцев») употреблен определенный артикль, из контекста очевидно, что не все испанцы являются «вероломными», но только те из них, кто придерживается либеральных взглядов. Данное высказывание нельзя интерпретировать как баскское националистическое, но идеологема *Patria* в данном примере обозначает именно провинцию Алава, а не Испанию в целом.

В то же время в политическом завещании дона Карлоса-младшего, написанном в 1897 г. и опубликованном в 1909 г., *Patria* включает в себя всю Испанию: «Vosotros podéis salvar a la Patria, como la salvásteis, con el Rey a la

⁶² Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

cabeza, de las hordas mahometanas»⁶³ («Вы можете спасти Родину, как вы ее спасли во главе с Королем от магометанских орд»). В этом высказывании использована историческая аналогия: политическая ситуация в современной автору текста Испании соотносится с событиями Реконкисты. При этом лидер карлистов переносит понятия из европейской политической культуры конца XIX в. на средневековую Испанию: кастильцы, арагонцы, леонцы и др. эпохи Реконкисты еще не осознавали своей общности и не могли рассматривать отсутствующую на политической карте мира Испанию как свою Родину. Гораздо большее значение в их самоидентификации играл факт вассальной зависимости от того или иного сеньора [Ле Гофф, 2005: 112–115]. Однако употребление современного понятийного аппарата применительно к событиям средневековой истории служило для воздействия на аудиторию и достижения определенного коммуникативного эффекта.

В карлистских текстах на иностранных языках (то есть не на испанском, баскском или каталанском) данная идеологема обычно сохраняла свое содержание, и иностранцы словом «Родина», особенно в составе карлистской триады, называли именно Испанию. Например, неизвестный француз по имени М. Тольза, участвовавший в подписке на помощь дону Карлосу и пожертвовавший некоторую сумму денег на карлистское «Дело», после своей фамилии сделал приписку на французском языке: «Dieu, Patrie, Roi» («Бог, Родина, Король») [Dupont, 2021b: 210]. Очевидно, что, отправляя деньги своим испанским единомышленникам, под *Patrie* он имел в виду именно Испанию. Возможно, исключением являются русские карлисты: для многих из них участие в карлистском движении было продолжением «Белого дела» и Гражданской войны в России [Терещук, 2018а: 290]. Даже используя идеологему *Родина* в карлистской триаде, они часто подразумевали именно Россию.

Заслуживает внимания передача идеологемы *Patria* на немецком языке. Германский карлист В. фон Раден приводит в своей книге обращение

⁶³ Testamento político de Carlos VII (06.01.1897) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 173–178. См. приложение А.

главнокомандующего карлистскими войсками в Маэстразго Р. Кабреры. Слово *Patria* он передает на немецком языке через *Vaterland*, а не *Heimat*⁶⁴. В немецкой лингвокультуре «*Vaterland* является официальным понятием, *Heimat* – эмоциональным» [Хлопова, 2023: 459]. Исп. *Patria* соответствует немецкое слово, часто употребляющееся в официальных документах или в т. н. «высоком стиле»⁶⁵. При этом, как было показано выше, во многих карлистских текстах, особенно на раннем этапе существования движения, идеологема *Patria* обозначала в первую очередь «малую Родину», родные места человека, что в большей степени соответствует нем. *Heimat*. Таким образом, перевод текста Р. Кабреры на немецкий оказывается более официальным и «возвышенным», чем испанский оригинал.

Rey («Король»), кат. *Rei*, баск. *Errege*, франц. *Roi/Roy*, итал. *Re*, англ. *King*, нем. *König*, рус. *Король*. Третий элемент в карлистской триаде, не уступающий по значению первым двум. На протяжении всей своей истории карлисты выступали с монархических позиций. Даже левый карлизм конца XX в. не отказался от идеи королевской власти; тем более она важна для традиционного карлизма. В карлистском дискурсе фигура короля сосредотачивает в себе судебную (суд осуществляется именем короля), исполнительную (монарх назначает главу правительства) и законодательную власть (именно король созывает кортесы) [Протасенко, 2010: 198]. При этом карлисты никогда не выступали за так называемую «абсолютную» монархию (при всей неоднозначности данного термина с точки зрения политологии и исторической науки). Власть монарха в представлении карлистов не должна быть неограниченной [Elías de Tejada, 1954: 40–41]. Как писал Ж. Балмес, верность королю сочетается у испанцев с «чувством собственного достоинства <...>, которое не имеет ничего общего с отвратительным унижением рабов на Востоке» [Balmes, 1847: 41]. Одним из ограничений власти монарха в политической программе карлизма стал принцип

⁶⁴ Rahden, W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege / W. von Rahden. – Frankfurt am Main: Wilmans, 1840. – S. 507.

⁶⁵ Ср.: последние слова гимна современной Германии: *Blühe, deutsches Vaterland* («Прощитай, немецкая Отчизна»).

двойной легитимности, появившийся в карлистском дискурсе в середине XIX в. Легитимность принципа подразумевала, что король должен быть приверженцем карлистского традиционализма, то есть «соблюдать принципы Бога, Родины и Вольностей» [Протасенко, 2010: 198]. Легитимность происхождения, естественно, определялась принадлежностью к испанской королевской семье и правами на престол. Восприятие карлистами фигуры короля удачно выразил писатель и философ М. де Унамуно в своем романе «Мир среди войны» («Paz en la guerra», 1897). Автор следующим образом изображает встречу дон Карлоса-младшего басками во время войны 1872–1876 гг.:

«Y ¡qué bien montaba! Aquello era un Rey, en cuyo torno se arremolinaba el pueblo, loco de entusiasmo. ¡El Rey! Rodeábanle del invisible nimbo que brilla en torno a esta vieja palabra misteriosa ¡Rey!; los niños encontraban al héroe de mil cuentos, los ancianos al foco de mil recuerdos»⁶⁶ («Как он держался в седле! Да, это был Король, и люди толпились вокруг него, вне себя от энтузиазма. Король! Каждый будто видел вокруг него то невидимое сияние, которое излучает само старинное загадочное слово – Король; детям он представлялся героем многочисленных рассказов, в пожилых людях будил тысячи воспоминаний»).

Так как поводом к началу Первой Карлистской войны послужил династический спор, закономерно, что идеологема *Rey* (это слово обычно писалось в карлистских текстах с прописной буквы) играла важную роль в дискурсе карлистов уже с первых лет существования движения. Р. Кабрера в своем обращении к жителям Арагона предлагает «poner en el trono de San Fernando a nuestro Rey y Señor Don Carlos V»⁶⁷ («посадить на трон Св. Фернандо нашего Короля и Господина дон Карлоса V»). Отметим в данном примере ссылку на исторический прецедент: глава карлистов оказывается законным преемником

⁶⁶ Unamuno, M. de Paz en la guerra / M. de Unamuno. – Madrid: Renacimiento, 1931. – P. 138.

⁶⁷ Circular a los pueblos de Aragón (24.11.1835) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IX. P. 261–262.

короля Кастилии Фернандо III Святого (1199–1252), при котором христиане Пиренейского полуострова добились решающих успехов в Реконките. Эта связка между фигурой карлистского претендента на престол и Св. Фернандо сохраняется и в текстах XX в. Так, в июне 1936 г., накануне Гражданской войны, Центральная карлистская хунта Наварры выпустила манифест, в котором заявляла, что карлисты не будут знать отдыха «*hasta ver al Rey legítimo, representante de nuestros principios, sentado en el trono de San Fernando*»⁶⁸ («пока не увидим своего законного Короля, представителя наших принципов, на троне Св. Фернандо»). В Гражданской войне 1936–1939 гг. карлисты, выступавшие в составе альянса правых политических сил, уже не могли рассчитывать на приход к власти «своего» короля; однако идеологема *Rey* сохранялась в карлистском дискурсе без изменений.

Таким образом, король в карлистском дискурсе оказывается не просто руководителем государства, но носителем и хранителем традиции, сакральной фигурой, связывающей историю и современность. В раннекарлистском дискурсе дон Карлос иногда сравнивался с отцом, а Испания (или, по меньшей мере, участники карлистского движения) представлялась как одна большая семья [Vicent, 2017: 178]. Впоследствии идеологема *Rey* имплицировала целый ряд значений, отсутствующих в современной политической коммуникации при упоминании главы государства. В политической системе Испании король является символом национального единства и «выступает ключевой фигурой в продвижении судьбоносных для общества решений и мобилизации коллективных усилий для созидательной деятельности» [Раевская, 2021: 94], то есть фигура монарха является объединяющим элементом для демократического общества. Однако в идеологеме *Rey* современной испанской монархии отсутствует слот «духовный лидер, связывающий историю и современность».

За почти двухвековую историю карлизма его предводитель ни разу не оказывался в королевском дворце в Мадриде на правах законного монарха. При

⁶⁸ Manifiesto de la Junta Central de Guerra de Navarra (06.1936) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 105–106.

этом в карлистском дискурсе его никогда не именовали «претендентом на престол». Чаще всего глава карлистов выступал как *Rey* («Король»); в некоторые моменты он мог именоваться *regente* («регентом») или *abanderado de la Tradición* («хранителем традиции»). Однако идеологема *Rey* не всегда сохранялась при переводе текстов институционального карлистского дискурса на другие языки. Например, в ходе Первой Карлистской войны Россия неофициально поддерживала карлистов, но при этом российские власти не признавали дона Карлоса в качестве короля Испании (подобное признание привело бы к серьезным дипломатическим последствиям [Терещук, 2023а: 205–207]). Соответственно, российские газеты не называли лидера карлистов «королем», используя слова «Претендент», «Инфант» или «Дон Карлос». Даже при публикации на русском языке официальных документов карлистского движения исп. *Rey* переводилось как «Государь» во избежание возможного дипломатического скандала [Терещук, 2023е: 741].

В некоторых текстах идеологема *Rey* пересекается с идеологемой *Dios*. Карлисты используют религиозный концепт *Rey de los ejércitos*, который передается на русском языке как «Господь воинств» («Господь Саваоф»). Это один из способов именования Бога, встречающийся в Ветхом и Новом Завете. При использовании данного термина Бог предстает как «Господин небесных воинств», однако «у этого термина – “небесное войско” – встречается и земной аналог. Под “небесными воинствами” подразумевается войско Израиля, армия Святой Земли» [Собко, 2021: 213]. Карлистский военачальник М. Гомес использует эту идеологему при обращении к жителям Галисии: «la causa es justa, es legítima, es santa, y el Rey de los ejércitos la protege»⁶⁹ («наше дело правое, законное, святое, и Господь Саваоф его защищает»). Идеологема сохранялась и при передаче текстов институционального карлистского дискурса на других языках. Например, в переводе на немецкий язык обращения Р. Кабреры к карлистской армии: «Der Gott der Heerrschaaren, in dessen Namen ich focht, hat meine reine Absicht erkannt und

⁶⁹ Proclama del General Don Gómez y Damas a los gallegos (18.07.1836) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XII. P. 295–296.

mein Unternehmen mit Sieg gekrönt»⁷⁰ («Господь воинств, от Чьего имени я сражаюсь, укрепил меня в моих расчетах и увенчал мое предприятие победой»). В приведенных примерах использование идеологемы *Rey de los ejércitos* позволяет имплицитно идею о связи между армией дона Карлоса и воинством ветхозаветного Израиля, которое защищает «Землю обетованную» от «филистимлян».

Отметим любопытный пример интерпретации карлистской триады и в частности идеологемы *Rey* в современном правом политическом дискурсе в Испании. В 2025 г. фанаты испанского футбольного клуба «Леванте» (Валенсия) расклеили в своем городе стикеры с символикой клуба, портретом бывшего президента Сирии Б. Асада и слоганом на валенсийском языке «Déu, Pàtria, Llevant, Al Assad» («Бог, Родина, Леванте, Аль-Асад») (см. фотографию в приложении Е). Текст на стикере представляет собой отсылку к слогану карлизма конца XIX – начала XX вв. «Dios, Patria, Fueros, Rey» («Бог, Родина, Фуэрос, Король»). Идеологема *fueros* в данном примере заменена на название футбольной команды, а в роли «короля» выступает бывший глава сирийского государства. Появление данной формы визуальной пропаганды объясняется тем фактом, что среди фанатов «Леванте» преобладают сторонники правых политических взглядов, в том числе и карлисты. При этом Б. Асад – это один из современных политических деятелей, пользующихся популярностью среди европейских правых, многие из которых видят единомышленников в сторонниках баасизма (официальной идеологии Сирии в период правления Б. Асада) [Yassin-Kassab, 2016: 9].

Tradición («традиция»), кат. *tradició*, баск. *usadio*, франц. *tradition*, итал. *tradizione*, англ. *tradition*, нем. *tradition*, рус. *традиция*. На протяжении всей истории своего существования карлисты позиционировали себя как «традиционалистов». Существуют различные подходы к определению термина «традиционализм». В настоящей работе мы будем отталкиваться от определения

⁷⁰ Rahden, W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege. S. 507. См. приложение А.

американского историка культуры Р. Д. Смита, который рассматривает его как «стремление отдельных индивидов или групп в определенный момент времени опираться на унаследованную мудрость и исконный (*indigenous*) опыт при решении проблем современности и будущего» [Smith, 2015: 5]. Правомерность определения карлистов как традиционалистов представляется дискуссионным вопросом, находящимся в фокусе внимания политологов. Ю. В. Василенко пишет о возможности отодвинуть «карлизм за пределы традиционализма вправо, то есть на “поле” потенциально праворадикального консерватизма» [Василенко, 2016: 96]; в то же время карлистской политической мысли XX в. было характерно ставить знак равенства между карлизмом и традиционализмом [Elías de Tejada, 1954: 21]. Для нашего исследования принципиальным является тот факт, что сами карлисты позиционировали себя как «защитников Традиции», и идеологема *tradición* играет важную роль в их дискурсе. «Традиционализм, который в испанском случае всегда был чистейшим и не содержал мистификаций и ошибок, как это имело место в иных случаях, сделал из испанского карлизма самое контрреволюционное движение в мире, превратив его на практике не в революцию наоборот, а в противоположность революции», – пишет М. Айусо Торрес [Айусо Торрес, 2019: 61].

Традиционализм исходит из представления о существовании «Традиции» с большой буквы, сакрального знания, передаваемого из поколения в поколение. «*La tradición es bella como un romance y sagrada como un rito*»⁷¹ («Традиция красива, как романс, и священна, как ритуал»), – рассуждал в романе «Зимняя соната» писатель-карлист Р. М. дель Валье-Инклан. Важную роль в традиционалистской картине мира играет идея «возвращения или восстановления подлинного прошлого» [Fishman, 1973: 8]. Часто традиционализм определяет языковую идеологию и связывается с пуристским представлением о том, что «в прошлом или в определенной текстовой традиции язык существовал в состоянии “чистоты”» [Schiffman, 1996: 62].

⁷¹ Valle-Inclán, R. M. del Sonata de invierno. P. 183.

Идеологема *tradición* приобретает в карлистском дискурсе исключительно положительные коннотации и содержит в себе директив «защитим наши традиции!», то есть в данном случае коннотативное значение создает социально обусловленные смыслы, отражающие определенную идеологию [Чернявская, 2023b: 74]. При этом значение данной идеологемы в разные эпохи менялось. В текстах, относящихся к раннему карлизму, к 1830–1840-м гг., идеологема *tradición* встречается лишь эпизодически: гораздо более важную роль играют идеологемы, входящие в карлистскую триаду. В таком важном для карлизма документе, как манифест в Абрантеше, нет упоминаний о защите традиции. Интересно, что в опубликованном 4 октября 1833 г. воззвании Марии-Кристины [Терещук, 2023a: 377–379], своего рода «ответе» либералов на манифест в Абрантеше, два раза подчеркивается готовность вдовствующей королевы сохранять «отцовские традиции». Манифест Марии-Кристины ставил своей целью воздействовать на консервативно настроенных армейских офицеров и привлечь их на сторону мадридского правительства. По этой причине, по словам барона де лос Вальес, королева «annonçait qu'elle serait plus royaliste que Charles V»⁷² («объявила, что будет большей роялисткой, чем Карл V (дон Карлос – прим. А. Т.)»). Хотя рассмотренный вне контекста политической коммуникации осени 1833 г. манифест Марии-Кристины мог бы быть интерпретирован как текст, относящийся к карлистскому дискурсу, «участники политического процесса быстро идентифицировали Марию-Крестину с победой конституционализма» [Agirreazkuenaga, 2000: 194]. Пример с манифестом Марии-Кристины может служить иллюстрацией слов Т. ван Дейка, который писал, что построение никакой дискурсивной теории «не может быть адекватным без детального анализа контекста» [Van Dijk, 1998: 227].

Выскажем предположение, что отсутствие идеологемы *tradición* в первых программных документах карлистского движения обусловлено тем фактом, что в ходе войны 1833–1840 гг. ключевую роль в карлистском дискурсе играла идея о

⁷² Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. P. 62.

законности передачи престола дону Карлосу. Карлисты апеллировали к «салическому закону» Филиппа V, введенному в Испании только после воцарения династии Бурбонов в начале XVIII в., в то время как в соответствии с традиционным испанским законодательством о престолонаследии трон мог передаваться по женской линии (соответственно, наследницей должна была быть Изабелла, дочь Фернандо VII и Марии-Кристины). Таким образом, в 1833 г. в Испании сложилась парадоксальная ситуация: «либералы, напоминающие о традиционной монархии, и традиционалисты, защищающие закон “короля-просветителя”» [Терещук, 2023а: 49]. Впоследствии династический вопрос отошел в карлистском дискурсе на второй план, а идеологема *tradición* стала одним из маркеров данной дискурсивной разновидности. Рост значения идеологемы *tradición* отмечается после 1869 г., когда карлисты впервые создали парламентскую политическую партию, получившую название «Традиционалистское объединение».

Так, в манифесте в Ла Тур-де-Пей (Швейцария) от 8 декабря 1870 г. дон Карлос-младший критикует кандидатуру итальянского принца Амадея, избранного незадолго до этого в качестве нового короля Испании, и обвиняет его в неверности «a las tradiciones de la antigua Casa de Saboya»⁷³ («традициям старинного Савойского дома»). В манифесте традиционалистской прессы, выпущенном 31 июля 1888 г., идеологема *tradición* интегрируется в идеологему *Patria*, то есть фактически становится одним из ее слотов. Авторы текста пишут, что Родина — это «conjunto asombroso de leyes y tradiciones, costumbres e instituciones, que la fe católica, la razón de los sabios y la experiencia de los siglos <...> establecieron en los Concilios de Toledo»⁷⁴ («удивительное сочетание законов и традиций, обычаев и учреждений, которые католическая вера, разум мудрецов и опыт веков <...> установили на Соборах в Толедо»). Данное высказывание соотносится с вышеприведенным определением традиционализма. Этот пример

⁷³ Manifiesto de La Tour de Peilz (08.12.1870) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIII. Vol. II. P. 147–149.

⁷⁴ Manifestación hecha en Burgos por la Prensa Tradicionalista (31.07.1888) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 62–90.

показывает, что карлизм является именно католическим традиционализмом, и одним из слотов идеологемы *tradición* является *religión católica* («католическая религия»). В то время как ряд философов-традиционалистов, симпатизировавших нехристианским религиозным традициям (Р. Генон, Ю. Эвола и др.), возводят «Традицию» к дохристианской культуре [Моисеев, 2023: 115], для карлистов точкой референции оказываются Толедские соборы, в первую очередь – Толедский собор 589 г., на котором вестготский король Рекаред I перешел из арианства в ортодоксальное христианство.

Еще большую роль идеологема *tradición* играет в дискурсе современного Традиционалистского объединения (правых карлистов). Как уже было отмечено выше, его лидер официально именуется *abanderado de la Tradición* («знаменосцем/хранителем Традиции»), то есть идеологема *tradición* заменяет идеологему *rey*. Сам дон Сиксто в одном из своих манифестов заявляет о том, что в его руках находится «la bandera limpia e inmaculada de nuestra Tradición»⁷⁵ («чистое и непорочное знамя нашей Традиции»). Используемая в данном тексте лексема *inmaculado* («непорочный») употребляется преимущественно в католическом дискурсе и является уже устоявшимся эпитетом в словосочетании *Inmaculada Concepción* («Непорочное Зачатие»), то есть карлистская «Традиция» сопоставляется с самой Девой Марией. В то же время в дискурсе Карлистской партии (левых карлистов) идеологема *tradición* отсутствует.

Fueros («фуэрос»), кат. *furs*, баск. *foru*, франц. *fors*, итал., англ., нем. *fueros*, рус. *фуэрос*. Идеологема *fueros* отражает сложную форму организации социально-экономической жизни севера Испании. Чаще всего в текстах на иностранных языках слово *fueros* остается без перевода. Русский эквивалент «вольности», иногда встречающийся в научной литературе (например, [Протасенко, 2010: 198]), дает лишь приблизительное представление о данном концепте. Более того, само слово *вольность* для носителей русской лингвокультуры интерпретируется через

⁷⁵ Manifiesto de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón (17.07.2001). Режим доступа: <https://carlismo.es/manifiesto-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-de-17-de-julio-de-2001/>.

ряд прецедентных текстов и приобретает коннотации, отсутствующие у исп. *fueros* (ср.: Манифест о вольности дворянства, ода «Вольность» и др.).

Под фуэрос обычно понимаются многочисленные налоговые и таможенные привилегии отдельных районов и городов севера Испании. Начало Первой Карлистской войны в 1833 г. совпало с проведением мадридским правительством крупной административной реформы, в соответствии с которой Испания делилась на провинции, а система управления ими унифицировалась [Pérez, 1997: 584]. Нам представляется, что стремление центральных властей отменить фуэрос в первую очередь было обусловлено попыткой выстроить эффективную финансовую систему и систематизировать сбор налогов, а не желанием уничтожить оригинальные региональные языки и культуры, как впоследствии это представлялось в карлистской и националистической (каталонской и баскской) пропаганде. В то же время карлисты воспринимались частью населения как защитники фуэрос, то есть привилегий, которые в глазах сторонников дона Карлоса ассоциировались со «Старым Режимом».

Вопрос о роли регионалистского элемента в идеологии карлизма – это сложная научная проблема, вызывающая серьезные споры и выходящая за рамки настоящего исследования. Отметим только, что существует две противоположные точки зрения, которые мы ранее определили как «регионалистскую» и «испанскую» [Терещук, 2023а: 65]. Сторонники первой рассматривают карлизм как предшественника каталонского и баскского национализма, как движение, основу идеологии которого составлял фуэризм (идея защиты фуэрос). Важно подчеркнуть, что идея фуэризма накладывается на дихотомию «левые» – «правые» в политическом спектре [Urrastabaso, 2018: 116], то есть она вписывается в рамки дискурсов и левого, и правого карлизма. Приверженцы «испанской» точки зрения помещают карлизм в рамки испанского консерватизма или традиционализма и преуменьшают роль фуэрос в определении карлистской идеологической повестки. В современных академических кругах доминирующей является «испанская» точка зрения, в то время как «регионалистская»

преимущественно представлена в публицистике и в работах отдельных ученых, симпатизирующих идеям каталонского и баскского национализмов [Терещук, 2023а: 67].

Идеологема *fueros* встречается в текстах раннего карлизма с директивом «восстановим старый уклад жизни, разрушенный либеральными реформами!». Фуэрос воспринимались как один из элементов «Старого Режима», поэтому в дискурсе карлистов эта идеологема приобретала положительные коннотации. В декрете, выпущенном доном Карлосом в 1834 г., заявляется о восстановлении в Бискайе *antiguos fueros* («старинных фуэрос») – лексема *antiguo* в традиционалистском дискурсе, естественно, имеет положительное коннотативное значение. Лидер карлистов ссылается на исторический прецедент и напоминает, что ранее фуэрос были пожалованы жителям Бискайи королем Фернандо Католическим (1452–1516), то есть монархом, при котором завершилась Реконкиста и произошло фактическое объединение Кастилии и Арагона⁷⁶. Отметим, что в некоторых текстах слово *fueros* не функционирует как идеологема, то есть не содержит никакого директива и выступает как синоним к лексеме *ley* («закон»). Указ о создании в Наварре системы муниципалитетов обосновывается тем, что он находится «con arreglo de lo dispuesto y mandado en los fueros, usos y Reales Ordenes»⁷⁷ («в соответствии с установленным и предписываемым в фуэрос, традициях и королевских указах»). В данном примере лексема *fueros* входит в юридическую формулу и не несет никакого идеологического директива.

В целом идеологема *fueros* играла второстепенную роль в дискурсе раннего карлизма, и автор пропагандистской брошюры А. де Касарес в 1839 г. имел все основания для следующего заявления:

«Los que quisieran alejar de las acciones humanas el influjo vivificante de la religión, y ponerlo todo a cuenta y cargo del frío é insensato materialismo, han hecho

⁷⁶ Circular de la Diputación de Vizcaya sobre la confirmación de los fueros por Carlos V (07.09.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo V. P. 222–223.

⁷⁷ Real Orden sobre la constitución de los ayuntamientos en Navarra según fuero // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo VIII. P. 263–264.

sus gestiones para persuadir que solo el amor de la libertad, y el deseo de guardar los fueros y conservar la independencia, lanzaron a los Vascongados en la guerra que han sostenido; pero los hecho desmienten este parecer»⁷⁸ («Те, кто хотели бы исключить благотворное влияние религии на человеческие поступки и оставить все во власти холодного и бесчувственного материализма, приложили усилия, чтобы убедить всех, что только любовь к свободе и желание сохранить фуэрос и независимость подвигли басков на войну, которую они вели (*Первую Карлистскую войну* – прим. А. Т.). Тем не менее, факты, опровергают это мнение»).

В аналогичном ключе высказывался британский карлист Ч. Ф. Хеннингсен, который писал: «We are told that the northern provinces are struggling, not for Don Carlos, but for their own privileges. This is not the case»⁷⁹ («Нам говорят, что северные провинции воюют не за дона Карлоса, а за свои привилегии. Но это не так»). В данном примере употреблена английская лексема *privileges*, хотя далее мемуарист включает в английский текст исп. *fueros*⁸⁰.

В конце XIX в. идеологема *fueros* вышла на первый план в карлистском дискурсе и часто стала фигурировать в качестве еще одного элемента в девизе карлистов: «Dios, Patria, Fueros, Rey» («Бог, Родина, Фуэрос, Король»). Так, дон Хайме в обращении к жителям города Ордунья (провинция Бискайя) напоминает о «sus Fueros venerados»⁸¹ («ваших обожаемых Фуэрос»), которые были дарованы баскам доном Карлосом-младшим в Гернике. В данном примере идеологема *fueros* связана с упоминанием баскского города Герника, в котором находится знаменитое «дерево Герники» (баск. «Gernikako Arbola») – символ фуэрос Страны Басков. Упоминание Герники служит для усиления воздействия на читателя. Ж. Канал полагает, что актуализация этой идеологемы в карлистском дискурсе в конце XIX в. была обусловлена окончательным упразднением системы фуэрос в

⁷⁸ Casares, A. de Defensa que hace del ejército. P. 6.

⁷⁹ Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. 1. P. 13.

⁸⁰ Ibid. P. 70.

⁸¹ A mis Orduñeses (23.09.1931) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. P. 290.

1876 г., после поражения сторонников дона Карлоса-младшего в Третьей Карлистской войне [Canal, 2001: 291–301].

Тема фуэрос приобрела особенное значение для левого карлизма. Можно предположить, что это обусловлено тем, что Карлистская партия формировалась в оппозиции к режиму Ф. Франко, одной из основ идеологии которого было представление о единой и неделимой Испании. Для дона Карлоса Уго и его последователей идеологема *fueros* вышла на первый план и оказалась даже важнее, чем традиционная карлистская триада (во второй главе настоящего исследования было показано, как представители неокарлистской научной школы пытаются интерпретировать все предшествующую историю карлизма с точки зрения борьбы за фуэрос и социальную справедливость). При этом можно говорить об изменении формы данной идеологемы: в текстах левых карлистов часто используется слово *autogestión* («самоуправление»): лексема *fueros*, имплицитно содержащая идею о традиционных привилегиях, восходящих еще к Средневековью, выглядит неестественно в дискурсе выступающей с социалистических позиций партии в конце XX – начале XXI в. Как пишет Т. ван Дейк, изменения в употреблении лексических единиц «являются главным способом выражения идеологии в дискурсе» [Van Dijk, 1998: 205]. Так, в обращении левых карлистов с призывом принять участие в традиционном празднике на горе Монтехурра в 1976 г. открыто заявляется о «dos objetivos finales de nuestro combate: el socialismo y la autogestión»⁸² («двух конечных целях нашей борьбы: социализме и самоуправлении»). В том же году Мадридская хунта Карлистской партии сформулировала доктрину «Socialismo de Autogestión Global» («Социализма Глобального Самоуправления»), в соответствии с которой провозглашала право на самоопределение «de los pueblos y nacionalidades del Estado Español»⁸³ («народов и национальностей Испанского Государства»). В декларации хунты были использованы понятия «народа» и «национальности»,

⁸² Declaración sobre Montejurra 1976 (04.05.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 366.

⁸³ Declaración de la Junta Provincial de Madrid del Partido Carlista ante el acto de Montejurra (29.04.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 367–368.

интерпретация которых может сильно варьироваться в зависимости от контекста. При этом употребление определенного артикля только перед первым из данных слов показывает, что, с точки зрения автора документа, они представляют собой неразрывное смысловое единство [Nueva gramática de la lengua española, 2010: 611–612]. Важно подчеркнуть и тот факт, что право на самоопределение может реализовываться только в рамках испанского государства, то есть речи не идет о сецессии отдельных регионов.

Для современных правых карлистов идеологема *fueros* имеет меньшее значение, хотя они не отказываются от идеи федеративного устройства страны. В манифесте дона Сиксто фуэрос упоминаются на третьем месте среди 5 основных пунктов карлистской политической программы: «La federación histórica de las distintas regiones y sus fueros y libertades, integrante de la unidad de la Patria española»⁸⁴ («Историческая федерация различных регионов со своими фуэрос и свободами в составе единой испанской Родины»). Идеологема *fueros* оказывается в предложении после слов *federación histórica*. Подчеркнем, что сразу после упоминания фуэрос автор использует идеологему *Patria* и однозначно интерпретирует ее как «Испанию» (не давая места для возможных альтернативных интерпретаций, речь о которых шла выше). С. В. Протасенко следующим образом характеризует функционирование идеологемы *fueros* в дискурсе современного Традиционалистского объединения: «Проблема вольностей решается карлистами в двух отношениях: в контексте соотнесения прав личности и государства, а также центральной и региональной власти. Личные права человека объявляются незыблемым фундаментом его свободы» [Протасенко, 2010: 197–198]. Исследователь подчеркивает отличия между карлизмом и рядом праворадикальных политических движений в Европе: карлисты «являются убежденными противниками государственного централизма» [Протасенко, 2010: 198]. Как было показано во второй главе настоящего исследования, именно вопрос о регионализме является основной точкой

⁸⁴ Manifiesto de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón (17.07.2001). Режим доступа: <https://carlismo.es/manifiesto-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-de-17-de-julio-de-2001/>.

расхождения между Традиционалистским объединением и ультраправой партией «Vox», выступающей за жесткую централизацию.

3.1.2. Периферийные идеологемы карлистского дискурса

Independencia («независимость»), кат. *independència*, баск. *independentzia*, франц. *indépendance*, итал. *indipendenza*, англ. *independence*, нем. *Unabhängigkeit*, рус. *независимость*. Хотя данная идеологема играет второстепенную роль в карлистском политическом дискурсе, представляется обоснованным подчеркнуть разницу в том, как она функционирует в дискурсе региональных националистов и в дискурсе карлистов. Так, *independència* является основной идеологемой в дискурсе сторонников независимости Каталонии. В их текстах она содержит директив «Создадим независимое каталонское государство!». Одним из ее слотов является словосочетание *via independència* (досл.: «путь – независимость»), которое относится и к популярному слогану, часто звучащему на митингах, и к так называемому «Каталонскому пути к Независимости» (кат. «*Via Catalana cap a la Independència*») – форме политического протеста в Каталонии. В качестве другого важного слота данной идеологемы в националистическом дискурсе можно выделить *llengua catalana* («каталанский язык») – идею о необходимости защиты каталанского языка от «угрозы» со стороны испанского. Хотя, как указывает М. А. Марусенко, «вопрос о том, обязательно ли *общий язык* интегрирует людей в *общую национальную культуру*, остается весьма спорным» [Марусенко, 2019: 95], сторонники создания каталонского национального государства придают языковому вопросу первостепенное значение.

В карлистском дискурсе эта идеологема встречалась в некоторых текстах первой половины и середины XIX в., однако она не всегда содержала в себе тот директив, который она имплицитно содержит в современности. Х. Р. Уркихо пишет, что в карлистском дискурсе того периода призыв к «независимости» подразумевал просто неповиновение центральному правительству, а совсем не создание

независимых Каталонии или Страны Басков. С точки зрения карлистов, к власти в столице страны пришли «узурпаторы». «Независимость» подразумевала свободу от «нелегитимной» власти и возможность служить «законному» королю дону Карлосу. Испанский исследователь подкрепляет свои слова цитатой из французской газеты «Indicateur» от 1835 г., в которой заявлялось, что «quatre provinces d’Espagne, la Catalogne, l’Aragon, Valence et Murcie, viennent de se déclarer indépendantes du gouvernement de la Reine <...> des juntas provinciales ont été formées, et l’action de l’autorité d’Isabelle II suspendue» («четыре провинции Испании, Каталония, Арагон, Валенсия и Мурсия только что объявили о независимости от правительства Королевы <...> сформированы провинциальные хунты, действие власти Изабеллы II прекращено») [Urquijo, 1998: 70]⁸⁵. В качестве примера подобной интерпретации идеологемы *independencia* можно привести текст приговора военно-полевого суда армии кристинос, осудившего участников прокарлистского мятежа в некоторых армейских частях. Помимо ряда других пунктов, им вменялось в вину участие в заговоре, который имел своей целью *independencia de Navarra*⁸⁶ («независимость Наварры»). Даже в контексте крупного внутригосударственного конфликта сложно представить, чтобы несколько взбунтовавшихся батальонов пытались создать независимое государство Наварра, тем более, принимая во внимание тот факт, что ни одна из противоборствующих сторон себе такой задачи не ставила. Соответственно, можно предположить, что в данном тексте под *independencia* понимается именно неповиновение властям и переход на сторону карлистов.

Точка зрения Х. Р. Уркихо может быть скорректирована: в первой половине XIX в. в некоторых контекстах идеологема *independencia* интерпретировалась в

⁸⁵ Данная интерпретация идеологемы *independencia* может быть сопоставлена с проведенным Дж. Пококом содержательным анализом слова *libertà* («свобода»), которое в Италии XV–XVI вв. было лишено многочисленных коннотаций, которое оно приобретает в современном политическом дискурсе и означало всего лишь «независимость города от внешнего контроля» [Покок, 2020: 189].

⁸⁶ Sentencia (14.11.1837) // Pirala, A. Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero, por Don Antonio Pirala. Tomo IV. – Madrid: Mellado, 1869. – P. 667–668.

«современном» ключе, то есть имплицировала директив к созданию отдельного государства. В протоколе заседания государственного совета карлистов 2 декабря 1836 г. содержится критика в сторону Святого Престола из-за появления при папском дворе посла Мексики. В тот период Испания (и, соответственно, дон Карлос, позиционировавший себя как законный монарх) еще не признала независимости своих бывших колоний в Новом Свете. Руководство карлистского движения приняло решение выразить протест против присутствия латиноамериканского дипломата в Риме, потому что его появление «*abre las puertas á la independencia de los Estados insurgentes de la América y á reconocer y canonizar la revolucion despojando al rey de unos derechos*»⁸⁷ («открывает двери независимости мятежных государств Америки, а также признанию и одобрению революции, лишая тем самым короля некоторых его прав»). В данном примере речь идет именно об отделении от Испании. Таким образом, в зависимости от контекста идеологема *independencia* могла либо относиться к неповиновению центральным властям, либо к собственно идее независимости.

Кроме того, напомним, что в испанском языке выражение *Guerra de la Independencia* («Война за независимость») использовалось применительно к национально-освободительной борьбе против наполеоновской Франции. В 1848 г. Р. Кабрера использовал данный исторический прецедент в своем обращении к жителям Арагона. Он напомнил о героической обороне Сарагосы от французских войск в 1808 г., а затем призвал присоединиться к карлистам, выступающим под слоганом «¡Viva la Independencia Española!»⁸⁸ («Да здравствует Испанская Независимость!»). Испания на тот момент была суверенным государством, и в данном контексте идеологема *independencia* обозначала именно неповиновение центральным властям. Кроме того, в связке с упоминанием наполеоновских войн она актуализировала идею о всенародном восстании и напоминала об одном из наиболее героических эпизодов недавнего прошлого.

⁸⁷ Acta del Consejo de Estado del 2 de Diciembre de 1836, bajo la presidencia de Don Carlos // Pirala, A. Historia de la guerra civil. P. 625–626.

⁸⁸ Proclama de Cabrera a los aragoneses y tortosinos (07.1848) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. P. 244–246.

По всей видимости, изменение значения в данной идеологеме произошло во второй половине XIX в., когда в некоторых регионах Испании (в первую очередь в Каталонии и Стране Басков) начали развиваться региональный национализм [Кузина, 2022: 215–216]. В 1870-е гг. Альфонсо Карлос, брат дон Карлоса-младшего и будущий претендент на престол, предостерегал о том, что некоторые каталонские карлисты, требуя для Каталонии фуэрос, на самом деле имели в виду именно *independencia*. Л. Ф. Толедано справедливо отмечает, что едва ли в то время они имели в виду «отделение от Испании» (исп. «separación») [Toledano, 2015: 107], однако грань между неподчинением властям и идеей создания полностью независимого государства является очень тонкой. В 1870-е гг. среди каталонских националистов существовала идея образования Испанской (Иберийской) федерации, в которую Каталония входила бы на правах штата с широкими правами автономии [Филатов, 2024: 22]. В конце XIX – начале XX вв. идеологема *independencia* начинает употребляться в националистическом дискурсе уже в ее современном значении и исчезает из карлистского дискурса.

España («Испания»), кат. *Espanya*, баск. *Espainia*, франц. *Espagne*, итал. *Spagna*, англ. *Spain*, нем. *Spanien*, рус. *Испания*. Хотя практически с момента своего появления карлизм был движением международным, он ориентировался на решение проблем испанской политики и не претендовал на «спасение» всей Европы. Мнение М. Феррера *et al.*, которые писали, что «если бы в Испании воцарился Карлос V (дон Карлос – прим. А. Т.), то можно бы было сохранить последние остатки Священного союза», и рассуждали о близости карлизма к «контрреволюционной идее монархической солидарности, которую ранее поддерживали Австрия, Россия и Пруссия» [Ferrer, 1941–1979, XVIII: 158–159], является личной точкой зрения авторов «Истории испанского традиционализма» и представляется попыткой подчеркнуть значение карлизма в европейской политике. Ни рядовые участники движения (например, баскские или арагонские крестьяне XIX в.), ни его руководство не рассматривали свои действия как борьбу за возврат к Старому режиму во всей Европе: их интересовала политическая

ситуация в Испании. Ж. Канал пишет, что если карлисты «и были пропитаны духом какого-либо национализма, то это был национализм испанский» [Canal, 2000: 250]. Отметим, что при этом карлистская пропаганда, ориентированная на зарубежную аудиторию, подчеркивала, что «Дело» дона Карлоса является международным, служит интересам всей Европы и пользуется поддержкой во многих странах. В 1872 г. сочувствовавшая карлистам парижская газета «L'Union» писала: «Défendre le droit royal en Espagne c'est le servir partout, en Russie comme en Autriche, en Italie ou en France» («Защищать королевское право в Испании – значит служить ему везде, как в России, так и в Австрии, Италии или Франции») (цит. по: [Dupont, 2021b: 266]).

С. В. Протасенко отмечает, что в карлистском дискурсе чаще употреблялась форма мн. ч. *Españas* («Испании»), чем слово *España* в ед. ч. [Протасенко, 2010: 201]. Так, например, в обращении к своей армии от 10 января 1834 г. дон Карлос заявляет, что ему было предназначено Господом «poseer hoy el trono de las Españas» («обладать сегодня тронem Испаний»); при этом в подписи к документу использовано слово *España* в ед. ч.: «Carlos, Rey de España»⁸⁹ («Карлос, Король Испании»). Употребление имени существительного *España* во мн. ч. может быть объяснено двумя причинами. С одной стороны, оно было характерно для испанского языка XV–XVII вв., то есть времен расцвета Испанской империи [Gloël, 2018]. С другой – форма мн. ч. подчеркивала актуальность регионалистского элемента для карлистского дискурса, факт единства регионов Испании в их разнообразии.

Впрочем, вывод исследователя из Санкт-Петербурга представляется небесспорным: в текстах, относящихся к карлистскому дискурсу, на протяжении всей истории движения попеременно фиксируется употребление данной идеологемы как в единственном, так и во множественном числе. В некоторых случаях слово *España* употреблялось с определением; в таком случае оно сопровождалось артиклем. Например, дон Альфонсо Карлос противопоставлял «la

⁸⁹ El Rey a su ejército (10.01.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. P. 248.

España tradicional frente a la España revolucionaria»⁹⁰ («традиционную Испанию Испании революционной»). В политическом завещании дона Карлоса-младшего автор документа признается, что в течение своей жизни пытался возродить «la vieja España de los Reyes Católicos y de Carlos V»⁹¹ («старую Испанию Католических королей и Карлоса V»). В том же документе лидер карлистов говорит о «la Covadonga de la España moderna» («Ковадонге современной Испании»). В данных примерах идеологема *España* оказывается связана с референциями к знаковым историческим событиям: к легендарной битве при Ковадонге (VIII в.), первой победе христиан над мусульманами в ходе Реконкисты; к правлению «Католических королей», Фернандо Арагонского и Изабеллы Кастильской (конец XV – начало XVI в.), которые завершили Реконкисту; к эпохе императора Карла V (первая половина XVI в.), чье правление совпало с началом расцвета Испанской империи. Во всех случаях поиск идеала устремлен в прошлое. Данные примеры подтверждают вывод С. Хиббс-Лисорг, которая отмечала эту особенность карлистского дискурса: «Реставрация славного прошлого, с ностальгией вспоминаемого карлистами и неокатоликами, а также интегритами, подразумевает мораль действия, спасительное мессианство <...> Сильная, гармоничная и незараженная Испания (в карлистском дискурсе – прим. А. Т.) – это имперская Испания Католических королей» [Hibbs-Lissorgues, 2021: 149].

Идеологема *España* играет важную роль в дискурсе современных правых карлистов; при этом в некоторых документах она интерпретируется так же, как в дискурсе франкистского режима. «Una, grande, libre» («Единая, великая, свободная») – один из наиболее известных лозунгов франкистской эпохи, в которую власти продвигали идею общеиспанского патриотизма (в противовес региональному) и проводили политику жесткой централизации [Терещук, 2018b: 159]. Другие два распространенных слогана франкистской эпохи: «¡Arriba

⁹⁰ A los españoles (29.06.1934) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 39–43. См. приложение А.

⁹¹ Testamento político de Carlos VII (06.01.1897) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 173–178. См. приложение А.

España!» («Вставай, Испания!») и «¡Viva España!» («Да здравствует Испания!») (об их противопоставлении см.: [Rodon, 2015: 132]). Слоган «¡Arriba España!» (досл. «Испания, вверх!») связан с распространенной в европейских языках метафорической моделью, в соответствии с которой положительные качества связаны с направлением движения вверх [Лакофф, 2004: 40]. Хотя слоган «¡Viva España!» может использоваться в текстах патриотической направленности, относящихся не только к франкистскому дискурсу, оба данных лозунга получили широкое распространение именно в период правления Ф. Франко. Дон Сиксто заканчивает свой манифест от 7 мая 1976 г. словами «¡Viva España!»⁹², копируя тем самым речевое поведение скончавшегося за несколько месяцев до этого диктатора, который аналогичным образом завершал многие свои выступления. В контексте политической коммуникации в Испании второй половины 1970-х гг. высказывание лидера Традиционалистского объединения интерпретируется как франкистское или близкое к франкизму. В условиях роста популярности левых и региональных националистических политических сил апелляция к идеологеме *España* служила для акцентирования внимания на важности патриотизма, традиционных ценностей и идеи единства страны.

Для правых карлистов в XXI в. идеологема *España* сохраняет свою актуальность, но приобретает иной директив. «Приверженцы карлизма требуют защищать “индивидуальность Испании” в Европе», – пишет С. В. Протасенко [Протасенко, 2010: 202]. С их точки зрения, идеология Европейского союза, которую Испании навязывают из Брюсселя, ведет к размыванию испанской национальной идентичности и отказу от христианских ценностей. Приведем пример из текста, опубликованного в карлистском интернет-издании «La Esperanza», но представляющего собой не новостную заметку, а программный текст, отражающий точку зрения руководства движения на актуальные события. В опубликованном на каталанском языке заявлении утверждается, что идеология каталонского национализма – это «*filla de l’abominable doctrina liberal*» («дочь

⁹² Manifiesto de don Sixto Enrique de Borbón-Parma (07.05.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 363–365.

отвратительной либеральной доктрины»). В то же время, заявляется в тексте, «L'Espanya – unitat de pobles diversos amb una tradició i finalitats comunes – és un organisme regional» («Испания – объединение различных народов с одной традицией и общими целями – это региональный организм»)⁹³. Данное понимание идеологии *España* отличается от франкистского и представляет собой возврат к интерпретации, существовавшей в карлистском движении в XIX в.

В дискурсе современных левых карлистов также актуализируется идеологема *España*. Дон Карлос Уго, вернувшись в Испанию в 1976 г. из вынужденной миграции, выступил с заявлением, которое начиналось словами: «El 20 de diciembre de 1968 fui expulsado de España por desarrollar actividades políticas a favor del establecimiento de las libertades democráticas»⁹⁴ («20 декабря 1968 года я был изгнан из Испании за осуществление политической деятельности за установление демократических свобод»). Под *España* в данном примере понимается франкистский режим, подавляющий свободу и демократические ценности. Однако в том же документе Испания «казенного патриотизма» противопоставляется *España Federal* («Федеральной Испании»), управляемой *Monarquía Socialista* («Социалистической Монархией»)⁹⁵. Естественно, эта «Федеральная Испания» представляет собой гипотетический политический проект, который будет реализован после прихода к власти левых карлистов. При этом в остальных документах Карлистской партии, представленных в приложениях к диссертационному исследованию Х. К. Сенента, идеологема *España* вообще не используется. Таким образом, являясь одной из основных идеологем для правых карлистов, *España* занимает второстепенное положение в дискурсе левых.

При переводе текстов, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу на иностранные языки, идеологема *España* сохраняла свое значение без

⁹³ Pau, P. La regió tradicional i el nacionalisme // La Esperanza. 07.07.2025. URL: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/29269>. См. приложение А.

⁹⁴ Declaración de Don Carlos Hugo en Barajas (18.03.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 379.

⁹⁵ Ibid.

изменений. Иностранные участники движения и зарубежные симпатизанты дона Карлоса разделяли идею карлистов о необходимости «спасения» Испании. Одни надеялись, что вслед за победой карлистов в Испании наступит торжество идей легитимизма в других странах Европы (например, А. Сабатье); другие отправились на Пиренейский полуостров в поисках приключений (например, М. Д. Скобелев). Очевидно, что на решение многих иностранных добровольцев примкнуть к карлистам повлияли оба фактора. Так, П. Кемп прямо перед поездкой в Испанию в 1936 г. защитил Ph. D. в Кембриджском университете и, по его собственным словам, не имел ни капитала, ни представления о том, чем он будет заниматься в будущем⁹⁶. При этом он был убежденным консерватором и монархистом, которого беспокоил приход к власти в Испании Народного фронта. Отдельный вопрос представляет употребление идеологемы *España* в текстах русских белых эмигрантов, примкнувших к карлистам в XX в. В их дискурсе данная идеологема содержала слот «освобождение России». Как надеялись многих из них, после победы в Испании падет власть большевиков в России. Вопрос о функционировании идеологемы *España* в русской эмигрантской публицистике и мемуаристике будет рассмотрен в следующей главе.

Revolución («революция»), кат. *revolució*, баск. *iraultza*, франц. *révolution*, итал. *rivoluzione*, англ. *revolution*, нем. *Revolution*, рус. *революция*. Все приведенные выше идеологемы в карлистском дискурсе приобретали преимущественно положительное значение, и только в отдельных манифестациях данной дискурсивной разновидности в определенных контекстах могли приобретать негативное. В то же время идеологема *revolución* чаще всего была связана с негативной оценкой.

Сам термин «революция» изначально употреблялся в научном дискурсе и относился к области астрономии, однако с конца XVII в., возможно, после «Славной революции» в Англии в 1688 г., он начал приобретать политические коннотации [Villoro, 1992: 277]. К 1833 г. под «революцией» во всех европейских

⁹⁶ Kemp, P. *Legionario en España*. P. 10.

языках уже понимался в первую очередь кризис, связанный с «полным или частичным изменением политического строя или властного контроля» [Клемешев, 2019: 154]. Карлисты с самого начала существования своего движения позиционировали себя как противников революции. Так, барон де лос Вальес обосновывал восстание карлистов «интригами» мадридских либералов, готовивших «революцию» (франц. «révolution») ⁹⁷. Показательно, что в 1933 г., в год столетия карлистского движения, дон Альфонсо Карлос выпустил манифест, в котором заявлял, что *se cumple en España el siglo de la Revolución* ⁹⁸ («в Испании исполняется век Революции»), то есть вся борьба карлистов против либеральных реформ в стране позиционировалась как борьба против революции. Соответственно, идеологема *revolución* в карлистском дискурсе приобретала директив «Уничтожим/подавим революцию!».

Данная идеологема часто встречается в карлистских текстах вплоть до Гражданской войны 1936–1939 гг. Она фигурирует в одном из первых программных документов движения – в заявлении Депутации Бискайи от 5 октября 1833 г., которая призывала примкнуть к карлистам, вынужденным поднять восстание в связи с «ataques de la Revolución y de la anarquía que combatimos en 1823» ⁹⁹ («нападениями Революции и анархии, с которыми мы сражались в 1823 году»). Авторы текста напоминают о событиях Роялистской войны, крупномасштабного восстания на севере Испании против реформ Либерального трехлетия (1820–1823) [Терещук, 2018d]. В текстах XIX в. карлисты понимали под *revolución* любые либеральные преобразования и политические проекты, направленные против карлизма. Соответственно, идеологема *revolución* могла сочетаться с такими концептами, связка с которыми с точки зрения политических реалий XXI в. представляется странной. Например, дон Карлос-младший в 1870 г. заявлял о «la revolución que en 1833 sentó en el Trono de España a

⁹⁷ Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. P. 2.

⁹⁸ Manifiesto en el centenario del Carlismo (16.03.1933) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 29–30.

⁹⁹ Proclama de la Diputación de Vizcaya (05.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 291–292.

una niña inocente»¹⁰⁰ («революции, которая в 1833 году посадила на Трон Испании невинную девочку»), имея в виду Изабеллу II. Политическую ситуацию в современной ему Испании он характеризовал как «la Revolución que capitanea un príncipe rebelde»¹⁰¹ («Революция, которую возглавляет мятежный принц»), намекая на фигуру короля Альфонсо XII. В большинстве дискурсивных разновидностей XXI в. революция обычно направлена против монархии, и ее целью является не смена монарха на престоле, но демонтаж института монархии как такового (вопрос о содержании таких концептов, как «консервативная революция» или «национальная революция» заслуживает отдельного рассмотрения). Кроме того, в карлистском дискурсе *revolución* связана не только с крайними левыми политическими движениями: например, в рамках традиционной дихотомии «правые» – «левые» консервативный политический проект Альфонсо XII можно охарактеризовать как правый, но с позиций карлистов он все равно является *revolución*.

Как показал проведенный ранее анализ, после 1869 г., то есть после того, как карлисты начали пытаться прийти к власти путем парламентской борьбы, снижается экспрессивность использования идеологемы *revolución* [Терещук, 2024b: 108]. Так, в программных документах движения за 1833–1869 гг. слово *revolución* три раза сопровождается эпитетом *impía* («безбожная»); она характеризуется *bárbara fiereza agarena* («варварской жестокостью агарян»), то есть имеет место отсылка к религиозной тематике. Имя прилагательное *revolucionario* («революционный») выступает в атрибутивной функции с такими существительными, обладающими негативным оценочным значением, как *hordas* («орды»), *despotismo* («деспотизм»), *yugo* («иго»), *hidra* («гидра») и др. [Терещук, 2024b: 105]. После 1869 г. *revolución* уже не определяется как *impía*, но используется гораздо более сдержанный эпитет *materialista* («материалистическая»). Имя прилагательное *revolucionario* используется с гораздо

¹⁰⁰ Manifiesto de La Tour de Peilz (08.12.1870) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIII. Vol. II. P. 147–149.

¹⁰¹ Proclama a los voluntarios (23.11.1875) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVII. P. 303–305.

менее экспрессивной лексикой, сохраняя, естественно, пейоративное оценочное значение: *España* («Испания»), *elemento* («элемент»), *hecho* («факт») и др. [Терещук, 2024b: 107]. Можно предположить, что снижение экспрессивности в употреблении идеологема *revolución* связано именно с переходом к парламентской борьбе: депутатам от Традиционалистского объединения приходилось регулярно вступать в коммуникацию с представителями других политических партий. В начале 1870-х гг. депутаты-карлисты по многим вопросам выступали против правительства вместе с депутатами-республиканцами [Vilches García, 2020: 263]. В данной ситуации сдержанность в некоторых формулировках становилась необходимостью.

Идеологема *revolución* сохраняла значимость в карлистском дискурсе вплоть до Гражданской войны 1936–1939 гг. Поляризация общества накануне конфликта и серьезные общественные преобразования на территориях Испании, контролировавшихся республиканцами, привели к тому, что в политическом дискурсе обеих противоборствующих сторон события в «красной» зоне часто именовались *revolución*. Сторонники левых политических взглядов активно использовали данную идеологему, и в их дискурсе она использовалась для выражения положительной оценки [Терещук, 2017b: 204]. В карлистском дискурсе она сохраняла свой негативный оценочный компонент. Так, в ноябре 1934 г. реагируя на шахтерское восстание в Астурии, участники которого называли свое выступление «*Revolución de octubre*» («Октябрьской революцией»), Национальный блок (карлисты и монархисты-альфонсисты) выпустил манифест, одну из ключевых ролей в котором играла идеологема *revolución*. В качестве имманентного качества революции называлось «*barbarie*» («варварство»). Авторы осуждали политическую систему, которая появилась вместе с «*Revolución francesa*» («Французской революцией») и которая «*nos arrastra al comunismo*»¹⁰² («тянет нас к коммунизму»). В данном примере имеет место аберрация, связанная со слабым знанием лидерами Национального блока левых политических партий

¹⁰² Manifiesto del Bloque Nacional (11.1934) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 47–51.

Испании, среди которых на тот момент коммунисты играли второстепенную роль. Упоминание революции в связке с коммунизмом ставило целью оказать воздействие на обывателей и апеллировало к негативному образу СССР, сложившемуся в массовом сознании избирателей испанских правых партий [Терещук, 2018с: 16].

Существенное изменение в семантике идеологемы *revolución* отмечается в дискурсе левых карлистов. Закономерно, что политическое движение, сформировавшееся в контексте революции 1968 г., актуализировало в своем дискурсе данную идеологему в положительном ключе. В мае 1976 г. дон Карлос Уго выпустил заявление, в котором охарактеризовал начинавшийся после смерти Ф. Франко процесс демократизации в Испании как «*revolución democrática en la cual estamos todos empeñados*»¹⁰³ («демократическая революция, в которой мы все участвуем»). Отметим, что данное высказывание было помещено в сильную позицию в тексте заявления, в его концовку. Лидер левых карлистов порывал со всей предшествующей историей карлистского движения: ранее идеологема *revolución* всегда имела негативные коннотации. В дискурсе Карлистской партии дона Карлоса Уго она приобретает новый директив: «Совершим революцию!».

Помимо «*revolución democrática*», левые карлисты призывают к «*revolución regional*» («региональной революции») [Senent, 2021: 76] и «*revolución social*» («социальной революции») [Senent, 2021: 93]. В дискурсе представителей наиболее левого крыла Карлистской партии встречаются также идеологемы «*revolución socialista*» («социалистическая революция») [Senent, 2021: 85] и «*revolución cultural*» («культурная революция») [Senent, 2021: 319]. Последняя идеологема отсылает к идеям маоизма и событиям «Великой пролетарской культурной революции» в Китае в 1966–1976 гг. Адаптация данной идеологемы левыми карлистами представляется закономерной, так как фигура Мао Цзэдуна пользовалась популярностью среди европейских левых в 1960–1970-е гг.; во Франции появилось даже такое явление, как христианский маоизм [Шмелев, 2017:

¹⁰³ Declaración de don Carlos Hugo de Borbón-Parma ante Montejurra'76 // Senent, J.C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 370–372.

1032]. Конечно, было бы некорректно относить левых карлистов к числу христианских маоистов, однако очевидно, что в тот период они существовали в контексте других левых движений в Европе и испытывали определенное влияние идей «Великого кормчего».

В то же время дискурс современного Традиционалистского объединения сохраняет негативное значение у идеологемы *revolución*. Как и на более ранних этапах существования карлистского движения, под *revolución* могут пониматься самые разные политические группы, воспринимаемые карлистами как идеологические противники. Так, в 2017 г. глава политического секретариата Традиционалистского объединения Х. М. Гамбра обрушился с критикой на набиравшую в тот момент популярность ультралевую партию «Podemos», которую в своем заявлении он определил как «movimiento revolucionario gnóstico»¹⁰⁴ («революционное гностическое движение»). В данном примере идеологемы из современной политической коммуникации смешиваются с религиозной лексикой, ассоциирующейся в первую очередь с первыми веками существования христианства. Другой пример – заявление партии о праздновании очередной годовщины со дня начала «Cruzada en defensa de la civilización cristiana» («Крестового похода в защиту христианской цивилизации») – так правые карлисты именуют восстание против Второй испанской республики 18 июля 1936 г. В качестве «оппонентов» в этом «Крестовом походе» фигурируют «la utopía malsana, impiedad, Revolución»¹⁰⁵ («вредоносная утопия, безбожие, Революция»).

Таким образом, употребление идеологемы *revolución* является одним из ключевых различий между дискурсом левого и правого карлизма. Кроме того, анализ ее употребления в дискурсе Традиционалистского объединения позволяет провести четкую границу между карлизмом и многими ультраправыми

¹⁰⁴ Podemos ¿una revolución gnóstica? Режим доступа: <https://carlismo.es/jose-miguel-gambra-podemos-una-revolucion-gnostica-i/>. Дискурс «Podemos» обычно определяется как «левопопулистский» [Ramos-González, 2024: 11].

¹⁰⁵ El Carlismo y el Alzamiento de 1936. Режим доступа: <https://carlismo.es/alzamiento-de-1936-valencia-29-de-junio-el-carlismo-y-el-alzamiento-de-1936/>.

политическим движениями XX в. (фашизмом, национал-социализмом, рексизмом, альт-райт и др.). Идеологема *revolución* имеет негативную окраску в правом карлистском дискурсе; в то же время в дискурсе многих ультраправых течений эта идеологема обладает положительным значением [Elías de Tejada, 1954: 112] (см., например, о понятии ‘фашистская революция’ [Сахибгоряев, 2014]).

Facció («группа мятежников»), кат. *facció*, баск. *fakzio*, франц. *faction*, итал. *fazione*, англ. **faction*, нем. **Faktion*, рус. *группа мятежников*. Представляет сложность перевод исп. *facció* на другие языки. Данная лексема в испанском языке обозначает отряд мятежников (с отрицательными коннотациями), а также фракцию, группу людей в рамках более крупного объединения (без ярко выраженного оценочного значения) [Diccionario de la lengua española]. В то же время, например, англ. *faction* имеет только второе значение [Cambridge Advanced Learner's Dictionary]. Некоторые английские карлисты в своих текстах передают исп. *facció* через англ. *faction*¹⁰⁶, хотя более оправданным было бы подыскать какое-либо другое английское слово. Вторая особенность данной идеологемы связана с тем, что в первую очередь она характерна для антикарлистского дискурса. Хотя в испанском языке существует ряд синонимов (*insurrección*, *rebelión*, *pronunciamiento*, *levantamiento*, *sublevación*, etc.), с самого начала Первой Карлистской войны именно слово *facció* и однокоренное *faccioso* («мятежник») чаще всего употреблялись по отношению к карлистам [Терещук, 2025g: 72]. В 1879 г. сочувствовавший либеральным идеям писатель Б. Перес Гальдос даже включил лексему *faccioso* в название романа о Первой Карлистской войне: «Одним мятежником больше, несколькими монахами меньше» («Un faccioso más y algunos frailes menos»). Впрочем, есть примеры использования идеологемы *facció* и в карлистском дискурсе.

Уже 5 октября 1833 г., в самом начале карлистского восстания, она фиксируется в заявлении Депутации Бискайи, которая заявила о захвате власти

¹⁰⁶ Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. P. 39.

«una facción anti-religiosa y anti-monárquica»¹⁰⁷ (*sic*, через дефис) («антирелигиозной и антимонархической группой мятежников»). В течение первого месяца Первой Карлистской войны идеологема *facción* еще трижды используется в программных текстах карлистского движения, но затем практически выходит из употребления. В 1836 г. инфант дон Себастьян, племянник дона Карлоса, в своем обращении к войскам заявляет о «*durísimo yugo de esa facción atroz*»¹⁰⁸ («тяжелейшем иге этих жестоких мятежников»), однако следует иметь в виду, что в тот момент автор данного текста был новой фигурой в карлистском движении и, по-видимому, еще не успел воспринять дискурсивные практики карлистов [Терещук 2023а: 246–247]. Впоследствии идеологема *facción* используется в отдельных текстах периода Второй Карлистской войны, но уже с 1850-х гг. практически исчезает из программных документов движения.

Можно предположить, что отказ от использования идеологемы *facción* был обусловлен двумя причинами: (1) она активно употреблялась либералами для пейоративного наименования самих карлистов; (2) если в войну 1833–1840 гг. сторонники дона Карлоса в своей пропаганде заявляли, что они подавляют «восстание» против «законного» короля, то впоследствии для всех было очевидно, что инициаторами выступления против властей являются именно карлисты. В начале XX в. именовать «бунтовщиками» представителей той ветви династии Бурбонов, которая уже более полувека находилась у власти, не имело смысла и могло использоваться только в качестве отсылки к текстам периода зарождения карлистского движения.

Сравним функционирование идеологемы *facción* в институциональном и в персональном карлистском дискурсе. Она используется в карлистской литературной традиции конца XIX – начала XX вв. Р. М. дель Валье-Инклан в своих «Сонатах» употребляет ее применительно как к правительственным войскам, которые сражаются против карлистов, так и по отношению к отдельным

¹⁰⁷ Proclama de la Diputación de Vizcaya (05.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 291–292.

¹⁰⁸ Proclama del Infante Don Sebastián Gabriel de Borbón a los voluntarios (30.12.1836) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIII. P. 300–301.

фанатичным священникам, выступающим на стороне дона Карлоса [Терещук, 2024e: 142]. Если у Р. М. дель Валье-Инклана она имеет отрицательные коннотации, то в известной карлистской песне «Надень мне альпаргаты» («*Cálzame las alpargatas*») слово *facció*n употребляется как идеологема и приобретает директив «Примкни к восстанию (карлистов)!». Соответственно, в тексте песни, появившейся ориентировочно в 1870-е гг., идеологема *facció*n употребляется с положительными коннотациями: «Que yo me voy, que yo me voy, que yo me voy a la *facció*n, a defender la bandera de Don Carlos de Borbón» («Потому что я ухожу, потому что я ухожу, потому что я ухожу к повстанцам, чтобы защищать знамя дона Карлоса де Бурбона») (см. текст песни в приложении F).

Таким образом, идеологема *facció*n, свойственная в первую очередь для антикарлистского дискурса, появляется и в некоторых текстах, относящихся к карлистскому дискурсу. Если на начальном этапе существования карлизма она имела исключительно негативные коннотации, то впоследствии в отдельных текстах, относящихся к персональному карлистскому дискурсу, *facció*n приобретала положительное оценочное значение.

Constitución («конституция»), кат. *constitució*, баск. *konstituzio*, франц. *constitution*, итал. *costituzione*, англ. *constitution*, нем. *Verfassung*, рус. *конституция*. Как и в случае с *facció*n, оценочное значение данной идеологемы в карлистском дискурсе претерпело существенные изменения. Первая конституция в Испании была введена Кадисскими кортесами в 1812 г., и на следующие два с половиной десятилетия она стала основным программным документом, на который ориентировались испанские либералы. Соответственно, в дискурсе роялистов первой четверти XIX в., то есть идеологических предшественников карлистов, идеологема *constitució*n имела директив «Отменим конституцию!». Наваррский священник А. Мартин писал в 1825 г., что «la constitución es obra de hombres libertinos, revoltosos y traidores, odiados y perseguidos por sus delitos»¹⁰⁹ («конституция – это дело рук людей распутных и мятежных, предателей,

¹⁰⁹ Martín, A. Historia de la guerra de la división real de Navarra. P. 15.

ненавидимых и преследуемых за свои преступления»). В отдельных случаях оппозиция конституционным реформам приобретала форму своего рода «лингвистического» протеста: во время Либерального трехлетия (1820–1823) по всем церковным приходам был отправлен циркуляр, который предписывал духовенству в своих проповедях разъяснить прихожанам, что введение конституции никак не противоречит католической вере. Священник из деревни Льюкмажор (Мальорка) выразил свой протест следующим образом: он формально выполнил распоряжение из Мадрида и зачитал этот документ своей пастве на испанском языке, не сделав перевод на каталанский. Соответственно, крестьяне, большая часть из которых не владела испанским языком, ничего не поняли [Veny, 2008: 146].

Роялистам в 1820-е гг. и карлистам в 1830-е гг. представлялось, что введение конституции является искусственным ограничением «дарованной свыше» власти монарха. Отметим, что при этом в их политической доктрине полномочия короля ограничивались многочисленными фуэрос, традициями и так называемыми «фундаментальными», или «естественными» законами, а с 1860-х гг. – принципом двойной легитимности. Разница заключалась в том, что традиции, фуэрос и «фундаментальные» законы были «освящены стариной», соответствовали христианскому вероучению (с точки зрения карлистов) и обычно были дарованы предыдущими королями; теоретически, они состояли «из самоочевидных принципов справедливости и универсальным образом выводимых из них следствий, которые истинны и обязательны для всех людей» [Покок, 2020: 45]. В то же время стремление «ограничить власть монарха какими-либо демократическими институтами, основанными на предпочтениях избирателей, воспринималась роялистами как покушение на основы религии» [Терещук, 2023а: 54]. А. Висент высказывает предположение, что в испаноязычном контрреволюционном дискурсе в первую половину XIX в. сама лексема *constitución* приобрела пейоративные коннотации по причине своего созвучия со словом *revolución* («революция»). Соответственно, карлисты и роялисты

предпочитали рассуждать не о «конституции», а о «фундаментальных законах», которые не записаны на бумаге, но «проистекают из обычаев, традиций и привычек народа» [Vicent, 2017: 164].

Выпады против конституции встречаются в дискурсе раннего карлизма, что представляется закономерным, так как многие карлисты десятилетием ранее принимали участие в Роялистской войне (1821–1823). 20 апреля 1834 г. Т. де Сумалакарреги, ранее служивший в войсках роялистов [Терещук, 2018d: 60], выпустил заявление, в котором сопоставлял сложную ситуацию, которую переживала Испания, с «*aciago tiempo del sistema constitucional*»¹¹⁰ («злосчастливым временем конституционной системы»), то есть с периодом Либерального трехлетия. В данном тексте карлистский главнокомандующий повторяет выражение *sistema constitucional* («конституционная система»), широко использовавшееся в роялистском дискурсе и в данном примере сопровождаемое прилагательным *aciago* («злосчастный»). Любопытно, что в момент написания данного текста никакой конституции в Испании не действовало, но для обвинения противника в «конституционализме» было достаточно желания некоторых либеральных политиков ввести основной закон государства. Впрочем, уже через три года была принята новая конституция, ставшая результатом консенсуса между Умеренной и Прогрессистской партиями, боровшимися за власть в либеральной Испании [Artola, 1973: 196–197]. Соответственно, в 1839 г. карлисты запугивали жителей провинции Гипускоа «*vergonzoso yugo constitucional de Cristina*»¹¹¹ («позорным конституционным игом Кристины»). Если в современной политической коммуникации идеологема *конституция* содержит в себе слот *свобода*, то в карлистском дискурсе XIX в. – наоборот, она включает слот *рабство*.

В последующие десятилетия семантика идеологемы *constitución* в карлистском дискурсе изменилась, а сама идеологема стала встречаться в текстах гораздо реже. Карлисты перестали выступать против идеи конституции как

¹¹⁰ Proclama de Zumalacárregui a los navarros (08.03.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. P. 278–280.

¹¹¹ Proclama del brigadier Guibelalde a los guipuzcoanos (31.08.1839) // Ferrer, M., Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVI. P. 282.

таковой. Представляется, что это было обусловлено двумя причинами: (1) к началу XX в. конституции существовали уже во всех европейских государствах, в том числе и в таких консервативных, как Германская и Российская империи; (2) легализация карлистов в правовом поле Испании и начало их парламентской деятельности произошли только при режиме, установившемся в стране после Сентябрьской революции и опиравшимся на конституцию 1869 г. Соответственно, после 1869 г. директив данной идеологемы изменился с «Отменим конституцию!» на «Введем правильную конституцию!». Так, например, в конституции 1869 г. критику карлистов вызывала статья 21, которая впервые в испанской истории провозглашала свободу отправления любых религиозных культов; ранее допускалось исповедание только католической веры. С точки зрения карлистов, эта статья подрывала религиозное единство Испании [Wilhelmsen, 1990: 4]. Возможно, именно по этой причине во многих карлистских текстах конца XIX в. встречаются отсылки к вестготскому королю Рекареду I, который на Толедском соборе 589 г. объявил о своем переходе из арианства в ортодоксальное христианство: «правильный» король, сделавший всю страну католической, противопоставлялся «неправильным» монархам, допускавшим религиозную свободу.

Ясного понимания того, какой должна быть «настоящая», карлистская конституция у лидеров движения не было. В манифесте традиционалистской прессы 1888 г. авторы документа именовали себя «традиционной Испанией», которая «*defiende sus leyes fundamentales y constitución secular contra la tiranía revolucionaria*»¹¹² («защищает свои фундаментальные законы и вековую конституцию против революционной тирании»). По всей видимости, под *constitución* в данном примере имелись в виду фуэрос. Естественно, совершенно неприемлемой для карлистов была конституция Второй испанской республики. Дон Альфонсо Карлос охарактеризовал ее следующим образом: «*La Constitución de la República, elaborada por el odio, dictada por el sectarismo, impuesta por el*

¹¹² Manifestación hecha en Burgos por la Prensa Tradicionalista (31.07.1888) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 62–90.

escándalo, atea por sus principios y anticristiana por sus dictadores»¹¹³ («Конституция Республики, выработанная ненавистью, продиктованная духом разъединения, навязанная скандальным образом, атеистическая по своим принципам и антихристианская, как и люди, которые ее навязывают»). Подчеркнем, что в приведенных примерах не отрицается сама идея конституции, как это было в текстах 1830-х гг., но критикуется «несовершенство» основного закона государства.

Современная конституция Испании была принята в 1978 г. Левые карлисты во главе с доном Карлосом Уго поддержали ее введение, потому что принятие нового основного закона государства стало решающим шагом в процессе перехода от франкизма к демократии. Федеральный совет Карлистской партии одобрил принятие конституции, хотя она являлась препятствием на пути «к возможному переходу к социалистической экономике» [Senent, 2024b: 282]. При этом Карлистская партия критиковала некоторые социально-экономические аспекты нового конституционного строя Испании, в частности, сохранение свободной рыночной экономики и мелкого бизнеса, а также запрет на самоопределение отдельных регионов страны. Несогласие с позицией дона Карлоса Уго по вопросу о конституции привело к тому, что в 1978 г. около 200 человек вышло из партии [Senent, 2021: 248].

Для дискурса правых карлистов также характерна критика конституции 1978 г. Как показывает С. В. Протасенко, сторонники Традиционалистского объединения называют ее «пустой бумагой» и подчеркивают, что она имеет «сепаратистский, диворсистский, абортистский и капиталистский» характер [Протасенко, 2011: 168]. Интересно, что в отдельных текстах современные правые карлисты возвращаются к интерпретации идеологемы *constitución*, характерному для начального этапа существования движения. В 2012 г. на официальном сайте Традиционалистского объединения появилась публикация за подписью Р. Гамбры (отца главы политического секретариата партии), в которой заявлялось, что «a la

¹¹³ Manifiesto de Alfonso Carlos (06.01.1932) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 15–19.

Constitución ha de votarse “no” por el mero hecho de ser Constitución»¹¹⁴ («надо голосовать против Конституции просто потому, что речь идет о Конституции»). По мнению автора текста, идеологема *constitución* связана с идеей всеобщего волеизъявления, которое, в свою очередь, в современной политической системе заменяет представление о Боге. Конечно, эта точка зрения, доминировавшая в карлистском дискурсе в первой половине XIX в., в настоящее время является периферийной для правых карлистов. Появление в такого рода высказываний в дискурсе современных карлистов коррелирует со словами А. Грамши, который писал о «мумифицировавшихся» партиях, вслепую повторяющих терминологию различных эпох [Грамши, 1959: 176]. При этом, конечно, точку зрения итальянского мыслителя можно принять только по отношению к данному высказыванию Р. Гамбры, которое оказывается его «личной версией идеологии» (англ. «personal version of ideology») в терминологии Т. ван Дейка [Van Dijk, 1998: 79], но не применительно к дискурсу Традиционалистского объединения в целом.

Например, в официальной декларации Традиционалистского объединения относительно проекта выработки общеевропейской конституции данная идея критикуется как проект, угрожающий испанской идентичности. Более того, идеологема *constitución* (естественно, понимаемая в карлистском дискурсе как «испанская конституция») в данном документе даже приобретает положительные коннотации: сторонники объединения Европы выступают как против конституции 1978 г., так и против испанской государственности в целом¹¹⁵. Таким образом, по логике правых карлистов, лучше конституция 1978 г., являющаяся «пустой бумагой», чем общеевропейская конституция, которая ведет к евроинтеграции и разрушению Испании.

¹¹⁴ Gamba R. Un «no» reduplicativo a la Constitución. Режим доступа: <https://carlismo.es/un-no-reduplicativo-a-la-constitucion/>.

¹¹⁵ Declaración de la Secretaría Política de S.A.R. Don Sixto Enrique de Borbón ante la aprobación del Tratado por el que se instituye una Constitución para Europa. Режим доступа: <https://carlismo.es/declaracion-de-la-secretaria-politica-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-ante-la-aprobacion-del-tratado-por-el-que-se-instituye-una-constitucion-para-europa/>. См. приложение А.

Rusia («Россия»), кат. *Rússia*, баск. *Errusia*, франц. *Russie*, итал. *Russia*, англ. *Russia*, нем. *Russland*, рус. *Россия*. Естественно, данная идеологема играет второстепенную роль в карлистском дискурсе и фиксируется в небольшом количестве программных текстов (в отличие от текстов публицистических), однако, так как наше исследование реализуется в рамках российского языкознания, представляется обоснованным провести анализ ее употребления. Уточним, что, концепт *Rusia* выступает в качестве идеологемы не во всех контекстах, но только тогда, когда он приобретает миромоделирующий потенциал и идеологическое наполнение. Хрестоматийным примером идеологизации концепта *Rusia* и его превращения в идеологему в испанском политическом дискурсе является выступление министра иностранных дел Испании Р. Серрано Суньера 24 июня 1941 г. Политик отреагировал на нападение гитлеровской Германии на СССР лозунгом «¡Rusia es culpable!» («Россия виновна!»), получившим широкое распространение среди антисоветски настроенной части испанского общества [Payne, 2008: 139]. В данном примере идеологема *Rusia* несет ярко выраженную отрицательную оценку.

Было бы преувеличением полагать, во всех разновидностях политического дискурса в странах Запада имеет место тенденция изображать Россию только в негативном ключе. Н. П. Таньшина, анализируя развитие русофобского дискурса от Средних веков до нашего времени, указывает, что «наряду с представлениями о дикой, варварской и экспансионистской России <...> были и существуют представления о “загадочной русской душе”, о России как надежде на будущее европейской цивилизации и оплоте традиционных ценностей» [Таньшина, 2024: 45]. Далеко не все политические силы в Западной Европе критически настроены по отношению к России. Одним из движений, которое может рассматриваться как пророссийское на протяжении существенной части своей истории, является испанский карлизм.

Идеологема *Rusia* имела положительные коннотации уже в роялистском дискурсе 1820-х гг. Одним из лозунгов роялистов, выступивших против

либерального правительства, стал «¡Vivan los rusos y muera la Constitución!» («Да здравствуют русские, и смерть Конституции!») [Sánchez, 2021: 17], то есть идеологемы *constitución* и *Rusia* противопоставлялись друг другу. Представляется, что такая семантика идеологемы *Rusia* была обусловлена той ролью, которую Россия в эпоху Александра I играла в Священном союзе. Когда в 1833 г. началась Первая Карлистская война, Россия, Австрия и Пруссия оказывали поддержку дону Карлосу, в то время как Англия, Франция и Португалия выступили на стороне Марии-Кристины и либералов [Терещук, 2024d: 122]. С 1834 г. российская пресса склонялась к освещению событий в Испании с прокарлистских позиций, Санкт-Петербург разорвал дипломатические отношения с либеральным правительством в Мадриде, и Российская империя начала оказывать финансовую помощь карлистам. А. Вильгельмсен справедливо называет российского императора Николая I «благодетелем» дона Карлоса и его семьи [Wilhelmsen, 2021: 72].

Ярким примером положительной интерпретации идеологемы *Rusia* на институциональном уровне стало появление в карлистской армии в Каталонии в ходе войны 1833–1840 гг. четырех «казацких» эскадронов, получивших названия «Cosacos del Ebro» («Казачи Эбро»), «Cosacos del Ter» («Казачи Тера»), «Cosacos del Segre» («Казачи Серге»), «Cosacos del Llobregat» («Казачи Льобрегата») [Ferrer *et al.*, 1941–1979, XV: 42]. Во всех названиях были использованы каталонские потамонимы (ср.: донские казаки, терские казаки и др.). Показательно, что в 1838 г. либеральный политик и поэт Х. де Эспронседа (1808–1842) опубликовал стихотворение «Песнь казака» («El canto del cosaco»), которое развивало миф о «русской угрозе» для стран Европы [Багно, 2022: 28]. Таким образом, уже с 1830-х гг. идеологема *Rusia* интерпретировалась диаметрально противоположным образом в карлистском и либеральном дискурсах.

Примером появления идеологемы *Rusia* в текстах, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу, является Парижский манифест дона Хайме от 30 января 1919 г.: лидер карлистов выражал свою «gratitud a la Rusia

imperial, cuyo uniforme me honro en conservar»¹¹⁶ («благодарность императорской России, чью униформу я имею честь хранить»). Русофильские настроения отставного полковника Русской императорской армии были широко известны, и М. Феррер *et al.*, характеризуя взгляды дон Хайме, имели все основания писать о «su amada Rusia» («его любимой России») [Ferrer *et al.*, 1941–1979, XXIX: 22]. В 1925 г. в одном из обращений к своим сторонникам дон Хайме приводил в пример «Ejército de Rusia» («Армию России», слово «Армия» с прописной буквы), в которой служили «oficiales valientes, entusiastas y bien preparados, y soldados sufridos, fuertes y disciplinados»¹¹⁷ («храбрые и хорошо подготовленные офицеры, энтузиасты своего дела, и закаленные, сильные и дисциплинированные солдаты»). В дискурсе претендента на престол идеологема *Rusia* содержит в себе слот *ejército* («армия»), интерпретируемый им исключительно в положительном ключе.

В 1930-е гг. семантика идеологема *Rusia* в испанском политическом дискурсе изменилась. В Испании периода Второй республики лексема *ruso* («русский») часто использовалась в качестве синонима к *comunista* («коммунист») [Jackson, 1972: 328], что часто вызывало недовольство у русских участников карлистского движения¹¹⁸. Коммунистическая идеология не пользовалась симпатиями карлистов, и идеологема *Rusia* лишилась в карлистском дискурсе положительных коннотаций. В 1933 г. генеральный секретарь Традиционалистского объединения М. Фаль Конде, выступая перед севильскими рабочими, метафорически употребил слово *Rusia*: «En medio de esta Rusia de parados hambrientos y de dinamiteros incansables» («среди этой России голодных безработных и неутомимых динамитчиков») [Agudín, 2021: 398]. *Rusia* в данном контексте обозначает «хаос, беспорядок, революционную обстановку»¹¹⁹.

¹¹⁶ Manifiesto de París (30.01.1919) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. P. 242–243.

¹¹⁷ Manifiesto (06.03.1925) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. P. 273–276.

¹¹⁸ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 208.

¹¹⁹ Данный пример коррелирует с фразеологическим выражением в итальянском языке *far Russia* (досл.: «делать Россию»), которое имеет значение «создавать беспорядок» [Мед, 2016: 472].

Естественно, в карлистском дискурсе 1930-х гг. данная идеологема приобретает негативные коннотации.

Во второй половине XX в. идеологема *Rusia* актуализируется в дискурсе и левых, и правых карлистов. Карлистская партия дона Карлоса Уго, хотя и не идентифицировала себя с идеями марксизма-ленинизма и с Коммунистической партией Испании, с симпатией относилась к СССР. В 1972 г. принцесса из карлистской ветви династии Бурбонов Мария-Тереза в официальном выступлении выразила свое одобрение так называемой «доктрине Брежнева» и поддержала право Советского Союза на вмешательство во внутренние дела других социалистических стран [Rodon, 2015: 528]. Годом позднее она вместе со своей сестрой Сесилией даже приняла участие во Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве в 1973 г., на котором две принцессы выступили с докладом, осудив «диктаторские и фашистские режимы» в Португалии, Испании и Греции [Senent, 2024с: 67–68]. Соответственно, для левых карлистов идеологема *Rusia* (или *Unión Soviética*, «Советский Союз») содержит слоты «революция», «социализм», «пацифизм».

В дискурсе правых карлистов идеологема *Rusia* также имеет положительную окраску, но ее значение кардинально отличается. Сторонники дона Сиксто воспринимают современную Россию как хранительницу традиционных европейских ценностей и оплот консерватизма. В 2012 г. в присутствии главы правых карлистов на горе Серро дель Контадеро в Испании был освящен поклонный крест в память о русских добровольцах, служивших в Рекете. В официальном сообщении на сайте Традиционалистского объединения указывалось, что дон Сиксто «*muu ligado a Rusia*»¹²⁰ («тесно связан с Россией»). При этом в текстах программных документов движения идеологема *Rusia* не представлена; в следующей главе будет проведен анализ ее употребления в текстах современной карлистской публицистики.

¹²⁰ Don Sixto Enrique de Borbón en homenaje a voluntarios rusos. Режим доступа: <https://carlismo.es/rusia-y-espana-sixto-enrique-de-borbon-en-homenaje-voluntarios/>. См. приложение А.

Таким образом, в институциональном дискурсе карлистского движения фиксируются несколько идеологем, которые сохраняются в течение всего периода существования карлизма. Идеологемы *Dios, Patria, Rey, fueros, España(s), revolución, constitución* встречаются уже в текстах 1830-х гг. и сохраняются до XXI в. Семантика данных идеологем претерпела определенные изменения, поменялись их директивы. Единственным исключением является идеологема *Dios*, имплицитно содержащая идею о религиозном единстве Испании и защите католической Церкви. Наиболее существенные сдвиги в семантике идеологем отмечаются в связи с расколом на правых и левых карлистов в конце 1960-х гг. В дискурсе левого карлизма традиционные для карлизма идеологемы сохраняются, но они подвергаются вторичной мифологизации и приобретают совершенно новое наполнение. Из дискурса левых карлистов исчезает идеологема *tradición*, которая начинает играть важную роль в карлистском дискурсе в 1870-е гг.; при этом она сохраняется в дискурсе современного правого карлизма. Выделенные в рамках настоящего исследования идеологемы *independencia* и *facció*n, отмечаемые в текстах 1830–1840-х гг. исчезают из институционального карлистского дискурса во второй половине XIX в. Кроме того, был проведен анализ идеологемы *Rusia*, которая имела положительное коннотативное значение на протяжении практически всей истории карлизма; исключением является период 1930-х гг. Во второй половине XX – начале XXI вв. *Rusia* по-разному интерпретировалась в дискурсах левого и правого карлизма, сохраняя при этом положительное оценочное значение.

3.2. Коммуникативные тактики и стратегии в институциональном дискурсе карлизма

Характерной особенностью политического дискурса, направленного на завоевание или удержание власти, является попытка осуществления манипулятивного воздействия на реципиента. Одним из свойств политического дискурса является агональность; соответственно, тексты, относящиеся к данному

виду коммуникации, представляют собой форму борьбы за власть. Агональная подфункция может находить выражение как эксплицитно, так и имплицитно. Следствием агональности политического дискурса является существование коммуникативных тактик и стратегий.

Под коммуникативной стратегией понимается «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств» [Михалева, 2009: 45]. Коммуникативная стратегия занимает высшую точку в коммуникативной иерархии и реализуется с помощью речевых действий, скоординированных определенным образом [Чернявская, 2024: 91–92]. Понятие коммуникативной стратегии тесно связано с представлением об интерпретативных схемах (моделях интерпретации), которые являются единицами когнитивной организации и «помещают интерпретируемое событие в более широкий контекст, со всеми присущими последнему смыслами и ожиданиями» [Макаров, 2003: 60]. Интерпретативные схемы влияют на формирование мнения человека и, соответственно, определяют его действия, выбор определенной стратегии.

Стратегии политического дискурса осуществляются благодаря реализации коммуникативных тактик. Подобно тому, как в военном дискурсе тактика представляет собой конкретные действия, которые необходимо выполнить, чтобы реализовать стратегию, в лингвистике аналогичным образом коммуникативная стратегия включает в себя различные коммуникативные тактики. Их можно определить как этапы реализации коммуникативной стратегии, определяемые «интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [Михалева, 2009: 45].

Изучение коммуникативных тактик и стратегий началось в 1960-е гг., одновременно с ростом интереса к дискурсивным исследованиям. Сами термины

«тактика» и «стратегия» были заимствованы лингвистами из военной лексики, и их употребление отражает агональность политического дискурса. Одной из первых работ, посвященных этой теме, стала статья профессора Гарвардского университета, специалиста по социологии Т. Парсонса [Parsons, 1963]. Вслед за ней последовал целый ряд публикаций на данную тематику [Marwell, 1967; Clark, 1979; Ван Дейк, 2000]. В отечественной науке интерес к стратегиям коммуникативного поведения появляется в 1980-е гг. [Демьянков, 1982], а начиная с 1990-х гг. это направление исследований занимает важное место в российских исследованиях дискурса и коммуникации (из наиболее знаковых работ постсоветского периода на данную тему отметим [Астафурова, 1997; Янко, 2001; Красноперова, 2005; Кашкин, 2007; Кузнецов, 2009; Савин, 2009; Иссерс, 2017]). Исследователи могут обращаться к изучению коммуникативных тактик и стратегий в отдельных сферах: языке СМИ [Залегдинова 2012; Нестерова 2012, 2015; Larina, 2019], в так называемом «рекрутинговом дискурсе» [Агеева, 2018] или в медицинском дискурсе [Акаева, 2007]. Данная проблематика может рассматриваться и с позиций психолингвистики, как, например, в монографии Е. В. Шелестюк [Шелестюк, 2014].

Естественно, для нашего исследования особенный интерес представляют публикации, посвященные коммуникативным тактикам и стратегиям в политическом дискурсе [Зигманн, 2003; Паршина, 2004; Руженцева, 2004; Ярославцева, 2007; Михалева, 2009; Назарова, 2018; Попова, 2018; Скулимовская, 2017; Терещук, 2025b; Хлопотунов, 2022]. Исследователи обращаются к изучению речевого поведения политиков, пытающихся привлечь на свою сторону избирателей, анализируют приемы, используемые для обоснования своей позиции в выступлениях на политические темы.

Выделяются три аспекта коммуникативной стратегии: аспект планирования, динамический аспект и аспект результата. Первый из них подразумевает конструирование в сознании актора политического дискурса идеи о будущем речевом акте, который представляется в виде набора фреймов. Динамический

аспект представляет собой собственно речевой акт, построение высказывания, являющееся непрерывным когнитивно-коммуникативным процессом. В аспекте результата коммуникативная стратегия представляет собой побуждение к действию на основании осуществленного речевого акта [Хлопотунов, 2022: 45–47].

Рассмотрим основные коммуникативные тактики и стратегии в политическом дискурсе. За основу мы берем классификацию О. Л. Михалевой, которая выделила стратегии на понижение и на повышение, а также стратегию театральности, которые реализуются в политической коммуникации [Михалева, 2009: 45–70]. Естественно, данная классификация не является единственной и не претендует на исключительность. Например, в монографии Н. Б. Руженцевой также выделяются три коммуникативные стратегии в политическом дискурсе, которые называются «стратегии, дискредитирующие оппонентов, умаляющие или пытающиеся уничтожить политических противников; стратегии, превозносящие политических союзников (или заказчиков текста); стратегии самопрезентации политика» [Руженцева, 2004: 11]. Представитель уральской школы политической лингвистики выделяет большее число тактик, чем О. Л. Михалева; при этом часто оказывается, что одна тактика в классификации О. Л. Михалевой включает в себя несколько тактик в классификации Н. Б. Руженцевой. Другая классификация коммуникативных тактик и стратегий используется в исследовании И. В. Селивановой, посвященном дискурсу испанской монархии [Селиванова, 2023] (см. также обзор различных подходов к классификации коммуникативных тактик и стратегий в [Филатова, 2024: 89–95]). Классификация О. Л. Михалевой ранее уже использовалась для анализа текстов, относящихся к карлистскому политическому дискурсу [Терещук, 2025b]. Преимуществом данной классификации, делающим ее подходящей для анализа карлистского дискурса, является отграничение стратегии театральности, которая является не отдельным приемом, но «включает в себя целый ряд различающихся между собой тактик и

приемов. Обращение к стратегии театральности связано с выделенной Р. О. Якобсоном поэтической функцией языка» [Терещук, 2025b: 27].

3.2.1. Коммуникативная стратегия на понижение

Актуальность стратегии на понижение обусловлена агональностью политического дискурса. Она направлена на критику оппонента, но при этом часто выполняет и «апофатическую» функцию: отрицая идеологию «другого», политический актер «стабилизирует собственную идентичность» [Carpentier, 2007: 269].

Стратегия на понижение включает в себя следующие тактики:

(1) Тактика оскорбления. Сознательное нанесение обиды оппоненту, реализуемое, как правило, в рамках одиночного речевого акта [Баранов, 2020: 169]. О. Л. Михалева указывает, что нанесение обиды осуществляется путем вербальной агрессии [Михалева, 2009: 50]. Добавим, что в определенных ситуациях оскорбление может быть нанесено и посредством каких-либо физических действий, являющихся формой невербальной коммуникации. Так, в XVIII–XIX вв. среди русского дворянства символический удар оппонента перчаткой или просто бросок перчатки в его сторону воспринимался как акт коммуникации, означавший вызов соперника на дуэль. Такого рода оскорбления путем совершения физических действий могут содержать в себе и политический подтекст и, соответственно, относиться к политическому дискурсу. А. Б. Алексеев указывает, что в политическом дискурсе тактика оскорбления часто используется в лудической функции, то есть служит для развлечения аудитории с целью привлечения ее внимания [Алексеев, 2022b: 126–127].

Тактика оскорбления широко используется в карлистском институциональном дискурсе с самого начала истории движения. Большая часть лексических единиц, использованных для оскорбления противника, относится к одной из следующих концептосфер:

- «восстание» (*revolucionario*, «революционер»; *usurpación*, «узурпация»; *traidor*, «предатель»);
- «религия» (*impío*, «безбожный, безбожник»; *sectario*, «сектант»; *infernál*, «адский»);
- «преступность» (*asesino*, «убийца»; *sicario*, «наемный убийца»; *iniquidad*, «беззаконие»);
- «либерализм» (*liberal*, «либеральный, либерал»; *cristino*, «кристино, сторонник Марии-Кристины»; *constitucional*, «конституционный»);
- «иностранное влияние» (*agareno*, «агарянин, свойственный агарянам»; *mandarines*, «мандарины, чиновники в Китае»; *caribes*, «караибы, представители некоторых индейских племен»);
- «несвобода» (*yugo*, «иго»; *tiranía*, «тирания»; *despotismo*, «деспотизм»).

Выделенные концептосферы не являются замкнутыми наборами слов: они постоянно пересекаются друг с другом. Семантика некоторых лексем, использованных в качестве оскорбления, позволяет отнести их одновременно к концептосферам: например, библеизм *agareno* («агарянин, свойственный агарянам») относится и к «иностранному влиянию», и к «религии». Кроме того, многие лексемы приобретают оскорбительное значение только в карлистском дискурсе, в то время как в других дискурсивных разновидностях могут иметь нейтральную или даже положительную окраску. Это наблюдение относится ко всем лексемам, относящимся к концептосфере «либерализм»: сама лексема *liberal* («либеральный, либерал») в карлистском дискурсе имела ярко выраженный пейоративный оттенок значения, а в либеральном – наоборот, положительный.

Заслуживает внимания и употребление такой лексемы, как *mandarines*, («мандарины»), обозначающей китайскую этнокультурную реалию. Она фиксируется в тексте заявления карлистской Хунты Арагона, Валенсии и Мурсии

от 14 сентября 1839 г.: «*mandarines del poder revolucionario*»¹²¹ («мандарины революционной власти»). Само по себе наименование чиновника в империи Цин не имеет ни положительной, ни отрицательной окраски. В современном испанском языке у лексемы *mandarín* есть значение «влиятельный человек» с пометой *irónico* («иронично») в словаре Королевской академии испанского языка [Diccionario de la lengua española]. Однако в момент выпуска данного документа в европейских газетах активно обсуждалось обострение отношений между Англией и Китаем, которое впоследствии привело к Первой опиумной войне (1840–1842). Возможно, именно по этой причине в карлистском тексте появляется лексема *mandarín*, использованная как оскорбление по отношению к либералам и сравнивающая представителей мадридского правительства со «зловещими», «плетушими интриги» цинскими чиновниками.

Э. А. Нуньес Кабесас и С. Герреро Саласар писали, что тактика оскорбления чаще используется в периоды кризиса [Núñez Cabezas, 2001: 256]. Проведенное исследование подтверждает данное утверждение. После 1869 г. и особенно после 1876 г. (после поражения в Третьей Карлистской войне) тактика оскорбления употребляется реже, хотя и не исчезает из карлистских текстов: необходимость участвовать в парламентской борьбе накладывает отпечаток на выбор коммуникативных тактик и стратегий в институциональном дискурсе. Кроме того, снижается уровень экспрессивности оскорблений: например, в 1833 г. В. де Верастеги называет своих оппонентов «*canalla liberal*»¹²² («либеральной сволочью»); в 1874 г. дон Карлос-младший именует их «*aventureros transformados en dictadores*»¹²³ («авантюристы, ставшие диктаторами»). Еще в меньшей степени тактика оскорбления свойственна для карлистского дискурса второй половины XX – начала XXI вв. Можно предположить, что практически полное отсутствие

¹²¹ Proclama de la Junta de Aragón, Valencia y Murcia contra el convenio de Vergara (14.09.1839) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVII. P. 318–319. См. приложение А.

¹²² Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

¹²³ A las Potencias cristianas (06.08.1874) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVI. P. 303–305.

оскорблений в адрес политических противников в современном институциональном карлистском дискурсе обусловлено возможностью юридических санкций, которые могут последовать вслед за данным речевым актом. В отличие от крупных партий с серьезными источниками финансирования, ни у Традиционалистского объединения, ни у Карлистской партии нет большого бюджета, который мог бы покрыть штрафы за оскорбления.

(2) Тактика обвинения. Эксплицитное выражение отношения к теме сообщения; приписывание оппоненту вины в каких-либо «проступках». Как правило, это обвинение не является аргументированным. Его задача – не столько убедить реципиента, сколько оказать на него эмоциональное воздействие. Как пишет С. Л. Фирсов, «для политиков гораздо важнее доказать массам правоту собственных действий, чем объяснить то, что противостояние стало порождением целого комплекса разного рода обстоятельств» [Фирсов, 2023b: 161].

Тактика обвинения также регулярно встречается в карлистском дискурсе на протяжении всей истории его существования. В ситуации, когда противник представляется абсолютным «злом», ему можно приписать какие угодно деяния. В карлистском дискурсе, особенно в период раннего карлизма, до 1869 г., либералов регулярно обвиняют в заведомо ложных «преступлениях». Например, В. де Верастеги вменяет им в вину «la proscripción del sacerdocio divino, la abolición de las ceremonias santas, la libertad de pensar, la inmoralidad, el desenfreno de todas las pasiones, la venganza, los robos, los asesinatos»¹²⁴ («запрет священства, отмену святых церемоний, свободу мысли, аморальность, разгул всех страстей, месть, грабежи, убийства»). Конечно, из этого перечня единственным «прегрешением» испанских либералов была «свобода мысли» (негативно воспринимавшаяся автором документа). Большинство из них исповедовало католическую веру и, конечно, не собиралось пропагандировать убийства и грабежи, однако для воздействия на аудиторию не нужно было обосновывать эти обвинения. Отметим, что данная тактика использовалась и в антикарлистском

¹²⁴ Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

дискурсе. Так, либеральный публицист и политик В. Айгуалс де Иско обвинял карлистского полководца Р. Кабреру в том, что генерал пил кровь своих врагов (в прямом смысле)¹²⁵.

Отметим, что обвинение не обязательно является ложным. Обращаясь к тактике обвинения, автор текста может инкриминировать противнику те деяния, которые с точки зрения неприятеля являются положительными. В манифесте дон Альфонсо Карлоса от 6 января 1932 г. испанские левые обвиняются в попытке построить в стране коммунизм¹²⁶. Для сторонников Коммунистической партии Испании это было законной и справедливой целью их борьбы, но для карлистов высказывание их лидера интерпретировалось как обвинение.

(3) Тактика безличного обвинения. В отличие от собственно тактики обвинения, в данном случае не указывается «виновник» сложившейся ситуации. Субъект действия при использовании данной тактики часто не выражается, внимание реципиента обращается на объект, и «происходит фиксация сознания слушающего на негативе, который везде, который окружает человека, с которым поэтому бессмысленно бороться самому, а надо просто послушаться данного конкретного политика» [Михалева, 2009: 49].

Эта тактика также часто встречается в карлистском дискурсе в различные эпохи. Например, 29 января 1834 г. дон Карлос начинает свой манифест, обращенный к жителям Эстремадуры, следующими словами: «*Extremeños: la usurpación ocupa el Solio Español*»¹²⁷ («Эстремадурцы! Испанский Престол узурпирован»). Лидер карлистов не обвиняет Марию-Кристину или ее окружение в захвате власти или в каких-либо иных преступлениях; он констатирует факт, что королевская власть в Мадриде нелегитимна. Для любого законопослушного жителя Испании это высказывание имплицитно директивно «Восстановим

¹²⁵ Ayguals de Izco, W. El tigre del Maestrazgo, o sea, De grumete a general. Tomo II. / W. Ayguals de Izco. – Madrid: Imprenta de D. Wenceslao Ayguals de Izco, 1846–1848. – P. 157.

¹²⁶ Manifiesto de Alfonso Carlos (06.01.1932) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 15–19.

¹²⁷ Manifiesto a los extremeños (29.01.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. P. 251.

законную власть!». Теоретически, данный текст воздействовал на любого добропорядочного испанца, однако, естественно, в контексте гражданской войны интерпретация концепта *usurpación* диаметральноным образом отличалась у приверженцев разных противоборствующих сторон: для карлистов «узурпатором» была Мария-Кристина, а для либералов – дон Карлос.

Иногда тактика безличного обвинения может употребляться только в рамках определенной дискурсной формации. 23 января 1932 г. дон Альфонсо Карлос обрисовывал сложившуюся в Испании ситуацию: «la Religión perseguida, la unidad de la patria deshecha, la familia desconocida, la propiedad usurpada»¹²⁸ («преследуемая Религия, подорванное единство страны, забытые семейные ценности, отнятая частная собственность»). Автор документа смешивает воедино идейные установки различных политических движений во Второй испанской республике, многие из которых враждовали друг с другом: антиклерикализм был характерен для всех левых партий, но неприемлем для правых баскских и каталонских националистов; сецессионистские тенденции были связаны с региональными националистами и отчасти с анархистами, но не характерны для коммунистов и социалистов; критика института семьи в первую очередь свойственна для анархистов; вопрос о собственности был актуален для всех, но каждая партия предлагала свою модель ее передела (о политической борьбе во Второй испанской республике см.: [Jackson, 1972]). В подтексте высказывания Альфонсо Карлоса присутствует утверждение, что в сложившейся ситуации виновато республиканское правительство. Подчеркнем, что данное высказывание может рассматриваться в качестве примера коммуникативной тактики безличного обвинения только в дискурсе карлистов (или некоторых других правых групп в Испании того времени). Например, в дискурсе анархистов заявление об изъятии частной собственности содержало бы исключительно положительную оценку ситуации.

¹²⁸ Manifiesto de Alfonso Carlos (23.01.1932) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 19–21.

(4) Тактика обличения. Представляет собой комбинацию тактики обвинения и тактики «анализ-минус». В отличие от последней, при использовании тактики обличения напрямую называется виновник сложившейся ситуации. От тактики обвинения данная техника отличается приведением аргументов, подтверждающих позицию актора. Теоретически, тактика обвинения в первую очередь апеллирует к чувствам аудитории, а тактика обличения – к ее разуму. При этом в реальности аргументы часто могут представлять собой подтасовку и искажение объективной информации.

Для карлистского дискурса характерно в первую очередь обращение к чувствам реципиента. Обвинения в адрес оппонента регулярно встречаются в карлистских текстах; гораздо реже эти инвективы подкрепляются аргументацией. Даже в тех случаях, когда автор текста приводит те или иные доводы, их убедительность часто вызывает сомнения. Так, в обращении Б. де Пландулита к жителям Каталонии в 1834 г. мадридское правительство именуется «*turba de feroces sectarios*» («толпа свирепых сектантов»). Обосновывая свое высказывание, автор текста заявляет, что их «*maximas han producido y producen tantas víctimas de venerables religiosos*»¹²⁹ («максимы приводили и приводят к такому числу жертв среди почтенных клириков»). Конечно, на территории, подконтрольной либеральным властям, в 1834–1835 гг. прошла серия антицерковных погромов [Терещук, 2019: 26]. Однако этот факт не может являться основанием для того, чтобы обвинять правительство в принадлежности к некой «секте».

Попытка подкрепить свое обвинение аргументами присутствует в манифесте в Магунсии графа де Монтемолин в 1860 г. Он называет «*dictadura*» («диктатурой») либеральные власти и пытается обосновать свою точку зрения. Тем не менее его аргументация является малоубедительной: централизаторская политика, создание полиции, введение законодательства, регулирующего

¹²⁹ Proclama de Plandolit (31.10.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo V. P. 248–249.

общественный порядок¹³⁰ – и в XIX в., и в современности эти меры могут рассматриваться как совершенно естественные и законные. Подобная аргументация могла убедить только карлиста, готового воспринимать как истину любое утверждение своего «монарха». Отметим и двойственность концепта *dictadura* в испанском политическом дискурсе середины XIX в.: далеко не всегда он приобретал те негативные коннотации, которые у него есть в наше время (ср.: речь о диктатуре Х. Доносо Кортеса в 1849 г. [Марей, 2023]).

Примером тактики обличения в дискурсе современных карлистов является заявление Традиционалистского объединения 9 ноября 2022 г., в котором испанское издание «El País» именовалось «diario sectario» («сектантской газетой»). Высказывание обосновывалось предвзятостью СМИ в освещении судебного процесса против М. Айусо Торреса, обвиняемого в проявлении неуважения к конституции 1978 г.; руководство партии подкрепляло свою позицию заявлением о том, что некоторые газеты «desconocen no sólo (*sic*, с ударением) la ética profesional, sino toda moral»¹³¹ («не имеют не только профессиональной этики, но и морали»). Хотя в данном тексте присутствуют аргументы, степень ее убедительности во многом определяется политическими взглядами реципиента. Для людей, не являющихся сторонниками карлизма, обличения современной испанской прессы не будут представляться обоснованной позицией.

(5) Тактика «анализ-минус». Актор предлагает на первый взгляд нейтральное описание ситуации, однако имплицитно дает ей негативную оценку. Эта оценка может быть выражена на разных уровнях языка: на фонетико-фонологическом (в устном выступлении; например, интонационно), морфологическом (использование оценочных аффиксов), синтаксическом (порядок слов в предложении), лексико-семантическом (выбор лексем с определенными коннотациями), прагматическом (сознательное нарушение национально детерминированных правил коммуникации).

¹³⁰ Manifiesto llamado de Maguncia (16.03.1860) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXI. P. 202–205.

¹³¹ Estrasburgo pone en evidencia a los tribunales y a los medios españoles. Режим доступа: <https://carlismo.es/strasburgo-pone-en-evidencia-a-los-tribunales-y-a-los-medios-espanoles/>.

В целом, для карлистских текстов, относящихся к институциональному дискурсу, использование тактики «анализ-минус» нехарактерно. Для них свойственна высокая степень экспрессивности и эксплицирование передаваемой информации: «На llegado por fin aquel día tan deseado por los buenos como terrible para los malos («Наступил наконец тот день, долгожданный для хороших людей и ужасный для плохих»)), – начинает свое обращение к алавцам в 1833 г. В. де Верастеги и продолжает: *La perfidia liberal ha de ser exterminada para siempre*»¹³² («либеральная измена должна быть уничтожена навсегда»). В программных текстах карлизма в XIX в. присутствует четкое разграничение между «добром» и «злом». Подобный манихейский взгляд на мир делает невозможной формально беспристрастную оценку ситуации¹³³. Кроме того, как указывает А. Висент, в карлистском дискурсе важную роль играла морально-нравственная мотивация акторов; многие события интерпретировались как следствие личных качеств их участников, а не как результат действия тех или иных военных, политических или экономических факторов [Vicent, 2017: 172].

Однако это не означает, что в XIX в. тактика «анализ-минус» была незнакома акторам политического дискурса в Европе, в том числе и карлистам. Примеры ее употребления можно встретить в частной переписке. Так, сочувствовавший карлистам папский нунций в Мадриде Л. Абат в письме государственному секретарю Святого Престола Т. Бернетти от 31 октября 1833 г. дает следующее описание провозглашения Изабеллы II королевой: «*Da parte della plebe si furono degli “Evviva”, ciò non deve meravigliarsi al riflesso che la medesima era intente a raccogliere il danaro che con apposito si gettò al Popolo nell’atto di tale proclamazione*» («Из плебса доносились крики “Да здравствует...”, чему не стоит

¹³² Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

¹³³ Дж. Покок делал аналогичное наблюдение применительно к политическому дискурсу в Англии первой половины XVIII в.: «Современным людям кажется более или менее очевидным, что враждующие политические группировки могут в целом работать на благо политической системы, но мыслителям Августинской эпохи <...> казалось далеко не очевидным, каким образом какая-либо группа, преследующая свои частные интересы, могла в чем бы то ни было содействовать общему благу» [Поккок, 2020: 676].

удивляться, если принять во внимание, что та же самая толпа с энтузиазмом собирала монеты, которые кидали ей по случаю провозглашения королевы») [Терещук, 2019: 25–26]. Употребление итальянской лексемы *plebe* (досл. «плебс») снижает эффект от описания «ликующих» подданных, приветствующих новую королеву, а вторая часть предложения содержит указание на то, что это выражение народных чувств было вызвано исключительно раздачей денег.

Можно высказать следующее предположение: в карлистском дискурсе XIX в. употребление тактики «анализ-минус» и создание на первый взгляд нейтральных текстов, имплицитующих негативное отношение к ситуации, было характерно только для коммуникации между представителями элиты, обладавшими высоким уровнем образования и разделявшими ценности старой европейской аристократии. Как указывает И. В. Илюкович, испанская аристократическая культура «отличается религиозной направленностью, строгостью, сдержанностью» [Илюкович, 2025: 84]; представляется, что идея о «сдержанности» в равно степени относится и к модели поведения аристократов в других странах. В тексте, адресованном представителям «своего» круга, употребление эмоционально окрашенной лексики не приветствовалось. В то же время текст, адресованный широким массам, сознательно упрощался.

Тактика «анализ-минус» начинает активно использоваться в дискурсе левого карлизма. Можно предположить, это было обусловлено двумя факторами: (1) дискурсивные практики дон Карлоса Уго и его сторонников во многом порывали с предшествующей карлистской традицией; (2) первые годы существования левого карлизма он находился в оппозиции к франкистскому режиму; открытая критика франкизма привела бы к репрессиям, поэтому авторам текстов приходилось имплицитно выражать критику властей. Например, в 1968 г. дон Карлос Уго заявляет в одном из своих выступлений: «Los Reyes carlistas no fabrican cosas, reconocen las libertades»¹³⁴ («Карлистские Короли ничего не фальсифицируют, признают свободы»). В данном примере опущено

¹³⁴ Discurso de don Carlos Hugo de Borbón-Parma en el acto de Valvanera de 1968 (15.12.1968) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 360–361.

противопоставление, однако аудитория понимает, что в отличие от «законного» короля, представители «узурпаторской» ветви династии Бурбонов, сотрудничающие с Ф. Франко, на самом деле ограничивают права и свободы испанцев.

(6) Тактика угрозы. Запугивание оппонента путем обещания совершить в его отношении определенные действия. Тактики оскорбления и угрозы часто используются в современном парламентском дискурсе. Е. И. Шейгал отмечает, что «в угрозе сила политического противника проявляется через категоричное обещание причинить зло оппоненту и демонстрацию решимости выполнить обещанное» [Шейгал, 2000: 304–305]. Исследовательница выделяет угрозы физической расправы, судебного преследования, политических или экономических санкций, угрозы как устрашение, объявление войны или предупреждение возможной агрессии [Шейгал, 2000: 305–306]. Уже в первом документе, относящемся к институциональному карлистскому дискурсу, в манифесте в Абрантеше, используется еще одна разновидность угрозы, которую можно обозначить как «религиозную». Дон Карлос призывает население Испании поддержать его претензию на престол и угрожает «изменникам» наказанием «*para Dios y para la ley*»¹³⁵ («во имя Господа и закона»). В дискурсе карлизма, особенно в XIX в., политические и религиозные элементы постоянно смешиваются [Терещук, 2024h: 116]; если неповиновение дону Карлосу приравнивается к бунту против Бога, то закономерно, что «мятежникам» угрожает «небесная кара».

Проведенный анализ показывает, что тактика угрозы применялась карлистами только в тех случаях, когда они находились в благоприятной военно-политической ситуации. В момент публикации манифеста в Абрантеше дон Карлос рассчитывал быстро добиться победы, пользуясь симпатиями большей части населения Испании. По оценкам некоторых историков, если бы он «в момент кончины Фердинанда VII находился в Мадриде, он и занял бы престол» [Дезер, 1938: 233]. Находясь в выгодном положении, дон Карлос мог угрожать

¹³⁵ Manifiesto de Abrantes (01.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 287–288. См. приложение А.

небесной карой своим оппонентам. Сравним манифест в Абрантеше с обращением Р. Кабреры к правительственной армии в 1848 г., во время Второй Карлистской войны, когда силы карлистов представляли собой разрозненные партизанские отряды в горных районах Каталонии. Жанр обращения к солдатам вражеской армии подразумевает использование тактики угрозы в случае, если противник откажется сложить оружие. Однако в анализируемом документе нет ни одной угрозы: Р. Кабрера рассуждает о слабости и неспособности к управлению королевы Изабеллы и призывает войска противника переходить на сторону карлистов¹³⁶. Принимая во внимание бедственное положение, в котором находился автор текста, можно предположить, что использование тактики угрозы в данном документе имело бы комический эффект и не испугало бы солдат противника.

Нехарактерна тактика угрозы и для современного карлистского дискурса. Левый карлизм начинал формирование в условиях франкистской диктатуры, когда любая попытка угрожать властям могла привести к штрафу или даже тюремному заключению. Впоследствии, после перехода к демократии угрозы в адрес оппонентов стали допустимы, но Карлистская партия находилась в «слабой» позиции, и не могла всерьез никому угрожать. Аналогичное наблюдение можно сделать и относительно Традиционалистского объединения. В дискурсе современных карлистов чаще встречается коммуникативная стратегия на повышение.

3.2.2. Коммуникативная стратегия на повышение

Стратегия на повышение направлена на создание положительного образа актора политического дискурса. В рамках стратегии на повышение выделяются следующие тактики:

(1) Тактика презентации/самопрезентации. Эксплицитное выражение положительного отношения к теме высказывания, прямое указание на качества

¹³⁶ Proclama de Cabrera a los isabelinos (07.1848) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. P. 246–247.

политика, партии или политической программы. Для реализации этой тактики в тексте используются лексические единицы, служащие для выражения позитивной оценки. Естественно, в различных дискурсах одна и та же лексема может приобретать положительное, нейтральное или отрицательное оценочное значение. Так, лексема *tradición* («традиция») в карлистском дискурсе превращается в идеологему с сильным положительным оценочным компонентом, но в дискурсе многих левых движений этот оценочный компонент становится отрицательным.

С началом карлистского восстания в октябре 1833 г. дон Карлос не сразу обратился к тактике презентации. Возможно, лидер восстания был уверен, что война завершится победой его сторонников в течение нескольких дней, и не видел смысла в представлении населению Испании самого себя и своей «программы». По этой причине в документах, выпущенных им в течение первого месяца конфликта, используется преимущественно стратегия на понижение (критика Марии-Кристины и ее сторонников), а также тактика неявной самопрезентации (апелляция к собственным правам на трон). Только в манифесте в Каштелу-Бранку от 4 ноября 1833 г. дон Карлос представляет населению некоторое подобие программы, в котором он не конкретизирует, чем приход к власти карлистов изменит жизнь страны. Претендент на престол обязуется защищать «*santa causa*» («святое дело») Господа, «*hacer felices a mis pueblos*» («сделать счастливыми мои народы») и сохранять «*paz inalterable*» («неизменный мир»). В документе содержались и более конкретные обещания: военным, перешедшим на сторону карлистов, предлагалось повышение на один чин, а в случае гибели их детям и вдовам гарантировалась пенсия¹³⁷, но данные заявления также не могут рассматриваться как полноценная программа.

Используя коммуникативную стратегию на понижение, карлисты изображали политических противников как «безбожников», «предателей интересов Испании» и «либералов»; соответственно, представляя самих себя, дон Карлос и его приверженцы подчеркивали свою религиозность, верность

¹³⁷ Manifiesto de Castello Blanco (04.11.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 291.

«законному» королю и традиционализм. Лидер карлистов заявляет, что все их победы были достигнуты «con el auxilio de Dios y de la Virgen, nuestra Generalísima» («с помощью Господа и Девы Марии, нашего Генералиссимуса»), а баскские провинции являются «asilo de la lealtad española»¹³⁸ («прибежищем испанской верности»). Верность предстает как главное достоинство подданных; король, в свою очередь, должен быть близок к народу. Бригадир Х. А. Герге в обращении к арагонцам в 1835 г. представлял «короля» (то есть дона Карлоса) как человека, чье «paternal corazón» («отеческое сердце») чувствует страдания народа; он «de cerca vela sobre todos sus amados pueblos» («с близкого расстояния следит за всеми своими любимыми народами») и является «el mejor de los reyes»¹³⁹ («лучшим из королей»).

Естественно, «король» в карлистском дискурсе не только выступает в качестве «отца» народа, но и является законным правителем. Идея о «богоугодности» карлистского движения неразрывно связана с его легитимностью. В ходе Второй Карлистской войны бригадир Ж. Масгурет в своем обращении к каталонцам сначала обрисовал тяжелую ситуацию, в которой находится страна: «Las leyes de la sacrosanta religión de nuestros padres (*son*) desconocidas y ultrajadas» («законы священной религии наших отцов забыты и осквернены»). Далее он заявляет, что существует «mano salvadora» («спасительная рука»), то есть «verdadero Rey de España, el señor D. Carlos Luis de Borbón, legítimo sucesor al trono de San Fernando, que apoyado y fortalecido en la legitimidad de sus derechos no ha de abandonar los vuestros a las ambiciones de mil tiranos que os oprimen»¹⁴⁰ («настоящий Король Испании, сеньор Дон Карлос Луис де Бурбон, законный наследник трона Святого Фернандо, который, поддержанный и укрепленный в своих законных правах не оставит без защиты ваши права на

¹³⁸ Manifiesto de Carlos V desde Cáseda al marchar la Expedición Real (20.05.1837) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIII. P. 305–306.

¹³⁹ Proclama de Guergué a los aragoneses (16.08.1835) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IX. P. 269–270.

¹⁴⁰ Manifiesto del brigadier Masgoret a los catalanes (01.04.1848) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. P. 243–244.

милость тысячи тиранов, которые вас угнетают»). Отметим, что тактика презентации сочетается с тактикой обещания: представление лидера карлистов сочетается с возлагаемыми на него переменами в будущем.

Пример использования тактики презентации в совершенно новом ключе, отличном от всей предшествующей традиции карлистского дискурса, являются собой тексты левых карлистов второй половины XX в. Например, в декларации от 29 апреля 1976 г. Карлистская партия представляет свои предложения, используя для усиления воздействия на аудиторию синтаксический параллелизм в построении текста:

«En lo económico, propone la erradicación de toda forma de explotación del hombre por el hombre <...>

En lo político, a través de una auténtica participación del pueblo en las decisiones políticas por medio de los partidos populares y de masas que haga imposible cualquier forma de totalitarismo.

En lo territorial, propiciando la autodeterminación de los pueblos y nacionalidades del Estado Español hacia la consolidación del Estado Socialista y Federal»¹⁴¹.

(«В экономическом плане (*Карлистская партия*) предлагает уничтожение любой формы эксплуатации человека человеком <...>

В политическом плане (*предлагает*) сделать невозможной любую форму тоталитаризма посредством настоящего участия народа в принятии политических решений через популярные и массовые партии.

В территориальном плане способствует самоопределению народов и национальностей Испанского Государства вплоть до консолидации Социалистического и Федерального Государства»).

¹⁴¹ Declaración de la Junta Provincial de Madrid del Partido Carlista ante el acto de Montejurra (29.04.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 367–368.

Данная презентация коренным образом отличается от всех остальных текстов, созданных на более ранних этапах существования карлистского дискурса. Отличия заключаются не только в содержательном плане и коннотативном значении отдельных лексических единиц (слова *partido*, «партия», и *socialista*, «социалистический» приобретают положительные коннотации), но и в отсутствии в презентации апелляций к религии. Ср.: глава современных правых карлистов дон Сиксто представляя в своем манифесте принципы карлистского движения, в качестве первого пункта включает туда «La Religión Católica, Apostólica Romana»¹⁴² («Католическая, Апостольская Римская Религия»).

(2) Тактика неявной самопрезентации. Реализуя эту тактику, субъект политического дискурса представляет самого себя в положительном ключе, при этом избегая прямого указания на тему своего высказывания. Реципиенту представляется возможность «самостоятельно» сделать выводы, к которым его подталкивает автор текста. 25 октября 1833 г. дон Карлос выпустил первый манифест в Каштелу-Бранку, в котором напоминал о своих «*indisputables derechos*» («неоспоримых правах») на испанский престол и заявлял о попытке установить контакт со вдовствующей королевой Марией-Кристиной, которой он направил «*una carta la más amorosa y tierna*» (*sic*, сначала неопределенный, а затем определенный артикль) («самое любовное и нежное письмо»). Хотя в стране уже три недели шла гражданская война, развязанная карлистами, их лидер заявляет, что он пытался занять «принадлежащий ему праву» престол и мирно решить вопрос о престолонаследии, но действия некой «*impía secta masónica*»¹⁴³ («безбожной масонской секты») привели к кровопролитию. Документ имплицитно подразумевает идею о «миролюбии» карлистов.

Другой пример тактики неявной самопрезентации – политическое завещание дон Карлоса-младшего, составленное в 1897 г. и обнародованное в 1909 г., после его смерти. Автор документа подчеркивает, что карлисты являются

¹⁴² Manifiesto de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón (17.07.2001). Режим доступа: <https://carlismo.es/manifiesto-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-de-17-de-julio-de-2001/>.

¹⁴³ Manifiesto de Castello Branco (25.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 289–291.

«aristocracia moral» («моральной аристократией») Испании, утверждает, что никогда не мог «considerar como enemigo a ningún hijo de la tierra española» («воспринимать как врага ни одного сына испанской земли»), признается в любви к своей матери и жене, призывает своих сторонников не оплакивать его, но молиться «a Dios por mi alma y por España»¹⁴⁴ («Богу за мою душу и за Испанию»). Политическое завещание создает образ дона Карлоса-младшего как христианского святого и одновременно «отца» всего испанского народа, при этом выводы о «святости» лидера карлистов может сделать каждый, кто читает текст завещания.

(3) Тактика отвода критики. Реакция на критику (или на потенциальную критику) в адрес субъекта политического дискурса. Эта реакция заключается в приведении аргументов, обосновывающих действия политика или его партии.

Данная тактика встречается на протяжении всей истории существования карлистского дискурса. При этом содержательная сторона аргументов с течением времени сильно изменялась; некоторые из доводов, использовавшихся в риторике в XIX в., было бы сложно представить в современном политическом дискурсе. Так, в переписке между доном Карлосом и Фернандо VII в 1833 г., будущий глава карлистов обосновывал свои притязания на корону следующим аргументом: если бы Бог хотел лишить дона Карлоса престола, то он послал бы его брату сына-наследника, однако у Фернандо VII родились две девочки. Следовательно, Богу угодно, чтобы престол унаследовали не дети монарха, а его младший брат [Терещук, 2023а: 48].

Ярким примером тактики отвода критики в институциональном карлистском дискурсе является выступление Х. А. Саратьеги (отвечавшего за пропаганду в армии Т. де Сумалакарреги) перед собранием жителей города Лумбьер в Наварре в марте 1834 г. Поводом для выступления послужило предложение главнокомандующего Северной армией либералов В. де Кесады о проведении переговоров о капитуляции карлистов. Х. А. Саратьеги начинает с объяснения причин, по которым недопустимо сдаваться на милость «un hombre sanguinario,

¹⁴⁴ Testamento político de Carlos VII (06.01.1897) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 173–178. См. приложение А.

ingrato y hasta apóstata» («человека кровожадного, неблагодарного и даже изменника»). Офицер повторяет слова своего начальника Т. де Сумалакарреги, который ранее также охарактеризовал В. де Кесаду как «*sanguinario*» («кровожадного») [Терещук, 2023а: 172]. Также здесь используется лексема *apóstata* («вероотступник/изменник»), характерная в первую очередь для религиозного дискурса. Х. А. Саратьеги напоминает, что в 1821–1823 гг. В. де Кесада воевал за роялистов против либералов; его переход на другую сторону приравнивается к вероотступничеству. Соответственно, критика карлизма со стороны В. де Кесады является не валидной уже по причине низких моральных качеств главнокомандующего противника. Далее Х. А. Саратьеги разбирает некоторые утверждения антикарлистской пропаганды, которые, по всей видимости, получили распространение на севере Испании. Его аргументация в пользу дона Карлоса строится на двух аксиомах: (1) карлистское «Дело» является справедливым; (2) отказ от поддержки карлистов нанесет урон чести жителей Наварры¹⁴⁵. Существование подобного рода аксиом характерно и для современного политического дискурса.

Текст Х. А. Саратьеги теоретически ориентировался на всех наваррцев. В других случаях тактика отвода критики используется в текстах, ориентированных только на аудиторию с определенными политическими взглядами. В 1881 г. дон Карлос-младший выпустил послание к французским легитимистам, в котором осудил обращенное к нему предписание правительства Франции покинуть страну. Протестуя против решения властей Третьей французской республики, он заявил, что «*un Borbón, un descendiente de Enrique IV y de Luis XIV*»¹⁴⁶ («Бурбон, потомок Генриха IV и Людовика XIV») не может быть иностранцем во Франции. Для представителей республиканских властей принадлежность испанского политика к династии Бурбонов не являлась аргументом, обосновывающим его право находиться в стране, однако для большого количества жителей Франции, которую

¹⁴⁵ Discurso de Zaratiegui en la junta de Lumbier // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. P. 280–281.

¹⁴⁶ Mensaje a los legitimistas franceses (18.07.1881) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. P. 24–25.

в то время часто называли «республикой без республиканцев», данный текст оказывался убедительным.

(3) Тактика «анализ-плюс». Имплицитное выражение положительного отношения актора политического дискурса к описываемой ситуации; аналог тактики «анализ-минус».

Данная тактика, как и тактика «анализ-минус», в целом не является характерной для карлистского дискурса, особенно для текстов XIX – первой половины XX вв. Это объясняется несколькими факторами. С одной стороны, для карлистских текстов характерна высокая степень экспрессивности и эксплицирования сообщаемой информации, в то время как тактика «анализ-плюс» подразумевает имплицитное выражение отношения. С другой – представляется, что использование данной тактики в первую очередь характерно для политиков, находящихся у власти и создающих «положительную картинку» собственной деятельности. Карлисты при этом на протяжении всей своей истории находились в оппозиции. Исключением стал период франкизма, но в 1939–1975 гг. карлистский дискурс был интегрирован во франкистский, являвшийся на тот момент энкратическим.

Тем не менее можно выделить отдельные случаи использования тактики «анализ-плюс». Показательно, что, обращаясь к ее употреблению, карлисты часто эксплицировали представление о Боге как о каузаторе сложившейся благоприятной ситуации. Данная экспликация подчеркивала, что действия карлистов были осуществлением «божественного замысла». Например, 11 февраля 1873 г. карлистская пресса выпустила заявление по случаю отречения от престола Амадея Савойского; этому событию предшествовали активная пропагандистская кампания, организованная карлистами, а также начало военных действий на севере Испании. «En este momento no son los hombres, es Dios quien, por misteriosos caminos, lleva los sucesos a un término que prevén con regocijo las

esperanzas de los buenos»¹⁴⁷ («В этот момент это не люди, но Господь неисповедимыми путями ведет события к такому исходу, который с ликованием угадывается праведниками»), – заявлялось в документе, рисовавшем образ Испании, торжествующей после отречения «узурпатора». Данный текст иллюстрирует слова А. Грамши, писавшего, что часто газеты и журналы сами могут выступать в качестве «партий» и «партийных фракций» или выполнять функции определенных партий [Грамши, 1959: 135–136]. Отречение Амадея произошло «по воле Бога», и теперь освободившийся престол мог занять «законный» король дон Карлос-младший.

(5) Тактика самооправдания. В отличие от тактики отвода критики, которая заключается в приведении аргументов и предоставлении аудитории теоретически объективной информации, тактика самооправдания заведомо субъективна. Субъект политического дискурса отрицает негативные утверждения о своей деятельности, опираясь на собственное мнение [Скулимовская, 2017: 109]. Часто при использовании этой тактики сложившаяся ситуация представляется как «объективное положение вещей» [Михалева, 2009: 57].

Данная тактика фиксируется в карлистских текстах с самого начала существования движения. В манифесте от 25 октября 1833 г. дон Карлос заявляет о том, что его оппоненты распустили по Испании «la fea y atroz calumnia de suponerme desleal y atentador del trono» («уродливую и жестокую клевету, представляя меня изменником, покушающимся на трон»). Интерпретируя собственные действия как законные и справедливые, лидер карлистов использовал формулу «como bien sabéis»¹⁴⁸ («как вы хорошо знаете»), которая подразумевала, что аудитория может сама сделать все необходимые выводы.

Тактика самооправдания может пересекаться с тактикой угрозы. Чтобы они оказали воздействие на аудиторию, необходимо выступать с позиции силы и иметь возможность реализовать заявляемые угрозы; при этом одновременное

¹⁴⁷ Declaración de la prensa carlista (11.02.1873) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXV. P. 188–189.

¹⁴⁸ Manifiesto de Castello Branco (25.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 289–291.

использование в тексте самооправдания позволяет актору политического дискурса «снять с себя ответственность» за последующие действия. 26 января 1874 г., во время осады Бильбао, дон Карлос-младший обратился к защитникам города. Лидер карлистов обрисовал безнадежное положение, в котором находился гарнизон и вся либеральная Испания в целом. Призывая противника сложить оружие, автор текста заявил, что если жители города хотят «seguir resistiendo y convertir Bilbao en ruinas como Portugalete, vuestra será la responsabilidad, y que la sangre que se derrame en Bilbao caiga sobre vuestras conciencias»¹⁴⁹ («продолжать сопротивляться и превратить Бильбао в руины, как Португалете (*город в окрестностях Бильбао* – прим. А. Т.), ответственность ляжет на вас, и пусть кровь, которая прольется в Бильбао, будет на вашей совести»). С одной стороны, в тексте содержится угроза разрушить город; с другой, дон Карлос-младший заранее оправдывается за его разрушение. Сочетание этих двух разных тактик можно определить как «перспективную интерпретацию» тактики самооправдания.

3.2.3. Коммуникативная стратегия театральности

Стратегия театральности обращена главным образом на адресата-наблюдателя – аудиторию политического дискурса, которая напрямую не участвует в коммуникации, но становится объектом воздействия. «Театральность или театрализованность политического дискурса в значительной степени связана с тем, что массы воспринимают политику преимущественно через СМИ. Необходимость “работать на публику” заставляет политиков работать над своим публичным имиджем и разрабатывать стратегии и тактики создания привлекательного для публики речевого портрета», – пишет Е. И. Шейгал применительно к современному политическому дискурсу [Шейгал, 2000: 386]. Для реализации стратегии театральности политики часто используют перформативные речевые акты и императивные конструкции, которые оказывают

¹⁴⁹ Alocución a los bilbaínos (26.01.1874) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVI. P. 282.

воздействие на аудиторию. При этом, как указывает Е. В. Падучева, если «речевое действие предполагает переход Адресата в новое внутреннее состояние – ментальное или волитивное – глагол не может быть перформативным: воздействие на мнение или волю другого не достигается одним лишь произнесением слов» [Падучева, 2004: 358]. Соответственно, она относит к перформативам фразы типа «Я сообщаю» или «Я обещаю», но не «Я уверяю». Некоторые глаголы в перформативном контексте приобретают дополнительные оттенки значения: так, «Я спрашиваю» (формула, часто употребляемая в речи политиков) приобретает значение «Я настойчиво спрашиваю» или «Я спрашиваю еще раз» [Падучева, 2004: 359].

В рамках стратегии театральности выделяются следующие коммуникативные тактики:

(1) Тактика побуждения. Представляет собой призыв к осуществлению определенных действий. В русском языке такой призыв часто сопровождается перформативными или императивными конструкциями «я призываю...», «я обращаюсь к...», «встанем все вместе на защиту...» и др. Использование формы 1 л. мн. ч. подчеркивает единение автора текста и аудитории, то есть политика и его сторонников. Эта тактика часто может сопровождаться повторением призывов или лозунгов, которое «оставляет мнемонические следы» в памяти реципиента, даже если он не согласен с автором текста [Шелестюк, 2014: 84].

Тактика побуждения регулярно встречается в институциональном дискурсе карлистского движения. Чаще всего она употребляется в концовке текста: вся предшествующая аргументация «подводит» аудиторию к кульминации, представляющей собой эмоциональный призыв. Учитывая, что часто программные документы движения (особенно в XIX в.) зачитывались вслух при большом скоплении народа, побуждающая к действию концовка могла выделяться с помощью невербальных средств коммуникации. Это побуждение могло быть положительным или отрицательным. Положительное призывало поддержать «законного» короля и часто начиналось с формулы *viva* («да здравствует»); иногда

эта формула включалась в более сложную конструкцию: «Dad gloria al Dios de los ejércitos que nos ha conservado ileso tan excelso príncipe y monarca esclarecido, repitiendo con los buenos: ¡Viva Carlos V, viva nuestro augusto soberano!»¹⁵⁰ («Возблагодарите Господа Саваофа, который сохранил для нас невредимым такого благородного принца и просвещенного монарха, повторяя вместе с праведниками: Да здравствует Карлос V, да здравствует наш августейший правитель!»). Другой вариант положительного побуждения – формула, представляющая собой сочетание предлога и имени существительного, например: «¡Al combate, voluntarios!»¹⁵¹ («В бой, добровольцы!»). Отрицательное побуждение мотивирует аудиторию на совершение действий против кого или чего-либо. Часто отрицательное побуждение сопровождается положительным: противопоставление участников политического процесса усиливает воздействие на аудиторию. Командующий карлистскими войсками в Каталонии (и будущий претендент на престол) Альфонсо Карлос так заканчивает свой приказ по армии от 1 января 1873 г.: «¡Viva la religión! ¡Viva España! ¡Viva Carlos VII! ¡Vivan los fueros de Cataluña! ¡Abajo el extranjero!»¹⁵² («Да здравствует религия! Да здравствует Испания! Да здравствует Карлос VII! Да здравствуют фуэрос Каталонии! Долой иностранца!»). Эмоциональное завершение текста представляет собой развернутый слоган карлистского движения в 1870-е гг. («Бог, Родина, Король, Фуэрос»), которому противопоставлен «иностранец», то есть правящий в Мадриде король Амадей Савойский.

Формулы побуждения к действию могут не только встречаться в завершающей части документа, но и быть разбросаны по всему тексту: «¡Adelante, contra lo que representan la antirreligión y la antipatria!»¹⁵³ («Вперед, против всего,

¹⁵⁰ Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

¹⁵¹ Proclama a los voluntarios (23.11.1875) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVII. P. 303–305.

¹⁵² Orden general del día (01.01.1873) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXV. P. 207–208.

¹⁵³ Manifiesto de la Junta Central de Guerra de Navarra (06.1936) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 105–106.

что представляют антирелигия и антиродина!»). В таком случае у текста оказывается несколько эмоциональных вершин. Более редким является использование тактики побуждения в начале текста. В таких случаях побуждению предшествует обращение к аудитории и какое-либо утверждение. Например, в том же самом документе тактика побуждения также используется в начале: «¡Ya ha llegado la hora! Nuestra Patria, España, nos llama a todos los carlistas navarros. Es preciso que sepamos demostrar que somos hijos dignos de ella. ¡Carlistas de Navarra, por España, adelante!»¹⁵⁴ (Час пробил! Наша Родина, Испания, призывает всех нас, наваррских карлистов. Мы должны показать, что мы – ее достойные сыны. Карлисты Наварры, за Испанию, вперед!»).

(2) Тактика кооперации. Автор текста конструирует образ своего адресата; при создании данного образа на первый план выходят общие ценности, которые разделяются политиком и его аудиторией. При использовании данной тактики актер политического дискурса рисует идеализированный образ адресата, представляя его в зависимости от собственных идеологических установок как «разумного», «добропорядочного», «благочестивого» или, наоборот, «революционно настроенного» человека. В карлистском дискурсе все население Испании представлялось в качестве «добрых католиков», разделяющих семейные ценности и верных «законному» монарху. Сохранение власти в столице в руках либералов объяснялось интригами небольшой группы людей, по отношению к которой часто употреблялись такие лексемы, как *secta* («секта»), *traición* («предательство») или *usurpación* («узурпация»), подчеркивавшие ее малочисленность и незаконность.

По мнению лидеров движения, сторонники карлизма разделяли общую ценностную систему; как заявил в 1839 г. генерал Р. Марото, «por esos principios estamos decididos a morir todos»¹⁵⁵ («за эти принципы мы все готовы умереть»). Данное высказывание представляется наиболее сильной формой кооперации

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Alocución del general Maroto (18.02.1839) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVI. P. 186–187.

между адресатом и адресантом текста. При этом необходимо различать пропагандистский текст и реальное положение вещей: фактически, публикация заявления Р. Марото ознаменовала собой раскол в карлистском движении на праворадикальных и либеральных консерваторов [Терещук, 2023а: 304–317]. Отметим также, что слишком частое обращение к тактике кооперации в политическом дискурсе может негативно повлиять на объективную оценку ситуации самим автором текста. В 1837 г., перед началом так называемой «Королевской экспедиции», дон Карлос и его окружение, по всей видимости, искренне верили в тот образ среднестатистического испанца, который создавала карлистская пропаганда, и рассчитывали, что появление их солдат в центральной Испании вызовет всенародное восстание против либерального правительства. Этот расчет оказался неверным, и поход на Мадрид закончился неудачей [Терещук, 2023а: 266–274].

Закономерно, что серьезные отличия в использовании тактики кооперации наблюдаются между дискурсами левого и правого карлизма в XX–XXI вв. Правые карлисты повторяют те образы, которые использовались их предшественниками в XIX – начале XX в. Принципиальное отличие заключается только в том, что в период раннего карлизма тактика кооперации распространялась на всех испанцев; современные правые карлисты обычно используют ее только применительно к небольшому числу единомышленников: попытка проецировать образ «добрых католиков» на все население нынешней Испании может вызвать скорее комический эффект. Левые карлисты, обращаясь к тактике кооперации, конструируют иной образ своего сторонника. На первый план выходит не религиозность или традиционализм испанцев, но любовь всего «Народа» (это слово часто пишется с прописной буквы) к свободе: «Un Pueblo que busca su libertad a través de una acción pacífica»¹⁵⁶ («Народ, который ищет свою свободу мирным путем»). Сторонники дона Карлоса Уго – это «трудящиеся» (исп. *trabajadores*), для которых свобода связана с возможностью «decidir sobre sus

¹⁵⁶ Declaración de don Carlos Hugo de Borbón-Parma ante Montejurra'76 // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 370–372.

condiciones de trabajo, sobre los objetivos de la economía»¹⁵⁷ («принимать решения относительно условий работы, относительно целей экономики»). Традиционный карлизм никогда не был движением высших классов: в XIX в. карлисты пользовались поддержкой «скромных, но не беднейших крестьян» [Tortella, 2017: 93], однако для программных документов движения была нехарактерна апелляция к экономическим проблемам или тем более призывы к социальной революции.

(3) Тактика размежевания. Подчеркиваются различия между актором (вместе с его аудиторией) и его оппонентом. Применительно к противнику в таком случае обычно используется форма 3 л. мн. ч. Автор текста указывает на собственную модель поведения, представляемую им как «правильную», и на модель поведения своих политических оппонентов, которая, соответственно, является «неправильной». Синтаксически использование данной тактики характеризуется преобладанием неопределенно-личных предложений. Тактика размежевания часто сочетается с тактикой обвинения: автор текста обвиняет оппонента в тех или иных преступлениях, а затем подчеркивает свою непричастность.

Ярким примером документа, в основу которого легло использование тактики размежевания, является обращение В. де Верастеги к жителям Алавы 7 октября 1833 г. Автор обрушивает ряд обвинений на мадридских либералов, захвативших власть путем «esta intriga al que conoce la malignidad de sus agentes» («этой интриги, агенты которой известны своей злокозненностью»). В тексте перечисляется большое количество «преступлений» нового режима. Перечень заканчивается наиболее серьезным, по мнению В. де Верастеги, поступком властей, который в той или иной степени обуславливает все остальные деяния: «En una palabra, la destrucción de los altares y la ruina de los tronos que el Sumo Hacedor tiene establecidos para bien de la humanidad» («одним словом, разрушение алтарей и ниспровержение тронов, которые установлены Всевышним Творцом во имя блага всего человечества»). Далее в тексте проводится размежевание между

¹⁵⁷ Declaración sobre Montejurra 1976 (04.05.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 366.

либералами и «esta heroica nación» («этой героической нацией»), чьи представители являются «primiciales tutelares del altar y trono» («первейшими хранителями трона и алтаря») и отличаются «lealtad, realismo y fidelidad»¹⁵⁸ («лояльностью, роялизмом и верностью»). В данном тексте употребляется связка «altar y trono» («алтарь и трон»), причем во втором примере эти два существительных употребляются с одним артиклем; тем самым подчеркивается их смысловое единство. В дальнейшем эта метафора, символизирующая единство Церкви и государства, будет часто употребляться в карлистском дискурсе XIX в. Для В. де Верастеги основным пунктом, в котором его позиция расходится с точкой зрения либералов, является именно отношение к религии: сторонники Марии-Кристины пытаются уничтожить «алтарь и трон», приверженцы дона Карлоса их защищают.

В некоторых текстах основанием для использования тактики размежевания является отношение к истории. Как известно, часто точка зрения актора политического дискурса на той или иное историческое событие позволяет четко маркировать его политические предпочтения в настоящем. Так, граф де Монтемолин в своем обращении к арагонцам в 1855 г. перечислил целый ряд знаковых персонажей из испанской истории, наследниками которых являются адресаты текста (легендарный победитель мусульман в битве при Ковадонге Пелайо, король Фернандо Святой, рыцарь и герой испанского эпоса Эль-Сид, полководец XVI в. дон Хуан Австрийский и др.). Далее автор текста указывает, что «todo, ¡oh dolor! lo veis escarnecido por esos hombres que pretenden gobernaros»¹⁵⁹ («вы видите, что все это – о боль! – осмеивается этими людьми, которые делают вид, что управляют вами»). Размежевание между адресатами текста и властями в Мадриде усиливается эмоциональным восклицанием (*¡oh dolor!*) и указательным местоимением 2 л. (*esos*), которое подчеркивает

¹⁵⁸ Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

¹⁵⁹ Proclama a los aragoneses (05.1855) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XX. P. 222–224.

дистанцию между народом и чиновниками в столице (ср.: местоимение *estos* свидетельствовало бы о большей степени близости).

(4) Тактика информирования. Актор приводит определенные факты, статистические данные, новости, не сопровождая их комментариями. На первый взгляд он создает иллюзию беспристрастности, предоставляя аудитории возможность самостоятельно сделать выводы. Ключевым моментом является подборка предлагаемых данных и их достоверность. Приводя только те данные, которые подкрепляют его позицию (или подтасовывая предлагаемую информацию), автор текста создает у аудитории иллюзию, что она сама склоняется к его поддержке.

Данная тактика нехарактерна для карлистских текстов XIX – начала XX в.: их авторы, повествуя о сложившейся ситуации, использовали большое количество эмоционально-оценочной лексики, маркировавшей их отношение и трансформировавшей информирование в обвинение или, наоборот, самопрезентацию. Например, в приводимом выше фрагменте из текста В. де Верастеги перечисляемые автором текста «реалии» жизни в либеральной Испании не могут восприниматься как просто информирование: «La proscripción del sacerdocio divino, la abolición de las ceremonias santas, la libertad de pensar, la inmoralidad, el desenfreno de todas las pasiones, la venganza, los robos, los asesinatos»¹⁶⁰ («Запрет священства, отмена святых церемоний, свобода мысли, аморальность, разгул всех страстей, месть, грабежи, убийства»).

Тактика информирования начинает использоваться карлистами начиная со второй половины XX в. В мае 1976 г. дон Карлос Уго строит на ней свое обращение перед ежегодным карлистским фестивалем на Монтехурре (в итоге закончившимся столкновениями между левыми и правыми). За несколько месяцев до публикации документа скончался Ф. Франко, и многие в стране ожидали демократических реформ, поэтому закономерно, что текст начинается с заявления, что «en esta etapa histórica vamos a decidir nuestro futuro» («на этом историческом

¹⁶⁰ Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 292–294.

этапе мы примем решение относительно нашего будущего»); глагольная форма 1 л. мн. ч. включает в себя не только левых карлистов, но и весь испанский народ. Далее претендент на престол рассуждает о событиях последних месяцев и подчеркивает важность объединения всех сил оппозиции. «En los dos últimos años se han alcanzado importantes metas hacia esta unidad» («За последние два года были достигнуты важные результаты на пути к этому объединению»), – заявляет дон Карлос Уго и не забывает отметить, что Карлистская партия «ha jugado un papel de vanguardia en la constitución de los distintos organismos unitarios que conduzcan a la unidad de toda la oposición»¹⁶¹ («сыграла важнейшую роль в образовании различных унитарных структур, которые будут способствовать единству всей оппозиции»). Отметим употребление определенного артикля перед словосочетанием «distintos organismos unitarios» («различных унитарных структур»): автор текста показывает, что его партия участвовала в создании абсолютно всех организаций, способствовавших объединению (ср.: отсутствие артикля указывало бы на участие левых карлистов только в некоторых, но не во всех «структурах»).

Правые карлисты также используют тактику информирования. В манифесте дона Сиксто от 17 июля 2001 г. перечисляются факты, свидетельствующие о духовном «упадке» современной Испании; отправной точкой в процессе «деградации» испанского государства стала «entrega de la confesionalidad católica del Estado» («отказ от католического конфессионального характера Государства»). «Следствием» стало сочетание «capitalismo liberal, estatismo socialista e indiferentismo moral en un proceso que resume el signo de lo que se ha dado en llamar “globalización”»¹⁶² («либерального капитализма, социалистического этатизма и морального равнодушия в рамках процесса, который символизирует то, что называется словом “глобализация”»). Текст имплицитно выражает негативную оценку сложившейся ситуации, а не выражает ее напрямую. Для многих людей

¹⁶¹ Declaración de don Carlos Hugo de Borbón-Parma ante Montejurra'76 // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia. P. 370–372.

¹⁶² Manifiesto de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón (17.07.2001). Режим доступа: <https://carlismo.es/manifiesto-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-de-17-de-julio-de-2001/>.

секуляризация может восприниматься как положительное явление, но в рамках дискурса правых карлистов она интерпретируется в негативном ключе.

(5) Тактика обещания. Заключается в обещании политика предпринять в будущем определенные действия. Естественно, далеко не все предвыборные обещания реализуются на практике. В некоторых научных работах слишком активное использование тактики обещания называется «популизм» [Моисеенко, 2019: 106]. Отметим, что хотя политики-популисты действительно часто злоупотребляют данной тактикой и, находясь в оппозиции к действующей власти, дают невыполнимые обещания, пытаясь привлечь на свою сторону избирателей, обычно в основе определения политического популизма лежит еще один критерий: манихейский взгляд на мир, представление о том, что общество разделено на «добро» и «зло», между которыми пролегает четкая граница. В популистском дискурсе «добро» обычно бывает представлено «народом», в то время как воплощением «зла» нередко выступает оторванная от народа «элита» [Harteveld, 2021: 4].

Обещания были в целом не свойственны институциональному карлистскому дискурсу в XIX в. Руководители движения предпочитали рассуждать о духовной стороне их борьбы, о торжестве религии над атеизмом, но не давали обещаний относительно экономического благополучия. В то же время гарантировать своим сторонникам спасение души дон Карлос и его преемники не могли: при всей своей религиозности они никогда не претендовали на церковную власть. Даже в ходе Гражданской войны 1936–1939 гг., именовавшейся во франкистском дискурсе *cruzada* («крестовый поход»), лидеры карлистов не предлагали участникам конфликта отпущение грехов, в отличие от организаторов крестовых походов в Средневековье. Таким образом, тактика обещания использовалась в карлистском дискурсе имплицитно: заявляя о необходимости возвращения к Старому режиму, карлисты подразумевали восстановление традиционного уклада жизни, в том числе фуэрос, выгодных для жителей севера страны. Кроме того, можно предположить, что в первой половине XIX в. для многих жителей Каталонии,

Наварры и баскских провинций Старый режим был привлекателен не столько как «эффективная» система управления и устройства хозяйственной жизни, сколько как воспоминание о сравнительно благополучной и мирной жизни. С 1808 г. до конца 1840-х гг. север Испании был охвачен чередой практически не прекращавшихся вооруженных конфликтов [Терещук, 2017а: 84]. Воспоминания старшего поколения о стабильной жизни до наполеоновских войн накладывались на распространенный в карлистском дискурсе нарратив об идеализированном прошлом.

В 1860 г. новый претендент на престол дон Хуан, пытавшийся реформировать движение в духе консервативного либерализма, выпустил ряд манифестов, обращенных к населению Испании. В данных документах использовались дискурсивные практики, сильно отличающиеся от тех, которые встречаются в более ранних карлистских текстах. Дон Хуан соглашался с принципом национального представительства (исп. «representación nacional») и обязывался, став королем, выплатить все долги, сделанные либеральными правительствами. Ранее такие уступки были неприемлемы для лидеров карлистов. Еще более новаторской для карлистского дискурса была самопрезентация дона Хуана: он заявлял о своих правах на корону, потому что к этому его вынуждали «nacimiento y el amor a mi Patria» («право рождения и любовь к Родине»), и обещал провести в Испании реформы, которые будут способствовать «bienestar de la Patria»¹⁶³ («благополучию Родины»). В тексте отсутствует обычная для более ранних карлистских текстов религиозная мотивировка восстания против либерального правительства. Автор обещает своим сторонникам экономическое благополучие, что нехарактерно для карлистского дискурса 1830–1850-х гг.: ранее материальные блага либо не упоминались, либо интерпретировались как «побочное следствие» торжества религии и нравственности. Кроме того, дон Хуан собирается провести реформы, в то время как раньше в карлистском дискурсе любые инновации представлялись как возврат к ранее утраченным традициям.

¹⁶³ Manifiesto (04.07.1860) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXII. P. 205–206.

Дискурсная формация текстов дона Хуана III сильно отличалась от дискурсной формации большинства остальных сторонников движения. Претендент на престол подвергся жесткой критике со стороны принцессы де Бейра и фактически утратил легитимность в глазах большей части карлистов. Реакцией на «карлистский либерализм» дона Хуана стала политика его сына дона Карлоса-младшего, руководство движением которого характеризовалось поворотом «вправо». Дон Карлос-младший использовал тактики презентации и обещания не так, как его отец. В текстах 1870-х гг. отмечается возвращение к дискурсивным практикам, свойственным 1830–1840 гг. Новый лидер карлистов заявляет о своих правах на престол «ante Dios» («перед Богом») (а не в силу тех или иных юридических особенностей законодательства о престолонаследии). Дон Хуан предлагал испанцам экономическое «благополучие»; его сын обещает им «*memoria de nuestros padres <...> salvación de nuestros hijos*»¹⁶⁴ («память о наших отцах <...> спасение нашим детям»). В контексте манифеста, апеллирующего к Богу, понятно, что речь идет о спасении души. Таким образом, дон Хуан делает акцент на материальных благах, в то время как его сын рассуждает исключительно о духовной стороне поддержки карлизма. При этом дон Карлос-младший не гарантирует напрямую отпущение грехов, но обещает построить общество, основанное на нормах морали и религии и создающее условия для праведной жизни для его членов.

(6) Тактика прогнозирования. Заключается в предсказании событий в будущем. В отличие от научной аналитики, которая стремится к беспристрастности и опирается на объективные факты, прогнозирование в политическом дискурсе является субъективным суждением, которое подкрепляет позиции актора. Это прогнозирование может касаться как тех негативных последствий, к которым приведет победа противников автора текста, так и, наоборот, положительного эффекта от прихода к власти определенных сил.

¹⁶⁴ Manifiesto de La Tour de Peilz (08.12.1870) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIII. Vol. II. P. 147–149.

Для карлистского дискурса в XIX в. тактика прогнозирования в целом не свойственна: ее использование подразумевает создание формально нейтрального текста, который создает у реципиента иллюзию объективного прогнозирования дальнейшего развития ситуации. Однако высокая степень агональности и эмоциональности, свойственная карлистским текстам XIX в., превращает прогнозы в категоричные утверждения, обычно не подкрепленные аргументацией. Тактика прогнозирования начинается употребляться в карлистском дискурсе с начала XX в. Так, именно на ней строится манифест дона Альфонсо Карлоса от 23 января 1932 г. Автор «анализирует» первые месяцы существования республиканского режима в Испании, установленного в апреле 1931 г. Он указывает, что страной управляют «Cortes sectarias» («сектантские Кортесы», то есть парламент) и предсказывает целый ряд негативных последствий, которые должны были испугать любого католика, от гонений на Церковь до разрушения традиционной семьи. Рассуждения лидера карлистов заканчиваются следующим прогнозом: «La realidad nos demuestra que por los derroteros que hasta ahora ha seguido esta segunda República española no es más viable que la primera»¹⁶⁵ («Реальность показывает нам, что по путям, по которым до нынешнего момента следовала эта вторая испанская Республика, можно заключить, что она будет не более жизнеспособной, чем первая»). Напомним, что Первая испанская республика просуществовала менее двух лет в 1873–1874 гг. Прогноз дона Альфонсо Карлоса оказался верным, и Вторая испанская республика через несколько лет оказалась уничтожена в результате Гражданской войны. Логика рассуждений лидера карлистов соответствует дискурсной формации его движения. В то же время с точки зрения сторонников левых партий, Республика погибла не по причине утраты испанцами морально-нравственных ценностей, но вследствие заговора правых политических сил.

(7) Тактика предупреждения. Близка к тактике прогнозирования. Автор текста предупреждает о негативных последствиях, к которым может привести

¹⁶⁵ Manifiesto de Alfonso Carlos (23.01.1932) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 19–21.

победа противника. Если в рамках реализации тактики прогнозирования создается иллюзия аналитического осмысления данных, то тактика предупреждения скрывает от аудитории ход рассуждений автора текста.

Например, тактику предупреждения использует священник Х. Мерино, поднявший в 1833 г. восстание в Кастилии. Он утверждает, что Мария-Кристина оказалась во власти неких «*gentes interesados*» (*sic*, в форме м. р.) («заинтересованных людей»), действия которых приведут к уничтожению в Испании самого института монархии¹⁶⁶. Никакого обоснования данного заявления в тексте не представлено. На самом деле, автору было бы сложно привести объективные аргументы, которые бы объясняли, почему испанские либералы, среди которых противников монархического строя на тот момент было очень мало, представляют угрозу для трона. Однако аудитория данного текста, которую составляла наиболее консервативная часть общества, воспринимала предупреждения такого рода как объективные прогнозы.

В 1833 г. республиканцы составляли меньшинство среди противников карлистов; кроме того, на тот момент в Испании не было никакой партии или политического объединения, которые бы открыто призывали к свержению монарха, однако Х. Мерино предупреждал об угрозе для королевской власти. Столетие спустя лидер карлистов дон Альфонсо Карлос аналогичным образом экстраполировал идеологические установки отдельных левых групп на всех сторонников республиканской власти в Испании. В своем манифесте 6 января 1932 г. он предупреждает о «*terrible amenaza del comunismo*»¹⁶⁷ («ужасной угрозе коммунизма»), несмотря на то что в тот момент Коммунистическая партия Испании была немногочисленной, и ее шансы на приход к власти были невысокими. Однако концепт «коммунизм» в массовом сознании испанцев ассоциировался с событиями революции в России и с Советским Союзом; гипотетический приход к власти коммунистов мог пугать типичного сторонника

¹⁶⁶ Proclama de Merino (23.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 304–305.

¹⁶⁷ Manifiesto de Alfonso Carlos (06.01.1932) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 15–19.

карлизма больше, чем гораздо более реальная перспектива установления социалистического режима.

(8) Тактика иронизирования. Использование в тексте иронии, риторического приема, при котором отдельные лексические единицы или целые высказывания приобретают смысл, противоположный своему основному лексическому значению. Эффект воздействия на аудиторию достигается благодаря контрасту между произнесенным высказыванием и его истинным смыслом. Н. Б. Руженцева отмечает, что в современной политической коммуникации ирония играет важную роль «вследствие ограничений в использовании прямых инвективных средств для умаления чьего-либо авторитета» [Руженцева, 2004: 68].

А. А. Горностаева, анализируя данное явление, указывает, что в русском языке вплоть до недавнего времени существовала «четкая грань между дискурсом, допускающим иронию и юмор (семейный, бытовой, дружеская беседа) и официальной речью, для которой характерно затрагивание серьезных тем, не допускающих шуток (политический, профессиональный, научный дискурс)» [Горностаева, 2014: 66]. Аналогичное наблюдение можно сделать применительно к институциональному карлистскому дискурсу, в котором ирония встречается крайне редко. Такие жанры, как манифест или приказ по армии не подразумевают использование юмора. Соответственно, ирония встречается преимущественно в карлистской публицистике или мемуаристике.

Тем не менее в отдельных официальных документах карлистского движения можно встретить примеры употребления тактики иронии. Как правило, ирония встречается в текстах, созданных «на периферии» движения. Их авторами являются деятели, далекие от претендента на престол или генерального штаба карлистской армии. Главнокомандующий карлистскими войсками в Маэстразго Р. Кабрера в 1835 г. выпустил обращение к своим солдатам, в котором указывал на репрессии либерального правительства, способствовавшие притоку добровольцев под знамена дона Карлоса. «Pronto tendremos un ejército si nuestros enemigos

continúan así»¹⁶⁸ («Скоро у нас будет целая армия, если наши враги будут продолжать в таком духе»), – заявляет генерал с определенной долей иронии. Войска Р. Кабреры действовали практически независимо от основной армии дона Карлоса, а сам военачальник создал на подконтрольной ему территории собственное государство в государстве [Терещук, 2023d: 15]. По всей видимости, независимость в принятии военных и даже политических решений сочеталась у Р. Кабреры со свободой от жестких правил написания официальных текстов.

(9) Тактика провокации. Представляет собой попытку спровоцировать оппонента на осуществление действий, которые в конечном итоге нанесут ему вред. Особенности провокации являются ее преднамеренность и негативный характер последствий для вовлеченного в провокацию участника коммуникации [Иссерс, 2009: 93]. О. Л. Михалева пишет, что осуществление данной тактики возможно только «в условиях прямого диалога» [Михалева, 2009: 68]. Нам представляется, что в отдельных случаях тактика провокации может встречаться в разных жанрах политического дискурса, в том числе в письменной коммуникации. Классическим примером использования тактики провокации в политическом дискурсе является эпизод с Эмской депешей в 1870 г. Канцлер Пруссии О. фон Бисмарк удалил несколько предложений из текста телеграммы с отчетом о переговорах прусского короля Вильгельма I и французского посла В. Бенедетти. Сокращенный текст депеши, переданный О. фон Бисмарком для публикации в берлинских газетах, заканчивался фразой: «Seine Maj. der König hat es darauf abgelehnt, den Franz. Botschafter nochmals zu empfangen, und demselben durch den Adjutanten vom Dienst sagen lassen, dass S. Majestät dem Botschafter nichts weiter mitzuteilen habe» («Тогда Его Величество отказался принять французского посла и велел адъютанту передать, что более не имеет ничего сообщить ему»), то есть из текста была опущена концовка, в которой сообщалось о готовности Пруссии продолжить переговоры. Публикация сообщения в таком виде вызвала

¹⁶⁸ Proclama de Cabrera a los voluntarios // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IX. P. 257.

возмущение французов и была использована Наполеоном III в качестве повода к войне (чего и добивался О. фон Бисмарк) [Латышев, 2017: 300].

В проанализированных материалах мы не зафиксировали таких же ярких примеров политической провокации, как история с Эмской депешей, однако некоторые из текстов, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу, используют тактику провокации. Например, в 1834 г. командующий Северной армией кристинос В. де Кесада и руководитель карлистского восстания в Наварре Т. де Сумалакарреги обменялись серией писем. Генерал правительственных войск склонял своего оппонента к переговорам и почетной капитуляции. Естественно, изначально переписка сохранялась в тайне, однако 8 марта 1834 г. Т. де Сумалакарреги сообщил о предложениях В. де Кесады, выпустив официальное обращение к жителям Наварры. Карлистский главнокомандующий именовал В. де Кесаду «principal caudillo de la revolución» («главным вождем революции»), что едва ли могло понравиться крайне консервативному генералу кристинос, и заявлял: «No es en Noain, como pretende el sanguinario Quesada, donde ha de avistarse con los jefes del ejército de Navarra, sino en el campo de batalla»¹⁶⁹ («Не в Ноайне (*деревня в Наварре*. – прим. А. Т.) – как предлагает кровожадный Кесада – надо встречаться с командованием армии Наварры, а на поле боя»). И стилистика всего документа, и сам факт ответа на частное письмо через общедоступный и растиражированный документ, по всей видимости, эмоционально дестабилизировали В. де Кесаду, то есть одна из основных целей использования провокации в политическом дискурсе была достигнута [Иссерс, 2009: 100–103]. Так, 18 апреля того же года в частном письме командующий либеральной армией следующим образом отзывался о Т. де Сумалакарреги: «Vil, ladrón, cobarde y asesino Zumalacárregui, para el que nunca habrá perdón»¹⁷⁰ («Подлец, трус, вор и убийца Сумалакарреги, которому никогда не будет прощения»). Вскоре после описанных событий, в апреле – мае

¹⁶⁹ Proclama de Zumalacárregui a los navarros (08.03.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. P. 278–280.

¹⁷⁰ Zaratiegui, J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui. P. 572.

1834 г., В. де Кесада допустил ряд просчетов, связанных с недооценкой противника, и в июне того же года был смещен со своего поста [Lawrence, 2014: 54].

Проведенный анализ показывает, что таксономия коммуникативных тактик и стратегий, существующая в исследованиях современного политического дискурса, в целом применима и при изучении той или иной дискурсивной разновидности в диахронической перспективе. Некоторые коммуникативные тактики (например, тактики прогнозирования, обещания или «анализ-плюс») практически не встречаются в текстах, относящихся к XIX – началу XX вв., но фиксируются в карлистском дискурсе конца XX в. Использование других тактик в проанализированных текстах XIX в. заметно отличается от того, как данные способы воздействия употребляются в современности. Например, при обращении к тактике угрозы карлисты используют также «религиозную угрозу», несвойственную политическому дискурсу в XXI в.

Употребление различных коммуникативных тактик и стратегий в институциональном карлистском дискурсе с целью воздействия на реципиента позволяет говорить о том, что на протяжении всей истории своего существования карлисты вели против своих противников информационно-психологическую войну.

3.3. Интердискурсивные стратегии информационно-психологической войны в карлистском политическом дискурсе

А. П. Сковородников и представители его научной школы выделяют два вида информационной войны: информационно-техническую и информационно-психологическую. Первый тип связан с воздействием на системы связи противника [Сковородников, 2016: 43]. Очевидно, что в XXI в. такое воздействие может привести к не менее тяжелым последствиям, чем использование конвенционального вооружения. Однако для нашего исследования информационно-техническая война не является релевантным объектом для

анализа: в XIX – начале XX вв., когда карлисты пытались прийти к власти вооруженным путем, данный вид ведения боевых действий еще только начинал развиваться. Кроме того, его изучение в первую очередь относится к военнотехническим наукам, а не к языкознанию. В то же время информационно-психологическая война существовала еще в глубокой древности: Р. Р. Юсупова и Р. Р. Теплых отмечают, что «даже в догосударственную эпоху вожди/шаманы придумывали и распространяли порочащие соседей слухи для обоснования нападения на них» [Юсупова, 2017: 163]. Изучение данного вида войны находится в сфере интересов лингвистов, политологов, психологов и социологов.

Информационно-психологическая война определяется как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сковородников, 2016: 43]. Информационно-психологическая война не сводится только к использованию языка; в первую очередь, как подчеркивает А. Б. Алексеев, речь идет о «противостоянии дискурсов» и «столкновении идеологий» [Алексеев, 2024а: 8]. Целью этого противостояния являются дезинформация и деморализация противника и одновременно защита собственного населения от информационно-психологического воздействия противоположной стороны. Такое воздействие со стороны оппонента часто называют «пропагандой». Конечно, как показывают Э. Херман и Н. Хомский, далеко не любая пропаганда является эффективной [Herman, 2002: XII] – плохо подготовленное информационно-психологическое воздействие может произвести обратный эффект.

А. А. Хабаров использует термин ‘идеологическая поляризация дискурса’, под которой понимает

«психолингвистический механизм актуализации в речевом акте коммуникативных стратегий по навязыванию объекту воздействия системы идей и ценностей, заключенных в схему бинарной семантической антиномии “свой–чужой”, с целью концептуальной трансформации его языковой картины мира и имплицитного манипулирования вербальными формами осмысления и восприятия окружающей действительности» [Хабаров, 2021: 83–84].

Эта поляризация характерна в первую очередь для массового идеологического воздействия в рамках информационно-психологической войны, хотя теоретически может проявляться и в жанрах политического дискурса, ориентированных на более узкую аудиторию (например, в частном разговоре о политике). Для обозначения комплексной коммуникативной методики применения «совокупности вербальных и невербальных средств идеологического воздействия на сознание массового адресата с целью управления его социальным поведением путем (ре-)концептуализации языковой картины мира в дискурсе» А. А. Хабаровым вводится термин ‘интердискурсивная стратегия’ [Хабаров, 2022b: 302].

Использование интердискурсивных стратегий связано с воздействием на концепты, существующие в сознании человека. Ю. С. Степанов определял концепт как «сгусток культуры в сознании человека <...> “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [Степанов, 1997: 43]. Он является сложной ментальной сущностью, связанной с различными аспектами человеческого знания и опыта [Rubert, 2021: 457]. Как отмечал Д. С. Лихачев, «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1999: 151]. Поэтому передача концептов одной коммуникативной культуры на языке другой культуры – сложная задача, требующая учета целого ряда лингвокультурологических данных. Так, например, сформировавшийся в немецкой лингвокультуре концепт «Ordnung» («порядок»), ставший важным

компонентом немецкого языкового сознания, не может быть в полной мере передан на других языках, хотя, естественно, можно легко подобрать иноязычные эквиваленты для данной лексемы [Вежбицка, 1999: 606]. Интердискурсивные стратегии реконцептуализируют сознание реципиента, внедряют в него новые концепты взамен старых. В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу концептов в исторической перспективе, то есть оно находится в рамках выделяемой Л. А. Кочетовой диахронической концептологии [Кочетова, 2015: 324].

А. А. Хабаров выделяет пять интердискурсивных стратегий информационно-психологической войны. Он отталкивается от предположения, что «процессы упорядочивания информационного взаимодействия в массовой коммуникации осуществляются по системным алгоритмам, позволяющим формировать интердискурсивное пространство воздействия на сознание целевой аудитории» [Хабаров, 2022а: 174]. Использование интердискурсивных стратегий в рамках информационно-психологической войны в первую очередь характерно для XXI в., когда с развитием средств коммуникации у акторов политического дискурса появилась возможность воздействия на широкие массы населения. Очевидно, что в XIX и на протяжении большей части XX в. это воздействие было гораздо менее эффективным. Соответственно, в этот период карлисты не имели возможности планомерной реализации интердискурсивных стратегий (а в настоящее время скромные ресурсы двух карлистских политических партий не позволяют осуществить полномасштабную кампанию по информационному воздействию на население). Тем не менее можно отметить отдельные элементы реализации интердискурсивных стратегий в истории развития карлистского дискурса.

(1) **Интердискурсивная стратегия креолизации.** Представляет собой подмену «семантики речевых знаков через видоизменение их формы при помощи элементов неязыковых семиотических систем» [Хабаров, 2022б: 304], то есть исходный текст изменяет свой смысл и начинает восприниматься по-новому.

А. А. Хабаров отмечает, что в первую очередь стратегия креолизации осуществляется в рамках коммуникации в интернете; одним из способов ее реализации являются мемы. К стратегии креолизации относится и демонстрация определенных символов; исследователь приводит пример с использованием некоторыми современными музыкальными коллективами «сатанинской» символики или жестов, которые могут восприниматься как намек на сатанизм [Хабаров, 2022b: 553–555]. Нам представляется, что интердискурсивная стратегия креолизации встречается и в политических дискурсах других эпох и может реализовываться не только через интернет или средства массовой коммуникации. Так, в 1789 г., во время Французской революции, адвокат К. Демулен, обращаясь к толпе участников протестов, надел на свою шляпу кокарду. Этот аксессуар превратился в вестиментарный знак, который маркировал политические взгляды его обладателя: впоследствии сине-красно-белые кокарды носило большинство революционеров. Важно отметить, что это семиотическое «превращение» возможно только тогда, когда все участники коммуникации «владеют соответствующим культурно-семиотическим кодом» [Терехова, 2017: 74].

Аналогичный пример можно зафиксировать в карлистском политическом дискурсе. Так, символом карлистского движения стал красный берет [Терещук, 2025с: 37]. Как писал Р. Барт, одежда «всегда содержит в себе и сигналетическое начало, поскольку любая функция является как минимум знаком себя самой; рабочая спецовка служит для труда, но одновременно и демонстрирует этот труд» [Барт, 2003: 298]. Во второй половине XIX в. эймоним *boina roja* («красный берет») не только превратился в один из символов карлизма, но и стал использоваться как метонимическое наименование его сторонников. В ходе Первой Карлистской войны (1833–1840) карлисты носили береты, но не только красного, но и других цветов [Barbadillo de la Fuente, 2018: 126]. Более того, отметим, что в начале конфликта головные уборы именно красного цвета ассоциировались с либералами: иррегулярные подразделения в либеральной армии получили наименование *chapelgorris* («чапельгоррис»; досл. «красные

шляпы») от баск. *txapel gorri* («красная шляпа»). При переводе на русский язык мы используем лексему *чапелгоррис*, которая фиксируется на страницах отечественной прессы 1830-х гг. [Терещук, 2023с: 384]. Такого рода культурно-маркированная лексика помогает в «остранении или дистанцировании описания от привычного читателю культурного окружения» [Белоглазова, 2019: 43].

К концу войны 1833–1840 гг. берет превратился в вестиментарный знак, использовавшийся в политической коммуникации. Показательно, что в 1838 г. либералы запретили ношение берета как элемента гардероба, ассоциировавшегося с карлизмом [Martínez Dorado, 2000: 49]. Впрочем, по всей видимости, этот запрет просуществовал недолго: уже во второй половине XIX в. берет черного цвета стал самым распространенным крестьянским головным убором по всей территории Испании. Берет красного цвета также получил распространение, но в качестве знака, обладавшего политическим содержанием [Fuentes, 2020: 243]. М. Вайреда писал, что накануне Третьей Карлистской войны (1872–1876), антикарлистски настроенная толпа могла напасть на любого прохожего в красном берете, обвинив его в принадлежности к карлизму¹⁷¹. Метонимическое наименование карлистов как «красных беретов» получило широкое распространение в художественной литературе, публицистике и даже институциональном дискурсе движения в конце XIX – начале XX вв. Один из карлистских журналов 1930-х гг. получил именно такое название («*Boinas Rojas*») [Recio, 2024: 43]. В этот же период данный эймоним был заимствован языком русской военной эмиграции в Испании, причем, как и в испанском языке, употреблялся не только как наименование предмета одежды, но и метонимически [Терещук, 2025е: 258–259]. Наконец, метонимия употребляется в тексте карлистского гимна «Марш Ориаменди» (см. приложение G): «*Cueste lo que cueste se ha de conseguir que los boinas rojas entren en Madrid*» («Чего бы этого ни стоило, надо добиться того, чтобы красные береты вошли в Мадрид») [Nagore, 2010: 26]. В данном примере отметим употребление артикля м. р. *los* перед именем существительным *boinas*, что подтверждает то, что в

¹⁷¹ Vayreda, M. Records de la darrera carlinada. P. 16.

данном случае речь идет о метонимии, а не о метафоре. Употребляясь метонимически, существительное *boina* относится к общему роду (исп. «género común»).

Таким образом, головной убор, которые носили некоторые жители севера Испании, превратился в знак, обладающий политическим содержанием – в символ карлистского движения.

(2) Интердискурсивная стратегия вторичной вербальной номинации.

Представляет собой «функциональную замену внешней (материальной) формы знака при сохранении реального референциального отношения, приводящего к нарушению аксиологического и концептуального осмысления знака в речи» [Хабаров, 2022b: 310]. Так, в дискурсе исламских радикалов боевики, совершающие теракты, именуются «мучениками», что, соответственно, ведет к реконцептуализации языковой картины мира у реципиентов данного дискурса. Данная стратегия часто оказывается эффективной, потому что вторичная номинация основывается на ассоциативном характере человеческого мышления [Хорохордина, 2016: 114]. Ассоциативное переосмысление упрощается благодаря тому, что часто при использовании данной интердискурсивной стратегии первичная и вторичная номинации знака имеют некоторые общие признаки.

Стратегия вторичной вербальной номинации реализуется путем имплицитного внедрения в сознание человека новых идеологем. Проблема функционирования и диахронических изменений в употреблении идеологем в карлистском дискурсе была рассмотрена выше; в настоящем разделе мы рассмотрим примеры аксиологического переосмысления некоторых лексических единиц в карлистском дискурсе и их трансформацию в идеологемы. Кроме того, некоторые идеологемы, употреблявшиеся в антикарлистском дискурсе, получали новое содержание в дискурсе карлизма. Так, например, идеологема *revolución* в дискурсе противостоявших карлистам левых движений приобретала положительные коннотации и воспринималась как законная цель политической борьбы [Brennan, 1960: 186–187]. В институциональном дискурсе карлистов слово

revolución часто сопровождалось эпитетом *impía* («безбожная») [Терещук, 2024b: 104], а сама революция интерпретировалась исключительно как отрицательное явление (за исключением дискурса левого карлизма).

Другие примеры вторичной вербальной номинации в карлистском дискурсе приводятся в таблице № 1. Мы указываем коннотативное оценочное значение слов во властном дискурсе, а далее указываем, как оно изменялось в карлистском дискурсе в различные периоды: в 1833–1876 гг. (от возникновения карлизма до окончания Третьей Карлистской войны), в 1876–1936 гг. (период парламентской борьбы, от завершения Третьей Карлистской войны до прихода к власти правительства Народного фронта), в 1936–1939 гг. (Гражданская война), в 1939–1975 гг. (период франкистской диктатуры); после 1975 г. (после смерти Ф. Франко и начала демократических реформ) – отдельно в левом и правом карлизме. Для франкистского периода мы не проводим разделения между властным дискурсом и дискурсом карлизма: в 1939–1975 гг. карлисты были интегрированы в структуру режима, и карлистский дискурс стал частью франкистского (его «национал-католической разновидностью» в терминологии П. Гомеса Ногалеса [Gómez Nogales, 2016]). Положительное оценочное значение лексической единицы обозначается знаком «+», отрицательное – «–», нейтральное – «+/-». Некоторые из приведенных в таблице слов функционировали как идеологемы (то есть содержали определенный директив), другие в определенных контекстах были лишены директива, связанного с политической коммуникацией.

Подчеркнем, что вторичная вербальная номинация представляет собой сложный многовекторный процесс, и рекатегоризация мира никогда не затрагивает абсолютно всех сторонников того или иного политического движения. На индивидуальном уровне всегда встречаются отклонения от господствующих в дискурсивном сообществе нарративов. Так, выше приводился пример заявления Р. Гамбры в 2012 г. относительно нынешней испанской конституции: «a la

Constitución ha de votarse no por el mero hecho de ser Constitución»¹⁷² («надо всегда голосовать против Конституции просто потому, что речь идет о Конституции»). Высказывание одного из лидеров правых карлистов соответствует дискурсивным практикам сторонников дона Карлоса на раннем этапе существования движения, но диссонирует с содержанием идеологемы *constitución* в дискурсе современного карлизма. Таким образом, определяя оценочное коннотативное значение в результате вторичной вербальной номинации, мы отражаем в таблице основные тенденции, господствующие в рассматриваемом дискурсивном сообществе в указанный период.

слово	перевод на русский язык	183 3–1876		18 76–1936		19 36–1939		939– 1975	1975–по н.в.		
		Д	Д	Д	Д	Д	Д		Д	КД	КД
altar	алтарь	/-		/-					/-		/-
anarquismo	анархизм										/-
carlismo	карлизм								/-		
comunismo	коммунизм			/-					/-		
conservadurismo	консерватизм	/-		/-					/-		
constitución	конституция				/-		/-			/-	
cruzada	крестовый поход								173		
derecha	правые		174						/-		

¹⁷² Gamba, R. Un «no» reduplicativo a la Constitución. Режим доступа: <https://carlismo.es/un-no-reduplicativo-a-la-constitucion/>.

¹⁷³ Отрицательные коннотации в контексте интерпретации истории Гражданской войны 1936–1939 гг., которая в дискурсе франкизма именовалась *cruzada* («крестовый поход»).

¹⁷⁴ Конечно, понятия «левые» и «правые» были известны в европейской политической коммуникации еще с конца XVIII в., однако вплоть до XX в. для карлистов было нехарактерно позиционирование себе как «правых».

Dios	Бог										
España	Испания					/-					
fueros	фуэрос					/-			/-		
independencia	независимость										
izquierda	левые								/-		
liberalismo	либерализм					/-					
Patria	Родина					/-					
patriota	патриот					/-					
religión	религия								/-		
revolución	революция										
rey	король										
Rusia ¹⁷⁵	Россия										/-
tradición	традиция	/-	/-	/-					/-		/-

Таблица № 1. Изменения в коннотативном значении некоторых лексических единиц в карлистском дискурсе

Условные обозначения:

ВД – властный дискурс

КД – карлистский дискурс

ПКД – правый карлистский дискурс

ЛКД – левый карлистский дискурс

+ – положительное оценочное значение

- – отрицательное оценочное значение

+/- – нейтральное оценочное значение

¹⁷⁵ На протяжении большей части XX в. представители всех политических партий в Испании понимали под «Россией» Советский Союз, даже несмотря на участие в карлистском движении русских белых эмигрантов.

Х - лексическая единица в данную эпоху не употреблялась либо не играла важной роли в политической коммуникации

(3) Интердискурсивная стратегия ментального картирования.

Заключается в навязывании аудитории «потенциальных целей, мотивов и шаблонов социальных действий на основе ассоциативных апелляций к определенным образам и схемам осмысления окружающей действительности, сценариям и моделям социального поведения, сформировавшимся в сознании массового адресата как пресуппозитивное знание», которое также может быть определено как «ментальная карта» [Хабаров, 2022b: 319]. Данное пресуппозитивное знание может закладываться в сознание человека через произведения искусства (книги, музыку, фильмы, изобразительное искусство) или через интеграцию в общество новых поведенческих моделей (в терминологии французской школы дискурс-анализа – «преконструкт»). Соответственно, тексты, относящиеся к институциональному дискурсу, играют второстепенную роль в реализации данной стратегии, и в карлистском дискурсе она не представлена. Она связана с социологической технологией «Окна Овертона», или «Окна дискурса». Эта технология направлена на легализацию изначально неприемлемых в том или ином обществе идей. Обсуждаемая идея проходит несколько стадий, от стадии «Немыслимо» до стадии «Политика/норма» [Якоба, 2019: 177–178]. Этот процесс происходит в течение долгого времени, десятилетий или даже столетий: например, когда в 1619 г. в Северную Америку начали завозить африканских рабов, жители колоний не могли себе представить, что когда-нибудь чернокожее население получит равные права с белыми. Три с половиной столетия спустя это произошло, и в настоящее время воспринимается как норма.

(4) Интердискурсивная стратегия полифонического профилирования.

Представляет собой «формирование в социокультурном пространстве массовой коммуникации системы голосов участников дискурса», которые осуществляют «идеологическое воздействие на сознание массового адресата за счет частотных репрезентаций идеологических концептов» [Хабаров, 2022b: 332]. Большое

количество участников коммуникации, которые пользуются определенным общественным влиянием (популярные журналисты и блогеры, спортсмены и музыканты, политики и различные организации и др.) в своих публичных текстах начинают продвигать определенную идеологическую повестку, в результате чего образуется полифонический, многоголосый текст. Как показала Ю. Кристева, «в полифоническом тексте идеологии моделируются с помощью той инстанции, которой как раз и является расщепленный субъект: эти идеологии рассредоточены в интертекстовом пространстве — в “промежутке” между различными “я”» [Кристева, 2004: 21]. Из многочисленных выступлений складывается одна общая идеологическая «картина». Так, пример полифонического профилирования мы видим на примере ситуации с выборами в США: одна группа «голосов участников дискурса» образует полифонический текст сторонников Республиканской партии, другая – сторонников Демократической.

Аналогичным образом можно рассматривать полифоническое профилирование на примере истории карлизма. Авторами анализируемых в настоящей главе текстов является не деперсонализированная абстрактная верхушка движения, но большое количество людей, образовавших элиту карлистской Испании. Эти люди занимали руководящие должности в административной и военной иерархии карлизма и воздействовали на население, регулярно воспроизводя одни и те же идеологические установки. Например, идея о том, что дон Карлос действует «под покровительством» высших сил, высказывалась одновременно разными людьми, участвовавшими в карлистском движении в различных регионах страны. Например, 29 января 1834 г. дон Карлос в манифесте, обращенном к жителям Эстремадуры, утверждал, что «*estoy muy distante de renunciar los derechos indisputables que me concedió Dios*»¹⁷⁶ («я далек от того, чтобы отказаться от неоспоримых прав (на престол – прим. А. Т.), которые мне даровал Господь»). 1 ноября 1835 г. командующий карлистскими войсками в Гипускоа Х. М. Сагастибельса в воззвании к жителям этой провинции определил

¹⁷⁶ Manifiesto a los extremeños (29.01.1834) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. P. 251.

карлизм как «causa de Dios y del Rey» («дело Бога и Короля») и подчеркнул, что воцарение дона Карлоса на престоле приведет к восстановлению «Religión en España»¹⁷⁷ («Религии в Испании»). 18 июля 1836 г. бригадир М. Гомес в Сантьяго-де-Компостела выпустил обращение к жителям Галисии, в котором заявлял, что дон Карлос является «protegido visiblemente por la Divina Providencia»¹⁷⁸ («находящимся под явственной защитой Божественного Провидения»). Мы взяли только три примера из текстов, распространявшихся в разных частях полуострова, однако такого рода высказываний было гораздо больше. Их совокупность оказывала идеологическое воздействие на массового адресата.

(5) Интердискурсивная стратегия идеологической поляризации. Заключается в формировании групповой идентичности в рамках оппозиции «свой» – «чужой». Для осуществления этой стратегии может использоваться коммуникативная тактика размежевания. Привнесение в сознание реципиента идеи «опасности», которая исходит со стороны «чужого», является распространенной стратегией многих политических групп [Кузьминская, 2016: 49]. Как показывают последние исследования, даже в современных демократических государствах, в которых культивируются идеи терпимости и уважения к чужой точке зрения, отмечается высокий уровень «аффективной поляризации» («affective polarization»), понимаемой как ситуации, в которой граждане одного государства испытывают друг другу сильную антипатию, основанную на их политических взглядах. Эта антипатия характерна не только для приверженцев ультралевых или ультраправых партий, но и для формаций, позиционирующих себя как «центристские», «умеренные» и «либеральные» [Harteveld, 2021]. «Градус» аффективной поляризации мог быть значительно выше в другие эпохи, когда политический антагонизм накладывался на религиозные противоречия. Интердискурсивная стратегия идеологической поляризации

¹⁷⁷ Proclama de Sagastibelza a los voluntarios guipuzcoanos (01.11.1835) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo VIII. P. 283–284.

¹⁷⁸ Proclama del General Don Gómez y Damas a los gallegos (18.07.1836) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XII. P. 295–296.

заключается в искусственном усилении естественных тенденций к аффективной поляризации, расколе общества на сегменты.

В разделе, посвященном коммуникативных тактик и стратегий, мы проанализировали использование карлистами стратегии на понижение, которая была направлена на создание отрицательного образа противника. Употребление по отношению к либералам таких лексем, как *traidores* («предатели»), *asesinos* («убийцы») или *caribes*, («караибы», то есть «дикари») способствовало дегуманизации противника и приводило к неоправданной жестокости по отношению неприятелю во время боевых действий или к взаимному отчуждению в мирные периоды. Так, в 1834 г., после боя у Алегриа-де-ла-Алава, карлисты закололи пиками около сотни сдавшихся в плен солдат кристинос [Терещук, 2023а: 181]. Такая жестокость приводила к эскалации насилия, потому что правительственные войска в ответ регулярно расстреливали пленных карлистов; о масштабе этих взаимных репрессий свидетельствует тот факт, что английское правительство в следующем году отправило в Испанию специальную миссию, которая занималась проблемами военнопленных [Терещук, 2024d: 122–123]. В качестве примера взаимного отчуждения между карлистами и их противниками можно привести рассказ английского писателя А. Мейсона «Скрещенные перчатки» («The Crossed Gloves», 1901), героиня которого не может остаться с человеком, которого любит, потому что она карлистка, а он служит в правительственной армии.

Ярким признаком поляризации, способствовавшим консолидации карлистов и их обособлению от других политических групп, стало появление у карлизма собственного гимна. Как известно, гимн (государства, партии или общественного объединения) является не просто музыкальным произведением, но представляет собой одну из разновидностей политического дискурса [Зотеева, 2013]. Помимо общих для любого вида текста параметров текстуальности (связности, целостности, интертекстуальности и др.), гимн «проявляет такие свойства, как образность, конвенциональность, автосемантичность, континуальность и

контекстуальность» [Чеснокова, 2024а: 977]. Гимн карлистов получил название «*Marcha de Oriamendi*» («Марш Ориаменди»). Название связано со сражением при Ориаменди 16 марта 1837 г., которое закончилось победой карлистов. По распространенной легенде, в обозе противника сторонники дона Карлоса захватили в качестве трофея ноты марша, к которому они впоследствии написали собственный текст [Oyarzún, 2008: 86]. Интересно, что известный испанский историк XIX в. А. Пирала в своей «Истории гражданской войны и либеральной и карлистской партий» подробно разбирает ход сражения, но не упоминает о захваченных карлистами нотах [Pirala, 1868–1871, IV: 33–44]. В то же время этот эпизод фигурирует в XIII томе «Истории испанского традиционализма» М. Феррера *et al.*, выпущенной в середине XX в. [Ferrer, 1941–1979, XIII: 43], и часто встречается в более поздних работах. Последние исследования, связанные с историей появления данного произведения, позволяют выдвинуть предположение, что автором музыки стал органист церкви Сан-Висенте в Сан-Себастьяне Х. Х. Сантестебан (1809–1884); версия о том, что ноты действительно были захвачены в качестве трофея представляется реалистичной: сражение произошло в нескольких километрах от Сан-Себастьяна, который в течение всей войны находился в руках либералов (и Х. Х. Сантестебан мог написать музыку для солдат, защищавших город) [Терещук, 2022а: 107–108].

По всей видимости, в 1830–1860-е гг. Марш Ориаменди исполнялся только баскском языке и, соответственно, не имел общеиспанского распространения. По этой причине А. Пирала мог не знать этой песни или не придавать ей большого значения. Однако с конца 1860-х гг. появляются различные версии данного произведения на испанском языке, и «Марш Ориаменди» становится одним из узнаваемых символов карлизма. Во время Гражданской войны (1936–1939) он получил статус «национальной песни» вместе с композициями «*Cara al sol*» («Лицом к солнцу») и «*El Novio de la Muerte*» («Жених Смерти»), то есть гимнами Испанской Фаланги и Испанского иностранного легиона. Декрет № 226 от 27 февраля 1937 г. указывал, что «слушать их необходимо стоя, отдавая дань

уважения Родине и чествуя память о славных испанцах, павших за нее во время Крестового похода»¹⁷⁹. К тому моменту получила распространение «каноническая» версия марша, которая в настоящее время является официальным гимном Традиционалистского объединения [Протасенко, 2008: 95]. Различные варианты текста «Марша Ориаменди» приводятся в приложении G к настоящей работе.

Таким образом, в карлистском политическом дискурсе отмечается использование отдельных элементов выделенных А. А. Хабаровым интердискурсивных стратегий информационно-психологической войны. В отличие от политической коммуникации в современности, в XIX и первой половине XX в. нельзя говорить о целенаправленном употреблении интердискурсивных стратегий. Тем не менее в ходе диахронического развития карлистского политического дискурса отмечаются попытки реконцептуализации языкового сознания жителей Испании.

Выводы к главе 3

1. В институциональном политическом дискурсе карлизма отмечается употребление ряда идеологем, которые сохраняют свою актуальность на протяжении всей истории существования данной дискурсивной разновидности, цементируя ее. Такие идеологемы, как *Dios, Patria, Rey, España(s), revolución, fueros, constitución* используются и в период карлистских войн (1833–1876), и в эпоху парламентской борьбы за власть (1876–1936), и в современном дискурсе карлизма. Несколько проанализированных идеологем фиксируются в карлистском дискурсе только в отдельные периоды его развития. Так, идеологемы *independencia* и *facció*n употребляются только в первые годы существования движения, но исчезают из карлистского дискурса во второй половине XIX в.; в то же время идеологема *tradición* начинает использоваться только с 1870-х гг. и становится одной из ключевых в карлистском дискурсе. Естественно,

¹⁷⁹ Decreto número 226 de 27.02.1937 // Boletín Oficial del Estado. 28.02.1937.

семантическое наполнение идеологием претерпевало на протяжении почти двухвековой истории движения определенные модификации, обусловленные изменением социально-экономического контекста и реалий политической жизни. Серьезный семантический сдвиг у анализируемых идеологием произошел в 1960–1970-е гг., после разделения карлистского движения на левое (социалистическое) и правое (национал-консервативное). В дискурсе левого карлизма происходит вторичная мифологизация ряда идеологием.

2. С целью оказания манипулятивного воздействия на аудиторию политики часто используют различные коммуникативные тактики и стратегии, являющиеся отражением агональной подфункции политического дискурса. В настоящем исследовании были выделены три основные коммуникативные стратегии (стратегия на повышение, стратегия на понижение и стратегия театральности), для реализации которых используются многочисленные коммуникативные тактики. Анализ текстов, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу, показывает, что данная классификация коммуникативных тактик и стратегий, разработанная отечественными исследователями на материале современной политической коммуникации, применима и в работах по исторической дискурсологии. Некоторые из выделенных коммуникативных тактик не встречаются или встречаются крайне редко в текстах, относящихся к XIX – началу XX вв., но появляются в карлистском дискурсе конца XX в. Тенденции употребления других тактик в диахронической перспективе отличаются от современного использования данных способов воздействия. Так, мы выделили такую разновидность угрозы, как «религиозная», которая встречается в карлистском дискурсе XIX в., но нехарактерна для политической коммуникации в XXI в.

3. Опираясь на новейшие исследования отечественных лингвистов, мы проанализировали употребление в карлистском дискурсе стратегий информационно-психологической войны, связанных с идеологической поляризацией дискурса. Данные стратегии, называемые «интердискурсивными

стратегиями», связаны с попыткой реконцептуализации языкового сознания индивида. Выделяется пять интердискурсивных стратегий (креолизации, вторичной вербальной номинации, ментального картирования, полифонического профилирования, идеологической поляризации). Применительно к карлистскому политическому дискурсу представляется некорректным говорить о целенаправленном употреблении данных стратегий; кроме того, их использование в информационно-психологической войне в первую очередь связано с возможностями современных средств коммуникации. Однако мы рассмотрели употребление отдельных элементов интердискурсивных стратегий карлистами и показали, что в XIX–XX вв. информационно-психологическая война имела значительно меньший масштаб, чем в наше время.

4. Проведенное исследование показало, что подавляющее большинство текстов, относящихся к институциональному карлистскому дискурсу, было написано на испанском языке. Данное наблюдение представляется закономерным: хотя в составе карлистского движения с момента его появления присутствовало большое число иностранцев, декларируемой целью карлизма был захват власти именно в Испании. Испанский язык выполнял роль официального средства коммуникации в карлистском движении. При этом другие разновидности карлистского дискурса (публицистика и мемуаристика) функционировали в полилингвальном пространстве. В следующей главе мы обратимся к их анализу.

ГЛАВА 4: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КАРЛИСТСКИЙ ДИСКУРС

В предыдущей главе мы проанализировали институциональный карлистский дискурс. Институциональный дискурс может быть противопоставлен персональному, или личностному (личностно-ориентированному) [Карасик, 2002: 199]. Естественно, граница между этими типами дискурса является условной в силу того, что агентами и реципиентами институционального дискурса являются люди. Несмотря на существование в нем определенных моделей, заданных клише и штампов, большая часть текстов, относящихся к институциональному дискурсу, имеет характерные черты, обусловленные индивидуальными особенностями его участников. При этом в большинстве случаев можно провести границу между институциональным дискурсом, связанным со взаимодействием между людьми в рамках определенных социальных ролей, и персональным. В. И. Карасик выделяет две основные разновидности персонального дискурса: бытовую и бытийную. В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу персонального бытийного дискурса, который «предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов» и в котором речь идет «о художественном и философском постижении мира» [Карасик, 2002: 290].

Это «постижение мира» осуществляется и в рамках политической деятельности. Отдельный участник политического движения может высказывать свои взгляды в частной беседе, публицистической статье, художественном тексте и др. Текст такого рода не является выражением официальной позиции партии и не подчиняется строгим правилам, существующим в институциональном дискурсе, однако он оказывает воздействие на реципиента и может являться

инструментом пропаганды. Таким образом, представляется оправданным разграничить институциональный политический дискурс и персональный политический дискурс карлизма. Мы выделяем три категории источников для изучения персонального карлистского дискурса: (1) газетно-публицистические тексты¹⁸⁰; (2) мемуарную литературу; (3) художественную литературу.

Отдельного внимания заслуживает проблема правомерности отнесения текстов карлистской публицистики к категории персонального дискурса. С одной стороны, как отмечает М. В. Ларионова, газетно-публицистический дискурс «включает в себя не только собственно газетные тексты, отражающие политическую тематику и составляющие его основу, но и разного рода публичные политические выступления, иные документы и свидетельства, независимо от их жанровой природы, появляющиеся в прессе и отражающие деятельность партий и общественных объединений» [Ларионова, 2015: 33]. Например, 18 (30) мая 1834 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» напечатала переведенное на русский язык воззвание Т. де Сумалакарреги к населению севера Испании¹⁸¹. Этот текст относится к институциональному дискурсу карлизма, при этом он появился в газете. В данном случае периодическое издание выступает в качестве канала для распространения информации.

С другой стороны, не все тексты, выходящие в прессе, сопровождаются указанием на авторство. В то время как в современных СМИ, как правило, новостные и аналитические публикации выпускаются с указанием конкретного автора или авторского коллектива, в XIX – начале XX вв. большая часть газетных текстов выходила без подписи. Так, по этой причине в диссертационном исследовании М. Р. Гутьеррес Каррерас, направленном на изучение публикаций в британской прокарлистской газете «Morning Post», большое внимание уделяется

¹⁸⁰ Конечно, тексты, относящиеся к газетно-публицистическому дискурсу, как это будет показано ниже, локализуются на стыке персонального и институционального дискурсов. В различные периоды времени разные издания могут больше тяготеть к тому или иному типу дискурса.

¹⁸¹ Санкт-Петербургские ведомости. 18.05.1834. № 113. С. 443 (здесь и далее: все даты выпуска номеров российских дореволюционных периодических изданий приводятся по юлианскому календарю – прим. А. Т.).

установлению авторства анализируемых текстов [Gutiérrez Carreras, 2023: 18–22]. В некоторых изданиях имя автора статьи зашифровывалось и указывалось одной заглавной буквой: например, именно такая система существовала в разделах лондонской «The Times», посвященных новостям из Испании в XIX в. [Gordon, 2025: 322]. Несмотря на это, мы относим публицистические тексты XIX – начала XX в. к категории персонального дискурса. Любой газетный текст того периода, даже оставаясь анонимным, в той или иной степени отражал индивидуальные особенности стиля его создателя. Кроме того, часто авторами крупных редакционных статей, публиковавшихся на первой полосе и представляющих наибольший интерес для исследования, являлся главный редактор, даже если его имя не фигурировало в тексте. Например, в 1907–1936 гг. главным редактором карлистской газеты «El Siglo Futuro» был М. Сенанте, которого испанский историк Э. Гонсалес Кальеха удачно охарактеризовал как «наиболее упорного теоретика насилия в традиционалистском лагере» [González Calleja, 2003: 114]. Резкие и полемичные редакционные статьи, как правило, выходили без подписи, но читатели знали, что их автором является М. Сенанте.

В настоящей главе мы анализируем художественные произведения, относящиеся к карлистскому дискурсу, мемуаристику участников движения, а также карлистский газетно-публицистический дискурс, разделяя его историю на три периода: (1) с 1833 по 1868 гг., период исключительно вооруженной борьбы; (2) с 1868 по 1936 гг., период парламентской борьбы в эпоху режима Реставрации и Второй республики; (3) после 1936 г., то есть время Гражданской войны, франкистской диктатуры и демократической Испании. В рамках данных периодов особенный интерес представляет анализ реакции карлистской прессы на наиболее релевантные события, под которыми понимается «любое изменение состояния социальной и природной реальности, локализованное в определенных пространственно-временных координатах, воспринимаемое субъектом (участником или очевидцем события) и оцениваемое им как обладающее личностной либо социальной значимостью» [Хомякова, 2015: 139]. Эти события с

точки зрения прессы являются «громкими» инфоповодами, привлекающими основное внимание СМИ и являющимися центральным объектом изучения в медиалингвистике [Волкова, 2017: 56]. Так, в первую очередь мы обращаемся к отображению в карлистском публицистическом дискурсе Первой Карлистской войны 1833–1840 гг., военно-политического кризиса в Испании в 1868–1876 гг., Первой Мировой войны 1914–1918 гг., Гражданской войны 1936–1939 гг., франкистской диктатуры и актуальной политической ситуации в Европе в первой половине 2020-х гг.

4.1. Карлистский газетно-публицистический дискурс

4.1.1. Карлистский газетно-публицистический дискурс в период гражданских войн (1833–1868)

Периодические издания начали появляться уже с первых лет существования карлистского движения. В то же время, как отмечает Ж. Канал, пресса стала основным инструментом деятельности карлистов после 1870-х гг.; на раннем этапе ее роль была «более скромной вследствие приоритета вооруженной борьбы» [Canal, 2023b: 2]. В ходе войны 1833–1840 гг. карлистская публицистика существовала в трех обособленных географических зонах, представлявших собой основные театры военных действий: «Северный фронт» (Наварра и баскские провинции), Маэстразго (часть современных Каталонии, Валенсии и Арагона) и Каталония. В этих регионах под постоянным контролем карлистов находилась определенная территория, на которой и выпускались периодические издания. К 1830-м гг. относится и первая попытка выпуска карлистской газеты за рубежом: в качестве подобного издания мы выделяем «Correspondance d'Espagne», выходившую на французском языке в Байонне. Она просуществовала недолгое время и была закрыта французскими властями, однако многие иностранные газеты консервативной направленности поддерживали карлистское движение и

публиковали тексты, которые могут быть отнесены к карлистскому политическому дискурсу.

Изначально карлистские газеты во всех регионах создавались для представления населению официальной точки зрения руководства движения на ход войны [Rújula, 2023: 14]. Изданием, которое выпускалось при «дворе» дона Карлоса, стала «Gaceta oficial», выходившая в Оньяте с 1835 по 1837 гг. и ставившая перед собой задачу «опровержения ложной информации», которую распространяла либеральная пресса [Pedrero González, 2025: 11]. Название и сам концепт газеты вдохновлялись примером «Gaceta de Madrid» – официального печатного органа мадридского двора, существовавшего с XVII в. Дон Карлос в карлистском дискурсе позиционировался как «законный монарх», который пытается подавить восстание в своей стране; хотя Мадрид находился в руках «мятежников», все столичные институты, в том числе и официальная пресса, «переехали» на север Испании, где временно располагался «королевский двор». Тексты в «Gaceta oficial» находятся на стыке институционального и персонального дискурсов. В издании публиковались программные документы карлистского движения; при этом и собственно газетные тексты должны были отражать позицию дона Карлоса. Естественно, они подвергались жесткой цензуре. Н. Б. Руженцева пишет, что коммуникативной задачей изданий такого рода является «утверждение в массовом сознании принятых правящей элитой идеологием» [Руженцева, 2018: 21]. Как отмечает П. Рухула, карлистские издания в Каталонии и Маэстразго, выходившие без контроля со стороны верховного руководства движения, пользовались большей свободой и в плане содержания, и в плане выражения [Rújula, 2023: 15].

Анализ текстов в «Gaceta oficial» показал, что основными концептами в дискурсе издания были *legitimidad* («легитимность») – концепт, использовавшийся по отношению к карлистам – и *usurpación* («узурпация»), относившийся к кристинос. Для характеристики *régimen liberal* («либерального режима») употреблялась исключительно лексика, имевшая в карлистском дискурсе

отрицательное коннотативное значение, в первую очередь лексемы *revolución* («революция») и *revolucionario* («революционер/революционный») [Pedrero González, 2025: 39]. В текстах также часто актуализируется концепт *rebelde* («мятежник») и ряд лексических единиц, относившихся к концептосфере «восстание» и употреблявшихся по отношению к противникам дона Карлоса. При этом, как указывает А. Педреро Гонсалес, в «Gaceta oficial» не прослеживается четко сформулированной идеологии, точнее говоря, «эта идеология все еще очень простая» [Pedrero González, 2025: 21]. Главное карлистское издание 1830-х гг. представляет события в Испании как борьбу «законного» короля за узурпированный престол. Таким образом, результаты дискурсивного анализа подтверждают высказывавшееся ранее предположение об отсутствии у карлизма на генетическом этапе развития собственной политической философии, социально-экономической программы и четко сформулированной идеологии [Василенко, 2016: 95].

Большая часть сообщений в «Gaceta oficial» принципиально не отличается от текстов институционального карлистского дискурса, которые мы проанализировали в предыдущей главе. Например, главное издание карлистов предъявляет либеральному правительству обвинение в антиклерикализме и заявляет, что оно «mira a la Religión con una indiferencia sacrílega, destruye los templos, subvierte los altares, confina los ministros, autoriza el incendio de los monasterios, descuida de la moral de los pueblos»¹⁸² («смотрит на Религию с богохульным безразличием, разрушает храмы, ниспровергает алтари, изгоняет священников, разрешает поджоги монастырей, не заботится о морали народа»). Перечень обвинений такого рода часто встречается в обращениях руководства карлистского движения к населению Испании. Данный текст соотносится с институциональным дискурсом и на синтаксическом и лексико-семантическом уровнях: здесь мы фиксируем длинный ряд однородных членов и употребление

¹⁸² Gaceta Oficial. 29.12.1835. № 19. P. 89.

книжной лексики (глаголы *subvertir*, «ниспровергать»; *descuidar*, «не заботиться»; имя прилагательное *sacrílego*, «богохульный» и др.).

Сравним «Gaceta oficial» с издававшимся в Маэстразго «Boletín del Real Ejército del Reyno de Aragón». Это издание должно было выполнять на подконтрольной Р. Кабрере территории функцию, которую «Gaceta oficial» имела на Северном фронте. Об «официальном» характере газеты свидетельствует лексема *boletín* («бюллетень»), использованная в названии (которое несколько раз менялось, но слово *boletín* каждый раз сохранялось в наименовании). «Boletín del Real Ejército del Reyno de Aragón» освещал ход войны с карлистских позиций. Один из французских офицеров, состоявших при штабе либеральных войск, докладывал своему руководству, что газета была единственным источником политических новостей для населения территорий, находившихся под контролем Р. Кабреры, и оставил характерный отзыв о содержании данного издания: «Эта газета, несколько номеров которой я пролистал, содержит самые абсурдные новости и самую наглую ложь» (цит. по: [Rújula, 2023: 19]). Естественно, карлисты аналогичным образом оценивали достоверность сообщений в либеральной прессе.

Стилистически тексты издания в Маэстразго заметно отличались от «Gaceta oficial». В качестве примера можно привести сводку о столкновении с либеральными войсками в августе 1836 г., опубликованную на первой странице газеты:

El 14 de este mes, al pasar una columna enemiga á una hora de la Plaza de Cantavieja, y ver heridos dos caballos de sus descubiertas por el fuego de una de nuestras guerrillas, huyeron cobardemente, creyendo, sin duda, les cargaban nuestras bayonetas; pero asolaron todas las masías del transito, robando el ganado de toda especie, y cuanto hallaron en las casas, y los campos. ¡Que conducta tan contraria a la que observa N. Inmortal Heroe!¹⁸³ (орфография и пунктуация оригинала сохранены

¹⁸³ Boletín del Real Ejército del Reyno de Aragón. 20.08.1836. № 1. P. 1.

без изменений – прим. А. Т.) («14 числа этого месяца, когда неприятельская колонна находилась в часе от крепости Кантавьеха, две лошади одного из разъездов были ранены огнем нашего партизанского отряда, и они (солдаты противника – прим. А. Т.) трусливо бежали, думая, без сомнения, что их атакуют наши штыки (то есть, что карлисты собираются перейти в штыковую атаку – прим. А. Т.). Однако они разорили все усадьбы на своем пути, угнав весь скот и украв все, что нашли в домах и полях. Что за поведение и как оно не похоже на поведение Нашего Бессмертного Героя! (по всей видимости, Р. Кабреры – прим. А. Т.)»).

Данный текст содержит ряд характерных особенностей, свойственных устной коммуникации. Сохраняется синтаксис, характерный для разговорной речи (опущение относительного местоимения *que*, «который»¹⁸⁴; нарушение глагольного согласования: *huyeron*, «убежали», вместо *huyó*, «убежала», так как речь идет о подлежащем в ед.ч.); используется разговорная лексика (*guerrilla*, «партизанский отряд», вместо указания на конкретное подразделение, участвовавшее в бою¹⁸⁵) и метонимический перенос (*bayonetas*, «штыки», вместо *soldados armados de bayonetas*, «солдаты, вооруженные штыками»). В последнем случае имеет место окказиональная метонимия, характерная для газетно-публицистического дискурса и не имеющая устойчивого характера [Ларионова, 2015: 143]. В то время как в русском языке метонимическое использование слова *штык* для обозначения солдата получило широкое распространение (ср.: отряд в две тысячи штыков), для исп. *bayoneta* такое употребление несвойственно. Эта метонимия «позволяет точнее сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается», делает акцент на том, «на какой стороне целого фокусируется внимание» [Лакофф, 2004: 62].

¹⁸⁴ Как известно, в некоторых случаях в письменных текстах имеет место сознательный отказ от использования союзов, союзных слов или относительных местоимений и использование бессоюзной связи для достижения стилистического эффекта [Вышенская, 2021: 178].

¹⁸⁵ О соотношении понятий «армия» и «партизанский отряд» применительно к боевым действиям в Маэстразго см.: [Macías, 2025: 91].

Данный пример показывает, что карлистская публицистика в регионах, географически удаленных от «двора» дона Карлоса, отличалась гораздо большей свободой выражения, чем «Gaceta oficial». При этом использование некоторых особенностей разговорной речи в тексте может являться «языковой реализацией сближенности с адресатом» [Косаковский, 2025: 22]. Представляется, что тексты в «Boletín del Real Ejército del Reyno de Aragón» оказывали более сильное воздействие на аудиторию, чем официальные сообщения в «Gaceta oficial». Как писала Н. Д. Арутюнова, «повседневность не возбуждает коммуникативных центров», именно отход от стереотипов и отклонения от нормы вызывают интерес у людей [Арутюнова, 1987: 9].

Собственно карлистская пресса в Испании в 1830-е гг. только начинала развиваться, но в то же время многие иностранные периодические издания писали о событиях на Пиренейском полуострове. Противостояние 1833–1840 гг. стало событием, вызвавшим наибольший интерес за рубежом в череде карлистских войн XIX в. Это противостояние было первым вооруженным конфликтом, который освещался военными корреспондентами в современном понимании данной профессии [Barreiro, 2022]. Л. Бланшар делит французские газеты на три категории в зависимости от их отношения к карлизму: (1) республиканские издания полагали, что ни одна из сторон не заслуживает их симпатий в войне в Испании и не уделяли большого внимания происходящему на Пиренейском полуострове; (2) либеральные (орлеанистские) издания выступали за поддержку Марии-Кристины и испанских либералов; (3) легитимистские издания безоговорочно поддерживали дона Карлоса и надеялись, что его победа будет способствовать триумфу ультраконсерваторов во Франции [Blanchard, 2011: 18]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других европейских странах. В настоящем исследовании нас интересуют газеты, освещавшие события с прокарлистских позиций. Их симпатии к карлизму были обусловлены политическими взглядами редакции и читателей.

Естественно, зарубежные газеты, которые не являлись собственно карлистскими и не финансировались доном Карлосом, были вольны в выборе тем для освещения. Более того, не все сообщения в газете отражают ее идеологические установки [Van Dijk, 1998: 231]. Интерес зарубежной прессы к войне в Испании то затухал, то вспыхивал с новой силой. Как пишет М. Р. Гутьеррес Каррерас, большая часть публикаций о карлизме в британской «Morning Post» относится к периоду с конца 1835 г. до начала 1838 г. [Gutiérrez Carreras, 2023: 16]. Именно «Morning Post» стала главной газетой в Великобритании, сочувствовавшей карлистам. Издание заявляло о своей беспристрастности, хотя, как известно, «любой опубликованный СМИ текст будет так или иначе ангажирован с точки зрения идеологии» [Руженцева, 2018: 131]. Сочувствие редакции «Morning Post» к «делу» дона Карлоса было несомненным [Gutiérrez Carreras, 2023: 22]. Газета направила в Испанию двух корреспондентов: Э. Б. Стивенса и Ч. Л. Грунейсена (Gruneisen). Симпатии Ч. Л. Грунейсена к «делу» дона Карлоса стоили ему тюремного заключения на территории, контролировавшейся либералами [Gutiérrez Carreras, 2023: 121–142]. Эти симпатии не имели ничего общего с религиозными убеждениями: английский корреспондент не был католиком. Рассказывая о своем посещении мессы в соборе в Тулузе незадолго до прибытия в Испанию, Ч. Л. Грунейсен пишет: «My Protestant body was for the third time in the interior of the Papist catedral»¹⁸⁶ («Мое протестантское тело в третий раз оказалось в папистском соборе»). Отметим употребление прилагательного *Papist*, часто употреблявшегося в протестантском дискурсе с пейоративным оттенком. Хотя в Англии в 1830-е – 1840-е гг. получило распространение Оксфордское (Трактарианское) движение, объединявшее интеллектуалов, переходивших в католицизм или симпатизировавших католикам [Chadwick, 1960], Ч. Л. Грунейсен, очевидно, к нему не относился.

Хотя Великобритания в качестве законной наследницы престола признавала Изабеллу, а регентом – ее мать Марию-Крестину, на страницах «Morning Post»

¹⁸⁶ Morning Post. 16.06.1837. № 20744. P. 2.

дона Карлоса называли «монархом» или «королем»: «I never witnessed greater anxiety to obtain a sight of a Monarch, nor more enthusiasm, when he entered the town, received with all due honours by the civil and ecclesiastical authorities»¹⁸⁷ («Я никогда не видел ни большего стремления привлечь к себе взгляд Монарха, ни большего энтузиазма, когда он вошел в город, встреченный со всеми подобающими почестями гражданскими и церковными властями»), – пишет Ч. Л. Грунейсен. При этом противники карлистов изображаются в негативном ключе. Генерал Б. Эспартеро, главный «творец» победы над карлистами, в статье Э. Б. Стивенса характеризуется как «the most stupid General in Europe»¹⁸⁸ («самый глупый Генерал в Европе»). В 10-х числах ноября 1836 г., когда корреспондент писал свой текст, карлисты добились крупного успеха в осаде Бильбао и взяли монастырь Св. Мамеса [Терещук, 2023а: 242]; возможно, этим и была обусловлена столь пренебрежительная оценка неприятельского полководца. Любопытно, что вскоре после публикации статьи с такой характеристикой Б. Эспартеро одержит победу над карлистами в сражении при Лучане, которое станет одним из главных успехов либералов в Первой Карлистской войне [Albi de la Cuesta, 2017b: 282–283].

В «Morning Post» критиковалась не только либеральная Испания, но и политика Великобритании на Пиренейском полуострове. В конфликте на стороне кристинос принял участие Британский вспомогательный регион, а английские военные корабли периодически обстреливали войска карлистов. В редакционной статье от 3 февраля 1837 г. «Morning Post» подобные действия были подвергнуты осуждению:

Is this consistent with the honour of a great nation, and is it creditable to the British navy that its ships shall remain with a pacific appearance for the purpose of disarming the watchfulness of the Carlist forces, and then take an active and deadly part against those whom they so unhandsomely deluded? Let England at once declare war

¹⁸⁷ Morning Post. 22.07.1837. № 20767. P. 2.

¹⁸⁸ Morning Post. 30.11.1836. № 20574. P. 2.

against DON CARLOS¹⁸⁹, and let the duties of British subjects be understood; but do not send our ships of war to lay like pirates, showing false colours until the moment when they can in safety open a fire against an enemy who has been deceived into security¹⁹⁰ («Соображается ли с представлением о достоинстве великой нации и делает ли честь британскому флоту тот факт, что его корабли сохраняют мирный вид, чтобы усыпить бдительность карлистских войск, а затем принимают активное и смертоносное участие в борьбе с теми, кого они так подло обманули? Пусть Англия немедленно объявит войну ДОНУ КАРЛОСУ, и тогда обязанности британских подданных будут очевидны; но не отправляйте наши военные корабли в засаду, подобно пиратам под чужим флагом, до того момента, когда они смогут безопасно открыть огонь по врагу, обманутому и введенному в заблуждение»).

Тональность высказываний в «Morning Post» резко негативная по отношению к действиям британского правительства. Автор текста задает риторический вопрос, обвиняя власти в том, что они порочат честь своей страны, и сравнивает английских моряков с пиратами. При этом идеологема *England* («Англия») в данном тексте несет директив «Англия должна проводить политику, достойную великую державы», который, естественно, отсутствовал в испаноязычном карлистском дискурсе. Призыв к объявлению войны дону Карлосу нельзя воспринимать в качестве антикарлистского высказывания. Журналист показывал, что Англия и так фактически ведет боевые действия против карлистов, что вызывало у него негативную реакцию. Отметим, что для формального объявления войны дону Карлосу британскому правительству пришлось бы предварительно признать его королем, что стало бы большим успехом карлистской дипломатии, на протяжении всего конфликта пытавшейся добиться

¹⁸⁹ Так в оригинале. Капитализация, т.е. выделение с помощью прописных букв отдельных слов в тексте, часто воспринимается как явление, характерное исключительно для современной интернет-коммуникации [Ивлиева, 2025: 1670]. Как показывает наше исследование, в газетно-публицистическом дискурсе XIX в. этот прием также использовался.

¹⁹⁰ Morning Post. 16.06.1837. № 20630. P. 1.

официального признания со стороны какой-либо из европейских стран [Терещук, 2023а: 205–206].

«Morning Post», поддерживая карлистов, оказывалась в оппозиции к собственному правительству. В то же время газета «Санкт-Петербургские ведомости» (далее – «Ведомости») освещала события на Пиренейском полуострове, сообразуясь с позицией российских властей, склонявшихся к поддержке дона Карлоса. Выбор именно «Ведомостей» для анализа обусловлен тем, что это старейшее периодическое издание в нашей стране, которое в XIX в. играло ключевую роль в донесении до читающей петербургской публики информации о событиях за рубежом [Берков, 1952: 56–57]. Новости с Пиренейского полуострова быстро доходили до столицы Российской империи; оперативность распространения информации была связана со средствами коммуникации в первой половине XIX в. и с влиянием на них погодных условий в различные времена года: по нашим расчетам, зимой скорость передачи сообщения из Испании (от собственно события до публикации новостной заметки в газете) составляла в среднем 30,5 дней; весной и осенью – 23,5 дней; летом – 20,5 дней [Tereshchuk, 2022a: 18]. Мы провели количественный анализ публикаций, посвященных карлизму, в «Ведомостях». Исследование показало, что пик интереса издания из столицы Российской империи к войне в Испании пришелся на 1835 г. – в 88,6 % номеров газеты (в 251 из 283 опубликованных за год номеров) имелись новостные заметки о карлистах. В следующие два года война в Испании также привлекала внимание: в 1836 г. – 81,1%, в 1837 г. – 80,2 %. В дальнейшем интерес к конфликту начал затухать: в 1838 г. – 65,3 %, в 1839 г. – 57,3 %, в 1840 г. (с января по июль) – 46,6 %. Всего за время войны 1833–1840 гг. в 74,3 % номеров (1453 из 1955) «Санкт-Петербургских ведомостей» затрагивалась тема карлизма. Мы провели связь между периодами активизации боевых действий и ростом числа публикаций. Существенное падение интереса к войне в Испании в 1840 г. может объясняться совокупностью нескольких факторов: (1) отсутствие крупных сражений на заключительном этапе войны; (2) прекращение боевых действий на

Северном фронте в августе 1839 г.; (3) смещение фокуса внимания прессы к Восточному кризису 1839–1841 гг.; (4) усталость читателей от новостей о конфликте, продолжавшемся уже семь лет [Tereshchuk, 2022a: 13–15].

Первое упоминание о восстании карлистов в «Ведомостях» относится к 17 (29) октября 1833 г., когда газета сообщила о *движении* сторонников дона Карлоса¹⁹¹. Уже на следующий день в издании была употреблена лексема *Карлисты*, писавшаяся, как правило, с заглавной буквы. В первые месяцы конфликта по отношению к карлистам иногда использовались лексемы *Апостолисты*¹⁹² (от исп. *apostólicos*) и *Роялисты*¹⁹³ (от фр. *royalistes*), но впоследствии они не закрепились.

В начале войны применительно к карлистам часто употреблялась лексика с негативными коннотациями. Действия карлистов были охарактеризованы как *мятеж* и *бунт*¹⁹⁴, а Наварра и Страна Басков были названы *возмутившимися провинциями*¹⁹⁵. 17 марта 1834 г. «Ведомости» писали: «В окрестностях Героны показываются по временам вооруженные Карлистские шайки, предводительствуемые монахами и всякого рода фанатиками»¹⁹⁶. В тот момент в либеральном дискурсе карлисты именовались *bandidos* («бандиты») и *criminales* («преступники») [Macías, 2025: 89], то есть петербургская газета повторяла клише пропаганды кристинос. Представление о «шайках фанатиков» также было тесно связано с концептом «мятеж»; при этом, естественно, в официальном дискурсе в России времен Николая I идея любого восстания против властей резко осуждалась [Терещук, 2023е: 739]. Как писал М. Эдельман, в государственной пропаганде обычно подчеркивается, что мятежники составляют «незначительное меньшинство» населения [Edelman, 1977: 18]. Употребление лексемы *шайка* (вместо, например, *повстанческая армия*) подчеркивало малочисленность

¹⁹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 17.10.1833. № 243. С. 1137.

¹⁹² Санкт-Петербургские ведомости. 21.10.1833. № 247. С. 1152.

¹⁹³ Санкт-Петербургские ведомости. 01.12.1833. № 282. С. 1194.

¹⁹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 25.10.1833. № 250. С. 1066.

¹⁹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 21.11.1833. № 273. С. 1163.

¹⁹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 17.03.1834. № 63. С. 246.

сторонников дона Карлоса. Таким образом, Российская империя не сразу начала активно поддерживать карлистов.

В исторической науке существует представление о том, что Россия изменила свое отношение к происходящему в Испании и начала склоняться к поддержке карлистов с лета 1836 г. [Волосюк, 2014: 291]. Не ставя под сомнение данное заключение, сделанное на основании анализа исторических источников, отметим, что уже с весны-лета 1834 г. в «Ведомостях» наблюдается заметное изменение тональности освещения войны на Пиренейском полуострове. Кристинос и карлисты начали изображаться как две равноправные стороны в конфликте. 5 (17) мая 1834 г. газета впервые напечатала карлистскую сводку о сражении (о деле при Альсасуа), а не официальное сообщение от мадридского правительства. Эта сводка была охарактеризована редакцией как «бюллетень, изданный в главной квартире Наваррской армии»¹⁹⁷. На страницах «Ведомостей» начали регулярно использоваться такие лексические единицы, как *карлистские войска*, *двор* и *кабинет* (в значении «правительство») дона Карлоса, то есть читатель, плохо знакомый с внешнеполитической обстановкой в Европе, мог бы подумать, что речь идет о суверенном государстве. Уже в 1834 г. «Ведомости» публикуют сообщения, в которых разграничивают криминальные элементы и участников карлистского движения: «В Леоне, Старой Кастилии и Галиции показались шайки разбойников, выдающие себя за Карлистов»¹⁹⁸. Годом ранее между «разбойниками» и «карлистами» в текстах новостей ставился знак равенства.

Можно предположить, что смена вектора в освещении Первой Карлистской войны в «Ведомостях» связана с двумя событиями: (1) заключением в апреле 1834 г. Четверного союза между Англией, Францией и либеральными правительствами Испании и Португалии, который дипломатами той эпохи оценивался как противовес российскому влиянию в Европе [Терещук, 2023а:

¹⁹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 05.05.1834. № 102. С. 399.

¹⁹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 14.12.1834. № 291. С. 1129.

208]¹⁹⁹; (2) прибытием дон Карлоса на север Испании в июле 1834 г. Теперь карлистами непосредственно руководил принц королевской крови, что делало карлистское движение «более респектабельным» в глазах зарубежных наблюдателей [Терещук, 2023е: 740]. Впрочем, несмотря на симпатии российских властей и финансовую помощь, которая оказывалась дону Карлосу Николаем I, Россия официально так и не признала лидера карлистов в качестве короля. Соответственно, на страницах «Ведомостей» по отношению к дону Карлосу использовались лексемы *Претендент* или *Инфант*²⁰⁰. Даже при публикации некоторых карлистских текстов, относящихся к институциональному дискурсу, в переводе на русский язык исп. *Reu* обычно передавалось как *Государь*²⁰¹.

Хотя дон Карлос осуществлял верховное руководство карлистским движением, наиболее яркими фигурами среди участников восстания стали Р. Кабрера и Т. де Сумалакарреги. В «Ведомостях» часто появлялись статьи об этих военачальниках. Р. Кабрера был студентом семинарии, который бросил учебу и создал карлистский партизанский отряд (см. биографию Р. Кабреры в [Caridad Salvador, 2014: 43–142]). Он впервые упоминается в «Ведомостях» в 1834 г. как *патер Кабрера*²⁰², то есть редакция принимает его за священника. Во второй половине 1830-х гг. Р. Кабрера возглавил карлистские войска в Маэстразго, и его имя стало регулярно появляться на страницах газеты. Полководца часто обвиняли в жестокости: действительно, практически до самого конца войны обе стороны конфликта в Маэстразго расстреливали пленных солдат противника. «Ведомости» старались не акцентировать внимание на такого рода действиях генерала. В некоторых случаях публикация сообщения о расправе над военнопленными сопровождалась комментариями редакции, которые могли заставить читателя усомниться в истинности сообщения. Так, 29 января (10 февраля) 1839 г. газета напечатала короткую новость, в которой указывалось, что Р. Кабрера казнил

¹⁹⁹ Ровно через четыре дня после того, как в Санкт-Петербурге узнали о заключении Четверного союза, «Ведомости» впервые называли карлистов «Наваррской армией» [Терещук, 2023е: 740].

²⁰⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 02.08.1834. № 178. С. 697.

²⁰¹ Санкт-Петербургские ведомости. 25.07.1839. № 167. С. 752.

²⁰² Санкт-Петербургские ведомости. 16.11.1834. № 267. С. 1041.

группу военнопленных. Однако далее следовало примечание, что информация об этом событии получена из донесения в Мадрид командующего Центральной армией кристинос маршала А. ван Халена²⁰³. Формально «Ведомости» сохраняли беспристрастность, однако в сопровождении ссылки на источник информации данная новость представлялась не как объективный факт, но как слух, в распространении которого заинтересована противоположная сторона конфликта (ср.: в современной журналистике часто встречаются случаи, когда конфликт освещается на основании источников только одной из противоборствующих сторон [Herman, 2002: 108]). Избегая негативных оценок деятельности Р. Кабреры, «Ведомости», в то же время, не стремились идеализировать его образ и не повторяли восторженные тексты апологетов «Тигра Маэстразго» [Терещук, 2023d: 20].

Другой «культовой» фигурой для карлистов стал генерал Т. де Сумалакарреги, погибший в 1835 г. и занявший почетное место в «пантеоне» героев карлизма. Популярность полководца выходит за рамки исключительно карлистского дискурса: так, в Испании существует легенда, что именно Т. де Сумалакарреги стал изобретателем тортильи – одного из самых популярных блюд испанской кухни [Чеснокова, 2017: 54]. В России его фигура также вызывала интерес: известно, что в 1852 г. штабс-капитан Г. Ш. Беленченко по распоряжению Генерального штаба перевел на русский язык книгу, посвященную карлистскому военачальнику [Михайлов, 2018: 93]. Первое упоминание Т. де Сумалакарреги в текстах на русском языке относится к декабрю 1833 г., причем новостное сообщение в «Ведомостях» искажило фамилию полководца: *Цурналакаррегви разбит генералом Лоренцо близ Пуэнто де ла Регина*²⁰⁴. В следующие месяцы непривычная для носителей русского языка фамилия часто искажалась на страницах издания: *Цумала-Карресуи*, *Зумало Корреги*, *Цумала-Каррегви*. С лета 1834 г. установилась практика передавать его фамилию в «Ведомостях» как *Зумалакарреги/Сумалакаррегви* [Терещук, 2022b: 44].

²⁰³ Санкт-Петербургские ведомости. 29.01.1839. № 24. С. 106.

²⁰⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 12.12.1833. № 291. С. 231.

Миф о Т. де Сумалакарреги как «рыцаре без страха и упрека» формируется в 1830-е гг., и «Ведомости» не остались в стороне от тенденции идеализировать генерала, свойственной всем симпатизантам карлистов в Европе. 4 (16) августа 1836 г., уже после смерти полководца, российская газета выпустила крупную статью под названием «Эпизоды из нынешней испанской войны». Текст состоял из четырех рассказов, в трех из которых в качестве одного из персонажей фигурировал Т. де Сумалакарреги. Образ генерала в публикации напоминает о героях из древнеримской истории: это суровый военачальник, который выполняет свой долг, но умеет ценить доблесть в неприятеле. Статья показывает, как Т. де Сумалакарреги без жалости расстреливает пленного, который просит о пощаде, но восхищается мужеством попавшего в плен вражеского офицера. Генерал безрезультатно просит дона Карлоса о его помиловании, а затем разделяет со своим пленником ужин, хотя знает, что на рассвете будет вынужден отправить его на казнь²⁰⁵. Нарративы такого рода получили широкое распространение в Европе и повлияли на художественную литературу: так, в опубликованном в 1846 г. романе «Патриарх долины» («El Patriarca del valle») П. де ла Эскосуры есть эпизод, в котором Т. де Сумалакарреги организует побег взятого им в плен офицера, к которому испытывает симпатию [Терещук, 2025g: 73].

Т. де Сумалакарреги погиб от раны, полученной в 1835 г. при осаде Бильбао. «Ведомости» сопроводили сообщение о его гибели следующим комментарием от редакции: «Надобно полагать, что Сумалакаррегви не последовал совету врача и сделался жертвою своего геройского рвения и своей неутомимой деятельности»²⁰⁶. Лексема *геройский* и словосочетание *неутомимая деятельность* характеризуют карлистского главнокомандующего с положительной стороны. В течение следующей недели в «Ведомостях» постоянно публиковались статьи о Т. де Сумалакарреги, для описания смерти которого использовалось слово *кончина* и который «с твердостью перенес операцию по извлечению пули»²⁰⁷. Лексема

²⁰⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 04.08.1836. № 175. С. 571–572.

²⁰⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 02.07.1835. № 147. С. 593.

²⁰⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 09.07.1835. № 153. С. 616.

кончина часто употребляется в агиографическом жанре, и ее появление в газетном тексте имплицировало идею о «святости» и «героизме» погибшего генерала.

В других консервативных изданиях в Европе военачальник также идеализировался. Так, например, 28 июня 1835 г. парижское легитимистское издание «*La Gazette de France*» на первой полосе опубликовало крупную статью о погибшем несколькими днями ранее Т. де Сумалакарреги (см. приложение Н). Автором стал участник карлистского движения граф А. де Вильмур²⁰⁸, и стилистически текст больше напоминает жизнеописание святого, чем статью в газете. Семья Т. де Сумалакарреги называется «*une des plus distinguées du pays*» («одной из наиболее выдающихся в регионе»), хотя, на самом деле, отец будущего генерала был обычным нотариусом [Терещук, 2017с: 148]. Полк, которым Т. де Сумалакарреги командовал до войны, стал «*modèle de l'armée*» («образцовой воинской частью»). Описание характера и качеств генерала превращается в настоящий панегирик:

Son activité et sa vivacité sont prodigieuses, sa mémoire étonnante <... > d'un seul regard il fait trembler toute cette armée de braves dont il est le père et l'idole <... > don Thomas et le meilleur homme du monde, bon, affable, simple dans ses manières, généreux, noble, désintéressé, esclave de sa parole et surtout de la plus grande modestie <... > son nom est devenu une des gloires de son pays²⁰⁹ («Его активность и живость поразительны, его память необыкновенна <... > одним взглядом он заставляет дрожать целую армию храбрецов, для которых он отец и кумир <... > дон Томас — лучший человек на свете, добрый, обходительный, простой в обращении, щедрый, благородный, бескорыстный, раб своего слова и особенно своей величайшей скромности <... > его имя стало одним из наиболее славных в истории страны»).

²⁰⁸ В газете статья подписана *le comte A. de V.* («граф А. де В.»); определение авторства принадлежит Х. Р. Уркихо [Urquijo, 2011: 253].

²⁰⁹ *La Gazette de France*. 28.06.1835. S/n. P. 1.

Автор текста перечисляет все приходящие ему в голову эпитеты, служащие для создания положительного образа человека, хотя некоторые из них едва ли можно использовать по отношению к главнокомандующему повстанческой армией (например, *bon*, «добрый, хороший»). Кроме того, характеристика генерала как *affable* («любезного») противоречит утверждению, что один его взгляд заставляет дрожать целую армию.

Необычный пример идеализации образа Т. де Сумалакарреги в прессе принадлежит пизанскому консервативному изданию «La Voce della Ragione». После гибели генерала оно опубликовало акrostих на итальянском языке за подписью некого «G. В.», воспевающий достоинства погибшего полководца (мы предлагаем построчный перевод):

Zelo del dritto iniquamente infranto,
Un'alma forte del sentirsi pura
Modestia che al valor aggiunge un vanto,
A viltade stranier come a jattura;
Leal fede inconcussa, e docil tanto
A Dio che al proprio re di lui figura;
Cuor sublime, col ferro invitto e santo,
Argine solo all'europea congiura;
Raro complesso...! Ahi l'uom, l'eroe si noma
Rimasto fredda salma, ahi nel periglio,
E allor che l'Idra era per lui già doma.
Gran Carlo siegui e non temer, che il telo
Un fral colpo, ma di Navarra il figlio,
Il tuo guerriero, vincerà dal cielo²¹⁰.

(«Несправедливо поверженная ревность к справедливости / сильная душа, чувствующая чистую/ скромность, которая добавляет к доблести гордость,/

²¹⁰ La Voce della Ragione. 1835. Vol. XIV. № 84. P. 378 (цит. по: [Del Corno, 1993: 16]).

чуждая трусости, как несчастью./ Непокоримая вера, послушная/ Богу; человек, отдающий себя своему королю;/ возвышенное и святое сердце, несокрушенное железом/ единственный барьер для всеевропейского заговора;/ редкое сочетание...! Увы, человек, герой, которым его называют, / ставший хладным трупом, / когда Гидра уже была им укрощена./ Следуйте за великим Карлосом и не бойтесь, / один удар, и сын Наварры, / ваш воин, принесет победу с небес»).

Приведенные примеры демонстрируют, что идеализация и мифологизация образа Т. де Сумалакарреги начались непосредственно после гибели генерала, и существенный вклад в этот процесс был внесен сочувствовавшей карлистам европейской прессой. Как показывали А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич, формирование мифов о политических персоналиях обусловлено попытками «осмыслить реальность в рамках причинно-следственных, ролевых и других отношений, которые вносят в абсурдную политическую реальность элементы рационального» [Баранов, 1991: 27].

В период открытого вооруженного противостояния между карлистами и либералами карлистская пресса только начинала формироваться. «Gaceta oficial», выпускавшаяся при «дворе» дона Карлоса во время военных действий, публиковала тексты, находившиеся на «границе» между персональным и институциональным дискурсом. Через нее распространялись программные документы и доводилась официальная точка зрения руководства движения на происходящие события. Газеты, выпускавшиеся на других театрах военных действий, пользовались гораздо большей свободой и в плане содержания, и в плане выражения. Еще большей свободой в освещении хода военных действий обладали зарубежные издания, симпатизировавшие карлизму. Хотя степень эмоциональности текстов в зарубежной прессе могла отличаться, ряд общих черт (героизация отдельных персонажей; опущение информации, которая могла бы негативно повлиять на восприятие аудиторией карлистов; использование при описании карлистского движения лексических единиц, вызывающих ассоциации с

суверенными государствами) позволяет относить их к карлистскому политическому дискурсу.

4.1.2. Карлистский газетно-публицистический дискурс в период парламентской борьбы (1868–1936)

В качестве границы второго этапа в нашем исследовании мы выделяем 1868 г. В том году в Испании произошла Сентябрьская революция, которая привела к свержению Изабеллы II и ознаменовала собой начало турбулентного периода в истории страны, когда в течение 8 лет Пиренейский полуостров был охвачен фактически двумя гражданскими войнами, а у власти в Мадриде поочередно сменялись Временное правительство, два короля из разных династий и пять президентов Первой испанской республики. Для первых лет после революции характерна заметная либерализация общественно-политической жизни, благодаря которой карлисты впервые в своей истории смогли принять участие в выборах. Кроме того, после 1868 г. пресса в Испании пользовалась невиданной ранее свободой. Как пишет К. Верри, это было время «экстраординарного подъема периодической печати политического характера» [Verri, 2023a: 33]. Именно к этому времени относится появление наиболее релевантной карлистской газеты «El Siglo Futuro» (1875), а также целого ряда других изданий: по нашим подсчетам, за период между Сентябрьской революцией и установлением Второй республики в 1931 г. в Испании и других странах появилась 161 карлистская газета. В этот период карлисты рассматривали прессу как основной инструмент пропаганды и распространения своего влияния [Martí, 2022: 187–212]. 23 марта 1875 г. дон Карлос-младший писал французскому журналисту консервативных взглядов Л. Вейо (Veillot): «Il y a des écrits qui valent des batailles: les articles de *l'Univers* en faveur de ma cause sont autant de victoires à inscrire dans les annales de la lutte que j'ai engagée contre la Révolution» («Есть тексты, которые имеют такое же значение, как битвы: статьи в *l'Univers* (французская газета карлистской ориентации – прим. А. Т.) в пользу моего дела –

это такие же победы, которые должны быть занесены в анналы борьбы, которую я развязал против Революции») [Dupont, 2021b: 268].

В главе, посвященной институциональному карлистскому дискурсу, мы отметили снижение уровня эмоциональности и сокращение числа случаев использования тактики оскорбления в карлистских программных текстах после завершения Третьей Карлистской войны (1876). Аналогичная тенденция отмечается и в авторской публицистике: необходимость действовать в легальном поле накладывала отпечаток на речевое поведение участников движения. Кроме того, выбор тем и характер их освещения позволяют провести параллель между институциональным и персональным карлистским дискурсами в данный период.

Важной темой для публицистики конца 1860-х – 1870-х гг. стал религиозный вопрос. Для карлистского дискурса в любую эпоху была характерна негативная оценка морально-нравственного состояния общества: с точки зрения карлистов, и в 1833, и в 1936, и в 2026 гг. большинство людей забывает о Боге и ведет «неправедный» образ жизни. Как писали Дж. Лакофф и М. Джонсон, «в обществе есть социальные группы, для которых определяющим началом является следование некоторым важным ценностям, вступающим в конфликт с ценностями магистральной культуры» [Лакофф, 2004: 47]; в данном случае в качестве такой социальной группы, противопоставленной остальному населению страны, оказываются сами карлисты. Идея об «упадке нравов» фиксируется в редакционной статье в первом номере газеты «El Siglo Futuro». Текст объясняет смысл названия нового издания («Будущий век»): сейчас (то есть в 1875 г.) люди живут в нынешнем веке, эпохе грехопадения Адама. Однако им надо надеяться на наступление века будущего, Царства Небесного: «Siglo futuro, inmortal, glorioso <... > Tú eres la luz que ha de guiarnos en los desiertos del siglo XIX y conducirnos á la verdadera tierra prometida»²¹¹ («Бессмертный, славный будущий век <... > Ты – свет, который проведет нас через пустыни XIX века, чтобы привести к настоящей земле обетованной»). Противопоставление века будущего века и современности

²¹¹ El Siglo Futuro. 19.03.1875. № 1. P. 1.

сопоставляется автором текста с идеей Блаженного Августина о существовании двух «градов»: «Hay dos ciudades, la humana y la divina, ó digamos, la de los hijos de Dios y la de los hijos de los hombres»²¹² («Есть два города, человеческий и божественный, или, иначе говоря, град сынов Божьих и град сынов человеческих»). Аналогичные отсылки к Блаженному Августину мы фиксировали в институциональном карлистском дискурсе.

Заметная либерализация политики испанского государства в религиозной сфере после Сентябрьской революции, выразившаяся в свободе вероисповедания, закрепленной в конституции 1869 г., вызывала критику у карлистов. Тем более негативной реакции удостоивались любые действия правительства, которые можно было бы интерпретировать как посягательство на права Церкви. Когда в 1870 г. было снесено старое здание монастыря ордена Калатрава, газета «El Legitimista Español» написала, что в будущем испанские либералы будут известны как «bárbaros del siglo XIX»²¹³ («варвары XIX века»).

Концепт *bárbaros* связан с идеей противопоставления «своих» и «чужих». На рубеже 1860-х – 1870-х гг. эта тема стала одной из центральных в карлистском дискурсе. После свержения Изабеллы II в обществе активно обсуждалась кандидатура нового монарха, который должен был происходить из одного из королевских домов Европы, то есть являться иностранцем. У карлистов имелся собственный претендент (дон Карлос-младший), и их пресса критиковала все остальные кандидатуры. Апелляция к иностранному происхождению часто встречается в карлистской публицистике. Так, сразу после революции в качестве претендента на испанский престол рассматривался Антуан Орлеанский, герцог де Монпансье, сын французского короля Луи-Филиппа I (правил в 1830–1848 гг.). «El Legitimista español» характеризует его как «un extranjero criminal»²¹⁴ («преступный иностранец»), намекая на то, что в 1870 г. герцог убил на дуэли испанского

²¹² El Siglo Futuro. 19.03.1875. № 1. P. 1.

²¹³ El Legitimista Español. 09.03.1870. S/n. P. 3. Ср.: лексемы *caribes* («караибы, представители некоторых индейских племен») или *agarenos* («агаряне»), употреблявшиеся в карлистском институциональном дискурсе применительно к либералам.

²¹⁴ El Legitimista Español. 15.03.1870. S/n. P. 2.

инфанта Энрике [Verri, 2023a: 44]. О том, что французское происхождение претендента на престол интерпретировалось в карлистской публицистике в негативном ключе, свидетельствует и употребление по отношению к герцогу де Монпансье лексемы «gabacho»²¹⁵, которая используется в качестве пейоративного наименования французов в испанском языке (ср.: рус. *лягушатник*).

В некоторых случаях авторы текстов копировали дискурсивные практики французских легитимистов. Применительно к герцогу де Монпансье используется словосочетание «nieto del Regicida»²¹⁶ («внук цареубийцы»). Дело в том, что герцог был внуком так называемого «Филиппа Эгалитэ», аристократа, который в 1793 г. в Конвенте голосовал за казнь короля Людовика XVI. Депутаты, одоббившие смертный приговор для монарха, в дискурсе французских роялистов получили наименование *régicides* («цареубийцы»); эта лексема, имевшая сильные отрицательные коннотации, была настоящим «клеймом» для революционных политиков (об отношении роялистов к *régicides* см.: [Бовыкин, 2016: 210–215]). Карлистская газета использовала данную лексему вслед за своими французскими единомышленниками. Иностранное происхождение являлось и поводом для неприятия карлистами Амадея Савойского (короля в 1871–1873 гг.) [Ефименко, 2023: 66].

В то же время иностранное происхождение дона Карлоса-младшего никогда не становилось основанием для критики претендента на престол в карлистской прессе. С точки зрения происхождения, у лидера карлистов было не больше испанской крови, чем у Амадея I или герцога де Монпансье. Более того, дон Карлос-младший родился на территории Австрийской империи, в Лайбахе (совр. Любляна), и практически всю жизнь провел в эмиграции. Р. М. Родон пишет, что в традиционалистском дискурсе вопрос о национальности не имеет никакого значения по сравнению с проблемой династической легитимности [Rodon, 2015: 445]. Таким образом, использование лексических единиц с негативными коннотациями, указывающих на иностранное происхождение политических

²¹⁵ El Legitimista Español. 02.06.1870. S/n. P. 1.

²¹⁶ El Legitimista Español. 23.01.1869. S/n. P. 1.

оппонентов было коммуникативной тактикой, но совсем не следствием идеологических установок движения. Более того, в публикациях в зарубежной прессе, относящихся к карлистскому политическому дискурсу, подчеркивалась важность идеи так называемого «Белого интернационала» (франц. «Internationale blanche») – гипотетического объединения всех европейских консерваторов для борьбы с революционными идеями. Основатель двуязычной испано-французской карлистской газеты «La Voix de la Patrie» К. Бенитес Кабальеро писал в редакционной статье, опубликованной в его издании 30 июня 1874 г.: «Au cosmopolitisme anarchique et destructeur des révolutionnaires, qui, sur la terre, sont unis pour le mal, il est urgent d'opposer le cosmopolitisme des légitimistes, qui doivent tous se joindre pour le triomphe du bien»²¹⁷ («Анархическому и разрушительному космополитизму революционеров, который объединились во имя зла на этой земле, необходимо противопоставить космополитизм легитимистов, которые все должны объединиться во имя триумфа добра»). Данный пример показывает, что лексема *cosmopolitisme* («космополитизм») в карлистском дискурсе была прагматически нейтральной, но в зависимости от контекста могла приобретать либо положительное, либо отрицательное коннотативное значение²¹⁸.

Борьба за престол дона Карлоса-младшего, таким образом, позиционировалась не как частный испанский вопрос, но как общеевропейская проблема. 11 августа 1872 г. французская газета «L'Univers» напечатала статью о встрече дона Карлоса-младшего с ирландским добровольцем в составе карлистской армии Дж. С. Тейлором. В тексте приводились слова лидера карлистов, обращенные к уроженцу Корка, который ранее служил в составе папских зуавов (международное подразделение в армии Папской области): «Vous servez ici la même cause qu'à Rome: la cause de la religion, de l'ordre et du droit légitime»²¹⁹ («Вы служите здесь тому же делу, что и Риме: делу религии, порядка и

²¹⁷ La Voix de la Patrie. 30.06.1874. № 1 (цит. по: [Dupont, 2021b: 281]).

²¹⁸ Ср.: в период т. н. «борьбы с космополитизмом» в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. само слово *космополитизм* в дискурсе властей стало широко распространенным знаком-денигративом.

²¹⁹ L'Univers. 11.08.1872 (цит. по: [Dupont, 2021b: 281]).

законного права»). Хотя на практике далеко не все карлисты положительно относились к присутствию в их армии иностранных добровольцев, многие из которых обладали низким уровнем лингвистической компетенции в испанском, в карлистском дискурсе конца последней четверти XIX в. идея «Белого интернационала» получает широкое распространение.

В 1870-е гг. большая часть европейских правых сочувствовала карлистам, но в то же время некоторые авторы, чьи взгляды можно однозначно определить как консервативные, подвергали дон Карлоса-младшего критике. Ярким примером является публицистика Ф. М. Достоевского. В 1876 г. будущий автор «Братьев Карамазовых» сравнил лидера карлистов с Великим Инквизитором – очевидно, негативное оценочное суждение, в котором вводится образ, через несколько лет включенный в текст романа – и написал, что дон Карлос-младший пролил много крови «*ad maiorem gloriam Dei*»²²⁰. Федор Михайлович использует латинское выражение «*ad maiorem gloriam Dei*» («к вящей славе Божьей»), которое в данном случае становится прецедентной единицей интертекстуального характера. Оно является девизом общества Иисуса (иезуитов). Распространенная в Европе «черная легенда» об иезуитах создавала негативный образ членов ордена как интриганов, шпионов и отравителей. Ф. М. Достоевский ставит знак равенства между карлистами и иезуитами, и, хотя для такой параллели нет никаких оснований (кроме того факта, что и те, и другие являются католиками), данное сопоставление служит для оказания воздействия на читателя.

Русский писатель в своей публицистике противопоставлял дон Карлоса-младшего главе французских легитимистов графу Шамбору²²¹, соотнося последнего с дон Кихотом, своим любимым литературным персонажем [Багно, 1988: 350–362]. Дон Карлос-младший, таким образом, оказывается своего рода «анти-Кихотом» в представлении Ф. М. Достоевского. Критике подвергалась не только деятельность карлистского претендента на престол, но и стиль его текстов.

²²⁰ Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 22 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. С. 93. См. приложение А.

²²¹ Там же. С. 92. См. приложение А.

Ф. М. Достоевский пишет: «Он (*дон Карлос-младший* – прим. А. Т.) писал манифесты высоким и величавым слогом, и сам, первый, в них верил вполне»²²². В истории литературы высказывалось предположение, что такая точка зрения была обусловлена в целом негативным отношением писателя к католицизму; карлисты вызывали у него отторжение как католики-ультраконсерваторы [Weiner, 1992: 1544–1545].

В то же время отношения властей Российской империи с карлистским движением в конце XIX в. оставались хорошими. В войну 1872–1876 гг. при карлистской армии некоторое время находился будущий герой освобождения Болгарии и походов в Центральную Азию М. Д. Скобелев. В свою очередь сын дона Карлоса-младшего дон Хайме, «наследник» испанского престола в представлении карлистов, много лет служил в российской армии, участвовал в походе в Китай в 1900 г. и в русско-японской войне 1904–1905 гг. и вышел в отставку в 1909 г. в чине полковника. Традиционно положительное отношение к России среди карлистов сочеталось с негативным восприятием ее союзницы Франции. Французская республика критиковалась за свой секулярный характер, «якобинство» и отказ от монархических принципов. Когда в 1914 г. в Европе началась Первая мировая война, симпатии карлистов разделились: одни желали победы странам Антанты, другие сочувствовали более «консервативным» Центральным державам, противостоявшим англо-французскому «либерализму». В частности, к поддержке Антанты склонялся дон Хайме; прогерманской ориентацией отличались интегристы, а также один из идеологов карлизма Х. Васкес де Мелья [Comesaña, 2021: 250–256].

Внешнеполитические вопросы и проблема отношения к странам-участницам Первой мировой войны занимали важное место в карлистском газетно-публицистическом дискурсе, поэтому представляется оправданным подробно рассмотреть, как конфликт освещался на страницах карлистских газет. Наиболее крупным и влиятельным изданием карлистов в начале XX в. была газета

²²² Там же. С. 93. См. приложение А.

«El Siglo Futuro». О ее влиянии на политическую жизнь косвенно свидетельствует тот факт, что в дискурсе испанских левых существовал целый ряд пейоративных наименований издания: *El Siglo Troglodítico* («Век троглодитов»), *El Siglo Antediluviano* («Допотопный век»), *La Voz de la Caverna* («Голос из пещеры») и др. [Agudín, 2023: 31]. Газета, являясь «рупором» интегрлистов, в Первой мировой войне придерживалась прогерманской ориентации. Х. Л. Агудин в своей докторской диссертации указывает, что симпатии газеты к Центральным державам начали проявляться только после начала конфликта [Agudín, 2021: 200]; проведенный нами текстологический анализ публикаций в «El Siglo Futuro» показал, что уже при освещении предшествовавшего войне Июльского кризиса 1914 г. газета выступила с прогерманских позиций [Терещук, 2025а: 514].

28 июня 1914 г. сербский студент Г. Принцип застрелил в Сараево наследника престола Австро-Венгрии Франца Фердинанда. Последовавшее обострение международных отношений в Европе называют «Июльским кризисом»; этот кризис привел к Первой мировой войне, начало которой обычно отсчитывают с 1 августа (объявление Германией войны России). Вся европейская пресса крайне негативно оценила покушение, хотя, как пишет австралийский историк К. Кларк, на самом деле, в Сербии, Черногории и России сообщение об убийстве эрцгерцога многими было воспринято «с удовольствием» [Clark, 2013: 405–406]. «El Siglo Futuro» осудила покушение, по отношению к которому в заголовке на первой полосе был использован эпитет «*bárbaro*»²²³ («варварское»). Н. Б. Руженцева пишет, что оценка в СМИ «выражается прежде всего лексическими средствами» [Руженцева, 2018: 19]. Анализ лексических единиц, которые использовались в новостных текстах, свидетельствует о проавстрийских симпатиях редакции. Так, в антисербских демонстрациях в Австро-Венгрии принимали участие «*señoras de las más alta sociedad*»²²⁴ («дамы из самого высшего общества»); в то же время просербские митинги в Сараево имели «*caracteres*

²²³ El Siglo Futuro. 29.06.1914. № 2896. P. 1.

²²⁴ El Siglo Futuro. 01.07.1914. № 2898. P. 2.

alarmantes» («угрожающий характер») и приводили к «desmanes»²²⁵ («беспорядкам»). «El Siglo Futuro» подчеркнула, что Г. Принцип и другие участники покушения принадлежали к «religión cismática ortodoxa»²²⁶ («схизматической православной религии»). На самом деле, они были членами революционной организации «Млада Босна», которая выступала с антиклерикальных позиций, и называть их «православными» не совсем корректно. «El Siglo Futuro», ориентировавшаяся на католическую аудиторию, создавала «черно-белый» образ событий в Сараево, когда «православные» убийцы расстреляли католического принца и его супругу.

К концу июля 1914 г. кризис вышел за рамки спора об ответственности сербских властей за убийство Франца Фердинанда и оказался тесно связан с угрозой общеевропейской войны. В качестве истинного виновника кризиса «El Siglo Futuro» указывала Францию, которую газета называла «jacobina y anticatólica»²²⁷ («якобинской и антикатолической»). Вопросы внешней политики оказывались тесно связанными с внутренними испанскими проблемами: обвиняя Францию в развязывании войны, карлистская газета критиковала испанские либеральные СМИ и именовала их «eco de la prensa jacobina francesa»²²⁸ («эхом французской якобинской прессы»). При этом любопытно, что французский социалист Ж. Жорес, убежденный противник войны, с симпатией изображался на страницах «El Siglo Futuro». Убийство Ж. Жореса 31 июля 1914 г. было определено карлистской газетой как «villano atentado»²²⁹ («подлое покушение»). Хотя идеологически карлисты и французские социалисты находились на разных полюсах политического спектра, по тактическим соображениям в некоторых вопросах они могли выступать на одной стороне.

Тот факт, что союзницей Франции являлась Россия, привел к тому, что карлистская пресса, традиционно с симпатией относившаяся к нашей стране,

²²⁵ El Siglo Futuro. 30.06.1914. № 2897. P. 1.

²²⁶ El Siglo Futuro. 30.06.1914. № 2897. P. 1.

²²⁷ El Siglo Futuro. 27.07.1914. № 2920. P. 1.

²²⁸ El Siglo Futuro. 28.07.1914. № 2921. P. 1.

²²⁹ El Siglo Futuro. 01.08.1914. № 2925. P. 1.

подвергла критике позицию российского правительства в Июльском кризисе. 28 июля «El Siglo Futuro» написала, что «existe otra causa de pesimismo que es la siguiente: preparaciones militares de Rusia»²³⁰ («есть еще одна причина для пессимизма: военные приготовления России»). Хотя все страны готовились к войне, и Россия начала частичную мобилизацию своей армии только через три дня после мобилизации австро-венгерской и на следующий день после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, именно действия российских властей были названы «causa de pesimismo» («причина для пессимизма»). 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России; «El Siglo Futuro» следующим образом объяснила происходящее: «Mientras Alemania negociaba con Austria á instancias de Rusia, esta última movilizó sus fuerzas totales y amenazó así la seguridad de Alemania»²³¹ («Пока Германия вела переговоры с Австрией по просьбе России, последняя мобилизовала все свои силы и таким образом начала угрожать безопасности Германии»). В данном высказывании Германия упоминается в связке с глаголом *negociar* («вести переговоры»), в то время как Россия – с глаголами *movilizar* («мобилизовать») и *amenazar* («угрожать»), то есть текст имплицитно идею о России как агрессоре.

В дальнейшем, в течение Первой мировой войны, прогерманская ориентация «El Siglo Futuro» стала более заметной. Соответственно, газета создавала негативный образ стран Антанты, в том числе и России. В тексты новостных заметок о России включались отдельные русские слова, набранные латиницей и выделенные курсивом: например, *ukase*²³² («указ») вместо исп. *decreto*; *sotnia*²³³ («казачья сотня») вместо исп. *centenar*. В данном случае эти русизмы, имеющие негативное коннотативное значение, использовались в функции негативизации [Белоглазова, 2019: 50–52]: они создавали образ далекой, «чужой» и «опасной» России.

²³⁰ El Siglo Futuro. 28.07.1914. № 2921. P. 1.

²³¹ El Siglo Futuro. 02.08.1914. № 2926. P. 1.

²³² El Siglo Futuro. 09.03.1917. № 3095. P. 1.

²³³ El Siglo Futuro. 17.03.1917. № 3102. P. 1.

Как известно, Россия вышла из Первой мировой войны в результате произошедшей в 1917 г. революции. Идеологически карлисты, естественно, были противниками революционеров, однако происходящее в России было выгодно Центральным державам. По этой причине, «El Siglo Futuro», воздерживаясь от представления революционных событий в положительном ключе, акцентировала внимание на бедственном положении дел в нашей стране. «Lo positivo es que la revolución antizarista ha triunfado»²³⁴ («Положительный момент заключается в том, что антицаристская революция победила»), – эта фраза из редакционной статьи 16 марта 1917 г. характеризует двойственное отношение «El Siglo Futuro» к петроградским событиям: монархическая газета приветствует падение монархии. О том, что революция сама по себе не вызывала у интегрисов никаких симпатий, свидетельствует тот факт, что для описания революционных потрясений используется лексика, употребляющаяся в медицине применительно к заболеваниям – распространенный прием в политическом дискурсе [Fairclough, 1996: 120]. Например, газета указывает, что революция уже полгода «estaba latente»²³⁵ («развивалась в скрытой форме»; ср.: *infección latente*, «латентная инфекция») [Терещук, 2025b: 27]. В отдельных случаях, подчеркивая стремительность и необратимость революционных изменений, «El Siglo Futuro» обращается к грамматическим средствам выражения оценки. Так, 19 марта в газете появилось сообщение о том, что «la revolución parece irse extendiendo»²³⁶ («Кажется, что революция распространяется»). Употребленная в данном примере аккумулятивная (исп. «acumulativa») и инкрементальная (исп. «incremental») конструкция «ir + герундий» (вместо «estar + герундий») акцентирует внимание читателей на том, что действие развивается с нарастающей интенсивностью [Nueva gramática de la lengua española, 2010: 548]. В данном случае выбор грамматических средств в газетном тексте имплицитно подразумевает сравнение революции с эпидемией.

²³⁴ El Siglo Futuro. 16.03.1917. № 3101. P. 1.

²³⁵ El Siglo Futuro. 16.03.1917. № 3101. P. 2.

²³⁶ El Siglo Futuro. 19.03.1917. № 3103. P. 2.

Некоторые из образов революционной России, создававшихся на страницах «El Siglo Futuro», апеллировали не только к разуму читателей, но и к их чувствам. Например, газета использовала по отношению к российскому государству метафорическое сравнение с «*arca cerrada*» («запертым сундуком»), в котором полыхает «*voraz incendio*»²³⁷ («неугасимый пожар»). В испанском языке лексема *arca* имеет значение «сундук», но также входит в состав словосочетания *Arca de la Alianza* («Ковчег Завета»), которое относится к упоминаемому в Ветхом Завете хранилищу скрижалей с Десятью заповедями. В лютеранской традиции его часто изображают с горящим внутри огнем. Метафора, отсылающая к лютеранству, могла вызывать у читателей ультракатолической газеты негативные эмоции [Терещук, 2025b: 28].

Таким образом, хотя на протяжении всего XIX в. карлисты положительно относились к нашей стране, в некоторые исторические моменты отдельные направления карлизма могли оказываться на антироссийских позициях. Впрочем, как было отмечено выше, часть карлистов склонялась к поддержке стран Антанты. Личный секретарь претендента на престол дона Хайме, М. Феррер даже отправился добровольцем на фронт в составе французского Иностранного легиона [Caspistegui, 2023: 116–118]. Впоследствии М. Феррер получит известность как историк, первый автор 30-томной «Истории испанского традиционализма». Кроме того, он активно занимался журналистикой, писал для ряда карлистских изданий. В 1912 г. в газете с говорящим названием «*La Trinchera*» («Окоп») он опубликовал статью на каталанском языке «*¡Visca la violencia!*» («Да здравствует насилие!»). Автор отстаивал идею о необходимости сопротивления злу силой:

Nostra violencia solament es un desordre pera restablir l'ordre <... > No temeu, joves jaumistas, la violencia. Ella es feconda sempre, quan está al servey d'un ideal tan gran com el que defensém. Recordeu que son molts els cassos en qu'es més convincent un cop de puny que un rahonament, sobre tot quan l'acte violent va dirigit per la rahó y

²³⁷ El Siglo Futuro. 16.03.1917. № 3101. P. 1.

lo dret²³⁸ («Наше насилие представляет собой всего лишь беспорядок, чтобы восстановить порядок <...> Не бойтесь насилия, молодые хаймисты (*в 1909–1931 гг. карлисты часто именовали себя хаймистами, по имени своего лидера дона Хайме – прим. А. Т.*). Оно всегда приносит плоды, когда стоит на службе у такого великого идеала, который мы защищаем. Помните, что во многих случаях удар кулаком оказывается более убедителен, чем убеждение, особенно, когда акт насилия направляется правдой и законностью»).

Такого рода высказывания коррелируют с известной фразой о «диалектике кулаков и пистолетов», получившей распространение в дискурсе фалангистов в 1930-е гг. [Payne, 1961: 40], и могут служить оправданием для открытого восстания. В 1936 г. и М. Феррер, и все карлистское движение в целом примкнули к выступлению армии против правительства «Народного фронта».

Гражданской войне предшествовало установление режима Второй республики, которое сопровождалось заметной поляризацией политической жизни в Испании. Падение монархии в 1931 г. было спокойно встречено карлистской прессой: карлисты воспринимали Альфонсо XIII как узурпатора и критиковали его проект либеральной монархии. 14 апреля 1931 г., в день провозглашения республики, в редакционной статье в «El Siglo Futuro» заявлялось: «Sufre España ahora los efectos de un huracán, que por lo que a nosotros se refiere, no ha de arrastrarnos <...> No serviremos tampoco a ningún régimen cuyos principios sean los del sistema liberal»²³⁹ («Над Испанией сейчас проносится ураган, но нас он не затронет <...> Мы также не будем служить никакому режиму, основанному на либеральных принципах»). Две недели спустя газета сформулировала основные ценности, на которых строится карлистская идеология, вне зависимости от того, какой образ правления существует в Испании: «la Religión, la Patria, la Autoridad, la Familia, la Propiedad, la Justicia, la Pública

²³⁸ La Trinchera. 06.07.1912. № I/1. P. 1–2.

²³⁹ El Siglo Futuro. 14.04.1931. № 7336. P. 1.

moralidad»²⁴⁰ («Религия, Родина, Власть, Семья, Собственность, Справедливость, Общественная мораль»). Отметим использование прописных букв и определенного артикля перед каждым словом, что подчеркивало релевантность всех перечисленных концептов.

Уже в начале мая 1931 г. серия поджогов церквей, на которую республиканское правительство фактически закрыло глаза, вызвала недовольство у карлистов. 4 мая на первой полосе «El Siglo Futuro» вышла статья под заголовком «Agentes y dinero de Moscú. La República y el comunismo» («Агенты и деньги Москвы. Республика и коммунизм»). Публикация обвиняла в прокатившихся по стране беспорядках неких «агентов Кремля». «El hombre que niega a Dios y proclama que la religión es el opio de los pueblos, conforme el dicho de Lenin» («Человек, который отрекается от Бога и провозглашает, как сказал Ленин, что религия – это опиум для народа»), – так католическая газета рисовала себе типичного сторонника левых взглядов. При этом отметим слабое знакомство автора статьи с политической обстановкой в СССР: «Trostky (*sic!*) está para venir, si no ha venido ya» («Троцкий вот-вот придет, если уже не пришел»), – утверждалось в тексте, а затем автор концепции перманентной революции перечислялся в одном ряду с «agentes de Moscú»²⁴¹ («агентами Москвы»). На самом деле, в 1929 г. Л. Д. Троцкий был выслан из Советского Союза, а его последователей никак нельзя было назвать «агентами Москвы»: наоборот, троцкисты подвергались в СССР резкой критике [Слышкин, 2005: 14–15]. Кроме того, очевидно, что немногочисленная на тот момент Коммунистическая партия Испании – единственная политическая сила в стране, которую можно бы было определить как «агента Москвы» – никакой роли в погромах не играла и в поджогах церквей заинтересована не была. Однако для использования тактики обвинения совсем не обязательно публиковать достоверную информацию; в то же время акцентирование внимания на внешней угрозе позволяло карлистской газете мобилизовать своих сторонников, сплотить их для противостояния «врагу».

²⁴⁰ El Siglo Futuro. 27.04.1931. № 7347. P. 1.

²⁴¹ El Siglo Futuro. 04.05.1931. № 7352. P. 1.

Упоминания советской «угрозы» впоследствии часто появлялись в «El Siglo Futuro». Так, три недели спустя, издание указало, что «cada día se publica en España una nueva revista, un nuevo semanario de propaganda soviética»²⁴² («каждый день в Испании выходит новый журнал, новый еженедельник с советской пропагандой»), – преувеличение, очевидное уже в силу семантики лексемы *semanario* («еженедельник»), обозначающей издание, выходящее раз в неделю, но никак не каждый день.

Кульминацией политической борьбы во Второй испанской республике стали выборы 16 февраля 1936 г., победу на которых одержала коалиция левых партий «Народный фронт». Правые обвиняли власти в нарушениях в проведении выборов, в том, что в рабочих кварталах консерваторы не могли прийти на избирательные участки, опасаясь расправы со стороны левых активистов [Brennan, 1960: 300]. На несовершенство процедуры выборов намекала «El Siglo Futuro». 17 февраля 1936 г. на первой полосе газеты появилась большая фотография, на которой три прилично одетых человека (один из них в карлистском берете) стояли с поднятыми руками, ожидая, пока их досмотрят полицейские. Подпись к фотографии сообщала, что на ней бойцы Рекете из Витории «al ser cacheados ayer, cuando prestaban servicio de orden durante la elecciones celebradas»²⁴³ («подвергаются обыску, когда они оказывали услуги по обеспечению безопасности на проведенных вчера выборах»). Хотя газета опубликовала правдивую информацию, текст в сочетании с фотографией содержал сильное антиправительственное сообщение: «законопослушные» карлисты оказывают помощь в обеспечении безопасности на избирательном участке, но силы правопорядка обыскивают их и заставляют стоять с поднятыми руками (см. фотографию в приложении I). Фотография не просто фиксировала реальность, но транслировала читателям дополнительные смыслы. Редакционная статья, посвященная выборам, уже напрямую критиковала сложившуюся ситуацию и характеризовала выборы как *espectáculo* («спектакль»), а республику – как *sistema*

²⁴² El Siglo Futuro. 26.05.1931. № 7369. P. 1

²⁴³ El Siglo Futuro. 17.02.1936. № 18530. P. 1.

(«систему»): «El espectáculo de ayer no nos interesa. Sus consecuencias ya las habíamos previsto <...> Pero lo cierto es que España, con este sistema, no tiene salvación»²⁴⁴ («Вчерашний спектакль нас не интересует. Его последствия мы уже давно предвидели <...> Но совершенно точно можно сказать, что Испании нет спасения с этой системой»).

Соответственно, с начала весны 1936 г. карлисты начали готовиться к открытому выступлению против правительства «Народного фронта». Лидеры «Традиционалистского объединения» имели ряд серьезных идеологических расхождений с другими противниками левых. Одним из главных организаторов восстания 1936 г. был генерал Э. Мола, занимавший пост военного губернатора Памплоны, города, большая часть населения которого поддерживала карлистов. Генерал придерживался республиканских взглядов и в идеологическом отношении имел мало «точек пересечения» с «Традиционалистским объединением». Так, он предлагал поднимать восстание под трехцветным красно-желто-фиолетовым республиканским флагом, а не под двухцветным красно-желтым монархическим, чтоб было неприемлемо для карлистов [Preston, 2023: 208]. Не отказываясь от своих принципов, за несколько недель до начала войны «El Siglo Futuro» призывала к объединению всех консервативных политических сил и подчеркивала значимость концептов *unidad nacional* («национального единства») и *unidad de mando* («единого командования»):

...cimientos que están clavados en el alma española y son consubstanciales al pueblo español y que nosotros expresamos en el triple lema de nuestra Comunión política: La unidad religiosa, la unidad nacional y la unidad de mando. O conforme al lema mismo: Dios, Patria y Rey²⁴⁵ («основания, которые записаны в самой испанской душе, которые присущи испанскому народу и которые мы формулируем в тройном лозунге нашего политического Объединения:

²⁴⁴ El Siglo Futuro. 17.02.1936. № 18530. P. 5.

²⁴⁵ El Siglo Futuro. 29.06.1936. № 18643. P. 5. Х. Л. Агудин отмечает, что содержание этого текста напоминает о карлистском гимне «Марш Ориаменди» [Agudín, 2023: 453].

религиозное единство, национальное единство и единство командования. Или, в соответствии с нашим девизом: Бог, Родина и Король»).

Несколько десятилетий назад главный лозунг карлистского движения включал в себя четвертый элемент: *fueros* («фуэрос»). В изменившейся политической обстановке, когда каталонские и баскские националисты оказались на стороне «Народного фронта», акцентирование внимания на регионализме карлистской идеологии могло отпугнуть от альянса с «Традиционалистским объединением» правых армейских офицеров, для которых идея о единстве страны была основной в их идеологической программе. Таким образом, главная карлистская газета фокусировалась на тех элементах идеологии движения, которые «Традиционалистское объединение» разделяло с другими правыми силами, и умалчивало о регионализме, который в 1936 г. был более характерен для левых. Публикация в «El Siglo Futuro» коррелирует с текстом манифеста Центральной военной хунты Наварры, опубликованном практически одновременно и относящимся к институциональному дискурсу. В манифесте, призывавшем карлистов к действиям (правда, без уточнения, к каким именно), заявлялось, что «este movimiento es nacional, no es íntegramente carlista»²⁴⁶ («это движение национальное, а не исключительно карлистское»). В послевоенной традиционалистской историографии карлизма также делался акцент на том, что восстание против Республики в 1936 г. было проявлением «испанского духа» (исп. «españolismo»), направленного против иностранного влияния [Elías de Tejada, 1954: 15].

Таким образом, после перехода карлистов от попыток захватить власть исключительно путем вооруженного восстания к политической борьбе пресса движения начала бурно развиваться. Если на первом выделенном нами этапе существования карлистской прессы (1833–1868) главную роль в освещении событий на Пиренейском полуострове играли зарубежные издания, выступавшие

²⁴⁶ Manifiesto de la Junta Central de Guerra de Navarra (06.1936) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. P. 105–106.

с прокарлистских позиций, то в 1868–1936 гг. на первый план вышли собственно испанские газеты, выходившие как на испанском, так и на миноритарных языках Испании. В данный период в карлистском движении произошли два крупных раскола (интегристский в 1888 г. и мельистский в 1919 г.), которые были преодолены только в 1932 г.; кроме того, в идеологии собственно карлизма произошли определенные изменения: если в 1870-е гг. одним из ее центральных элементов был регионализм, то к 1930-м гг. место регионализма заняла идея национального единства. Несмотря на все диахронические изменения, карлистский газетно-публицистический дискурс в данный период сохраняет ряд ядерных маркеров, которые позволяют идентифицировать его как единую дискурсивную разновидность.

4.1.3. Карлистский газетно-публицистический дискурс после 1936 г.

18 июля 1936 г. в Испании началась Гражданская война. Карлисты оказались по одну сторону фронта с фалангистами, монархистами-альфонсистами, седистами и представителями других консервативных политических сил, которые именовали себя «Национальной Испанией» (исп. «España Nacional»). Более точным и менее идеологизированным наименованием является термин «франкисты» (исп. «franquistas»), по имени генерала Ф. Франко, возглавившего армию «Национальной Испании» с октября 1936 г. «Декрет об Объединении» 1937 г. фактически лишил карлистов субъектности: юридически они теперь входили в состав «Национального движения» (исп. «Movimiento Nacional»). В условиях военного времени и последовавшей вслед за Гражданской войной диктатуры теоретически карлистский институциональный дискурс влился в условный единый франкистский дискурс. Вопрос о том, какую роль карлистские маркеры играли в дискурсе франкизма, заслуживает отдельного исследования. В то же время карлистская пресса сохраняла большую степень свободы. Хотя в период диктатуры Ф. Франко в стране осталось всего несколько изданий, тексты в

которых можно отнести к карлистскому дискурсу, их анализ представляет релевантность для настоящего исследования.

С началом боевых действий в июле 1936 г. карлистские газеты, чьи редакции находились на территории, оставшейся под контролем республиканцев, естественно, были закрыты (или, как было показано во второй главе, отдельные издания продолжали выходить под старым названием, но полностью изменили идеологическую направленность). В частности, исчезла выходившая в Мадриде крупнейшая газета движения «El Siglo Futuro»; 17 сотрудников редакции были репрессированы республиканскими властями [Agudín, 2023: 467]. При этом печатные органы, оказавшиеся на франкистской территории, подвергались жесткой цензуре и фактически перестали являться собственно карлистскими изданиями.

В то же время ряд текстов, опубликованных в русской эмигрантской прессе в 1936–1939 гг., могут быть отнесены к карлистскому газетно-публицистическому дискурсу. Не менее 45 белых эмигрантов, преимущественно офицеров, во время Гражданской войны в Испании служили в отрядах Рекете; некоторые из них регулярно публиковали материалы в прессе о ходе боевых действий. Конечно, среди русской военной эмиграции существовали разные точки зрения относительно участия белых добровольцев в испанской войне. 4 октября 1936 г. публицист и историк А. А. Керсновский в эмигрантской газете «Царский вестник» опубликовал статью под названием «Никаких испанцев!». Автор подверг критике русских добровольцев, собиравшихся отправиться воевать на стороне франкистской Испании. Он обосновывал свою позицию тем, что испанцы никак не помогли Белому движению в Гражданской войне в России. «Что делали тогда (во время Гражданской войны в России – прим. А. Т.) эти посылающие нам сейчас свой привет г. г. испанские офицеры? Где они были тогда? – Под Тихорецкой? Армавиром? Царицыном? Харьковом? Или, быть может, под Киевом и Орлом? Во всяком случае, опоздав к Московскому походу, они успели, конечно, прибыть

к перекопским боям?»²⁴⁷, – задавал риторический вопрос А. А. Керсновский. Для воздействия на читателей он использовал историческую аналогию, ключевым элементом которой является «процесс переноса признака» [Беклямишев, 2023: 32]: противостояние в Испании соотносилось с Гражданской войной в России, а перечисление ряда военных эпизодов было ориентировано на ветеранов конфликта 1917–1922 гг., которые были хорошо знакомы с данными событиями, имевшими для них сверхличностный характер и выступавшими в качестве прецедентных текстов [Караулов, 2010: 216]. Любопытно, что использованный А. А. Керсновским прием перекликается с технологией воздействия на аудиторию в публикации карлистского публициста Л. Карбонеро в газете «La Cruz» во время Крымской войны (1853–1856). Автор «предостерегал» читателей от симпатий по отношению к России и также ссылался на исторические прецеденты: «¿Qué hizo Rusia al ver destruído a don Miguel? ¿Qué hizo al ver fugitivo a don Carlos?» («Что сделала Россия после поражения дона Мигеля (в Португалии в 1834 г. – прим. А. Т.)? Что сделала, когда дон Карлос был вынужден бежать из страны?») (цит. по: [Терещук, 2025f: 53]).

Далеко не вся военная эмиграция разделяла точку зрения А. А. Керсновского. Другой известный публицист В. Х. Даватц, также используя прецедентные феномены, подверг критике вышеупомянутую статью. Само название материала В. Х. Даватца – «Смердяковская мораль» – было отсылкой к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского. Автор высказывает мысли, созвучные идеям «Белого интернационала» 1870-х гг., и заканчивает свой текст следующими словами: «Белая борьба созидалась на чувстве чести и правды. Не смердяковской керсновщине подменить ее тупым эгоизмом»²⁴⁸. Автор использует лексему *керсновщина*, имеющую очевидную негативную окраску и созвучную с употреблявшимся в 1917 г. в России словом *керенищина*, которое давало отрицательную оценку политике А. Ф. Керенского – одиозной фигуры для большей части белой эмиграции. Кроме того, публицист проводит прямую связь

²⁴⁷ Царский вестник. 04.10.1936. № 521. С. 2 (цит по: [Семенов, 2016: 178–179]).

²⁴⁸ Часовой. 01.11.1936. № 177. С. 15–16 (цит. по: [Семенов, 2016: 184–187]).

между Белым движением в России и франкизмом в Испании. Хотя с точки зрения политологии такое сопоставление является некорректным, в эмигрантской публицистике 1930-х гг. оно получило широкое распространение.

Статья В. Х. Даватца была опубликована в журнале «Часовой», выходившем в Париже, а с 1936 г. – в Брюсселе. Главный редактор «Часового» капитан В. В. Орехов выступал за активную поддержку франкистов со стороны русской эмиграции. 1 сентября 1936 г. он опубликовал статью «Два фронта», в которой изложил основные принципы русских офицеров, отправлявшихся на Пиренейский полуостров:

Два фронта разделяют население Европы. Фронт безбожия, интернациональной шпаны, безудержного хамства и отрицания всего святого, возглавляется красной Москвой <...> Против него восстал другой фронт – белый. В нем соединились все здоровые силы европейских народов, понявшие ложь и коварство интернациональных обманщиков. Этот фронт – белый фронт – является естественным продолжением нашей борьбы с большевиками, начатой во имя России, человечества и национальной чести²⁴⁹.

Подобный текст в переводе на испанский язык мог бы появиться на страницах любой карлистской газеты. Текст В. В. Орехова повторяет идеи, высказанные в процитированной выше статье К. Бенитеса Кабальеро 1874 г., в которой основатель газеты «La Voix de la Patrie» призывал к объединению всех консерваторов. Русский эмигрант подчеркивает, что противником является *интернациональная шпана* и *интернациональные обманщики*, но сам предлагает противопоставить им другой «интернационал», представляющий некие «здоровые силы» в Европе. Стоит заметить, что в дискурсе испанских республиканцев идеи интернационализма и объединения коммунистов и революционеров из разных стран также играли важную роль [Терещук, 2017b: 201–202].

²⁴⁹ Часовой. 01.10.1936. № 173. С. 4 (цит. по: [Семенов, 2016: 187–188]).

На протяжении всей войны 1936–1939 гг. «Часовой» регулярно публиковал материалы о событиях в Испании. Авторами многих публикаций стали русские участники карлистского движения. О правомерности отнесения данных текстов к изучаемой нами дискурсивной разновидности свидетельствует несколько фактов:

(1) Употребление карлистских слоганов и специфической лексики, характерной для дискурса карлистов. «За Бога, за Отечество, за Короля! Этот клич, еще вчера чуждый для нас, сейчас сделался близким и родным, – пишет генерал Н. В. Шинкаренко, регулярно отправлявший свои репортажи в редакцию “Часового”, и добавляет, – Я – рекетист. Рекеты – это армия карлистов, католическая и монархическая»²⁵⁰. В данном примере фиксируется иноязычное заимствование, образованное от исп. *Requeté*. Слово *рекете* часто встречается в русской эмигрантской публицистике тех лет. Как и в испанском языке, оно может выступать в качестве названия военизированной организации (в таком случае, как правило, пишется с прописной буквы), так и обозначать отдельного участника карлистского ополчения. Например, другой русский карлист, автор статьи «Как дралась Наварра», подписал свой текст следующим образом: «Первопоходник, рекете В. К. (Ковалевский)»²⁵¹. Автор идентифицирует себя как участника «Ледяного» похода 1918 г. – знакового эпизода в истории Белого движения в России – и одновременно как испанского карлиста.

(2) «Манихейский» взгляд на мир, существование четкой оппозиции «мы» – «они» во всех публицистических текстах. Если рядовые солдаты противника могут восприниматься как «обманутые» люди, объекты действия неприятельской пропаганды, то лидеры республиканской Испании, особенно члены Компартии, предстают на страницах эмигрантской прессы как «абсолютное» зло. Авторы текстов не делают попытки понять мотивацию или рационально объяснить действия своего противника. «Красные, пока занимали эти места, зверствовали, и мы, проходя деревни, видели разрушенные и загаженные церкви <...> Белые в

²⁵⁰ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 189.

²⁵¹ Там же. С. 261.

Испании защищают веру, культуру и Европу от красных зверей»²⁵², – высказывания такого рода часто встречаются как на страницах «Часового», так и в испанской карлистской прессе. При этом противоположная сторона идеализируется: рассказывая о преступлениях республиканцев, русские карлисты не пишут о репрессиях по отношению к мирному населению со стороны франкистов, то есть прибегают к селекции информации, ее отборе в целях манипуляции [Рябуха, 2022: 1943].

(3) Смещение религиозного и политического дискурса. Религиозный компонент играл важную роль в дискурсе карлизма с самого начала истории существования движения; аналогичным образом для русских карлистов религия является неотъемлемой частью политики и войны. «Вера движет белые войска Франко», – писал один из русских карлистов²⁵³. Даже религиозные праздники оказываются связаны с политикой. В статье, посвященной празднованию Пасхи членами русского отряда в составе карлистского ополчения, автор рассказывает о застолье, во время которого прозвучали тосты «за Россию, за Испанию, за нашего Генералиссимуса (за *Ф. Франко* – прим. А. Т.)», а само торжество дало русским добровольцам «новые силы на тернистом пути служения нашему общему делу». Завершается публикация пасхальным приветствием «Воистину Воскресе!»²⁵⁴. Религиозные мотивы встречаются и в строго технических описаниях боевых действий: «Дальняя разведка <...> может наткнуться на засаду красных; тогда – ручные бомбы и милость Божья!», – пишет в одной из заметок штабс-ротмистр С. К. Гурский, публиковавшийся под псевдонимом «Али Гурский»²⁵⁵. Показательно, что в проанализированных текстах нет противопоставления католицизма и православия: «дело» карлизма позиционируется как общий для всех христиан «крестовый поход» против атеизма и воинствующего антиклерикализма, что также характерно для карлистского и франкистского дискурсов.

²⁵² Там же. С. 191.

²⁵³ Там же. С. 189.

²⁵⁴ Там же. С. 191.

²⁵⁵ Там же. С. 224.

Победа франкистов в Гражданской войне 1936–1939 гг. привела к установлению в Испании диктатуры генерала Ф. Франко, остававшегося у власти до своей смерти в 1975 г. Формально карлисты входили в состав «Национального движения»; некоторые из карлистских лидеров заняли высокие посты в испанском государстве. Однако Ф. Франко не собирался передавать власть в стране карлистскому претенденту на престол дону Хавьеру: преемником диктатора стал Хуан Карлос, внук бежавшего из страны в 1931 г. короля Альфонсо XIII. Большая часть карлистских газет либо были закрыты, либо оказались вынуждены публиковать тексты, относящиеся к дискурсу франкистского режима. Ряд собственно карлистских публикаций в период франкизма выходил в полуподпольных изданиях, имевших ограниченное распространение. Ценным источником текстов такого рода является диссертация Р. М. Родона [Rodon, 2015], в которой приводятся многочисленные статьи, относящиеся к карлистскому газетно-публицистическому дискурсу в 1939–1975 гг.; в большинстве случаев автор указывает, что цитируемое издание находится в его личном архиве.

27 января 1939 г., на следующий день после входа франкистских войск в Барселону и за несколько месяцев до окончания Гражданской войны, издание «El Correo Catalán» опубликовало специальный выпуск, в котором излагало свою точку зрения на текущую политическую ситуацию. В качестве ключевых идеологем карлизма, релевантность которых подчеркивалась в публикации, назывались *Religión* («Религия»), *España* («Испания») и *Tradición* («Традиция») ²⁵⁶; если первые две также были характерными маркерами франкистского дискурса, то *Tradición* являлась основной идеологемой для карлистского дискурса. Как будет показано далее, в последующие десятилетия роль этих концептов в дискурсе карлизма изменится.

Вход войск Ф. Франко в столицу Каталонии часто рассматривается каталонскими националистами как начало периода репрессий против каталанского языка и культуры. Действительно, во франкистской Испании был отменен Статут

²⁵⁶ El Correo Catalán. 27.01.1939. Hoja extraordinaria. P. 1–2 (цит. по: [Rodon, 2015: 36–37]).

об автономии Каталонии, и единственным языком, использовавшимся в администрации, стал испанский. Утверждение о полном «запрете» каталанского языка в период франкизма, встречающееся в некоторых научных работах [Авилова, 2010: 5; Benet, 1978: 11; Ferrer i Gironès, 1985: 270], конечно, является сильным преувеличением: за весь период диктатуры правительство Испании не выпустило ни одного законодательного акта, который бы запрещал использование каталанского языка; более того, на региональном языке выходили книги и отдельные периодические издания, он преподавался в университетах и постепенно вводился в школьную программу [Терещук, 2018b: 156–159]. Однако на индивидуальном уровне многие сторонники режима негативно относились к употреблению каталанского языка и к другим проявлениям региональной культуры, то есть отмечалась описанная Т. ван Дейком ситуация противопоставления личных убеждений («personal beliefs») и социальных убеждений («social beliefs») [Van Dijk, 1998: 32]. В Каталонии в первые годы после Гражданской войны получают распространение такие слоганы, как «Si eres patriota, habla español» («Если ты патриот, говори по-испански») или «Si eres español, habla la lengua del Imperio» («Если ты испанец, говори на языке Империи») [Терещук, 2018b: 155]. В данном контексте карлисты, традиционно пользовавшиеся популярностью в Каталонии и Стране Басков и активно употреблявшие миноритарные языки (особенно каталанский) в публицистике, оказывались в оппозиции к своим бывшим соратникам по Гражданской войне. Выпуск газет на каталанском языке сам по себе не был юридически наказуемым деянием, но многими франкистами воспринимался как своего рода «фрондерство».

Протестом против режима было не только использование каталанского языка, но и содержание некоторых материалов, появлявшихся в полулегальных карлистских изданиях. В 1957 г. газета «Boina Roja» опубликовала статью, посвященную собранию карлистов в монастыре Монсеррат. Текст на испанском языке подчеркивал верность Каталонии испанской монархии и подчеркивал, что

именно либералы всегда пытались «pisotear sus fueros seculares» («растоптать ее извечные фуэрос»). Формально в этом высказывании не было никакой «крамолы», но в ситуации, когда Испания представляла собой монархию только на бумаге, главой государства являлся сам Ф. Франко, а государство проводило политику жесткой централизации, это обвинение в либерализме легко могло быть перенесено на франкистский режим. Статья завершалась текстом песни на каталанском языке: «Som cristians, / la iglesia (*sic!*) es nostra mare. / Som espanyols, / El Rei es nostre pare. / Som catalans, / lleials sempre serem»²⁵⁷ («Мы христиане, / церковь – наша мать. / Мы испанцы, / Король – наш отец. / Мы каталонцы, / мы всегда будем верны»). Сочетание общенационального и миноритарного языков подчеркивало региональную идентичность автора текста – распространенный прием в политическом или рекламном дискурсе [Гузь, 2023: 858]. В 1936 г. этот текст, относящийся к карлистскому дискурсу, мог бы восприниматься как профранкистский; в 1957 г. он становился антифранкистским.

Год спустя в подпольном издании «Patria» вышла статья на каталанском языке, в которой испанский централизм критиковался уже открыто. «Les guerres civils no són acabades fins que les causes, que les ocasionaren, han desaparegut» («Гражданские войны не заканчиваются до тех пор, пока причины, приведшие к ним, не исчезнут»)²⁵⁸, – утверждал неизвестный автор, подписавший материал литерой «G.». Единственной политической силой в Испании, способной решить вопрос региональных противоречий, по его мнению, были карлисты. Эту статью также нужно рассматривать в контексте политической коммуникации в Испании в конце 1950-х гг. Официальная пропаганда режима заявляла, что страна смогла решить все проблемы, которые привели к Гражданской войне. Через несколько месяцев после публикации этого текста под Мадридом будет открыта «Долина павших» (исп. «Valle de los Caídos») – огромный мемориальный комплекс, в котором захоронены останки тысяч погибших в войне с обеих сторон; его открытие должно было символизировать завершение *Cruzada* («Крестового

²⁵⁷ Boina Roja. 1957. № 22. P. 1 (цит. по: [Rodon, 2015: 132–133]).

²⁵⁸ Patria. 09.1958. № 10. P. 2 (цит. по: [Rodon, 2015: 158]).

похода») [Зыгмонт, 2023: 150–153]. Автор статьи, заявляя о продолжении Гражданской войны, напрямую противоречил Ф. Франко.

Конечно, было бы некорректно рассматривать карлистский газетно-публицистический дискурс периода франкизма как исключительно оппозиционный по отношению к режиму. Многие материалы, появлявшиеся даже в полуподпольных изданиях, не вступали в противоречие с основными идеологемами франкистского дискурса. Так, в мае 1961 г. в карлистской газете «Azada y Asta» вышло интервью с бывшим королем Болгарии Симеоном II, который в 1946 г. эмигрировал из своей страны и проживал в Испании. Заявления монарха можно рассматривать в контексте антисоветского дискурса периода Холодной войны: он предсказывал крах советской системы и демократизацию стран Восточной Европы. Однако сам факт того, что король давал интервью карлистской газете, наложил отпечаток на содержание его высказывания: главным упреком в адрес социалистических стран стало не отсутствие свободных выборов или плановая экономика (типичные темы для критики советской системы со стороны западных политиков), но ограничение религиозных свобод и репрессии в отношении духовенства²⁵⁹. Показательно, что, как было показано в предыдущей главе, всего через несколько лет некоторые из представителей карлистской ветви династии Бурбонов будут в положительном ключе высказываться о Советском Союзе и о политике Л. И. Брежнева. Если бы бывший король Болгарии давал интервью десятилетием позже, его высказывание могло бы быть интерпретировано как отстаивание карлистской «ортодоксии» и критика левого карлизма.

Появление данного направления и раскол среди карлистов были связаны с оппозицией части карлистов к Ф. Франко. Интеграция социалистических элементов в идеологию движения, естественно, получила отражение в газетно-публицистическом дискурсе. В главе, посвященной институциональному карлистскому дискурсу, было показано изменение коннотативного значения

²⁵⁹ Azada y Asta. 05.1961. № 11. P. 6–7 (цит. по: [Rodon, 2015: 246–247]).

идеологемы *revolució*n («революция»); аналогичный процесс отмечается в газетно-публицистическом дискурсе той части карлистского движения, которая решила примкнуть к дону Карлосу Уго. В 1971 г. издание каталонских карлистов «Som i serem. Butlletí del carlisme català» выпустило статью, начинавшуюся с утверждения, которое было бы невозможно представить в каком-либо традиционном карлистском тексте, выпущенном за предыдущие 138 лет истории движения: «Hoy el Carlismo es Revolución y puede marchar codo con codo con muchos revolucionarios de hoy» («Сегодня Карлизм – это Революция, и он может идти рядом со многими сегодняшними революционерами»). В качестве главного «врага» в публикации назывался «individualismo burgués y capitalista»²⁶⁰ («буржуазный и капиталистический индивидуализм»). В другом тексте в качестве одной из задач дона Карлоса Уго называлась борьба за очищение «Карлистской партии» от «lastre conservador y reaccionario»²⁶¹ («консервативного и реакционного балласта»). Показательно, что в данном примере в качестве определения к слову *lastre* («балласт») употреблены именно эти эпитеты: карлисты никогда не называли себя «реакционерами», а концепт «консерватизм» всегда играл второстепенную роль в их дискурсе. В то же время использование в этом контексте близких по значению лексем *tradicional* («традиционный»), *tradicionalista* («традиционалистский»), *antiguo* («старинный») и т. п., который часто встречались в карлистском дискурсе и имели положительное коннотативное значение, могло бы произвести обратный эффект и оттолкнуть многих участников движения от программы дона Карлоса Уго.

Неизбежно возникает вопрос, правомерно ли рассмотрение дискурса левых карлистов как одной из разновидностей карлистского дискурса. В случае с институциональным дискурсом оправданность такого подхода сомнений не вызывает: ряд руководителей движения в течение 1960-х – 1970-х гг. постепенно меняли дискурсную формацию производимых ими текстов и транслировали своим

²⁶⁰ Som i serem. Butlletí del carlisme català. 03.1971. № 1. P. 2 (цит. по: [Rodon, 2015: 522]).

²⁶¹ IM. Información mensual. Boletín interno del Carlismo. 01.1972. № 16. P. 4 (цит. по: [Rodon, 2015: 526]).

сторонникам новые идеологические установки. Все основные идеологемы карлистского дискурса – *Dios* («Бог»), *Patria* («Родина»), *Rey* («Король»), *fueros* («фуэрос») и др. – сохранились, хотя некоторые из них были переосмыслены. В газетно-публицистическом дискурсе, в большей степени отражающем индивидуальные политические взгляды журналистов и редакторов периодических изданий, разрыв с предшествующей традицией был более заметным. Данное наблюдение подтверждает идею, что для неинституционального политического дискурса в сравнении с институциональным более характерны «открытое выражение личного мнения, прямолинейные оценки и категоричные суждения» [Радюшкина, 2020: 218].

Анализ текстов, относящихся к левокарлистскому газетно-публицистическому дискурсу, показывает, что они тоже могут быть отнесены к изучаемой нами дискурсивной разновидности. В левокарлистской публицистике сохраняет релевантность идеологема *Rey* («Король»): несмотря на апелляции к необходимости демократизации общества и построения социализма, дон Карлос Уго позиционируется как законный лидер карлистов в силу своего происхождения. Как и в институциональном дискурсе, переосмысливается идеологема *fueros* («фуэрос»), которая при этом становится одной из основных в данной дискурсивной разновидности (как и в целом в дискурсе карлизма в конце XIX в.). «El fuero, que no es un privilegio, sí será el instrumento base de la Revolución que conduzca a la libertad de los Pueblos, cuando deje de confundirse con ventajas fiscales y recupere su profundo sentido político»²⁶² («Когда фуэро, которое не является привилегией, перестанет путаться с налоговыми преференциями и вернет свой глубокий политический смысл, оно будет основой Революции, которая приведет к свободе Народов»), – заявляло издание «IM. Información mensual. Boletín interno del Carlismo». Наконец, сохраняется самоидентификация приверженцев дона Карлоса Уго именно как карлистов (а не как социалистов, коммунистов, маоистов

²⁶² IM. Información mensual. Boletín interno del Carlismo. 05.1972. № 19. P. 6–7 (цит. по: [Rodon, 2015: 529–530]).

и т. д.). Все предшествующую историю движения они интерпретируют как борьбу за социальную справедливость и автономию регионов Испании.

В дискурсе сторонников «Карлистской партии» в современности переосмысливается и история карлизма в XX в. Франкистская эпоха оценивается ими однозначно негативно. Например, статья за подписью генерального секретаря партии Х. Л. Ибаньеса в периодическом издании левых карлистов «El Federal» характеризует политику Ф. Франко в отношении движения как «represión y persecución» («репрессии и преследования»), а применительно к правительству Испании в данный период используются лексические единицы «régimen» («режим»), «aparato» («аппарат») и «elementos falangistas» («фалангистские элементы»), имеющие негативные коннотации²⁶³. История в этом случае, как писал М. Мольо, является дискурсом, то есть служит для выражения определенных идеологических установок автора текста [Molho, 1977: 7]. Публикуя данный материал, газета не пытается предоставить читателям объективную информацию об истории, но транслирует актуальную для современной «Карлистской партии» повестку дня. Показательно, что в статье, вышедшей в газете в 2024 г. под названием «190 años del Carlismo» («190 лет Карлизма») и предлагающей читателям краткий обзор всей истории движения, сам факт участия карлистов в Гражданской войне на стороне Ф. Франко не упоминается²⁶⁴.

В качестве примера идеологических оснований дискурса современных левых карлистов можно обратиться к визуальному модусу коммуникации, который представляет собой один из каналов передачи информации [Чернявская, 2021: 173–177]. Посмотрим на фотографию одной из демонстраций, которая была опубликована в «El Federal» в 2024 г. На фото присутствует ряд символов, нехарактерных для традиционного карлизма: флаг Второй испанской республики, флаг Палестины и флаг Каталонии («senyera») (см. приложение J). Люди, демонстрирующие данные флаги, могут выступать с разных идеологических

²⁶³ El Federal. 09.2024. № 91. Режим доступа: <https://partidocarlista.com/el-federal-numero-91/>. Р. 3.

²⁶⁴ El Federal. 03.2024. № 89. Режим доступа: <https://partidocarlista.com/el-federal-numero-89/>. Р. 8.

позиций, являться субъектами различных политических дискурсов (испанских левых, сторонников независимости Палестины и Каталонии). Демонстрируемые символы представляют собой ценностно маркированные образы, допускающие «множественное истолкование» [Карасик, 2023: 1127]: так, испанский республиканский флаг может использоваться людьми с сильно различающимися политическими убеждениями, а его интерпретация будет варьироваться в разных контекстах. При этом одним из характерных признаков политического дискурса является полисубъектность [Гончарова, 2021: 108]. Анализируемая фотография становится элементом дискурса левого карлизма, хотя некоторые люди и символы, изображенные на ней, карлистами не являются. Кроме того, важное место в публикациях в «El Federal» занимает тема экологии и защиты окружающей среды, которая никогда ранее не встречалась в традиционном карлистском дискурсе. Нельзя не отметить и позицию главного печатного органа левых карлистов относительно России. «El Federal» поддерживает политику стран НАТО по отношению к нашей стране. Специальная военная операция вооруженных сил РФ на Украине именуется на страницах издания «invasión» («вторжение») и «agresión»²⁶⁵ («агрессия»), а политика правительства России на Украине сопоставляется с действиями Израиля в секторе Газа²⁶⁶.

Диаметрально противоположным является отношение к России в газетно-публицистическом дискурсе правых карлистов. В предыдущей главе мы отметили симпатии их лидера дона Сиксто к нашей стране. В интернет-издании «Традиционалистского объединения» «La Esperanza» регулярно публикуются материалы, посвященные международной политике. В данных публикациях создается образ России, понимаемый как знаковая модель, которая опосредует всю совокупность представлений о стране [Раевская, 2025: 131–132]. Россия, по мнению авторов статей данного ресурса, обладает характерными «valores rusos» («русскими ценностями»), являющимися «cristianos ortodoxos y tradicionales» («православными христианскими и традиционными»). Сохраняя эти ценности,

²⁶⁵ Ibid. P. 11–12.

²⁶⁶ El Federal. 09.2024. № 91. Режим доступа: <https://partidocarlista.com/el-federal-numero-91/>. P. 3.

наша страна вызывает у карлистов симпатию, потому что противостоит «*ofensiva globalista y progresista*»²⁶⁷ («глобалистскому и прогрессистскому наступлению»). Конечно, данные определения в различных дискурсах могут служить для выражения различных оценочных суждений; как писал Т. ван Дейк, «некоторые концепты могут по-разному определяться разными группами» [Van Dijk, 1998: 113] (см. также: [Fairclough, 1996: 93]). Так, для левых карлистов лексема *progresista* («прогрессистский») несет положительное оценочное значение. Однако, как следует из описания издания «La Esperanza», портал представляет «католический взгляд на социальную реальность», и в правом карлистском дискурсе слово *progresista* становится негативной оценкой. Соответственно, данное высказывание в «La Esperanza» можно определить как пророссийское [Терещук, 2024g: 90].

Положительную оценку в современном дискурсе правых карлистов получает и президент России В. В. Путин, которого они именуют «*gran estadista ruso que salvó a Rusia de la humillación ante Occidente de los años 90*»²⁶⁸ («великим русским государственным деятелем, который спас Россию от унижения перед Западом в 90-е годы»). В статье с характерным названием «*Doctor Putin*» («Доктор Путин») автор пишет, что «*nos hubiera venido como anillo al dedo un doctor Putin*» («нам бы подошел, как кольцо на палец, доктор Путин»). Заслугой российского лидера является борьба с либеральными ценностями, чуждыми, по мнению издания, и России, и Испании. «*El liberalismo tiene interés en romper las grandes naciones de la historia, como Rusia o España*»²⁶⁹ («Либерализм заинтересован в разрушении великих наций истории, таких как Россия или Испания»), — утверждается в тексте. Отметим также употребление автором статьи неопределенного артикля перед синтагмой *doctor Putin* («доктор Путин»): выбор именно неопределенного артикля подчеркивает, что автор предлагает не

²⁶⁷ La Esperanza. 09.03.2022. Reflexiones sobre la guerra en Ucrania. Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/10841>.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ La Esperanza. 28.09.2022. Doctor Putin. Режим доступа: URL: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/14356>.

пригласить президента России на пост председателя правительства Испании, но найти какого-нибудь политика, похожего на В. В. Путина.

Таким образом, главное новостное издание правых карлистов «в нынешней геополитической обстановке выступает с пророссийских позиций» [Терещук, 2024g: 94]. Закономерно, что политика стран блока НАТО часто подвергается в «La Esperanza» критике. Иногда авторы статей прибегают к неожиданным историческим аналогиям. Так, теракт на «Северных потоках» в 2022 г. сопоставляется со взрывом американского корабля «Мэн» в 1898 г. – событием, использованным США как повод для начала войны с Испанией²⁷⁰. Критикуется политика стран НАТО не только в Европе, но и на других континентах. В статье, посвященной геополитической ситуации в Африке, заявляется, что Франция «sigue moviendo sus hilos en la región»²⁷¹ («продолжает дергать за ниточки в регионе»). Данная метафора создает негативный образ государства, ведущего закулисные игры и выступающего в роли своего рода «кукловода».

Проведенный анализ показал, что с началом Гражданской войны в Испании и интеграцией карлизма в единое «Национальное движение» карлистская пресса оказалась в упадке. Подавляющее большинство периодических изданий либо было закрыто республиканцами, либо было вынуждено подстраивать свои тексты под установки франкистского политического дискурса. Хотя в 1939 г. карлисты оказались в лагере победителей в Гражданской войне, они перестали являться самостоятельным субъектом политической деятельности. Только небольшое число полуподпольных газет, выпускавшихся небольшими тиражами и ориентированными на ограниченную аудиторию, публиковало тексты, которые можно отнести к карлистскому дискурсу, отличному от официального франкистского. Идеология франкистского режима также постоянно

²⁷⁰ La Esperanza. 16.02.2023. Por EE.UU., hasta el último ucraniano. Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/17183>. Заголовок статьи также заслуживает внимания, так как служит для выражения самого важного топика данного текста [Ван Дейк, 2000: 242]: «За США до последнего украинца».

²⁷¹ La Esperanza. 26.09.2023. Francia saldrá oficialmente de Níger. Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/20883>.

модифицировалась, и, как показал проведенный анализ, некоторые тексты, относящиеся к карлистскому дискурсу, коррелировали с установками франкизма в 1936–1939 гг. (то есть являлись энкратическим дискурсом, в терминологии Р. Барта), но во второй половине 1950-х гг. они интерпретировались как однозначно антифранкистские (акратический дискурс).

С расколом карлистов на левых и правых и с их стремительной потерей популярности после демократизации Испании в конце 1970-х – начале 1980-х гг. количество карлистских изданий оказалось сведено до минимума. Анализируя газетно-публицистический дискурс современного карлизма, мы обращались к текстам двух интернет-изданий, одно из которых выступает с позиций левого карлизма, а другое – правого.

Подводя итог, можно отметить, что газетно-публицистический дискурс карлистского движения на протяжении всей истории своего развития постоянно модифицировался. В зависимости от историко-политического контекста использовались различные способы воздействия на аудиторию; менялись и основные идеологемы анализируемой дискурсивной разновидности. Эти изменения более ярко и более быстро проявлялись в газетно-публицистическом дискурсе, чем в институциональном: например, раскол на левых и правых карлистов перспективнее изучать по публикациям в некоторых карлистских периодических изданиях, чем по текстам, относящимся к институциональному дискурсу движения.

Карлистский газетно-публицистический дискурс никогда не представлял собой однородного явления. Уже первые периодические издания, появившиеся в 1830-е гг., заметно различались между собой и на уровне содержания, и на уровне выражения. В дальнейшем внутри Испании наблюдается расхождение между ведущими карлистскими изданиями, выходившими в Мадриде (например, «El Siglo Futuro»), и региональной карлистской прессой. Кроме того, к карлистскому газетно-публицистическому дискурсу мы относим и большое число публикаций в иностранных газетах, с симпатией относившихся к «делу» дона Карлоса и его

преемников. Мы проанализировали ряд текстов на иностранных языках и, несмотря на то что данные публикации имеют индивидуальные особенности, в них фиксируются характерные черты, позволяющие отнести эти тексты к карлистскому политическому дискурсу (трансляция идеологических установок карлистского движения, употребление основных идеологем карлистского дискурса, смешение религиозных и политических элементов, общее представление об образе «врага»).

4.2. Карлистская мемуаристика как инструмент политической пропаганды

Жанр мемуаров находится на пересечении художественной литературы и публицистики [Журавлева, 2013: 38]. Как указывает В. А. Андреева, «автобиографический топик предполагает, во-первых, идентичность автора, повествователя и протагониста, во-вторых, не требует верификации повествуемых событий на основе дополнительных исторических документов и свидетельств, поскольку в основе повествования лежат сложнейшие механизмы памяти автора автобиографического текста» [Андреева, 2019а: 135]. Для исторических исследований воспоминания представляют собой ненадежный источник, информация из которого обычно нуждается в уточнении. В то же время для дискурсологии мемуаристика может служить ценным материалом для исследования. Интерес для дискурсивного анализа представляют мемуары не только руководителей движения, но и его рядовых участников, отражающие миромоделирующие концепты и идеологические установки авторов [Лебедева, 2015: 100]. Часто написание воспоминаний имеет не только художественную или историческую, но и политическую цель. Мемуарист, повествуя о событиях, в которых он принимал участие, оказывает воздействие на читателя и транслирует ему определенные идеологические установки. Кроме того, в воспоминаниях часто находят отражение яркие особенности разговорной речи. Так, мемуары участников карлистского движения могут быть использованы в качестве

источника для изучения социолекта сторонников дона Карлоса [Терещук, 2023с: 382].

Ярким примером использования мемуарной литературы в пропагандистских целях является текст доверенного лица дона Карлоса Л. К. О. де Сен-Сильвена, барона де лос Вальес. Особенный интерес для изучения представляет сравнительный анализ французского оригинала книги барона²⁷² и ее перевода на испанский язык, опубликованного в 1837 г. в Перпиньяне²⁷³. В то время как французский текст был ориентирован на внешнюю аудиторию, испанский перевод в первую очередь предназначался для внутренней. Внеся небольшие модификации в версию 1837 г., автор добавил в текст новые смыслы, отсутствовавшие в оригинале, изменил оценку некоторых событий и политических деятелей. Так, в тексте 1835 г. не упоминается о расправе над пленными в городе Вильяфранка после взятия его карлистами 28 ноября 1834 г. Однако в 1836 г. этот эпизод был отражен в мемуарах Ч. Ф. Хеннингсена²⁷⁴ и А. Сабатье²⁷⁵ и получил широкую известность в Европе. Соответственно, испанское издание книги барона рассказывает о событиях в Вильяфранке, хотя и предлагает отличающийся от других мемуарных свидетельств рассказ о происшедшем²⁷⁶ (сравнительный анализ нарративов о Вильяфранке см.: [Терещук, 2022с: 666]). Принимая во внимание огласку, которую это преступление получило в Европе, главный карлистский пропагандист принял решение не замалчивать его, но предложить альтернативную версию. Данный пример показывает, как воспоминания оказываются включены в более широкую панораму других мемуарных текстов, «вписанных в соответствующие социокультурные и исторические обстоятельства и дискурсы» [Künkel, 2025: 231].

Данный эпизод представляет собой дополнение оригинального текста, но часто при переводе на испанский язык автор модифицировал французскую

²⁷² Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. 390 p.

²⁷³ Saint-Sylvain, L. X. A. Un capítulo de la historia de Carlos V. 354 p.

²⁷⁴ Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. I. P. 269–280.

²⁷⁵ Sabatier, A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V. P. 69–80.

²⁷⁶ Saint-Sylvain, L. X. A. Un capítulo de la historia de Carlos V. P. 218–222.

версию. В книге 1835 г. описывается взятие и сожжение баскского города Герника армией кристинос под командованием Ф. де Ириарте²⁷⁷. В тексте 1837 г. этот эпизод сохранен, но в качестве командующего правительственными войсками указан Б. Эспартеро²⁷⁸. Это изменение можно объяснить следующим образом: в 1835 г. Б. Эспартеро был малоизвестной фигурой в лагере кристинос, но к 1837 г., благодаря победе в сражении при Лучане и ряду других успехов, он стал наиболее заметным полководцем на стороне либералов. Барон де лос Вальес, фальсифицируя историю, пытался испортить репутацию своего противника.

Замена имени в переводе с французского на испанский язык была грубой подтасовкой, которая легко могла быть обнаружена внимательным читателем. Однако часто барон вносит практически незаметные модификации, использует при переводе на испанский лексические единицы, имеющие разное коннотативное значение в исходном языке и языке перевода. Во французском тексте автор употребляет выражение *corps de partisans*²⁷⁹ («партизанский отряд») по отношению к иррегулярному отряду Г. Хауреги в составе армии кристинос. В испанском тексте французская лексема *partisans* переведена как *aventureros* («авантюристы»). Хотя в испанском языке есть употребляющееся сравнительно редко слово *partisano* и более распространенное *guerrillero*, которые являются более точными эквивалентами франц. *partisan*, автор предпочел использовать лексему *aventurero*, которая часто приобретает негативное оценочное значение. В то же время исп. *guerrillero*, особенно после войны 1808–1814 гг. против наполеоновских захватчиков, имеет в испанском языке положительные коннотации. По всей видимости, барон де лос Вальес решил, что французский оригинал создает слишком благоприятный образ армии противника и внес изменения в перевод.

В то время как барон де лос Вальес в первую очередь пытался дискредитировать либеральное правительство и его сторонников, главными

²⁷⁷ Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. P. 244.

²⁷⁸ Saint-Sylvain, L. X. A. Un capítulo de la historia de Carlos V. P. 238.

²⁷⁹ Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. P. 70.

«антагонистами» в мемуарах Р. Марото являются приверженцы так называемой «правой фракции» карлизма, те, кто не принял заключенное генералом соглашение в Вергаре. Хотя действия генерала в 1839 г. вызывали резкую критику и у карлистов того времени, и у последующих поколений участников движения, сам Р. Марото утверждал, что договор в Вергаре спас *trono constitucional* («конституционную монархию»; досл.: «конституционный трон») и *dignidad nacional*²⁸⁰ («национальное достоинство»). Использование этих двух концептов было совершенно нетипичным для карлистского дискурса середины XIX в., однако следует помнить, что генерал создавал свой текст в 1840-е гг., уже после перехода на сторону либералов. О своих противниках-апостоликах он писал, как о людях, которые не хотели видеть во главе армии «*generales que supiesen escribir*»²⁸¹ («генералов, которые умеют писать»). При этом Р. Марото положительно отзывается о Р. Кабрере, несмотря на то что вскоре после публикации книги Р. Марото «Тигр Маэстразго» возглавит карлистское восстание в Каталонии. Р. Марото высоко оценивает боеспособность армии Р. Кабреры, которую он именуется «*formidables huestes*» («великолепные войска»), а самого карлистского военачальника называет «*audaz Tortosino*»²⁸² («храбрым тортосцем, уроженцем города Тортоса»).

Естественно, можно поставить под вопрос правомерность анализа текста Р. Марото в рамках карлистского политического дискурса, хотя до 31 августа 1839 г. генерал был активным участником карлистского движения, а воспоминания он посвящал не своей жизни вообще, но опыту службы дону Карлосу. В то же время некоторые мемуаристы никогда не участвовали в боевых действиях и формально не состояли в карлистском движении, но оставили воспоминания, обоснованность отнесения которых к карлистскому политическому дискурсу не вызывает сомнений. Английский журналист и путешественник М. Б. Хонан, опубликовавший в 1836 г. свои воспоминания о поездке по Испании,

²⁸⁰ Maroto, R. Vindicación del general Maroto. P. 5.

²⁸¹ Ibid. P. 96.

²⁸² Ibid. P. 8.

стал настоящим апологетом карлизма и притязаний на престол дона Карлоса, несмотря на заверения в своей беспристрастности²⁸³. «He is a conscientious and a religious man, but not a bigot»²⁸⁴ («Он совестливый и религиозный человек, но не ханжа»), – пишет М. Б. Хонан о доне Карлосе. Как верно отмечает Т. ван Дейк, слово *bigot* (англ. «ханжа») является негативной характеристикой, которая используется только по отношению к другим людям [Van Dijk, 1998: 157–158], в то время как «религиозность» и «совестливость» – положительные оценочные суждения (во всяком случае для английской читающей публики того времени). Очевидно, что, наблюдая со стороны за каким-либо политическим деятелем, сложно провести границу между ханжеством и искренним религиозным чувством, и такого рода оценка является исключительно субъективным мнением автора.

Нельзя не отметить и влияние литературы XIX в. на текст английского корреспондента. Пытаясь опровергнуть распространенное в либеральной прессе того времени представление о том, что окружение дона Карлоса состоит из религиозных фанатиков, М. Б. Хонан пишет:

«One fact is evident, and that is, neither monks nor friars are in his train; and from Irun to Onate I saw but one monk <...> While every one asserts that Don Carlos is surrounded with monks, and singing psalms all day, he has no other religious professor near him but his confessor—a jolly fat priest, who is fond of his wine and a frolic»²⁸⁵ («Один факт является очевидным, и он заключается в том, что в его (дона Карлоса – прим. А. Т.) свите нет никаких монахов; на пути от Ируна до Оньяте я встретил всего одного брата <...> Хотя все предполагают, что окруженный со всех сторон монахами дон Карлос целый день напролет поет псалмы, на самом деле рядом с ним нет ни одного служителя культа, кроме его духовника – веселого толстого священника, обожающего вино и веселье»).

²⁸³ Honan, M. B. The Court and Camp of Don Carlos. P. 4.

²⁸⁴ Ibid. P. 102.

²⁸⁵ Ibid. P. 102–103.

В данном фрагменте можно проследить влияние популярного в то время романа В. Скотта «Айвенго» («Ivanhoe: A Romance», 1819). Духовник дон Карлоса приобретает черты брата Тука, одного из положительных героев произведения, который в романе является другом короля Ричарда I Львиное Сердце (1157–1199). Соответственно, читатель, знакомый с творчеством В. Скотта, мог соотнести лидера карлистов со знаменитым английским королем-крестоносцем, чей образ идеализировался в литературе романтизма²⁸⁶. На самом деле в окружении дон Карлоса действительно присутствовал ряд представителей Церкви, а его духовник П. Баррера в воспоминаниях других современников предстает как религиозный и далекий от всего мирского священник, непохожий на легендарного английского монаха²⁸⁷.

Многие лексические единицы, употребляемые М. Б. Хонаном применительно к политической ситуации в Испании, перекликаются с клише, встречающимися в институциональном карлистском дискурсе. Англичанин пишет о правительственных чиновниках как о «despoilers of their religion and privileges»²⁸⁸ («гонителях их (*басков* – прим. А. Т.) религии и привилегий»); о каталонских монахах «persecuted by the Liberals»²⁸⁹ («преследуемых либералами»); о том, что военачальник кристинос Х. Р. Родиль «declared war against the clergy, and ordered the bells of the several churches not to be rung, under pretence that they served as signals to the enemy»²⁹⁰ («объявил войну духовенству и запретил звонить

²⁸⁶ Как показывают исследования в области социальной психологии, проводя исторические (в данном случае – литературные) аналогии, люди, как правило, соблюдают определенные критерии согласованности. Специалисты по когнитивной психологии из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Б. Спеллман и К. Холиок проанализировали то, как американцы проводили аналогии между войной в Персидском заливе (1991) и Второй Мировой войной (1939–1945). Респонденты, которые, например, идентифицировали президента США Дж. Буша-старшего с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, также соотносили США в 1991 г. с Великобританией в 1939–1945 гг. (но никогда – с США в 1939–1945 гг.) [Spellman, 1992]. Соответственно, если приближенный к дону Карлосу священник – это «брат Тук», то сам дон Карлос однозначно соотносится с Ричардом I.

²⁸⁷ Lichnowsky, F. von Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839) / F. von Lichnowsky. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1942. – P. 166.

²⁸⁸ Honan, M. B. The Court and Camp of Don Carlos. P. 130.

²⁸⁹ Ibid. P. 153.

²⁹⁰ Ibid. P. 138.

в колокола в некоторых церквях под предлогом, что колокольный звон служил для подачи сигналов неприятелю»). Во всех приведенных примерах М. Б. Хонан не сообщал ложной информации (в отличие от барона де лос Вальес), но представлял читателям только карлистскую точку зрения на сложные взаимоотношения Церкви и противоборствующих сторон в конфликте. Так, легко допустить, что правительственные войска, действительно, накладывали ограничения на колокольный звон. Но в то же время карлисты в отдельных случаях переплавляли колокола для производства артиллерийских орудий²⁹¹. М. Б. Хонан, сообщая только часть информации, оказывал идеологическое воздействие на свою аудиторию. Отметим также, что для М. Б. Хонана, как и для его испанских единомышленников, политика и религия оказываются неразрывно связаны.

Другой английский карлист, чьи мемуары пользовались большой популярностью в Европе, наоборот, принимал активное участие в войне. Ч. Ф. Хеннингсен стал офицером в армии дон Карлоса и служил под началом Т. де Сумалакарреги. Воспоминания англичанина внесли вклад в мифологизацию образа погибшего в 1835 г. полководца. Ч. Ф. Хеннингсен дал ему следующую характеристику в своих воспоминаниях: «You might have fancied him one of those chiefs who led the populations of Europe to war in the Holy Land; he possessed the same chivalrous courage, unflinching sternness, and disinterested fervour»²⁹² («Вы могли бы легко представить его в роли одного из тех вождей, которые вели европейцев освобождать Святую Землю; он обладал той же рыцарственной отвагой, непоколебимой суровостью и бескорыстным рвением»). Для положительной оценки полководца используется идеологема «крестовый поход», которая впоследствии часто будет встречаться в карлистском дискурсе.

Еще один элемент образа Т. де Сумалакарреги связан с его баскским происхождением. Ч. Ф. Хеннингсен представляет своего начальника как «настоящего» баска, который, якобы, выучил испанский язык только в 1823 г., а до

²⁹¹ Catálogo General del Museo de Artillería. Madrid, 1908. T. I // Biblioteca Central Militar. DE. IX–24–5–66.

²⁹² Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. I. P. 92.

этого говорил исключительно по-баскски²⁹³. Достоверность этого утверждения можно поставить под сомнение: Т. де Сумалакарреги сделал карьеру в испанской армии и служил в разных частях страны [Терещук, 2017с: 147–149]; сложно представить, что кадровый офицер не владел общенациональным языком. Но для нашего анализа релевантным является другой факт: в 1830-е гг. баски часто воспринимались в Европе сквозь призму романтических представлений о прошлом. Так, в 1837 г. член британского парламента Р. К. Фергюссон в своем выступлении сравнил басков с горцами Шотландии, которые сохраняли верность династии Стюартов [Gutiérrez Carreras, 2023: 242]. В контексте всеобщего увлечения романами В. Скотта, романтизировавшими и шотландцев, и якобитское восстание 1745 г., данное высказывание было, без сомнения, положительной оценкой. Ч. Ф. Хеннингсен, подчеркивая баскское происхождение Т. де Сумалакарреги, вносил вклад в героизацию образа генерала. Таким образом, в тексте Ч. Ф. Хеннингсена, как и в ряде других мемуарных источников, Т. де Сумалакарреги становится идеологемой-архетипом, которая включает в себя слоты «крестоносец» («защитник веры») и «баск».

Ч. Ф. Хеннингсен положительно оценивает не только Т. де Сумалакарреги, но и карлистов в целом, которые, по его словам, «form the great mass of the population»²⁹⁴ («составляют большую часть населения»). В то же время сторонники либерализма – это меньшинство в Испании: «In the military colleges of Spain the pupils are brought up with liberal ideas; consequently all the officers of artillery and engineers are republicans»²⁹⁵ («В военных училищах в Испании кадеты вырастают под влиянием либеральных идей; соответственно, все офицеры в артиллерии и инженерных войсках – республикацы»), – пишет Ч. Ф. Хеннингсен. Представление об инженерах как о людях, придерживающихся либеральных взглядов, будет сохраняться в Испании на протяжении всего XIX в. [López Cabrales, 1999: 280]; насколько этот стереотип оправдан – это вопрос,

²⁹³ Ibid. P. 262.

²⁹⁴ Ibid. P. 7.

²⁹⁵ Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. II. P. 79.

заслуживающий отдельного рассмотрения. Для нашего исследования важно, что мемуарист изображает карлизм как движение, пользующееся поддержкой абсолютного большинства населения, а либерализм – как идеологию отдельных представителей высших классов. Идея об «оторванной от народа» элите часто встречается в популистском дискурсе в наше время [Macmillan, 2017: 259]. В лингвистике популистский дискурс чаще всего анализируется на материале выступлений современных политиков (см., например: [Моисеенко, 2019]), но и в XIX в. популизм был характерной чертой политической коммуникации.

Практически ровесником Ч. Ф. Хеннингсена был другой известный автор мемуаров о карлизме прусский офицер А. фон Гебен. Отдельного внимания заслуживает анализ языковых особенностей его книги: А. фон Гебен включает в немецкий текст ряд иноязычных лексических единиц, в первую очередь относящихся к политической коммуникации. Конечно, испанская политическая лексика фиксируется и в других анализируемых мемуарных свидетельствах, но именно книга А. фон Гебена представляет собой наиболее яркий пример использования иноязычных лексических единиц. Их употребление придавало тексту специфический национальный колорит, то есть они в первую очередь использовались для стилизации. В то время как основной текст книги А. фон Гебена набран готическим шрифтом, некоторые иностранные слова и синтагмы выделены прямым, или латинским, то есть они функционируют как «Fremdwörter» в терминологии Э. Косериу [Косериу, 2001: 84]. Проведенный анализ показал, что в воспоминаниях А. фон Гебена фиксируется 115 маркированных иностранных слов, в том числе 93 из испанского языка, 11 из французского, 4 из английского, 3 интерференции из латинского, 3 из каталанского и 1 из баскского [Терещук, 2025d: 165]. Такое разнообразие языков-источников неудивительно: аристократия в германских государствах той эпохи испытывала сильное влияние французской культуры и часто использовала французский язык в повседневном общении [Илюкович, 2025: 85]; английское влияние можно объяснить тем фактом, что А. фон Гебен был родом из Ганновера, который до

1837 г. принадлежал Англии; употребление латинизмов было широко распространено в немецкоязычной военной литературе еще с Раннего Нового времени [Staiano-Daniels, 2020: 149–150].

Некоторые из использованных А. фон Гебеном лексем, относящихся к политическому дискурсу, глоссируются (в данном случае речь идет о внутритекстовых, или линейных, глоссах). Так, автор выделяет шрифтом испанскую лексему *fueros* («фуэрос»), которая служит для выражения одной из ключевых идеологем в карлистском политическом дискурсе и которая глоссируется нем. *Privilegien*²⁹⁶ («привилегии»). По всей видимости, для мемуариста было важно подчеркнуть, что речь идет не просто о неких «привилегиях», но о специфической реалии испанской политической жизни, имеющей важное значения для карлистского дискурса. Приводится на испанском и название так называемых *Voluntarios realistas* («Роялистских добровольцев») – парамилитарной структуры, существовавшей в 1823–1833 гг., многие участники которой впоследствии влились в состав карлистского движения [Sánchez, 2015: 147–149]. А. фон Гебен при первом употреблении глоссирует его нем. *Königliche Freiwillige*²⁹⁷ и далее употребляет словосочетание на испанском уже без перевода на немецкий язык.

Значительный интерес для исследования представляет фиксация А. фон Гебеном, а также некоторыми другими мемуаристами, разговорной лексики, характерной для социолекта карлистов. В тексте прусского офицера встречается испанская лексема *negros*, которая глоссируется нем. *Schwarze* («черные») и сопровождается комментарием, что это слово используется для пренебрежительного наименования сторонников конституции²⁹⁸. Оно фиксируется

²⁹⁶ Goeben, A. von Vier Jahre in Spanien. Die Carlisten, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanischem Oberstlieutenant im Generalstabe / A. von Goeben. – Hannover: Verlag der Hahn'schen Hofbuchhandlung, 1841. – S. 297.

²⁹⁷ Ibid. S. 16.

²⁹⁸ Ibid. S. 50.

и у других немецких мемуаристов: его также употребляет Ф. фон Лихновски²⁹⁹, а в набранном римским шрифтом тексте В. фон Радена оно даже не выделяется курсивом или кавычками: «6 Bataillone und 2 Eskadronen der Negros»³⁰⁰ («6 батальонов и 2 эскадрона черных»). О широком распространении лексемы *negro* для обозначения либералов в карлистском дискурсе пишут также английские и французские мемуаристы³⁰¹. Кроме того, необычный пример интерпретации идеологемы *negro* в пейоративном значении в XIX в. приводит Ж. Канал: ультраконсерваторы покрасили в белый цвет почитаемую в Каталонии скульптуру Черной Девы Монсерратской, так как, по их мнению, Богородица не могла ассоциироваться с либерализмом [Canal, 2008: 32]

Высказывается несколько версий относительно происхождения данного пейоратива. Ч. Ф. Хеннингсен и В. фон Раден пишут, что его появление было связано с униформой некоторых подразделений либеральной армии. Немецкий автор указывает, что солдаты противника носили черные *Halsbinden* («армейские галстуки»); после боя из-за проблем с униформой в войсках дона Карлоса карлисты снимали с убитых практически всю одежду, кроме этих галстуков: они ассоциировались с либеральными взглядами, и были предметом одежды, «die kein Carlist tragen mag»³⁰² («которую не мог надеть ни один карлист»). М. Лоуренс в своей монографии о внутригосударственных конфликтах в Испании приводит другое, «теологическое» объяснение происхождения подобного наименования, основанное на материалах карлистских газет: слово *negro* относилось к «черным» душам испанских либералов [Lawrence, 2017: 146]. Хотя данные версии выглядят правдоподобно, мы нашли примеры употребления лексемы *negro* в качестве пейоратива в роялистской прессе 1820-х гг.³⁰³ Нам представляется, что это употребление пришло в роялистский/карлистский политический дискурс из

²⁹⁹ Lichnowsky, F. von Erinnerungen aus den Jahren 1837, 1838 und 1839 / F. von Lichnowsky. – Frankfurt am Main, 1841. – S. 144.

³⁰⁰ Rahden, W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege. S. 124.

³⁰¹ Henningsen, C. F. The most striking events. Vol. I. P. 118; Sabatier, A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V. P. 86; Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V. P. 11.

³⁰² Rahden, W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege. S. 124.

³⁰³ Gaceta de Madrid. 14.07.1823. № 46. P. 167.

дискурса французских монархистов конца XVIII – начала XIX вв.: во Франции белый цвет ассоциировался с династией Бурбонов, и роялисты иногда именовали себя «белыми»; их противники, таким образом, становились «черными» [Терещук, 2023с: 384].

Другая широко распространенная лексема из карлистского сленга, фиксирующаяся в мемуаристике, – это слово *ojalatero*, чаще употреблявшееся в форме мн.ч. *ojalateros*. Это наименование происходит от исп. *ojalá* («хоть бы») и обозначает человека из окружения дона Карлоса, который не участвует в боевых действиях, но занимается придворными интригами и мечтает о победе карлистов и о тех наградах и высоких назначениях, которые он получит после нее. Ранее в качестве наиболее близкого эквивалента в русском языке предлагалось выражение *тыловая крыса* [Терещук, 2023с: 386]. По всей видимости, слово *ojalatero* начало употребляться во второй половине 1830-х гг., потому что в мемуарах, опубликованных до 1836 г. оно не фиксируется. Эта лексема встречается в текстах А. фон Гебена и В. фон Радена³⁰⁴, у которых она имеет негативные коннотации. Р. Марото в качестве определения к *ojalateros* употреблял имя прилагательное *ociosos*³⁰⁵ («праздные»). Впоследствии лексема *ojalateros* часто встречалась в художественной литературе о карлизме; например, ее употребляет Б. Перес Гальдос в своих «Национальных эпизодах»³⁰⁶. Некоторые авторы, не участвовавшие в карлистском движении, неправильно определяли значение слова *ojalateros*. Писатель и участник Первой Карлистской войны на стороне кристинос П. де ла Эскосура использует его в своем романе «Патриарх долины» («El Patriarca del valle», 1846), но ошибочно объясняет его значение: по мнению писателя, так баски называли жителей других регионов Испании³⁰⁷.

В настоящее время лексема *ojalatero* встречается только в исторической или художественной литературе. В то же время слово *guiri*, также появившееся в

³⁰⁴ Goeben, A. von Vier Jahre in Spanien. S. 355.

³⁰⁵ Maroto, R. Vindicación del general Maroto. P. 65.

³⁰⁶ Pérez Galdós, B. Zumalacárregui / B. Pérez Galdós. – Madrid: Editorial Castalia, 2003. – P. 258.

³⁰⁷ Escosura, P. de la El Patriarca del valle / P. de la Escosura. – Palma de Mallorca: Calima, 2009. – P. 470.

социолекте карлистов, изменило свое значение и получило широкое распространение в современном испанском языке. В XXI в. так пейоративно называют иностранных туристов, и в контексте протестов жителей страны против массового туризма концепт *guiri* приобретает особенное значение в политической коммуникации и превращается в идеологему [Терещук, 2024j: 1024]. Словарь королевской академии испанского языка указывает, что *guiri* происходит от баск. *guiristino*, которое в свою очередь является искаженным исп. *cristino* («кристино, сторонник королевы Марии-Кристины»); слово использовалось для презрительного наименования либералов и чинов образованной в 1844 г. Гражданской гвардии (аналог полиции) [Diccionario de la lengua española]. Однако в 11 проанализированных мемуарных текстах о Первой Карлистской войне лексема *guiri* не фиксируется ни разу. Испанский исследователь А. Бульон де Мендоса указывает, что это слово встречается в одном из стихотворений 1838 г. Ф. Наварро Вильослады [Bullón de Mendoza, 1993: 324]. Исходя из данных наблюдений, можно поставить под сомнение этимологию, предлагаемую Словарем королевской академии: в 1830-е гг., когда Мария-Кристина была регентом королевства, лексема *guiri* практически не использовалась, но начала широко употребляться после 1844 г. При этом сама Мария-Кристина в 1840 г. отправилась в изгнание и перестала быть субъектом испанской политики. Если согласиться с предложенной в Словаре гипотезой, то остается непонятным, почему пейоратив, обозначающий гвардейцев и либералов, образовался от имени человека, который уже несколько лет как сошел с испанской политической сцены.

В одном из исторических романов Б. Переса Гальдоса – автора, очень серьезно подходившего к изучению контекста описываемой эпохи [Ефименко, 2023: 13], – предлагается альтернативная версия происхождения слова *guiri*. Как указывает писатель, солдаты гвардии, принимавшие участие в боевых действиях против карлистов в 1830-е гг., носили на форме буквы «G. R. I.» (*Guardia Real de Infantería*, «Королевская гвардейская пехота»). В устной речи эта аббревиатура трансформировалась в *guiri*, а так как гвардейские части сыграли важную роль в

войне, то к концу конфликта этим словом начали называть всех кристинос³⁰⁸ [Pérez Galdós 2003: 61]. Естественно, *guiri* было созвучным баск. *guiristino*, что также могло способствовать распространению данного наименования. В 1844 г. была создана Гражданская гвардия, и само слово *guardia* («гвардия») напоминало карлистам об аббревиатуре «G. R. I.». Два года спустя началась Вторая Карлистская война (1846–1849), в которой Гражданская гвардия противостояла сторонникам графа де Монтемолин, то есть данное наименование стало особенно актуальным [Терещук, 2024j: 1025]. Во второй половине XIX в. лексема *guiri* активно употреблялась карлистами по отношению к своим противникам, и из наименования гвардейцев превратилось в обозначение всех людей либеральных взглядов. Так, она встречается в текстах писателя и активного участника карлистского движения Р. М. дель Валье-Инклана³⁰⁹, а также в мемуаристике 1870-х гг.³¹⁰. В популярной карлистской военной песне «Cálzame las alpargatas» («Надень мне альпаргаты») 1870-х гг. также использовано слово *guiri*: «Cálzame las alpargatas, / Dame la boina, carga el fusil. / Que voy a matar más guiris, / Que voy a matar más guiris, / Que voy a matar más guiris, / Que flores tienen mayo y abril» («Надень мне альпаргаты, / Дай мне берет, заряди ружье. / Потому что я убью больше гири, / Потому что я убью больше гири, / Потому что я убью больше гири, / Чем есть цветов в апреле и мае»; текст песни см. в приложении E).

Распространение во второй половине XIX в. лексемы *guiri* не означало, что другие пейоративы, существовавшие в карлистском дискурсе, вышли из употребления. Сочувствовавший карлистам француз Л. П. де Мервиль в 1874 г. назвал свою книгу о поездке на контролируемую карлистами территорию Испании «*Blancos y negros: поездка в карлистскую страну*» («*Blancos y negros:*

³⁰⁸ Pérez Galdós, B. Zumalacárregui. P. 61. Как нам удалось выяснить, на униформе гвардейских частей 1830-х – 1840-х гг., действительно, были буквы «G. R. I.», однако литера «I» являлась вензелем Изабеллы II, который располагался посередине, то есть, строго говоря, аббревиатура выглядела как «G.I.R.» (см. иллюстрацию в приложении K). Тем не менее, от аббревиатуры «G.I.R.» точно таким же образом можно образовать слово *guiri*.

³⁰⁹ Valle-Inclán, R. M. del El resplandor de la hoguera / R. M. del Valle-Inclán. – Madrid: Primitivo Fernández, 1909. – P. 104.

³¹⁰ Meurville, L. P. de *Blancos y negros*. P. 67–68.

Excursion en pays Carliste»), используя вышеупомянутые цветообозначения, распространенные в испанском политическом дискурсе. Испанская лексика встречается не только в названии книги: автор включает в текст большое количество лексем, относящихся к политической коммуникации в Испании, и маркирует их курсивом. Так, Л. П. де Мервиль анализирует идеологему *fueros*, игравшую важную роль в карлистском дискурсе в ту эпоху, и приходит к выводу, что ее следует передавать на французском как *charte* («хартия»), а не *privilège* (*sic*, с акутом над е вместо грависа; «привилегия»), как это обычно происходит³¹¹.

Л. П. де Мервиль был ярким примером представителя так называемого «Белого интернационала», сочувствовавшего «делу» дона Карлоса-младшего. Показывая обстановку во французском приграничном городе Сен-Жан-де-Люз, где собирались многие прокарлистски настроенные иностранцы, он пишет, что на улицах «on y entend parler anglais, russe, basque, français, et surtout espagnol»³¹² («слышно, как говорят по-английски, по-русски, по-баскски, по-французски и особенно по-испански»). Вместе со своим знакомым из США автор решает совершить поездку в соседнюю страну, где идет гражданская война. В разделе, посвященном институциональному дискурсу, мы отметили, что тактика иронии встречается в нем очень редко. Л. П. де Мервиль в своей книге, наоборот, часто к ней обращается. В качестве «причины» своей поездки автор приводит разговор с некой дамой из мадридского высшего общества, которая уверяет его, что карлисты «sont des sauvages qui fusillent les femmes et massacrent les prisonniers»³¹³ («дикари, которые расстреливают женщин и убивают пленных»). Возможно, данный диалог является вымышленным и служит только приемом воздействия на читателей: мемуарный дискурс часто включает в себя элементы художественной литературы [Нигматуллина, 2023: 225]. Л. П. де Мервиль решает проверить достоверность этих слухов и посетить территорию под контролем карлистов. Дама с ее страхами представлена как комический персонаж, и, естественно, мемуарист легко

³¹¹ Ibid. P. 99.

³¹² Ibid. P. 3.

³¹³ Ibid. P. 9.

опровергает ее утверждения, показывая, как он и его спутник, «deux simples touristes sans galons, sans escorte et sans armes, qui s'en vont les mains dans les poches et le cigare aux dents visiter un pays»³¹⁴ («два простых туриста без военной формы, без сопровождения и без оружия посещают страну (*карлистскую Испанию* – прим. А. Т.), держа руки в карманах и сигару в зубах»).

Аналогичный прием Л. П. де Мервиль употребляет, описывая въезд на карлистскую территорию. «Nous allons fouler le sol du despotisme et de l'Inquisition»³¹⁵ («Мы вступим на землю деспотизма и Инквизиции»), – говорит оставшийся безымянным спутник автора, и герои уже представляют себя на костре инквизиции. Естественно, этот диалог является пародией на антикарлистскую пропаганду, и представление о сторонниках дон Карлоса-младшего как о фанатиках из XVI в. легко опровергается.

Текст Л. П. де Мервиля появился на пике интереса к карлизму в середине 1870-х гг., в ситуации, когда шансы карлистов одержать победу в войне были высоки. В этот период большой популярностью пользовались мемуары иностранных участников Первой Карлистской войны, и Л. П. де Мервиль даже упоминает некоторых из них³¹⁶. Естественно, воспоминания оставляют и испанские участники карлистского движения. Классическим примером военной мемуаристики являются мемуары генерала А. де Бреа, в которых автор рассказывает о Третьей Карлистской войне (1872–1876). Он уделяет большое внимание вопросам организации армии дон Карлоса-младшего, приводит много технических деталей относительно хода боевых действий и старается сохранять беспристрастность. «Prósperamente habían marchado hasta entonces los asuntos de la guerra para los carlistas <...> habían hecho frente al ejército liberal»³¹⁷ («До того момента дела обстояли благоприятно для карлистов <...> они дали отпор либеральной армии»), – пишет А. де Бреа. Вне контекста всей книги это высказывание можно интерпретировать как нейтральное, характерное для какой-

³¹⁴ Ibid. P. 122.

³¹⁵ Ibid. P. 24.

³¹⁶ Ibid. P. 242–243.

³¹⁷ Brea, A. Campaña del Norte. P. 50.

либо исторической работы, написанной через много лет после событий. Иногда мемуарист использует по отношению к противнику лексему *enemigo* («враг, неприятель»), но избегает эмоционально окрашенной лексики.

При этом текст А. де Бреа освещает конфликт с точки зрения карлистов и формирует в сознании читателя определенные идеологические установки. Образы лидеров движения (в первую очередь самого дона Карлоса-младшего и его супруги доньи Маргариты) создаются только с использованием эпитетов с положительными коннотациями, например: *de claro talento* («с чистым талантом»), *esclarecido* («просвещенный»), *egregio* («выдающийся»)³¹⁸. Неприятельские офицеры, которые храбро ведут себя на поле боя, но попадают в плен к карлистам, отпускаются на свободу, а затем пишут письмо с благодарностью освободившему их карлистскому генералу А. Доррегараю³¹⁹ — эпизод, представлявший карлистов как своего рода благородных «рыцарей». В данном случае принципиальной является не достоверность этого случая — вполне возможного в контексте отношений между дворянами в Европе в конце XIX в. [Илюкович, 2023: 38–40] — но сам факт его включения в книгу.

Сохраняя внешнюю беспристрастность на протяжении большей части книги, А. де Бреа в некоторых эпизодах пытается воздействовать на читателя, используя экспрессивно окрашенную лексику с сильным положительным коннотативным значением. Так, для автора является важной идея преемственности, неразрывности истории карлистского движения от 1833 г. до поражения в войне в 1876 г. Он подчеркивает значимость «la Bandera en que nuestros antepasados escribieron *Dios, Patria y Rey*, como expresión de todos los más nobles sentimientos del espíritu religioso, caballeresco y patriótico que guió nuestras armas en los más gloriosos días de nuestra Historia»³²⁰ («Флага, на котором наши предки написали *Бог, Родина и Король* как выражение самых благородных чувств

³¹⁸ Ibid. P. 23–26.

³¹⁹ Ibid. P. 51–52.

³²⁰ Ibid. P. 478.

религиозного, рыцарского и патриотического духа, который вел наше оружие в самые славные дни нашей Истории»).

Другой эмоциональный фрагмент в мемуарах А. де Бреа – переход доном Карлосом-младшим испано-французской границы 28 февраля 1876 г., когда после поражения в войне претендент на престол был вынужден отправиться в изгнание. Автор показывает, как карлистский «король» прошел мимо своих солдат в сторону границы. «Las lágrimas de reconocimiento del representante de la Bandera Tradicionalista, al verse objeto de lealtad tan manifiesta, debieron caer gota á gota sobre su corazón («У каждого представителя Традиционалистского Знамени при виде объекта своей верности, должны были падать слезы признательности, капля за каплей, на сердце»), – пишет А. де Бреа и продолжает: Al pisar la tierra extranjera Don Carlos, quien en aquel solemne momento volvió su noble cabeza á España y, levantando los ojos al cielo, dijo con voz firme: ¡Volveré!»³²¹ («Ступив на чужую землю, дон Карлос в этот торжественный момент повернул свою благородную голову в сторону Испании и, подняв глаза к небу, произнес твердым голосом: “Я вернусь!”»)). Этот эпизод стал одним из наиболее известных моментов в истории карлизма, а фраза *¡Volveré!* («Я вернусь!») – прецедентным текстом для последующих поколений участников движения.

Несмотря на данное заявление, дон Карлос-младший и все последующие карлистские претенденты на престол были вынуждены проживать в эмиграции, только в отдельные исторические моменты получая возможность посетить Испанию. По этой причине, когда в 1936 г., уже во время Гражданской войны, умер дон Альфонсо Карлос, видным представителям движения пришлось ехать за границу на похороны своего лидера. Этой поездке посвящена книга И. Р. Раисабалы «Красные береты в Австрии. Сентиментальный репортаж» («Boinas rojas en Austria. Reportaje sentimental»). Данный текст представляет собой пример перехода от собственно карлистского дискурса к франкистскому. Например, заслуживает внимания описание фигуры канцлера Австрии

³²¹ Ibid. P. 476.

Э. Дольфуса (1892–1934). Лидер Христианско-социальной партии вызывает восхищение у автора. Э. Дольфус охарактеризован как «el gran político católico» («великого католического политика»), который «fue como un San Jorge vencedor del dragón del marxismo» («как Святой Георгий победил дракона марксизма») и «murió asesinado» («был убит») за два года до поездки И. Р. Раисабалья³²². Используя в одном абзаце лексемы *marxismo* («марксизм»), *asesinado* («убитый») и *católico* («католический»), автор создает у читателя впечатление, что Э. Дольфус стал жертвой марксистов (хотя напрямую в тексте об этом не говорится). На самом деле, общеизвестным фактом является то, что австрийский канцлер был убит нацистами. Однако в 1936 г. Германия оказывала помощь франкистам, и критика действий нацистов в тот момент была недопустима во франкистском дискурсе.

Другой пример интеграции карлистского дискурса во франкистский в книге И. Р. Раисабалья – описание обороны толедского Алькасара в 1936 г. Соппротивление группы кадетов и офицеров в здании военной академии в Толедо (Алькасаре) превосходящим силам республиканских войск в начале Гражданской войны активно использовалось во франкистской пропаганде и стало одним из наиболее известных эпизодов конфликта 1936–1939 гг. Хотя карлисты практически не участвовали в обороне Алькасара, И. Р. Раисабаль подчеркивает их вклад в развитие событий, а главы «Традиционалистского объединения» в Испании М. Фаля Конде – в снятии осады с Толедо³²³. Автор приводит диалог между М. Фалем Конде и другим видным карлистом Х. М. Ламаме де Клераком относительно обороны Алькасара: «Esto ha sido cosa de Dios. – Hay muchas cosas de Dios en esto de Toledo»³²⁴ («Это был пример божественного вмешательства. – В истории с Толедо есть много примеров божественного вмешательства»). В данном тексте мы видим характерное для карлистского дискурса смешение религиозного и политического дискурса.

³²² Raizábal, I. R. Boinas rojas en Austria. P. 153.

³²³ Ibid. P. 38–47.

³²⁴ Ibid. P. 44.

Книга И. Р. Раисабаля появилась уже во время Гражданской войны в Испании. К этому же периоду относится и мемуаристика русских карлистов. Не все наши соотечественники в Испании оказались в подразделениях Рекете, но по меньшей мере 45 русских эмигрантов, преимущественно офицеров, служили в карлистском ополчении. Стремление многих из них служить именно в Рекете объясняется сходством дискурсных формаций русской военной эмиграции и карлистского движения. Штабс-капитан А. П. Яремчук описывает знакомство с испанскими сослуживцами:

«Капитан Руис – представительный офицер с бородкой-эспаньолкой. Он обратился к нам по-французски, изложив нам идеалы Национального движения и в частности Карлистской милиции, в которую мы попали. Он сказал, что девиз Карлистов “За Бога, Родину и Короля”. Один из наших ответил, что девиз Российской Императорской Армии, наследниками которой мы являемся, был “За Веру, Царя и Отечество”, так что наши идеологии фактически ничем не отличаются»³²⁵.

Авторы анализируемых воспоминаний А. П. Яремчук и Н. В. Шинкаренко регулярно обращались к историческим аналогиям и соотносили Гражданскую войну в Испании с Гражданской войной в России. Сопоставлялись не только общегосударственные процессы (разделение социума на красных и белых, репрессии и т. д.), но и политические реалии. Возможно, авторы текстов поверхностно разбирались в испанской политике; кроме того, они пытались сделать свои воспоминания понятными для русской эмигрантской аудитории. Для описания некоторых реалий испанской политической культуры использовались российские эквиваленты. Словом *красные* обозначались республиканцы (исп. *republicanos*); впрочем, лексема *rojos* («красные») иногда также употреблялась и в испаноязычном карлистском дискурсе. Солдаты республиканской армии (исп.

³²⁵ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 12.

«soldado republicano»), таким образом, часто именовались *красноармейцами*, а их противники, соответственно, *белыми*. Употребление лексемы *blanco* («белый») в качестве синонима к *franquista* («франкист») в целом несвойственно текстам на испанском языке, хотя в отдельных случаях примеры такого употребления фиксируются, например: [Rodon, 2015: 11]. Еще одна лексема, отражавшая реалии политической жизни в России после 1917 г., – это слово *самостийник*. Так назывались украинские националисты; русские карлисты перенесли это понятие на испанскую почву и использовали для обозначения каталонских и баскских националистов, участвовавших в войне на стороне республиканцев.

Гораздо чаще авторы воспоминаний включают в свои тексты многочисленные испанизмы. Под испанизмом «мы будем определять лексическую единицу из испанского, зафиксированную в речи представителей исследуемой группы и адаптированную к нормам русского языка» [Терещук, 2025е: 256]. Большая часть испанизмов относится к семантическому полю «война» делится на две категории:

(1) воинские звания: *кабо* («ефрейтор»), *бригада/бригад* («фельдфебель»), *альферес* («младший лейтенант, подпоручик»), *тениенте* («лейтенант»), *команданте* («майор»), *тениенте-коронель* («подполковник»); всего два зафиксированных испанизма обозначают старших офицеров, остальные служат для наименования унтер-офицеров и младших офицеров, что можно объяснить тем, что русские добровольцы служили преимущественно в качестве рядовых и только единицам удалось получить офицерское звание в испанской армии;

(2) подразделений/военных специальностей: *ласс/ласо* («ординарец»), *бандера* («батальон»). Некоторые испанизмы подвергались грамматической ассимиляции, например, лексема *гверильщик* («партизан») образована от испанского корня с добавлением русского суффикса.

Другие испанизмы преимущественно служат для обозначения еды, одежды или техники, например: *авион* («самолет»), *чоколате* («шоколад»), *горро* («шапка»). Отдельно стоит отметить употребление испанизма *бойна* («берет»).

Как было показано выше, в Испании конца XIX–XX вв. красный берет превратился в вестиментарный знак, маркировавший принадлежность его владельца к карлистскому движению. С конца XIX в. карлистов часто метонимически называли *boinas rojas* («красные береты»). Эта особенность испанского политического дискурса отразилась и в воспоминаниях русских карлистов. Как и в испанском языке, в языке русской эмиграции лексема *бойна* или словосочетание *бойна роха* («красный берет») могли обозначать и сам головной убор, и военнослужащего Рекете. Например, Н. В. Шинкаренко, описывая свое обмунидирование, не забывает и о головном уборе: «А на голову вот эта самая “бойна роха” – красный берет баскский, традиционно карлистский»³²⁶. Далее русский автор использует метонимию: «На розарио (*католическая молитва* – прим. А. Т.) собирались все, кто не занят какой-либо особой службой. И офицеры, и “бойны”»³²⁷. Любопытно, что лексема *бойна* используется автором только применительно к рядовым и унтер-офицерам, в том время как офицеров русский доброволец выделил отдельно. Аналогичное употребление встречается в институциональном карлистском дискурсе той эпохи [Терещук, 2025с: 42].

Испанизм *бойна* в русскоязычном карлистском дискурсе изменялся по падежам, как и большая часть остальных заимствований. «В каждой коробке банка с мармеладом, банка с чорисами»³²⁸, – пишет А. П. Яремчук, склоняя испанизм *чорисо/чоризо*, обозначающий вид колбасы. Современный русский язык еще раз заимствовал эту лексему из испанского, и в России в настоящее время массово производится чоризо, при этом слово *чорисо/чоризо* не изменяется по падежам. Другой пример адаптации испанизмов к нормам русского языка – это образование форм мн. ч. по русской модели, а не с использованием испанской флексии –s: «Две наши эскадры (*отделения* – прим. А. Т.) несут караулы»³²⁹. Во мн. ч. испанизмы склонялись и даже могли терять конечный –о, еще более

³²⁶ Белогорский, Н. Белая песня Испании. С. 13.

³²⁷ Там же. С. 20.

³²⁸ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 113.

³²⁹ Там же. С. 53.

видоизменяясь по отношению к исходному слову в испанском языке: «Один из наших чик (так здесь называются молодые рекете) пьет вино из боты (*фляги – прим. А. Т.*)»³³⁰. Форма *чик* представляет собой родительный падеж мн. ч. от имени существительного *чико*, от исп. *chico* («парень»).

Значение некоторых испанизмов глоссировалось мемуаристами, например: «У нас в бандере (*батальоне – прим. А. Т.*), как и у других, была своя, и в окопы нас сопровождающая, походная лавочка, кантина»³³¹. В отдельных случаях у авторов отмечаются разногласия в подборе русского эквивалента для заимствованных испанизмов. Так, испанизм *альферес* (от исп. *alférez*), который обозначал младший офицерский чин, А. П. Яремчук переводит как «подпоручик»³³², а Н. В. Шинкаренко – как «прапорщик»³³³. Оба варианта перевода являются правильными, так как в Русской императорской армии именно прапорщик был младшим офицерским чином (точка зрения Н. В. Шинкаренко). Но в Вооружённых силах Юга России, в которых после 1918 г. служили оба автора, де-факто чин прапорщика исчез (точка зрения А. П. Яремчука) [Терещук, 2025е: 258].

Воспоминания русских карлистов представляют собой ценный источник для изучения языка русской военной эмиграции в Испании, но, кроме того, они являются яркими примерами персонального карлистского дискурса. В разделе, посвященном карлистскому газетно-публицистическому дискурсу, была обоснована оправданность отнесения некоторых материалов в русской эмигрантской прессе к данной дискурсивной разновидности. В целом, мемуаристика русских карлистов имеет ряд сходных черт с публицистикой на дискурсивном уровне (смещение религиозных и политических элементов, жесткое противопоставление «мы» – «они», использование основных идеологем карлистского движения).

³³⁰ Там же. С. 234.

³³¹ Белогорский, Н. Белая песня Испании. С. 132.

³³² Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 10.

³³³ Белогорский, Н. Белая песня Испании. С. 11.

Как и в русской эмигрантской публицистике, в воспоминаниях нет противопоставления католицизма и православия. Наоборот, мемуаристы постоянно подчеркивают идею единства всех христиан перед угрозой со стороны «атеистов» и «безбожников» по другую сторону фронта. «Хорошо, накануне того дня, что снова будешь в бою, коснуться мысленно жизни такого святого, который носил панцирь и сам был ранен в бою»³³⁴, – рассказывает Н. В. Шинкаренко о своем посещении места рождения Св. Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов. А. П. Яремчук часто вспоминает, как он и другие русские карлисты, сохраняя православную веру, ходили на службы в католические церкви. При этом он подчеркивает уважительное отношение карлистов к православным: «Пришел на костылях почтенный испанец благородной внешности, оказался господин Хункера, видный карлист <...> У одного из наших он увидел на шее крестик, Хункера попросил разрешения поцеловать его. Мы из безбожной Франции попали в религиозную Испанию, это было даже трогательно»³³⁵. Эти образы объединения всех христианских конфессий перед лицом общего «врага» соотносятся с концептом «крестового похода», существовавшим в карлистском дискурсе еще с XIX в. (ср.: процитированный выше текст воспоминаний Ч. Ф. Хеннингсена) и ставшим одним из ключевых для франкистского дискурса.

Проведенный анализ показывает, что воспоминания участников и симпатизантов карлистского движения относятся к изучаемой дискурсивной разновидности. В текстах, относящихся к мемуарному дискурсу, сохраняются индивидуальные стилистические особенности авторов, но также и фиксируются наиболее яркие маркеры институционального дискурса карлистского движения. В то время как к институциональному дискурсу относятся практически исключительно тексты на испанском языке, карлистская мемуаристика с момента своего появления существовала в полилингвальном коммуникативном пространстве. Мы проанализировали тексты воспоминаний на английском, испанском, французском, немецком и русском языках и отметили в них как

³³⁴ Там же. С. 104.

³³⁵ Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании. С. 7.

уникальные особенности, связанные с лингвокультурными различиями, так и общие черты, проявляющиеся на дискурсивном уровне. Жанр мемуаров тесно связан с художественной литературой, некоторые произведения которой также относятся к карлистскому политическому дискурсу.

4.3. Карлистский политический дискурс в художественной литературе

Как было показано во второй главе, не все литературные произведения, созданные авторами, сочувствовавшими карлизму, могут быть отнесены к карлистскому политическому дискурсу. Конечно, любой художественный текст отличается сложной структурой, гетерогенностью, разнообразием «свойств, планов, областей и повествовательных инстанций» [Щирова, 2022: 160]. Даже не затрагивающее, на первый взгляд, вопросы борьбы за власть произведение, рассмотренное в определенном историко-культурном контексте, может интерпретироваться как политическое заявление. Тем не менее в настоящем исследовании мы обращаемся к анализу художественных произведений, напрямую связанных с темой карлизма и при этом транслирующих основные идеологемы карлистского дискурса. Традиционно дискурсивно-лингвистический анализ обращается к литературным текстам как к объектам исследования, не принимая во внимание их эстетическую составляющую и художественную ценность [Spieß, 2021: 110]. Художественный текст, не обладающий высокой литературной ценностью, но имеющий характерные черты изучаемой дискурсивной разновидности, может быть более релевантным для исторической дискурсологии, чем выдающееся классическое произведение. При этом, конечно, остается открытым вопрос о правомерности отнесения к категории художественной литературы текстов низкого качества, пусть и созданных с эстетической целью [Андреева, 2019а: 89].

Одним из первых писателей, обратившихся к теме карлизма, стал Н. В. Гоголь, опубликовавший в 1835 г. повесть «Записки сумасшедшего». Конечно, интерпретировать произведение исключительно как политическую

сатиру на события в Испании – это сильно упрощать его ценностно-смысловое содержание. «Гоголевский текст – не исписанная тетрадь, а огромное число противоречащих друг другу, но в равной степени реальных вариантов», – писал Ю. М. Лотман [Лотман, 1997: 695]. Тема карлизма в «Записках сумасшедшего» представляет собой один из этих вариантов.

Главный герой повести Аксентий Поприцин сходит с ума и заявляет, что он король Испании. Выбор именно Испании в данном тексте не является случайным: в момент написания произведения события на Пиренейском полуострове, где шла Первая Карлистская война, привлекали к себе внимание всей Европы. Конфликт начался в ночь со 2 на 3 октября 1833 г.; первая дата дневника Поприцина – это именно 3 октября. В этом дневнике герой записывает следующие слова, обосновывая свои «притязания» на испанский трон: «Не может взойти донна на престол. Никак не может. На престоле должен быть король»³³⁶. Это высказывание Поприцина соотносится с содержанием идеологемы «Король» в карлистском дискурсе и соответствует распространенному в 1830-е гг. аргументу о правах дон Карлоса на престол. Аналогичные утверждения часто встречаются в карлистском дискурсе той эпохи. Так, в манифесте в Абрантеше (1833), ключевом для раннего карлизма документе, дон Карлос заявлял следующее: «Los derechos imprescriptibles de mis hijos y todos los amados consanguíneos me esfuerzan a sostener y defender la corona de España del violento despojo que de ella me ha causado una sanción...»³³⁷ («Неотъемлемые права моих детей и всех дорогих членов королевской семьи вынуждают меня защищать корону Испании от насильственного ее захвата посредством прагматической санкции...»). Напомним, что Прагматическая санкция 1830 г. делала возможной передачу престола по женской линии. Цитата из дневника Поприцина имеет ту же коммуникативную цель, что и документ, с которого началась Первая Карлистская война.

Сам протагонист повести олицетворяет собой лидера карлистов. Они

³³⁶ Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений / Н. В. Гоголь. – М.: Издательство АН СССР, 1938. – Т. 3. Повести. – С. 206–207. См. приложение А.

³³⁷ Manifiesto de Abrantes (01.10.1833) // Ferrer, M. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. P. 287–288. См. приложение А.

ровесники, оба «претендуют» на испанскую корону, в их дискурсах отмечается одинаковое понимание фигуры короля. Заслуживает внимания эпизод с прогулкой Поприщина по Невскому проспекту, на котором он встретил проезжающего по главной улице Санкт-Петербурга императора и при этом «не подал никакого вида, что испанский король. Почел неприличным открыться тут же при всех»³³⁸. Можно предположить, что эта сцена является отсылкой к реальному историческому эпизоду, когда в 1834 г. дон Карлос, инкогнито пробираясь через Францию к своим сторонникам в Испании, в Париже видел проезжавшего в карете короля Луи-Филиппа [Saint-Sylvain, 1835: 180]. О путешествии дона Карлоса писали все петербургские газеты, и, возможно, что Н. В. Гоголь вдохновлялся этим событием при работе над «Записками сумасшедшего» [Терещук, 2024с: 164–165].

Нет никаких оснований полагать, что Н. В. Гоголь симпатизировал карлистам или внимательно следил за происходящим на Пиренейском полуострове, хотя, по некоторым данным, он посетил Испанию летом 1837 г., в самый разгар Первой Карлистской войны [Воропаев, 2016: 105]. Создавая свое произведение, писатель включил в него ряд отсылок к актуальным политическим новостям. Строго говоря, «Записки сумасшедшего» нельзя отнести к карлистскому дискурсу, хотя они обладают некоторыми чертами анализируемой дискурсивной разновидности. Н. В. Гоголь сатирически представлял карлистское движение и не ставил своей целью транслировать читателям его идеологические принципы. Данный пример показывает, что не каждый художественный текст, затрагивающий тему карлизма, может быть отнесен к карлистскому дискурсу.

В то же время правомерность отнесения к изучаемой дискурсивной разновидности некоторых текстов Р. М. дель Валье-Инклана не вызывает сомнений. Его произведения воспринимаются литературоведами как одна из вершин испанской литературы. Обратимся к анализу его текстов с позиций дискурсивного анализа. Наиболее известным произведением писателя,

³³⁸ Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 206–207. См. приложение А.

посвященным карлистскому движению, является «Зимняя соната» («Sonata de invierno», 1905). Это последний, четвертый роман из цикла «Сонат» («Sonatas») – серии произведений, построенных как фрагменты вымышленных воспоминаний маркиза де Брадомина, прототипом которого стал приближенный дона Карлоса-младшего генерал К. Кальдерон [Comesaña, 2021: 110]. Герой «Сонат» является убежденным карлистом, и карлизм несколько раз упоминается в первых трех произведениях цикла [Терещук 2024e: 140–141]. Однако именно в «Зимней сонате» эта тема выходит на первый план.

Действие романа происходит в Эстелье, при дворе дона Карлоса-младшего, во время Третьей Карлистской войны. В качестве одного из персонажей выведен сам лидер карлистов, по отношению к которому автор использует лексемы *Rey* («Король») или *Señor* («Господин»), а также словосочетание *Don Carlos VII* («Дон Карлос VII»). Для Р. М. дель Валье-Инклана дон Карлос-младший – не просто «король», но «*Rey de los antiguos tiempos*»³³⁹ («Король из старинных времен»), то есть в тексте произведения, как и в институциональном дискурсе карлизма, идеологема *Rey* включает в себя слот «традиционная монархия» и противопоставляется либеральной монархии XIX в.

Лексические единицы, употребленные по отношению к лидеру карлистов, больше соответствуют образу средневекового монарха-рыцаря, чем современным представлениям о политическом лидере: *gallardía* («статность»), *nobleza* («благородство»), *brío* («мощь»); *vivo y aguileño mirar* («живой и орлиный взгляд»), *arrogancia* (зд.: «мужество»). Подданные приветствуют своего «монарха» возгласами *¡Viva el Rey!* («Да здравствует Король!»), и Р. М. дель Валье-Инклан пишет, что эта сцена напоминает картины из «*los siglos medioevales y religiosos*»³⁴⁰ («религиозных времен Средневековья»; досл.: «средневековых и религиозных времен»). Восхищение вызывает и образ королевы: встретившись с доньей Маргаритой, маркиз де Брадомин сравнивает ее руки с *lirios* («лилиями») и пишет, что она имела «*aroma de una leyenda en su*

³³⁹ Valle-Inclán, R. M. del Sonata de invierno. P. 14.

³⁴⁰ Ibid. P. 175.

nombre de princesa pálida, santa, lejana»³⁴¹ («аромат легенды в своем имени бледной, святой и неземной принцессы»). Описание супруги дона Карлоса-младшего коррелирует с образом прекрасной дамы в средневековой поэзии трубадуров. Упоминание лилии, с одной стороны, представляет собой интертекстуальную отсылку к Ветхому Завету: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (Песн., 2, 2); с другой – напоминает о Деве Марии [Вышенская, 2021: 180]. Кроме того, изображение лилии представляет собой гербовую фигуру Бурбонов [Терещук 2024e: 141].

Дон Карлос-младший на страницах романа предстает в образе средневекового монарха, и его «подданные» также стремятся вырваться из современного мира (то есть из общества последней четверти XIX в.). Главный герой, попав в расположение карлистских войск, ощущает «*ánimo guerrero, despótico, feudal*» («воинский, деспотичный, феодальный дух») и становится «*hombre de otros tiempos*»³⁴² («человеком других времен»). Идеалы маркиза де Брадомин – в прошлом, он мечтает не о «светлом будущем», но о временах расцвета Испанской империи: «¡Soberbio Duque de Alba! ¡Glorioso Duque de Sesa, de Terranova y Santangelo! ¡Magnífico Hernán Cortés! Yo hubiera sido alférez de vuestras banderas en vuestro siglo. Yo siento, también, que el horror es bello, y amo la púrpura gloriosa de la sangre, y el saqueo de los pueblos»³⁴³ («Гордый Герцог де Альба! Славный Герцог де Сеса, де Терранова и Сантанджелло! Великолепный Эрнан Кортес! Я был бы знаменосцем в вашем веке. Я тоже чувствую, что ужас прекрасен, я люблю славный цвет крови и разграбление деревень»). В литературоведении этот фрагмент часто используется для иллюстрации мысли о том, что для маркиза «красота выше морали или вне морали» [Ефименко, 2023: 66]. Для нашего исследования представляют интерес исторические аналогии, к которым обращается автор – это испанские полководцы XVI в., известные как своей личной храбростью, так и фанатичной преданностью католической церкви.

³⁴¹ Ibid. P. 64.

³⁴² Ibid. P. 182–183.

³⁴³ Ibid. P. 183.

Как и тексты, относящиеся к институциональному карлистскому дискурсу, «Зимняя соната» воспевают прошлое, но ничего не обещает в будущем. Более того, проекты восстановления Испанской империи в XIX в. показываются Р. М. дель Валье-Инкланом с определенной долей иронии. В романе «Летняя соната» («Sonata de estío», 1903) маркиз де Брадомин встречается в Мексике старого карлистского солдата, который строит планы снова завоевать Латинскую Америку для Испании. На первый взгляд, эта идея вызывает симпатию у автора, однако после прямой речи героя Р. М. дель Валье-Инклан пишет, что солдат потряс своей «barba berberisca» («берберской бородкой»)³⁴⁴. Лексема *berberisco* делает это высказывание комичным: для Р. М. дель Валье-Инклана она имела негативные коннотации. Известно, что в одном из своих выступлений писатель противопоставлял «африканскую, семитскую и материалистическую» Испанию «настоящей» с ее «латинским духом» [Comesaña, 2021: 308]. В представлении автора носитель «берберской бородки» не мог воссоздавать славу Испанской империи.

Таким образом, для Р. М. дель Валье-Инклана прошлое Испании – это объект восхищения, который не следует пытаться воспроизвести в настоящем и будущем. Какой в таком случае является программа карлизма, из текста «Зимней сонаты» Р. М. дель Валье-Инклана остается непонятным. Эстетика карлистского движения и «романтика» Средневековья заменяют собой конкретный политический проект. Аналогичное наблюдение применимо и по отношению к циклу романов «Карлистская война» («La guerra carlista»), который включает в себя произведения «Крестоносцы правого дела» («Los cruzados de la Causa, 1908»), «Отблески огня» («El resplandor de la hoguera», 1909) и «Кречетья охота»³⁴⁵ («Gerifaltes de antaño», 1909). Цикл остался неоконченным: изначально писатель

³⁴⁴ Valle-Inclán, R. M. del Sonata de estío. P. 226.

³⁴⁵ В. П. Ефименко пишет, что «в ранних русских упоминаниях этого текста испанское название “Los gerifaltes de antaño” звучало как “Коршуны былых лет”, что являлось переводческим буквализмом, оставлявшим без внимания происхождение этого словосочетания из стихотворения Р. Дарио “Лебеди”, где оно напрямую относилось к старинной соколиной охоте» [Ефименко, 2023: 72].

планировал создать пять произведений. В. П. Ефименко характеризует повествовательную форму серии романов как «фрагментарную, эпизодическую и мультиперсонажную» [Ефименко, 2023: 70]. В качестве одного из действующих лиц в ней фигурирует герой «Сонат» маркиз де Брадомин. В романе «Крестоносцы правого дела» он продает все свои земли, чтобы полученные деньги вложить в поддержку «дела» дона Карлоса. Одним из важных героев является существовавший в реальности командир карлистского партизанского отряда М. И. Санта Крус, более известный как «священник Санта Крус» (исп. «cura Santa Cruz»). Цикл романов рисует картину охваченного Третьей Карлистской войной севера Испании, все население которого восстало против «оторванного от народа» правительства.

Р. М. дель Валье-Инклан, показывая жестокость войны, создает при этом образ Испании, все население которой поддерживает дона Карлоса. Так, в романе «Отблески огня» встречается яркий персонаж – хозяйка постоялого двора, «la abuela, que tiene bajo la cama una hoz para degollar negros y franceses»³⁴⁶ («бабушка, которая держит под кроватью серп, чтобы резать головы черным (либералам – прим. А. Т.) и французам»). Для наименования объектов ненависти героини автор использует разговорную лексическую единицу *negros*, употребление которой анализировалось выше, и пишет о французах, воспоминания о войне против которых влияют на восприятие событий, происходящих 60 лет спустя. При этом в реальности в 1808–1814 гг. антифранцузские настроения господствовали и среди роялистов, и среди либералов [Millán, 2004: 286–287]; в анализируемом тексте исторические события борьбы против Наполеона интерпретируются в соответствии с актуальной политической повесткой дня. Кроме того, писатель противопоставляет солдат правительственных войск, которые участвуют в войне по принуждению, добровольцам в рядах армии дона Карлоса [Aceda, 1993: 77].

Особенный интерес для изучения карлистского дискурса представляет роман «Отблески огня». Выше уже упоминалось распространенное в карлистском

³⁴⁶ Valle-Inclán, R. M. del El resplandor de la hoguera. P. 30.

дискурсе наименование карлистов как *boinas rojas* («красных беретов»). Однако ни в газетно-публицистическом, ни в институциональном дискурсе в XIX в. не фиксируются случаи использования данной метонимии, хотя сам по себе берет красного цвета являлся символом карлистского движения. Ранее мы высказывали предположение, что широкое распространение данное метонимическое наименование получило только после выхода «Отблесков огня» [Терещук, 2025с: 40–41]. Словосочетание *boina roja* восемь раз метонимически употребляется в романе. Оно сочетается с разными частями речи: с числительными, с неопределенными, отрицательными и указательными местоимениями, например: «*tropa de cien boinas rojas*»³⁴⁷ («отряд из ста красных беретов»). Впоследствии данная метонимия употреблялась с артиклем м. р., однако у Р. М. дель Валье-Инклана *boina roja* согласуется с артиклями и местоимениями ж. р.: «*se veía de tiempo en tiempo alguna boina roja que pasaba corriendo al abrigo de un ribazo*»³⁴⁸ («время от времени можно было заметить какой-нибудь красный берет, который пробегал, укрываясь за холмом»).

Рассказ Р. М. дель Валье-Инклана «Двор в Эстелье» («*La Corte de Estella*», 1910) гораздо менее известен, чем циклы «Сонаты» и «Карлистская война». Текст, опубликованный в мадридском журнале «*Por esos Mundos*», представляет собой еще более яркую апологию карлизма. Как и в «Зимней сонате», действие происходит в Эстелье во время Третьей Карлистской войны. Возможно, этот рассказ должен был войти в один из незавершенных романов цикла «Карлистская война» [Comesaña, 2021: 170]. Об этом свидетельствует появление в тексте ряда персонажей, фигурирующих в трех опубликованных романах цикла. Дон Карлос-младший во «Дворе в Эстелье» приобретает черты святого. Один из героев рассказывает, как он стал карлистом: «*Pues fue llegar y sentirme cambiado al besar la mano del Rey. Me pareció que me bendecían, y tuve de la guerra un sentimiento que no tenía*» («Я приехал и почувствовал себя изменившимся, поцеловав руку Короля. Мне показалось, что меня благословили, и у меня появилось такое

³⁴⁷ Ibid. P. 105.

³⁴⁸ Ibid. P. 176–177.

чувство войны, которого не было раньше») (цит. по: [Comesaña, 2021: 772]). Отметим, что произведение было опубликовано через полгода после смерти лидера карлистов, то есть идеализация образа дона Карлоса-младшего в произведении соотносится с распространенным в карлистском дискурсе культом мучеников.

Р. М. дель Валье-Инклан был активистом «Традиционалистского объединения», но ему не довелось принять участия ни в одном из вооруженных конфликтов. В то же время М. Вайреда, крупнейший автор-карлист, писавший на каталанском языке, в молодости, во время Третьей Карлистской войны, служил в армии дона Карлоса-младшего. Именно этому эпизоду посвящено его первое крупное произведение – «Воспоминания о последней карлистской войне» («Records de la darrera carlinada», 1898). Несмотря на название, эту книгу уместнее отнести к художественной литературе, чем к мемуарному жанру. Литературоведы характеризуют ее как «романизированные мемуары» [Illas, 2004: 90] или как «каталонский вестерн» [Casacuberta, 2021: 9], а в русской литературе ее можно соотнести с «Записками кавалериста» Н. С. Гумилева [Терещук, 2023b: 155]. «No ha estat el meu propòsit escriure un llibre de memòries, ni he abrigat la pretensió de donar a llum dades inèdites per a la història de la darrera guerra civil» («Моей целью не было написать мемуары или вывести на свет неизвестные сведения из истории последней гражданской войны»)³⁴⁹, – указывает сам М. Вайреда в начале книги. Отдельным вопросом является соотношение между фигурой нарратора в произведении и самим автором. М. Вайреда представлял свой текст как автобиографическое произведение, но тем не менее можно отметить различия между писателем и главным героем. «Воспоминания о последней карлистской войне» создавались во второй половине 1890-х гг., более чем через 20 лет после описываемых событий, и М. Вайреда рисовал себя самого в молодости с определенной дистанции.

«Воспоминания о последней карлистской войне» – это серия практически не

³⁴⁹ Vayreda, M. Records de la darrera carlinada. P. 9.

связанных между собой рассказов о боевых действиях в Каталонии. В произведении нет дат или точной информации о ходе боевых действий. М. Вайреда обращает основное внимание на чувства и переживания нарратора. Этот текст представляет интерес не только как произведение, написанное с симпатией к проигравшим войну сторонникам дона Карлоса-младшего, но и как ценный источник для изучения каталанского языка конца XIX в., а также социолекта каталонских карлистов. Например, автор употребляет сленговое выражение *collir el xavo*, которое, как объясняет сам М. Вайреда, имело значение «получить ранение, схватить пулю»³⁵⁰. В тексте произведения не указывается его происхождение. Можно предположить следующую версию: кат. *xavo* обозначало медную монету в 10 сентимо (исп. *ochavo*). Эта монета имела примерно такой же вес, как и использовавшиеся правительственными войсками пули, соответственно, в данном случае наблюдался метафорический перенос признака с монеты на пулю [Терещук, 2023b: 159].

М. Вайреда происходил из каталонской дворянской семьи, известной своими симпатиями к карлизму. «Els primers conceptes polítics <...> els havia tret del diari de Madrid *La Esperanza*»³⁵¹ («Свои первые политические понятия <...> я узнал из мадридской газеты *La Esperanza*»), – пишет рассказчик о своей молодости. Напомним, что в середине XIX в. «*La Esperanza*» была «рупором» карлистского движения. В «Воспоминаниях о последней карлистской войне» встречаются все основные идеологемы карлизма, переданные на каталанском языке, но сохранившие свое значение: *Religió* («Религия»), *Rei* («Король»), *Furs* («Фуэрос») и т. д. В качестве наименования конфликта М. Вайреда использует лексему *carlinada* (досл.: «карлистский поход») вместо *guerra carlina* («карлистская война»). Можно предположить, что данный выбор обусловлен созвучием слова *carlinada* с *croada* («крестовый поход»). Идея крестового похода в момент написания произведения имела большое значение и в испаноязычном, и в каталаноязычном карлистском дискурсе.

³⁵⁰ Ibid. P. 72.

³⁵¹ Ibid. P. 14.

Отметим также употребление М. Вайредой идеологемы *Furs* («Фуэрос»). Она не играла важной роли в карлистском дискурсе в 1830-е гг., но в последней четверти XIX в. стала одной из основных для дискурса карлизма. Для М. Вайреды она, возможно, являлась наиболее релевантной в карлистской тетраде 1870-х гг. («Бог, Родина, Король, Фуэрос»). «Pressentia la resurrecció d'una federació espanyola com a única reparació de punyents injustícies i desastrosos errors polítics. Així concebia jo el carlisme, i així vaig acceptar-lo»³⁵² («Я предвидел возрождение испанской федерации как единственное возможное исправление вопиющих несправедливостей и ужасных политических ошибок. Так я понимал карлизм, так я его принял»), – указывает нарратор. Незадолго до того, как примкнуть к восстанию карлистов, он начал чувствовать себя «*més català que abans*»³⁵³ («больше каталонцем, чем раньше»).

Акцентирование внимания на теме фуэрос и каталонской идентичности в произведении неслучайно. В конце жизни М. Вайреда, не выступая против карлизма, находился на позициях консервативного каталанизма. Эта смена дискурсной формации писателя отразилась в его следующем произведении – романе «Новая кровь» («*Sang nova*», 1900). Действие произведения происходит в каталонской глубинке в 1868 г., во время Сентябрьской революции. Большая часть романа представляет собой рассуждения героев, представляющих разные идеологические системы, о политике, культуре и философии; жанр данного произведения часто определяется как «роман-тезис» (англ. «thesis novel») с сильным дидактическим посылом [McGovern, 2001: 135]. «Новую кровь» можно интерпретировать в контексте популяризации жанра регионального романа в Испании XIX в. [Canal, 2004: 45] или проводить параллели между текстом М. Вайреды и «Антоновскими яблоками» И. А. Бунина [Терещук, 2024а: 121]. В рамках настоящего исследования это произведение нас интересует как пример постепенного отхода автора от карлистского дискурса в сторону дискурса каталонских националистов.

³⁵² Ibid. P. 16.

³⁵³ Ibid. P. 15.

На первый взгляд, в «Новой крови» не остается ничего от карлизма: несмотря на растущую популярность дона Карлоса-младшего на рубеже 1860–1870-х гг., его сторонники не фигурируют в романе. Намеком на карлистскую тематику является упоминание газеты «La Esperanza»³⁵⁴, которую читает один из персонажей. Протагонист романа – молодой представитель сельского каталонского дворянства Рамон де Монбрио – выступает за широкую автономию Каталонии от центрального правительства; по оценке Г. Бартоли, он хочет «рекаталанизировать местную буржуазию» [Bartolí, 2022: 24]. Он не понимает, почему каталонский крестьянин, «*amb prou pit per a fer cara a un ós i prou braó per aterrar un roure, tremoli com una fulla a l'arbre al sentir quatre roncs d'un empleadot de mala mort, arrencat de les aceres de la Puerta del Sol*»³⁵⁵ (не боящийся выйти охотиться на медведя и обладающий силой, чтобы свалить дуб, дрожит, как лист, при встрече с захудалым чиновничком с Пуэрта дель Соль (*площадь в Мадриде – прим. А. Т.*)). Политики из Мадрида сравниваются им с грызущимися между собой волками³⁵⁶.

Критикуя столицу, М. Вайреда далек от мысли воспевать Барселону и другие крупные города Каталонии. Показательно, что главный антагонист романа носит фамилию «Серда» и является однофамильцем архитектора И. Серда, планировавшего застройку новых кварталов в Барселоне в 1860-е гг. [Терещук, 2024а: 120]. «Настоящими» каталонцами в представлении автора являются жители горных, удаленных от побережья районов Каталонии. При этом концепт «Каталонских гор» (кат. «Muntanya») как ядра культуры Каталонии был сформулирован Ж. Балмесом, философом, оказавшим большое влияние на идеологию карлизма в XIX в. [Canal, 2005: 59] (о концепте «гора» в произведениях М. Вайреды см. также: [Maymó, 2020]). «Homes com aquest, a muntanya n'hi ha un a cada casa. ¡Aquests sí que són catalans de veres!»³⁵⁷ («В горах таких людей (*достойных уважения – прим. А. Т.*) можно встретить в каждом

³⁵⁴ Vayreda, M. Sang Nova / M. Vayreda. – 2007. – Режим доступа: www.gutenberg.org. – P. 60.

³⁵⁵ Ibid. P. 101.

³⁵⁶ Ibid. P. 263.

³⁵⁷ Ibid. P. 223.

доме. Это действительно настоящие каталонцы!»), – убедительно заявляет Рамон де Монбрио. Восхищение писателя сельской Каталонией особенно ярко проявляется в сцене работы жнецов на поле³⁵⁸. Представляется, что данная сцена является прозаическим отображением песни *Els Segadors* («Жнецы»), текст которой появился в 1899 г., то есть незадолго до выхода романа [Баканова, 2015: 28–29]. Композиция, посвященная восстанию в Каталонии против испанской монархии в 1640 г., которое получило название *Guerra dels Segadors* («Война жнецов»), стала одним из символов каталонского национализма [Кузина, 2024: 92].

Несмотря на кажущийся отход М. Вайреды от темы карлизма в «Новой крови», в произведении сохраняются идеологические установки автора, взятые из карлистского дискурса. Как пишет И. А. Щирова, «ценностно-смысловое пространство художественного текста формируется совокупностью дистантных и контактных, однокуррентных и рекуррентных текстовых элементов и представляет собой иерархически организованную систему уникальных авторских смыслов, объединенных, согласно основополагающей авторской интенции, во внутренне непротиворечивую смысловую цельность» [Щирова, 2025: 214]. Как правило, в художественном тексте взаимодействуют различные дискурсы, которые могут перескаться и накладываться друг на друга [Чемодурова, 2014: 81]. В данном тексте мы отмечаем пересечение дискурса карлизма с дискурсом каталонского национализма.

Рассуждая о будущей «обновленной» Каталонии, протагонист ищет источник вдохновения в ее прошлом и призывает восстановить некое идеальное общество, существовавшее, по всей видимости, в Средние века³⁵⁹. Идеологическим фундаментом этого «образцового» общества являются традиционные христианские ценности. Достаточно указать, что человеком, оказывающим сильное влияние на Рамона де Монбрио, является его дядя Жоан, который служит священником в каталонской провинции. «Déu és la causa primària

³⁵⁸ Ibid. P. 117–120.

³⁵⁹ Ibid. P. 28–32.

de totes les causes i la força creadora, conservadora i reguladora de totes les forces»³⁶⁰ («Бог – это первопричина всего, а также сила, созидаящая, сохраняющая и регулирующая все остальные силы»), – формулирует писатель кредо Жоана де Монбрио, и такое понимание Бога соотносится с интерпретацией идеологии «Бог» в карлистском дискурсе. Наконец, антагонисты в «Новой крови» – это сторонники революции 1868 г. «La impietat, o mellor dit, la clerofòbia és la nota característica d'aquesta revolució»³⁶¹ («Безбожие, или, точнее говоря, клерофобия – вот характерная черта этой революции»), – утверждается в романе. М. Вайреда повторяет аргументацию карлистов, обвинявших революционеров в «безбожии» на том основании, что в новую конституцию была внесена статья о свободе вероисповедания. Таким образом, роман «Новая кровь» представляет собой полидискурсивный текст, обладающий элементами карлистского и каталонского националистического дискурсов.

Проведенный анализ показал, что некоторые художественные тексты относятся к карлистскому политическому дискурсу. Рассмотренные нами произведения Р. М. дель Валье-Инклана на испанском и М. Вайреды на каталанском языке оказывали определенное пропагандистское воздействие на читателей, транслировали им карлистские идеологические установки. Выделенные нами характерные черты институционального, газетно-публицистского и мемуарного дискурсов карлизма находили отражение и в художественной литературе. При этом литературные тексты представляют собой более сложный объект для дискурсивного анализа, чем программные документы: художественные произведения часто находятся на пересечении различных дискурсов, допускают возможность множественных интерпретаций. Ярким примером является роман М. Вайреды «Новая кровь», текст которого находится на стыке карлистского и каталонского националистического дискурсов.

Выводы к главе 4

³⁶⁰ Ibid. P. 22.

³⁶¹ Ibid. P. 218.

1. В настоящей главе был проведен анализ персонального дискурса карлистского движения. В отличие от институционального дискурса, к которому относятся тексты только на испанском языке (и в некоторых случаях переводы этих текстов на другие языки), для персонального карлистского дискурса характерно многоязычие. Все три выделенные жанровые разновидности персонального дискурса – публицистика, мемуаристика и художественная литература – с первых лет существования движения функционировали в полилингвальном пространстве. Основные идеологемы и концепты испаноязычного карлистского дискурса транслировались в другие лингвокультуры, в которых сохраняли свое значение. При этом в иноязычных (неиспанских) разновидностях персонального карлистского дискурса отмечаются уникальные интерлингвополитические особенности, обусловленные различиями в политической культуре разных стран. Например, русские участники карлистского движения экстраполировали концепты белоэмигрантского дискурса на реалии испанской политической жизни. Таким образом, персональный карлистский дискурс представлял собой неоднородное по идеологическим и языковым параметрам динамичное дискурсивное поле.

2. Карлистский газетно-публицистический дискурс оформился в качестве отдельного жанра дискурса карлизма с первых лет существования движения. При этом газетно-публицистический дискурс карлизма представляет собой разноплановое, полифоническое явление, внутри которого отмечается заметная вариативность и которое образуется в результате сочетания дискурсов многочисленных периодических изданий. В рамках карлистского газетно-публицистического дискурса можно противопоставить друг другу тексты региональных и официальных газет; тексты на испанском, французском, английском, итальянском и русском языках; тексты проантантовских и антиантантовских изданий в годы Первой мировой войны; тексты газет левых и правых карлистов во второй половине XX – начале XXI в. Кроме того, релевантны и диахронические контрасты в газетно-публицистическом дискурсе

карлизма. Несмотря на заметные различия, все эти тексты отличаются общими характерными чертами, которые позволяют идентифицировать их как карлистские.

3. Важную роль в пропаганде идеологии карлизма и в самой Испании, и в других странах Европы играла мемуарная литература участников движения. Воспоминания карлистов и сочувствующих им иностранных путешественников различались по степени эмоциональности и объективности повествования: от на первый взгляд нейтральных текстов (А. де Бреа) до выражено субъективных произведений (Ч. Ф. Хеннингсен). В отдельных случаях отмечается сознательное искажение фактов в связи с изменившейся политической конъюнктурой при переиздании мемуарного текста (барон де лос Вальес). Воспоминания участников движения отличаются тенденцией к сохранению индивидуальных авторских особенностей стиля по сравнению с текстами, относящимися к институциональному и газетно-публицистическому дискурсам. Соответственно, мемуарная литература может служить источником для изучения социолекта карлистов: многие авторы фиксируют в своих текстах карлистскую сленговую лексику. В отдельных случаях лексические единицы из социолекта карлистов заимствовались другими языками.

4. Некоторые художественные тексты, созданные участниками движения, также актуализируют карлистский политический дискурс. Сохраняя ключевые маркеры данной дискурсивной разновидности, они транслируют читателю основные идеологические установки карлизма и являются инструментами политической пропаганды. В отличие от текстов, относящихся к институциональному дискурсу, художественные тексты, как правило, могут интерпретироваться по-разному и часто являются полидискурсивными. При этом не все тексты, затрагивающие тему карлизма и даже отличающиеся отдельными характерными особенностями карлистского дискурса, могут быть отнесены к данной дискурсивной разновидности (Н. В. Гоголь, «Записки сумасшедшего»). Мы проанализировали примеры карлистских художественных произведений на

испанском (Р. М. дель Валье-Инклан) и каталанском языках (М. Вайреда). Эти тексты имеют ряд общих характеристик, позволяющих отнести их к одной дискурсивной разновидности, но при этом и имеют и некоторые различия. Так, в текстах М. Вайреды ключевую роль играет идеологема «фуэрос», которая при этом не является релевантной для текстов Р. М. дель Валье-Инклана. Кроме того, роман М. Вайреды «Новая кровь» представляет собой произведение, находящееся на пересечении дискурса карлизма и дискурса каталонского национализма, что делает данный текст ценным объектом для изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике изучение дискурса, которое развивается в рамках двух основных парадигм (когнитивно-коммуникативной и прагмалингвистической), является магистральным направлением исследований. Особенный интерес у специалистов вызывает анализ политического дискурса, который представляет собой языковое выражение общественной практики в процессе борьбы за власть. Для интерпретации политического дискурса необходимо учитывать многочисленные экстралингвистические факторы, определяющие реализацию данной дискурсивной разновидности и обуславливающие определенные политические действия. Политический дискурс концептуализирует действительность с точки зрения соперничества за достижение власти. Эта концептуализация связана с выделенной Р. О. Якобсоном конативной (апеллятивной) функцией языка, имеющей большое значение для политического дискурса. Данной функцией обусловлены и некоторые характерные черты анализируемого типа дискурса: его агональность, интенциональность, полисубъектность, экспрессивность.

Актуальным направлением дискурсивных исследований в целом и анализа политического дискурса в частности является его изучение в диахронии, которым занимается историческая дискурсология. В рамках данного направления выделяется несколько подходов: анализ дискурса в определенный исторический момент; лингвокультурологический анализ концептов в диахронической перспективе; диахронический анализ формирования и эволюции отдельной дискурсивной разновидности. Направлением, близким к исторической

дискурсологии, является анализ дискурса о прошлом: текстов, в той или иной степени затрагивающих тему истории либо актуализирующих исторические аналогии для оказания воздействия на аудиторию. Особенную сложность представляет изучение одной дискурсивной разновидности на протяжении всей истории ее существования. Для проведения исследования такого рода необходимо анализировать тексты, относящиеся к различным этапам существования изучаемого дискурса, проследивать сохранение в данном дискурсе характерных маркеров и выделять элементы, изменяющиеся с течением времени.

Объектом настоящего диссертационного исследования стал политический дискурс карлистского движения как единый коммуникативный и семиотический феномен. Испанский карлизм является одним из старейших в мире политических движений, чьи сторонники представляли собой сообщество людей, объединенных общими дискурсивными практиками. После выделения карлизма как отдельного субъекта на испанской политической сцене в 1833 г. движение претерпело определенную идеологическую эволюцию и неоднократно оказывалось в ситуации раскола (в 1839, в 1860-е, 1888, 1919, 1943, 1958 и 1970-е гг.), однако смогло сохраниться до XXI в. В различные моменты своей истории карлисты по-разному пытались добиться власти в стране: в первые десятилетия своего существования они не признавали парламентской борьбы и пытались захватить престол путем вооруженного восстания; начиная с 1870-х гг. и до начала 1930-х гг. сосредоточились на попытках прийти к власти демократическими методами. В условиях франкистской диктатуры в Испании (1939–1975) часть карлистов интегрировалась в систему управления страной, но многие оказались в оппозиции к режиму. В последние годы франкизма и во время перехода Испании к демократии карлисты разделились на левых (Карлистская партия) и правых (Традиционалистское объединение). Эти две соперничающие политические партии, каждая из которых позиционирует саму себя как носительницу «настоящей» карлистской идеологии, в настоящее время представляют собой

непарламентскую оппозицию нынешним властям Испании и не пользуются заметным влиянием в политической жизни страны.

В ходе проведения исследования мы выделили две разновидности изучаемой дискурсивной разновидности: институциональный и персональный дискурсы карлизма. В рамках институционального карлистского дискурса между сторонниками движения осуществлялось нормативное речевое взаимодействие. К институциональному карлистскому дискурсу мы отнесли тексты, созданные руководством движения и адресованные его сторонникам (манифесты, приказы по армии, обращения к населению, воззвания, плакаты, листовки, агитационные брошюры и др.). Институциональный дискурс может быть противопоставлен персональному (личностному/личностно-ориентированному), который отражает идеологические установки отдельных участников карлистского движения и не связан со взаимодействием между людьми в рамках строго определенных социальных ролей. К персональному карлистскому дискурсу относятся газетно-публицистические тексты (находящиеся на стыке между институциональным и персональным дискурсами), мемуаристика и произведения художественной литературы, созданные сторонниками движения и использовавшиеся в качестве инструментов пропаганды.

В проанализированных текстах были выделены существенные черты (маркеры) карлистского политического дискурса. Яркой особенностью изучаемой дискурсивной разновидности является смешение политического и религиозного дискурса. Так, важную роль в карлистском дискурсе играет идеологема *Dios* («Бог»), которая фиксируется в карлистских текстах на протяжении всей истории существования движения. Использование идеологемы *tradición* («традиция»), которое характерно для периода между 1870-ми и 1970-ми гг. (а для правого карлизма продолжает оставаться актуальным и в XXI в.), также становится ярким маркером карлистского дискурса. В отличие от сторонников других версий традиционализма, карлисты интерпретируют данную идеологему как директив о

необходимости следовать именно христианской традиции, а не возводят ее к тем или иным оккультным или дохристианским учениям.

Интерпретация остальных идеологем карлистского дискурса также имеет отношение к религиозному компоненту в их значении. Идеологемы *Patria* («Родина»), *Rey* («Король»), *España* («Испания»), *fueros* («фуэрос») связаны с христианской верой, а идеологемы *constitución* («конституция») и *revolución* («революция»), приобретающие в карлистском дискурсе негативное оценочное значение – с идеей отрицания религии. Специфическая интерпретация ряда идеологем также является яркой чертой карлистского дискурса. Так, различный подход к восприятию идеологемы *revolución* позволяет провести границу между дискурсом карлизма и дискурсами ряда ультраправых движений, появившихся в Европе в XX–XXI вв. Анализ идеологем *Patria*, *fueros* и *España* дифференцирует дискурс современных карлистов и дискурс сторонников крайней правой испанской партии «Vox»: несмотря на кажущееся идеологическое сходство, дискурсные формации этих политических движений заметно отличаются.

Религиозные элементы в карлистском дискурсе проявляются не только в интерпретации идеологем, но и в основных тенденциях использования коммуникативных тактик и стратегий. В проанализированных текстах было зафиксировано употребление коммуникативной тактики «религиозной угрозы». Данная тактика, которую можно рассматривать как подвид тактики угрозы и использование которой имплицитно подразумевает идею о политических оппонентах как о «грешниках» и «отступниках» от веры, естественно, является не единственной в карлистском дискурсе. В ходе исследования были выделены различные тактики, реализуемые в рамках коммуникативных стратегий на повышение, понижение и стратегии театральности. Исследование показало, что классификация тактик и стратегий, разработанная на материале политической коммуникации в современности, применима и в работах по исторической дискурсологии. При этом в ходе эволюции карлистского дискурса в диахронии отмечаются изменения в выборе и употреблении коммуникативных тактик. Так, тактики прогнозирования,

обещания или «анализ-плюс» начинают активно употребляться только со второй половины XX в. и практически не встречаются в текстах XIX – начала XX вв.

Другой характерной особенностью карлистского политического дискурса является существование четкого разграничения между «мы» и «они»: политический противник представляется как «абсолютное зло», компромисс с которым оказывается невозможным. Соответственно, важную роль в дискурсе карлизма играют коммуникативные тактики оскорбления и обвинения, причем выдвигаемые в адрес оппонента обвинения, как правило, лишены серьезных фактологических оснований. Данная особенность карлистского дискурса позволяет определить его как популистский.

В ходе исследования были выявлены существенные черты карлистского политического дискурса, сохранявшиеся на протяжении всей истории его существования. В то же время проведенный анализ показал, что за более чем 190 лет диахронической эволюции данная дискурсивная разновидность претерпела и заметные модификации, связанные с изменениями в социальной, политической, экономической ситуации в Испании и других странах Европы. Ряд лексических единиц аксиологически переосмыслились в карлистском дискурсе и становились идеологемами; идеологемы, в свою очередь, в определенные периоды могли терять свою актуальность. Такие идеологемы, как *derecha* («правые»), *izquierda* («левые»), *comunismo* («коммунизм»), *anarquismo* («анархизм») и *cruzada* («крестовый поход») отсутствовали в карлистском дискурсе до конца XIX в., но приобрели важное значение на рубеже XIX–XX вв. Ярким примером диахронических изменений в карлистском дискурсе являются модификации основных тенденций употребления идеологемы *fueros* («фуэрос»): она играет второстепенную роль с 1833 г. по конец 1860-х гг.; с конца 1860-х до начала 1930-х гг. становится одной из основных в дискурсе карлизма; практически исчезает в 1930-е гг.; снова начинает употребляться в текстах полуподпольных карлистских изданий периода франкизма в конце 1950-х гг.; после перехода Испании к демократии во второй половине 1970-х гг. *fueros* выходит на первый план в

дискурсе левого карлизма и играет важную роль в дискурсе правого. Другие идеологемы (например, *independencia*, «независимость») во второй половине XIX в. подверглись реконцептуализации и начали по-новому осмысляться участниками карлистского движения.

Наиболее заметные изменения в карлистском политическом дискурсе связаны с расколом на левых и правых карлистов в 1960-е – 1970-е гг. В дискурсе левого карлизма по-новому интерпретировалась вся предшествующая история движения, которое представлялось как борьба за социальную справедливость и автономию регионов Испании. Многие идеологемы карлистского дискурса подверглись реконцептуализации, в первую очередь *revolución* («революция») и *izquierda* («левые»). При этом ряд существенных черт дискурса левого карлизма, связывающих его с предшествующей карлистской традицией, сохранились. Так, идеологема *fueros* заменилась на *autogestión* («самоуправление»), но оставила свои директив и значение. Кроме того, сторонники данного левого карлизма идентифицируют себя именно как карлистов.

Карлизм сформировался как испанское политическое движение, но уже с первых лет своего существования карлистский дискурс существовал в полилингвальном коммуникативном пространстве. Как показало проведенное исследование, к институциональному дискурсу карлизма относятся тексты преимущественно на испанском языке, однако к персональному – также и на ряде других языков Европы. Соответственно, карлистский политический дискурс может быть определен как транслингвальный: данная дискурсивная разновидность выходит за рамки своего родного (матричного) языка (испанского) и социально-политического контекста Испании и реализуется в ряде других языков. Были проанализированы тексты, относящиеся к карлистскому газетно-публицистическому дискурсу, на испанском, английском, французском, итальянском, каталанском и русском языках. Карлистский дискурс при трансляции в область внешних по отношению к Испании лингвокультур сохранял характерные черты, которые обеспечивали его узнаваемость. Например, в статьях

русских участников карлистского движения, опубликованных в эмигрантской печати 1930-х гг., прослеживается употребление тех же самых идеологем и коммуникативных тактик, что и во франко- и испаноязычной карлистской прессе.

В то же время тексты, относящиеся к карлистскому газетно-публицистическому дискурсу на других языках, отличаются и некоторыми особенностями, обусловленными лингвокультурными различиями между странами Европы. Так, в англоязычном карлистском дискурсе имплицитно содержится идея об Англии как о великой державе, отсутствующая в манифестациях изучаемой дискурсивной разновидности на других языках. Проведенное исследование показало, что отдельная дискурсивная разновидность может существовать в полилингвальном коммуникативном пространстве в течение длительного периода времени.

К персональному карлистскому дискурсу относятся не только газетно-публицистические тексты, но полилингвальная мемуаристика, созданная участниками движения. Мемуарная литература служила важным инструментом воздействия на общественное мнение как в Испании, так и в других странах Европы. Мы проанализировали тексты воспоминаний участников карлистского движения на испанском, английском, французском, немецком и русском языках. Некоторые из мемуарных свидетельств переводились; как было продемонстрировано, в переводных текстах наблюдаются расхождения по сравнению с оригиналом, обусловленные лингвокультурологическими факторами и изменившейся политической конъюнктурой. Анализ воспоминаний иностранных участников карлистского движения является релевантным для изучения не только политического дискурса карлизма, но и языковых контактов: в текстах данного вида встречаются многочисленные заимствования из испанского языка, используемые для описания культурных реалий Испании или представляющие собой лексемы, свойственные для социолекта карлистов. Часто иностранные участники карлистского движения переносили понятия из собственной политической культуры в тексты о событиях в Испании. Так, русские

карлисты употребляли лексему *красноармеец* по отношению к солдатам армии Второй испанской республики.

Проведенное исследование показало оправданность отнесения к персональному карлистскому дискурсу некоторых литературных произведений. Конечно, не все художественные тексты, созданные участниками карлистского движения, и не все произведения, в той или иной степени затрагивающие тему карлизма, относятся к карлистскому политическому дискурсу. Ни «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, ни «Национальные эпизоды» Б. Переса Гальдоса, ни «Горные вершины» Х. М. де Переды не могут быть определены как тексты, принадлежащие к изучаемой дискурсивной разновидности, хотя все они в той или иной степени связаны с карлистской тематикой. Мы классифицируем как принадлежащие к карлистскому политическому дискурсу художественные произведения, созданные участниками движения, отражающие ценностные установки авторов и ставящие своей задачей оказание идеологического воздействия на читателя.

По сравнению с газетно-публицистическим и институциональным дискурсами, литературные произведения отличаются большей вариативностью в актуализации идеологем. Даже в художественных текстах, относящихся к одной дискурсивной разновидности и созданных на одном этапе ее диахронической эволюции, могут наблюдаться серьезные различия. Например, ключевую роль в воздействии на читателя в произведениях М. Вайреды играет идеологема *fueros*; в созданных практически одновременно текстах Р. М. дель Валье-Инклана данная идеологема не присутствует. Анализ художественных нарративов как одного из видов политического дискурса должен принимать во внимание идеологические установки их авторов, социально-политический контекст их создания и аудиторию, на которую ориентированы данные произведения.

Намечая ключевые перспективы развития дальнейших исследований в данной области, можно выделить несколько основных направлений работы:

1) Анализ переноса характерных черт транслингвального дискурса в другие лингвокультуры может служить основанием для развития интерлингвополитологии как новой области лингвистических исследований. Особенный интерес представляет диахронический подход к данной проблематике, изучение актуализации идеологием в манифестациях одного и того же политического дискурса в разных языках на протяжении длительного периода времени. Политический дискурс карлизма реализуется только на европейских языках, однако обращение к некоторым другим дискурсивным разновидностям будет связано с анализом текстов на большем количестве идиомов из разных регионов мира. Например, интерлингвополитологический анализ в диахроническом аспекте коммунистического, либерального, антиколониального и др. дискурсов потребует привлечения материалов на сотнях языков, относящихся к разным семьям.

2) Методология настоящего диссертационного исследования может быть использована для диахронического анализа дискурсов других политических движений. Исследования такого рода позволят выявить общие закономерности диахронической эволюции политического дискурса на материале разных языков и будут релевантны не только для языкознания, но и для политологии и исторической науки.

3) Несомненные перспективы имеет и дальнейшее изучение политического дискурса карлизма в сравнении с различными разновидностями антикарлистского дискурса. Сравнительный анализ карлистского и либерального дискурсов в диахроническом аспекте покажет различия в актуализации основных идеологием и использовании коммуникативных тактик и стратегий в данных дискурсивных разновидностях и позволит создать объективную картину информационно-психологической войны, проходившей в Испании на протяжении почти двухвекового периода.

4) Дискурс карлизма может быть сопоставлен не только с дискурсом оппонентов, но и с дискурсами идеологически близких политических движений в

других странах Европы. В настоящем исследовании были отмечены некоторые параллели между дискурсами карлистов и французских роялистов XIX в.; в то же время были показаны кардинальные отличия в актуализации некоторых идеологем карлистами и представителями современных крайних правых партий в Европе. Тем не менее данный вопрос заслуживает комплексного анализа и в синхроническом, и в диахроническом аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова, Н. С. Языковая политика в Каталонии в период диктатуры Франко / Н. С. Авилова // Иберо-романистика в современном мире. Научная парадигма и актуальные задачи: тез. V междунар. конф. – М., 2010. – С. 5–6.
2. Агеева, Ю. В. Собеседование в рекрутинге: коммуникативные стратегии и тактики: монография / Ю. В. Агеева. – М.: Флинта, 2018. – 256 с.
3. Айусо Торрес, М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня / М. Айусо Торрес // Антиномии. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 59–83.
4. Акаева, Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Э. В. Акаева. – Омск, 2007. – 149 с.
5. Алдошина, С. А. Реализация прецедентности в текстах современной испанской публицистики / С. А. Алдошина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 43–54.
6. Алексеев, А. Б. Политический дискурс в «магическом», манипулятивном и мифологическом ракурсе рассмотрения / А. Б. Алексеев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2017. – № 3 (26). – С. 78–85.
7. Алексеев, А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе / А. Б. Алексеев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022а. – Т. 20. – № 1. – С. 96–111.

8. Алексеев, А. Б. О функциях невежливости в политическом дискурсе / А. Б. Алексеев // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2022b. – № 3 (47). – С. 118–129.
9. Алексеев, А. Б. Манипуляция как объект изучения лингвистики информационно-психологической войны / А. Б. Алексеев // Информационные войны и цифровое общество: философское и социокультурное измерения. Материалы Международной научной конференции. – Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2024a. – С. 6–15.
10. Алексеев, А. Б. Невежливость как нападение на лицо (на материале американских политических дебатов 2020 г.) / А. Б. Алексеев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024b. – Вып. 10. – № 3. – С. 5–21.
11. Алпатов, В. М. История лингвистических учений / В. М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
12. Алпатов, В. М. О языковой политике / В. М. Алпатов // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 3. – С. 7–15.
13. Андреева, В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов / В. А. Андреева. – Казань: Бук, 2019a. – 320 с.
14. Андреева, В. А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере политического дискурса Германии) / В. А. Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2019b. – № 192. – С. 38–45.
15. Артемьева, Т. В. Понятие «революция» в философско-политическом дискурсе конца XVIII века в России / Т. В. Артемьева, М. И. Микешин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 43–52.
16. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.

17. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
18. Аршинов, В. И. Синергетика и методология постнеклассической науки / В. И. Аршинов // Философия науки. – 2002. – Вып. 8. – С. 14–36.
19. Астафурова, Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): дис. ... докт. пед. наук: 13.00.02, 10.02.19. / Т. Н. Астафурова. – М., 1997. – 325 с.
20. Ауров, О. В. Еще раз о диктатуре и об уроках испанской и русской истории: рецензия на книгу Хуана Доносо Кортеса / О. В. Ауров // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 358–368.
21. Багно, В. Е. Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса / В. Е. Багно. – М.: Книга, 1988. – 448 с.
22. Багно, В. Е. Русская тема и русские темы в испанской литературе / В. Е. Багно // Chinese Journal of Slavic Studies. – 2022. – № 2–1. – С. 23–38.
23. Баканова, А. В. Фразеологические и паремиологические единицы в каталанских народных сказках / А. В. Баканова // Древняя и Новая Романия. – 2015. – № 15. – С. 18–32.
24. Баканова, А. В. «Seny i gauха» как отражение каталанского национального характера / А. В. Баканова // Древняя и Новая Романия. – 2019. – № 23. – С. 261–276.
25. Балан, Е. Г. Семиотика песенного дискурса периода гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) / Е. Г. Балан, О. С. Чеснокова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 785–800.
26. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 42 с.

27. Баранов, А. Н. Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении / А. Н. Баранов, Л. А. Ерохина // Политическая лингвистика. – 2020. – № 3 (81). – С. 162–170.
28. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
29. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
30. Барышников, В. Н. Культурные итоги молодежной революции / В. Н. Барышников, В. Н. Борисенко, О. Ю. Пленков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2021. – Т. 66. – Вып. 3. – С. 1012–1026.
31. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
32. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986а. – 543 с.
33. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986b. – 445 с.
34. Беклямишев, В. О. Исторические аналогии в политическом дискурсе: дис. ... канд. политич. наук: 5.5.1 / В. О. Беклямишев. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. – 176 с.
35. Белоглазова, Е. В. Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов / Е. В. Белоглазова, В. В. Кабакачи, Е. Ю. Иванова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 1 (817). – С. 41–55.
36. Белоглазова, Е. В. Стереотипное и творческое в заголовках Rossica: корпусное исследование / Е. В. Белоглазова, Н. К. Генидзе // Известия Восточного института. – 2022. – № 4. – С. 104–113.
37. Белоглазова, Е. В. Дискурсо- и жанрово-обусловленная прецедентность в заголовках произведений Rossica: сравнительное корпусное

исследование / Е. В. Белоглазова, Н. К. Генидзе // Когнитивные исследования языка. – 2023а. – № 3–2 (54). – С. 614–617.

38. Белоглазова, Е. В. Перевод транскультурного текста: двойной перевод культуры / Е. В. Белоглазова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023b. – Т. 22. – № 3. – С. 86–96.

39. Белоглазова, Е. В., Rossica и Belarossica: общие и культуро-специфические маркеры дискурсов иноязычного описания России и Беларуси / Е. В. Белоглазова, Н. К. Генидзе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023с. – № 4. – С. 108–115.

40. Белоглазова, Е. В. Новации и вариативность современного англоязычного русско-центрического дискурса: пилотное корпусное исследование / Е. В. Белоглазова, А. Д. Каменева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2024а. – № 2 (119). – С. 7–18.

41. Белоглазова, Е. В. Формальные маркеры и содержательные доминанты руссоцентрического дискурса: кросс-языковое корпусное исследование / Е. В. Белоглазова, Н. А. Осьмак, Е. К. Шувалова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024b. – Т. 22. – № 1. – С. 105–119.

42. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

43. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М., Л.: Издательство Академии наук, 1952. – 590 с.

44. Бовыкин, Д. Ю. Король без королевства: Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. [Текст] / Д. Ю. Бовыкин. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 719 с.

45. Богданова, Т. В. Прагматические компоненты перформативных высказываний в комедиях В. Шекспира: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Богданова. – СПб., 2008. – 168 с.

46. Бочаров, Е. В. Стратегия самопрезентации в испаноязычном политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук: 5.9.6 / Е. В. Бочаров. – М., 2025. – 228 с.
47. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 248 с.
48. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
49. Бурк, Р. Старый порядок и Революция / Р. Бурк // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. I. – № 1. – С. 34–56.
50. Быховская, С. Л. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках / С. Л. Быховская // Академия наук академику Н. Я. Марру. – Л., 1935. – С. 179–191.
51. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
52. Василенко, Ю. В. Идеино-ценностные уровни испанского консерватизма / Ю. В. Василенко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – № 8. – С. 293–311.
53. Василенко, Ю. В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма / Ю. В. Василенко // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 92–111.
54. Василенко, Ю. В. Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политико-идеологической эволюции / Ю. В. Василенко // Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования». – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 33–44.

55. Василенко, Ю. В. Образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося испанского консерватизма / Ю. В. Василенко // Антиномии. – 2020. – Т. 20. – Вып. 4. – С. 82–100.
56. Василенко, Ю. В. Карлизм между либерализмом и праворадикальным консерватизмом: казус Хуана III (1861–1868) / Ю. В. Василенко // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5. – № 2. – С. 191–209.
57. Василенко, Ю. В. Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании / Ю. В. Василенко // Антиномии. – 2022. – Т. 22. – Вып. 1. – С. 91–108.
58. Вежбицка, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 107–125.
59. Вежбицка, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
60. Вепрева, И. Т. Слово «революция»: социокультурные настроения и семантические преобразования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2007. – № 49. – Вып. 13. – С. 297–302.
61. Вепрева, И. Т. Аксиологическая составляющая политической метафоры / И. Т. Вепрева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 17–19.
62. Вершинин, М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М. С. Вершинин. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2001. – 252 с.
63. Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
64. Войку, О. К. «Корсарский патент» политического дискурса СМИ Боливии, Доминиканы, Пуэрто-Рико и Кубы / О. К. Войку // Древняя и Новая Романия. – 2021. – № 27. – С. 20–37.

65. Волкова, О. С. Историческая динамика дискурсивных практик / О. С. Волкова, О. И. Володченкова, Е. А. Елтанская, Е. Ю. Ильинова, Л. А. Кочетова, А. А. Плавина, Н. Ю. Сороколетова, Т. Н. Цинкерман. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2017. – 228 с.
66. Волосюк, О. В. Испания и Россия в первой трети XIX века / О. В. Волосюк // История Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века. Т. 2. – М.: ИНДРИК, 2014. – С. 271–293.
67. Воронина, Л. В. Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса / Л. В. Воронина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 17–27.
68. Воропаев, В. А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд / В. А. Воропаев // *Universum Humanitarium*. – 2016. – Вып. 2. – № 1. – С. 96–107.
69. Вышенская, Ю. П. Дискурсивные стратегии эстетического воздействия в художественном тексте эпохи позднего средневековья / Ю. П. Вышенская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 165–184.
70. Гак, В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 5. – С. 11–17.
71. Гак, В. Г. К типологии форм языковой политики / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1989. – № 5. – С. 104–133.
72. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
73. Гамперц Дж. Типы языковых обществ / Дж. Гамперц. – Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 182–198.
74. Гарифуллина, Д. Б. Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США) / Д. Б. Гарифуллина // Международные отношения и общество. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 106–111.

75. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
76. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
77. Гинзбург, К. Соотношения сил. История, риторика, доказательство / К. Гинзбург. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 184 с.
78. Гладкова, Е. Л. Язык политики как язык государственной власти и его отражение в Конституции Исламской Республики Иран / Е. Л. Гладкова // Мир ислама: история, общество, культура. Тезисы докладов II Международной научной конференции. – М.: РУДН, 2010. – С. 66–67.
79. Голоднов, А. В. Способы языковой репрезентации объекта оценки в персуазивном сегменте политического дискурса / А. В. Голоднов // Известия Смоленского государственного университета. – 2011. – № 2 (14). – С. 247–255.
80. Гончарова, Е. А. Текстовые и дискурсные характеристики современного немецкого политического плаката / Е. А. Гончарова // Известия Смоленского государственного университета. – 2021. – № 1 (53). – С. 102–117.
81. Гончарова, Е. А. Дискурсивные практики и стиль / Е. А. Гончарова // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных статей международной научной конференции. – СПб: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. – С. 48–52.
82. Гончарова, Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория / Е. А. Гончарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22. – № 4. – С. 180–191.
83. Гончарова, Е. А. Композиционно-смысловые функции лингвокреативных элементов в дискурсивной практике современного немецкого политического плаката / Е. А. Гончарова, А. Г. Филатова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2024. – № 211. – С. 279–288.

84. Горностаева, А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? / А. А. Горностаева // Russian Journal of Linguistics. – 2014. – № 3. – С. 64–74.
85. Гоше, М. Правые и левые: история и судьба / М. Гоше. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 144 с.
86. Грамши, А. Тюремные тетради / А. Грамши. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 566 с.
87. Гринина, Е. А. Язык как инструмент политики / Е. А. Гринина // Ибероамериканские тетради. – 2017. – № 1 (15). – С. 86–89.
88. Гудков, Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – С. 40–46.
89. Гузиева, З. К. Политический язык как объект лингвистического исследования / З. К. Гузиева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 4. – С. 11–14.
90. Гузь, М. В. Отражение национальной и региональной идентичности в немецкоязычном рекламном тексте / М. В. Гузь, Н. В. Пигина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 852–859.
91. Гурочкина, А. Г. «Фейковые новости» и искусственный интеллект / А. Г. Гурочкина // От слова к дискурсу. Материалы Международной научной конференции. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2025. – С. 292–295.
92. Дезер, Д. дю Испания и Португалия 1814–1847 / Д. дю Дезер // История XIX века. Т. 3. – М.: ОГИЗ, 1938. – С. 219–256.
93. Демьянков, В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327–337.

94. Денисенко, Г. В. Каталония, Валенсия, Балеарские острова: к вопросу о культурно-языковом сепаратизме / Г. В. Денисенко // Ибероамериканские тетради. – 2017. – № 1 (15). – С. 90–96.

95. Денисенко, Г. В. Каталония. Языковая политика и национальная идентичность / Г. В. Денисенко // Политическая лингвистика. – 2024. – № 1 (103). – С. 138–146.

96. Деррида, Ж. Диссеминация / Ж. Деррида. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 608 с.

97. Дресслер, В. Введение в лингвистику текста / В. Дресслер // Проблемы теории текста: реферативный сборник. – М., 1978. – С. 55–73.

98. Дягилева, И. Б. Новая политическая терминология в русских газетах первой половины XIX в.: названия партий и их членов / И. Б. Дягилева // Медиалингвистика. Материалы IV международной научной конференции. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. – С. 84–87.

99. Елизарьева, М. А. Демонстрация национальной идентичности политика при помощи культурно-маркированной лексики / М. А. Елизарьева, В. А. Нагуманова, М. А. Чигашева, Н. А. Гончарова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 195–204.

100. Ефименко, В. П. Испанский исторический роман: от реализма к постмодернизму / В. П. Ефименко. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. – 129 с.

101. Ефремов, В. А. Речевое поведение антиваксеров: риторический и юридический аспекты / В. А. Ефремов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21. – № 3. – С. 90–100.

102. Ещенко, А. И. Одна Испания – два Бонапарта: разные подходы к управлению страной? / А. И. Ещенко // Известия Саратовского университета.

Новая серия. Серия: история. Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 187–196.

103. Журавлева, Е. А. Мемуары президентов США как тексты политического дискурса (на материале мемуаров Б. Клинтона «My Life», Б. Обамы «Dreams from my Father» и «The audacity of Hope») / Е. А. Журавлева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12 (2). – С. 37–41.

104. Зайнульдинов, А. А. Лексикографическое описание эмоционально-оценочной лексики в русском и испанском языках / А. А. Зайнульдинов, Э. Ф. Керо Хервилья // Вопросы языкознания. – 2019. – № 2. – С. 96–110.

105. Залегдинова, А.Р. Основные стратегии и тактики в общественно-политическом дискуссионном ток-шоу (на материале русского и английского языков) / А. Р. Залегдинова // Филология и культура. – 2012. – № 3. – С. 47–50.

106. Захарьин, Б.А. Квантование звукового потока древнеиндийскими лингвистами: аналитико-таксономический и функциональный подходы / Б. А. Захарьин // Вопросы философии. – 2014. – № 6. – С. 111–120.

107. Зернова, Е. С. «Мягкая сила» России в зеркале ибероамериканской прессы / Е. С. Зернова // Древняя и Новая Романия. – 2021. – № 27. – С. 45–56.

108. Зигманн, Ж. В. Структура современного политического дискурса (Речевые жанры и речевые стратегии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ж. В. Зигманн. – М., 2003. – 239 с.

109. Зотеева, Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса / Т. С. Зотеева // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 133–143.

110. Зыгмонт, А. И. «Мученики за Бога и Испанию»: национальное мученичество в Испании от Гражданской войны до «Закона об исторической памяти» / А. И. Зыгмонт // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 128–164.

111. Иванов, Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

112. Иванова, Н. В. Оценка исторического события через способы его именования в художественном тексте: гражданская война в Испании в автобиографическом романе Мануэля Риваса «*Las voces bajas*» / Н. В. Иванова // Иностранные языки: Герценовские чтения: сборник научных трудов. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 365–367.

113. Ивлиева, Е. А. Особенности современного интернет-дискурса (на материале русского, испанского и английского языков) / Е. А. Ивлиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 4. – С. 1667–1672.

114. Илюкович, И. В. Аристократизм как понятие в культуре / И. В. Илюкович // Вестник культурологии. – 2023. – № 4 (107). – С. 29–44.

115. Илюкович, И. В. Аристократизм в немецкой культуре / И. В. Илюкович // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2025. – № 1 (62). – С. 83–87.

116. Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.

117. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.

118. Истратова, Ю. А. Язык политических альтернатив в поэтическом тексте / Ю. А. Истратова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 175–179.

119. Кабакчи, В. В. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи, З. Г. Прошина // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 165–193.

120. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Саратовский

национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. – С. 25–33.

121. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

122. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №1. – С. 14–31.

123. Карасик, В. И. Дискурсивные эмблемы как объект семиотического анализа / В. И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 1122–1138.

124. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

125. Карсавин, Л. П. Католичество / Л. П. Карсавин. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1974. – 151 с.

126. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс / В. Б. Кашкин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.

127. Кибрик, А.А. Дискурс / А. А. Кибрик. – Введение в науку о языке. – М.: Буки Веди, 2019. – С. 126–163.

128. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М.: УРСС, 2002. – С. 276–339.

129. Кирсанова, Л. И. Дискурс войны: энкратический и акратический дискурс, дискурс вождей, апофатический и перформативный дискурс / Л. И. Кирсанова, О. А. Коротина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 121–127.

130. Клейменова, В. Ю. Коннотация: узус и контекст / В. Ю. Клейменова // Studia linguistica. – 2021. – № 30. – С. 45–50.

131. Клемешев, А. П. Трудности перевода. Существо проблемы / А. П. Клемешев, М. В. Ильин // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 148–166.
132. Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 54–58.
133. Красноперова, Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. В. Красноперова. – Иркутск, 2005. – 236 с.
134. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
135. Ковалев, В.А. Черная магия колониализма: колониальный дискурс и образ «другого» в творчестве У. Шекспира в контексте историографии «нового историзма» / В. А. Ковалев // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 6. – С. 75–98.
136. Кожановский, А. Н. Испания: этнический фактор и административные границы / А. Н. Кожановский // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 78–89.
137. Кожановский, А. Н. «Баскский вопрос»: этнический или территориальный? / А. Н. Кожановский // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 110–122.
138. Кондратьева, О. Н. Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского) / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 220–226.
139. Кондратьева, О.Н. Политика в зеркале языка и культуры: уральская школа политической лингвистики / О. Н. Кондратьева // Язык и культура. – 2018. – № 41. – С. 153–168.
140. Конев, К. А. Образы Великобритании и Франции в политических дискурсах антибольшевистского движения на востоке России в годы гражданской

войны (1918–1920 гг.) / К.А. Конев // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 465. – С. 92–100.

141. Копнина, Г.А. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы / Г. А. Копнина, Н. Н. Кошкарлова, А. П. Сковородников // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 383–400.

142. Корнева, В.В. Аргументативные маркеры в испанском политическом дискурсе / В. В. Корнева, Е. В. Долбилова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 87–97.

143. Корниенко, С. И. Агитационно-пропагандистское противоборство красных и белых в пермской газетной периодике в годы Гражданской войны: типология дискурсов / С. И. Корниенко, А. Р. Ехлакова // Вестник Пермского университета. История. – 2021. – № 4 (55). – С. 164–179.

144. Косаковский, С.В. Своеобразие категории автора как текстовая доминанта жанра дидактического подкаста / С. В. Косаковский, Е. В. Белоглазова // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2025. – Т. 7. – № 1. – С. 19–26.

145. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.

146. Космодемьянская, В. И. Агрессия в политическом дискурсе как институализированный вид речевой конфронтации / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, М. В. Малыхина // Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 60–64.

147. Кочетова, Л.А. Историческая дискурсология как вектор развития теории дискурса / Л. А. Кочетова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 717 (6). – С. 323–334.

148. Кочетова, Л. А. Историко-дискурсивные корпусные исследования / Л. А. Кочетова // Язык и культура в эпоху глобализации. Сборник научных статей по материалам Первой всероссийской (национальной) научной конференции с

международным участием. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – С. 23–28.

149. Кочетова, Л. А. Диахронические трансформации текста: содержательный и формальный аспекты / Л. А. Кочетова // Актуальные проблемы современной лингвистики. Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – С. 12–19.

150. Кривушин, И. В. Баскские националисты в Наварре: долгий путь к успеху / И. В. Кривушин // Ибероамериканские тетради. – 2022. – № 10 (1). – С. 69–83.

151. Кронгауз, М. А. Критика языка / М. А. Кронгауз // Логос. – 1999. – № 3. – С. 133–146.

152. Кронгауз, М. А. Оценка как конституирующий компонент конфликтной коммуникации / М. А. Кронгауз // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 33–34.

153. Кронгауз, М. А. Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 735–744.

154. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова. // Язык и наука в конце XX века. – М.: РАН, 1995. С. 144–238.

155. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – С. 5–13.

156. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

157. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. 208 с.

158. Кузина, Н. А. Зарождение и формирование национальных символов Каталонии в рамках Ренессанса и их визуальная репрезентация в XIX в. / Н. А. Кузина // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5. – № 4 (20). – С. 114–130.

159. Кузина, Н. А. Роль правых политических сил в формировании каталонского национализма во второй половине XIX в. / Н. А. Кузина // Латиноамериканский исторический альманах. – 2022. – № 35. – С. 214–235.

160. Кузина, Н. А. Символика каталонского национализма: зарождение, сохранение и трансформация / Н. А. Кузина // Ибероамериканские тетради. – 2024. – № 3. – С. 80–101.

161. Кузнецов, И. В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): дис. ... докт. филол. наук: 10.01.08 / И. В. Кузнецов. – М., 2009. – 478 с.

162. Кузьминская, С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии / С. И. Кузьминская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 49–52.

163. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

164. Ларионова, М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? / М. В. Ларионова. М.: МГИМО-Университет, 2015. – 327 с.

165. Ларионова, М. В. Дискурсивная стратегия испанской партии «Подemos»: политика как борьба за смыслы / М. В. Ларионова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2017a. – Т. 17. – № 4. – С. 389–394.

166. Ларионова, М. В. Новые политические партии Испании: новаторские игры имяобразования / М. В. Ларионова, Н. И. Царева // Филологические науки в МГИМО. – 2017b. – № 4 (12). – С. 21–29.

167. Ларионова, М. В. Гражданская война в Испании 1936–1939: два лагеря, два дискурса / М. В. Ларионова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – № 2 (76). – С. 1–26.
168. Ларионова, М. В. Лозунг в испанском политическом дискурсе: когнитивно-языковое и прагматическое измерение / М. В. Ларионова // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 23(3). – С. 121–130.
169. Ларионова, М. В. Лингвосемиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации: дис. ... докт. филол. наук: 5.9.8 / М. В. Ларионова. – М., 2022. – 458 с.
170. Латышев, Л. К. Современные проблемы общей теории перевода / Л. К. Латышев, Н. Ю. Северова // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 1 (31). – С. 297–301.
171. Лебедева, Н. Б. Мемуары как письменно-речевой дискурс рядового носителя русского языка: ценностно-концептный анализ / Н. Б. Лебедева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1–1 (61). – С. 92–100.
172. Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – М.: Языки русской культуры, 1994. – 824 с.
173. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
174. Ле Гофф, Ж. История и память / Ж. Ле Гофф. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
175. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л.: Художественная литература, 1971. – 415 с.
176. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – С. 147–165.
177. Лотман, Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1997. – 845 с.

178. Лукина, А. Е. Диасистемная вариативность в эволюции французского языка (на материале глагола) / А. Е. Лукина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 88. – С. 76–91.
179. Лукьянова, С. В. К вопросу о типологии дискурса / С. В. Лукьянова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 150–154.
180. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
181. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 32–40.
182. Манаенко, Е. А. Концепт в ряду смежных понятий: смысл – значение – фрейм – гештальт – прототип – стереотип / Е. А. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс. – 2011. – № 9. – С. 84–94.
183. Марей, А. В. Об Испании, революции и диктатуре: заметки переводчика / А. В. Марей // Хуан Доносо Кортес. Речь о диктатуре. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – С. 105–170.
184. Марусенко, М. А. Новый мировой языковой порядок / М. А. Марусенко. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 684 с.
185. Матвеева, Г. Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Г. Г. Матвеева, И. В. Самарина, Л. Н. Селиверстова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 50–57.
186. Мед, Н. Г. Языковые способы выражения этничности (на материале фразеологии романских языков) / Н. Г. Мед // Древняя и Новая Романия. – 2016. – № 17. – С. 465–478.
187. Мед, Н. Г. Президентские выборы 2018 в России: приемы речевого манипулирования в СМИ Испании, Аргентины и Перу / Н. Г. Мед // Древняя и Новая Романия. – 2019. – № 23. – С. 135–160.

188. Мельников, В. О. Общественно-политические движения в «постмарксистской» концепции Э. Лаклау и Ш. Муфф / В. О. Мельников // Новые идеи в философии. – 2020. – № 7 (28). – С. 217–225.
189. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
190. Миллер, А. И. Выступления президента В. В. Путина по историческим вопросам в 2019–2022 гг.: анализ мотивов и адресатов / А. И. Миллер // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 46–64.
191. Миньяр-Белоручева, А. П. Типология исторического дискурса / А. П. Миньяр-Белоручева // Язык и текст. – 2015. – Т. 2. – № 2. – Р. 8–16.
192. Михайлов, А.А. «Доставлять по два экземпляра... всех изданий, до какой-либо части военного искусства относящихся». Труды по мировой военной истории в военной исторической библиотеке генерального штаба ВС РФ / А. А. Михайлов // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 2. – С. 90–95.
193. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
194. Моисеев, Д. С. Концепция глобального консерватизма / Д. С. Моисеев, М. И. Сигачев, А. Н. Харин, С. П. Артеев // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 5 (123). – С. 108–123.
195. Моисеенко, Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания / Л. В. Моисеенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 105–117.
196. Молодыхенко, Е. Н. Дискурсивные практики в жанровом, репрезентативном и метапрагматическом аспектах: анализ англоязычного лайфстайл-дискурса и дискурса президентской риторики: дис. ... докт. филол. наук: 5.9.8 / Е. Н. Молодыхенко. – СПб., 2023. – 424 с.
197. Молодыхенко, Е. Н. Текст в контексте: принципы и направления исследования языковых и речевых феноменов в социальных и профессиональных

практиках / Е. Н. Молодыченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – № 21 (4). – С. 900–917.

198. Мурзин, Ю. П. Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании) / Ю. П. Мурзин // Филологические науки в МГИМО. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 32–47.

199. Назарова, Р. З. Речевые тактики убеждения в современном российском предвыборном дискурсе (на примере президентской кампании 2017–2018 гг.) / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 394–399.

200. Нахимова, Е. А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С. 186–196.

201. Немцева, К. И. Эмотивность публичных выступлений испанских политиков / К. И. Немцева, К. С. Мелик-Карамянц // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2024. – № 1 (28). – С. 95–100.

202. Нестерова, Н. Г. Коммуникативные стратегии и тактики в спонтанном радиодискурсе / Н. Г. Нестерова // Знак: проблемное поле медиаобразования. Научный журнал. – 2012. – № 2 (10). – С. 55–60.

203. Нефедов, С. Т. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С. Т. Нефедов, В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.

204. Нигматуллина, Э. Р. Особенности лингвокреативных средств в мемуарном дискурсе (на материале мемуаров Д. Трампа «Great Again: How to Fix Our Crippled America») / Э. Р. Нигматуллина // Германистика-2022: Nove et nova. –

М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. – С. 223–227.

205. Нильсен, Е. А. Манипулятивный потенциал языков идеологии (на примере вымышленных языков из романов Дж. Оруэлла «1984» и Е. Замятина «Мы») / Е. А. Нильсен, Т. С. Воложанина, Н. Г. Талашова // Язык. Текст. Дискурс. – 2017. – № 15. – С. 207–214.

206. Новикова, Е. Ю. Социоантропологический подход к исследованию политического дискурса / Е. Ю. Новикова // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 7–26.

207. Нойштадт, Р. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения / Р. Нойштадт, Э. Мэй. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 384 с.

208. Оломская, Н. Н. Специфические особенности стереотипов и идеологем в английской и русской лингвокультурах / Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 4 (36). – С. 130–142.

209. Орлянский, Е. А. Энциклика *Rerum Novarum* и христианская хозяйственная этика / Е. А. Орлянский // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 220–227.

210. Оруэлл, Дж. Подавление литературы / Дж. Оруэлл // Скотный двор. Эссе. Статьи. Рецензии. – М.: Известия, 1989. – С. 137–152.

211. Оруэлл, Дж. Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии / Дж. Оруэлл. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – 480 с.

212. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

213. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. – Астрахань: АГТУ, 2004. – 196 с.

214. Петрова, А. А. «Национальная проблема» в Испании: история и современность (историографический аспект) / А. А. Петрова // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2011. – № 7. – С. 149–155.

215. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 225–290.

216. Пименова, М. В. Метафоры со сферами-источниками игра и школа в дискурсе политика (на примере интервью В. И. Матвиенко в период с 2017 по 2020 г.) / М. В. Пименова, А. А. Родичева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 779–791.

217. Покок, Дж. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Дж. Покок. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 888 с.

218. Покок, Дж. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») / Дж. Покок // Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 89–114.

219. Поливанов, Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции / Е. Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 161–172.

220. Пономаренко, Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности / Е. В. Пономаренко // Вопросы филологии. – 2007. – № 1 (25). – С. 14–23.

221. Пономаренко, Е. В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса / Е. В. Пономаренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 13 (156). – Вып. 18. – С. 131–140.

222. Пономаренко, И. Н. Русский язык эпохи революции и революция в языке / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, А. В. Цыганкова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2 (104). – С. 172–177.

223. Попова, О. В. Особенности речевого поведения личности интровертного и экстравертного типов в парламентском дискурсе / О. В. Попова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 134–142.

224. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.

225. Попова, Т. В. Характеристики институционального дискурса / Т. В. Попова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 6. – С. 295–300.

226. Поршнева, О. С. Концепт справедливой войны в российском общественно-политическом дискурсе (1914–1916 гг.) / О. С. Поршнева // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 3 (76). – С. 112–120.

227. Пospelов, Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Н. С. Пospelов // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. – М., 1948. – С. 5–42.

228. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

229. Прилуцкий, А. М. Специфика структуры религиозного дискурса / А. М. Прилуцкий, Л. Е. Андреева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 158–164.

230. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.

231. Протасенко, С. В. Испанский карлизм: идеология и практика / С. В. Протасенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 94–99.

232. Протасенко, С. В. Идеология и практика испанского карлизма / С. В. Протасенко // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 194–206.

233. Протасенко, С. В. Правый радикализм в современной Испании / С. В. Протасенко // Вестник МГИМО-университета. – 2011. – № 5 (20). – С. 165–173.

234. Радюк, А. В. Критерии эффективности английского делового дискурса в свете динамико-системного подхода / А. В. Радюк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 196–205.

235. Радюшкина, А. А. Актуализация образа военного врага в политическом дискурсе М. Тэтчер / А. А. Радюшкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 217–222.

236. Радюшкина, А. А. Средства актуализации оппозиции «свой – чужие» в инаугурационной речи Бориса Джонсона / А. А. Радюшкина, Ю. О. Фролова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 8. – С. 2501–2506.

237. Раевская, М. М. Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии / М. М. Раевская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 4. – С. 93–107.

238. Раевская, М. М. Способы и средства трансляции образов страны/государства и нации в институциональном дискурсе современной испанской монархии / М. М. Раевская, И. В. Селиванова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – Т. 28. – № 1. – С. 130–145.

239. Реферовская, Е. А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. Курс лекций по языкознанию / Е. А. Реферовская. – СПб.: Академический проект, 1997. – 126 с.

240. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
241. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2004. – 294 с.
242. Руженцева, Н. Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург: УрГПУ, 2018. – 208 с.
243. Руженцева, Н. Б. Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров / Н. Б. Руженцева, Е. Н. Иванова, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2021. – 192 с.
244. Рыжова, В. А. Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания / В. А. Рыжова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1 (26). – С. 27–31.
245. Рыжова, В. А. Мифологема как симулятивный знак и лингвистический инструмент внушения представлений / В. А. Рыжова // Ученые заметки ТОГУ. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 193–195.
246. Рябуха, О. В. Лингвокогнитивные средства манипуляции в англоязычных медиатекстах / О. В. Рябуха, Д. Л. Шлопакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 1942–1947.
247. Савин, Г. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре современной православной проповеди: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. А. Савин. М., 2009. – 207 с.
248. Салганова, Е. И. Медиа-информационная грамотность обучающейся молодежи в эпоху постправды / Е. И. Салганова, С. С. Бредихин, Е. В. Щетинина // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5. – № 3. – Астрахань, 2023. – С. 102–120.

249. Сахибгоряев, В. Х. Фашистская революция в историко-правовом ракурсе / В. Х. Сахибгоряев // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2014. – № 6 (38). – С. 45–50.

250. Селиванова, И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании / И. В. Селиванова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4 (76). – С. 61–65.

251. Селиванова, И. В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии / И. В. Селиванова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 51–63.

252. Селиванова, И. В. Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии / И. В. Селиванова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 21. – № 3. – С. 45–57.

253. Семенов, К. К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании (1936–1939) / К. К. Семенов. – М.: Алгоритм, 2016. – 256 с.

254. Серио, П. Русский язык и советский политической дискурс: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 337–383.

255. Серль, Дж. Л. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль. – Новое в зарубежной лингвистике. – 1986а. – Вып. 17. – С. 170–194.

256. Серль, Дж. Л. Что такое речевой акт? / Дж. Л. Серль. – Новое в зарубежной лингвистике. – 1986b. – Вып. 17. – С. 151–169.

257. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 42–50.

258. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А. П. Сковородников, А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – 340 с.

259. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга II / А. П. Сковородников, А. А. Бернадская, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 488 с.

260. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга III / А. П. Сковородников, А. А. Бернадская, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 344 с.

261. Скоробогатов, В. В. Основные теоретические подходы к исследованию интернет-мема как технологии современной политической коммуникации / В. В. Скоробогатов, Е. С. Сухарева // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 8 (97). – С. 17–22.

262. Скулимовская, Д. А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) / Д. А. Скулимовская // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 106–112.

263. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт и идеология / Г. Г. Слышкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 3 (12). – С. 10–18.

264. Собко, Р. В. Теология войны на востоке: Иудея и Византия – молитвы и контекст / Р. В. Собко // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – 2021. – № 19. – С. 211–228.

265. Солопова, О. А. Будущее России в экспортном исполнении / О. А. Солопова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». – 2012. – № 2 (261). – С. 22–28.

266. Спиридовский, О. В. Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность? / О. В. Спиридовский // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 235–240.

267. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 351 с.

268. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

269. Сулейманова, О.А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? / О. А. Сулейманова, Л. А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21. – № 4. – С. 918–928.

270. Таньшина, Н. П. Образ России в исторической памяти Запада: константы и метаморфозы восприятия / Н. П. Таньшина // Тетради по консерватизму. – 2024. – № 2. – С. 42–58.

271. Терехова, М. В. Семиотика мужского формального костюма начала XX века / М. В. Терехова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 1 (30). – С. 71–74.

272. Терещук, А. А. Особенности протекания Первой Карлистской войны в Каталонии / А. А. Терещук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2017а. – Т. 62. – № 1. – С. 82–90.

273. Терещук, А. А. Сравнительный анализ советских и испанских республиканских песен на тему Гражданской войны в Испании (1936–1939) / А. А. Терещук, К. В. Вершинин, Ю. А. Игнашов // Древняя и Новая Романия. – 2017b. – № 20. – С. 197–211.

274. Терещук, А. А. Т. де Сумалакарреги и его роль в Первой Карлистской войне (1833-1840) / А. А. Терещук // Вестник Пермского университета. История. – 2017с. – № 2 (37). – С. 146–155.

275. Терещук, А. А. Г. П. Ламсдорф в гражданской войне в Испании и II Мировой войне / А. А. Терещук // Петербургский исторический журнал. – 2018а. – № 1 (17). – С. 290–297.

276. Терещук, А. А. «Говори на языке империи»: к вопросу о положении каталанского языка в период правления Ф. Франко (1939–1975) / А. А. Терещук // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018b. – № 4 (414). – С. 153–162.

277. Терещук, А. А. Испанские правые о революции в России / А. А. Терещук // Россия и современный мир. – 2018с. – № 4 (101). – С. 7–18.

278. Терещук, А. А. Испанское духовенство и роялистское сопротивление в Наварре в 1821–1823 гг. / А. А. Терещук // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2018d. – № 4 (20). – С. 58–65.

279. Терещук, А. А. Апостольская нунциатура в Мадриде и ватикано-испанские отношения в 1833–1835 годах / А. А. Терещук // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 21–28.

280. Терещук, А. А. Испания глазами русского белого эмигранта: дневник А. П. Яремчука / А. А. Терещук // Россия и Запад: диалог культур. Сборник материалов XXI международной научной конференции. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2020а. – С. 413–418.

281. Терещук, А. А. Роман Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» и трансформации исторических мифов в литературе / А. А. Терещук // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020b. – Т. 12. – № 2. – С. 120–129.

282. Терещук, А. А. Языковая идеология испанской партии «Vox» / А. А. Терещук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020с. – Т. 30. – № 5. – С. 828–836.

283. Терещук, А. А. Языковая ситуация на севере Испании во время Первой Карлистской войны / А. А. Терещук // Древняя и Новая Романия. – 2020d. – № 25. – С. 237–249.

284. Терещук, А. А. Марш Ориаменди в испанской истории и культуре / А. А. Терещук, А. В. Архипова // Древняя и Новая Романия. – 2022а. – № 30. – С. 104–115.

285. Терещук, А. А. Образ карлистского генерала Т. де Сумалакарреги в российской прессе 1830-х гг. / А. А. Терещук // Вестник Вологодского

государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022b. – № 4 (27). – С. 43–47.

286. Терещук, А. А. Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V» / А. А. Терещук // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022с. – Т. 24. – № 5. – С. 662–668.

287. Терещук, А. А. За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма / А. А. Терещук. – М.: Спасское дело, 2023а. – 416 с.

288. Терещук, А. А. Лексико-семантические особенности «Воспоминаний о последней карлистской войне» М. Вайреды / А. А. Терещук // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023b. – № 3. – С. 153–162.

289. Терещук, А. А. Лексические особенности наименования противника в сленге испанских карлистов в период Первой Карлистской войны / А. А. Терещук // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023с. – № 4 (51). – С. 380–394.

290. Терещук, А. А. Рамон Кабрера на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1833–1840 годах / А. А. Терещук // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2023d. – Т. 23. – № 1. – С. 14–23.

291. Терещук, А. А. Языковые особенности освещения Первой Карлистской войны в Испании российской прессой / А. А. Терещук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2023е. – Т. 33. – № 4. – С. 737–745.

292. Терещук, А. А. Языковые средства создания образа антигероя в произведении В. Айгуалса де Иско «Тигр Маэстразго» / А. А. Терещук // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023f. – Т. 29. – № 3. – С. 121–128.

293. Терещук, А. А. Идеино-художественное своеобразие романа М. Вайреды «Новая кровь»: от карлизма к консервативному каталонизму / А. А. Терещук // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2024а. – Т. 30. – № 2. – С. 115–124.

294. Терещук, А. А. Идеологема «*revolució*n» в политическом дискурсе испанского карлизма / А. А. Терещук, Н. И. Григорченкова // Филологические науки в МГИМО. – 2024b. – № 10 (2). – С. 99–111.

295. Терещук, А. А. Карлистская тема в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» / А. А. Терещук // Русская литература. – 2024с. – № 1. – С. 159–165.

296. Терещук, А. А. Конвенция Элиота в контексте международной политики 1830-х гг. / А. А. Терещук // Вестник Томского государственного университета. История. – 2024d. – № 91. – С. 120–127.

297. Терещук, А. А. Лексические средства создания образа карлизма в «Сонатах» Р. М. дель Валье-Инклана / А. А. Терещук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024е. – № 1 (882). – С. 138–144.

298. Терещук, А. А. Политический подтекст романа Б. Переса Гальдоса «Донья Перфекта» / А. А. Терещук // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024f. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 128–136.

299. Терещук, А. А. Пророссийские тенденции в испанских СМИ: образ России в карлистской прессе / А. А. Терещук, О. В. Орлова // Древняя и Новая Романия. – 2024g. – № 34. – С. 85–96.

300. Терещук, А. А. Религиозный компонент в карлистском политическом дискурсе в 1830-е годы / А. А. Терещук // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2024h. – Т. 6. – № 2. – С. 111–120.

301. Терещук, А. А. Христос или антихрист: образ Рамона Кабреры в испанской историко-литературной традиции 1840-х годов / А. А. Терещук // Вестник гуманитарного образования. – 2024i. – № 3 (35). – С. 140–147.

302. Терещук, А. А. Этимология лексемы «guirí» в испанском языке / А. А. Терещук // LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Сборник тезисов. – СПб., 2024j. – С. 1024–1025.

303. Терещук, А. А. Июльский кризис 1914 года на страницах испанской газеты «El Siglo Futuro» / А. А. Терещук // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2025a. – Т. 35. – № 3. – С. 510–518.

304. Терещук, А. А. Коммуникативные стратегии формирования образа Февральской революции в испанской интегристской прессе / А. А. Терещук // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2025b. – Т. 11. – № 1 (41). – С. 18–35.

305. Терещук, А. А. «Красные береты»: история одной метонимии в карлистском политическом дискурсе / А. А. Терещук // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2025c. – Т. 15. – № 4. – С. 35–47.

306. Терещук, А. А. Лексические интерференции в немецкоязычном карлистском дискурсе / А. А. Терещук // Известия Смоленского государственного университета. – 2025d. – № 4 (72). – С. 162–174.

307. Терещук, А. А. Лексические испанизмы в языке русской военной эмиграции в Испании / А. А. Терещук // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2025e. – № 216. – С. 254–264.

308. Терещук, А. А. Россия в испанской традиционалистской историографии / А. А. Терещук // Ибероамериканские тетради. – 2025f. – № 4. – С. 37–59.

309. Терещук, А. А. Специфика создания образа генерала Т. де Сумалакарреги в романе П. де ла Эскосуры «Патриарх долины» / А. А. Терещук, Д. Е. Козлова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2025g. – № 2 (37). – С. 71–74.

310. Тертерян, И. А. Костумбизм. Ларра / И. А. Тертерян // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 6. – М.: Наука, 1989. – С. 237–240.
311. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н. А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
312. Тулубеева, Е. В. Дискурсивные характеристики политической коммуникации во Франции в период Фронды (1648–1653) / Е. В. Тулубеева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 9 (864). – С. 112–118.
313. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.
314. Уайт, Х. Практическое прошлое / Х. Уайт. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 192 с.
315. Фигуровская, Г. Д. Научно-педагогическая деятельность профессора И. А. Фигуровского (к юбилею ученого) / Г. Д. Фигуровская, В. И. Фигуровский // Педагогический журнал. – 2019. – Т. 9. – № 5А. – С. 468–475.
316. Филатов, Г. А. Демократическое шестилетие 1868–1874 гг. и каталонский национализм / Г. А. Филатов // Латиноамериканский исторический альманах. – 2024. – № 43. – С. 7–28.
317. Филатова, А. Г. Виды и функции лингвокреативных элементов в структуре текста современного немецкого политического плаката: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6 / А. Г. Филатова. – СПб., 2024. – 211 с.
318. Филиппов, К. А. Лингвистика текста: курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 336 с.
319. Фирсов, С. Л. Мифологическое восприятие прошлого: историческая наука в контексте легенд и мифов / С. Л. Фирсов // Христианское чтение. – 2023а. – № 4. – С. 159–170.

320. Фирсов, С. Л. Отражение Корейской войны в сатирической печати СССР (на примере журнала «Крокодил» 1949–1950 гг.) / С. Л. Фирсов // Петербургский исторический журнал. – 2023b. – № 1. – С. 161–171.
321. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
322. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
323. Хабаров, А. А. Интердискурс информационно-психологической войны как вид консциентального оружия / А. А. Хабаров // Crede experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 4. – С. 77–96.
324. Хабаров, А. А. Понятие интердискурса информационно-психологической войны в парадигме социального управления / А. А. Хабаров // Культура и текст. – 2022a. – № 2 (49). – С. 172–186.
325. Хабаров, А. А. Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса: дис.... докт. филол. наук: 5.9.8 / А. А. Хабаров. – М., 2022b. – 583 с.
326. Хаймс, Д. Этнография речи / Д. Хаймс. – Новое в лингвистике. – 1975. – Вып. VII. Социолингвистика. – С. 42–95.
327. Харари, Ю. Н. Sapiens: Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.
328. Хлопова, А. И. Психологически актуальное содержание ценности *heimat* в немецкой лингвокультуре / А. И. Хлопова, А. А. Максимова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 6 (103). – С. 458–460.
329. Хлопотунов, Я. Ю. Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6 / Я. Ю. Хлопотунов. – М., 2022. – 231 с.
330. Хомякова, Е. Г. Практика лингвистического анализа событийной ситуации / Е. Г. Хомякова // Научное мнение. – 2015. – № 9–1. – С. 138–141.

331. Хорохордина, М. В. Скриптотимы как способ репрезентации знаний немецкоязычного культурного пространства (на примере номинаций в сфере ритуализованной коммуникации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. В. Хорохордина. – Воронеж, 2016. – 166 с.

332. Чемодурова, З. М. Игровые механизмы интеграции дискурсов в постмодернистских художественных текстах / З. М. Чемодурова // Научное мнение. – 2014. – № 8. – С. 81–86.

333. Черкунова, М. В. Функциональный синергизм текста как объект функциональной лингвосинергетики / М. В. Черкунова, Е. В. Пономаренко, А. А. Харьковская // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28. – № 4. – С. 106–114.

334. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

335. Чернявская, В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В. Е. Чернявская. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.

336. Чернявская, В. Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности / В. Е. Чернявская // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023а. – Т. 21. – № 3. – С. 58–72.

337. Чернявская, В. Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и прагматике / В. Е. Чернявская // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023b. – Т. 14. – № 1. – С. 72–85.

338. Чернявская, В. Е. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. – М.: Ленанд, 2024. – 176 с.

339. Чернявская, В. Е. Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации / В. Е. Чернявская, Н. Э. Горшкова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 74–89.

340. Чеснокова, О. С. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса / О. С. Чеснокова, Ю. В. Фернандес Санчес // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 50–58.

341. Чеснокова, О. С. Дискурсивные практики национальной идентичности: гимн Аргентины как полипарадигмальная сущность / О. С. Чеснокова, И. Б. Котеняткина, Л. Н. Гишкаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024а. – № 21 (4). – С. 975–992.

342. Чеснокова, О. С. Песенно-поэтический текст *Bella ciao* в мозаике языков, культур и искусств / О. С. Чеснокова, А. Роберта, Л. Н. Гишкаева // Russian Journal of Linguistics. – 2024b. – Т. 28. – № 2. – С. 365–390.

343. Чудинов, А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления / А. П. Чудинов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 1. – С. 17–29.

344. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 256 с.

345. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.

346. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.

347. Шишмарев, В. Ф. Курс «Введения в романское языкознание» в свете учения И. В. Сталина / В. Ф. Шишмарев // Введение в романское языкознание. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1952. – С. 3–14.

348. Шмелев, Д. В. Левые католические движения во Франции перед вызовом мая 1968 года / Д. В. Шмелев // Ученые записки Казанского

университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159. – № 4. – С. 1028–1042.

349. Шпетный, К. И. Проявление поэтического начала в политических дискурсах Д. Трампа / К. И. Шпетный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 9 (838). – С. 184–199.

350. Штейн, А. Л. История испанской литературы/ А. Л. Штейн. – М.: Едиториал. УРСС, 2001. – 608 с.

351. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: Русская идея, 2000. – 446 с.

352. Шушарина, Г. А. Дискурсивные практики манипулирования в политическом дискурсе времен первого этапа холодной войны между США и СССР / Г. А. Шушарина, Ж. В. Петрунина // Диалог со временем. – 2023. – № 82. – С. 255–271.

353. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – 472 с.

354. Щирова, И. А. Синкретизм как «измерение» научно-фантастического текста: опыт системного описания / И. А. Щирова, Ю. В. Сергаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21. – № 2. – С. 159–170.

355. Щирова, И. А. Целостность как идея и категория текста / И. А. Щирова // От слова к дискурсу. Материалы Международной научной конференции. – Минск, 2025. – С. 213–215.

356. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб.: Александрия, 2007. – 423 с.

357. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987. – 313 с.

358. Юсупова, Р. Р. Демонизация «плохих» политических лидеров как инструмент информационной войны / Р. Р. Юсупова, Р. Р. Теплых // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5. – С. 163–167.

359. Якоба, И. А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе / И. А. Якоба // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 5 (92). – С. 175–187.

360. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

361. Яковлева, Е. В. Особенности формирования референции в устном дискурсе / Е. В. Яковлева // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 35–41.

362. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17–58.

363. Якушкина, К. В. Алгоритм и инструменты создания актуального внешнеполитического имиджа России в СМИ Гондураса, Колумбии, Панамы и Эквадора / К. В. Якушкина // Древняя и Новая Романия. – 2020. – № 26. – С. 130–159.

364. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

365. Янушкевич, И. Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / И. Ф. Янушкевич. – Волгоград, 2009. – 492 с.

366. Ярославцева, А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Е. Ярославцева. – Томск, 2007. – 211 с.

367. Aceda, J. F. La segunda guerra carlista en las novelas de Valle-Inclán / J. F. Aceda // Boletín de la Real Academia Sevillana de Buenas Letras: Minervae Baeticae. – 1993. – № 21. – P. 65–80.

368. Acosta López, A. De traidores, parias y cándidos. La imagen de los voluntarios españoles en la Legión Extranjera francesa en la prensa germanófila (1914–

1918) / A. Acosta López // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2024. – Vol. 39. – № 116. – P. 73–97.

369. Agirreazkuenaga, J. From *coup d'état* to civil war: an analysis of the Carlist coup d'état of 1833 in Vasconia and Spain / J. Agirreazkuenaga // Vasconia and Spain, Parliaments, Estates & Representation. – 2000. – № 20 (1). – P. 191–205.

370. Agudín, J. L. Modernidad y Tradicionalismo. La recepción de la instauración de la II República desde las páginas de *El Siglo Futuro* / J. L. Agudín // La Historia, lost in Translation? Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea. – Cuenca: UCLM-AHC, 2017. – P. 3217–3229.

371. Agudín, J. L. Un rey viejo para tiempos nuevos: la construcción mediática del pretendiente Alfonso Carlos I en la prensa carlista durante la II República / J. L. Agudín // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2019. – № 18. – P. 135–163.

372. Agudín, J. L. ¿Un alzamiento legítimo? Instrumentalización de la Sanjurjada en la prensa carlista / J. L. Agudín // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. – 2020. – № 119. – P. 227–252.

373. Agudín, J. L. El Siglo Futuro (1914–1936): Órgano del integrismo y de la comunión tradicionalista: Tesis doctoral en Investigaciones Humanísticas / J. L. Agudín. – Oviedo: Universidad de Oviedo, 2021. – 886 p.

374. Agudín, J. L. Por una historia de la Prensa carlista: Balance historiográfico y perspectivas de futuro / J. L. Agudín // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2022. – № 109. – P. 245–281.

375. Agudín, J. L. *El Siglo Futuro*. Un diario carlista en tiempos republicanos (1931–1936) / J. L. Agudín. – Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2023. – 558 p.

376. Agudín, J. L. Un andaluz para un milagro. La construcción del liderazgo de Manuel Fal Conde en la prensa carlista durante la Segunda República / J. L. Agudín // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. – 2024. – № 134. – P. 196–218.

377. Albi de la Cuesta, J. De Pavía a Rocroi: Los tercios españoles / J. Albi de la Cuesta. – Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017a. – 430 p.
378. Albi de la Cuesta, J. El ejército carlista del norte (1833–1839) / J. Albi de la Cuesta. – Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017b. – 496 p.
379. Alli Aranguren, J. C. El carlismo en el franquismo. Del colaboracionismo a la clarificación ideológica // Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea. – 2021. – № 33. – P. 233–254.
380. Alli Aranguren, J. C. Los inicios del franquismo en dos obras inéditas del conde de Rodezno / J. C. Alli Aranguren // Huarte de San Juan. Geografía e historia. – 2023. – № 30. – P. 217–249.
381. Alquézar, C. «Esfuerzo común»: una revista carlista de oposición al régimen franquista (1960–1974) / C. Alquézar // Revista de historia Jerónimo Zurita. – 2013. – № 88. – P. 297–318.
382. Arias, R. La revista «La Hormiga de Oro»: análisis de contenido y estudio documental del fondo fotográfico: Tesis doctoral en Ciencias de la Información, Historia e Historia del Arte / R. Arias. – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2013. – 396 p.
383. Aróstegui, J. El Manifiesto de la Federación de los Realistas Puros (1826). Contribución al estudio de los grupos políticos en el reinado de Fernando VII / J. Aróstegui // Estudios de Historia Contemporánea. – 1976. – Vol. I. – P. 119–185.
384. Aróstegui, J. Combatientes requetés de la Guerra Civil (1936–1939) / J. Aróstegui. – Madrid: La Esfera de los Libros, 2013. – 1008 p.
385. Artola, M. La burguesía revolucionaria (1808–1869) / M. Artola. – Madrid: Alfaguara, 1973. – 434 p.
386. Austin, J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 167 p.
387. Austin, J. L. Three Ways of Spilling Ink / J. L. Austin // The Philosophical Review. – 1966. – Vol. 75. – № 4. – P. 427–440.

388. Balmes, J. Escritos políticos / J. Balmes. – Madrid: Imprenta de la Sociedad de Operarios del mismo Arte, 1847. – 811 p.

389. Barbadillo de la Fuente, M. T. Interrogatorios a soldados carlistas presentados en la Capitanía General de Navarra (1838–1839) / M. T. Barbadillo de la Fuente // De re diplomatica militari: archivos y documentos de la Defensa. – Madrid, 2018. – P. 105–155.

390. Barreiro, C. Corresponsales y Primera Guerra Carlista: primer intento sistemático por cubrir un conflicto bélico / C. Barreiro, E. Durán de Porras // Revista de historia militar. – 2022. – № 2. – P. 107–132.

391. Bartolí, G. Dels Noradell als Fraginals: caracterització i evolució de les nissagues muntanyenques / G. Bartolí // Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes. – 2022. – № 12. – P. 19–29.

392. Beltrán, M. Una aproximación empírica-descriptiva sobre la Prensa de lengua alemana y sobre sus redactores-corresponsales en el contexto de la Primera Guerra carlista (1833–1840) / M. Beltrán // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2019. – Vol. 34. – № 100. – P. 71–98.

393. Benet, J. Catalunya sota el règim franquista / J. Benet. – Barcelona, 1978. – 459 p.

394. Blanchard, L. La prensa de opinión francesa frente al conflicto carlista o la lógica de la recuperación / L. Blanchard // Prensa, política e historia. – Paris: PILAR, 2011. – P. 7–18.

395. Blanchard, L. La Primera guerra carlista en imágenes ¿un espacio de violencia? / L. Blanchard // De los conflictos y de sus construcciones: mundos ibéricos y latinoamericanos. – Paris: Éditions Hispaniques, 2013. – P. 207–222.

396. Blanchard, L. Civilización y cultura romántica durante la primera Guerra Carlista (1833–1839): una visión idealizada del pueblo vasco / L. Blanchard // Barbarie y civilización. – Cádiz: Editorial UCA, 2014. – P. 83–94.

397. Blanchard, L. La mise en image de la Première guerre carliste: le rôle de la presse et des revues illustrées / L. Blanchard // *El Argonauta español*. – 2015. – № 12. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/argonauta/2261>.

398. Blinkhorn, M. Carlismo y contrarrevolución en España, 1931–1939 / M. Blinkhorn. – Barcelona: Editorial Crítica, 1979. – 469 p.

399. Bordoy, M. Don Carlos considerado como patriota, militar y político / M. Bordoy. – Palma de Mallorca: Tipo-litografía de Amengual y Muntaner, 1900. – 103 p.

400. Brauli, A. La llengua catalana: presentació general / A. Brauli // *Gramàtica del català contemporani*. Vol. 1. – Barcelona: Empúries, 2008. – P. 5–33.

401. Brennan, G. The Spanish Labyrinth: An Account of the Social and Political Background of the Spanish Civil War / G. Brennan. – Cambridge: Cambridge University Press, 1960. – 384 p.

402. Brinton, L. J. Historical Discourse Analysis / L. J. Brinton // *The Handbook of Discourse Analysis*. – Malden: Blackwell, 2001. – P. 138–160.

403. Bullón de Mendoza, A. La Primera Guerra Carlista: Tesis doctoral en Historia Contemporánea / A. Bullón de Mendoza. – Madrid: Universidad Complutense, 1991. – 1222 p.

404. Bullón de Mendoza, A. La Primera Guerra Carlista en la poesía / A. Bullón de Mendoza // *Las guerras carlistas: cursos de verano de la Universidad Complutense de Madrid*. – Madrid: Universidad Complutense, 1993. – P. 291–421.

405. Cabal, R. El uso político del acontecimiento: Octubre de 1934 en la prensa conservadora asturiana (1934–1936) / R. Cabal // *El estatuto del acontecimiento*. – Rennes: PILAR, 2015. – P. 27–43.

406. Cabrera, D. H. Desinformación y mediatización. Desafíos de la investigación en comunicación política / D. H. Cabrera, G. López, G. Campos-Domínguez // *Zer: Revista de estudios de comunicación*. – 2024. – Vol. 29. – № 56. – P. 13–16.

407. Calbo, D. Historia de Cabrera y de la guerra civil en Aragon, Valencia y Murcia. Redactada con presencia de documentos y datos de una y otra parte por D. Damaso Calbo y Rochina de Castro, miembro de varias sociedades y Academias Literarias, premiado por la Academia nacional de nobles artes de San Fernando, Secretario de la junta de gobierno en la Academia Real Española de música y declamación / D. Calbo. – Madrid: Establecimiento tipográfico de V. Castelló, 1845. – 720 p.

408. Canal, J. La masonería en el discurso integrista español a finales del siglo XIX: Ramón Nocedal y Romea / J. Canal // Masonería, revolución y reacción. – Alicante, 1990. – P. 771–791.

409. Canal, J. El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España / J. Canal. – Madrid: Alianza Editorial, 2000. – 512 p.

410. Canal, J. La longue survivance du Carlisme en Espagne: proposition pour une interprétation / J. Canal // La Contre-Révolution en Europe. XVIIIe – XIXe siècles. Réalités politiques et sociales, résonances culturelles et idéologiques. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001. – P. 291–301.

411. Canal, J. Marian Vayreda, entre el carlisme i el catalanisme / J. Canal // Revista de Girona. – 2004. – № 225. – P. 41–46.

412. Canal, J. ¿En busca del precedente perdido? Tríptico sobre las complejas relaciones entre carlismo y catalanismo a fines del siglo XIX / J. Canal // Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales. – 2005. – № 14. – P. 45–84.

413. Canal, J. Guerra civil y contrarrevolución en España y en la Europa del Sur en el siglo XIX / J. Canal // Ler Història. – 2006. – № 51. – P. 9–36.

414. Canal, J. Matar negros, hacer blancos: Los colores y los nombres del enemigo en las guerras civiles de la España contemporánea / J. Canal // Espacio, Tiempo y Forma. Serie V. Historia Contemporánea. – 2008. – № 20. – P. 19–36.

415. Canal, J. El nacionalismo catalán como populismo una aproximación a los discursos de Artur Mas en 2014 / J. Canal // Cuadernos de pensamiento político FAES. – 2016. – № 49. – P. 51–66.

416. Canal, J. De Barcelona a Buenos Aires (1889–1898): Francisco de Paula Oller, la propaganda carlista y la fundación de *El Legitimista Español* / J. Canal // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2023a. – № 26. – P. 76–100.
417. Canal, J. Introducción: El carlismo y la prensa / J. Canal // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2023b. – № 26. – P. 1–6.
418. Caridad Salvador, A. Buenaventura de Córdoba: político liberal y admirador de Cabrera / A. Caridad Salvador // Historia contemporánea. – 2013a. – № 46. – P. 49–84.
419. Caridad Salvador, A. El ejército y las partidas carlistas en Valencia y Aragón, 1833–1840 / A. Caridad Salvador. – Valencia: Publicacions de la Universitat de València, 2013b. – 364 p.
420. Caridad Salvador, A. Cabrera y compañía. Los jefes del carlismo en el frente del Maestrazgo (1833–1840) / A. Caridad Salvador. – Zaragoza: Institución «Fernando el Católico», 2014. – 623 p.
421. Caridad Salvador, A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: Una propuesta explicativa cuantitativa / A. Caridad Salvador // Huarte de San Juan. Geografía e Historia. – 2018. – № 25. – P. 79–107.
422. Caridad Salvador, A. La historiografía reciente sobre el primer carlismo (2006–2018) / A. Caridad Salvador // Studia historica. Historia contemporánea. – 2020. – № 38. – P. 203–243.
423. Carpentier, N. Bringing Discourse Theory into Media Studies: The applicability of Discourse Theoretical Analysis (DTA) for the Study of media practises and discourses / N. Carpentier, B. De Cleen // Journal of Language and Politics. – 2007. – Vol. 6. – № 2. – P. 265–293.
424. Carpentier, N. Discourse Theory, Media and Communication, and the Work of the Brussels Discourse Theory Group / N. Carpentier, B. De Cleen, L. Van Brussel // Communication and Discourse Theory. – Bristol, Chicago: Intellect, 2019. – P. 3–31.

425. Carpizo, E. *La Esperanza Carlista 1844–1874* / E. Carpizo. – Madrid: Actas, 2008. – 1037 p.
426. Casacuberta, M. *La punyalada, l'obra d'art definitiva* / M. Casacuberta, R. Parera // *La punyalada*. – Barcelona: Barcino, 2021. – P. 9–14.
427. Caspistegui, F. J. Between repulsion and attraction: Carlism seen through foreign eyes / F. J. Caspistegui // *Revista internacional de los estudios vascos*. – 2008. – № 2. – P. 119–143.
428. Caspistegui, F. J. En las trincheras de la prensa carlista: periodismo y militancia en el siglo XX / F. J. Caspistegui // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. – 2023. – № 26. – P. 116–118.
429. Chadwick, O. *The Mind of the Oxford Movement* / O. Chadwick. – Stanford: Stanford University Press, 1960. – 252 p.
430. Chilton, P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice* / P. Chilton. – London; New York: Routledge, 2004. – 226 p.
431. Chomsky, N. *Syntactic Structures* / N. Chomsky. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – 119 p.
432. Clark, C. *The Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914* / C. Clark. – New York, Harper, 2013. – 697 p.
433. Clark, R. A. Topoi and rhetorical competence / R. A. Clark, J. G. Delia // *Quarterly Journal of Speech*. – 1979. – № 65. – P. 187–206.
434. Clemente, J. C. *Lenguas y medios de comunicación* / J. C. Clemente. – Madrid: Fundación Actilibre, 1992. – 166 p.
435. Clemente, J. C. *Breve historia de las guerras carlistas* / J. C. Clemente. – Madrid: Nowtilus, 2011. – 384 p.
436. Closa, F. El finançament de la premsa carlina lleidatana: recursos econòmics i publicitat / F. Closa // *HMiC: història moderna i contemporània*. – 2011. – № 9. – P. 53–70.

437. Comesaña, A. Armas inglesas para Don Carlos: el incidente de la «Express Packet» / A. Comesaña // *Hispania: Revista española de historia*. – 2018. – Vol. 78. – № 260. – P. 731–758.

438. Comesaña, A. Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo / A. Comesaña. – Madrid: Reino de Cordelia, 2021. – 880 p.

439. Córdoba, B. de Vida política y militar de Cabrera, redactada por D. Buenaventura de Córdoba, auditor honorario de guerra y abogado del I colegio de Madrid. Tomos I–IV / B. de Córdoba. – Madrid: Imprenta y fundición de don Eusebio Aguado, 1844–1845.

440. Coverdale, J. The Basque Phase of Spain's First Carlist War / J. Coverdale. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – 350 p.

441. De Cleen B. Discourse Theory and the Turn to Practice: Lessons from the Populist Moment / B. De Cleen, J. Glynos, J. Goyvaerts, Y. Stavrakakis // *Journal of Language and Politics*. – 2024. – Vol. 24. – № 1. – P. 1–24.

442. Delano, C. The Gothic Child and the Signs of Hate in Wenceslao Ayguals de Izco's *El tigre del Maestrazgo* (1846–1848) / C. Delano // *Romance Notes*. – 2021. – Vol. 61. – № 2. – P. 331–340.

443. Del Corno, N. Don Carlos e i «nuovi mori»: la prima guerra carlista nella pubblicistica reazionaria italiana dell'epoca / N. Del Corno // *Spagna contemporanea*. – 1993. – Vol. II. – № 3. – P. 7–21.

444. Díaz Barrado, M. P. Presentación del dossier: Los discursos y las imágenes de la transición / M. P. Díaz Barrado, P. Martínez-Vasseur // *Historia Actual Online*. – 2019. – № 49. – P. 45–48. – Режим доступа: <https://historia-actual.org/Publicaciones/index.php/hao/article/view/1785>.

445. Donoso Cortés, J. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo, considerados en sus principios fundamentales por D. Juan Donoso Cortés, Marqués de Valdegamas / J. Donoso Cortés. – Barcelona, 1851. – 412 p.

446. Dupont, A. Une internationale blanche: les légitimistes français au secours des carlistes (1868–1883): Thèse de doctorat en Histoire / A. Dupont. – Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2015. – 420 p.

447. Dupont, A. Carlismo transfronterizo en los Pirineos en el siglo XIX. Algunas paradojas del realismo popular / A. Dupont // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. – 2021a. – № 124. – P. 193–217.

448. Dupont, A. Une internationale blanche. Histoire d'une mobilisation royaliste entre France et Espagne dans les années 1870 / A. Dupont. – Paris: Éditions de la Sorbonne, 2021b. – 420 p. – Режим доступа: <https://books.openedition.org/psorbonne/89562>.

449. Dupont, A. La prensa carlista en el exilio: *La Voz de la Patria* y la internacional blanca / A. Dupont // Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea. – 2023. – № 26. – P. 55–75.

450. Edelman, M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / M. Edelman. – New York: Academic Press, 1977. – 188 p.

451. Elías de Tejada, F. La monarquía tradicional / F. Elías de Tejada. – Madrid: Ediciones Rialp, 1954. – 184 p.

452. Ella, A. B. The Communicative Tactic of Accusation in Cameroonian Political Discourse / A. B. Ella // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. – 2021. – Vol. 7. – № 2. – P. 175–184.

453. Escandell, M. V. La investigación en pragmática / M. V. Escandell // Interlingüística. – 2003. – № 14. – P. 45–58.

454. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London: Longman Pub Group, 1996. – 259 p.

455. Feijoo, R. El discurso contrarrevolucionario de la Comunión Católico-Monárquica (1868–1872). Factores culturales de la Segunda Guerra Carlista / R. Feijoo // Hispania Nova. – 2018. – № 16. – P. 1–40.

456. Fenton-Smith, B. Diplomatic condolences: Ideological positioning in the death of Yasser Arafat / B. Fenton-Smith // *Discourse & Society*. – 2007. – Vol. 18. – № 6. – P. 697–718.
457. Ferguson, Ch. A. Diglossia / Ch. A. Ferguson // *Word*. – 1959. – № 15. – P. 325–340.
458. Ferrer, M. Historia del tradicionalismo español. Tomos I–XXX / M. Ferrer, D. Tejera, J. F. Acedo. – Sevilla: Editorial católica española, 1941–1979.
459. Ferrer i Gironès, F. La persecució política de la llengua catalana. Història de les mesures preses contra el seu ús des de la Nova Planta fins avui / F. Ferrer i Gironès. – Barcelona, 1985. – 308 p.
460. Fishman, J. Language and Nationalism. Two integrative essays / J. Fishman. – Rowley: Newbury House Publishers, 1973. – 184 p.
461. Fornés, A. Joseph de Maistre y el primer carlismo / A. Fornés // *Lletres de filosofia i humanitats*. – 2010. – № 2. – P. 28–48.
462. Forte, D. L. Latin American ecolinguistics: deconstructing discourse studies, coloniality and industrial environmentalism / D. L. Forte // *Journal of World Languages*. – 2024. – Vol. 10. – № 2. – P. 330–349.
463. Fotieva, I. V. «Post-Truth» in Modern Media: Socio-Cultural and Philosophical Aspects / I. V. Fotieva, T. A. Semilet // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2023. – Vol. 64. – № 1–3. – P. 61–65.
464. Fowler R. Language and Control / R. Fowler, B. Hodge, G. Kress, T. Trew. – London: Routledge, 1979. – 232 p.
465. Fuente Langas, J. M. Los tradicionalistas navarros bajo la dictadura de Primo de Rivera (1923–1930) / J. M. Fuente Langas // *Príncipe de Viana*. – 1994. – Vol. 55. – № 202. – P. 417–426.
466. Fuentes, J. F. Boina/sombrero: una dicotomía social y simbólica en la España del siglo XX / J. F. Fuentes, I. Martín Sánchez // *Historia y Política*. – 2020. – № 43. – P. 225–254.

467. Geller, J. The Wilkomirski Case: Fragments or Figments / J. Geller // *American Imago*. – 2002. – Vol. 59. – № 3. – P. 343–365.
468. Gloël, M. Los conceptos de España durante los reinados de los Austrias / M. Gloël // *Revista de Humanidades*. – 2018. – № 38. – P. 191–216.
469. Gómez Nogales, P. Bajo el yugo de los Bárbaros: El discurso contrarrevolucionario durante la guerra civil española: Tesis doctoral en Historia Contemporánea / P. Gómez Nogales. – Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2016. – 416 p.
470. González Calleja, E. Aproximación a las subculturas violentas de las derechas antirrepublicanas españolas (1931–1936) / E. González Calleja // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. – 2003. – № 2. – P. 107–141.
471. González Calleja, E. Los discursos catastrofistas de los líderes de la derecha y la difusión del mito del «golpe de Estado comunista» / E. González Calleja // *El Argonauta español*. – 2016. – № 13. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/argonauta/2412>.
472. Gordon, P. The siege of Oporto and the First Carlist War in «The Times» of London: Doctoral Thesis in Humanities / P. Gordon. – Madrid: Universidad San Pablo–CEU, 2025. – 360 p.
473. Graham, Ph. W. A call to arms at the End of History: A discourse-historical analysis of George W. Bush's declaration of war on terror / Ph. W. Graham, T. Keenan, A.-M. Dowd // *Discourse & Society*. – 2004. – № 15(2–3). – P. 199–221.
474. Gutiérrez Carreras, M. R. Los corresponsales del *Morning Post* en la Primera Guerra Carlista / M. R. Gutiérrez Carreras // *El nacimiento de los corresponsales de guerra*. – Madrid: Editorial Dykinson, 2022. – P. 85–98.
475. Gutiérrez Carreras, M. R. La Primera guerra carlista en el *Morning Post* (1833–1840): Tesis doctoral en Humanidades para el Mundo Contemporáneo / M. R. Gutiérrez Carreras. – Madrid: Universidad San Pablo–CEU, 2023. – 325 p.

476. Hanauer, D. I. The discursive construction of the separation wall at Abu Dis / D. I. Hanauer // *Journal of Language and Politics*. – 2011. – Vol. 10. – № 3. – P. 301–321.
477. Harris, Z. S. Discourse Analysis / Z. S. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–30.
478. Harteveld, E. Affective Polarization and the Populist Radical Right: Creating the Hating? / E. Harteveld, P. Mendoza, M. Rooduijn // *Government and Opposition*. – 2021. – Vol. 54. – Issue 4. – P. 1–25.
479. Herman, E. S. Manufacturing consent: the political economy of the mass media / S. E. Herman, N. Chomsky. – New York: Pantheon Books, 2002. – 412 p.
480. Hibbs-Lissorgues, S. «Sueños nocturnos» y retropías en el tradicionalismo español / S. Hibbs-Lissorgues // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. – 2021. – № 23. – P. 139–159.
481. Hobsbawm, E. Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries / E. Hobsbawm. – Manchester: Manchester University Press, 1963. – 193 p.
482. Hoces, I. De progresista a carlista. Cándido Nocedal (1821–1885), una biografía política / I. Hoces. – Madrid: Doce Calles, 2023. – 662 p.
483. Holt, E. The Carlist Wars in Spain / E. Holt. – London: Putham, 1967. – 303 p.
484. Illas, E. Marià Vayreda: el carlismo reciclado y el inconsciente catalán / E. Illas // *Res Publica: revista de filosofía política*. – 2004. – № 13–14. – P. 87–96.
485. Ilyinova, E. Y. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches / E. Y. Ilyinova, L. A. Kochetova // *Science Journal of VolSU. Linguistics*. – 2016. – Vol. 15. – № 4. – P. 18–25.
486. Jackson, G. Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939 / G. Jackson. – Princeton: Princeton University Press, 1972. – 600 p.

487. Jemolo, A. C. I principii della guerra carlista e la Nunziatura di Madrid / A. C. Jemolo // *Ressegna Storica del Risorgimento*. – 1947. – Vol. 34. – № I–II. – P. 6–14.
488. Keene, J. Fighting for Franco. International volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936–1939 / J. Keene. – London: Hambledon Continuum, 2001. – 310 p.
489. Kochetova, L. A. Historical Discourse Studies: Approaches, Issues, Prospects / L. A. Kochetova // *In the World of Scientific Discoveries*. – 2014. – № 9–2 (57). – P. 737–759.
490. Künkel, V. E. Deutsch, eine nagelneue Sprache: Über Zugehörigkeiten, Emotionalisierungen und diskursive Positionierungen entlang von Sprache in literarischen Texten / V. E. Künkel // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. – 2025. – Vol. 55. – P. 227–252.
491. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London; New York: Verso, 2001. – 198 p.
492. Laclau, E. Discurso / E. Laclau // *Estudios. Filosofía. Historia. Letras*. – 2004. – № 68. – P. 7–18.
493. Lapesa, R. Historia de la lengua española / R. Lapesa. – Madrid: Gredos, 1981. – 691 p.
494. Larina, T. Persuasion strategies in media discourse about Russia: linguistic ambiguity and uncertainty / T. Larina, V. Ozyumenko, D. M. Ponton // *Lodz Papers in Pragmatics*. – 2019. – № 15 (1). – P. 3–22.
495. Lawrence, M. Spain's First Carlist War, 1833–40 / M. Lawrence. – Basingstoke: Palgrave, 2014. – 292 p.
496. Lawrence, M. The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s / M. Lawrence. – London: Bloomsbury, 2017. – 264 p.

497. Lockett, M. S. A Comparative Study of Roy Campbell's Translations of the Poetry of Federico García Lorca: Dissertation submitted in accordance with the requirements for the degree of Doctor of Literature and Philosophy / M. S. Lockett. – Pretoria: University of South Africa, 1994. – 266 p.

498. López Cabrales, J. J. El ingeniero como mártir de la modernidad en *Doña Perfecta* / J. J. López Cabrales // Cuaderno de arte de la Universidad de Granada. – 1999. – Vol. 30. – P. 279–286.

499. Luis, J.-P. La Década Ominosa y la cuestión del retorno de los josefinos / J.-P. Luis // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. – 2014. – № 95. – P. 133–153.

500. Macías, D. La guerrilla carlista en el Maestrazgo a través del diario de Roque García (1838–1840) / D. Macías, R. Herrera // Historia & Guerra. – 2025. – № 7. – P. 84–104.

501. Macmillan, C. Welcome to the carnival? Podemos, populism and Bakhtin's carnivalesque / C. Macmillan // Journal of Contemporary European Studies. – 2017. – № 25 (2). – P. 258–273.

502. Martí, J. E. Militancia y espacio público en la Restauración: la prensa carlista valenciana (1874–1911) / J. E. Martí // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. – 2022. – № 126. – P. 187–212.

503. Martín Etxebarria, G. «Honrar a nuestros héroes muertos». Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas / G. Martín Etxebarria // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2023. – № 26. – P. 221–255.

504. Martinet, A. Éléments de linguistique générale / A. Martinet. – Paris: Armand Colin, 1980. – 224 p.

505. Martínez Dorado, G. El primer carlismo, 1833–1840 / G. Martínez Dorado, J. Pan-Montojo // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. – 2000. – № 38. – P. 35–63.

506. Martínez Hoyos, F. El discurso de la hispanofobia: racismo y xenofobia en el nacionalismo catalán / F. Martínez Hoyos // *Aportes: Revista de historia contemporánea*. – 2014. – Vol. 29. – № 84. – P. 183–192.

507. Marwell, G. Dimensions of compliance – gaining behavior: An empirical analysis / G. Marwell, D. R. Schmitt // *Sociometry*. – 1967. – № 30. – P. 350–364.

508. Maymó, O. El simbolisme de la muntanya en el llenguatge de *Records de la darrera carlinada*, de Marian Vayreda / O. Maymó // *Anuari Verdaguer*. – 2020. – № 28. – P. 69–98.

509. Mazeland, H. Conversation analysis / H. Mazeland // *Encyclopedia of language and linguistics*. – Amsterdam: Elsevier, 2006. – Vol. 3. – P. 153–162.

510. McGovern, T. The Late Realist Novel and Art-Horror: Marià Vayreda's *La punyalada* and the Question of Genre / T. McGovern // *Catalan Review*. – 2001. – Vol. XV. – № 2. – P. 115–136.

511. Millán, J. Was the liberal revolution important to modern Spain? Political cultures and citizenship in Spanish history / J. Millán, M. Cruz Romeo // *Social History*. – 2004. – № 29 (3). – P. 284–300.

512. Molho, M. Lingüística e historia / M. Molho // *Anuario de Letras*. – 1977. – № 15. – P. 5–30.

513. Montero, J. Prensa y propaganda en el Estado carlista (1872–1876) / J. Montero // *Historia y Comunicación social*. – 1999. – № 4. – P. 89–134.

514. Moral Roncal, A. M. Devociones para tiempos de espada: El Sagrado Corazón y Cristo Rey como categorías políticas del movimiento carlista (1931–1936) / A. M. Moral Roncal // *Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales*. – 2009. – № 21. – P. 219–246.

515. Morris, Ch. W. Foundations of the Theory of Signs / Ch. W. Morris. – Chicago: The University of Chicago Press, 1938. – 59 p.

516. Mundet, J. M. La primera guerra carlina a Catalunya. Història militar i política / J. M. Mundet. – Puigcerdà: Publicacions de l'Abadia de Montserrat. 1990. – 490 p.

517. Nagore, M. Carlismo y música / M. Nagore // Imágenes: el Carlismo en las artes. III Jornadas de Estudio del Carlismo. – Pamplona: Gobierno de Navarra, 2010. – P. 1–26.

518. Núñez Cabezas, E. A. El léxico en la descalificación política / E. A. Núñez Cabezas, S. Guerrero Salazar // Isla de Arriarán: revista cultural y científica. – 2001. – № 18. – P. 255–274.

519. Oyarzún, R. Historia del carlismo / R. Oyarzún. – Valladolid: Maxtor, 2008. – 509 p.

520. Parsons, T. On the concept of influence / T. Parsons // The Public Opinion Quarterly. – 1963. – Vol. 27. – № 1. – P. 37–62.

521. Pauquet, A. L'exil français de Don Carlos / A. Pauquet // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2017. – № 93. – P. 7–29.

522. Pauquet, A. *Le Phare de Bayonne*, un Journal frontalier face à la Première guerre carliste (novembre 1834 – mai 1836) / A. Pauquet // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2019. – № 100. – P. 39–70.

523. Payne, S. G. Falange. A History of Spanish Fascism / S. G. Payne. – Stanford: Stanford University Press, 1961. – 316 p.

524. Payne, S. G. Historia del Carlismo / S. G. Payne. – Madrid: Comunión Tradicionalista Carlista, 1995. – 52 p.

525. Payne, S. G. Franco and Hitler: Spain, Germany, and World War II / S. G. Payne. – New Haven; London, Yale University Press, 2008. – 336 p.

526. Payne, S. G. Franco: A Personal and Political Biography / S. G. Payne, J. Palacios. – Madison: The University of Wisconsin Press, 2014. – 617 p.

527. Pedrero González, A. Prensa, léxico e ideología: el caso de la Primera Guerra Carlista / A. Pedrero González // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2025. – Vol. 40. – № 118. – P. 7–42.

528. Pérez, J. Histoire de l'Espagne / J. Pérez. – Paris: Fayard, 1997. – 921 p.

529. Pirala, A. Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero,

por Don Antonio Pirala. Tomos I–VI / A. Pirala. – Madrid: Mellado, 1868–1871. – 740 p.

530. Polo Blanco, J. Los glóbulos del *Volksgeist*. Romanticismo y racismo en la génesis ideológica del catalanismo / J. Polo Blanco // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2022. – Vol. 37. – № 109 (2). – P. 173–211.

531. Polo y Peyrolón, M. Credo y programa del Partido carlista / M. Polo y Peyrolón. – Valencia: Miguel Gimeno, 1905. – 53 p.

532. Preston, P. Architects of Terror: Paranoia, Conspiracy and Anti-Semitism in Franco's Spain / P. Preston. – London: William Collins, 2023. – 467 p.

533. Ramos-González, J. Populism and Contingency: Assessing the Ideological Flexibility of Populism Through Sorel's Theory of Myth / J. Ramos-González // Journal of Language and Politics. – 2024. – Vol. 24. – № 5. – P. 1–19.

534. Randour, F. Twenty years of research on political discourse: A systematic review and directions for future research / F. Randour, J. Perrez, M. Reuchamps // Discourse & Society. – Vol. 31. – № 4. – Thousand Oaks, 2020. – P. 428–443.

535. Recio, J. P. *Boinas Rojas*: la voz del carlismo extremeño durante la Guerra Civil / J. P. Recio Cuesta // Aportes. Revista de historia contemporánea. – 2024. – Vol. 39. – № 114. – P. 41–72.

536. Rodon, R. M. Invierno, primavera y otoño del Carlismo (1939–1976): Tesis doctoral en Humanidades y Ciencias Sociales / R. M. Rodon. – Barcelona: Universitat Abat Oliba CEU, 2015. – 666 p.

537. Rubert, I. B. Representation of SIBERIA Linguocultural Concept in the English Fiction of the 18th – early 20th Centuries / I. B. Rubert, E. A. Nilsen, Y. G. Timralieva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2021. – № 14 (10). – P. 1455–1467.

538. Ruíz Hernández, L. El General alemán Augusto von Goeben / L. Ruíz Hernández // Revista de historia militar. – 1960. – № 7. – P. 91–116.

539. Rújula, P. El soporte ideológico de la insurrección carlista / P. Rújula // Hispania: Revista española de historia. – 1997. – Vol. 57. – № 195. – P. 213–265.

540. Rújula, P. Contrarrevolución: Realismo y Carlismo en Aragón y el Maestrazgo, 1820–1840 / P. Rújula. – Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 1998. – 516 p.

541. Rújula, P. Vías de difusión de la ideología carlista en la primera guerra (1833–1840) / P. Rújula // Millars: Espai i historia. – 2000. – № 23. – P. 115–136.

542. Rújula, P. El mito contrarrevolucionario de la «Restauración» / P. Rújula // Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea. – 2014. – № 13. – P. 79–94.

543. Rújula, P. ¿Opinión pública en el carlismo? La prensa de don Carlos durante la Primera Guerra / P. Rújula // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2023. – № 26. – P. 7–31.

544. Sáenz-Francés, E. A Struggle for Equidistance? The Blue Division, Spanish Diplomacy, and the Theory of Three Wars / E. Sáenz-Francés // Aportes: Revista de Historia Contemporánea. – 2023. – Vol. 38. – № 113. – P. 103–134.

545. Sánchez, I. M. La caricatura política durante la II República: *El Debate, El Siglo Futuro y Gracia y Justicia* / I. M. Sánchez // Brocar. Cuadernos de Investigación Histórica. – 2010. – № 34. – P. 203–242.

546. Sánchez, A. En defensa del trono y del altar. La organización de los cuerpos de voluntarios realistas en Lérida / A. Sánchez // Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea. – 2015. – № 14. – P. 111–149.

547. Sánchez, A. ¡Muera la Constitución! Cervera y la rebelión realista de 1822–1823 / A. Sánchez // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2021. – Vol. 36. – № 106. – P. 7–46.

548. Santirso, M. Revolución liberal y guerra civil en Cataluña (1833–1840): Tesis doctoral en Historia Contemporánea / M. Santirso. – Barcelona: Universidad Autónoma de Barcelona, 1994. – 367 p.

549. Saval, J. V. Larra y el carlismo: El rechazo de un liberal hacia las clases populares campesinas / J. V. Saval // Neophilologus. – 2008. – Vol. 92. – P. 429–442.

550. Saussure, F. de Cours de linguistique générale / F. de Saussure. – Paris: Éditions Payot & Rivages, 1997. – 523 p.

551. Schiffman, H. F. Linguistic Culture and Language Policy / H. F. Schiffman. – London; New York: Routledge, 1996. – 351 p.
552. Seco Serrano, C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo / C. Seco Serrano. – Barcelona: Ariel, 1973. – 157 p.
553. Senent, J. C. Montejurra de 1968, un punto de inflexión / J. C. Senent // Actas del X Encuentro de Investigadores del Franquismo. – Estella, 2019. – P. 433–448.
554. Senent, J. C. El legitimismo carlista en la actualidad / J. C. Senent // La Razón Histórica. – 2020. – № 45. – P. 121–138.
555. Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redefinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – 401 p.
556. Senent, J. C. Adhesiones y disensiones en el carlismo (1968–1980) / J. C. Senent // Cuadernos de Historia Contemporánea. – 2024a. – Vol. 46. – № 1. – P. 143–161.
557. Senent, J. C. Antifranquistas de boina roja. El cambio ideológico en el carlismo (1968–1986) / J. C. Senent. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2024b. – 345 p.
558. Senent, J. C. Antimilitarismo y pacifismo en el Partido Carlista: El movimiento anti-OTAN y la fundación de Izquierda Unida / J. C. Senent // Historia Actual Online. – 2024c. – № 65. – P. 65–82. – Режим доступа: <https://historia-actual.org/Publicaciones/index.php/hao/article/view/2414>.
559. Shunqing, C. Rewriting the History of Civilizations / C. Shunqing, L. Shishi // Comparative Literature: East & West. – 2023. – № 7 (2). – P. 93–112.
560. Smith, R. J. The Qing Dynasty and Traditional Chinese Culture / R. J. Smith. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. – 612 p.
561. Spellman, B. If Saddam is Hitler Then Who is George Bush? Analogical Mapping Between Systems of Social Roles / B. Spellman, K. Holyoak // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – Vol. 62. – № 6. – P. 913–933.

562. Spieß, C. Der Mensch als Verwertungsobjekt – Literarische Stimmen im Bioethikdiskurs / C. Spieß // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – 2021. – № 51. – S. 109–130.

563. Spolsky, B. Language Policy / B. Spolsky. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 250 p.

564. Staiano-Daniels, L. A. Brief Introduction to Seventeenth-Century Military Manuscripts and Military Literacy / L. A. Staiano-Daniels // Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies. – 2020. – Vol. 5. – № 1. – P. 140–161.

565. Suárez, F. La formación de la doctrina política del carlismo / F. Suárez // Revista de estudios políticos. – № 25–26. – Madrid, 1946. – P. 43–83.

566. Suárez, F. El golpe de estado de la Granja / F. Suárez // Revista de estudios políticos. – 1947. – № 35–36. – P. 63–126.

567. Suárez, F. El manifiesto realista de 1826 / F. Suárez // Príncipe de Viana. – 1948. – Vol. 9. – № 30. – P. 77–100.

568. Suárez, F. Un factor fundamental en la historia española del XIX / F. Suárez // Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història. – 1950–1951. – Vol. 8. – № 35–38. – P. 100–115.

569. Suárez, F. Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen / F. Suárez // Anales de la Fundación Francisco Elías de Tejada. – 2006. – № 12. – P. 29–45.

570. Tereshchuk, A. A. The biography of G. P. Lamsdorff in the context of Russian military emigration in Europe during World War II / A. A. Tereshchuk // International journal of Russian studies. – 2018. – № 7/1. – P. 69–76.

571. Tereshchuk, A. A. La Primera Guerra Carlista a través de la prensa rusa / A. A. Tereshchuk // Aportes. Revista de Historia Contemporánea. – 2022a. – Vol. 37. – № 110. – P. 7–32.

572. Tereshchuk, A. A. To the Question of the Reasons of the First Carlist War (1833–1840) / A. A. Tereshchuk // *MCU Journal of Historical Studies*. – 2022b. – № 4 (48). – P. 145–157.

573. Toledano, L. F. El crucifijo y el baile. El trasvase de sacralidad entre el trono y la comunidad política en la familia real carlista, 1868–1876 / L. F. Toledano // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. – 2015. – № 14. – P. 79–107.

574. Tortella, G. Catalonia in Spain: history and myth / G. Tortella. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – 312 p.

575. Trullén, R. España trastornada. La identidad y el discurso contrarrevolucionario durante la Segunda República y la Guerra Civil / R. Trullén. – Madrid: Akal, 2016. – 252 p.

576. Unamuno, M. de Obras completas. Tomo III / M. de Unamuno. – Barcelona: Vergara, 1958. – 1151 p.

577. Urquijo, J. R. El carlismo y Rusia / J. R. Urquijo // *Hispania: Revista española de historia*. – 1988. – Vol. 48. – № 169. – P. 599–624.

578. Urquijo, J. R. La Primera Guerra Carlista desde la ideología nacionalista vasca / J. R. Urquijo // *Vasconia: Cuadernos de historia – geografía*. – 1998. – № 26. – P. 65–110.

579. Urquijo, J. R. Los servicios de información en la Primera Guerra Carlista / J. R. Urquijo // *Revista de Historia Militar*. – 2005. – № XLIX. – P. 81–132.

580. Urquijo, J. R. Tomás Zumalacárregui, literatura y mito / J. R. Urquijo // *Revista de historia Jerónimo Zurita*. – 2011. – № 86. – P. 249–280.

581. Urrastabaso, U. R. Modern Societies and National Identities. Legal Praxis and the Basque-Spanish Conflict / U. R. Urrastabaso. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 218 p.

582. Valls, A. T. El análisis de la conversación: entre la estructura y el sentido / A. T. Valls // *Estudios de Sociolingüística. Linguas, sociedades e culturas*. – 2002. – № 3 (1). – P. 133–153.

583. Van Dijk, T. Textwissenschaft: Eine interdisziplinäre Einführung / T. van Dijk. – Berlin, New York: Max Niemeyer Verlag, 1980. – 285 S.
584. Van Dijk, T. Elite Discourse and Racism / T. van Dijk. – London: Sage Publications, 1993. – 321 p.
585. Van Dijk, T. What is Political Discourse Analysis? / T. van Dijk // Belgian Journal of Linguistics. – 1997. – Vol.11. – Issue 1. – P. 11–52.
586. Van Dijk, T. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. van Dijk. – London: Sage Publications, 1998. – 365 p.
587. Veny, J. La lengua catalana entre estándar y diatopía / J. Veny // Revue roumaine de linguistique. – 2008. – Vol. LIII. – № 1–2. – P. 141–156.
588. Verri, C. *El Legitimista español* (1869–1870). Prensa y política del carlismo en la primera fase del Sexenio Democrático / C. Verri // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2023a. – № 26. – P. 32–54.
589. Verri, C. Los carlistas en las Cortes Constituyentes (1869–1871) / C. Verri. – Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2023b. – 142 p.
590. Vershinin, K. V. Algunos rasgos característicos de las canciones soviéticas sobre la Guerra Civil Española / K. V. Vershinin, A. A. Tereshchuk, Y. A. Ignashov // Mundo Eslavo. – 2019. – № 18. – P. 126–135.
591. Vicent, A. Rey de «corazones»: la monarquía y la cultura política del carlismo (1833–1845) / A. Vicent // Alcores: Revista De Historia Contemporánea. – 2017. – № 21. – P. 161–182.
592. Vicent, A. De la Monarquía Católica a la Europa legitimista: una historia transnacional del primer carlismo: Tesis doctoral en Historia Contemporánea / A. Vicent. – Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2019. – 585 p.
593. Vicent, A. El estandarte de la Virgen de los Dolores y la princesa de Beira en la crisis del Atlántico ibérico: una devoción y una bandera para los carlistas / A. Vicent // Cahiers de civilisation espagnole contemporaine. – 2023. – № 30. – P. 1–81. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/ccec/15392#quotation>.

594. Vilches García, J. La montaña blanca. La minoría carlista en las Cortes de la Revolución (1868–1871) / J. Vilches García // Memoria y Civilización. – 2020. – № 23. – P. 259–285.

595. Vílchez de Arribas, J. F. Historia gráfica de la prensa española (1758–1976) / J. F. Vílchez de Arribas. – Barcelona: RBA, 2012. – 480 p.

596. Villoro, L. Sobre el concepto de revolución / L. Villoro // Revista del Centro de Estudios Constitucionales. – 1992. – № 11. – P. 277–290.

597. Viscarri, D. Augusto Ferrer-Dalmau: Nostalgia, Cultural Angst, and the Recovery of Aesthetic Carlism / D. Viscarri // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. – 2019. – Vol. 43. – № 3. – P. 719–743.

598. Weiner, J. España en «El Diario de un Escritor», por Fedor Dostoievski (1821–1881) / J. Weiner // Actas del X Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Barcelona: Promociones y Publicaciones Universitarias, 1992. – P. 1543–1550.

599. Whorf, B.L. Language, thought and reality / B. L. Whorf. – Cambridge: The M.I.T. Press, 1956. – 278 p.

600. Wilhelmsen, A. El «Manifiesto de los persas»: una alternativa ante el liberalismo español / A. Wilhelmsen // Revista de estudios políticos. – 1979. – № 12. – P. 141–162.

601. Wilhelmsen, A. Carlism's Defense of the Church in Spain, 1833–1936 / A. Wilhelmsen // Faith & Reason. – 1990. – Vol. XVI. – № 4. – P. 1–8.

602. Wilhelmsen, A. El Desarrollo del pensamiento político del Carlismo (1810–1875) / A. Wilhelmsen. – Madrid: Actas, 1995. – 630 p.

603. Wilhelmsen, A. The adventures of a Stateless Prince: Francis Xavier of Bourbon Parma / A. Wilhelmsen // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2019. – Vol. 34. – № 100. – P. 181–238.

604. Wilhelmsen, A. María Teresa de Braganza Borbón, Princesa de Beira: una Infanta valiente en el siglo XIX / A. Wilhelmsen // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2021. – Vol. 36. – № 105. – P. 7–107.

605. Wilson, J. Political Discourse / J. Wilson // The Handbook of Discourse Analysis. – Wiley Online Books, 2005. – P. 398–415. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9780470753460>.

606. Wodak, R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse / R. Wodak. – Amsterdam: Benjamins, 1989. – 288 p.

607. Wodak, R. Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. – London: Sage Publications, 2002. – 208 p.

608. Yassin-Kassab, R. Burning Country: Syrians in Revolution and War / R. Yassin-Kassab, L. Al-Shami. – London: Pluto Press, 2016. 280 p.

Словари и справочная литература

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>.

2. Diccionario de la lengua española. – Режим доступа: rae.es.

3. Nueva gramática de la lengua española. Manual. – Madrid: Espasa, 2010. – 1049 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Таблица № 1. Изменения в коннотативном значении некоторых лексических единиц в карлистском дискурсе.

ИСТОЧНИКИ

Документы

1. Acta del Consejo de Estado del 2 de Diciembre de 1836, bajo la presidencia de Don Carlos // Pirala A. Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero, por Don Antonio Pirala. Tomo IV. – Madrid: Mellado, 1869. – P. 625–626.
2. A las Potencias cristianas (06.08.1874) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVI. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 303–305.
3. Alocución a los bilbaínos (26.01.1874) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVI. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 282.
4. Alocución del general Maroto (18.02.1839) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVI. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 186–187.
5. A los españoles (29.06.1934) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1979. – P. 39–43.
6. Bando del general Cabrera (25.03.1849) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 265–267.

7. Carta a los españoles (25.09.1864) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 233–253.
8. Catálogo General del Museo de Artillería. Madrid, 1908. T. I // Biblioteca Central Militar. DE. IX–24–5–66.
9. Circular a los pueblos de Aragón (24.11.1835) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IX. – Sevilla: Editorial católica española, 1947. – P. 261–262.
10. Circular de la Diputación de Vizcaya sobre la confirmación de los fueros por Carlos V (07.09.1834) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo V. – Sevilla: Editorial católica española, 1943. – P. 222–223.
11. Declaración de don Carlos Hugo de Borbón-Parma ante Montejurra'76 // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redefinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 370–372.
12. Declaración de Don Carlos Hugo en Barajas (18.03.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redefinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 379.
13. Declaración de la Junta Provincial de Madrid del Partido Carlista ante el acto de Montejurra (29.04.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redefinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 367–368.
14. Declaración de la prensa carlista (11.02.1873) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXV. – Sevilla: Editorial católica española, 1958. – P. 188–189.

15. Declaración de la Secretaría Política de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón ante la aprobación del Tratado por el que se instituye una Constitución para Europa. – Режим доступа: <https://carlismo.es/declaracion-de-la-secretaria-politica-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-ante-la-aprobacion-del-tratado-por-el-que-se-instituye-una-constitucion-para-europa/>.

16. Declaración sobre Montejurra 1976 (04.05.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redifinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 366.

17. Decreto número 226 (27.02.1937) // Boletín Oficial del Estado. 28.02.1937.

18. Discurso de don Carlos Hugo de Borbón-Parma en el acto de Valvanera de 1968 (15.12.1968) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redifinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 360–361.

19. Discurso del Obispo de Solsona al recibir a Carlos V // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 329.

20. Discurso de Zaratiegui en la junta de Lumbier // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. – Sevilla: Editorial católica española, 1943. – P. 280–281.

21. Don Sixto Enrique de Borbón en homenaje a voluntarios rusos. – Режим доступа: <https://carlismo.es/rusia-y-espana-sixto-enrique-de-borbon-en-homenaje-voluntarios/>.

22. El Carlismo y el Alzamiento de 1936. – Режим доступа: <https://carlismo.es/alzamiento-de-1936-valencia-29-de-junio-el-carlismo-y-el-alzamiento-de-1936/>.

23. El Rey a su ejército (10.01.1834) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. – Sevilla: Editorial católica española, 1943. – P. 248.

24. Estrasburgo pone en evidencia a los tribunales y a los medios españoles. – Режим доступа: <https://carlismo.es/strasburgo-pone-en-evidencia-a-los-tribunales-y-a-los-medios-espanoles/>.

25. Gamba R. Un «no» reduplicativo a la Constitución. – Режим доступа: <https://carlismo.es/un-no-reduplicativo-a-la-constitucion/>.

26. Manifestación hecha en Burgos por la Prensa Tradicionalista (31.07.1888) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 62–90.

27. Manifiesto (04.07.1860) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 205–206.

28. Manifiesto (06.03.1925) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. – Sevilla: Editorial católica española, 1960. – P. 273–276.

29. Manifiesto a los extremeños (29.01.1834) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. – Sevilla: Editorial católica española, 1943. – P. 251.

30. Manifiesto de Abrantes (01.10.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 287–288.

31. Manifiesto de Alfonso Carlos (06.01.1932) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1979. – P. 15–19.

32. Manifiesto de Alfonso Carlos (23.01.1932) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1979. – P. 19–21.

33. Manifiesto de Carlos V desde Bourges (06.10.1841) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVIII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 251–252.
34. Manifiesto de Carlos V desde Cáseda al marchar la Expedición Real (20.05.1837) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 305–306.
35. Manifiesto de Carlos VII (10.07.1888) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 60–62.
36. Manifiesto de Castello Branco (25.10.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 289–291.
37. Manifiesto de Castello Branco (04.11.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 291.
38. Manifiesto de don Carlos a los españoles (20.02.1836) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo X. – Sevilla: Editorial católica española, 1948. – P. 281–283.
39. Manifiesto de don Sixto Enrique de Borbón-Parma (07.05.1976) // Senent, J. C. El carlismo entre el tardofranquismo y la democracia: la redefinición ideológica: Tesis doctoral en Historia e historia del arte y territorio / J. C. Senent. – Madrid: UNED. Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2021. – P. 363–365.
40. Manifiesto de la Junta Central de Guerra de Navarra (06.1936) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1979. – P. 105–106.
41. Manifiesto de La Tour de Peilz (08.12.1870) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIII. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 147–149.

42. Manifiesto del Bloque Nacional (11.1934) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1979. – P. 47–51.
43. Manifiesto del brigadier Masgoret a los catalanes (01.04.1848) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 243–244.
44. Manifiesto de París (30.01.1919) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. – Sevilla: Editorial católica española, 1960. – P. 242–243.
45. Manifiesto de París (24.02.1919) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXIX. – Sevilla: Editorial católica española, 1960. – P. 246–248.
46. Manifiesto de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón (17.07.2001). – Режим доступа: <https://carlismo.es/manifiesto-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-de-17-de-julio-de-2001/>.
47. Manifiesto en el centenario del Carlismo (16.03.1933) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1979. – P. 29–30.
48. Manifiesto llamado de Maguncia (16.03.1860) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXI. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 202–205.
49. Mensaje a los legitimistas franceses (18.07.1881) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 24–25.
50. Orden general del día (01.01.1873) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXV. – Sevilla: Editorial católica española, 1958. – P. 207–208.
51. Pau, P. La regió tradicional i el nacionalisme / P. Pau // La Esperanza. – 07.07.2025. – Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/29269>.

52. Podemos ¿una revolución gnóstica? – Режим доступа: <https://carlismo.es/jose-miguel-gambra-podemos-una-revolucion-gnostica-i/>.

53. Proclama a los aragoneses (05.1855) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XX. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 222–224.

54. Proclama a los voluntarios (23.11.1875) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVII. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 303–305.

55. Proclama de Cabrera a los aragoneses y tortosinos (07.1848) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 244–246.

56. Proclama de Cabrera a los isabelinos (07.1848) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIX. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 246–247.

57. Proclama de Cabrera a los voluntarios // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IX. – Sevilla: Editorial católica española, 1947. – P. 257.

58. Proclama de Guergué a los aragoneses (16.08.1835) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IX. – Sevilla: Editorial católica española, 1947. – P. 269–270.

59. Proclama de la Diputación de Vizcaya (05.10.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 291–292.

60. Proclama de la Junta de Aragón, Valencia y Murcia contra el convenio de Vergara (14.09.1839) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 318–319.

61. Proclama del brigadier Guibelalde a los guipuzcoanos (31.08.1839) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVI. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 282.

62. Proclama del General Don Gómez y Damas a los gallegos (18.07.1836) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 295–296.
63. Proclama del Infante Don Sebastián Gabriel de Borbón a los voluntarios (30.12.1836) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XIII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 300–301.
64. Proclama de Merino (23.10.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 304–305.
65. Proclama de Plandolit (31.10.1834) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo V. – Sevilla: Editorial católica española, 1943. – P. 248–249.
66. Proclama de Sagastibelza a los voluntarios guipuzcoanos (01.11.1835) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo VIII. – Sevilla: Editorial católica española, 1946. – P. 283–284.
67. Proclama de Verástegui (07.10.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 292–294.
68. Proclama de Zumalacárregui a los navarros (08.03.1834) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo IV. – Sevilla: Editorial católica española, 1943. – P. 278–280.
69. Real Orden sobre la constitución de los ayuntamientos en Navarra según fuero // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo VIII. – Sevilla: Editorial católica española, 1946. – P. 263–264.
70. Sentencia (14.11.1837) // Pirala, A. Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero, por Don Antonio Pirala. Tomo IV. – Madrid: Mellado, 1869. – P. 667–668.

71. Testamento político de Carlos VII (06.01.1897) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 173–178.

Периодические издания

72. Санкт-Петербургские ведомости. 17.10.1833. № 243.
73. Санкт-Петербургские ведомости. 21.10.1833. № 247.
74. Санкт-Петербургские ведомости. 25.10.1833. № 250.
75. Санкт-Петербургские ведомости. 21.11.1833. № 273.
76. Санкт-Петербургские ведомости. 01.12.1833. № 282.
77. Санкт-Петербургские ведомости. 12.12.1833. № 291.
78. Санкт-Петербургские ведомости. 17.03.1834. № 63.
79. Санкт-Петербургские ведомости. 05.05.1834. № 102.
80. Санкт-Петербургские ведомости. 18.05.1834. № 113.
81. Санкт-Петербургские ведомости. 02.08.1834. № 178.
82. Санкт-Петербургские ведомости. 16.11.1834. № 267.
83. Санкт-Петербургские ведомости. 14.12.1834. № 291.
84. Санкт-Петербургские ведомости. 02.07.1835. № 147.
85. Санкт-Петербургские ведомости. 09.07.1835. № 153.
86. Санкт-Петербургские ведомости. 04.08.1836. № 175.
87. Санкт-Петербургские ведомости. 29.01.1839. № 24.
88. Санкт-Петербургские ведомости. 25.07.1839. № 167.
89. Царский вестник. 04.10.1936. № 521.
90. Часовой. 01.10.1936. № 173.
91. Часовой. 01.11.1936. № 177.
92. Azada y Asta. 05.1961. № 11.
93. Boina Roja. 1957. № 22.
94. Boletín del Real Ejército del Reyno de Aragón. 20.08.1836. № 1.

95. Gaceta de Madrid. 14.07.1823. № 46.
96. El Correo Catalán. 27.01.1939. Hoja extraordinaria.
97. El Federal. 03.2024. № 89. — Режим доступа:
<https://partidocarlista.com/el-federal-numero-89/>.
98. El Federal. 09.2024. № 91. — Режим доступа:
<https://partidocarlista.com/el-federal-numero-91/>.
99. El Legitimista Español. 23.01.1869. S/n.
100. El Legitimista Español. 09.03.1870. S/n.
101. El Legitimista Español. 15.03.1870. S/n.
102. El Legitimista Español. 02.06.1870. S/n.
103. El Siglo Futuro. 19.03.1875. № 1.
104. El Siglo Futuro. 29.06.1914. № 2896.
105. El Siglo Futuro. 30.06.1914. № 2897.
106. El Siglo Futuro. 01.07.1914. № 2898.
107. El Siglo Futuro. 27.07.1914. № 2920.
108. El Siglo Futuro. 28.07.1914. № 2921.
109. El Siglo Futuro. 01.08.1914. № 2925.
110. El Siglo Futuro. 02.08.1914. № 2926.
111. El Siglo Futuro. 09.03.1917. № 3095.
112. El Siglo Futuro. 16.03.1917. № 3101.
113. El Siglo Futuro. 17.03.1917. № 3102.
114. El Siglo Futuro. 19.03.1917. № 3103.
115. El Siglo Futuro. 14.04.1931. № 7336.
116. El Siglo Futuro. 27.04.1931. № 7347.
117. El Siglo Futuro. 04.05.1931. № 7352.
118. El Siglo Futuro. 26.05.1931. № 7369.
119. El Siglo Futuro. 17.02.1936. № 18530.
120. El Siglo Futuro. 29.06.1936. № 18643.
121. Gaceta Oficial. 29.12.1835. № 19.

122. IM. Información mensual. Boletín interno del Carlismo. 01.1972. № 16.
123. IM. Información mensual. Boletín interno del Carlismo. 05.1972. № 19.
124. La Esperanza. 09.03.2022. Reflexiones sobre la guerra en Ucrania. – Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/10841>.
125. La Esperanza. 28.09.2022. Doctor Putin. – Режим доступа: URL: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/14356>.
126. La Esperanza. 16.02.2023. Por EE.UU., hasta el último ucraniano. – Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/17183>.
127. La Esperanza. 26.09.2023. Francia saldrá oficialmente de Níger. – Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/20883>.
128. La Gazette de France. 28.06.1835. S/n.
129. La Trinchera. 06.07.1912. № I/1.
130. La Voce della Ragione. 1835. Vol. XIV. № 84.
131. La Voix de la Patrie. 30.06.1874. № 1.
132. L'Univers. 11.08.1872
133. Morning Post. 30.11.1836. № 20574.
134. Morning Post. 16.06.1837. № 20630.
135. Morning Post. 16.06.1837. № 20744.
136. Morning Post. 22.07.1837. № 20767.
137. Patria. 09.1958. № 10.
138. Som i serem. Butlletí del carlisme català. 03.1971. № 1

Художественная литература и мемуаристика

139. Белогорский, Н. Белая песня Испании (мемуары генерал-майора Русской армии генерала Врангеля Н. В. Шинкаренко, в писательских кругах известного как Н. Белогорский) / Н. Белогорский. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – 290 с.

140. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений / Н. В. Гоголь. – М.: Издательство АН СССР, 1938. – Т. 3. Повести. – 728 с.
141. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 22 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 408 с.
142. Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939 / А. П. Яремчук. – Сан-Франциско: Глобус, 1983. – 376 с.
143. Ayguals de Izco, W. El tigre del Maestrazgo, o sea, De grumete a general. Tomos I–II / W. Ayguals de Izco. – Madrid: Imprenta de D. Wenceslao Ayguals de Izco, 1846–1848.
144. Brea, A. Campaña del Norte de 1873 a 1876 / A. Brea. – Barcelona: Administración, 1897. – 524 p.
145. Casares, A. de Defensa que hace del ejército y pueblo vasco-navarro D. Antonio de Casares / A. de Casares. – Bayona: Imprenta de Maurin, 1839. – 24 p.
146. Cercas, J. El impostor / J. Cercas. – Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, 2016. – 454 p.
147. Escosura, P. de la El Patriarca del valle / P. de la Escosura. – Palma de Mallorca: Calima, 2009. – 588 p.
148. Fernández de Córdoba, F. Mis memorias íntimas. Tomos I–II / F. Fernández de Córdoba. – Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886.
149. Goeben, A. von Vier Jahre in Spanien. Die Carlisten, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanischem Oberstlieutenant im Generalstabe / A. von Goeben. – Hannover: Verlag der Hahn'schen Hofbuchhandlung, 1841. – 656 S.
150. Harris, M. Trahison de Raphaël Maroto envers son Roi et ses compagnons d'armes, ou Relation des évènements qui ont amené la défection de l'armée royaliste, vendue à l'ennemi par ses officiers généraux par Marcos Harris, Officier à l'escadron de Guipuzcoa / M. Harris. – Bayonne: Imprimerie d'Edouard Maurin, 1839. – 31 p.

151. Henningsen, C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. 2 vols / C. F. Henningsen. – London: John Murray, Albemarle-street, 1836.

152. Honan, M. B. The Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura by Michael Burke Honan / M. B. Honan. – London: John Macrone, St. James's Square, 1836. – 428 p.

153. Hugo, A. Histoire de la campagne d'Espagne en 1823, dédiée au Roi, par Abel Hugo, ancien officier d'état-major, membre de plusieurs sociétés savants et littéraires / A. Hugo. – Paris: Lefuel, 1825. – 442 p.

154. Kemp, P. Legionario en España / P. Kemp. – Barcelona: Luis de Caralt Editor, 1975. – 248 p.

155. Lichnowsky, F. von Erinnerungen aus den Jahren 1837, 1838 und 1839 / F. von Lichnowsky. – Frankfurt am Main, 1841. – 376 S.

156. Lichnowsky, F. von Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839) / F. von Lichnowsky. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1942. – 360 p.

157. Maroto, R. Vindicación del general Maroto y manifiesto razonado de las causas del Convenio de Vergara, de los fusilamientos de Estella y demás sucesos notables que les precedieron, justificados con cincuenta documentos, inéditos los más / R. Maroto. – Madrid: Imprenta del colegio de sordo-mudos, 1846. – 412 p.

158. Martín, A. Historia de la guerra de la división real de Navarra contra el intruso sistema, llamado constitucional, y su gobierno y su gobierno revolucionario por don Andrés Martín, cura párroco de Ustarroz / A. Martín. – Pamplona: Imprenta de Javier Gadea, 1825. – 286 p.

159. M. A. T. Campagnes et aventures d'un volontaire royaliste en Espagne par M. A. T., officier supérieur et chevalier de Saint-Ferdinand / M. A. T. – Paris: Dépôt à la librairie rue de Mézières, 1869. – 259 p.

160. Meurville, L. P. de *Blancos y negros: Excursion en pays Carliste* / L. P. de Meurville. – Paris: Librairie Poussielgue Frères, 1874. – 254 p.

161. Nieves, M. de la *Mis Memorias. Sobre nuestra campaña en Cataluña en 1872 y 1873 y en el Centro en 1874* / M. de las Nieves. – Madrid: Espasa-Calpe, 1934. – 391 p.

162. Pérez Galdós, B. *Zumalacárregui* / B. Pérez Galdós. – Madrid: Editorial Castalia, 2003. – 318 p.

163. Rahden, W. von Cabrera. *Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege* / W. von Rahden. – Frankfurt am Main: Wilmans, 1840. – 579 S.

164. Raizábal, I.R. *Boinas rojas en Austria. Reportaje sentimental* / I. R. Raizábal. – Burgos: Requeté, 1936. – 223 p.

165. Sabatier, A. *Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand* / A. Sabatier. – Bordeaux: Chez Granet, 1836. – 211 p.

166. Saint-Sylvain, L. X. A. *Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc.* / L. X. A. Saint-Sylvain. – Paris: Chez Dentu, 1835. – 390 p.

167. Saint-Sylvain, L. X. A. *Un capítulo de la historia de Carlos V, por el Barón de los Valles, Edecán del Rey N. S., Brigadier de Sus Reales Ejércitos, Caballero pensionado de la Orden Español de Carlos III, y de la militar de segunda clase de S. Fernando, Oficial de la Secretaría de Estado, Secretario de S. M. con ejercicio de Decretos, etc., etc.* / L. X. A. Saint-Sylvain. – Perpiñán: Imprenta de Juan-Bautista Alzine, 1837. – 354 p.

168. Valle-Inclán, R. M. del *El resplandor de la hoguera* / R. M. del Valle-Inclán. – Madrid: Primitivo Fernández, 1909. – 260 p.

169. Valle-Inclán, R. M. del Sonata de estío. Memorias del Marqués de Bradomín / R. M. del Valle-Inclán. – Madrid: Rivadeneyra, 1933. – 232 p.

170. Valle-Inclán, R. M. del Sonata de invierno. Memorias del Marqués de Bradomín / R. M. del Valle-Inclán. – Madrid: Rivadeneyra, 1933. – 256 p.

171. Vayreda, M. Sang Nova / M. Vayreda. – 2007. – 330 p. – Режим доступа: www.gutenberg.org.

172. Vayreda, M. Records de la darrera carlinada / M. Vayreda. – Barcelona, 2014. – 136 p.

173. Unamuno, M. de Paz en la guerra / M. de Unamuno. – Madrid: Renacimiento, 1931. – 336 p.

174. Urbiztondo, A. de Apuntes sobre la guerra de Navarra en su última época, y especialmente sobre el convenio de Vergara. Por el mariscal de campo D. Antonio de Urbiztondo / A. de Urbiztondo. – Madrid: Imprenta de D. R. de la Sota, 1841. – 45 p.

175. Zaratiegui, J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V / por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui / J. A. Zaratiegui. – Paris: Imprenta de Lacour y Comp., 1845. – 611 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Фрагменты некоторых текстов, анализируемых в работе

Manifiesto de Abrantes (01.10.1833)

Espanoles:

¡Cuán sensible ha sido a mi corazón la muerte de mi caro hermano! Gran satisfacción me cabía en medio de las aflictivas tribulaciones, mientras tenía el consuelo de saber que existía, porque su conservación me era la más apreciable. Pidamos a **Dios** le dé su **Santa gloria**, si aún no ha disfrutado de aquella eterna mansión.

No ambiciono el **trono**; estoy lejos de codiciar bienes caducos; pero la **religión**, la observancia y cumplimiento de la ley fundamental de sucesión, y la singular obligación de defender los derechos imprescriptibles de mis hijos y todos los amados consanguíneos, me esfuerzan a sostener y defender la **corona de España** del violento despojo que de ella me ha causado una sanción tan ilegal como destructora de la ley que legítimamente y sin interrupción debe ser perpetuada.

Desde el fatal instante en que murió mi caro hermano (que santa gloria haya), creí se habrían dictado en mi defensa las providencias oportunas para mi reconocimiento; y si hasta aquel momento habría sido traidor el que lo hubiese intentado, ahora lo será el que no jure mis banderas; a los cuales, especialmente a los generales, gobernadores y demás autoridades civiles y militares, haré los debidos cargos, cuando la **misericordia de Dios** me lleve al seno de mi **amada Patria**, y a la cabeza de los que me sean fieles. Encargo encarecidamente la unión, la paz y la perfecta caridad. No padezco yo el

sentimiento de que los **católicos españoles** que me aman, maten, injurien, roben ni cometan el más mínimo exceso. El orden es el primer efecto de la justicia; el premio al bueno y sus sacrificios, y el castigo al malo y sus inicuos secuaces es **para Dios y para la ley**, y de esta suerte cumplen lo que repetidas veces he ordenado.

Abrantes, 1 de Octubre de 1833. – Carlos María Isidro de Borbón.

(Manifiesto de Abrantes (01.10.1833) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo III. – Sevilla: Editorial católica española, 1942. – P. 287–288)

Proclama de la Junta de Aragón, Valencia y Murcia contra el convenio de Vergara (14.09.1839)

La Real Junta Superior Gubernativa de Aragón, Valencia y Murcia, a los pueblos de su mando.

Fieles moradores: una inaudita, atroz y vil perfidia se ha intentado y verificado en parte, poniéndose todos los medios posibles para consumarla. El imitador, no de los ardidés y estatajemas de la guerra que tanto han ennoblecido a los **grandes capitanes de la antigüedad y modernos**, sí de los perversos designios del **conde don Julián**, de execrable memoria, acaba de aparecer en la horrible escena que, a haber sido dable llevar a su término, cubriera de luto, de llanto y enfermedad a la nación española.

Un general colmado de favores ha abusado de la confianza de **nuestro Rey** del modo más vil y ratero. **Maroto, infiel a su juramento** y a sus palabras, ha desmentido **la proverbial lealtad española**, tan justamente merecida por los ejemplos de heroicidad de un Miguel de Bernabé, de un Alonso Pérez de Guzmán, de un Pérez de Arbe, y de tantos ilustres varones, que a costa del sacrificio de sus vidas consiguieron inmortalizar su fama. El **traidor Maroto**, en vez de imitar esos ejemplos cuya gloriosa fama eternizará la historia, tomó el partido abominable de vender, correspondieron a sus depravados intentos. Entregado al **oro extranjero**, y confabulado con el cobarde e insidioso enemigo, infame y astutamente puso a merced del mismo algunos batallones de su inmediato mando.

Sí, amados pueblos, fieles habitantes de estas provincias: no os dejéis sorprender con el aparato de esta turba de satélites de la depravación y del **ateísmo** hace publicar de la soñada paz que ha resonado, en las provincias del Norte a costa de la más negra y la más abominable traición, pues todo es una superchería para prolongar un poco más de su detestable existencia, y para que sobre tales elementos los **mandarines del poder revolucionario** puedan destruir a sus mismos contemporáneos, y utilizarse de los recursos de nuestra cara patria, extrayéndolos a países remotos y dejándola pobre y entregada a la desolación y el llanto. No lo creáis; despreciad esos papeles sediciosos y detestables que circulan; todo es una ficción de hechos de los más exagerados: armaos para contrarrestar sus falaces argumentos, uníos con ciega confianza a nuestros invencibles guerreros y a su **inmortal caudillo el invicto Conde de Morella**.

Resuene entre nosotros la penetrante voz de la defensa de la **Religión**, de los derechos de nuestro soberano el **Señor Don Carlos V**, de nuestra **patria**, y la de nuestras caras **familias**: renovemos únicamente el voto sacrosanto que tanto se imprime en el corazón fiel de todo buen español, y juremos solemnemente morir una y mil veces, si es posible fuera, peleando en obsequio de tan sagrados objetos. Tiempo es ya que demos un testimonio público de los sentimientos propios de todo español fiel, y una demostración de sinceros y eficaces deseos de que triunfe completamente la causa de la justicia y de nuestro **Rey**; este es y debe ser el voto general, así como lo es el de estos vocales en prueba inequívoca de los sentimientos de su corazón; pero si contra estos sanos y laudables principios, y si contra esta bien fundada esperanza, algún malavenido con ellos y con su propia existencia tratase de dar oídos a las impías producciones con que procuran alucinar y sorprender a los incautos los satélites de la usurpación, o contribuyese activa o pasivamente a fomentar la desconfianza, será perseguido eficazmente, y la espada de la justicia caerá inexorable contra el que la provoque.

Mirambel, 14 de septiembre de 1839. El presidente interino, Jaime Mur. El barón de Terrateig. Antonio de Bocos Bustamante. Miguel Abarca. Antonio Santapau. Rafael Ibáñez de Ibáñez. Dr. D. Gaspar Gallart. El vocal secretario, Dr. Don Ramón Plana.

(Proclama de la Junta de Aragón, Valencia y Murcia contra el convenio de Vergara (14.09.1839) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XVII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 318–319)

Carta a los españoles (25.09.1864)

Aunque por mis cartas de 15 de septiembre y 30 de octubre de 1861, dirigidas a mi hijo Juan, se pudiera entender cuál debe ser nuestra conducta política en las actuales circunstancias, sin embargo, algunos desean mayores explicaciones para tener un norte seguro en los acontecimientos que pudieran de un día a otro presentarse. Con este fin se me hacen especialmente tres preguntas:

1. ¿Quién es nuestro Rey?

2. ¿Qué pienso yo del liberalismo moderno español?

3. ¿Cuál será nuestra divisa para lo futuro? <...>

Los **Reyes**, nuestros antepasados, juraron siempre observar, y observaron, esta ley, desde **Recaredo**, sin interrupción alguna, hasta nuestros días; y Juan no sólo no jura observarla, sino que más bien jura destruirla, no teniendo en cuenta sus catorce siglos de existencia ni los inmensos sacrificios que costó a nuestros padres, que pelearon siete siglos contra los agarenos para restablecerla, ni que esa misma unidad de fe católica es nuestro mayor timbre de gloria, y, que aun políticamente hablando, es el medio más eficaz para que haya unidad y unión en toda la **Monarquía** <...>

Nadie puede negar tampoco que el **liberalismo** desciende en línea recta de los réprobos principios de **Lutero**; que trae su origen inmediato de los malhadados principios de la **revolución francesa**, que causó en la Francia misma y en toda la Europa los mayores desastres que vieron los siglos. Por lo cual se entiende que es imposible que el liberalismo, que es puro protestantismo aplicado a la política, pueda dar en ésta mejores frutos que no ha dado éste en **Religión**. En efecto, el liberalismo español ha destruido mucho, pero aún no ha edificado nada; ha hecho y deshecho, ha formado y reformado ya seis o siete **constituciones**, y aún no se sabe cuál rige o si rige

propiamente alguna. Ha hecho y deshecho leyes sin número en todos los ramos de la administración, y si algo hay que se observe son los restos de las leyes antiguas <...>

Es otro dogma fundamental **liberalesco** que la razón humana es autónoma y, por consiguiente, que es libre e independiente; que ella es árbitro supremo de lo verdadero y de lo falso, de lo bueno y de lo malo. Que ella basta por sí sola para procurar el bien de las naciones; y por eso los liberales de todo el mundo exaltan tanto la razón, su libertad e independencia, sus fuerzas y sus progresos <...>

Mas la **Iglesia Católica**, maestra infalible de verdad, reprueba tales errores diciendo: “Además, no dudan afirmar con sumo descaro que la divina revelación es imperfecta; que por esto está sujeta a un continuo e indefinido progreso que corresponda a los progresos de la razón humana, y que la divina revelación no sólo no es útil, sino que es dañosa a la perfección del hombre.” Y, sin embargo, ¿quién lo dijera?, la pobre razón de los liberales renegando, especialmente desde hace un siglo, de la revelación divina, retrocedió hasta el error más craso, más antirracional, más inmoral que vieron los siglos, pues vino a dar de nuevo en el panteísmo antiguo, “que confunde a **Dios** con la universidad de las cosas; que hace de todas las cosas **Dios**; que confunde la materia con el espíritu; la necesidad con la libertad; lo verdadero con lo falso; lo bueno con lo malo; lo justo con lo injusto” <...>

Los **monárquico-religiosos**, al contrario, están unidos entre sí, no maquinalmente, sino como conviene a hombres racionales, es decir, por medio de la verdad y del amor, deseando que esta verdad y amor nos unan a todos con **Dios**, verdad y caridad por esencia. Si esto es demasiado elevado para el liberalismo moderno, la culpa es suya, que con pretensiones de ilustración adoptó principios falsos que le arrastran por el suelo. Para los verdaderos católicos, pues, cuales debemos ser todos los españoles, ante todo y sobre todo nuestra religión santa; y esto no sólo por lo sobrenatural y divino que contiene y que promete como fin último del hombre, sino también porque ella es el fundamento solidísimo de la verdadera civilización, de la verdadera libertad y del verdadero progreso. Partiendo de sus principios se puede

progresar en algún modo hasta el infinito; abandonándolos, se retrocede hasta la barbarie.

La segunda palabra de nuestra divisa es **Patria**, nombre dulce y suave y nunca más amado por un hijo suyo que cuando se ve lejos de ella. Patria, de la cual es difícil renegar por grandes que puedan ser los atractivos que se encuentren en países extraños. Pero si no es fácil renegar de la Patria, no es raro encontrar hombres sin patriotismo; tales deben ser todos los liberales, siguiendo sus principios <...>

Rey digo, por último, pero **Rey por la gracia de Dios** y no por la gracia de la soberanía nacional. Esto no es una vana fórmula, como quieren hacer creer algunos tontos o algunos malos, sino que con formas esencialmente diferentes, la primera es conforme a la fe católica; la segunda, en el sentido del liberalismo, es contraria a la fe.

(Carta a los españoles (25.09.1864) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXII. – Sevilla: Editorial católica española, sin año. – P. 233–253)

Testamento político de Carlos VII (06.01.1897)

En el pleno uso de mis facultades, cuando mi vida, más larga en experiencia que en años, no parece todavía, según las probabilidades humanas, próxima a su fin, quiero dejar consignados mis sentimientos, a vosotros, mis fieles y queridos carlistas, que sois una parte de mí mismo.

Desde mi casa del destierro, pensando en mi muerte y en la vida de **España**, con la mente fija en el tiempo y en la **eternidad**, trazo estas líneas para que, **más allá de la tumba**, lleven mi voz a vuestros hogares y, en ellos, evoquen la imagen del que tanto amasteis y tanto os amó.

Cuando se hagan públicas, habré ya comparecido ante la **divina presencia del Supremo Juez**. Él, que escudriña los corazones, sabe que no las dicta solamente un sentimiento de natural orgullo. Inspíranlas el deber y el amor a España y a vosotros, que han sido siempre norte de mi vida <...>

En mi testamento privado confirmo la ferviente declaración de mi **fe católica**. Quiero aquí repetirla y confirmarla a la faz del mundo.

Sólo a **Dios** es dado conocer qué circunstancias rodearán mi muerte. Pero sorpréndame en el **Trono** de mis mayores, o en el campo de batalla, o en el ostracismo, víctima de la revolución, a la que declararé guerra implacable, espero poder exhalar mi último aliento besando un **crucifijo**, y pido al **Redentor** del mundo que acepte esta vida mía, que a **España** he consagrado como holocausto para la redención de **España**.

Con verdad os declaro que, en toda mi existencia, desde que en la infancia alborearon en mí los primeros destellos de la razón, hasta ahora que he llegado a la madurez de mi virilidad, siempre hice todo según lealmente lo entendí, y jamás dejé por hacer nada que creyese útil a nuestra **Patria** y a la gran **Causa** que durante tanto tiempo me cupo la honra de acaudillar.

Volveré, os dije en Valcarlos, aquel amargo día, memorable entre los más memorables de mi vida. Y aquella promesa, brotada de lo más hondo de mi ser, con fe, convicción y entusiasmo inquebrantable, sigo esperando firmemente que ha de cumplirse. Pero si **Dios**, en sus inescrutables designios, tuviese decidido lo contrario; si mis ojos no han de ver más ese cielo que me hace encontrar pálidos todos los otros; si he de morir lejos de esta tierra bendita, cuya nostalgia me acompaña por todas partes, aún así no sería una palabra vana aquel grito de mi corazón.

Si **España** es sanable, a ella volveré, aunque haya muerto. Volveré con mis principios, únicos, que pueden devolverle su grandeza; volveré con mi bandera, que no rendí jamás y que he tenido el honor y la dicha de conservaros sin una sola mancha, negándome a toda componenda para que podáis tremolarla muy alta <...>

¡Adelante, mis queridos carlistas! ¡Adelante **por Dios y por España**! Sea esta vuestra divisa en el combate, como fue siempre la mía; imploraremos de **Dios** nuevas fuerzas para que no desmayéis.

Mantened intacta vuestra fe, y el culto a nuestras tradiciones, y el amor a nuestra bandera. Mi hijo Jaime, o el que en derecho y sabiendo lo que ese derecho significa y exige, me suceda, continuará mi obra. Y aún así, si apuradas todas las amarguras, la

dinastía legítima que nos ha servido de faro providencial, estuviera llamada a extinguirse, la dinastía de mis admirables carlistas, los españoles por excelencia, no se extinguirá jamás. Vosotros podéis salvar a la **Patria**, como la salvasteis, con el **Rey** a la cabeza, de las **hordas mahometanas** y, huérfanos de Monarca, de las **legiones napoleónicas**. Antepasados de los voluntarios de Alpens y de Lácár, eran los que vencieron en las Navas y en Bailén. Unos y otros llevaban la misma fe en el alma y el mismo grito de guerra en los labios <...>

Mucho me habéis querido, tanto como yo a vosotros y más no cabe. Sé que me lloraréis como tiernísimos hijos; pero conozco el temple de vuestras almas, y sé también que el dolor de perderme será un estímulo más para que honréis mi memoria sirviendo a nuestra Causa.

Nuestra monarquía es superior a las personas. El Rey no muere. Aunque dejéis de verme a vuestra cabeza, seguiréis, como en mi tiempo, aclamando al Rey legítimo, tradicional y español, y defendiendo los principios fundamentales de nuestro Programa.

Consignados los tenéis en todos mis Manifiestos. Son los que he venido sosteniendo y proclamando desde la abdicación de mi amadísimo Padre (q.e.p.d), en 1868.

Planteados desde las alturas del Poder, por un **Rey** de verdad, que cuente por colaboradores al soldado español, el primero del mundo, y a ese pueblo de gigantes, grande cual ninguno por su fe, su arrojo, su desprecio a la muerte y a todos los bienes materiales, pueden, en brevísimo tiempo, realizar mi política, que aspiraba a resucitar la vieja **España de los Reyes Católicos y de Carlos V**.

Gibraltar español, unión con Portugal, Marruecos para España, confederación con nuestras antiguas colonias; es decir: integridad, honor y grandeza. He aquí el legado que, por medios justos, yo aspiraba a dejar a mi Patria.

Si muero sin conseguirlo, no olvidéis vosotros que esa es la meta, y que para tocarla es indispensable sacudir más allá de nuestras fronteras las instituciones importadas de países que no sienten, ni razonan, ni quieren como nosotros, y restaurar

las instituciones tradicionales de nuestra Historia, sin las cuales el cuerpo de la nación es cuerpo sin alma <...>

Recuerden, sin embargo, los que me sucedan, que nuestro primogénito pertenece a España, la cual, para merecerlo, ha prodigado ríos de sangre y tesoros de amor.

Mi postrer saludo en la tierra será a esa gloriosa **bandera amarilla y roja**; y si **Dios**, en su infinita misericordia, tiene piedad, como espero, de mi alma, me permitirá desde el cielo ver triunfar, a la sombra de esa enseña sagrada, los ideales de toda mi vida <...>

Encárgole, igualmente, que no olvide cuán ligado se halla, por mis solemnes juramentos, a respetar y defender las franquicias tradicionales de nuestros pueblos. En las importantes juras de Guernica y Villafranca entendí empeñarme, en presencia de Dios y a la faz de los hombres, por mí y por todos los míos.

El mismo sagrado compromiso hubiera contraído en cada una de las **regiones de la Patria española**, una e indivisible, según ofrecí a Cataluña, Aragón y Valencia, si materialmente me hubiera sido posible. De esta suerte, identificados y confundidos en todos los españoles, dignos de este nombre, su deber de vasallos leales con su dignidad de ciudadanos libres, compenetrados en mí la potestad Real y el alto magisterio de primer custodio de las **libertades patrias** he podido creer, y puedo afirmar con toda verdad, que donde quiera que me hallase, llevaba conmigo la **Covadonga** de la España moderna.

Os dejo ya, hijos de mi predilección, compañeros de mis combates, copartícipes de mis alegrías y mis dolores.

No me lloréis. En vez de lágrimas dadme oraciones. Pedid a Dios por mi alma y por España, y pensad que al mismo tiempo que vosotros oráis por mí, yo estaré, con la gracia del **Salvador** del mundo, invocando la **Virgen María**, a **Santiago**, nuestro patrón, a **San Luis** y a **San Fernando**, mis celestiales Protectores, suplicándoles con la antigua fe española, que en mí se fortaleció en **Jerusalén**, al pie del **sepulcro de Cristo**, para que en la tierra se os premie como lo que sois, como **cruzados** y como **mártires**.

Antes de cerrar este mi testamento político, y deseando que el presente original, escrito todo de mi puño y letra, quede primero en poder de mi viuda, y faltando ésta, pase a mis legítimos sucesores, saco dos copias, una literal en castellano, y otra en francés, para que se comuniquen a la Prensa de España y de Francia, inmediatamente después de que se hayan cerrado mis ojos.

Hecho en mi residencia del Palacio de Loredán, Campo de San Vito, en Venecia, el día de Reyes del año de gracia de mil ochocientos noventa y siete. Sellado con mi sello real. Consta de seis pliegos, que forman veinticuatro páginas numeradas por mí.

CARLOS

(Testamento político de Carlos VII (06.01.1897) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXVIII. Vol. II. – Sevilla: Editorial católica española, 1959. – P. 173–178)

A los españoles (29.06.1934)

Espanoles: Hace más de un siglo que mi Augusto abuelo Don Carlos María Isidro de Borbón y Braganza (Carlos V), al morir su hermano Fernando VII, alzó frente a la **democracia liberal** la bandera de la **Legitimidad** donde estaban escritas las grandes afirmaciones que constituyen la **tradición** de España. A la sombra de aquella bandera y bajo sus pliegues, lucharon durante siete años (desde 1833 a 1840) los **Cruzados Carlistas** hasta que la **traición** inutilizó aquel glorioso ejército de sesenta mil voluntarios de la **Tradición**; ya que era inútil tratar de vencerlos en los campos de batalla. Vendida entonces, pero no vencida, la Comunión Tradicionalista continuó en permanente protesta contra todas las ilegitimidades en tronizadas por la revolución liberal. Protestas unas veces armadas (como la de 1872 a 1876, con sus setenta y un mil voluntarios) y otras pacíficas, pero siempre protestas de la **España tradicional** frente a la **España revolucionaria**, para evitar que jamás prescriba el derecho nacional legítimo ante el hecho revolucionario ilegítimo consumado. Y al cumplir más de un siglo de la **usurpación** y desatarse nueva mente la **revolución** fiera, una vez más alzamos nuestra Bandera <...>

Decir que aspiro a ser **Rey de España** y no de un **partido**, es casi vulgaridad; porque, ¿qué hombre digno de ser Rey se contenta de serlo de un partido? En tal caso se desagradaría a sí propio, descendiendo de la alta y serena región donde habita la majestad, y a donde no pueden llegar rastreras y lastimosas miserias. Yo no quiero ni debo ser Rey sino de todos los españoles; a ninguno rechazo, ni aun a los que se digan mis enemigos, porque **un Rey no tiene enemigos**; a todos llamo, hasta a los que parecen más extraviados; y los llamo paternalmente en nombre de la **Patria** dolorida y deshecha. Y si de todos no necesito para subir al **Trono** de mis mayores, quizás necesite de todos para establecer sobre sólidas e inmovibles bases la gobernación del Estado y dar fecunda paz y libertad verdadera a mi amadísima España <...>

Legitimidad de origen en el título sucesorio y legitimidad de ejercicio, según el cual el Rey, sometido a las prescripciones inviolables del Derecho natural, y al conjunto de aquellas **leyes fundamentales** que, consagradas con anterioridad a las revoluciones, constituyen, con el respeto a la soberanía espiritual de la Iglesia, el límite insuperable de su propia soberanía. Y esta **doble legitimidad** es la que hemos venido representando y sosteniendo desde el destierro y en los campos de batalla la Dinastía que comienza con mi abuelo Don Carlos V, sigue en Carlos VI, continúa a través de Don Juan III y Carlos VII, se transmite a Jaime I y hoy represento **Yo** frente a todas las ilegitimidades monárquicas y republicanas. Y consciente de mis derechos y de mis deberes, que la bandera que tremolo no es un estandarte partidista, sino emblema nacional y de que nuestra Comunión necesita quedar orientada sobre estos fundamentales problemas declaro: Que ante **Dios y España** soy y tengo que ser el más fiel guardador de las leyes tradicionales, que no puedo modificar por Mi sola voluntad, lo que implicaría un absolutismo del que reniego, ni por presiones de grupos más o menos numerosos, lo que significaría estar en manos de oligarquías y de demagogias <...>

A las grandes causas nunca les falta su caudillo, y aunque se extinguieran todas las legitimidades posibles hay un derecho sagrado que jamás prescribe en los pueblos, y es el supremo derecho, que la **Tradición** española conoció más de una vez, de otorgarse el príncipe que sepa representar dignamente la causa de la fe y de aquellas gloriosas

tradiciones que nuestra **Comuni6n** supo encarnar siempre por encima de todas las mudanzas de la Historia. De lo que s3 pod3is estar seguros es de que en todo caso yo sabré siempre cumplir con mi deber, como tengo plena seguridad de que vosotros sabréis cumplir con el vuestro, siguiendo el ejemplo de nuestros gloriosos antepasados. Pidamos al **Coraz6n de Jes3s**, sin cuyo auxilio nada esperamos y sin cuya soberan3a nada queremos, que bendiga nuestros prop6sitos y una nuestras voluntades al servicio de estos ideales santos, nobles y salvadores. ¡**Viva Cristo Rey!** ¡**Viva Espa1a!** Desde el destierro, en la fiesta de San Pedro, a veintinueve de junio de mil novecientos treinta y cuatro.

(A los espa1oles (29.06.1934) // Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. Historia del Tradicionalismo Espa1ol. Tomo XXX. Vol. II. – Sevilla: Editorial cat6lica espa1ola, 1979. – P. 39–43).

Declaraci6n de la Secretar3a Pol3tica de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borb6n ante la aprobaci6n del Tratado por el que se instituye una Constituci6n para Europa

1. La **Comuni6n Tradicionalista**, como cuerpo pol3tico que encarna la legitimidad hist6rica de los pueblos hisp3nicos, representa la continuidad del r3gimen de **Cristiandad** que la modernidad europea subvirtió y por la que, m3s que aislarse, Espa1a fue aislada.

2. En tal sentido, el pensamiento **tradicional** – que nunca ha caído en el «nacionalismo»– representa la resistencia **frente a una «europeizaci6n»** que entre nosotros siempre ha sido sobre todo «**secularizaci6n**» y que ha propiciado en los hechos la aceleraci6n de la **descristianizaci6n**.

3. La llamada «construcci6n europea», iniciada en la segunda posguerra del siglo XX, ha encontrado el m3todo en el federalismo funcionalista y el fundamento en el laicismo economicista. Ambos se conjugan en el panorama pol3tico «postestatal», caracterizado –entre signos contradictorios, pues tal es el sino de las situaciones de crisis– por la desnacionalizaci6n y la tecnocracia.

4. El Estado-nación moderno, pese a sus orígenes históricos y doctrinales, al presentar una base moral más sólida que la delicuescencia europeísta ha terminado por ser el paciente de la globalización actual. Y es que una «ciudadanía» de matriz economicista y concebida en términos de puro «patriotismo constitucional» se aviene más fácilmente con una «construcción» (como la europea) que con una «nación» (aun la revolucionaria).

5. La tecnocracia de las instituciones europeas, quizá pueda tener una componente de «buen gobierno» y en todo caso evidencia la impostura del morbosos democratismo totalitario. Pero no deja de participar igualmente del proceso de alejamiento de la participación ciudadana que la **democracia moderna aliena** pero no anula, y de la que la tecnoburocracia europea, de hecho una forma de criptocracia, no hace sino separarse más, pese a la insincera acogida de un principio de subsidiariedad desnaturalizado y administrativizado.

6. La **laicidad** y el **laicismo**, que no son sino dos versiones de una misma ideología, están inscritos igualmente en el corazón de la «construcción europea». Como previamente lo estuvieron en la «constitución» de los Estados modernos, a partir de las revoluciones liberales de finales del siglo XVIII y principios del XIX. Pero las viejas naciones «nacieron» cristianas, de modo que la revolución hubo de aplicarse a cancelar su filiación dejándolas huérfanas. La nueva Europa, en cambio, nace ya expósita.

7. Además, la **Iglesia**, que hasta fechas recientes opuso al constitucionalismo la república cristiana, parece en cambio contentarse ahora (en una mutación ya experimentada en las constituciones nacionales de los últimos decenios) con el recuerdo de las «raíces cristianas» (cuando no simplemente religiosas) o de la «herencia cristiana» (con el inconsciente reconocimiento de la muerte de sus principios, pues no hay herencia sin causante). De facto, pues, su lenguaje y su acción se han alineado con los de las democracias-cristianas: tal ocurrió en la Italia de la segunda posguerra mundial y, ya en otras coordenadas, en la España de finales de los setenta y principios de los ochenta: en ambas el (sedicente) «partido de los católicos» fue el encargado de

pilotar el proceso de descristianización. También en el ámbito de la Unión Europea la democracia-cristiana ha jugado un semejante papel.

8. Este laicismo institucional (propio de la fase fuerte de la modernidad) ya sólo se **combate por la Iglesia** de modo incoherente y parcial y está reforzado por el efecto irradiante de los derechos humanos y, en particular, de la libertad de conciencia y religión (característicos de la fase débil o disolutoria de la modernidad). Ciertamente que tal proceso no es exclusivo de las organizaciones europeas, pero no lo es menos que, por lo dicho, se presenta en ellas de forma más nítida. En nuestro caso, al distanciarse más de la situación de unidad católica de que hasta hace poco disfrutábamos, no puede sino agravarse el diagnóstico. Máxime cuando la «cuestión turca», se despeja, sí, pero en sentido amenazante, y sin que se vean las razones por las que esa eventual solución no debiera extenderse a Marruecos u otros países mahometanos del Mediterráneo.

9. Junto a lo anterior, que se desenvuelve en un terreno entre lo doctrinal y lo prudencial, no dejan de aparecer aspectos que de lo prudencial llegan a lo técnico, y que también aconsejan un juicio negativo sobre el Tratado por el que se instituye una **Constitución para Europa**. Así, en primer lugar, la sustitución del precedente de Niza, que diseñaba un cuadro más favorable para España. O, en segundo término, la misma naturaleza jurídica de Tratado internacional aprobado a partir de una Convención, donde —desde la propia ortodoxia constitucionalista— por ninguna parte aparece el poder constituyente, sino que se reconocen los rasgos de las cartas otorgadas: broma de la historia la de volver a marchar por la senda constitucional con una carta otorgada. También, y es la tercera de las observaciones, la ausencia de una identidad suficientemente homogénea y solidaria que conjugue los evidentes intereses comunes con lo no menos notorios divergentes, sea en política exterior (¿atlantismo inglés, diferencia francesa o vía alemana?), económica (¿estabilidad o flexibilidad?) o de cohesión (¿hasta dónde y quiénes pagan y cobran?). Todo ello en un texto —cuarto— que, si bien ordena el corpus informe de los Tratados constitutivos y sus innúmeras reformas, resulta profuso y reglamentista en grado sumo.

10. Todavía en el dominio de lo técnico, en la actual coyuntura española, sería posible que la ratificación del Tratado constitucional condujera a una reforma de la vigente **Constitución** de 1978, para mejor adaptarla a aquél, que se aprovecharía para acometer otra que eventualmente afectaría a la organización territorial y que propugnan sobre todo quienes desean no tanto la voladura de un aparato estatal como la de España. Estaría, pues, llegando a término la profecía de Menéndez Pelayo sobre la suerte de la unidad nacional como dependiente de la católica. Por todas estas razones, la Comunión Tradicionalista recomienda el voto negativo en el referéndum convocado para el próximo día 20 de febrero.

(Declaración de la Secretaría Política de S. A. R. Don Sixto Enrique de Borbón ante la aprobación del Tratado por el que se instituye una Constitución para Europa. – Режим доступа: <https://carlismo.es/declaracion-de-la-secretaria-politica-de-s-a-r-don-sixto-enrique-de-borbon-ante-la-aprobacion-del-tratado-por-el-que-se-instituye-una-constitucion-para-europa/>)

Don Sixto Enrique de Borbón en homenaje a voluntarios rusos

Checa (Real Señorío de Molina), 9 junio 2012, mes del **Sagrado Corazón de Jesús**. La **Comunión Tradicionalista** no podía no estar presente en un homenaje a los **voluntarios rusos** que combatieron en nuestra **Cruzada** de Liberación, en las filas del **Requeté** y también en las del Tercio de Extranjeros, la Legión. Como anunció FARO hace unas horas, al mediodía de hoy tuvo lugar un acto en tierras del Alto Tajo, del Real Señorío de Molina (reducido a provincia de Guadalajara por los liberales) en la Extremadura castellana: en el Cerro del Contadero. La representación carlista estaba encabezada por S.A.R. Don Sixto Enrique de Borbón, **Abanderado de la Tradición** (sobrino-nieto e hijo, respectivamente, del Rey Don Alfonso Carlos y del Príncipe Regente Don Javier, a cuyas órdenes combatieron los requetés rusos) acompañado de su Jefe Delegado, el profesor José Miguel Gamba.

El Abanderado y su séquito presenciaron respetuosamente, con estricta observancia también del derecho canónico, el acto de la bendición de la cruz en memoria de los voluntarios por parte de un **sacerdote ruso** sin comunión con Roma.

La monumental cruz, alrededor de la cual pueden verse restos de las defensas de la **posición rusa**, no muy lejos de las ocupadas por los **rojos** (que fueron señaladas a los asistentes por un anciano pastor de la zona) tiene en su base una lápida.

A continuación el Alcalde, acompañado de una concejal, agasajó a los asistentes con un magnífico calderete. Bendijo la mesa el párroco de Checa. A su término, y antes de la despedida, se cantó el **Oriamendi**.

Entre el séquito del Infante Don Sixto Enrique de Borbón (**muy ligado a Rusia**, como lo estuvieron sus antecesores los reyes Don Carlos VII y el hijo de éste, Don Jaime III, que llegaron a luchar en las filas del **Ejército imperial del Zar**) se encontraban <...>

(Don Sixto Enrique de Borbón en homenaje a voluntarios rusos. – Режим доступа: <https://carlismo.es/rusia-y-espana-sixto-enrique-de-borbon-en-homenaje-voluntarios/>)

Pau, P. La regió tradicional i el nacionalisme

L'objectiu d'aquestes notes a continuació és confrontar aquesta primera exposició amb l'estratègia **doctrina nacionalista**, sigui en la seva forma **desintegradora** o en la seva contraposada forma unitària.

La **doctrina nacionalista** —propagada ja sibil·linament per la **primitiva empresa catalanista**— és filla de l'abominable **doctrina liberal**; d'aquí que actualment s'hagi confós, en l'ideari de tants partits secessionistes, l'anomenada aspiració nacional amb el projecte revolucionari, i aquests no volen saber-ne res de l'una sense l'altre. Ensenms que el liberalisme proclama l'absoluta sobirania de l'individu, excusat de la seva naturalesa i fins de la seva pròpia consciència, omnipotent per a la lliure determinació i la plena satisfacció de la seva voluntat; així mateix, el nacionalisme

estableix que les nacions poden autodeterminar-se mal que sigui a costa de la perversió de l'esperit nacional.

La nació, el poble, el país, reiterem, són termes estrictament socials que fan referència —el naixement— al nostre origen, a la comunitat que ens ha engendrat. El terme pàtria —la terra dels pares— fa referència al patrimoni de què som fills, la terra amb tot allò que s'hi mou. El patriotisme és la virtut d'afecció filial, la pietat que hem de sentir pel nostre origen. Com **l'amor a la família** no es pot separar de **l'amor de Déu**, ni aquests poden entrar en contradicció puix els engendra un mateix principi, la **nació** no es pot escindir de la **tradició**, perquè aquesta constitueix la seva sang; és l'estreta i imprescindible relació entre el cos i el seu flux vital...

L'Estat modern, usurpador de la comunitat política constituïda per a la consecució del bé comú, no és indispensable per a la pàtria. La concepció moderna de l'Estat, principi d'existència, absolut i ple sobirà de la societat humana, fa semblar que sí; però tantíssims exemples històrics ens ho poden discutir: la monarquia hispànica i el seu vast imperi, la corona britànica i les seves diverses nacions, els Estats Units d'una única nació americana, les nacions nòmades, sense terra pròpia.

L'Espanya —unitat de pobles diversos amb una tradició i finalitats comunes— és un organisme **regional**. La unitat exigeix i pressuposa la diversitat; les nacions espanyoles, amb llurs idees i sentiments, caràcter i costums, institucions i lleis, són totes agermanades per una mateixa causa final, que és el fonament d'una acció, d'una política comuna, d'una gesta que ens reclama. Però aquesta acció, que emana de diverses fonts, no pot ometre ni descuidar la seva constitució regional —l'essència de cada poble—, puix és l'origen mateix de la força i de la seva robusta vitalitat.

En cloure aquesta petita exposició, voldríem recordar que ningú no pot sentir veritable afecció pels **conceptes artificials d'una Espanya nacional ni tampoc d'un Estat català** —com ho demostra l'escassa productivitat i la magritud dels grupuscles nacionalistes, ja desproveïts del joc d'il·lusions amb què havien inflammat les masses—. El veritable afecte per la pàtria neix, tal com diu el mestre Torras i Bages, consagrat per

la religió —aquella mateixa Santa Fe que els nacionalistes amaguen sinó destrueixen— en el país nadiu.

(Pau, P. La regió tradicional i el nacionalisme / P. Pau // La Esperanza. — 07.07.2025. — Режим доступа: <https://periodicolaesperanza.com/archivos/29269>)

Гоголь, Н. В. Записки сумасшедшего.

Декабря 5.

Я сегодня все утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднен? Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. **Не может взойти донна на престол. Никак не может. На престоле должен быть король.** Да, говорят, нет короля. — Не может статься, чтобы не было короля. **Государство не может быть без короля.** Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности. Он, статься может, находится там же, но какие-нибудь или фамильные причины, или опасения со стороны соседственных держав, как-то: Франции и других земель, заставляют его скрываться, или есть какие-нибудь другие причины <...>

Декабря 8.

Я было уже совсем хотел идти в департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня все не могли выйти из головы испанские дела. **Как же может это быть, чтобы донна сделалась королевою? Не позволят этого. И, во-первых, Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь** <...> Признаюсь, эти происшествия так меня убили и потрясли, что я решительно ничем не мог заняться во весь день. Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечен. И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности бросил на пол, которые тут же расшиблись. После обеда ходил под горы. Ничего поучительного

не мог извлечь. Большею частию лежал на кровати и рассуждал о делах Испании <...>

Год 2000 апреля 43 числа.

Сегодняшний день — есть день величайшего торжества! **В Испании есть король.** Он отыскался. Этот король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль? <...>

Никоторого числа. День был без числа.

Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; однако же не подал никакого вида, что я испанский король. Я почел неприличным открыться тут же при всех; потому, что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма <...>

Мадрид. Февруарий тридцатый.

Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские, и я вместе с ними сел в карету. Мне показалось странною необыкновенная скорость. Мы ехали так шибко, что через полчаса достигли испанских границ. Впрочем, ведь теперь по всей Европе чугунные дороги и пароходы ездят чрезвычайно скоро. **Странная земля Испания:** когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами, и, однако же, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреют головы. Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера, который вел меня за руку; он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: «Сиди тут, и если ты будешь называть себя **королем Фердинандом**, то я из тебя выбью эту охоту».

Январь того же года, случившийся после февраля.

Судя по всем вероятиям, догадываюсь: не попался ли я в руки **инквизиции**, и тот, которого я принял за канцлера, не есть ли сам великий инквизитор. Только я

все не могу понять, как же мог король подвергнуться инквизиции. Оно, правда, могло со стороны Франции, и особенно **Полинияк**. О, это бестия Полинияк! Поклялся вредить мне по смерти. И вот гонит да и гонит; но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. **Англичанин большой политик**. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает.

Henningsen, C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos.

The people are well aware that by the laws of Spain **no female can wield the sceptre**; and they feel it to be an insult to Spanish dignity to be governed by a woman. The Queen Christina so well knew how unpopular it would be to set aside the succession of the infant, Don Carlos, that when it was found that Ferdinand VII. was to have no male issue, she was obliged to throw herself unreservedly into the arms of the **liberal party**. That party had indeed brought about her marriage, in the hope of legally excluding Don Carlos from the throne, whom, on account of his **uncompromising character**, they had every reason to fear. The army, which was in favour of the **Infant**, was officered anew, and placed entirely under the command either of the officers of the **constitutional army**, who had **rebelled** against him, or of men of known **liberal** opinions. The country was then divided into two parties, and so continues to this day. The majority of the inhabitants of the large towns, less than **one-tenth of the population of Spain, are in favour of the Queen**, either as a preliminary step towards a republic, or from interested motives. Wielding all the artificial resources of the country against the other nine-tenths, they have for a moment manacled the latter, who had no resource but the country, the mountains, their numbers, and their energetic and indomitable spirit. To these advantages were added, although not their main inducement, feelings of **religious enthusiasm**. The **persecution of their monks and clergy**, whom the liberals, still rankling with hatred at having been obliged to disgorge the church-lands bought in the time of the **Constitution**, had not only avowed their

intention of attacking, but already proceeded to strip, produced an impression highly favourable to the cause of the Infant <...>

We are told that the northern provinces are struggling, not for Don Carlos, but for their own privileges. This is not the case: **royalism** in the Spanish peasant is that feeling not now easily conceived by the rest of Europe—that spirit which animated the French of a past century, when the last words on the lips of a dying Frenchman were “**Pour Dieu et le Roi!**” and the embers of which the republic that conquered Europe found it so difficult to quench in **La Vendee**.

(Henningsen, C. F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. Vol. 1 / C. F. Henningsen. – London: John Murray, Albemarle-street, 1836. P. 10–11)

Rahden, W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege (перевод на немецкий язык обращения Р. Кабреры к карлистам в Маэстразго)

Das Blut meiner unschuldig gemordeten Mutter, zu seiner Ehre vergossen, erfleht und erreicht von Gott – zweifelt nicht, meine Brüder! – dass das Heer der tapfern und getreuen Gefährten ihres Sohnes auf immer und ewig ehrlosen **Revolution**, welche unser schooner **Vaterland** in Blut und Thränen tauchte.

Soldaten! Getreue Gefährten meiner Beschwerden und meines Ruhmes! Die **Religion** und der **König** fordern neue Beschwerden und Anstrengungen von uns, und dem Könige und der Religion werden wir solche darbringen. Zählt solche im Voraus als gewisse **Siege**, ich verspreche es Euch als Euer General und Waffenbruder, den Ihr wie immer kämpfen sehen werdet in den vordersten Reihen und wo die Gefahr am grössten ist, als Feldherrn und als Soldaten. **Es lebe die Religion! Es lebe der König!**

(Rahden, W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem Spanischen Bürgerkriege / W. von Rahden. – Frankfurt am Main: Wilmans, 1840. – S. 507)

Достоевский, Ф. М. Дневник писателя.

Дон Карлос, спокойно и торжественно въезжающий гостем в Англию, после крови и резни «во имя короля, веры и Богородицы» — вот еще фигура, вот еще обособление! Ну можно ли выдумать что-нибудь подобное самому? Кстати, помните ли вы эпизод, два года назад, с графом Шамбором (Генрих V)? Это — тоже король, легитимист и тоже отыскивал свой престол во Франции, в одно и то же время, как дон Карлос в Испании. Они даже могут считаться друг другу родственниками, одной фамилии и одного корня, но какая разница! Один — твердо замкнувшийся в своих убеждениях, фигура меланхолическая, изящная, человечная. Граф Шамбор, в самый роковой момент, когда действительно мог стать королем (конечно, на мгновение), — не прельстился ничем, не отдал своего «белого знамени» и тем доказал, что он великодушный и истинный рыцарь, почти **Дон-Кихот**, древний рыцарь с обетом целомудрия и нищеты, достойная фигура, чтоб величаво заключить собою свой древний род королей. (Величаво и только разве капельку смешно, но без смешного и не бывает жизни). Он отверг власть и трон единственно потому, что хотел стать королем Франции не для себя только, а для ее же спасения, а так как, по его взгляду, спасение не согласовалось с уступками, которые от него требовались (уступками очень возможными), то он и не захотел царствовать. Какая разница с **недавним Наполеоном, пройдохой и пролетарием**, обещавшим всё, отдававшим всё и надувшим всех, только чтоб достигнуть власти. Я сейчас приравнял графа Шамбора к Дон-Кихоту, но я выше похвалы не знаю <...>

Дон Карлос, родственник графа Шамбора, тоже рыцарь, но в этом рыцаре виден **Великий Инквизитор**. Он пролил реки крови **ad maiorem gloriam Dei** и во имя Богородицы, кроткой молельщицы за людей, «скорой заступницы и помощницы», как именует ее народ наш. Ему тоже, как и графу Шамбору, делали предложения, — и он тоже отверг их. Это, кажется, случилось вскоре после Бильбао и сейчас после его большой победы, когда в сражении погиб главнокомандующий мадритской армии. Тогда к нему засылали узнать из

Мадрита: «Что бы он сказал, если б его впустили в Мадрит, и не даст ли он хоть какой-нибудь программки для возможного начатия переговоров?» Но он надменно отклонил всякую мысль о переговорах, и, конечно, не из одной надменности, а тоже из глубоко засевшего в душе принципа: не мог он признать в засылавших воюющей стороны, и не мог он, «Король», входить в какие бы то ни было соглашения с «революцией»! Сжато, полусловом, но ясно, он дал знать, что «король сам знает, что надо ему сделать, когда достигнет своей столицы», и больше ничего не прибавил. От него, разумеется, тотчас же отвернулись и вскорости позвали короля Альфонса. Благоприятная минута была потеряна, но он продолжал воевать; он писал манифесты высоким и величавым слогом, и сам, первый, в них верил вполне; он надменно и величаво расстреливал своих генералов «за измену» и усмирал бунты своих измучившихся солдат и, надо ему отдать справедливость, как воину, — воевал до самого последнего вершка земли. Теперь он, уезжая из Франции в Англию, объявил в мрачном и гордом письме к французским друзьям своим, что «доволен их службой и поддержкой, что, служа ему, они служили себе, и что он всегда готов опять обнажить свой меч на призыв несчастной страны своей». Не беспокойтесь, он еще явится. Кстати, этим письмом к «друзьям» хоть капельку да объясняется загадка: на какие средства и на чьи деньги этот ужасный человек (молодой и прекрасный, говорят, собой) так долго и упорно мог вести войну? Друзья-то, стало быть, и сильны и многочисленны. Кто бы такие?

Вероятнее всего, что его наиболее поддерживала **католическая церковь**, как последнюю свою надежду из королей. А то никакие друзья не могли бы собрать ему столько миллионов.

(Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 22 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. С. 92–93)

Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939

Другая страна, другие люди и почти все в **красных беретах** – это **карлисты**, монархисты, как и мы <...> Пришел на костылях почтенный испанец благородной наружности, оказался господин Хункера, видный карлист. У одного из наших он увидел на шее крестик, Хункера попросил разрешения поцеловать его. Мы из **безбожной Франции** попали в **религиозную Испанию**, это было даже трогательно <...>

Мы все в защитном и в **красных беретах** <...> Капитан Руис обратился к нам по-французски, изложив нам идеалы Национального движения и в частности Карлистской милиции, в которую мы попали. Он сказал, что девиз Карлистов – «**За Бога, Родину и Короля**». Один из наших ответил, что девиз Российской Императорской Армии, наследниками которой мы являемся, был «**За Веру, Царя и Отечество**», так что наши идеологии фактически ничем не отличаются. Так что к общему удовольствию сразу же установилась общность взглядов и идеалов <...>

Хотя монашки, обслуживающие госпиталь, и знают, что я «схизматик», но относятся прекрасно, так как я принадлежу к **рекете**. В церковь мы все ходим аккуратно строим, служа даже примером для испанцев. Впоследствии один взвод нашей роты стоял в деревне Баньос и священник в проповеди с кафедры укорял крестьян, что они редко бывают в церкви: «**Смотрите, русские – другой веры, а аккуратно бывают в церкви**» <...>

(Яремчук, А. П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939 / А. П. Яремчук. – Сан-Франциско: Глобус, 1983. С. 7; 23)

Белогорский, Н. Белая песня Испании (мемуары генерал-майора Русской армии генерала Врангеля Н. В. Шинкаренко, в писательских кругах известного как Н. Белогорский)

Надо было пересечь лесную тропинку, довольно прямую и по которой спереди посвистывали пули, в умеренном количестве.

Все наши «бойцы» валились на живот и переползали тропку со всеми предосторожностями.

Нам с Фоком это не понравилось.

Мы, держась, понятно, во весь рост, остановились посреди тропинки и, глядя на переползающих **«рекете»**, сначала поговорили друг с другом так, о чем придется. А потом обратились с поучающими словами к на животе ползающим:

- Вот, видите нас? Стоим себе, и ничего с нами не делается

Ответ с земли:

- **Sí, los rusos** <...>

И в зубцах Авильских, и в старинных воротах Толедских, и в узеньких улочках, где на автомобиле не проедешь, и в изгибе мостов каменных порой есть и что-то такое, что идет от **Сида** и **Кортеса** и от всех тех, кто в плене и латах по диким лесам Америки прошел <...>

За все время здешней войны, правда, будучи на фронте и не имея соприкосновения ни с чем судебным или без суда карающим, я не видел своими глазами **ни единого акта какой-либо жестокости** и не слышал ни о каких делах этого рода, которые имели бы место поблизости от меня <...>

(Белогорский, Н. Белая песня Испании (мемуары генерал-майора Русской армии генерала Врангеля Н. В. Шинкаренко, в писательских кругах известного как Н. Белогорский) / Н. Белогорский. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. С. 43; С. 104; 174)

Приложение В. Плакат «Записывайтесь в Рекете!» (1930-е гг.)

Приложение С. Бургундский крест – символ карлизма в XX–XXI вв.

Приложение D. Карлистские периодические издания

Карлистские периодические издания на испанском языке

название	перевод названия	город	временной промежуток	примечания
Gaceta Oficial	Официальная газета	Оньяте	1835–1837	Первый официальный печатный орган карлистского движения
Boletín del Real Ejército del Reyno de Aragón	Бюллетень Королевской армии Арагонской короны	Кантавьега, Мирамбель, Морелья	1836–1840	Выходил под разными названиями: «Boletín del Real Ejército de Aragón», «Boletín del Ejército Real de los Reynos de Aragón», «Boletín del Ejército Real de los Reynos Unidos [de] Aragón, Valencia y Murcia», «Boletín del Ejército Real de Aragón, Valencia y Murcia», «El Libertador de Aragón, Valencia y Murcia».
Boletín de Navarra y Provincias Vascongadas	Бюллетень Наварры и баскских провинций	Оньяте	1837–1839	
El joven Observador / El Restaurador Catalán	Молодой обозреватель / Каталонский реставратор	Борреда, Сольсона, Берга	1837–1840	
El Católico	Католик	Мадрид	1840–1854	Первое карлистское издание, появившееся после поражения в войне 1833–1840 гг.
La Esperanza	Надежда	Мадрид	1844–1874	Официальный орган карлистского движения в означенный период; в настоящее время существует одноименное интернет-издание Традиционалистского объединения
La Regeneración	Возрождение	Мадрид	1855–1874	Газета основана академиком Ф. Канга Аргуэльесом. Выступала с консервативных позиций, с 1868 г. примкнула к карлизму
El Pensamiento Español	Испанское мышление	Мадрид	1860–1874	Основан Г. Техадой, душеприказчиком философа Х. Доносо Кортеса
La Regeneración	Восстановление	Мадрид	1860–1873	
El Papelito	Бумажка	Мадрид	1868–1871, 1882–1883	Основатель и редактор – писатель Х.М. Кастильо

El amigo verdadero del pueblo	Настоящий друг народа	Сеговия	1868–1870	Название – отсылка к журналу «L'Ami du peuple», издававшемуся в Париже во время Французской революции
Los Macabeos	Маккавеи	Саламанка	1869	
¡¡España con Honra!!	Испания с Честью!!	Саламанка	1869–1870	Название с двумя восклицательными знаками. Впоследствии, в 1920-е гг., в Испании существовала консервативная газета «España con Honra» (без восклицательных знаков)
El Legitimista español/ La Legitimidad	Испанский легитимист/ Легитимность	Мадрид	1869–1870	Впоследствии в Буэнос-Айресе выходила известная карлистская газета с таким же названием
Altar y Trono: revista hispano-americana	Алтарь и Трон: испано-американский журнал	Мадрид	1869–1872	
El Eco del Bruch	Эхо Брука	Манреса	1869–1873	Название – отсылка к сюжету времен Войны за независимость о барабанщике из Брука
El Oriente	Восток	Севилья	1869–1873	Главный редактор – участник Первого Ватиканского собора, декан факультета философии и филологии Университета Севильи Ф. Матеос-Гаго
La Convicción	Убеждение	Барселона	1870–1873	Основатель и главный редактор – Л.М. де Льяудер, внучатый племянник генерала М. Льяудера, одного из лидеров либералов в Первой Карлистской войне
La Esperanza del Pueblo	Надежда народа	Гранада	1870–1873	Газета создана группой филологов из Гранадского университета во главе с арабистами Л. Эгиласом и Ф. Симонетом-и-Бакой
El Leal Maestrazgo	Верный Маэстразго	Кастельон-де-ла-Плана	1871	
La Reconquista	Реконкиста	Мадрид	1871–1874	
El Nuevo Pelayo	Новый Пелайо	Барселона	1872–1873	Название – отсылка к имени полупоупендарного короля Астурии, одержавшего победу над мусульманами в битве при Ковадонге в начале VIII в.
El Estandarte católico-monárquico	Католико-монархический	Ставка главнокомандующего	1873–1874	

	штандарт			
El Cuartel Real	Королевская ставка	Толоса	1873–1876	
Boletín Oficial del Principado de Cataluña	Официальный бюллетень Принципата Каталонии	Сан-Жоан-де-лес-Абадессес	1874–1875	
El Mundo	Мир	Мадрид	1874	Выпускалась редакторами газет «La Esperanza» и «El Pensamiento Español», которые были закрыты в январе 1874 г., после переворота генерала М. Павии. Просуществовала три месяца
El Iris	Ирис	Олот	1874–1875	
La Bandera Carlista	Карлистский флаг	Мадрид	1875	
La Cruzada Española	Испанский крестовый поход	Байонна	1875	
La Fé	Вера	Мадрид	1875–1891	Оппозиционное издание в рамках карлистского движения; из-за своих симпатий к пидализму подверглось критике дона Карлоса-младшего
El Siglo Futuro	Будущий век	Мадрид	1875–1936	Главный печатный орган интегрлистов
La Voz de Vizcaya	Голос Бискайи	Бильбао	1879–1880	
El Fénix	Феникс	Мадрид	1879–1881	
El Almogávar / El Zuavo	Альмогавер / Зуав	Валенсия	1880–1884	Альмогаверы – каталонские наемные солдаты в XIII–XIV вв. С 1881 г. газета выходила под названием «El Zuavo». Название «El Zuavo» – отсылка к полку Папских зуавов, легкой пехоты, состоявшей на службе Святого Престола в 1860–1870 гг. Многие карлисты служили в полку зуавов
El Libredón	Либредон	Сантьяго-де-Компостела	1881–1887	Либредон – легендарное место в Галисии, где в IX в. были обретены мощи Св. Иакова (апостола Сантьяго)
La Lealtad	Верность	Валенсия	1881–1888	Официальный печатный орган Традиционалистского объединения в Валенсии
El Gorbea	Горбеа	Витория	1881–1893	Горбеа – самая высокая гора в баскских провинциях Бискайя и Алава
El Cabecilla	Главарь	Мадрид	1882–1890	Сатирический еженедельник.
Diario de Sevilla	Газета Севильи	Севилья	1882–1901	
Correo de Tortosa	Почта Тортосы	Тортоса	1882–1900,	

			1922–1936	
El Basco / El Vasco	Баск	Бильбао	1884–1898	Журнал, на страницах которого развернулась ожесточенная полемика против баскских националистов
La Hormiga de Oro	Золотой муравей	Барселона	1884–1936	Известный еженедельный журнал. На первой странице каждого номера размещались портреты видных деятелей из истории испанского карлизма
La Tradición	Традиция	Саламанка	1886	
La Fidelidad Castellana	Кастильская верность	Бургос	1886–1890	
El Tradicionalista	Традиционалист	Памплона	1886–1893	В 1886–1888 гг. – официальный печатный орган карлистов в Наварре
La Cruz de la Victoria / La Victoria de la Cruz	Крест Победы / Победа Креста	Витория	1886–1900	С 1889 г. газета сменила название на «La Victoria de la Cruz»
El Centro	Центр	Валенсия, Мадрид	1886–1900	В 1899 г. редакция переехала в Мадрид. Год спустя, после попытки карлистского восстания в Бадалоне в 1900 г., газета была закрыта
Diario de Lérida	Газета Лериды	Лерида (Льейда)	1886–1931	
El Lábaro	Лабарум	Валенсия	1887	Лабарум – военный штандарт римских императоров
La Juventud Carlista	Карлистская молодежь	Мадрид	1887–1888	Одним из владельцев газеты был писатель и активист карлистского движения Р. де Бреа
El Cruzado	Крестоносец	Мадрид	1887–1889	
El Centinela	Часовой	Пальма-де-Майорка	1887–1891	
El Morellano / La Fidelidad Morellana	Морельец (житель города Морелья) / Морельская верность	Морелья	1887–1892	С 1888 г. газета выходила под названием «La Fidelidad Morellana»
El Alavés	Алавесец (житель Алавы)	Витория	1887–1898	
La Voz Ampurdanesa	Голос Ампулда (Ампулда – район на севере Каталонии)	Фигерас	1888	
El Restaurador	Реставратор	Кастельон-де-ла-Плана	1888	
El Legitimista	Легитимист	Вальдепеньяс	1888–1891	
La Lealtad Navarra	Верность Наварры	Памплона	1888–1897	Газета стала главным печатным органом карлистов в Наварре после того, как газета «El Tradicionalista» примкнула к интегристам
El Correo Español	Испанская почта	Мадрид	1888–1921	Во время

				интегрлистского раскола – главный печатный орган сторонников дона Карлоса-младшего. Главным редактором был Х. Васкес де Мелья
El Estandarte Real	Королевский штандарт	Барселона	1889–1892	Журнал с большим количеством иллюстраций
La Comarca Leal / La Comarca / Ausetania	Верная комарка / Комарка / Аусетания	Вик	1889–1936	С 1894 г. называлось «La Comarca», с 1900 г. – «Ausetania». Слово «Ausetania» – латинское название комарки Осона в Каталонии.
El Amigo del Pueblo	Друг народа	Валенсия	1890–1891	В Сеговии издавался одноименный карлистский журнал
El Padre Verdades	Отец Вердадес (дословно: «Отец Правда»)	Леон	1890–1894	
La Tradición	Традиция	Пальма-де-Майорка	1890–1900	
La Carcajada	Взрыв хохота	Барселона	1891–1892	Сатирический журнал. В 1872–1873 гг. в Барселоне выпускался антиклерикальный сатирический журнал с таким же названием
El Almogávar Leridano	Леридский Альмогавер	Лерида (Льейда)	1892–1894	
La Margarita	Маргарита	Ориуэла	1892–1895	
La Voz de Granada	Голос Гранады	Гранада	1892–1897	
El Correo de la Provincia	Почта провинции	Таррагона	1892–1897	
Las Libertades	Свободы	Овьедо	1893	
La Juventud Carlita	Карлистская молодежь	Мурсия	1893–1894	
La Flor de Lis	Лилия	Беникарло	1893–1895	
Las Libertades	Свободы	Овьедо	1893–1895	
El Baluarte	Цитадель	Жирона	1893–1896	
El Cántabro	Кантабриец	Толоса	1893–1897	
El Pueblo Católico / El Eco de Jaén	Католический народ / Эхо Хаэна	Хаэн	1893–1937	Недолгое время газета возглавлялась М. Феррером, первым автором «Истории испанского традиционализма». В 1935 г. сменила название на «El Eco de Jaén». В 1936 г., после начала Гражданской войны, редакция была захвачена социалистами, которые сохранили название газеты, но сменили ее идеологическую ориентацию
Chapel-Zuri	Белая шляпа	Бильбао	1894–1896	Название журнала на баскском языке
La Tradición Navarra	Наваррская традиция	Памплона	1894–1932	Газета закрыта после неудачной попытки

				путча генерала Х. Санхурхо
El Voluntario	Доброволец	Барселона	1895	Сатирический еженедельник
La Lealtad Gallega	Галисийская верность	Понтеведра	1895–1896	
La Esperanza	Надежда	Гандия	1896	
El Loredán	Лоредан	Лерида (Льейда)	1896	
El Amigo del Pueblo	Друг народа	Сеговия	1896–1898	В 1868–1870 гг. в Сеговии издавался журнал «El amigo verdadero del pueblo» («Настоящий друг народа»)
La Libertad Regional	Региональная свобода	Аликанте	1896–1898	Главным редактором газеты был писатель Б. Моля
El Amigo del Obrero	Друг рабочего	Гранада	1896–1900	
La Cruz de Sobrarbe	Крест Собрарбе	Барбастро	1896–1900	Собрарбе – район на севере Испании, в провинции Уэска
La Lealtad	Верность	Сьюдад-Родриго	1896–1897	Газета возглавлялась писателем и поэтом Д. Ногалесом
El Norte	Север (другой вариант перевода: Ориентир)	Жирона	1896–1899, 1910–1936	С 1927 г. назывался «El Norte de Gerona» («Север Жироны»)
El Regional	Регионалист	Валенсия	1897–1898	
La Lealtad Riojana	Риохская верность	Аро	1897–1912	
El Pensamiento Navarro	Наваррское мышление	Памплона	1897–1981	
El Correo de Zamora	Почта Саморы	Самора	1897–1992	Во второй половине XX в. издание перешло с карлистских позиций на франкистские, а после перехода к демократии – на правоцентристские
La Idea Popular	Народная идея	Валенсия	1898–1899	
El Estandarte Católico	Католический штандарт	Тортоса	1898–1900	
La Bandera Española	Испанский флаг	Кордова	1898–1905	
El Correo de Guipúzcoa	Почта Гипускоа	Сан-Себастьян (Доностия)	1898–1911	В 1908–1911 гг. главным редактором был Р. Оярсун, впоследствии написавший «Историю карлизма», важный труд в рамках традиционалистского направления в изучении карлизма
El Fusil	Винтовка	Мадрид	1898–1912	Сатирический журнал с очень резкой критикой в адрес режима Рестаурации
El Legitimista Español	Испанский легитимист	Буэнос-Айрес	1898–1912	
El Observador	Наблюдатель	Кадис, Севилья	1899, 1916– 1934	В 1899 г. журнал издавался в Кадисе. В 1916 г. возрожден в

				Севилье. В 1930-е гг. М. Фаль Конде сделал это издание основным рупором карлистской пропаганды в Андалусии
La Verdad	Правда	Гранада	1899–1941	Основатель и бессменный главный редактор газеты Ф. Герреро за слишком резкую критику режима Реставрации шесть раз оказывался в тюрьме и четыре раза высылался из страны
El Restaurador	Реставратор	Виго	1900–1913	
El Castellano	Кастилец	Бургос	1900–1940	
El Vigía Español	Испанский часовой	Мадрид	1901	Газета выпускалась в течение месяца в период закрытия издания «El Correo Español»
El Correo del Norte	Почта Севера	Сан-Себастьян (Доностия)	1901, 1912–1916	
La Lucha	Борьба	Валенсия	1901–1902	
La Libertad	Свобода	Тортоса	1901–1903	
La Cruz	Крест	Таррагона	1901–1936	В начале Гражданской войны четыре редактора газеты погибли в ходе красного террора
Heraldo Alavés / Pensamiento Alavés	Алавский вестник / Алавская мысль	Витория (Гастейс)	1901–1967	С 1932 г. сменил название на «Pensamiento Alavés». После Декрета об Объединении 1937 г. перестал быть карлистским изданием
El Diario Montañés	Горная газета	Сантандер	1902 – н.в.	В первые годы существования издание находилось на близких к карлизму идеологических позициях; в настоящее время является правоцентристским изданием, не имеющим прямой связи с карлизмом. Крупнейшая современная газета в Кантабрии
La Avanzada	Авангард	Барселона	1904	
Diario de Jerez	Газета Хереса	Херес-де-ла-Фронтера	1904–1936	Газета известного производителя хереса и активиста карлистского движения Х.Х. Паломино. Некоторое время в редакции работал Д. Техера, один из соавторов «Истории испанского традиционализма»

El Porvenir	Будущее	Толедо	1905–1918	
El Norte	Север (другой вариант перевода: Ориентир)	Бильбао	1906	В Жироне выпускалась одноименная карлистская газета
La Lealtad Alavesa	Верность Алавы	Витория (Гастейс)	1907	
El Salmantino	Салмантинец (житель Саламанки)	Саламанка	1907–1919	
Tradición Vasca	Баскская традиция	Бильбао	1908–1911	
El Restaurador	Реставратор	Тортоса	1908–1920	
Diario de Galicia	Газета Галисии	Сантьяго-де-Компостела	1908–1932	Газета закрыта после попытки путча генерала Х. Санхурхо
La Independencia	Независимость	Альмерия	1908–1936	В 1936 г., в начале Гражданской войны, владелец и главный редактор газеты были убиты республиканцами
El Principado	Принципат	Хихон	1909–1913	
El Correo de Lérida	Почта Лериды	Лерида (Льейда)	1909–1910, 1913–1923, 1931–1936	
La Defensa	Защита	Жирона	1910–1911	
Cruz y Espada	Крест и шпага	Сьюдадела-де-Менорка	1910–1913	
El Conquistador	Конкистадор	Ориуэла	1910–1914	
El Tradicionalista	Традиционалист	Кастельон-де-ла-Плана	1910–1915	
La Información	Информация	Кадис	1910–1942	Газета стала преемницей издания «La Correspondencia de Cádiz», которое выпускалось в 1875–1910 гг. и придерживалось консервативной ориентации, но не было связано с карлизмом. Некоторое время главным редактором «La Información» являлся Д. Техера, один из авторов «Истории испанского традиционализма»
El Jaimista	Хаймист	Витория (Гастейс)	1911–1914	В 1916 г. в Памплоне недолго время выходил одноименный журнал
El Maestrazgo	Маэстразго	Кастельон-де-ла-Плана	1911–1917	
¡Aurrerá!	Вперед	Бильбао	1911–1924	В начале XX в. существовало три издания с таким названием. Название на баскском языке
Diario de Valencia	Газета Валенсии	Валенсия	1911–1936	В 1930-е гг. газета перешла от карлизма в сторону христианской демократии
El Correo Extremeño	Эстремадурская почта	Касерес	1914	
El Eco de Álava	Эхо Алавы	Витория	1914–1916	

El Jaimista	Хаймист	Памплона	1916	
Tierra Hidalga	Благородная земля	Бургос	1916–1918	Газета молодежной карлистской организации
La Unión	Союз	Севилья	1918–1940	Среди главных редакторов – Д. Техера и М. Феррер, авторы «Истории испанского традиционализма»
Radica	Радика	Памплона	1919–1921	Название в честь Т. Рада, по прозвищу «Радика», героя Третьей Карлистской войны с точки зрения карлистов
El Pensamiento Español	Испанская мысль	Мадрид	1919–1922	Газета основан Х. Вакесом де Мелья, лидером мельистов
La Protesta Ciudadana / La Protesta	Протест	Барселона	1923–1926	Первые номера выходили под названием «La Protesta Ciudadana». Газета, ориентированная на рабочий класс
El Tradicionalista	Традиционалист	Валенсия	1923–1936, 1954	Литературным редактором был политический секретарь дона Хайме маркиз де Вильорес. В 1936 г. последний главный редактор газеты А. Роже стал жертвой красного террора
El Cruzado Español	Испанский крестоносец	Мадрид	1929–1936	
La Campana	Колокол	Мула	1932	
Tradición	Традиция	Сантандер	1933–1935	
A. E. T.	A. E. T. (Agrupación de Estudiantes Tradicionalistas, «Объединение студентов-традиционалистов»)	Памплона	1934	
La Voz de España	Голос Испании	Сан-Себастьян (Доностия)	1936–1980	После Декрета об Объединении 1937 г. перестала быть карлистским изданием. В период франкизма – одна из крупнейших газет Сан-Себастьяна
Boinas Rojas	Красные береты	Бадахос	1937	Газета выпускалась с февраля по май 1937 г. и в этот короткий период стала одним из ведущих карлистских изданий на территории, контролировавшейся франкистами
El Requeté	Рекете	Буэнос-Айрес	1938–1940	
¿Qué pasa?	Как дела?	Мадрид	1941–1981	В первые годы своего существования издание отражало идеологию Национального

				движения с превалированием элементов фалангистского дискурса. С 1964 г. – перешло на позиции правого карлизма
Tiempos críticos	Критические времена		1943–1958, 1968	Антифранкистское карлистское издание, выходившее подпольно, без указания места издания
Por Dios, por la Patria y el Rey	За Бога, Родину и Короля	Памплона	1944–1945	
Guerrilla	Герилья	Тортоса	1946–1948	
Requeté	Рекете	Жирона	1953	
Margaritas: cruzada carlista de la mujer	Маргаритки: карлистский женский крестовый поход	Барселона	1955–1957	Подпольное издание женщин-участниц карлистского движения
Acción Carlista	Карлистское действие	Памплона	1985–1986	

Карлистские периодические издания на каталанском языке

название	перевод названия	город	временной промежуток	примечания
Lo Mestre Titas	Учитель Титас	Барселона	1868–1872, 1888–1890, 1897–1900, 1907, 1910	Название – отсылка к барселонской городской легенде об учителе, который вместе со своими учениками занимался разведением птиц. Еженедельник несколько раз закрывался и затем снова возобновлял работу
Lo Crit de la Patria	Глас Родины	Барселона	1883–1886	Газета перешла на сторону интегрлистов. В 1889 г. Ф. де Паула Ольер, который некоторое время был ее главным редактором, основал антиинтегрлистскую газету «Lo Crit d'Espanya»
Lo Crit d'Espanya	Глас Испании	Барселона	1889–1892	
L'Almogàver	Альмогавер	Лерида (Льейда)	1890–1910	
La Tradició catalana	Каталонская традиция	Олот	1892–1966	Журнал, выпускавшийся в указанный период с большими перерывами. Издание находилось на идеологических позициях между карлизмом и консервативным каталанизмом
El Tradicionalista	Традиционалист	Жирона	1904–1909	
La Bandera	Региональное знамя	Барселона, Берга	1907–1912,	Журнал представлял

Regional			1916–1919	точку зрения умеренных каталонских карлистов. Через четыре года после закрытия издания в Барселоне, в 1916 г., журнал был возрожден в Берге.
Ressó de l'Avior	Голос крови (досл.: «Эхо знатного происхождения»)	Матаро	1908–1909	

Карлистские периодические издания на астурийском языке

название	перевод названия	город	временной промежуток	примечания
Ixixú	Ура (ixixú – традиционный клич деревенских жителей Астурии перед дракой)	Хихон	1901–1902,	Первое печатное издание, выпускавшееся полностью на астурийском языке. Идеологически находилось на позициях, близких к интегризму

Карлистские периодические издания на английском языке

название	перевод названия	город	временной промежуток	примечания
The Westminster Gazette	Вестминстерская газета	Лондон	1872–1876 (?)	Небольшая газета, которую выпускал карлистский комитет в Лондоне. В 1893 г. в Англии появилась одноименная газета либерального направления

Карлистские периодические издания на французском языке

название	перевод названия	город	временной промежуток	примечания
Correspondance d'Espagne	Корреспонденция из Испании	Байонна	1837	Попытка карлистов создать газету за рубежом, которая бы отражала их точку зрения на события в Европе

Многоязычные карлистские периодические издания

название	перевод названия	город	временной промежуток	примечания
El Rayo	Молния	Жирона	1871–1872	Тексты на испанском языке с длинными вставками на латинском
La Voz de la Patria / La Voix de la Patrie	Голос Родины	Байонна	1874–1875	Тексты на испанском и французском языках
El Correo Catalán	Каталонская почта	Барселона	1876–1885	В период франкизма газета была близка к карлооктавизму. С

				начала 1960-х гг. выступала с позиций каталанизма. Тексты на испанском и каталанском языках
El Eco del Milenario	Эхо тысячелетия	Барселона	1880	Газета выпускалась в течение 8 дней весной 1880 г. и заменяла временно закрытую газету «El Correo Catalán». Название связано с праздновавшейся в том году тысячелетней годовщиной со дня основания монастыря Монсеррат
El Noticiero	Хроникер	Барселона	1880	Газета выпускалась в течение 45 дней осенью 1880 г. и заменяла временно закрытую газету «El Correo Catalán»
Lo Bon Católich	Добрый католик	Барселона	1883	Тексты на испанском и каталанском языках
El Tambor	Барабан	Пальма-де-Майорка	1885–1887	Тексты на испанском и на балеарском диалекте каталанского языка
El Pensamiento Gallego / El Pensamiento Galaico / El Pensamiento de Galicia	Галисийская мысль / Мысль Галисии	Сантьяго-де-Компостела	1887–1900	Газета стала продолжением издания галисийских карлистов «El Libredón». С 1888 г. выходила под названием «El Pensamiento Galaico»; с 1898 г. – «El Pensamiento de Galicia». В газете были частями опубликованы два романа галисийского писателя А.Л. Феррейры. Тексты на испанском и галисийском языках
El Fuerista	Фуэрист	Сан-Себастьян (Доностия)	1888–1898	В последние годы существования газета перешла на позиции баскского национализма. Тексты на испанском и баскском языках
La Constancia	Постоянство	Сан-Себастьян (Доностия)	1897–1936	До 1931 г. – интегристский журнал. Тексты на испанском и баскском языках
La	Испанская	Париж	1898	Тексты на испанском,

Correspondencia Española	корреспонденция			французском и немецком языках
La Bandera Blanca	Белый флаг	Жирона	1901	Название – отсылка к традиционному знамени династии Бурбонов. Журнал на испанском языке с отдельными публикациями на каталанском
L'Amic del Poble	Друг народа	Манреса	1905–1909, 1913–1919	Тексты на испанском и каталанском языках
La Reconquista	Реконкиста	Таррагона	1907–1924	Тексты на испанском и каталанском языках. В 1919 г. газета объединялась с изданием «El Radical» из соседнего города Реус. При этом номера выходили под двойным названием
El Radical	Радикал	Реус	1911–1924, 1935–1936	Тексты на испанском и каталанском языках
La Tradición	Традиция	Тортоса	1911–1936	Тексты на испанском и каталанском языках
El Cruzado	Крестоносец	Мондоньедо	1912–1917	Тексты на испанском и галисийском языках
La Trinchera	Траншея	Барселона	1912–1919, 1920, 1923, 1930	Журнал отражал точку зрения наиболее радикальной части каталонских карлистов. Редакция разыгрывала среди подписчиков издания пистолеты. Издание неоднократно закрывалось. Тексты на испанском и каталанском языках
El Crit d'Espanya	Глас Испании	Бадалона	1920–1921	Тексты на испанском и каталанском языках
El Eco de Gerona	Эхо Жироны	Жирона	1923–1928	Тексты на испанском и каталанском языках
Butlletí del Círculo Tradicionalista	Бюллетень традиционалистского кружка	Тарраса	1925–1934	Тексты на испанском и каталанском языках
La Fita	Веха	Ситжес	1926–1931	Тексты на испанском и каталанском языках
Boletín mensual de la Juventud Tradicionalista de Gerona	Ежемесячный бюллетень традиционалистской молодежи Жироны	Жирона	1927–1928	Тексты на испанском и каталанском языках
El Federal	Федералист	Памплона	2013–н.в.	Печатное издание Карлистской партии (левых карлистов). Тексты на испанском, каталанском и баскском языках

La Esperanza	Надежда	https://periodicolaesperanza.com/	2020–н.в.	Официальное новостное интернет-издание Традиционалистского объединения. Тексты на испанском, каталанском и английском языках
--------------	---------	---	-----------	--

Приложение Е. Стикер фанатов футбольного клуба «Леванте», использующий слоган карлистского движения (2025 г.)

Приложение F. Текст песни «Cálzame las alpargatas» (1870-е гг.)

Cálzame las alpargatas,
 Dame la boina, carga el fusil,
 Cálzame las alpargatas,
 Dame la boina, carga el fusil.

Que voy a matar más guiris,
Que voy a matar más guiris,
Que voy a matar más guiris,
Que flores tienen mayo y abril.
Que voy a matar más guiris,
Que flores tienen mayo y abril.

Que yo me voy, que yo me voy,
Que yo me voy a la facción,
A defender la bandera,
De Don Carlos de Borbón.
Que yo me voy, que yo me voy,
Que yo me voy a la facción,
A defender la bandera,
De Don Carlos de Borbón.

Caballero en su caballo,
Tiene Don Carlos, ay que primor,
La boina flotando al viento,
Y entre sus manos lleva una flor.
Es la Reina Margarita,
De Parma la más bonita
Entre las flores bonitas,
Y entre las Reinas es la mejor,
Entre las flores bonitas,
Y entre las Reinas es la mejor.

Que yo me voy, que yo me voy,
Que yo me voy a la facción,

A defender la bandera,
 De Don Carlos de Borbón.
 Que yo me voy, que yo me voy,
 Que yo me voy a la facción,
 A defender la bandera,
 De Don Carlos de Borbón.

Приложение G. Версии текста марша Ориаменди

1. Официальная версия текста «Марша Ориаменди»

Por Dios, por la Patria y el Rey
 Lucharon nuestros padres.
 Por Dios, por la Patria y el Rey
 Lucharemos nosotros también.
 Lucharemos todos juntos
 Todos juntos en unión
 Defendiendo la bandera
 De la Santa Tradición.
 Cueste lo que cueste
 Se ha de conseguir
 Venga el rey de España
 A la corte de Madrid.

2. Версия Марша Ориаменди на баскском языке (XIX в.)

Gora Jainko maite maitea
 Zagun denon jabe.
 Gora Espania ta Euskalerrria
 Ta bidezko errege.
 Maite degu Euskalerrria,

Maite bere Fuero zarrak,
 Asmo ontara jarritz daude
 Beti karlista indarrak.
 Gora Jaingoiko illezkor!
 Gora euskalduna,
 Auto ondo Espaniako
 Errege bera duna!

3. Вариант марша Ориаменди 1912 г. (с упоминанием дона Хайме)

Por Dios, por la Patria y el rey,
 pelearon nuestros padres.
 Por Dios, por la Patria y el rey,
 lucharemos nosotros también.
 Todos juntos a campaña
 marcharemos en unión,
 defendiendo la bandera
 de don Jaime de Borbón.
 Valientes a campaña
 A la voz de nuestro Señor
 Liberemos a la Patria
 Del liberal opresor.

4. Франкистский вариант марша Ориаменди

Por Dios, por la Patria y el Rey
 Lucharon nuestros padres.
 Por Dios, por la Patria y el Rey
 Lucharemos nosotros también.
 Lucharemos todos juntos
 Todos juntos en unión

Defendiendo la bandera
De la Santa Tradición.
Cueste lo que cueste
Se ha de conseguir
Que los boinas rojas
entren en Madrid.

5. Пародийный вариант марша Ориамendi (1930-е гг.)

Por Dios y la pata del Buey
lucharon vuestros padres;
por Dios, por la pata del Buey
lucharéis vosotros también.
Si tu padre se tirara
desde lo alto de un balcón
tú también te tirarías
por seguir la tradición.

Приложение I. Первая страница газеты «El Siglo Futuro» (17 февраля 1936 г.)

EL SIGLO FUTURO

DIOS PATRIA REY

AÑO LXI.—NUML. 18.539.—REDACCION, ADMINISTRACION, TALLERES: GUZMAN EL BUENO, 11

Madrid, lunes 17 de febrero 1936
Apartado de Correos 118

TELEFONOS: DIRECCION Y REDACCION, 46.158
Y 46.157; ADMON., 46.186; PUBLICIDAD, 46.302

Los requetés vitorianos al ser cacheados ayer, cuando prestaban servicio de orden durante las elecciones celebradas. En Madrid, una presidenta de mesa.—En Barcelona fueron tomadas precauciones con motivo de las elecciones.

**Приложение J. Фотография в издании левых карлистов «El Federal»
(2024 год, № 90)**

Приложение К. Пуговица гвардейской пехоты (1841 г.)

